И. И. ОСИНСКИЙ

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В ЛИЦАХ

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
БУРЯТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

И. И. ОСИНСКИЙ

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В ЛИЦАХ

Ответственный редактор
А. Н. Постников
доктор философских наук, профессор

Улан-Удэ
Издательство Бурятского госуниверситета
2018

УДК 1(091)
ББК 87.3,2
О-736

Утверждено к печати
редакционно-издательским отделом
Бурятского госуниверситета

Рецензенты
Ю. А. Серебрякова, доктор философских наук, профессор
В. Д. Дугаров, доктор исторических наук, профессор

Текст печатается в авторской редакции

Осинский И. И.

О-736 **Интеллигенция в лицах** / отв. ред. А. Н. Постников. — Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2018. — 440 с.: ил.
ISBN 978-5-9793-1249-1

В книге сквозь призму общего и единичного рассматриваются проблемы интеллигенции, раскрывается генезис понятия интеллигенции, его характер, содержание. На примере ее отдельных представлений осмысливаются условия, факторы, пути, формы, методы воспроизводства данной социальной группы, ее статус, образ жизни, мировоззрение, ценностные ориентации. Основу анализа составляет личностный подход: характеристика, описание интеллигентного труда. Такой подход позволяет раскрыть богатую палитру многообразной деятельности и жизни интеллигенции.
Для исследователей интеллигенции, ее сущности, социального, духовно-нравственного облика, роли в жизни общества, преподавателей общественных дисциплин, аспирантов и студентов, для всех интересующихся проблемами интеллигенции.

Osinsky I. I.
Intelligentsia through the prism of personalities / resp. ed. A. N. Postnikov. — Ulan-Ude: Buryat State University Publishing Department, 2018. — 440 p.: ill.

The book deals with the problems of the intelligentsia through the prism of the general and the individual. The origin of the concept of intelligentsia, its character, and content are revealed. The conditions, factors, ways, forms, and methods of reproduction of this social group, its status, way of life, worldview, value orientations are comprehended on the example of some its representations. The analysis is based on a personal approach: the description of intellectual occupation. This approach allows us to reveal the rich palette of intelligentsia's diverse activities and life.
It work is intended for researchers of the intelligentsia, its essence, social, spiritual and moral image, role in the life of society; teachers of public disciplines; postgraduates and students; all those who are of interest in the problems of the intelligentsia.

УДК 1(091)
ББК 87.3,2

ISBN 978-5-9793-1249-1

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

О чем эта книга?

В любом современном обществе значительную его часть составляют люди, которые занимаются сложным умственным трудом: учителя, врачи, инженеры, ученые, управленцы, священнослужители и др. Их называют общим термином «интеллигенция». Эти люди концентрируют в себе научную мысль, знания, лучшие человеческие качества. Но это понятие как в науке, так и в повседневном общении трактуется неоднозначно. Полисемантичность данного понятия вызывает неудобства не только в повседневном обычном общении, но особенно в процессе научного исследования, где требуется однозначность в трактовке того или иного слова. Это слово представляет собой понятие, являющееся неотъемлемой частью научного поиска. Понятие — это абстракция, но именно благодаря своему абстрактному характеру оно является важнейшим орудием познания. В нем фокусируются наиболее существенные стороны определенного круга явлений, предметов, что и служит более глубокому научному проникновению в сущность познаваемой реальности. В нашем случае такой реальностью выступает то, что включает в себя содержание понятия «интеллигенция».

Основным направлением исследования в этой части интеллигентоведения является поиск такой трактовки понятия интеллигенции, которая бы наиболее полно выражала сущностные черты данной социальной группы, соответствующие научно обоснованным критериям, позволяло видеть границы, отделяющие данную социальную категорию от других. Несомненно, что это одна из важнейших задач исследователей интеллигенции. Об этом пойдет речь в первой главе нашего исследования.

В то же время знание общего определения интеллигенции, фиксирующего наиболее значимые ее черты, не дает полного представления о данной социальной группе, ее структуре, особенностях, интересах, потребностях и т. д. Эта задача может быть решена лишь в контексте рассмотрения интеллигенции сквозь призму категорий общего и единичного. Единичное — категория, выражающая отграниченность друг от друга объектов с присущими им особенностями, составляющими их неповторимость, уникальность.

При наличии общих черт, характерных для интеллигенции в целом (функциональная занятость сложным умственным трудом и наличие общепризнан-

ных духовно-нравственных качеств), каждый представитель данной группы уникален, неповторим, у каждого своя судьба, свои интересы, потребности, ценности и т. д.

Изучение жизни, деятельности отдельных интеллигентов является, на наш взгляд, необходимым условием получения более полного, разностороннего представления об интеллигенции как особой социальной общности. Хотя и существует поговорка: «за деревьями не увидел леса», но столь же верно и другое: «нельзя увидеть леса и без деревьев». Нельзя не вспомнить в этой связи слова Исаака Ньютона: «При изучении наук примеры полезнее правил» [1].

Надо иметь в виду, что в обыденном сознании понятие интеллигенции, как правило, наполняется конкретным смыслом, связанным с отдельными людьми. «В российском общественном мнении последних лет, — пишет академик РАН В. С. Степин, — в этом качестве (идеала интеллигента. — *И. О.*) пожалуй, больше других признаны только А. Д. Сахаров и Д. С. Лихачев. Но, конечно же, в жизни есть и другие, может быть, не столь масштабные личности с точки зрения их влияния на общественное сознание, которые тоже несут в себе заряд интеллигентного духа. Причем это необязательно великие творцы нового в науке или искусстве. Инновации в культуре имеют широкий спектр проявлений. Поступок как образец, прожитая нравственно жизнь отдельного человека также могут стать феноменами культуры и воздействовать на выбор будущего. В этом отношении обыденное сознание справедливо относят к подлинным интеллигентам тех людей, которые не только образованы и занимаются интеллектуальным трудом, но, прежде всего, реализуют в своей жизни принципы нравственности и доброты» [2].

Наверное, в жизни каждого человека при словах «интеллигенция», «интеллигент» встают в памяти образы добрых, интеллектуально эрудированных, гуманных, порядочных людей, с которыми он работал или работает, встречался, о которых читал, слышал, на которых хотелось быть в чем-то похожим. Это могут быть учителя, ученые, врачи, инженеры, исторические персонажи, герои художественных произведений, фильмов и другие, которые своей деятельностью, своим образом жизни заслужили признание, любовь и уважение людей.

Автору этих строк в процессе своей научной, преподавательской работы приходилось знакомиться с жизнью, деятельностью, взглядами многих мыслителей прошлого, изучать их творчество, участвовать в научных конференциях, посвященных им. Писать о них статьи. Объектами изучения были произведения известных ученых, философов, историков, политологов XIX–XXI вв. Личное знакомство со многими интересными, уважаемыми

учеными, другими специалистами, совместная работа, сотрудничество, знание их научных трудов, участие в общественной жизни позволили пишущему этот очерк напечатать в разные годы о некоторых из них статьи в республиканских газетах, научных сборниках. Эти публикации, как правило, были связаны с юбилейными датами в их жизни. К сожалению, многих, кому посвящались эти статьи, уже нет в живых. Несколько материалов написаны в последние месяцы. По совету коллег, издательства автор после некоторых размышлений решил опубликовать статьи отдельной книгой под названием «Интеллигенция в лицах».

Дополнительным толчком к такому решению послужили две статьи из личного архива, обнаруженные буквально накануне подготовки рукописи книги к изданию. Одна о Т. Е. Карповой, вторая — о Ю. В. Абросимове. Первая была опубликована 16 лет назад в Вестнике БГУ (Сер. История, 2002), вторая — 12 лет назад в республиканской газете «Правда Бурятии» (2006, 19 янв.).

В первой рассказывается о том, как сельская девушка из бедной мещанской семьи, преодолев многие трудности, поступила в пединститут, а после его окончания в 1937 г. была по существу сразу же назначена обкомом партии директором (ректором) того же пединститута. «Вышла я из здания обкома партии, — пишет она в своем дневнике, — и села у памятника в раздумье: «Какая же я директор, вчерашняя студентка? Зав. отделом школ обкома в окно увидел, вышел и повел меня в институт представлять. Ну что же, пошла…». Она руководила пединститутом в самое трудное время — с сентября 1937 г. по октябрь 1939 г. Была свидетелем массовых репрессий представителей интеллигенции. Как могла, защищала их, рискуя собственной жизнью. Потом была работа в трудные военные годы в обкоме партии: подбор на фронт комиссаров, поездки по районам, а после — работа в пединституте заместителем директора по заочному обучению. Татьяна Ефимовна была мужественной, волевой и в то же время доброй, отзывчивой, заботившейся о людях женщиной-руководителем. Подумалось мне: не может быть забыто ее имя.

Не менее интересна судьба уроженца Баргузина Юрия Абросимова, позже студента-историка МГУ. В годы войны он служил авиатором стрелком-мотористом на бомбардировщике авиации дальнего действия. Участвовал в 233 боевых вылетах. Приходилось прыгать с парашютом с горящего самолета. Однажды во время такого прыжка он, получив тяжелые ожоги лица, повреждение позвоночника, попал в плен. Спустя некоторое время — бежал к своим. Пройдя проверку СМЕРШ, продолжал воевать. Потом была учеба в вузе, работа доцентом кафедры философии и научного коммунизма БГПИ. Юрий

Владимирович Абросимов — спортсмен-гимнаст, перворазрядник, был любимцем студентов. Прекрасный лектор, преждевременно ушедший из жизни, оставив о себе добрую память. Я близко знал его многие годы. Мы были с ним друзьями. Очерк о нем я перенес из газеты в эту книгу в надежде, что его жизнь, преданность своей Родине, человечность могут послужить примером для молодежи в выборе своей жизненной стратегии.

Таким же примером может служить подвижнический труд, образ жизни нашего современника, интеллигентнейшего ученого Жана Терентьевича Тощенко, исследователя, зорко всматривающегося в жизнь, силой своего таланта обнаружившего в ней невероятную человеческую парадоксальность, глубокие травмы в общественном сознании и поведении, их фантомность, кентавризм, угрожающие социуму опаснейшие явления теократизма и этнократизма. При этом Жан Терентьевич с присущей ему дотошностью, скрупулезностью обнажил истоки этих явлений, их сущность, природу, лики, воздействие. Его книги серьезно затрагивают интересы, амбиции представителей многих влиятельных сил России. А сколько молодых людей, благодаря Жану Терентьевичу, нашли свое место в науке, да и в жизни. Ему присущи глубокая компетентность, скромность, простота, доброжелательность.

Судьба каждого, о ком написан очерк, достойна того, чтобы о нем знали, чтобы на его жизненном, трудовом, нравственном примере учились представители новых поколений.

Еще раз отметим, материалы книги — это статьи, которые были написаны и опубликованы в разные годы в различных изданиях. Многие из них были переработаны, дополнены новыми данными. Лишь несколько сюжетов было написано заново, дополнительно (например, о Павле Иоанне II, о профессоре Н. А. Козловце).

Разумеется, в любом коллективе трудится много людей, обладающих неповторимым, уникальным трудовым, жизненным, нравственным опытом, который заслуживает того, чтобы о нем знали, его использовали. Автор надеется, что публикаций о людях, их достижениях будет выходить больше. Что касается данной книги, то нам трудно судить, насколько она оказалась востребованной или невостребованной.

Статьи расположились в хронологическом порядке (время рождения, деятельности тех, кому посвящалась статья).

Статьи разные по объему, структуре, стилю. Это во многом зависело от характера издания (газета, журнал, сборник и т. д.), где существуют определенные требования, от времени публикации, объема знаний о человеке и др.

Автор выражает искреннюю признательность ректору Бурятского государственного университета профессору Николаю Ильичу Мошкину за поддержку, помощь в издании этой книги. Особая благодарность доктору философских наук, профессору А. П. Постникову за ценные советы, замечания, высказанные в процессе ознакомления с рукописью книги. Много усилий, профессионализма приложила директор издательства уважаемая Инна Николаевна Татарникова, коллектив издательства, прежде всего З. З. Арданова, Т. А. Олоева, сумевшие издать эту книгу в короткие сроки. Кроме того, в организационно-техническом отношении большая работа была выполнена старшим научным сотрудником Центра сохранения и развития бурятского языка Гэрэлмой Цырен-Доржиевной Буянтуевой, Евгением Владимировичем Добрыниным, за что автор выражает им сердечную признательность.

Глава I

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ. КТО ОНА?

1. К истории разработки понятия «интеллигенция»

Истоки понятия интеллигенции. Как уже отмечалось, термин «интеллигенция» часто употребляемое понятие как в обществоведении, так и в обыденной жизни. Этот термин укоренился, занял прочное место в социальной философии, истории, социологии, социальной психологии, культурологии, других научных дисциплинах. Однако, несмотря на его широкое использование, данное понятие отличается своей полисемантичностью, вытекающей из его этимологии и неоднозначности смыслов, которые оно приобрело в процессе своего развития и применения. Современная мировая социологическая наука, по данным польских социологов, насчитывает свыше 300 определений интеллигенции, не считая тех, которые рождаются «на ходу» в процессе бесед, дискуссий. Конечно, количество определений, получивших признание значительной части специалистов, выражается меньшими числовыми значениями, тем не менее оно достаточно велико.

Необходимость исследования указанного термина, как, впрочем, и любой другой дефиниции, требует прежде всего изучения его содержания и объема. Содержание представляет собой единство всех составных частей, элементов объекта, его свойств, внутренних процессов, связей, противоречий и тенденций. Объем дает количественную характеристику содержания термина. Вместе с тем следует подчеркнуть, что с методологической точки зрения выяснить сущность и смысловое значение данного понятия можно лишь в результате применения принципов развития: анализа его происхождения, становления и эволюции. Необходимо исследовать, что означало это понятие в момент его появления, как менялось представление о его содержании в процессе исторического развития общества, как трактуется оно в настоящее время?

Слово «интеллигенция» имеет давнее происхождение. Судя по материалам исследователей, первооснова возникновения коренится в греческом языке, из которого оно перешло в латинский еще в первом столетии до н. э. По мнению Л. Я. Смолякова, слово *интеллигенция* было введено в латинский язык римским императором и государственным деятелем Цицероном как литературный перевод философского термина “dia-noesis”, кото-

рый восходит к Аристотелю. Последний употреблял его для характеристики особенностей познавательного процесса, направленного человеком не только на объективный мир природы, но и на самого себя (самопознание, саморефлексия). При этом автор подчеркивает, что этимологически (а этимология не безразлична к содержанию понятий) слово «интеллигенция» обозначает: понимание, понимающий, разумный, мыслящий, познание и самопознание — все то, что так или иначе свидетельствует о силе и активности человеческого ума. Вот почему, при всей исторической эволюции термина «интеллигенция», заключает Л. Я. Смоляков, не должна теряться атрибутивная сторона этого понятия, имеющая прямое отношение к выражению сущности интеллигенции [1]. На греческий язык как на первооснову возникновения данного термина указывает и В. Ю. Шмелев, по утверждению которого греческий корень τεοεζ.το, родительный падеж τεοεζ означал конец, окончание, завершение, цель. «Интеллигенция» — возникающее, рождающееся внутри завершенности. В этом, как считает В. Ю. Шмелев, исходное термина, отображающее процесс возникновения и происхождения любого нечто, всего сущего. Завершенность — онтологический, коренной смысл понятия «интеллигенция». Завершенность отдельного сущего веками складывалась в уме человека. Все видимые, чувственные процессы, происходящие в природе, каждодневно показывают это человеку. Поэтому завершенность отдельного нечто, поднятого до всеобщего значения — завершенности мира, и зафиксировано в понятии «интеллигенция». Именно такое понимание и давало основание многим философам говорить об интеллигенции как о сложной необходимости, мировой душе, как о судьбе в субстанции. Следовательно, завершенность как характерная черта, как качественное состояние любого нечто может быть перенесена и на человека.

Интеллигентного человека или интеллигента, исходя из этимологического значения слова, должно определять как человека, имеющего завершенное сознание. Только человеческое сознание объективно способно обнимать и обозревать все, т. е. весь мир в целостности и совершенстве [2].

Таковы, по мнению названных авторов, истоки понятия интеллигенции. Перейдя от греческого языка в латинский (“intelligentia”), оно затем вошло во многие другие европейские языки: итальянский (“intelligenzia”), польский («intelligencia»), французский (“intelligence»), немецкий (“intelligenz), английский (intelligentsia), русский (“интеллигенция”). Все эти слова имеют общий корень, отличаются друг от друга лишь окончаниями. Не случайно зарубежные и отечественные энциклопедии и словари в своей основной массе указывают на латин-

ский источник понятия «интеллигенция».

Версия появления понятия «интеллигенция». Вместе с тем в нашей стране и за рубежом не одно десятилетие ведутся дискуссии о том, когда и в каком из вышеперечисленных языков этот термин появился впервые, какова была его смысловая наполненность в прошлом, что он означает в настоящее время.

Следует отметить, что в научной и публицистической литературе существует несколько версий появления этого понятия. Одни авторы пишут о русском его происхождении, другие — о французском, третьи — о польском…

Версия о русском происхождени. Пожалуй, наиболее широкое распространение получила точка зрения, согласно которой понятие «интеллигенция» русского происхождения, что оно якобы впервые было введено в оборот в 1866 г. русским писателем П. Б. Боборыкиным. Несмотря на то, что в отечественном и зарубежном «интеллигентоведении» были высказаны обоснованные суждения об ошибочности подобных утверждений, в научных и публицистических работах по-прежнему настойчиво повторяется эта версия. При этом не приводится каких-либо новых доказательств, придающих ей убедительность. Например, в опубликованном в 1996 г. учебнике для вузов «Социальная философия» его автор, профессор С. Е. Крапивенский, пишет, что, хотя слово «интеллигенция», по своему корню латинского происхождения (intellgens — понимающий, мыслящий, разумный), но своим рождением в качестве термина оно обязано русскому писателю П. Д. Боборыкину (60-е годы XIX века) и затем из русского языка перешло в другие языки» [3]. А газета «Правда» от 7 августа 1989 г. большое интервью с академиком А. А. Логуновым озаглавила «Интеллигенция — понятие русское». Исследователь творчества П. Д. Боборыкина С. Чупринин во вступительной статье к трехтомному изданию П. Д. Боборыкина, вышедшему в 1993 г., также утверждает, что автор «первым — в романе «Жертва вечерняя» — употребил слово «интеллигенция» в его современном значении» [4].

В этой связи хотелось бы высказать несогласие с исследователями, пишущими о русском происхождении понятия «интеллигенция» и об авторстве П. Д. Боборыкина. В монографии Л. Ч. Смолякова приведены, на наш взгляд, достаточно убедительные аргументы, отрицающие подобные утверждения. Действительно, слово «интеллигенция» вошло в русский язык значительно раньше, чем оно было употреблено П. Д. Боборыкиным. Об этом свидетельствуют не только те факты, которые используются Л. Я. Смоляковым, но и другие материалы, а также исследования за-

рубежных ученых. Так, известный польский исследователь Вацлав Ледницкий считает, что авторство данного понятия, утвердившегося за Бобрыкиным, — заблуждение; этот термин, как пишет ученый, в русской литературе употреблял В. Г. Белинский еще в 1846 г. Он, по утверждению В. Ледницкого, использовался приблизительно в то же время и в Польше. Отрицает утверждение, что первооткрывателем слова «интеллигенция» является П. Д. Боборыкин, и Алан Поллард. Этого же мнения придерживается и крупный американский ученый, профессор Гарвардского университета Ричард Пайпс, являющийся автором ряда многотомных книг по истории России. Р. Пайпс в своем труде «Россия при старом режиме», где специальный раздел посвящается интеллигенции, пишет, что слово «интеллигенция» русский язык «заимствовал из Франции и Германии, где термины «intelligence» и «intelligenz» получили хождение в 1830–1840-е годы для обозначения образованных, «прогрессивных» граждан. В Европе термин вскоре вышел из употребления, в России же, напротив, приобрел популярность во второй половине XIX в. не столько для обозначения образованной элиты, сколько для определения тех, кто выступает от имени немого большинства, — в противоположность наследным правящим кругам (чиновничество, полиция, военные, дворяне, духовенство). В стране, где «общество» не имело выхода на политическую арену, появление описанной группы было неизбежно» [5].

О более раннем, чем в России, употреблении термина «интеллигенция» в Западной Европе свидетельствуют, например, работы К. Маркса. По подсчетам Л. Я. Смолякова, в 1942 г. в ряде статей, известных под общим названием «О сословных комиссиях в Пруссии», К. Маркс более 30 раз использует термины «интеллигенция» и «интеллигентность». В работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», написанной К. Марксом в 1851–1852 гг., говорится, что на стороне Французской буржуазной республики «стояли финансовая аристократия, промышленная буржуазия, армия, организованный в мобильную гвардию люмпен-пролетариат, интеллигенция, попы и сельское население» [6]. Этот термин в ряде своих работ, а также в переписке с А. Бебелем, Э. Бернштейном, В. Засулич, В. Зорге использует Ф. Энгельс.

Нерусское происхождение данного термина подтверждает и специальное исследование этимологии этого слова, предпринятое западногерманским филологом О. В. Миллером.

Что же касается П. Д. Боборыкина, то, действительно, в своих произведениях он обращается к понятию «интеллигенция». Превосходно владея основными европейскими языками, бывая продолжительное время за гра-

ницей, в частности, во Франции, он, может быть чаще, чем другие русские писатели, пользовался этим термином.

Основанием для распространения мнения о боборыкинском авторстве «интеллигенции», очевидно, послужило утверждение самого писателя о том, что он является крестным отцом понятия «интеллигенция», которое было введено в русскую журналистику в 1866 г. [7].

Между тем в энциклопедическом словаре Гранат в статье «Интеллигенция» говорится, что это слово пущено в оборот в одном из романов (подчеркнуто нами. — *И. О.*) Боборыкина [8]. В упоминавшемся предисловии С. Чупринина к собранию сочинений П. Д. Боборыкина называется роман — «Жертва вечерняя», где, как утверждает С. Чупринин, автор первым употребил это слово в современном его значении.

Вместе с тем в первом томе этого собрания сочинений отмечается, что роман «Жертва вечерняя» появился в 1868 г. В этой связи, естественно, возникает вопрос: «Когда же П. Д. Боборыкиным было впервые употреблено слово «интеллигенция»: в 1866 г. или 1868 г.?

Кстати, в романе слово «интеллигенция» («интеллигентный») встречается раз десять, однако в значении качества, признака, свойства, присущего человеку, а не в значении группы людей (или их отдельных представителей), наделенных определенными качествами. Герой романа Степан Николаевич, долго живший в Париже, где приобщался, по его словам, «к великой мысли, к великому знанию, к вековой человечности» и снова собирается за границу лет на десять, говорит: «Я… был глубоко убежден, что для русского сочинителя у меня даже больше запасу интеллигенции и знания, чем следует». В другом месте он заявляет: «Такая работа поможет тебе выяснить свои собственные интеллигентные средства». В подобном значении употребляется этот термин на протяжении всей книги.

Версия французского происхождения. Что касается версии французского происхождения понятия «интеллигенция», то она была выдвинута французским политологом Р. Дебре, который утверждал, что этот термин родился во французском языке. Его авторство приписывается бывшему директору газеты «Орор» Ж. Клемансо (1898), в опубликованном «Манифесте интеллигенции», что не соответствует действительности, так как этот термин, как уже отмечалось, появился значительно раньше, причем, по мнению некоторых исследователей, в самой Франции. Так, на международной научной конференции, посвященной проблемам интеллигенции (Улан-Удэ, сентябрь 1994 г.), профессор Л. Н. Коган в своем докладе, со ссылкой на новые иностранные источники, утверждал, что термин «интеллигенция» появился во Франции

XVIII в., что его употреблял еще Наполеон [9]. Кстати, годы жизни Наполеона — 1769–1821. Здесь же было сказано, что данное слово употребляли Шиллер и Гегель.

Версия о польском происхождении. Активно отстаивается точка зрения о том, что это понятие впервые появилось в Польше. Вслед за уже упоминавшимся В. Ледницким ее настойчиво проводит известный социолог Александр Гелла. Он отмечает, что в русской литературе это понятие, описывавшее группу, отличающуюся от остального общества своим образованием и «прогрессивным» подходом, появилось в 1846 г. В польской же литературе оно впервые было использовано в 1844 г. Королем Либельтом. Гелла писал об этом еще в 1971 г. Позднее он этот вывод дополнил новыми аргументами.

В частности, в 1976 г. Гелла пишет: «Я и сейчас придерживаюсь своего тезиса, что данный термин впервые появился в Польше, исходя при этом и из лингвистических соображений: 1) данное понятие было заимствовано из Латыни, которая оказала несравненно более сильное влияние на поляков, чем на русских; 2) суффикс «cja» в польском языке “intelligencja” ближе к латинскому “intelligentia” чем к русскому “ция”; 3) суффикс “cja” (tsia в английском написании) общераспространен в польском языке, но гораздо реже встречается в русском языке» [10].

Какое же содержание вкладывалось в понятие «интеллигенция»? Может быть, в России оно означало нечто особое, то, чего не было у других народов? Может быть, это специфическое, уникальное русское явление? Следует отметить, что данный термин в русском языке не имел четкого, точного значения. Он употреблялся в разных смыслах. Причем его содержание в процессе развития российского общества не оставалось неизменным. Будучи заимствованным из других языков, где он первоначально использовался для обозначения образованных, «прогрессивных» граждан, в условиях России этот термин употреблялся преимущественно в том же значении, что и на Западе.

Так, в энциклопедическом словаре Гранат, изданном в 1890–1907 гг. говорится, что слово «интеллигенция», имеющее корни во французском языке, несмотря на свою грамматическую неуклюжесть и логическую расплывчатость, прочно укоренилось в нашем словесном обиходе. Понятие «интеллигенция» объединяет собой представителей умственной культуры, людей, профессия которых определяется их знаниями и дарованиями» [с. 59–61]. Подобной точки зрения придерживался и известный русский ученый, автор трехтомной «Истории русской интеллигенции» (1906–1911) Д. Н. Овсянико-Куликовский. «Термин ”интеллигенция”, — говорится в его статье — я беру в самом широком и самом

определенном смысле: интеллигенция — это все образованное общество; в ее состав входят все, кто так или иначе, прямо или косвенно, активно или пассивно принимает участие в умственной жизни страны». Определяя границу, отделяющую интеллигенцию от всей остальной массы населения, Д. Н. Овсянико-Куликовский считал, что, интеллигенция «кончается там, где нет того минимума образования, без которого нельзя быть хотя бы ничтожным участником в умственной жизни страны» [11].

Можно привести трактовку интеллигенции крупным политическим деятелем, историком П. Н. Милюковым, написавшим в 1902 г. свой труд «Из истории русской интеллигенции». Он рассматривал эту социальную группу как особый класс, стоящий вне сословий и занятый профессиональным интеллигентским трудом [12].

В приведенных выше определениях интеллигенция рассматривается как образованные люди, профессионально занятые умственным трудом. Ее появление связывалось с ростом культуры, усложнением общественных задач, с усовершенствованием государственного механизма. Начало процессу образования этой группы в России, по мнению П. Н. Милюкова и ряда других исследователей, было положено Петром I, «впервые собравшим кружок самоучек-интеллигентов, призванных помогать ему при насаждении новой государственности». Во второй половине XIX в., благодаря проводимым реформам, открылся «доступ к массовому наплыву интеллигенции».

Наряду с таким пониманием термина «интеллигенция», получившего широкое распространение в отечественном обществоведении в XIX в., а также в XX в., возникло другое, временами оттеснявшее в общественном сознании то, о котором только что говорилось. Дело в том, что в составе «образованного класса» выделяются люди, акцентирующие свое внимание на социально-нравственных проблемах, занимающиеся напряженным исканием идей. Это, по выражению Д. Н. Овсянико-Куликовского, интеллигенты идеологического типа или интеллигенты-идеологи.

Характеризуя появление этого типа интеллигенции в России в XIX в., Д. Н. Овсянико-Куликовский писал, что «в силу неизбежной дифференциации, уже в 20-х и 30-х годах интеллигенция разделилась на две часта: одна принимала непосредственное и активное участие в создании и разработке идеологии, другая либо стояла в стороне от движения умов, либо вовлекалась в идеологическую деятельность случайно и временно. Без всякого сомнения, уже в 20-х — 40-х годах далеко не вся интеллигенция входила в кружки мыслящих и ищущих людей, каковы были ''архивные юноши'', шеллингианцы 20-х гг. (Веневитинов, кн. В. Ф. Одоевский и др.),

потом, в 30-х гг., кружки Станкевича и Герцена, позже — кружки западников и славянофилов. В этих кружках бился пульс духовной жизни, но за их пределами были и по-своему мыслили интеллигентные люди, не принимавшие активного участия в создании идеологий, но, тем не менее, вносившие свой вклад в умственную жизнь России» [с. 339]. Подобная дифференциация интеллигенции происходила и в последующие годы, о чем свидетельствует появление в интеллигентной среде в 40-х годах «кающихся дворян», в 60-х годах — «разночинцев», в 70-х и 80-х — «народников», в 90-х — марксистов, а в последующие годы — других групп, течений освободительного движения.

Для этих и примыкавших к ним групп интеллигенции были характерными резко выраженная идейная и эмоционально-волевая направленность их деятельности.

В условиях усиления борьбы с царизмом, активизации идеологических исканий, популярность этой категории интеллигенции, условно именуемой интеллигентами-идеологами возрастала. И термин «интеллигенция» все чаше стал использоваться для определена именно этой части интеллигенции. Он служил для обозначения социально активных людей, подчинявших свои интересы общественному благу и отличал их от остальной части образованных людей, которые занимались своей профессиональной деятельностью, накапливали и распространяли духовные блага. «Под интеллигенцией, — писал М. И. Туган-Барановский, — у нас, обычно, понимают не вообще представителей умственного труда (“мыслящий пролетариат”, как отделял разночинную интеллигенцию Писарев), а преимуществе людей определенного морального облика. Интеллигент — это “критически мыслящая личность” в смысле Лаврова — человек, восставший на предрассудки и культурные традиции современного общества, ведущий с ними борьбу во имя идеала всеобщего равенства, счастья. Интеллигент — отщепенец и революционер, враг, рутины и застоя, искатель новой правды» [13]. Не менее категоричны в подобном определении интеллигенции был Г. П. Федотов. “Говоря простым языком, — писал он, — русская интеллигенция “идейна”!' и “беспочвенна”. Это ее исчерпывающее определение» [14].

Уникально ли явление интеллигенция? Подобная трактовка понятия «интеллигенция» послужила основанием для утверждения, что русская интеллигенция это специфическое, уникальное явление, что ей якобы присущи черты, которыми не обладают люди умственного труда других народов. Так, П. Б. Струве в своей статье «Интеллигенция и революция» подчеркивал: «Интеллигенция в русском политическом развитии — есть фактор совершенно особенный: исто-

рическое значение интеллигенции в России определяется ее отношением к государству в ее идее и в ее реальном воплощении» [15]. Особенность эта, по мнению автора, обусловлена прежде всего ее отщепенством, отчуждением от государства и враждебностью ему.

Ряд других авторов, подчеркивая уникальность русской интеллигенции, называли, кроме того, одержимость ее «общими идеями», народолюбие, революционный романтизм, беспочвенность и т. д. При этом интеллигенция, в основу характеристики которой были положены моральные критерии и нравственные ценности, определялась через понятие «критически мыслящие личности», «новые люди», «энергичное меньшинство», «мыслящие реалисты» и т. д.

Широкое распространение в России мнения об особом, русском, содержании понятия интеллигенции нашло отражение в западноевропейской обществоведческой литературе. Здесь в ряде случаев «интеллигенция» рассматривалась как русское слово. Так, во «Всеобщем словаре английского языка» (Лондон, 1932) говорится, что «интеллигенция» — русский термин, обозначающий русских разночинцев XIX в., которые вели активную борьбу против господствующих классов. О русском происхождении слова «интеллигенция» речь идет и во французском «Ляруссе» [16].

Однако изучение этой проблемы показывает, что, несмотря на отличительные особенности формирования русской интеллигенции, ее положение и роль в обществе, эту социальную группу нельзя считать уникальным явлением, сугубо российским феноменом. Как бы мы ни определяли интеллигенцию: как «образованный класс», занятый умственным трудом, или как группу просвещенных людей — идеологов, с присущими им чертами решительной оппозиционности, глубокой идейности, народолюбия — это явление выходит за национальные российские рамки. Подобные образования существовали и в других странах, что позволяет говорить об интеллигенции как об интернациональном, всеобщем явлении.

Так, П. Н. Милюков подчеркивал, что «интеллигенция вовсе не есть явление специфически русское. Ведь и в других странах интеллигенция как отдельная общественная группа возникала, как только рост культуры или усложнение общественных задач вместе с усовершенствованием государственно-общественного механизма и демократизации управления создавали потребность в специализации и профессиональной группировке интеллигентского труда. И эволюция интеллигентского духа в других странах представляет ряд любопытных аналогий с нашей историей» [12]. При этом автор ссылается на опыт Германии, где, по его мнению, «освободи-

тельное движение еще в 20-х годах 19-го столетия делалось учащейся молодежью. “Молодая Германия” состояла из журналистов и литераторов. 48-й год сделан буржуазно-демократическими партиями и профессорской политикой в ожидании Лассаля и Бисмарка с их эпохой политического реализма. Обратимся к французской интеллигенции, там мы встретим параллельные явления... Особенно близко по интеллигентской психике и по самому характеру идеологии к русской интеллигенции стоит английская, позднее сложившаяся, более чуждая сословного и всяческого эгоизма, более непосредственная в своем социальном альтруизме. Типичными представителями ее в настоящее время являются дабианцы. Бывали эпохи, как 40–50-е годы, когда интеллигентский тип становился интернациональным в Европе, будучи объединен в кружках политической эмиграции» [12].

Не менее аргументированно, на наш взгляд, возражает против утверждения об уникальности интеллигенции в России Р. Пайпс. Опираясь на исследования Ф. Тенниса, В. Парето, А. Токвиля, О. Кошена, он пришел к выводу, что интеллигенция — явление интернациональное [5]. Р. Пайпс пишет, что интеллектуальная атмосфера России была крайне схожа с атмосферой, сложившейся в «старорежимной» Франции в канун революции, и кружки «философов» предвосхитили кружки российской интеллигенции. Развивая свою мысль, американский ученый использовал материалы французского историка О. Кошена, обрисовавшего интеллектуальную обстановку, воцарившуюся во Франции в последние десятилетия перед революцией. Там в 60-е и 70-е годы XVIII в. были образованы общественные и культурные кружки с целью проповедования «передовых» идей. Эти кружки, которые Кошен назвал «обществами мысли» (societes de pencee), сложились из масонских лож, академий, сообществ литераторов, а также разнообразных патриотических и культурных клубов. Эти «общества мысли» образовались во Франции, когда там полным ходом шло разрушение традиционных сословных уз. Приобщающемуся к этим кружкам, скрепляемым исключительно приверженностью к некоей общей идее, следовало порвать все связи со своей социальной группой, растворив в ней свою сословную принадлежность. Якобинство явилось естественным результатом этого феномена: во Франции, в противоположность Англии, стремление к переменам исходило не из парламентских институтов, а из литературных и философских клубов.

Эти кружки, как далее пишет Р. Пайпс, в которых исследователь России может увидеть много общего с объединениями русской интеллигенции столетие спустя, свое главное

назначение видели в установлении единомыслия. Единства они добивались не тем, что разделяли общие заботы, а тем, что разделяли общие идеи, которые жестко навязывали своим членам, подвергая яростным нападкам всех, кто мыслил иначе: «Кровавому террору 1893 г. предшествовал «бескровный» террор 1765–1780 гг. в «литературной республике», где Энциклопедия играла роль Комитета общественного спасения, а Д'Аламбер был Робеспьером. Она рубила добрые имена, как тот рубил головы: ее гильотиной была клевета...» [5]. С приведенными суждениями Р. Пайпса трудно не согласиться. Действительно, в России, как и во Франции, были и масонство и кружковщина, выступление «от имени и в интересах народа», принципиальная оппозиционность, одержимость общими идеями, неприятие инакомыслия и т. д. И здесь и там третировались образованные люди, не принадлежавшие к интеллигентам-идеологам. В России их нередко называли «гнилыми», «оторванными от почвы», «изменниками». Вспомним, когда в 80-е годы XIX в. А. П. Чехов и ряд других деятелей России выступили с лозунгом «беспартийности», т. е. свободы от обязательных норм той или иной идеологии, как тут же посыпались в их адрес укоры, обвинения в беспринципности. Или публичные обсуждения, — кто из великих писателей России относится к интеллигентам, а кто к неинтеллигентам.

На интернациональный характер рассматриваемого нами типа так называемых «интеллигентов — идеологов» указывает и Д. Н. Овсянико-Куликовский. «Интеллигенции всех стран, — пишет он, — прошли через этот (имеется в виду идеологический. — *И. О.*) фазис. Тип интеллигента-идеолога был известен повсюду; это общечеловеческий тип, в известные эпохи весьма распространенный. Но в настоящее время в передовых странах Европы он сравнительно редок и большой роли не играет.

Другое дело у нас...

Русская интеллигенция с XVIII в. и до наших дней переживает идеологический фазис [11].

Небезынтересны, думается, мнения и П. Д. Боборыкина, который продолжительное время жил за границей и имел возможность сравнивать российскую интеллигенцию с аналогичным социальным образованием во Франции и Англии. Он пришел к выводу, что российскую интеллигенцию отличает только народность, что же касается ее отношения к правительствам и к созданию политических идей, то здесь российская интеллигенция имеет сходство с западной.

Но в 1909 г., обобщив и систематизировав свои взгляды на интеллигенцию, он определял эту социальную категорию «как высший образованный слой общества, который в России

существует с конца XVIII в. Высший в “смысле высшей умственной и этической культуры”».

Об особенностях русской интеллигенции. Говоря о типичности русской интеллигенции, нельзя вместе с тем отрицать наличие у нее особых черт, отличавших ее от западноевропейского образованного общества. «Интеллигенция», — писал Н. А. Гредескул, — это всегда и всюду “верхний слой” социального духа, его “сливки”, его ’’цвет”. Но в разные эпохи и у разных народов этот “цвет” духа может принимать разные формы, окрашиваться в разные цвета и оттенки». Правда, автор далее пишет, что может быть в России, в известную эпоху, «цвет» ее социального духа получил такую характеристику, что может быть и вправду верно ходячее мнение, что другие страны не знали такой интеллигенции, как русская [17]. На отличительные свойства русской интеллигенции обращал внимание и П. Н. Милюков: «...я впрочем, вовсе не хочу сказать, — оговаривался он, — чтобы русская интеллигенция не представляла никаких специфических особенностей. Напротив, особенности ее бросаются в глаза... Здесь же я хотел лишь предостеречь от преувеличений тех писателей, которые готовы считать все без исключения особенности русской интеллигенции, без дальнейших справок, нашими, чисто русскими чертами» [12]. Впрочем, будет нелишним заметить, что даже «интеллигенты-идеологи», авторы сборника «Вехи» при определении интеллигенции не были едиными в выделении общих черт, присущих российской интеллигенции, отличавших ее от западноевропейской. Разными авторами назывались разные черты. Не случайно И. И. Петрункевич, анализируя содержание статей «Вех», в предисловии к сборнику «Интеллигенция в России» констатировал: «Каждый автор (“Вех”. — *И. О.*) выдвигает одну определенную черту, которую считает наиболее характеризующей русского интеллигента, но эта черта, составляя принадлежность одних, безусловно, отсутствует у других. Иногда черты, отмеченные одним автором, исключают возможность других, отмеченных другим автором. По Булгакову, интеллигенцией возведен в культ героизм, а по Гершензону, — в культ возведена интеллигенцией “жизнь проказливой собаки”. По-видимому, только одна черта признается всеми авторами — безрелигиозность, но определить именно по этой черте, кого разумеют “Вехи” под интеллигенцией, невозможно, потому что безрелигиозность захватывает и такие круги русского общества, которых авторы “Вех” не имели в виду» [18].

Тем не менее при наличии у русской интеллигенции общих сущностных признаков, присущих интеллигенции как определенной общественной группе, независимо от нацио-

нальной и государственной принадлежности, русская интеллигенция, как уже отмечалось, имела свои особенности, которые отличали ее от интеллигенции других народов, которые придавали ее облику черты самобытности, неповторимости, в известной степени уникальности. Сущность же интеллигенции как определенного социального явления, ее природа у всех народов являются едиными; независимо от того, рассматривается интеллигенция в социально-философском, культурологическом или социологическом смыслах.

Говоря о различных трактовках термина «интеллигенция», нельзя не отметить, что несмотря на частое употребление данного термина в социально-философском значении, все же широкое распространение, большее укоренение в общественном сознании получило социологическое понимание этого слова, как образованной части общества, занятой умственным трудом.

Такая трактовка интеллигенции приходилась преимущественно на периоды относительно спокойного, менее конфликтного развития российского общества. Во времена же кризисов, социальных потрясений, резкого обострения классовых противоречий происходила активизация идейно-политических, духовно-нравственных исканий.

В этих условиях понятие «интеллигенция» все больше наполнялось социально-философским, идеологическим звучанием. Интеллигенты-идеологи выступали в роли выразителей народных интересов, они оказывались на гребне волн политических событий. Вполне естественно, что и термин «интеллигенция», обозначая идеологов, отграничивал их, отделял от остальных представителей «образованного класса», не участвовавших или мало участвовавших в бурных идейно-политических событиях страны. Но в народе, как писал В. Распутин, всегда жило другое представление об интеллигенции... Народное чувство связывает интеллигенцию с иными качествами. Как ветвь национального сознания она должна была пойти от Сергия Радонежского, Феофана Затворника, Серафима Саровского, Державина, Карамзина, Пушкина, Хомякова, Киреевских, от Иоанна Кронштадского и оптинских старцев, от ученых Павлова, Менделеева и Ключевского... пришлось бы называть многих. И она, эта ветвь, пошла и подхватилась, существуя негромко, неназойливо, домостроительно и домопитательно — от семьи государства» [19].

Итак, мы видим, что в досоветской России отсутствовала однозначность в понимании интеллигенции. Часть исследователей видела в интеллигенции образованных людей, занятых интеллектуальной деятельностью, другие — прежде всего идеологов, борцов за интересы народа, носителей

высоких духовно-нравственных качеств. Конечно, данное деление подходов к трактовке интеллигенции носит несколько условный характер, так как не учитывает многих нюансов в характеристике интеллигенции различных исследований, но в своей основе дает, на наш взгляд, верное представление о поисках понимания данной социальной группы в дореволюционный период развития России.

2. Современный взгляд на интеллигенцию. Меняется ли он?

Подходы к определению интеллигенции в советское и постсоветское время. Не сформировалось единого подхода к трактовке интеллигенции и в годы советской власти. Продолжительное время в научной и политической литературе преобладал социально-экономический подход к определению интеллигенции. Так, в 1926 г. была опубликована работа С. Я. Вольфсона, которая так и называлась «Интеллигенция как социально-экономическая категория». В ней автор определял интеллигенцию как «межклассовую, промежуточную между пролетариатом и мелкой буржуазией, — группировку, образуемую лицами, существующими путем продажи своей умственной (интеллектуальной) энергии» [20]. В 30–50-е годы в советском обществоведении интеллигенция рассматривалась как социальная прослойка. Она включала в себя всех лиц, занятых умственным трудом. В 1960-е годы получили развитие новые подходы к трактовке интеллигенции. Исследователей не удовлетворяло отнесение к интеллигенции всех лиц, профессионально занимающихся интеллектуальным трудом. Ведь умственный труд бывает очень сложным, требующим для своего выполнения глубоких знаний, многолетней подготовки, а бывает и простым, стереотипным. К тому же надо иметь в виду, что в годы советской власти представители профессий умственного труда обычно писали в графе «социальное положение» — «служащие». Согласно традиции, под служащими понимались все лица, состоящие на службе в государственных предприятиях и учреждениях, а также в аппарате общественных организаций партии, профсоюзов и т. д. и не являющимися рабочими, т.е. лицами физического труда. В этой связи в 1966 г. М. Н. Руткевичем категория работников умственного труда была разделена на две группы: интеллигенция в узком и интеллигенция в широком смысле слова. В 1968 г. им было уточнено понятие *интеллигенция.* «Под интеллигенцией (в узком, непосредственном смысле) в социалистическом обществе мы понимаем, писал автор, социальную группу, слой, состоящий из лиц, профессионально занимающихся высококвалифицированным умственным трудом, требу-

ющим специального среднего или высшего образования» [21]. Оригинальный подход к решению проблемы понятия интеллигенции был найден В. С. Семеновым. Он предложил из общей совокупности работников, именуемых служащими, вычленить лиц, занятых «трудом обслуживания», сохранив за термином интеллигенции только тех, кто занят в подлинном смысле этого слова интеллектуальным трудом [22]. Такой подход был заметным шагом на пути поиска ответа на вопрос: «Что же такое интеллигенция?». Были и другие попытки дать определение интеллигенции. Среди предлагавшихся трактовок наиболее приемлемым и широко использовавшимся оказалось определение М. Н. Руткевича. Он, как и многие другие, исследователи, включая дореволюционных, при определении интеллигенции отталкивался от основополагающего признака, а именно от содержания труда. Труд интеллигенции является умственным. Особенностью труда интеллигенции является то, что в общественном его разделении она связана с умственным трудом. При этом труд, который выполняется интеллигенцией, является высококвалифицированным, требующим специального среднего или высшего образования. Это выделяет интеллигенцию из среды работников, занятых неквалифицированным умственным трудом.

Нравственная сторона в определении интеллигенции вплоть до начала 1980-х годов в советской философской и социологической литературе не рассматривалась, а если и отмечалась, то как несущественный признак. В обществоведческой литературе тех лет в понимании сущности интеллигенции всецело доминировал социологический подход, в рамках которого выделялись различные направления. Авторами двух первых направления были, как уже отмечалось, М. Н. Руткевич и В. С. Семенов. Третья точка зрения характеризовала интеллигенцию как общественную прослойку или слой, состоящий из людей умственного труда. Ее представители Е. А. Амбарцумов и Ц. А. Степанян относили к интеллигенции всех лиц, занятых умственным трудом, не отделяя служащих-специалистов от служащих-неспециалистов [23]. Следующий, четвертый подход, представителями которого являются С. А. Кугель и О. И. Шкаратан, гласил, что интеллигенция является не единым социальным слоем общества, а представляет два особых (24) социальных слоя внутри рабочего класса и крестьянства. По мнению этих авторов, основанием для такого вывода послужило то, что между людьми умственного и физического труда в условиях социализма нет различия по отношению к собственности на средства производства, являющимися основным

классообразующим и социально-дифференцирующим признаком.

Наличие различных подходов, направлений в социологической трактовке интеллигенции — свидетельство активных, творческих поисков в изучении данной социальной группы, определении ее сущности, природы. Эти исследования раздвигали не только представления об интеллигенции, но и о социальной структуре общества в целом. Предлагавшиеся социологические трактовки интеллигенции служили и служат инструментом познания и конструирования многих важных сторон современного социального мира.

Выделение в качестве сущностного признака интеллигенции умственного труда вполне понятно, так как это дает в руки социологов инструмент анализа, исходную научную абстракцию, с помощью которых анализируется место и функции интеллигенции в процессе развития общества. В то же время, по мнению ряда исследователей, прежде всего культурологов, такой подход выглядит узким, ограниченным, хотя бы потому, что процессу интеллектуализации физического труда в материальном производстве соответствует встречный процесс индустриализации, стандартизации, стереотипизации умственного труда в сфере духовного производства [25].

Не случайно в начале 1980-х годов в научной литературе появились соображения о необходимости при определении интеллигенции дополнить социологическую характеристику культурно-личностной. В частности, В. И. Толстых и Л. Я. Смоляков пришли к выводу, что лишь это двуединство дает целостное и нерасчлененное понятие интеллигенции. «По нашему мнению, — пишет Л. Я. Смоляков — фиксация и разработка концепции «двуякости», «двуединства» природы интеллигенции дает ключ к разрешению противоречия между социологическим и этическим подходами к этой проблеме [26].

Обосновывая проблему определения интеллигенции в плане единства социального и культурно-личностного, Л. Я. Смоляков подчеркивал, что необходимо «представить интеллигенцию как социокультурную общность, представители которой (интеллигенты) являются носителями генетически и органически им присущих определенных социально-функциональных и культурно-личностных характеристик в их нерасчлененном единстве». Приведенная точка зрения нашла широкую поддержку в среде исследователей данной социальной группы [27]. В частности, близкую к приведенной трактовке интеллигенции сформулировал Р. Д. Мамедов. Он вполне обоснованно считает неточной, упрощенной, ставшей практически общепризнанной в советском обществоведении концепцию, в соответствии с ко-

торой принадлежность к интеллигенции определяется только содержанием труда и уровнем образования, без учета идейно-нравственных качеств людей (развитого чувства общественного долга, ориентированности на служение интересам народа и т. д.), с которыми в прошлом утраченная впоследствии философско-социологическая традиция связывала понятие интеллигентности. В результате интеллигенция фактически отождествляется со всей массой работников умственного труда [28].

Безусловно, правы исследователи, считающие, что необходим более широкий гуманистический, культурологический подход в понимании сущности интеллигенции, который бы позволил видеть в ней не только особый социальный слой образованных людей, но и духовно ведущую часть народа. Будучи носителем культуры, выполняя функции субъекта духовного производства, представители интеллигенции обладают развитым интеллектом, самосознанием, высокой культурой и нравственностью, то есть они характеризуются наличием общепризнанных социумом культурно-нравственных качеств.

Эта социальная группа включает в себя всю совокупность свойств понятия «интеллигентность». Интеллигентность всегда вмещала в себя такие простые общечеловеческие нормы нравственности, как благородство, великодушие, порядочность, скромность, честность, уважительность, милосердие и другие. Вместе с тем она вбирает в себя и нравственные качества более высокого порядка: гражданственность, служение общечеловеческим идеалам, бескомпромиссность в борьбе за правду, чувство долга перед народом, служение Родине, демократизм мышления, чувство собственного достоинства.

Как справедливо замечает В. С. Семенов, интеллигенция «это не только и столько «спецы» и «образованны», но и одновременно люди, концентрированно выражающие в силу своей творческой умственной деятельности духовные заботы, поиски, боли, страдания, надежды, устремления масс людей, народа, его надежды на лучшее счастливое будущее. Это люди, концентрирующие народную совесть и мораль, народную нравственность и народную веру, выражающие и формулирующие социальные и идейные цели народа, его духовные и нравственные ценности» [28].

Определенный тип мироощущения, нравственности и социального поведения личности, как уже отмечалось, был исходным в традиционном толковании интеллигенции. Служение народу, стремление к справедливости, общественному добру, народному благу воспринимает российская интеллигенция как величайшую нравственную необходимость, свое предназначение. После совершения рево-

люции в России и в других странах духовно-нравственная и культурная сущность интеллигенции была существенно принижена. Образовавшиеся политические режимы стремились сформировать у интеллигенции прежде всего качества, адекватные их потребностям: политическую активность, коммунистическую идейную убежденность, преданность делу социализма, коммунизма и т. п. Многим интеллигентам были присущи такие свойства, как патриотизм, коллективизм, гуманизм, отзывчивость, сочувствие и другие. В постсоветский период ряд духовно-нравственных ценностей подвергся заметной девальвации, произошла актуализация некоторых новых или реанимированных досоветских ценностей. В условиях трансформации российского общества все больше дает о себе знать аксиологическая проблема в различных сферах жизнедеятельности социума.

Все это так или иначе затрагивает духовно-нравственную составляющую определения интеллигенции, понятие интеллигентности, как критерия. Проще говоря, признание интеллигентности (совокупности определенных духовно-нравственных черт) в качестве критерия при определении интеллигенции порождает вопросы: каковы составляющие этого критерия и кто их определяет? Не приведет ли это к неправомерному сужению состава интеллигенции и противопоставлению другим социальным общностям будто бы лишенным этого признака?

Конечно, существуют трудности в поиске ответов на эти вопросы. Но трудности познания того или иного явления или его признаков не значат, что данного явления или его признаков не существует. Эти вопросы служат основанием для исключения из характеристик рядом исследователей интеллигенции ее духовно-нравственную составляющую, что вряд ли является оправданным. Как свидетельствуют исследования в области социологии нравственного развития личности, определение структуры морали, ее компонентов, критериев нравственного развития личности не является чем-то невозможным. «Каждый компонент системы морали, — пишет В. М. Соколов, — имеет свои критерии, показатели развития, которые можно замерить... Критерии нравственного развития позволяют выявить уровни развитости, совершенства (или несовершенства) уже качественно «рассортированных» определенных моральных компонентов... Этические знания разных конкретно-исторических эпох можно сравнивать между собой, определять степень истинности отраженного в них познания природы морали» [29]. Нередко при характеристике духовно-нравственного облика интеллигенции используются понятия «духовная элита общества», «эталон нравственности, духовности», «мозг нации» и другие.

В этой связи возникает вопрос, не слишком ли высокие требования предъявляются к интеллигенции, не льстим ли мы ей, не противопоставляем ли ее рабочим, крестьянам и другим социальным группам?

Нам представляется, что в качестве духовно-нравственного критерия определения интеллигенции могло бы быть обладание ее представителями общепризнанными в обществе духовно-нравственными качествами. К ним относятся гражданственность, духовность, долг, порядочность, совестливость и другие (они уже назывались). Выявление общепризнанных в социуме духовно-нравственных ценностей и меры обладания ими конкретными личностями задача посильная обществоведению.

Использование подобного критерия не приведет к сужению состава интеллигенции и противопоставлению другим социальным общностям, чего опасаются некоторые сторонники социологического подхода.

Ибо в качестве критериев выделяется не что-то непонятное, труднодостижимое, а общепринятые, известные в обществе ценности, даже в условиях его переходного состояния, так как ценности обладают определенной устойчивостью, консерватизмом. Многие из них выступают в качестве таких на протяжении тысячелетий.

В этой связи представляют интерес качества, сформулированные Его Святейшеством Далай-ламой: «Нравственность и сострадание, порядочность и мудрость — вот из чего строится любая цивилизация. Эти качества следует воспитывать в себе с детства, а для их укрепления требуется систематическое нравственное образование в соответствующем социальном окружении» (Его Святейшество Далай-лама. Как быть сострадательным: лучшие тибетские принципы создания мира в душе и счастья в мире / пер. с англ. Г. Г. Ястребова. М.: Эксмо, 2013. С. 130).

Общепризнанные в обществе духовно-нравственные качества или качества интеллигентности присущи не только представителям интеллигенции, но и части рабочих, крестьян, предпринимателей и других социальных групп. При этом, обладая качествами интеллигентности, они не перестают быть рабочими, крестьянами, предпринимателями... Что касается интеллигенции, то наличие у ее представителей данных качеств является обязательным. В противном случае они не могут иметь статуса интеллигентов в подлинном смысле этого слова.

Использование духовно-нравственных критериев позволяет разграничить понятия «интеллигенция» и «интеллектуалы». В первом случае речь идет о социальной сущности человека, во втором о его личностных качествах. «Интеллектуалы (intellectuals), по определению «Боль-

ного толкового социологического словаря» Дэвида Джери и Джулии Джери, — как правило, образованные люди, использующие свой интеллект в работе, которая, по их убеждению, имеет культурное значение» [31]. Интеллектуалы-люди высокой умственной культуры, эрудиты, обладающие чаще всего развитой способностью к генерированию новых знаний.

В западной социологии профессий рассматривают интеллектуалов в основном с позиций функционалистского, интеракционистского, постмодернистского подходов. Там «интеллектуалы — это социальная группа представителей умственного труда, характерная для всех современных индустриальных, постиндустриальных обществ, которые претендуют не на нравственную миссию в обществе, а лишь на монополию экспертного знания, на профессионализм» [32]. Отличительными признаками интеллектуала является культурный капитал — знание, культурно-творческие способности, которые стали предметом купли-продажи, а для их обладателей источником дохода.

В отличие от интеллектуалов интеллигенция — это социальная категория, характеризующая особый функциональный слой людей участников духовного производства, обладающих общепризнанными духовно-нравственными качествами.

Говоря о российской интеллигенции, нельзя не отметить, что по мере трансформации российского общества, все большей его капитализации значительная ее часть постепенно приобретает черты интеллектуалов. Многие исследователи отмечают, что в России совершается переход от интеллигенции к интеллектуализму.

Так, В. Баранников и Л. Матренина пишут: «Интеллектуал утрачивает качество интеллигентности, не претендуя на духовное лидерство, хотя и весьма ценит свои достижения в избранной области деятельности. Он ценит их до такой степени, что возникают новые критерии оценки труда интеллектуала: на смену преданности организации, бескорыстному служению общему делу, поиску истины самой по себе приходит профессионализм, рациональность, мобильность, способность к инновациям, адаптивность. Интеллектуалы достигли значительных успехов в решении конкретных социальных целей — свободы и ответственности личности за свое благополучие, создание элементов социального партнерства, улучшения качества жизни и т. д. Однако эти успехи куплены ценой отказа от идеалов социальной справедливости, от религии и вкуса, и еще от много чего. С помощью новейших технологий интеллектуалы сделали будущее осязаемым и мечты не стало ...» [33].

Обобщенный образ интеллектуала конца XX в. определяет Ж. Т. Тощенко, выделив в нем следующие типичные черты:

- профессионализм высокого класса, престижный стандарт образования, работа в авангардных отраслях производства; развитое чувство собственного достоинства и осознание равенства с собственниками средств производства;

- высокое благосостояние, отказ от следования таким традиционным интеллигентским постулатам, как «бедный, но честный», «нищий, но независимый», и вместе с тем забота о безупречности репутации;

- успешная реализация своих талантов и способностей в выбранной сфере деятельности, умение достигать компромисса и сочетать свои личные интересы с групповыми, корпоративными, общественными;

- рационально взвешенный, лишенный личностной и идеологической окраски подход к решению жизненно важных вопросов; исключение «сентиментальности» и приоритет интересов дела, интересов производства, выполнения взятых на себя обязательств;

- стремление жить по правовым нормам согласно законодательству, а не расплывчатым нравственным критериям (по закону, а не по совести) [34].

Здесь, то есть в характеристике интеллектуала, как отмечает А. В. Соколов, не только нет таких интеллигентских качеств, как идейность, оппозиционность, совестливость, бескорыстность, антимещанский альтруизм, благоговение перед культурой, но прямо названы их антиподы. Получается, что имя «интеллигент» по отношению к интеллектуалу это не просто псевдоним, а антиноним [35]. Сам же А. В. Соколов определяет интеллигенцию как виртуальную группу образованных и творческих людей, руководствующихся не только разумом, но и чувствами совести и стыда, эмоциями сострадания и благоговения перед культурой и природой. А в качестве признаков «интеллигентности» называет: во-первых, образованность; во-вторых, способность к духовному творчеству, или, говоря современным языком, креативность; в-третьих, этическое самоопределение, свойственное виртуальной группе интеллигентов [36].

Приведенное определение интеллигенции и выделенные черты интеллигентности свидетельствуют, что они по своему содержанию действительно во многом не только различны, но антиномичны понятию «интеллектуал» и характеризующим его чертам.

Реалии современной российской действительности таковы, что, как уже отмечалось, черты интеллектуализма все больше проникают в среду интеллигенции. Сегодня значительная часть интеллигенции все зримее приобретает вид профессионалов-интеллектуалов западного типа. Она озабочена только качеством своего труда, размером вознаграждения и весьма равнодушна к проблемам страны. Неоднородность интеллиген-

ции, социальный раскол в ее рядах, идейно-политическая, духовно-нравственная разношерстность вызывают неоднозначность определения ее места и роли в современной науке. Одна группа философов, политологов, социологов считает, что ее уже не существует. Об этом пишут Д. А. Гранин, Б. С. Орлов, Н. Е. Покровский, Р. В. Рывкина и некоторые другие. Так, Р. В. Рывкина со ссылкой на мнение Ю. А. Левады пишет, что интеллигенция как целостный социально-профессиональный слой ушла из социально-классовой структуры российского общества вместе с другими классами и группами советского периода, а работники умственного труда высшей квалификации стали именоваться понятием «бюджетники». К ним сегодня относятся не только высококвалифицированные, но и все другие работники таких сфер, как образование, культура, здравоохранение [37]. Б. С. Орлов утверждает, что в сегодняшней России вообще не осталось интеллигенции, что она продолжает существовать лишь как некий далекий от реальности мифологический феномен [38].

Другая группа исследователей утверждает, что новая интеллигенция пережила трансформацию, приобрела новый статус и качество и стала двигателем социальных перемен в обществе. К ним относятся Т. Гурова, Н. И. Лапин и другие.

Некоторые исследователи пишут, что сегодня и интеллектуал подвергается трансформации, точнее ему на смену в современной культуре приходит новый тип — так называемый культурал. Это новый производитель на рынке интеллектуальной и массмедиальной продукции.

В. В. Савчук пишет: «Если интеллигентность (в советскую эпоху она была субститутом аристократизма (скрытой формой сопротивления господствующей идеологии), так как для того, чтобы стать интеллигентом, им нужно было родиться (вариант закончить два вуза отец и сын) была врожденным качеством, «в крови», а интеллектуал — качество, которое не передается по наследству, — свои идеи должен доказывать, порой кровью (случай П. Дрие ла Рошеля или нашего А. А. Богданова, пошедшего по стопам Ж. Ламетри), то в культуралы «выходит» тот, кто подписывается под чем угодно, лишь бы вызвать интерес у теле- или аудиоаудитории; его конечная цель — массмедиизация, популярность, обретение власти. Обращенность мысли к массовому сознанию, к стратегиям популярных жанров искусств, СМИ рождает новую форму в обществе, сменяющую интеллектуала, все более узкая специализация, которого делает его специалистом. «Культурал» — фигура, которая формируется на наших глазах.

Род деятельности, фигуры речи и способ поведения его вызваны к жизни тем обстоятельством, что современный

интеллектуал, желающий иметь сцену речи и влиять на общественное мнение, не может не использовать масс-медийные стратегии привлечения внимания. Он, как верно заметил С. Л. Фокин, «чего только не делает, чтобы быть при власти» [39]. Далее В. В. Савчук утверждает, что в ситуации обращенности коллективного внимания к артефактам культуры, поставляемым СМИ, он не только успешно конкурирует с интеллектуалом, писателем и куратором, но и заметно теснит их. Классический же интеллектуал, столкнувшись со все более глобализирующейся медиа-действительностью, либо трансформируется в культурала, либо становится специалистом. Культуралы не только присваивают имидж и лексику интеллектуалов, но и достижения актуальных художников, их умение изобретать и реализовывать проекты [40].

Приведенные нами точки зрения, суждения свидетельствуют о происходящих изменениях в составе интеллигенции, об уходе некоторых ее представителей в другие типы представителей интеллектуального труда — это естественный процесс. В то же время автор данной книги далек от мысли об исчезновении, отсутствии в российском обществе интеллигенции. Высказывания о прекращении существования данной социальной группы неоднократно звучали и в прошлом. Но интеллигенция продолжала функционировать и выполнять свои социальные функции. Успешно реализует она их и сегодня. Как подчеркивает академик Н. Н. Моисеев, «интеллигенция плоть от плоти, кровь от крови своего народа. Более того, общий подъем культуры, образования народа, его образ жизни, его стандарты мышления, характер интересов и, самое главное, раскрытие творческого, духовного, нравственного потенциала зависит, прежде всего, от интеллигенции.

Исчезновение интеллигенции или исключение её из духовной жизни общества — трагедия для нации, потому что влечет за собой отход народа от рампы истории в глубь её сцены» [41].

Власти нужны интеллектуалы, обществу — интеллигенция. Да, сегодня правящие круги России, опекаемые ими олигархи, их идейные защитники, тащащие Россию в неолиберальной телеге в западную цивилизацию, должны быть в восторге от такой идеи. Им не нужна интеллигенция как активная духовно-нравственная сила, выражающая национальные интересы народа, трудящихся, просвещающая их, формирующая их программу действий. Им гораздо спокойнее иметь дело с индифферентными интеллектуалами или на худший конец с «социальной группой, занятой профессиональным умственным трудом». Ведь у интеллектуала, равно как у специалиста, нет каких-то особых высоких духовных идей. Убирая из определения интеллигенции её духовно-нравственную составляю-

щую, мы в общественном сознании лишаем представителей рабочих, крестьян, других социальных групп необходимой духовно-нравственной поддержки, опоры, перестаем быть выразителями их страданий, интересов, идеалов, т. е. того, что всегда было святым для российской интеллигенции.

Нередко сторонники социологического подхода в качестве аргумента в защиту данного подхода ссылаются на традиционность. Дескать, в советской социологии в 1950–1960-х гг. было выработано ставшее общепринятым понятие интеллигенции, которое вошло в широкий оборот и не нужно подвергать его пересмотру. Исследователям интеллигенции известно, что понятие интеллигенции утвердилось в разговорной и литературной речи россиян с 1830-х годов и употреблялось оно преимущественно в культурологическом смысле. Так, в 1830-е годы у В. А. Жуковского понятие интеллигенции как справедливо утверждает академик С. О. Шмидт ассоциируется не только с принадлежностью к определенной социокультурной среде и европейской образованностью, но и с нравственным образом мысли и поведением, то есть с «интеллигентностью» в позднейшим смысле этого слова [42].

Как уже отмечалось, определенный тип мироощущения, нравственности и социального поведения личности были исходными в традиционном толковании интеллигенции. Служение народу, стремление к справедливости, общественному добру, народному благу воспринимала российская интеллигенция как величайшую нравственную необходимость, свое предназначение. В таком смысле с некоторыми коррективами оно употреблялось вплоть до 1917 г. И хотя позже понятие интеллигенции стало включать в себя по существу всех, кого называли служащими, всех занятых умственным трудом, тем не менее в общественном сознании, если не всего народа, то его значительной части понятие интеллигенции идентифицировалось с понятием в его традиционном толковании, как о людях высоконравственных. Не случайно, уже в начале 1980-х годов в научной литературе высказывалось соображение о необходимости при определении интеллигенции дополнить социологическую характеристику культурно-личностной.

Позднее в публикациях, посвященных интеллигенции, стало акцентироваться внимание на критериях нравственности и поведенческого характера. Более того, в ряде научных и особенно публицистических работ эти критерии стали рассматриваться в качестве единственных. При этом оставалась в тени, а то и вовсе игнорировалась социологическая сторона определения интеллигенции, с чем мы, естественно, не согласны.

Думается, что поворот к культурно-личностным, нравственным критериям в качестве исходных при определении сущности интеллигенции во многом

является реакцией на отсутствие подлинной духовности, высоких нравственных качеств у части представителей, именующихся интеллигентами и стремлением их как-то отделить от людей, которые выступают примером нравственности, культуры и духовности общества и обладают свойствами истинной интеллигентности. Это, очевидно, и реакция на господствовавшее в прошлом упрощенное понимание интеллигенции как совокупности всех лиц, занятых умственным трудом.

Акцентирование внимания исследователей и специалистов на культурно-личностных, нравственных качествах интеллигенции (но не отрицание при этом социологических черт), на наш взгляд, вполне оправданно, так как страны, приступившие к коренной реконструкции своих общественных систем, испытывают дефицит духовности, атмосферы высокой нравственности, включающей в себя добродетель, порядочность, служение Отечеству, гражданственность и другие качества. Причем, в ходе реконструкции этот дефицит не уменьшается, наоборот, все очевиднее проявляется рост бездуховности, потеря нравственных ориентиров, усиление антигуманизма, девальвация таких величайших общечеловеческих ценностей, как интернационализм, взаимопомощь, внедрение в сознание духа индивидуализма, стяжательства, делячества и других, не возвышающих, а развращающих человека. Поэтому определение интеллигенции с акцентом на её духовно-нравственную, культурную сущность, важно не только с научной, но и с практической стороны, так как позволит видеть в интеллигенции, и прежде всего в её лучшей части, духовно ведущую часть народа, души и совесть нации, служить стимулирующим фактором самосовершенствования интеллигенции [43].

Итак, осуществленный анализ генезиса понятия «интеллигенция» позволил авторам сформулировать следующие положения, характеризующие данную социальную группу: во-первых, интеллигенция — это социальная группа, члены которой функционально заняты сложным умственным трудом; во-вторых, выполнение функций сложного умственного труда предполагает, как правило, наличие среднего специального и высшего образования; в-третьих, интеллигенты это люди, обладающие общепризнанными развитыми культурно-нравственными качествами; в-четвертых, изменения, произошедшие в содержании, характере труда интеллигенции в советский и постсоветский период, не привели к деформации сущностных признаков интеллигенции. На основе вышеизложенного можно, на наш взгляд, определить интеллигенцию как социальную группу, функционально занятую сложным умственным трудом и обладающую общепризнанными развитыми духовно-нравственными качествами [44].

Статья И. И. Осипского с таким названием была опубликована в Вестнике Бурятского университета. Философия, социология, политология, культурология. Серия 5, вып. 1. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 1997. С. 114-12

Литература

1. Смоляков Л. Я. Социалистическая интеллигенция. Социально-философский анализ. Киев: Политиздат Украины, 1986. С. 10.

2. Шмелев В. Ю. Философские основания анализа интеллигенции (мировоззренческо-методический аспект): автореф. канд. дис. Иркутск, 1995. С. 12–13.

3. Крапивенский С. Э. Социальная философия: учебник для гуманит.-соц. специальностей вузов. Изд. 3. Волгоград: Комитет по печати, 1996. С. 131.

4. Боборыкин П. Д. Сочинения: в 3 т. М.: Худож. лит., 1993. Т. 1. С. 16.

5. Pipes Richard. The Russian Revolution. Alfred A. Knopf. Publisher. N. Y., 1991. Перевод М. Д. Тимченка // США. Экономика, политика, идеология. 1993, №6. С. 67.

6. Маркс К., Энгельс Ф. Избр. произв.: в 3 т. Т. 1. С. 429.

7. Боборыкин П. Д. Подгнившие «вехи» // В защиту интеллигенции: сб. ст. СПб., 1909. С. 129.

8. Энциклопедический словарь русского библиографического института Гранат. Т. 22. 1890–1907 гг. С. 59–61.

9. Найдаков В. Ц. О сущности и истории интеллигенции // Национальная интеллигенция, духовенство и проблемы социального, национального возрождения народов Республики Бурятия. Улан-Удэ, 1995. С. 10.

10. Gella Aleksander. An introduction to the Sociology of the intelligentsia / The intelligentsia and the intellectuals; Theory, Method, and Case Study. Edited by Aleksander Gella, SAGE Publications, Beverly Hills, California, 1976.

11. Овсянико-Куликовский Д. Н. Психология русской интеллигенции // Вехи. Интеллигенция в России. 1909–1910. М., 1991. С. 381, 384.

12. Милюков П.Н. Интеллигенция и историческая традиция // Вехи. Интеллигенция в России. 1909– 1910. М., 1991. С. 297.

13. Туган-Барановский М. И. Интеллигенция и социализм // Вехи. Интеллигенция в России. 1909– 1910. М., 1991. С. 430–431.

14. Колесников А. Интеллигенция без Живаго // Диалог. 1991. №12. С. 21.

15. Струве П. Б. Интеллигенция и революция // Вехи. Интеллигенция в России. 1909–1910. М., 1991. С. 139.

16. Petit Larousse. Paris, 1964. С. 557.

17. Гредескул Н. А. Перелом русской интеллигенции и его действительный смысл // Вехи. Интеллигенция в России. 1909– 1910. М., 1991. С. 233.

18. Петрункевич И.И. Интеллигенция и «Вехи» (вместо предисловия) // Вехи. Интеллигенция в России. С. 215.

19. Распутин В. Интеллигенция и патриотизм. М., 1991. № 2. С. 12.

20. Вольфсон С. Я. Интеллигенция как социально-экономическая категория. М.; Л., 1926. С. 9.

21. Руткевич М. Н. Интеллигенция как социальная группа и ее сближение с рабочим классом // Классы, социальные слои и группы в СССР. М., 1968. С. 136–137.

22. Семенов В. С. Об изменении интеллигенции и служащих в процессе строительства коммунизма // Социология в СССР. М., 1966. Т. 1. С. 417–418.

23. Амбарцумов Е.А. Интеллигенция // Философская энциклопедия. М., 1962. Т. 2. С. 285, Он же. Интеллигенция // Советская историческая энциклопедия. М., 1965. Т. 6. С. 111; Степанян Ц. А. Закономерности формирования советской интеллигенции и основные этапы ее развития на пути к коммунизму // Характерные теоретические проблемы формирования и развития советской интеллигенции на пути к коммунизму: материалы к всесоюз. науч. конф. М., 1979. С. 7.

24. Кугель С. А. Закономерности изменения социальной структуры общества при переходе к коммунизму. М., 1963. С. 42–43; Шкаратан О. И. Изменения в рабочем классе при переходе к коммунизму // Рабочий класс — ведущая сила строительства коммунизма. М., 1965. С. 12–13.

25. Смоляков Л. Я. Указ. соч. С. 53. О формировании социальной однородности: развитие социальной структуры современного общества: материалы всесоюз. науч. конф. (Таллин, 21–23 окт. 1981 г.). М., 1981. С. 162–165; Смоляков В. Я. Социалистическая интеллигенция. Киев, 1986. С. 52.

26. Толстых В. И. Об интеллигенции и интеллигентности // Вопросы философии. М., 1982. № 10. С. 83–98; Смоляков Л. Я. Социалистическая интеллигенция. Киев, 1986. С. 27.

27. Смоляков Л. Я. Указ. Соч. С. 55.

28. Мамедов Р. Д. Интеллигенция как социальная общность, ее жизнедеятельность и роль в современном мире: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М., 1993. С. 11.

29. Семенов В. С. Трагико-диалектические испытания интеллигенции: самообольщение-разочарование-размежевание-возращение к своему предназначению // Интеллигенция: проблемы гуманизма, народа, власти: материалы к междунар. науч. конф. М.; Улан-Удэ, 1991. С. 2.

30. Соколов В. М. Социология нравственного развития личности. М., 1986. С. 15.

31. Большой толковый социологический словарь. COLLINS. Дэвид Джери. Джулия Джери. Т. 1. Русско-английский, англо-русский. М., 1999. С. 250.

32. Учебный социологический словарь с английскими и испанскими эквивалентами / под ред. С. А. Кравченко. М., 2001. С. 147.

33. Баранников В., Матренина Л. От интеллигенции к идеализму // Жизненные стили и социальные практики интеллигенции. М., 2002. С. 100.

34. Соколов А. В. Поколения русской интеллигенции. СПб., 2009. С. 46.

35. Там же. С. 46.

36. Там же. С. 51.

37. Рывкина Р. В. Интеллигенция в постсоветской России — исчерпание социальной роли // Социологические исследования. 2006. № 6. С. 138–146; Левада Ю. А. Интеллигенция // Опыт словаря нового мышления. М., 1989. С. 130.

38. Орлов Б. С. Интеллигенция как мифологический феномен. Историко-социологический анализ // Социологические исследования. 2001. № 11.

39. Савчук В. В. Интеллигент, интеллектуал, культурал // Интеллигенция и идеалы российского общества: сб. статей / РГГУ. Социологический факультет / под общ. ред. Ж. Т. Тощенко. М.: Изд-во РГГУ, 2010. С. 575; Фокин С. Л. Жизнь без истории // Серия и деньги: крушение политики. СПб.: Наука, 2001. С. 137–138.

40. Савчук. Указ. соч. С. 577.

41. Моисеев Н. Н. Государство, народ, интеллигенция // Судьбы российской интеллигенции: сб. статей. СПб., 1999. С. 44.

42. Шмидт С. О. Этапы «биографии слова «интеллигенция» // Судьба российской интеллигенции: сб. статей. СПб., 1996. С. 71.

43. Осинский И. И., Добрынина М. И. Интеллигенция и нравственность // Интеллигенция и нравственность: материалы междунар. науч. конф. (30 июня — 1 июля 2005 г.): в 2 т. М.; Улан-Удэ, 2005. Т. 1. С. 7–14.

44. Осинский И. И. Интеллигенция: национальные и региональные проблемы // Интеллигенция в современном обществе: национальный и региональный аспекты: материалы междунар. науч. конф. Улан-Удэ, 1997. Ч. 1. С. 3.

Глава II

ОТ ДРЕВНОСТИ ДО XIX ВЕКА

КОНФУЦИЙ И КОНФУЦИАНСТВО

Жизнь и деятельность. В августе 2004 г. исполнилось 2555 лет со дня рождения Конфуция, виднейшего философа Древнего Китая, имя которого золотыми буквами вписано в историю мировой культуры. Он является одним из самых влиятельных людей в истории человечества. Конфуций считается великим первоучителем всех китайцев. Родился Конфуций (латинизированная форма кит. Кун фуцзы — учитель «Кун») в 551 г. до н. э. в царстве Лу, одном из крупных и наиболее развитых в культурном отношении в тогдашнем раздробленном Китае. Он происходил из родовитой, но обедневшей семьи, генеалогически восходившей к свергнутой в 11 в. до н.э. династии Инь Кун — фамилия рода, звали же Конфуция Цю, что в переводе означает «холм». Его отец Шу Лян-хэ умер, когда мальчику исполнилось три года. После смерти отца он вместе с матерью Янь Чжэнцзай переехал в столицу царства Лу — город Цюйфу. Когда ему было семь лет, мать отдала учиться в школу. Стремление к знаниям стало главным смыслом всей жизни Конфуция. Он в детстве проявлял большой интерес к народным обычаям, церемониям и обрядам, с уважением относился к старинным книгам.

Когда Конфуцию было 17 лет, умерла его мать. В 19 лет он женился, и через год в его семье родился сын. По случаю этого радостного события правитель Чжан-гун поздравил Конфуция, послав ему со слугой живого карпа. В знак признательности за оказанную правителем честь счастливый отец дал новорожденному имя Ли, что означало «карп».

Конфуций был беден, и для того чтобы свести концы с концами, работал сразу в нескольких местах — в том числе управляющим зернохрани-

лица и смотрителем зверинца священных животных. В свободное время изучал историю, музыку и богослужение и быстро приобрел репутацию самого образованного человека в Лу. Однако на государственной службе он находился недолго. Его высокие нравственные качества не вписывались в реалии практической жизни. В возрасте 22 лет он становится учителем. В те времена люди, не получившие работу в избранной ими сфере деятельности, часто становились учителями. Государство Лу гордилось школами, учившими будущих придворных дворцовому этикету и ритуалам. В отличие от существовавших школ, в организованной Конфуцием школе учили тому, как надо править. Его педагогическая доктрина строилась на эгалитарно-демократическом принципе равных возможностей — «обучение вне зависимости от рода обучаемого» — и предполагала минимальную плату — «связку сушеного мяса». Школа Конфуция походила на школы, созданные впоследствии древнегреческими философами. В ней поддерживалась неформальная атмосфера. Учитель беседовал с учениками, сидя под сенью деревьев.

В то же время его не покидала мысль претворения своих социально-политических взглядов на практике. В 501 г. до н.э. он назначается управляющим уездом Чжунду в царстве Лу, позже — сяо-сыкуном и, наконец, — да-сыкоу. Да-сыкоу — это один из высших чиновничьих постов в аппарате центральной власти государства Лу. Конфуций стал ближайшим политическим советником луского царя. Согласно историческим данным, его административно-управленческая деятельность была весьма успешной. Было приведено в порядок земледелие, введены севообороты, отобраны у богачей земли, которые они использовали для семейных кладбищ, конфисковано имущество, добытое нечестным путём. Однако вскоре появились и недовольные его политикой. В конце концов было решено, что уже достаточно. Кто-то предложил избавиться от Конфуция, подкупить высшее должностное лицо восемью хорошенькими девушками. Замысел удался.

В признание заслуг Конфуций был назначен на ещё более престижный пост с очень впечатляющим титулом с жалованьем. Но он быстро разобрался в том, что это просто синекура без всякой власти. И с отвращением ушел в отставку. В 497 г. до н. э. он покинул свою родину и отправился со своими ближайшими учениками в другие царства Китая. Основной целью его путешествия был поиск работы. В течение тринадцати лет Конфуций внушал правителям свои идеи, но все попытки получить постоянную работу не шли дальше собеседования.

В 484 г. до н. э. Конфуций возвращается на родину. Последние годы он провел за чтением, редактированием и написанием комментариев к ки-

тайской классике, к ряду трудов, датирующихся тем временем, когда Китай вошел в античность. Кроме того, занимался преподавательской деятельностью. Число его учеников составляет более 3 тысяч. Авторитет Конфуция был очень высоким. В Лу его называли го-лао («почетный старец государства»). Подобного титула не имел никто. Он пользовался всеобщим уважением. Вместе с тем чрезмерная перегрузка не могла не сказаться на его здоровье, хотя он мужественно боролся с недугом.

В год своего семидесятилетия, осмысливая в беседе с учениками пройденный путь, Конфуций выделил в нем шесть периодов: «В пятнадцать лет я обратил свои помыслы к учебе. В тридцать лет встал на ноги. В сорок освободился от сомнений. В пятьдесят познал волю Неба. В шестьдесят научился отличать правду от неправды. В семьдесят стал следовать желаниям сердца и не переступал меры» [1]. Для многих последователей Конфуция эти периоды стали символами становления личности.

В год семидесятилетия Конфуция скончался его единственный сын — пятидесятилетний Кун Ли. Отец тяжело переживал его кончину. Последующие годы были отмечены смертью его любимых учеников.

Свалившиеся беды ускорили смерть Конфуция. Пролежав у себя дома в постели, не вставая семь дней, он скончался в день цзи-чоу четвертой луны на 73-м году жизни, в 479 г. до н. э.

Последними словами его были: «Большая гора должна разрушиться, крепкая балка сгореть, мудрый человек должен завянуть подобно растению» [2].

Конфуция похоронили на берегу реки Сышуй к северу от столицы. Хоронил весь город. Могила Конфуция стала местом паломничества. Идеи и деятельность Конфуция нашли свое отражение и развитие в философской и идеологической системе, получившей название конфуцианство. Это учение и сегодня имеет миллионы почитателей не только в Китае, но и во многих других странах мира.

Как свидетельствуют исследования специалистов, текстов, принадлежащих Конфуцию, не сохранилось. Он, как Пифагор и Сократ, не оставил письменного изложения своего учения. Зато сохранились в его редакции, комментариях многие письменные памятники прошлого, в том числе такие, как историко-дидактические и художественные произведения «Книга исторических преданий» («Шу цзин») и «Книга песен» («Ши цзин»). Творцами культуры Конфуций считал «святых-совершенномудрых» (шэн) правителей полуреальной, полумифологической «древности» (гу), что позволило ему трактовать «культурность» (вэнь) и правильное общественное устройство как две стороны одной медали — разные проявления

единого «Пути» (дао) человека. В условиях как торжества, так и неосуществленности в Поднебесной этот «Путь» поддерживается учеными-интеллектуалами (в идеале — чиновниками), чье наименование - «жу» — стало обозначением конфуцианцев. При династии Хань во 2 в. до н. э. подобный подход к культуре был высоко оценен государственной властью, конфуцианство получило статус официальной идеологии, а Конфуций — титулатуру, приравнивавшую его к «совершенномудрым» правителям древности («су ван») — «некоронованный царь» или «подлинный властелин» [3]. Традиция приписывает Конфуцию комментирующую часть к основному корпусу «Чжоуи» — («Чжоуских перемен») — «И цзину» («Канону перемен»), а также составление летописи царства Лу «Чинь цю» («Весны и осени»). Собственные взгляды Конфуция были изложены в составленном в 4–5 вв. до н. э. и обретшим совершенную форму на рубеже нашей эры сборнике сентенций, диалогов, исторических описаний и бытовых сцен «Лунь юй» («Суждения и беседы»). Этот исторический памятник содержит высказывания на разные темы самого Конфуция, его учеников и последователей. Можно утверждать, что это главный источник конфуцианского учения.

О природе человека. Конфуций жил в период напряженной политической борьбы между различными китайскими царствами и беспорядков внутри самих этих царств. Поэтому вопросы о политической нестабильности, методах управления государством, достижения богатства и могущества были самыми актуальными проблемами. Они нашли свое отражение в творчестве Конфуция. Вполне естественно, что конфуцианство — это, прежде всего, этико-политическое учение, в котором центральное место занимают вопросы нравственной природы человека, его этики и морали, жизни семьи, управления государством. Конфуций мало интересуется философией природы и философией религии. В его творчестве центральное место занимает человек и его взаимоотношение с обществом. Подчеркивая значимость человека в своем учении, Конфуций сопоставляет его с Дао. Его интересует природа человека, его характер, стремления, поведение. При этом Конфуций рассматривает человека не как что-то неизменное, независимое от социально-экономического развития общества. Появление частной собственности на землю, развитие частных ремесел оказали глубокое влияние на человека, его поведение, систему ценностей. Будучи приверженным идеалам прошлого (впрочем, это черта древнекитайского исторического мировоззрения), Конфуций негативно оценивает произошедшие изменения. «В древности, — говорит он, — в народе было три болезни (не-

достатка), ныне, пожалуй, таких и нет (но есть похуже). Древние взбалмошные (были) своевольны, ныне взбалмошные — наглы; в древности важничавшие были необщительны, ныне важничающие — жестоки и гневны; древние глупцы были прямы, нынешние глупцы лживы и только» [4].

Согласно Конфуцию в прошлом на мелочи не обращали внимания, вели себя достойно; отличались прямотой; учились, чтобы совершенствовать себя, избегали людей с грубыми выражениями и некрасивыми манерами; избегали общества, где нет порядка.

Теперь же «людей, понимающих мораль, мало», принципам долга не следуют, недоброе не исправляют, учатся ради известности, а не ради самосовершенствования, занимаются обманом, срывают свой гнев на других, устраивают ссоры, не умеют исправлять свои ошибки и т. д.

Рассматривая проблему природы человека, Конфуций считал, что главным в природе человека является стремление к богатству и знатности. «Богатство и знатность, — говорил он, — составляют предмет человеческих желаний…» [5]. В то же время философ полагал, что в такой же мере человеку присущи отвращение к бедности и низкому положению. «Бедность и низкое положение служат для человека предметом отвращения» [6]. Судя по высказываниям Конфуция, он хотел, чтобы народ был богатым. Так, во время его поездки в Вэй, в сопровождении ученика Жань Ю, на вопрос последнего, что надо сделать для народа, которого здесь так много, Конфуций ответил: «Надо сделать его богатым» [7]. Вместе с тем следует отметить, что достижение богатства для Конфуция не являлось самоцелью. О чем свидетельствует его ответ на следующий вопрос Жань Ю: «А когда народ разбогатеет, то что еще можно бы сделать для него?». «Научить его», — ответил философ.

Думается, что прав Л. С. Переломов, утверждающий, что в конфуцианских суждениях о природных качествах людей содержится мысль, что люди могут осуществить свои стремления и даже избавиться от ненавистных состояний, если будут неуклонно следовать «установленному для них Дао-Пути» [8]. Понятие «Дао» у Конфуция означало всю его систему идей, принципов, методов, с помощью которых их автор собирался направить человека на путь истины, управлять им. Л. С. Переломов высказывает предположение, что Конфуций, видимо, не верил в способность каждого овладеть его Дао, хотя и не исключал такой возможности, поэтому он рассматривает человека в трех измерениях, подразделяя соответственно людей на три категории, обозначаемые терминами цзюнь-цзы, жэнь и сяожэнь. Понятие цзюнь-цзы («благородный человек») занимает одно из центральных мест в учении Конфуция.

Оно означает идеального человека, пример для подражания представителями двух других категорий. Термин жэнь («человек») использовался для обозначения как человека вообще, так и обычных людей.

Сяо-жэнь (дословно «маленький человек») иногда переводится как «низкий человек». Хотя данный термин далеко не однозначный, несущий в себе как этическую, так и социальную нагрузку [9].

Модель идеальной личности. Рассматривая взгляды Конфуция о человеке, можно утверждать, что особенно большое значение имело создание модели идеальной ЛИЧНОСТИ, оказавшей огромное воздействие на формирование национального характера и духовной жизни народов не только Китая, но и других стран — Японии, Кореи и Вьетнама. Что же представляла собой эта модель? Для ее понимания важно выяснить содержание понятий жэнь, вэнь, хэ и дэ, используемых Конфуцием при характеристике цзюнь-цзы («благородного человека»). Следует подчеркнуть, что понятие жэнь имеет особое значение в конфуцианстве. Несмотря на многочисленные оттенки в трактовке жэнь, его синтезирующий смысл выражен в слове «человеколюбие» («гуманность»). Китайский иероглиф жэнь состоит из двух элементов: «человек» и «два». Человек + два = человек для человечества. Как свидетельствует «Лунь юй», когда спросили Конфуция, что означает жэнь, философ ответил: «Он означает любовь к окружающим человеческим существам». Позже Конфуций развил эту идею: «Есть пять вещей, которые каждый должен включить в исполнение жэнь: почтительность, терпимость, надежность, сообразительное усердие и великодушие». Исследователи конфуцианства отмечают и другие требования, которые, согласно учению Конфуция, должны быть присущи носителю жэнь. Это искренность, честность, осторожность, преданность государственным делам и т. п. В конструируемой модели «благородного человека» важное место занимает владение духовной культурой предков (вэнь), а также самостоятельность мышления, активность, умение решать проблемы, исходя из признания за противной стороной права на собственное мнение (хэ). Не менее значимым является требование дэ — добродетели (Пол Стретерн) [10]. По мнению А. С. Мартынова, данное понятие означает достижение благой силы путем внутреннего совершенствования [11]. Об этом свидетельствуют слова Конфуция: «Направь свою волю на достижение правильного пути, придерживайся (принципов) морали, поступай в соответствии с человеколюбием, упражняйся в искусствах» [12]. Выдвинутая Конфуцием модель личности не являлась самоцелью, это была ступень к созданию гармоничного общества. В мире первобытной дико-

сти, непрекращающейся кровопролитной междоусобной борьбы без мощного гуманистического элемента человеческая цивилизация вряд ли могла бы сформироваться. Не случайно влияние идей Конфуция на Востоке сравнивается с воздействием учения Христа на Западе. Без конфуцианских, так же как без христианских идей гуманности трудно было бы народам реализовать свой человеческий потенциал.

Идеальное общество, его принципы. Образование. Связь с природой. Проблему гуманности, самосовершенствования человека Конфуций связывает с жизнедеятельностью общества, созданием идеального общественного порядка. Последний для Конфуция является выражением дао в Поднебесной. Создание идеального общества подразумевает реализацию взаимосвязанных этических принципов: сыновней почтительности и братской любви (сяо ти), верности и взаимности (чжун шу), гуманности (жэнь), долга, справедливости (и), мудрости (чжи), мужества (юн). Особое значение философ придает такому этическому принципу, как сыновняя почтительность и братская любовь, которые рассматривались им как основа человеколюбия, корень гуманности. Именно эти принципы внутри семейных отношений, как полагал Конфуций, должны быть перенесены на все китайское общество. В образцовой семье Конфуций видел основной природный элемент общества, идеальную модель социального порядка.

Одновременно при характеристике китайского общества Конфуций большое внимание уделяет проблеме знания. При всей полисемантичности термина «знание», он употреблялся философом преимущественно в значении постижения знания истории своей страны, совершенствования человека. Конфуций считал, что каждый человек должен стремиться к знаниям. Он определял четыре уровня знания: «Высшее знание — это врожденное знание. Ниже — знания, приобретенные учением. Еще ниже — знания, приобретенные в итоге одоления трудностей. Наиболее ничтожен тот, кто не желает извлекать полученные уроки из трудностей» [13].

Конфуций утверждал, что правители должны заботиться о просвещении народа, для чего следует расширять сеть школ и других учебно-воспитательных заведений. Он выступал против дискриминации в обучении и воспитании и создал первую в Китае частную школу, в которую могли поступать все люди независимо от их социального положения.

Под образованием как общественным явлением Конфуций понимал единство двух процессов: воспитания и обучения. При этом воспитательная сторона у него превалирует, так как основная цель образования — духов-

ный рост личности, ее совершенствование до идеала благородного человека.

Разрабатывая проблемы общества, Конфуций обращается к вопросу взаимоотношения общества с природой. В Китае в древности человека считали частью природы. Конфуций предлагает своим современникам руководствоваться во взаимоотношениях общества и природы определенными им положениями, принципами, к которым, по мнению Л. С. Переломова, относятся: постоянное углубление знаний членами общества о природе: только Природа способна дать человеку, а следовательно, и обществу жизненную силу и вдохновение; бережное отношение как к животному миру, так и к природным ресурсам; регулярное благодарение Природы [14].

Государственное устройство. Личность правителя. Важное место во взглядах Конфуция занимают вопросы государственного устройства, механизмов государства, личности правителя, взаимоотношения между управляющими и управляемыми, роли бюрократии в процессе управления, места общины в системе государственного устройства, авторитета властей. Мысли Конфуция о возможности их решения собственно и составили своего рода теорию организации и управления обществом. Особенность социальной жизни Китая того (да и последующего) времени — общинная организация жизни, будь то родовая община или феодальная. Это во многом и определило характер взглядов мыслителя. Согласно конфуцианскому учению, в онтологической картине мира изначально присутствует принцип социальной иерархии и государственной организации. Вместе с тем эта последняя органически согласуется с законами Вселенной: «То, что дано Небом, называется Природой. Согласное с Природой называется Путем. Упорядочение пути называется Учением» [15]. Учение Конфуция и было систематизацией элементов и уложений восточно-китайской патриархально-государственной культуры сообразно природному, как философ полагал, порядку. Таким образом, конфуцианство выработало концепцию государства и общества как непосредственного продолжения упорядоченного космоса. Онтолого-космологическая интерпретация общественно-государственного устройства способствовала усилению методов воздействия социального управления.

Конфуций придавал большое значение роли государства, которое необходимо, по его мнению, для справедливого и достойного существования людей, разделенных на правителей, чиновников и подданных. Во главе государства должны стоять мудрые люди, а самые знаменитые и лучшие правители — совершенно мудрые, которые от рождения несут в себе знание, дарованное небом, и передают людям. Конфуций был сто-

ронником авторитарной власти. В то же время он был противником излишней абсолютизации царской власти. Ограничителем власти правителя выступала конфуцианская концепция Неба, согласно которой Небо выступает в качестве высшей силы, воздействующей на судьбы жителей Поднебесной, включая правителя. В различных явлениях природы, согласно Конфуцию, можно было «читать» волю Неба. Это давало возможность различным аристократическим группировкам в случае необходимости использовать данную концепцию против правителя. Не случайно она была взята на вооружение наследственной аристократией, сановниками, и в последующем неоднократно использовалась против неугодных им правителей.

В системе конфуцианской концепции управления государством и обществом важное место занимала категория ли. Известно, что в древнейших памятниках «Шу цзин» и «Ши цзин» категория ли обозначала обряды, позволяющие преодолевать политические, социальные конфликты и отражающие единство мира, а также храмовые, дворцовые ритуалы, нормы поведения сановников по отношению к народу.

Конфуций, теоретически осмыслив предшествующее ему толкование понятия ли, превратил его в самую общую культурологическую характеристику правильного, гуманного общественного устройства общества и поведения человека по отношению к другим и к себе. Именно поэтому ли так же, как и жэнь, имеет многозначное содержание. Но жэнь всегда выступает в роли главного, определяющего по отношению к ли — социальным нормам, ритуалам, этикету. Эти нормы, ритуалы, требования этикета, приобретшие форму правил, были распространены Конфуцием повсеместно, они по существу выполняли в Поднебесной функции закона.

Данные правила, будучи отражением идеального прошлого, по мнению Конфуция, должны выступать в качестве модели идеального будущего. Философ стремился поднять роль традиционных методов в управлении государством.

В «Лунь юй» Конфуций формулирует основные требования к правителю. Он настаивает на том, чтобы правители укрепляли свое господство и строго соблюдали обряды, чтобы руководили народом с помощью добродетели вносили в народ порядок с помощью правил поведения. Сила добродетели как фактор управления заключена в человеколюбии. Конфуцианский идеал управления — не принуждение народа и не насилие над ним, а сила нравственного примера. Народ можно заставить повиноваться, но нельзя заставить понимать, «почему надо повиноваться?». Управляя, необходимо проявлять чувство долга, показывать пример правдивости и справедливости, не быть жестоким и

заносчивым. Управлять означает не делать другим того, чего не желаешь себе. Конфуций отмечал, что управление состоит «в довольстве пищи, в достаточности военных сил и в верности народа» [16]. Особенно он ценил последнее: «Без доверия (народа) государство не сможет устоять» [17]. В этих требованиях была четко определена модель «благородного Правителя». Им также была очерчена модель «благородного сановника... Правители и сановники не только выступали толкователями правил (ли), но обязаны были осуществлять контроль за их выполнением, а также, что особенно важно, строго следовать этим правилам в своей жизнедеятельности.

Неотъемлемой частью конфуцианской концепции управления государством и обществом является принцип «исправления имен». Суть этого принципа заключается в строгом и неукоснительном выполнении каждым человеком своих обязанностей, соответствующих его социальному статусу.

Во времена Конфуция было не редкостью, когда власть царя была ослабленной, а чиновники превышали свои полномочия, когда нарушались нравственные принципы взаимоотношения между отцами и детьми, что подрывало основы государства, порождало в обществе разруху. Неслучайно Конфуций, приглашенный на службу в Вэйское царство, на вопрос: «С чего Вы намерены начать?» ответил: «Необходимо начать с исправления имен». Далее философ разъясняет: «Если имена не правильны, то слова не имеют под собой основания. Если слова не имеют под собой основания, то дела не могут осуществляться. Если дела не могут осуществляться, то ритуал и музыка не процветают. Если ритуал и музыка не процветают, наказания не применяются надлежащим образом, народ не знает, как себя вести. Поэтому благородный муж, давая имена, должен произносить их правильно, а то, что произносит, правильно осуществлять» [18]. Смысл конфуцианского взгляда, как, на наш взгляд, правильно считает Сыма Цянь, заключается в том, что каждый должен по-настоящему выполнять свои обязанности: правитель должен быть истинным правителем, чиновник должен быть истинным чиновником, отец должен быть истинным отцом, сын — истинным сыном [19]. Иначе говоря, названия статуса должны соответствовать его сути. Принцип «исправления имен» требует приведения формы, соответствующей содержанию.

Прогнозы будущего. Прогнозируя будущее китайского общества, Конфуций выдвинул две концепции: сяокан («общество малого благоденствия») и датун («общество великого единения»). Сяокан — это этап на пути к датуну, обществу, где, по мнению Конфуция, утвердятся идеальные общественные отношения. Эти уто-

пии были предметом пристального внимания социально-философской мысли Китая и оказали существенное влияние на всю его политическую культуру.

После смерти Конфуция его многочисленные ученики и последователи образовали различные направления, которых к III веку до н. э., по свидетельству Хань Фэя, было уже не менее восьми. Из них важное значение имели два, одно из которых возглавлялось Мэн-цзы (372–289 гг. до н. э.), другое — Сюнь-цзы (313–238 гг. до н. э.). Эти два направления представляли собой целостные и противоположные интерпретации конфуцианства (ортодоксальное и неортодоксальное). Первый из них воспринял конфуцианское учение и стиль конфуцианского диалога. Его учение легло в основу конфуцианской концепции политической организации общества, сердцевиной которой является доктрина «человеколюбивого правления». Развивая взгляды Конфуция, Мэн-цзы пришел к выводу об исконной доброте человеческой природы. Этот вывод стал основой всей его философии. Эта доброта, по мнению мыслителя, может быть развита путем воспитания. Небо рассматривается Мэн-цзы, как и Конфуцием, двояко, но прежде всего как высшая направляющая сила, которая определяет судьбы людей и государств. Мэн-цзы признает за народом право на лишение власти негодного правителя, которому Небо отказывает, а «мандате» на правление. Первым из конфуцианцев Мэн-цзы поставил вопрос о соотношении чувств и разума в процессе познания.

Сюнь-цзы, будучи конфуцианцем, испытал значительное влияние даосизма (в области онтологии) и легизма (в теории управления государством). За обширнейшие знания современные ученые называют его «энциклопедистом Древнего Китая». Сюнь-цзи исходил из концепции ци — первоматерии или материальной силы, обладающей двумя формами: инь и ян; мир существует и развивается в соответствии с естественными познавательными закономерностями; небо — активный естественный элемент мира, оно не управляет человеком, а наоборот, может быть подчинено им и использовано в интересах людей. От человека как части природы зависят счастье и несчастье, богатство и нищета, здоровье и болезнь, порядок и смута. Человек же по своей природе зол, он рождается зависимым, злобным, с инстинктивным чувством наживы; необходимо воздействовать на него с помощью воспитания и закона, заставить соблюдать ритуал, выполнять долг, и тогда у него появятся добродетель и культура. Совершенство же достигается через долгое учение, длящееся всю жизнь.

Главными звеньями управления страной Сюнь-цзы считал справедли-

вые приказы и любовь к народу, почитание ритуала и уважение к ученым, почитание мудрых и привлечение к государственным делам способных людей, а мерилом правления справедливость и мир [20]. Идеи Сюнь-цзы оказали заметное влияние на философов периода Хань, но затем вплоть до XIX в. доминировало учение Мэн-цзы.

Говоря о конфуцианстве в целом, следует отметить, что большой вклад в его развитие внес Дун Чжуншу, который, использовав соответствующие концепции даосизма и школы иньян цзя, детально разработал онтолого-космологическую доктрину конфуцианства и придал ему некоторые религиозные функции (учение о «духе» и «воле Неба»), необходимые для официальной идеологии централизованной империи. В эпоху Хань (конец III в. до н. э. — начало III в. н. э.) было создано «ханьское конфуцианство», основное достижение которого — систематизация идей, рожденных «золотым веком» китайской философии (V–III вв. до н. э.), и текстолого-комментаторская обработка конфуцианской и конфуцианизированной классики. Реакцией на проникновение в Китай буддизма в первые века новой эры и связанное с этим влияние даосизма стал даосско-конфуцианский синтез в «учении о таинственном (сокровенном)».

Крах империи Хань в конце II — начале III в. привел к падению престижа ее официальной идеологии конфуцианства, реставрация которой была осуществлена при династиях Суй (581–906) и Тан (618–906). Провозвестником этой реставрации стал Ван Тун (584–617). В VIII–IX вв. кардинальное движение в поддержку ценностей конфуцианства развернулось под лозунгом «возвращение к древности». Его инициатором и ведущей фигурой стал Хань Юй (768–824). Он доказывал историческое первенство конфуцианства, в котором передача традиции (дао тун) идет непрерывно от «совершенно мудрых» правителей древности. Учения даосизма и буддизма, не признающие, по Хань Юю, гуманность (жэнь) и долг/справедливость (и), тем самым разоблачают себя как несоответствующие вселенским истокам морали. Путь к восстановлению идеального общественного порядка древности он усматривал в уничтожении даосизма и буддизма, ликвидации их монашества, храмов и священных книг. Имеются и другие точки зрения [21].

Неоконфуцианство. Развитие конфуцианства в последующие годы привело к созданию в XI в. новой системы взглядов — неоконфуцианства. Создатели неоконфуцианства поставили перед собой две главные и взаимосвязанные задачи: восстановление аутентичного конфуцианства и решение с его помощью на основе усовершенствованной нумерологической методологии комплекса новых проблем, выдвинутых буддизмом и даосизмом. В предельно компактной форме эти задачи первым решил

Чжоу Дуньи, идеи которого через столетие получили всесторонне развернутую интерпретацию в творчестве Чжу Си. Учение последнего, поначалу считавшееся неортодоксальным и даже подвергнувшееся запрету, в XIV в. было официально признано и стало основой понимания конфуцианской классики в системе государственных экзаменов вплоть до начала XX в. Чжу-сианская трактовка конфуцианства доминировала в сопредельных Китаю странах — Корее, Японии, Вьетнаме. Наряду с названными учениями существовали и другие, в том числе конкурировавшие с ней учения (Лу Цзюаня. Ван Янмина и др.). Современные конфуцианцы, или постнеоконфуцианцы (Моу Цзунсань, Тан Цзюньи, Ду Веймин и др.), в этическом универсализме конфуцианства, трактующего любой пласт бытия в моральном аспекте и породившего «моральную метафизику» неоконфуцианства, усматривают идеальное сочетание философской и религиозной мысли. В Китае конфуцианство в качестве господствующей идеологии сохранялось до 1949 г., то есть до образования КНР.

Вытеснение конфуцианства и его возрождение. В эпоху Мао Цзедуна проводилась политика вытеснения конфуцианства из жизни китайского общества. Конфуций был объявлен главным врагом социализма. Острие критики было направлено против идей гуманизма, человеколюбия, справедливости, согласия, которые содержались в учении Конфуция. Проводимые массовые кампании осуждения Конфуция преследовали цель вытеснить из сознания китайцев традиционные понятия о правилах поведения, об основах человеческого достоинства, семейных и родственных чувствах, заменив их идеями классовой борьбы. Но несмотря на это этическое учение философа продолжало жить в сознании китайского народа, определять отношения между людьми в семье и в обществе. Начатые в конце 70-х годов реформы знаменовали собой переломный этап в развитии китайского общества, в том числе в его мировоззренческих ориентациях.

Китайские ученые, обратившись к истории нации, ее культуре, находят в ней гуманистические традиции — стремление к поддержанию порядка, социальной стабильности, а главное — миру и согласию в человеческих взаимоотношениях. Как известно, Конфуций ставил порядок и мир превыше всего, он добивался согласия при сохранении различия.

В июне 1999 г. В Пекине состоялась научная конференция, посвященная 2550-й годовщине со дня рождения древнего мудреца. На ней выступали ученые и политические деятели. Все единодушно подчеркивали: Конфуций — это общее достояние всех китайцев; в канун XXI века необходимо глубже осознать великую ценность, важное значение Конфуция и его учения для всесторонней модер-

низации Китая. Изучение идей Конфуция, их освоение помогает воспитывать у китайцев чувство ответственности за судьбы нации и государства. Конфуцианство, соединенное с марксизмом, способствует укреплению социалистического патриотизма. Оно помогает внутреннему сплочению китайской нации, способствует формированию национального достоинства, веры в собственные силы.

В целом конфуцианство пустило глубокие корни в китайском обществе. Сегодня это служит незаменимой опорой социального порядка и национального процветания. Идеи конфуцианства стали неотъемлемой частью духовной культуры соседних с Китаем народов.

ТРУД — ГЛАВНАЯ РАДОСТЬ ЖИЗНИ
Иммануил Кант и его философия

> Жизнь философа — написанные им книги, самые волнующие события в них-мысли. У Канта нет иной биографии, кроме истории его учения. Почти весь свой век он прожил в одном городе — Кёнигберге, он никогда не покидал пределов Восточной Пруссии. Он не искал славы, не добивался власти, не знал ни деловых, ни любовных треволнений.
>
> А. В. Гулыга

Учеба. Работа. Кант — великое имя в истории мировой культуры. Он является родоначальником немецкой классической философии и всей философии Новейшего времени. Влияние его научных и философских идей вышло далеко за рамки эпохи, в которую он жил. Современная философия не мыслима без Канта.

Родился Кант 22 апреля 1724 г. в Прусском королевстве, в городе Кёнигсберг (ныне Калининград) в семье

небогатого ремесленника. По старому прусскому календарю был День святого Эммануила и мальчика назвали библейским именем, означавшим в переводе «С нами бог». Его мать Анна Регина родила девятерых детей. Из них выжили пятеро. У Иммануила Канта были три сестры и младший брат Иоганн Генрих.

Иммануил отличался хилым здоровьем. Потеряв к тому времени двух детей, Анна Регина старалась привить сыну физическое и нравственное здоровье, разбудить в нём пытливость и воображение. «Никогда не забуду своей матери. Она взлелеяла во мне первые зародыши добра, она открыла мое сердце впечатлениями природы, она пробудила и расширила мои представления, и её поучения оказывали постоянное спасительное воздействие на мою жизнь». Это сказано Кантом на склоне лет [1]. В доме, где родился Кант царил внутренний мир, спокойствие, любовь к труду. Иммануил был единственным в семье, кому посчастливилось получить образование. Первоначальное образование он приобрел в протестантской гимназии. Учился на латинском отделении. Главными предметами были латынь и богословие. Родители хотели, чтобы их отпрыск стал пастырем, но мальчик, увлеченный талантливыми уроками преподавателя латыни Тенденрейха, мечтал посвятить себя словесности. В 1740 г. Кант поступает в университет. Гимназическое увлечение филологией уступило место живому интересу к физике и философии. В 1747 г., не защитив магистерской диссертации, Кант покидает город и в течение 8 лет работает домашним учителем в богатых семьях и активно занимается самообразованием. прусском захолустье Кант приобрел не только педагогические навыки. Он прошёл хорошую школу житейского опыта, познакомился с нравами в различным слоях общества. В 1755 г. Кант получает звание приват-доцента, т. е. внештатного преподавателя, труд которого оплачивается самими студентами. Положение приват-доцента обеспечивало Канту безбедное существование и содержание слуги. В 1770 г. он получает место профессора логики и метафизики в родном университете. В 1786 г. Кант был избран ректором университета, через два года переизбран на новый срок. В университете он трудился до выхода в отставку.

С середины 50-х годов, т. е. с начала работы Канта в университете, вся его последующая жизнь была заполнена научно-философской и преподавательской деятельностью. За годы работы в университете Кант прочитал 268 лекционных курсов; в том числе логику 54 раза, метафизику — 49, физическую географию — 46, этику — 28, антропологию — 24, теоретическую физику — 20, математику — 16, право — 12, энциклопедию философских наук — 11, педаго-

гику — 4, механику — 2, минералогию — 1, теологию — 1. Учебная нагрузка Канта, особенно в первые, магистерские годы, была достаточно большой — минимальная — 16, максимальная — 28 часов в неделю (включая небольшое количество практических занятий). Вот расписание одного из наиболее напряженных дней. С 8 до 9 — логика, с 9 до 10 — механика, с 10 до 11 — теоретическая физика, с 11 до 12 — метафизика; и после обеда с 2 до 3 — физическая география, с 3 до 4 — математика.

Я сижу каждодневно за своей кафедрой, как за наковальней, и кую тяжелым молотом мои похожие одна на другую лекции, жалуется Кант [2].

Личная жизнь. Поддерживать высокую работоспособность, предотвращать болезни помогало Канту строгое следование составленной им так называемой гигиенической программе, которая требовала:

1) Держать в холоде голову, ноги и грудь. Мыть ноги в ледяной воде («дабы не ослабли кровеносные сосуды, удаленные от сердца»).

2) Меньше спать. «Постель гнездо заболеваний», Спать только ночью, коротким и глубоким сном. Если сон не приходит сам, надо уметь его вызвать. На Канта логическим снотворным действием выступало слово «Цицерон»; повторяя его про себя, он рассеивал мысли и быстро засыпал.

3) Больше двигаться: самому себя обслуживать, гулять в любую погоду. Основное правило диететики Канта — не щадить свои силы, не расслаблять их комфортом и праздностью [3].

Личная жизнь Канта отличалась жесткой запрограммированностью, аскетизмом. Выдающийся немецкий поэт и публицист Генрих Гейне писал, что Кант «жил механической, размеренной, почти абстрактной жизнью холостяка в тихой, отдаленной улочке Кенигсберга, старинного города на северо-восточной границе Германии. Не думаю, чтобы большие часы на тамошнем соборе бесстрастнее и равномернее исполняли свое внешнее ежедневное дело, чем их земляк Иммануил Кант. Вставание, утренний час, писание, чтение лекций, обед, гуляние — все свершалось в определенный час и соседи знали совершенно точно, что на часах — половина четвертого, когда Иммануил Кант в своем сером сюртуке, с камышовой тросточкой в руке выходил из дому и направлялся к маленькой липовой аллее, которая в память о нем называется Аллеей Философа. Восемь раз проходил он ее ежедневно взад и вперед во всякое время года, и, когда было пасмурно или серые тучи предвещали дождь, появлялся его слуга, старый Лампе, с тревожной заботливостью следя за ним, с длинным зонтиком под мышкой, как символ привидения) [4].

Внешняя жизнь философа была академичной, и ее спокойное течение не нарушали никакие события, хотя, как замечает Б. Рассел, он жил во время семилетней войны (когда русские оккупировали Восточную Пруссию), Французской революции и раннего периода карьеры Наполеона [2]. Спать ложился он ровно в 10 часов вечера, поднимался в 5 утра. И в продолжении 30 лет он ни разу не встал не вовремя.

Докритический период. В интеллектуальной биографии Канта принято различать два периода. Первый из них — «докритический» — охватывает время с 1746 г., т. е. от даты начала написания первой работы «Мысли об истинной оценке живых сил» до конца 60-х годов. Второй — «критический» — с 1770 г., с появления диссертации «О форме и принципах чувственного и умопостигаемого мира».

Первый период характеризуется его интересом к проблемам естествознания. Ранние работы Канта носят скорее естественнонаучный характер, нежели философский. Центральное место в его творчестве этого периода занимают проблемы происхождения и развития Солнечной системы, истории Земли, перспективы ее развития и др. В произведении «Всеобщая естественная история и теория неба» (1755), которое является наиболее важным из научных сочинений данного периода, формулируется гипотеза о происхождении и эволюции Солнечной системы. Согласно ей, Солнечная система образовалась из сгустка звездных туманностей.

Впоследствии космогоническая гипотеза Канта получила название теории Канта-Лапласа. Несмотря на то, что гипотеза Канта местами чисто фантастична (например, в ней утверждается, что все планеты обитаемы и что наиболее удаленные из них имеют наилучших обитателей), тем не менее, учение Канта имело большое научное значение. Эта теория, по оценке Ф. Энгельса, «была величайшим завоеванием астрономии со времени Коперника. Впервые было поколеблено представление, будто природа не имеет никакой истории во времени» [6].

Кроме того, Кант в этот период проявлял интерес и к другим проблемам: занимался обоснованием относительности движения и покоя, трудился над вопросами классификации животного мира. Им была предложена идея естественного происхождения рас. Следует отметить, что в работах первого периода в мышлении Канта господствуют материалистические тенденции. Даже в последнем докритическом сочинении «О первом основании различения сторон в пространстве» (1768) Кант еще признает пространство реальным в материалистическом смысле, т. е. видит в нем реальность, существующую вне и независимо от нашего сознания. В целом работы Канта того периода полны

естественного оптимизма, уверенности в способности постигнуть то, что обычно представлялось недоступным познанию. «Дайте мне материю, — гордо заявляет он, — и я покажу вам, как из нее должен возникнуть мир» [7].

Однако в 70-е годы после знакомства Канта с работами Д. Юма, пробудившими его, как он выразился, от «догматического сна», философ обращается к методологии научного познания, к проблемам познавательных возможностей метафизики. Дело в том, что, согласно Юму, чувственный опыт не может дать всеобщего и необходимого знания. Это значит, что на основе эмпирических данных невозможно создание научной теории. Что касается метафизики, опиравшейся на формальную логику, основы которой были заложены еще Аристотелем, то ее использование, как обнаружили Лейбниц и Вольф, приводило к взаимоисключающим выводам о мире в целом. Это послужило основанием для кантовского заключения о невозможности рассмотрения метафизики как строгой науки. По мнению Канта, главный порок метафизики заключается в ее догматичности: она абсолютно некритически принимает неявную предпосылку о том, что познание мира в целом возможно, и при этом никак не исследует наши познавательные возможности. Хотя именно эту задачу, считает Кант, должна прежде всего решать философия, которую он в противоположность догматической метафизике назвал критической философией. Это был переворот в философии, который сравнивался Кантом с коперниканским переворотом в астрономии.

«Критический период». Во втором, «критическом» периоде Кант полностью уходит в проблемы философии. Им создаются крупные труды, в которых исследуются важнейшие области философского знания: гносеология, этика и эстетика. Каждой из них соответствует одна из трех фундаментальных работ — «Критика чистого разума» (1781), «Критика практического разума» (1788), «Критика способности суждения» (1790).

Во всех сочинениях Кант исходит из главного требования: каждое философское исследование надо основывать на критике или критическом исследовании познавательных способностей человека и тех границ, до которых простирается само знание. Это значит, что разработке непосредственно философской проблематики (онтологии, философии морали и т. д.) должна предшествовать гносеология, или критическое исследование познавательных способностей, на которые опираются любые отрасли знания. Этой проблематике и посвящена центральная работа Канта «Критика чистого разума», над которой он работал 16 лет. В ней философ исследует человеческий разум, его структуру и познавательные возможности.

Его интересует вопрос, при каких условиях возможно действительное познание и каковы его границы. В качестве образца достоверного знания он взял ньютоновское естествознание и математику. Анализ математического знания приводит Канта к выводу о том, что его содержание составляют положения, обладающие строгой всеобщностью и необходимостью. Но такие положения не могут быть почерпнуты из опыта. Следовательно, положения чистой математики априорны, т. е. независимы от опыта.

Собственно, подобного взгляда придерживались и рационалисты XVII–XVIII вв. Они утверждали при этом, что математические суждения носят аналитический характер, т. е. в них предикат лишь раскрывает содержание субъекта суждения. Не отрицая наличия априорных аналитических суждений, Кант показывает, что они не ведут к получению нового знания, а только преобразуют уже имеющееся знание.

Поэтому, чтобы понять реально совершающееся умножение математических знаний, необходимо признать существование априорных синтетических суждений, в то время как рационалисты рассматривали все синтетические суждения как апостериорные, т. е. опытные. Важный для Канта вопрос о том, как возможно новое знание, он формулирует следующим образом: как возможны априорные синтетические суждения, т. е. суждения, которые расширяют наше знание и в то же время обладают искомым статусом общезначимости. Будучи идеалом всякого знания, такие суждения, по Канту, не могут быть получены из опыта, а только из чистого разума, априори. Существуют априорные чувственные созерцания, которые образуют источник синтетических суждений априори. «Априорные синтетические суждения» характеризует, во-первых, то, что они не вытекают из опыта: в них констатируется то, что носит доопытный — «априорный» — характер. Этим они отличаются от суждений опытного — «апостериорного» — характера. Во-вторых, в них полагается нечто новое, не содержащееся в понятии того, о чем в них сказывается. Этим они отличаются от суждений аналитических.

В «Критике чистого разума» Кант раскрывает возможности априорных синтетических суждений не только в математике, но и в теоретическом естествознании и метафизике (философии), т. е. в каждом из признанных им видов знания. Одновременно он рассматривает общие, присущие всем людям познавательные способности с точки зрения их априорных форм — чувственность (трансцендентальная эстетика), рассудок (трансцендентальная аналитика) и разум (трансцендентальная диалектика). В трансцендентальной эстетике Кант обнаруживает априорные формы чувственности – чистые созерцания, с

помощью которых разрозненные и не всегда отчетливые восприятия приобретают всеобщее объективное значение. Трансцендентальное истолкование чувственности и ее форм позволяет ему показать, как возможны априорные синтетические суждения в математике. Именно априорные формы — пространство и время — придают, по Канту, объективную значимость идеальным математическим конструкциям. В трансцендентальной аналитике Кант исследует рассудок и его синтез с чувственностью и одновременно отвечает на вопрос об условиях возможности априорных синтетических суждений в естествознании; демонстрирует, как осуществляется синтез уже организованной априорными формами (пространством и временем) чувственности с рассудочными предпосылками, которые сам рассудок обязательно присоединяет к чувственному материалу. Эти предпосылки Кант называл чистыми понятиями, или категориями, которые представляют собой формы единства, прибавляемые к многообразию чувственности. Кант насчитывает 12 таких категорий и объединяет их в 4 класса: количества, качества, отношения и модальности. В трансцендентальной диалектике он исследует такую познавательную способность, как разум, и в то же время отвечает на вопрос о возможности априорных синтетических суждений в метафизике (или решает проблему о том, как возможна метафизика как наука).

Трансцендентальная диалектика рассматривается Кантом как логика иллюзий, в которые впадает разум, поскольку он постоянно стремится выйти за пределы опыта, предполагая, что с помощью категорий он в состоянии познавать внеопытные вещи сами по себе. Эта иллюзия, согласно Канту, характерна для всей предшествующей философии. Несостоятельность этих стремлений, однако, не означает, что основные идеи метафизики (мир как целое, свобода, предшествующая необходимости, субстанциональность души, Бог) должны быть отброшены. Эти идеи — это представления о цели, к которой стремится наше познание, о задаче, которую он перед собой ставит. Идеи разума выполняют регулятивную функцию в познании, побуждая рассудок к деятельности. Таким образом, введение платоновского понятия идеи не означает, что Кант понимает под ними то же, что и Платон — сверхчувственные сущности, обладающие реальным бытием и постигаемые с помощью разума. Отказав человеку в возможности познавать предметы, не данные ему в опыте, Кант тем самым подверг критике идеализм Платона и всех, кто вслед за Платоном разделял убеждение в возможности внеопытного познания вещей самих по себе.

Понимая, что его критика стремится ограничить компетенцию разу-

ма, Кант полагал, будто то, что при этом теряет познание, выигрывает вера. Так как бог не может быть найден в опыте, не принадлежит к миру явлений, то, по Канту, невозможно ни доказательство его существования, ни его опровержение. Вера в бога, по Канту, необходима, поскольку без этой веры невозможно примирить требования нравственного сознания с непререкаемыми фактами зла, царящего в человеческой жизни. Не случайно признание Канта: «Мне пришлось ограничить (aufheben) знание, чтобы освободить место вере...» [8]. Разумеется, это не значит, что Кант пишет об ограничении познания природы или общества, он пишет об ограничении претензий разума на познание метафизической реальности. В случае, когда разум начинает делать свои идеи предметом непосредственного исследования, он впадает в противоречия с самим собой. Эти противоречия, названные Кантом антиномиями, неустранимы и неразрешимы. Это означает, что с одинаковым успехом можно доказать прямо противоположные утверждения (например, ограниченность и неограниченность мира во времени и пространстве, подчиненность всего действию причинности и наличию отрицающей ее свободы воли, бытие Бога и его отсутствие). Такая ситуация свидетельствует о невозможности метафизики стать наукой. Предметы ее познания находятся за пределами опыта, а поэтому достоверным знанием их мы обладать не в состоянии. Согласно Канту, чтобы нечто могло быть познано, оно должно быть помыслено. Непомысленная вещь никак не представлена в сознании, и поэтому, конечно, не может быть познана. Мыслимые и познаваемые вещи — это, с точки зрения Канта, феномены или явления. За явлениями стоят «вещи сами по себе», как они есть, или ноумены [9]. Наукой познаются лишь феномены, а не ноумены, поскольку, по Канту, вещь сама по себе непознаваема, поскольку она не может быть представлена в сознании в полном объеме. Под вещами Кант понимает не только обычные вещи, но мир в целом. Мир в целом не познаваем средствами науки. Не познаваемы наукой бог, душа и свобода, которые выделяются Кантом особо. Они — принадлежность интимного мира личности.

Критика практического разума. В этой связи возникают вопросы: «Обречен ли человек в этой ситуации на полное незнание ноуменов (вещей самих по себе)? Возможно ли помыслить их себе непротиворечивым образом?». Такая возможность открывается, но не на путях научного познания, а с помощью практического разума, т. е. на почве нравственности. Практическим разум здесь называется потому, что его функция — руководить поступками человека, т. е. устанавливать принципы нравственного действия. Практический разум действует

в сфере ноуменов, в то время как теоретический — в пределах лишь феноменов. В этом бесспорное преимущество разума практического, ибо ему способно открыться то, что недоступно теоретическому. Здесь Кант не только разграничивает область разума и веры, но возвышает веру над разумом, отдавая ей пальму первенства.

Искомый Кантом априорный синтез в сфере практического разума не основан ни на чувственной интуиции, ни на опыте, а поэтому для обоснования морали мы не имеем права апеллировать ни к чувственным импульсам, ни к опыту. Источник морального действия заключен в законе, который воля предписывает самой себе, ускользая тем самым от детерминации со стороны чего бы то ми было (чувства, расчета, давления, привычки и т. п.). В этом, по Канту, заключены основания автономности морали. Иными словами, нравственные основы должны находиться в сознании человека, быть предзаданы ему и помогать упорядочивать ощущения. Эти нравственные основы, или, как он называет, нравственный закон, должен существовать внутри человека. Только тогда он будет истинным и самодостаточным. Этот внутренний нравственный закон назван Кантом категорическим императивом. Философ исходит из убеждения, что нравственный закон содержит в себе абсолютную необходимость. Категорический императив определяет волевую направленность совершаемого действия независимо от желаемой цели, он определяет ее в полной независимости от чего бы то ни было, как обусловленную ее собственным законом. При этом следует подчеркнуть, что категорический императив предписывает поступки, которые хороши сами по себе, безотносительно к какой-либо цели; только он обладает той степенью абсолютной необходимости, которая делает его нравственным. «Существует только один категорический императив, а именно: поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом» [10]. Здесь в закон возводится поведение, общезначимое для всех разумных существ. Данное требование, в свою очередь, означает, что каждое разумное существо должно стать той целью, «вопреки которой никогда нельзя поступать» [11]. Отсюда вторая формулировка: «Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице и в лице всякого другого так же, как к цели, и никогда не относился бы к нему только как к средству» [12]. Несомненна близость этой максимы к евангельскому «не сотвори другому того, чего себе не желаешь». В отличие от евангельского моральный пафос кантовского требования определен чистым долгом. В долге и только в долге Кант видит то, что способно поднять человека над самим

собой, состояться как личность в свободе и независимости от природного механизма. Долг по отношению к другим — делать добро, долг по отношению к себе — сохранять свою жизнь. В случае конфликта между чувственной склонностью и нравственным законом Кант требует безусловного подчинения нравственному долгу.

Кантовский категорический императив формулирует принцип безусловного достоинства личности. С этой точки зрения «человек не может быть принесен в жертву ни государству, ни так называемому «общему благу». Высшим мерилом отношений между людьми с позиций категорического императива является значимость личности. Не случайно этическая система Канта, по словам Бертрана Рассела, имеет выдающееся историческое значение [13]. Теория практического разума включает в себя и учение о праве, правовом государстве. Кант является поборником прав индивида.

Он защищает их не на основе идеи объективного естественного права (как Фома Аквинский) или концепции естественного права, центрированной вокруг субъекта (как Локк). Кант выводит права индивида из рефлексии над тем, что он рассматривал в качестве неоспоримой сущностной особенности человека. Права индивида включают то, что необходимо для человека, чтобы он был способен жить в моральных условиях. То, что направлено против этих прав, является пагубным независимо от того, ведет или нет оно к общей пользе или удовольствию. Право является реализацией свободы члена общества, ограниченной лишь свободой других членов общества. Права, которыми должен обладать индивид, чтобы жить в моральных условиях, включают, например, конституционную форму правления, отмену различных форм неравенства, а также запрет войн. Эти права покоятся на праве каждого человека распоряжаться самим собой, жить в свободе и мире, ибо только в этих условиях человек способен быть самим собой. Для Канта проблемой является то, каким образом можно гарантировать наибольшую возможную свободу, чтобы свобода одного человека не мешала свободе другого. Именно на фоне этой проблемы он формирует универсальный юридический принцип, который должен гарантировать и свободу, и сосуществование: «право — это совокупность условий, при котором произвол одного (лица) совместим с произволом другого с точки зрения всеобщего закона свободы» [14]. Другими словами, кантовский фундаментальный естественный закон или рационально-правовой принцип формирует условия, при которых свободный выбор одного человека может быть согласован со свободным выбором другого человека в соответствии со всеобщим законом

свободы. С этим связано утверждение Канта о том, что человек лишь постольку морален, поскольку он признает равенство всех индивидов перед законом, отрицая тем самым любые сословные привилегии. Республика есть такое общественное устройство, в котором власть означает господство законов, а последние соответствуют интересам граждан, ибо «чего народ не может решить относительно себя, того и законодатель не может решить относительно народа» [15].

Кант является одним из первых политических мыслителей, поставивших вопрос о правах человека в качестве общего принципа. В соответствии с базисной установкой Просвещения он утверждает, что каждый человек обладает врожденными и неотъемлемыми правами. Но у Канта они формулируются как права субъекта, т. е. как права, принадлежащие индивидуальному субъекту. Вместе с тем следует отметить, что в сфере практической политики ему не всегда удавалось последовательно придерживаться принципиальной и универсалистской позиции. Так, требуя, чтобы законы выражали волю народа, он не являлся сторонником избирательного права для всех граждан и, следовательно, того, чтобы в законодательных собраниях были представлены все слои общества. В частности, он лишал этого права женщин, временных рабочих, слуг и т. д. По Канту, полноценными членами общества являются только те, кто обладают собственностью. Те, кто получают зарплату, таковыми не являются. Хотя его философско-исторические воззрения, непосредственно связанные с философией права, обосновывают необходимость правового строя, гарантирующего гражданские свободы, равенство перед законом и самостоятельность граждан, их право на любой вид законной деятельности, в т. ч. право добиваться любых государственных должностей.

Философия права Канта большое внимание уделяет анализу природы антагонизмов и их роли в историческом процессе. Кант пишет, что каждый индивид, сообразуясь только со своим разумением, неизбежно сталкивается с сопротивлением со стороны других индивидов. Это взаимное сопротивление характеризуется Кантом как антагонизм, становящийся движущей силой социального прогресса. Он отвергает убеждение Ж.-Ж. Руссо, будто в предшествующем цивилизации «естественном состоянии» отношения между индивидами носили мирный характер. «Люди, столь же кроткие, как овцы, которых они пасут, вряд ли сделали бы свое существование более достойным, чем существование домашних животных. Поэтому да будет благословенна природа за неуживчивость, за завистливое соперничающее тщеславие, за ненасытную жажду обладать или господствовать! Без них все

превосходные природные задатки человечества остались бы навсегда неразвитыми. Человек хочет согласия, но природа лучше знает, что для него хорошо; и она хочет раздора» [16].

Говоря об антагонизме в международном сообществе, Кант подчеркивает, что в этом сообществе идет «борьба всех против всех». В отношениях между независимыми государствами существует естественное состояние беззакония. В международной политике доминирует «право сильнейшего». Кант рассматривал это состояние как недостойное и неразумное. В этой сфере мы также должны «иметь мужество использовать наш собственный разум». В коротком эссе «О вечном мире» (1795) он отстаивает представления о всемирной «Лиге Наций», которая должна регулировать взаимоотношения независимых государств. В основном идея Лиги Наций та же, что лежит и в основе его философии права: Лига Наций должна основываться на универсальных принципах урегулирования конфликтов и мирного сосуществования. Характерным для кантовского подхода к принципам межгосударственных отношений является то, что он систематически пытается отделить вопросы межгосударственных отношений от религиозных и идеологических. Государствам нет нужды договариваться по всем спорным вопросам. Достаточно того, что они договариваются о форме modus vivendi, Кант ясно подчеркивает, что цель состоит в создании мирного сообщества, а не обязательно братской семьи народов. Первое подлинное крупное воплощение кантовская философия получила после мировой войны, когда было создана ООН.

Критика способности суждения. Завершает систему Канта «Критика способности суждения». Теория суждения, по мнению Канта, связывает мир чистого разума и мир практического разума. Философ полагает, что мы обладаем способностью синтезировать теоретический и практический разум. При этом различает определяющую и рефлектирующую способности. В первом случае речь идет о том, чтобы подвести особенное под уже известное общее. Во втором случае особенное должно быть подведено под общее, которое не дано, а должно быть найдено. В данном труде Кант исследует эту вторую рефлектирующую способность суждения. Ее основными формами являются телеологические и эстетические суждения. И те, и другие выявляют целесообразность, присущую не только явлениям природы, например, живым организмам, но и объектам суждения вкуса. В действительности, как доказывает Кант, целесообразность не присуща ни предметам природы, ни предметам суждений, вкуса; она привносится в природу априорной рефлектирующей способностью суждения, которое не обогащает наших знаний о природе,

но способствует их приведению в систему. Необходимость телеологических суждений обусловлена тем, что рассудок оказывается неспособным объяснить естественными причинами наблюдаемые факты целесообразности. Эстетические суждения, в отличие от телеологических, связаны с удовольствием или неудовольствием, вызываемыми представлением о предметах. Эстетическое удовольствие Кант характеризует как незаинтересованное в том смысле, что оно обусловлено исключительно восприятием прекрасного, к которому не примешиваются какие-либо не связанные с этим восприятием интересы. Незаинтересованность эстетического суждения придает им объективную значимость, несмотря на его субъективное содержание. Эстетическое суждение не относится к познавательной деятельности и не зависит от нравственного сознания [17].

Согласно Канту, эстетические переживания невыразимы в понятиях. Высшим видом искусства он объявил поэзию, т.к. она возвышается до изображения идеала. Идеалом красоты, по мнению Канта может быть только человек.

Путь к признанию. Философские воззрения Канта не сразу привлекли внимание философски мыслящей части Германии, не говоря о других странах. Г. Гейне писал, что «появление «Критики чистого разума» не вызвало ни малейшей сенсации. Лишь много лет спустя, когда некоторые проницательные философы выступили с комментариями книги, она привлекла общественное внимание, и в 1789 г. в Германии только и было речи о кантовой философии, которая была окружена всякими толкованиями, хрестоматиями, объяснениями, отзывами, апологиями и т. д. Стоит только заглянуть в любой каталог философской литературы, и великое множество появившихся в ту пору сочинений о Канте в достаточной степени удостоверит размах умственного движения, имеющего источником этого несравненного человека. Один высказывал бурный энтузиазм, другой — горькую досаду, многие, разинув рты, выжидали, каков же будет исход этой духовной революции» [18].

Крупнейшие немецкие философы, ученые, публицисты и поэты сравнивали Канта с Моисеем, Сократом или Лютером, а его труды называли «бессмертными», «гордостью и благодатью уходящего столетия» и т. п. В 1786 г. он был избран членом Берлинской академии наук. Благодаря Канту «Германия была увлечена на путь философии, и философия стала национальным делом. Вдруг, словно по волшебному мановению, появилась из германской почвы прекрасная плеяда великих мыслителей» [16]. В их числе Фихте, Шеллинг, а затем Гегель — все они пытались и далее продвигать кантовскую революцию. Влияние философии Канта просмат-

ривается в историко-философских исследованиях (И. Тифтрунк), в терии права (Г. Хуфеланд, Л. Фейербах), философия религии (В. Г. Тинненман, Х. Паулюс), в эстетике (Ф. Шиллер, И. В. Гете) и других дисциплинах. Об огромном интересе к философии Канта, ее влиянии на развитие последующего умственного движения свидетельствует появление философских направлений, получивших названия кантианства, полукантианства, неокантианства.

Идеи Канта проникли и в Россию. Несмотря на то, что преподавание философии в российских университетах находилось под постоянным бдительным контролем властей, остановить рост философского мышления было невозможно. Уже в самом начале XIX в. появляются переводы некоторых сочинений Канта («Основоположения по метафизике нравов» — 1803; «О прекрасном и возвышенном» — 1804). По свидетельству Надеждина, ставшего впоследствии профессором, во время его поступления в Московскую духовную академию (1820) там по рукам ходил рукописный перевод «Критики чистого разума» Канта. «О Канте, как выдающемся философе, — пишет В. В. Зеньковский, — говорили в Москве еще в 80-х годах XVIII века» [20]. О значении критицизма Канта в России пишет и Н. О. Лосский. В «Истории русской философии» (глава XII. «Русские неокантианцы») он свидетельствует: в Западной Европе иногда говорят, что русская философская мысль развивалась в стороне от кантовского критицизма и поэтому русская философия находилась на более низом уровне развития, чем европейская. Н. О. Лосский категорически возражает подобным утверждениям, «...такие высказывания, — подчеркивает он, — являются следствием полного незнания русской действительности, ибо известно, что Кант оказал па русскую философию влияние не меньшее, чем на английскую и французскую» [21]. «Критика чистого разума» была переведена на русский язык трижды: М. И. Владиславлевым (1867), Н. Соколовым (1897), Н. О. Лосским (1907). На протяжении XIX в. в России появился ряд философских работ, которые свидетельствуют о знании критицизма Канта. Более того, в них подвергалась серьезной критике его теория познания. В числе русских неокантианцев или представителей трансцендентально-логического идеализма (одной из форм неокантианства) были А. И. Веденский, И. И. Лапшин, С. Гессен, Г. Гурвич, Ф. Степун, В. Сеземан, Б. Яковенко, Ланц, В. Савальский, Н. Болдырев, Г. Шпет. О высоком признании заслуг Канта в России свидетельствует его избрание в июле 1794 г. иностранным членом Петербургской академии наук, возглавляемой Е. Р. Дашковой.

Многие российские писатели, люди творческой мысли разделяли взгляды Канта, были его поклонниками. Гостем Канта был Карамзин, еди-

номышленником философа называют Ф. М. Достоевского. Вел переписку с Кантом русский князь, образованнейший человек своего времени А. М. Белосельский. Неоднократно имя Канта упоминается в сочинениях Л. Н. Толстого. Писатель, как свидетельствует А. Гулыга, изучал философа в подлинниках и в переложениях, чем ближе к старости, тем основательнее. Иногда полемизировал с ним, но чаще старался опереться. В конце жизни пришел к выводу, что они полные единомышленники, однако сетовал на труднодоступность Канта.

Последним произведением Канта был трактат «Вечному миру», вызвавший большой интерес в Германии. В 1799 г. он пробовал написать «Систему чистой философии во всей её совокупности», но для этого уже не хватило сил.

В 1803 г. Кант написал на памятном листке библейские слова: «Жизнь человека длиться 70 лет, много 80». Ему было в то время 79 лет. В октябре 1803 г. с Кантом случился припадок. С тех пор силы его быстро угасли, он не мог больше подписать своего имени, забывал самые обыкновенные слова. 12 февраля 1804 г. Кант тихо скончался. Последние его слова были: «Это хорошо».

Кант прожил большую жизнь, всепоглощающим интересом которой была философия. Жить для него значило работать, в труде он находил главную радость. Жизнь Канта, как справедливо пишет А. А. Гулыга, — пример единения слова и дела, проповеди и поведения. Он умер со спокойной совестью с сознанием исполненного долга.

Литература

1. Гейне Г. Соч. М., 1934. Т. VII. С. 102.

2. Рассел Б. История западной философии. Кн. 3. Новосибирск, 1994. С. 197.

3. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 56.

4. Кант И. Соч. в 6-ти т. Т. I. М., 1963. С. 126.

5. Кант И. Соч. Т. 3. М., 1964. С. 95.

6. Укоренившееся в сознании российского читателя понятие «вещь в себе» уточнено в издании «Критика чистого разума» (1994), где оно переводится как «вещь сама по себе», что является эквивалентом немецкого «das Ding an sich».

7. Кант И. Соч. Т. 4. С. 260.

8. Там же. С. 280.

9. Там же. С. 270.

10. Рассел Б. История западной философии. Кн. 3. Новосибирск, 1994. С. 202.

11. Кант И. Соч. Т. 4. М., 1965. С. 139.

12. Там же. С. 96.

13. Кант И. Соч. Т. 6. С. 22.

14. Ойзерман Т. И. Кант // Новая философская энциклопедия. В 4-х т. Т. 2. М., 2001. С. 210.

15. Гейне Г. Собр. соч. в 6-ти т. Т. 4. М., 1982. С. 284.

16. Там же.

17. Зеньковский В. В. История русской философии. Т. I. 4.1. Ленинград, 1991. С. 119.

18. Лосский Н. О. История русской философии. М., 1991. С. 187.

МЫСЛИТЕЛЬ И РЕВОЛЮЦИОНЕР

Карл Маркс

5 мая сего года исполнилось 200 лет со дня рождения Карла Маркса, великого ученого и общественного деятеля, ставшего основоположником коммунистической теории, оказавшего огромное влияние на мир, тенденции его развития.

Двухсотлетие со дня рождения Карла Маркса вызвало новый интерес к личности Маркса, его творчеству, судьбе его учения. На Западе издаются большими тиражам его книги, статьи. В европейских и американских университетах прошли конференции, круглые столы, посвященные его наследию. Обращается внимание на его заслуги перед человечеством, перед экономической, политической наукой, социологией и философией. В то же время встречаются и необъективные, тенденциозные трактовки его взглядов, а то и просто примитивная их фальсификация.

В этой связи нами ставится задача проследить развитие идей Маркса, их значимость для науки и практики. Общеизвестным является то, что К. Маркс вместе со своим другом и соратником Ф. Энгельсом создал систему философских, политэкономических, политических воззрений, ставшую крупнейшим и влиятельнейшим направлением современной социальной мысли. С Карлом Марксом связа-

но превращение стихийного движения рабочих против гнета капитала в сознательную классовую борьбу за низвержение старого строя, возникновение международного коммунистического движения и первых революционных партий, партий рабочего класса и многое другое.

Карла Маркса еще в молодости сравнивали с Прометеем, который, согласно античной мифологии, дал людям знания, обучил их ремеслам, принес им огонь, чтобы избавить от голода, холода и мрака. В образе Прометея был олицетворен творческий гений человечества, неукротимая воля Карла Маркса в борьбе за прогресс, свободу и счастье. Открыв законы развития общества, Карл Маркс впервые указал трудящимся реальные пути и средства освобождения от социального гнета, создания условий для подлинно человеческой жизни, для обеспечения свободного всестороннего развития всех физических и духовных способностей каждого человека. Неслучайно учение Карла Маркс приобрело много сторонников во всех уголках мира.

В день восьмидесятилетия (в 1952 году) известного английского философа Бертрана Рассела один американский журналист спросил его:

- Кто, по вашему мнению, является в наше время самым влиятельным философом?

Рассел ответил:

- К сожалению, Карл Маркс [1].

Лауреат Нобелевской премии, всемирно известный американский экономист российского происхождения Василий Леонтьев говорил, что выводы Маркса — это выдающийся ряд сбывшихся прогнозов, которым современная экономическая наука со всем её сложным аппаратом противопоставить ничего не может. А бывший глава Европейского банка реконструкции и развития Жак Аттали заявил: «Ни один человек не оказал на мир большего влияния, чем Карл Маркс в XX веке».

В Китае на торжествах, посвященных 200-летию К. Маркса, Генеральный секретарь ЦК КПК Си Цзиньпин сказал: «Сегодня мы собрались здесь в торжественной обстановке, чтобы со всей искренностью отдать дань уважения Карлу Марксу в связи с 200-й годовщиной со дня его рождения, вспомнить его великие личные и исторические успехи, великий дух и великолепие его теорий … Прошло двести лет, и несмотря на огромные и глубокие изменения в обществе, имя Карла Маркса пользуется уважением во всем мире, его теория по-прежнему блистает подобно бриллианту светом истины».

По количеству изданных в мире экземпляров «Капитал» уступает только Библии. По данным Библиотеки конгресса США, Марксу посвящено больше научных трудов, чем любому другому человеку в мире. По результатам опроса, проведенного

«Би-би-си» на исходе XX в., Маркс был признан величайшим мыслителем тысячелетия [2].

За годы своей жизни Карл Маркс написал огромное количество работ. Гениальность мыслителя, его проницательный ум, титанический труд, понимание своего долга перед трудящимися позволили ему создать то, что было не под силу другим.

Возникновение марксистского учения — закономерное явление. Основными социальными предпосылками его появления были развитие капиталистического способа производства, обострение классовых противоречий буржуазного общества, быстрый рост пролетариата и выход его на арену исторической борьбы. Осмысление этих процессов опиралось на все достижения общественной мысли, в особенности на приобретения немецкой философии, английской политической экономики и французского социализма.

Сами по себе эти приобретения не давали всестороннего научного понимания исторического процесса, не составляли цельного мировоззрения. Необходим был совершенно новый подход к истории, к пониманию процессов исторического развития и роли в нем отдельных общественных классов, отдельных личностей и народных масс. И этот новый подход был выработан Марксом. Оказывали воздействие на формирование взглядов Маркса и проблемы его собственной жизни.

Родился Карл Маркс 5 мая 1818 г. в небольшом городе Трир Реинской области. В экономическом и политическом отношении это была одна из наиболее развитых частей Германии. Отец Маркса был юристом, занимал должность адвоката в высшем апелляционном суде. Его политические воззрения не выходили в целом за пределы либерализма. В вопросах религии отличался известным вольнодумством, хотя происходил из семьи раввинов. Незадолго до рождения Карла он перешел из иудаизма в лютеранство — шаг, связанный с теми ограничениями, которым подвергались евреи в тогдашней Германии. Позже были крещены его жена и дети.

К сыну Генриху Маркс относился с большой нежностью, неустанно заботясь о его духовном развитии.

Карл отвечал отцу горячей привязанностью. Это чувство не ослабело и в период, когда между сыном и отцом обнаружились расхождения во взглядах и в понимании жизненного призвания. Всю жизнь Маркс сохранил глубокое уважение к памяти отца и не расставался с его фотографией, сделанной со старинного дагерротипа. Когда Маркс умер, эту фотографию Энгельс положил к нему в гроб. Мать занималась домашними делами. У Маркса было трое братьев и пять сестер. Братья умерли рано, и лишь три сестры — старшая Софья и млад-

шие, Эмилия и Луиза, — пережили его.

Маркс был любимцем в семье. Живой ум, изобретательность в играх, способность образно передавать и сочинять всевозможные фантастические истории и сказки делали его душой детских компаний.

В 1830 г. Маркс поступил в Трирскую гимназию, после окончания которой учился сначала в Боннском, затем Берлинском университетах. Женился он на аристократке Женни фон Вестфален, которая была старше его на четыре года. У них было четверо детей, три дочери и сын Эдгар, который рано умер [3]. В апреле 1841 г. в Иене Марксу была заочно присуждена докторская степень на основании диссертации о различии между натурфилософией Демокрита и Эпикура.

В университете Карл Маркс находился под влиянием тогда еще распространенного гегельянства. Он стал членом кружка младогегельянцев, именовавшегося «Докторским клубом». В кружке подвергали критике религиозные и философские догмы, высказывали радикальные политические убеждения о защите свободы совести, печати и т. д. — все это вызывало симпатии у молодого Маркса. Очень скоро он стал одним из духовных руководителей «Докторского клуба». Его огромные знания, сила логики, глубина и последовательность выводов вызывали восхищение даже у людей, старших по возрасту и добившихся определенного общественного признания. С Марксом не только обращались как с равным, но многие открыто признавали его превосходство. Вполне естественно, что он и в своем диссертационном труде опирался на Гегеля. Вскоре он попадает под влияние материалистических взглядов Л. Фейербаха.

В 1943 г. Маркс едет в Париж, где происходит его встреча с Ф. Энгельсом, сыном богатого фабриканта. Здесь зародилась их дружба, оказавшая огромное влияние на всю последующую жизнь Маркса и Энгельса и их учение. В 1843–1844 гг. завершается переход Маркса на революционно-коммунистические позиции.

В начале 1844 г. вышел журнал «Немецко-французский ежегодник». В нем Маркс впервые высказал мысль о том, что коммунистическое преобразование общества — единственно реальный путь преодоления ограниченности буржуазной революции и освобождения человека от социальных, национальных и других оков.

К. Маркс участвует в революциях во Франции и Германии в 1848 г. в связи с чем под воздействием реакции вынужден был уехать в Англию. Здесь Марксом и Энгельсом реорганизуется «Союз справедливых» в «Союз коммунистов», чем была заложена основа всей последующей истории революционного рабочего движения, а написанный ими «Манифест

Коммунистической партии» стал первым программным документом марксизма. Это вершина творчества основоположников марксизма до революции 1848 г. В «Манифесте Коммунистической партии» основы марксизма впервые были изложены в стройном и систематизированном виде. Маркс и Энгельс показали, что на данном этапе развития капитализма производственные отношения перестали соответствовать выросшим производственным силам, стали тормозить их дальнейшее развитие. Показателями этого несоответствия являются экономические кризисы, которые потрясают всю капиталистическую систему. С исключительной силой охарактеризовали Маркс и Энгельс сущность капиталистического общества с его жестокой эксплуатацией трудящихся, бесчеловечной моралью, безграничной властью денег, превращающей все человеческие отношения в предмет купли — продажи, а личное достоинство человека, его знания, профессиональное мастерство в простую меновую стоимость.

Доказав неизбежную гибель капитализма, Маркс и Энгельс подчеркнули в то же время, что крах его не произойдет автоматически. Роль могильщика изжившего себя строя предстоит выполнить рабочему классу. Они дали развернутое обоснование всемирно-исторической роли рабочего класса — наиболее революционного из всех классов, которые знала история. Великая заслуга творцов «Манифеста Коммунистической партии» состояла и в том, что они заложили в этом произведении основы учения о пролетарской партии, как организаторе и вожде рабочего класса. С появлением «Манифеста Коммунистической партии» марксизм выступил как сформировавшееся в главных чертах цельное революционное мировоззрение.

Неотъемлемой частью марксизма является материалистическая концепция общества и его истории. Эта концепция рассматривается в ряде его работ, начиная с диссертации «Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура», затем — в «К критике Гегельской философии права» (1843), «Экономическо-философских рукописях» (1844), «Святое семейство» с Энгельсом (1845), «Немецкая идеология» с Энгельсом (1846) и др. Так, в «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс формируют основной вопрос философии об отношении сознания к бытию следующим образом: «Сознание никогда не может быть чем-либо иным, как осознанным бытием, а бытие людей есть реальный процесс их жизни … Не сознание определяет жизнь, а жизнь определяет сознание» [4]. Резюмируя сущность материалистического понимания истории, Маркс и Энгельс пишут: «Итак, это понимание истории заключается в том, чтобы, исходя именно из материального производства непосредственной жизни, рас-

смотреть действительный процесс производства и понять связанную с данным способом производства и порожденную им форму общения — т. е. гражданское общество на его различных ступенях — как основу всей истории; затем необходимо изобразить деятельность гражданского общества в сфере государственной жизни, а также объяснить из него все различные теоретические порождения и формы сознания, религию, философию, мораль и т. д. и т. д., и проследить процесс их возникновения на этой основе, благодаря чему, конечно, можно будет изобразить весь процесс в целом (а потому также и взаимодействие между его различными сторонами). Это понимание истории, а в отличие от идеалистического… объясняет не практику из идей, а идейные образования из материальной практики и в силу этого приходит также к тому выводу … что не критика, а революция является движущей силой истории, а также религии, философии и прочей теории» [5].

Важной составляющей материалистического мировоззрения является концепция материалистической диалектики. Эта концепция была сформирована на основе воспринятых Марксом и Энгельсом диалектических идей Гегеля. Однако у Гегеля диалектика представляла независимой от реальности областью, чистыми законами абсолютного духа. У него диалектика относится, прежде всего, к пребыванию Абсолютной идеи в её собственном лоне. У Маркса и Энгельса диалектика стала неотъемлемой характеристикой материального мира и методом его познания.

Важную роль в историческом познании общества сыграли созданные Марксом формационная и цивилизационная теории. Общественно- экономическая формация, по Марксу, это — исторически определенный тип общества, представляющий собой особую ступень в его развитии. В основе общественно-экономической формации лежит определенный способ производства материальной жизни в единстве производительных сил и производственных отношений. Кроме того, это понятие охватывает и все другие стороны общественной жизни в их органической взаимосвязи. Впервые понятие «формация» появилось в работе Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта». В развернутом виде оно было представлено в Предисловии Маркса «К критике политической экономии» (1859). «Ни одна общественно- экономическая формация, — писал Маркс, — не погибнет раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в недрах самого старого общества» [6].

Какие же формации выделял Маркс? В качестве базовых ступеней исторического процесса Маркс (1881) выделяет три большие общественные формации: первичная (общая собственность), вторичная (частная собственность) и третичная (общественная собственность) [7].

Наряду с приведенной (трехчленной) дифференциацией исторического процесса Маркс общественные формации рассматривал и в более узком смысле (пятичленка). Маркс разбил всю историю человечества на пять формаций: первобытнообщинная, рабовладельческая, феодальная, буржуазная и коммунистическая. Указанные формации были определены Марксом на основе западноевропейской истории и вопреки предостережениям Маркса, были представлены в качестве всеобщих единственно возможных ступеней исторического процесса. Маркс употреблял еще понятие азиатского способа производства, обращал внимание на его специфику, но не подвергал его глубокому научному анализу. Данное понятие вызвало острые дискуссии среди исследователей, которые, кстати, не увенчались принятием согласованной позиции. Заслугой Маркса является то, что он впервые увидел то, что во всей мировой истории имеют место определенные ступени, стадии, что исторический процесс не стоит на месте и что каждая его стадия или формация качественно отличается от предыдущей, прежде всего способом производства материальных благ.

Что касается понятия цивилизации, то его ввёл в научный оборот французский просветитель Мирабо (в 1756 г.). Под этим термином французские просветители понимали общество, основанное на началах разума и справедливости. Фундаментом цивилизации является общественное богатство, включающее в себя всё многообразие материальных и духовных ценностей, созданных человечеством на протяжении всей его истории. Неповторимость, особенность той или иной цивилизации лишь частично могут быть объяснены влиянием экономических факторов. Именно с этих позиций Маркс подходит к характеристике цивилизации. «Один и тот же экономический базис- один и тот же со стороны основных условий- благодаря бесконечно разнообразным эмпирическим обстоятельствам, естественным условиям, расовым отношениям, действующим извне историческим влиянием и т. д. — может обнаружить в своем проявлении бесконечные варианты и градации, которые возможно понять лишь при помощи анализа этих эмпирических данных обстоятельств» [8].

В изучении исторического процесса важно использовать как возможности формационного, так и цивилизационного подходов. Они с необходимостью дополняют друг друга.

Важнейшее место в марксизме занимают проблемы теории пролетарской революции и диктатуры пролетариата. Начиная со своих первых работ, основоположники марксизма выступают как революционеры. В 1850–1852 гг. выходят их работы «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.», «Восемнадцатое брюмер Луи Бонапарта» Маркса, «Революция и контрреволюция в Германии» Энгельса и другие, в которых они обобщили опыт революций 1848–1851 гг. Важнейшее место в этих произведениях занимают проблемы теории пролетарской революции и власти рабочих.

Обосновывая необходимость революции, они видят в ней форму разрешения конфликта между развивающимся самосознанием и наличной сопротивляющейся радикальным переменам действительностью.

Обобщая наметившиеся в буржуазно-демократических революциях 1848–1851 гг. тенденции, Маркс и Энгельс выдвинули и обосновали теорию перманентной (непрерывной) революции. Они исходили из того, что развитие классового антагонизма между пролетариатом и буржуазией заключает в себе возможность перехода от революции буржуазной к революции пролетарской.

В работах этого периода ими выдвинута идея о союзе пролетариата и крестьянства. По образному выражению Маркса, в лице крестьянства «пролетарская революция получит тот хор, без которого её соло во всех крестьянских странах превратиться в лебединую песню» [9].

Разрабатывая теорию пролетарской революции, Маркс и Энгельс пришли к выводу о необходимости завоевания власти пролетариатом.

В работе «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.» Маркс впервые употребил для обозначения государственной власти рабочего класса при переходе от капитализма к социализму термин «диктатура пролетариата». После изучения опыта Парижской Коммуны он определил её как государство нового типа.

Своё понимание смысла и значения диктатуры пролетариата Маркс изложил в письме к И. Вейдемейеру от 5 марта 1852 г. Маркс писал: «Что касается меня, то мне не принадлежит ни та заслуга, что я открыл существование классов в современном обществе, ни та, что я открыл их борьбу между собою. Буржуазные историки задолго до меня изложили историческое развитие этой борьбы классов, а буржуазные экономисты — экономическую анатомию классов. То, что я сделал нового, состояло в доказательстве следующего: 1) что существование классов связано лишь с определенными историческими фазами развития производства, 2) что классовая борьба ведет к диктатуре пролетариата, 3) что эта диктатура сама составляет лишь переход к уничтожению

всяких классов и к обществу без классов» [10].

В процессе анализа исторического процесса основоположники марксизма пришли к выводу, что в классовом обществе политически и духовно господствует всегда тот класс, которому принадлежит экономическое господство. Всякий класс, стремящийся к политическому господству, представляет свой интерес как интерес всего общества, всех граждан данного государства и тем самым создается иллюзия защиты всеобщих интересов, хотя на самом деле не так, ибо пришедший к власти класс отстаивает свои собственные интересы.

Мысли Маркса очень актуальны в современную эпоху, в том числе и в России, где уже сформировался класс буржуазии и где средства массовой информации (СМИ) оказались в руках этой буржуазии. Благодаря СМИ буржуазия манипулирует общественным мнением, она проводит в законодательные органы своих представителей, которые верой и правдой служат ей.

Огромный вклад внес К. Маркс в разработку экономической теории, которая была раскрыта в его главном труде «Капитал». В 1867 году вышел из печати его первый том. Второй и третий тома были подготовлены к печати и выпуску в свет Ф. Энгельсом уже после смерти Маркса.

Основное содержание первого тома составляет анализ определяющего производственного отношения капитализма, — отношения эксплуатации наемного труда капиталом.

В процессе развития товарного отношения происходит превращение денег в капитал, перераспределение товарного хозяйства в капиталистическое, основанное на эксплуатации наемного труда.

Маркс открыл тайну капиталистической эксплуатации, дал подлинную научную теорию прибавочной стоимости, которая, по выражению Энгельса, произвела такое впечатление, как удар грома с ясного неба. Классическая буржуазная политическая экономия не смогла объяснить происхождение прибавочной стоимости и ее истинной природы.

Марксу принадлежит открытие того факта, что товар, который продает рабочий и покупает капиталист, является рабочая сила, то есть способность к труду, а не сам труд, как полагали представители буржуазной политической экономии. Это открытие дает ключ к глубокому объяснению механизма капиталистической эксплуатации.

«Капитал» Маркса — не только экономическое произведение. В нем развиты также марксистская философия, всесторонне обоснована неизбежность гибели капитализма и победа социализма. После выхода первого тома «Капитала» участник революции 1848–1849 годов соратник Маркса Иоганн Беккер писал: «Капитал» —

это наш меч, наша броня, оружие нападения и защиты» [11].

Давая высокую оценку «Капиталу», III конгресс 1 Интернационала, состоявшийся в 1868 г., рекомендовал рабочим изучать «Капитал» во имя успеха их освободительной борьбы. В России «Капитал» был издан в 1872 г. Это было первое издание на иностранном языке. Кстати, сегодня «Капитал» Маркса внесен в реестр духовного наследия ЮНЕСКО.

За прошедшие 200 лет мир во многом изменился. Появились социалистические страны, детище трудящихся, результат их борьбы за социальный прогресс под руководством коммунистических партий; рухнула колониальная система империализма; серьезных успехов добился рабочий класс экономически развитых капиталистических стран. «Западным пролетариям, — как пишет Р. Вахитов, — удалось добиться многого: всеобщего избирательного права, фракций рабочих партий в парламентах, законодательства о рабочих, улучшающего их положение, права на получение образования, на больничные и отпуска, на детские сады для детей рабочих, на пособия по безработице, избирательное право для женщин…

Вместе с тем экономическое преуспевание западных трудящихся и вообще малообеспеченных слоев общества все же сильно преувеличено и очень шатко. После падения Советского Союза, успехи в социальной политике которого заставляли капиталистов Запада ослаблять кандалы эксплуатации из элементарного эгоистического страха, положение трудящихся Запада стало заметно осложняться. Даже в североевропейских странах, где, по общему мнению, царствует свособразный «социализм», стали урезать социальные пособия, бесплатную медпомощь, в других же государствах Европы и особенно в США власти перешли к откровенно неолиберальной политике.

Но дело не только в экономике. Западные режимы, продолжающие называть себя «демократиями», сохранили свой плутократический характер» (12), власть по-прежнему принадлежит преимущественно владельцам больших капиталов. Так, в США в 2014 г. около половины членов американского конгресса (268 из 534) были миллионерами (в 2017 г.) в конгрессе и сенате таковых уже было около 70%. Так называемые «рабочие партии» давно уже утеряли всякую связь с рабочим классом, нередко выражают интересы крупного капитала. Западные режимы научились манипулировать сознанием масс, используя новейшие технические средства: радио, телевидение, интернет. Представители низших классов превращаются в зомби-потребителей и сами поддерживают капиталистическую элиту вместо того, чтобы бороться против неё [13]. Кстати, не отстаёт в этом от западных режимов чиновниче- оли-

гархический режим в России. В капиталистических странах не потеряла своей классовой природы и система образования. Все это свидетельствует о том, что хотя некоторые стороны учения К. Маркса устарели, так как отражают реалии XIX в., в целом марксизм сохраняет свою актуальность до сих пор. Капитализм зашел в безнадежный тупик, что и предвидел великий мыслитель. Он и предсказывал пути выхода из него.

К. Маркс прожил трудную жизнь. Но, как пишут его биографы, он не искал легких путей. Это был, прежде всего, борец. Борьба за свободу и счастье людей труда, борьба против эксплуататоров и их прислужников являлась его жизненным призванием. С юных лет вступил он в противоборство с самодержавием, мракобесием, политическим и социальным утеснением. На протяжении всей своей жизни не выпускал он из рук оружие беспощадной критики, выступал против ложных идей, фальшивых лозунгов, псевдонаучных теорий, против косности, лицемерия, малодушия, бросая вызов господствующим классам, их идеологам и политическим деятелям.

Выходец из имущего класса, он отказался от блестящей университетской карьеры, от комфортной жизни преуспевающего ученого или модного литератора и выбрал трудную судьбу политического изгнанника, порвал со своей средой, вынужден был покинуть родную страну, обрекая себя, жену и детей на скитания и лишения, на полицейские преследования.

Жизнь Маркса оборвалась рано из-за болезней, вызванных непомерным, титаническим трудом и крайне тяжелыми, временами бедственными условиями существования. Но он имел счастье увидеть первые плоды своей теоретической и практической деятельности, получил при жизни признание, завоевал любовь рабочих, во имя которых он совершил свой жизненный подвиг. Личность Маркса многозначна. В нем органически слились черты великого ученного, неутомимого исследователя и первооткрывателя научных истин, революционного трибуна и руководителя освободительной борьбы революционных масс.

Маркса отличали высокие человеческие качества — простота, сердечность, и жизнелюбие, непреклонная воля и необычайная работоспособность, бесстрашие и мужество.

Умер Маркс 14 марта 1883 года. Франц Меринг пишет: «Конец наступил неожиданно. 14 марта около полудня Карл Маркс тихо и безболезненно навсегда заснул в своем кресле. В субботу 17 марта Маркс был похоронен возле своей жены. Семья тактично отказалась от «всякого церемониала», который прозвучал бы резким диссонансом ко всей жизни Маркса».

Только несколько преданных друзей стояли у открытой могилы: Энгельс с Лесснером и Лохнером,

двумя старыми товарищами Маркса еще по союзу коммунистов; из Франции приехали Лафарг и Лонге, а из Германии Либкнехт; присутствовали также два видных представителя науки — химик Шорлеммер и зоолог Ланкестер.

Последнее прощальное приветствие своему мертвому другу Энгельс произнес по-английски. Он в кратких, искренних правдивых словах выразил все, чем Маркс был и остается навсегда для человечества.

Энгельс закончил свою речь словами «… он умер, почитаемый, любимый, оплакиваемый миллионами революционных соратников во всей Европе и Америке, от Сибирских рудников до Калифорнии, и я село могу сказать: у него могло быть много противников, но вряд ли был хоть один личный враг.

И имя его и дело переживут века!»

Слова Ф. Энгельса поистине оказались пророческими. Учение Маркса оказывало и оказывает неослабевающее влияние на мир.

Литература

1. Константинов Ф. В. Марксизм-ленинизм в высшей школе // Материалы всесоюзного совещания заведующих кафедрами общественных наук. М.,1959. С. 10.

2. Приводится по: Зюганов А. Мыслитель, изменивший мир // Советская Россия. 2018. 4 мая.

3. Рассел Б. История западной философии. Кн. 3. Новосибирск, 1994. С. 265.

4. Маркс К. и Энгельс Ф. Избр. произв.: в 3 т. М., 1966. Т. 1. С. 14.

5. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 6–7.

6. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. 2. С. 354.

7. Карл Маркс: биография / рук. автор. кол. П. Н. Федосеев. М., 1968. С. 77.

8. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. 2. С. 354.

9. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 8. С. 607.

10. Марке К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 28. С. 427.

11. Привод. по: К. Маркс: биографии / рук. автор. кол. П. Н. Федосеев. М., 1968. С. 421.

12. Вахитов Рустем. Трибун грядущей демократии // Советская Россия. 5 мая 2018 г.

13. Там же.

ПЕРВЫЙ БУРЯТСКИЙ УЧЕНЫЙ

Дорджи Банзаров

Учеба. Доржи Банзаров первым из бурят в 40–50-е годы прошлого века проложил путь в науку, посвятил себя одной из наиболее сложных форм интеллектуальной деятельности. Выходец из казачьей семьи отставного пятидесятника, он стал известным ученым-востоковедом, который, по словам русского ориенталиста Григорьева, «был способен с честью носить докторский колпак в любом из высших учебных заведений мира». Будучи человеком науки, Доржи Банзаров одновременно являлся также одним из ярких представителей российской интеллигенции и предвестником новых интеллектуальных сил, зарождавшихся в недрах бурятского общества.

Родился Доржи Банзаров в 1822 г. в бурятском улусе Ичетуй Забайкальской области, расположенном в живописной долине реки Джиды. Отец его, Банзар Борхонов, был крестьянином и принадлежал к казачьему сословию. У родителей он был пятым сыном. Ему дали имя Доржи, что означает «алмаз». Когда жители улуса при степной реке совершали по старинному обычаю бурят пеленание новорожденного, едва ли подозревали, что имя их земляка будет впоследствии сверкать как яркий алмаз науки. А случилось именно так (И. Тугутов).

В 1832 г. десятилетний Доржи был отдан родителями в Троицкосавскую войсковую русско-монгольскую школу. В учебе юноша проявил незаурядные способности. После окончания школы получил свидетельство. Из него видно, что Доржи обучался «... чтению и письму по-русски и по-монгольски, российской и монгольской грамматике, в которой пройдено до спряжения глаголов, арифметике — первой и второй части — и российскому землеописанию до естественных произведений; сверх сего слушал закон ламайской веры и упражнения в военной экзерциции» [1].

В 1835 г. в числе нескольких бурятских мальчиков Доржи был отправлен в Казанскую гимназию. В гимназии Банзаров изучал русскую грамматику, словесность, логику, математику, историю, географию, стати-

стику, а также иностранные языки — латинский, французский, английский, турецкий и монгольский [2].

В июне 1842 г. Доржи Банзаров окончил курс гимназии с золотой медалью. В том же году он поступил на восточное отделение философского факультета Казанского университета. В университете он получил широкое образование в области гуманитарных наук и обнаружил блестящие способности к научной работе.

Социально-политическая обстановка в России. Западники и славянофилы. Формирование Доржи Банзарова как ученого, интеллигента проходило в сложной, противоречивой исторической обстановке. С одной стороны, царизм, разгромив выступление декабристов, в последующие десятилетия стремился усилить свое влияние на интеллигенцию, взять под контроль всю духовную сферу жизни общества; с другой стороны, декабристское движение разбудило передовую Россию, всколыхнуло ее интеллигенцию, перед которой в течение поколений не меркли величественные, «кованые из чистой стали» фигуры интеллигентов-декабристов, без оглядки порвавших с роскошью сословных привилегий и пошедших на явную гибель во имя высоких целей и благородных идеалов. Не случайно выступление декабристской интеллигенции неоднократно давало повод историкам и социологам датировать декабристским восстанием появление интеллигенции в России, с чем, разумеется, вряд ли можно согласиться. Ибо интеллигенция — это не только культурно-нравственная категория, но и социальная категория, характеризующаяся определенным характером и содержанием выполняемого труда, которые непосредственно не связаны с формированием тех или иных нравственных и политических качеств.

Специфическую атмосферу в области духовной жизни общества создавала борьба о путях дальнейшего развития России, которая велась между представителями двух важнейших течений русской общественной мысли 40-х годов — западниками и славянофилами. Первые, к числу которых принадлежали В. Г. Белинский, А. И. Герцен, Н. Б. Станкевич, Т. Н. Грановский, И. С. Тургенев и другие, считали, что необходимо перестроиться на западный лад, стать европейцами в лучшем смысле слова, то есть освободить свою личность из-под ярма косной ограниченности, воспитать в себе чувство собственного достоинства, развить свой ум критикой и свободным исследованием. Позиция же славянофилов (А. С. Хомяков, братья И. В. и П. В. Киреевские, К. С. Аксаков, Ю. Ф. Самарин) была диаметрально противоположной: нужно, отвергнув ложное, формальное западное «полупросвещение», возродить в себе утраченное — «истинно русский дух»; основное же

средство для этого — обращение к простому народу, к его обычаям, к его вере. Борьба и последующее сближение этих влиятельных течений сопровождались неустанной пропагандистской деятельностью, будоражившей российское общество, его интеллигенцию. Основные положения доктрин западников и славянофилов вырывались за пределы литературных салонов, проникали в стены гимназий, университетов, на страницы демократических газет и журналов.

Интеллигенция и национальность. Говоря об общей атмосфере, господствовавшей в духовной сфере российского общества в 40–50-е годах, нельзя не коснуться темы «интеллигенция и национальность», прежде всего выяснить отношение русской интеллигенции к другим народам России, их культуре. Однако вначале следует подчеркнуть, что русская интеллигенция на протяжении всей своей истории с полным сознанием своего долга выполняла свои национальные функции. «Её история, — отмечает М. А. Славинский, — сплошной подвиг национального служения. В самое короткое время и при самых неблагоприятных условиях русская интеллигенция взрастила и взлелеяла великую литературу, высокую научную и художественную мысль, которые позволили русскому народу занять подобающее ему место в ряду мировых национальностей... Отгороженная китайской стеной от политики, подавленная и униженная в бесправии своем, живущая под угрозой кар и мести, русская интеллигенция сберегла творческую политическую мысль, создав единственно ее усилием высокие политические идеалы» [3]. Что же касается ее отношения к другим народам России, их духовному развитию, то русская интеллигенция, прежде всего в лице своей передовой части, выступала на стороне этих народов, способствовала их национальному возрождению, созданию собственной интеллигенции. Говоря о качестве, которое, по мнению М. А. Славинского, резко выделяет ее из ряда первенствующих национальностей в многонациональных государствах, он подчеркивает, что «это — более или менее полная нейтрализация националистических очертаний. Не всегда это было так и с нею. Русская интеллигенция первой четверти XIX века была националистической, в значительной степени она оставалась таковой и во всю первую половину прошлого столетия... Лишь с середины прошлого века, с полным отрывом стремящейся вперед интеллигенции от застывшего в устарелых формах государственности правительства, с борьбой против него из-за государственного национального совершенствования, с русской интеллигенции спали ветхие одежды националистической агрессии. Ни с какой стороны русская интеллигенция не повинна в тех ужасах денационализации, которыми

наполнены последние пятьдесят лет истории Российского государства. Она брезгливо отворачивалась от практики имперской национальной политики, смягчая ее удары высоким гуманным сочувствием...» [4].

Все народы, за исключением поляков, немцев, народов Финляндии, национальное развитие которых шло особым путем, начали свое возрождение под абсолютным влиянием русской культуры.

Атмосфера в области духовной жизни, сложившаяся в рассматриваемый период, несомненно, оказала влияние на формирование российской интеллигенции. Эта атмосфера проникала во все поры жизни интеллектуальной части общества не только Петербурга, Москвы, но и таких окраинных городов, как Казань, где к тому времени было довольно значительное число интеллигенции, в том числе ученых, литераторов. Сюда часто приезжали выдающиеся представители русской литературы, известные мастера сценического искусства. Передовая казанская общественность живо интересовалась литературой, искусством, активно откликалась на политические события в стране.

В Казанском университете. В стенах Казанской гимназии, в которой учился Доржи Банзаров, в разные годы воспитывались видные представители русской науки и культуры, в том числе поэт Державин и писатель Аксаков, профессора университета Лобачевский, Симонов, Бутлеров, художник Шишкин, организатор первого марксистского кружка в Казани Федосеев, ориенталисты Фойгт, Попов и другие. Обучаясь в гимназии, Доржи Банзаров близко познакомился со студентом университета В.Васильевым, который через несколько лет стал известным китаистом, и его другом, тоже студентом университета, П. И. Мельниковым-Печерским, будущим известным русским писателем [5].

Как отмечалось, с 1842 года Доржи Банзаров учился на восточном отделении философского факультета Казанского университета, который являлся в те годы одним из крупных научных центров России. Ректором университета был гениальный математик и замечательный философ Н. И. Лобачевский. На восточном разряде университета работали крупнейшие востоковеды, в том числе профессор О. М. Ковалевский — один из основателей научного монголоведения в России. В стенах Казанского университета, в тесном общении с передовыми русскими людьми, под влиянием русской демократической мысли формировались мировоззрение и научные взгляды Доржи Банзарова. Именно здесь он утвердился как один из видных представителей передовой российской интеллигенции.

Научные исследования. Диссертация. Доржи Банзарова отличали широкая образованность в области

гуманитарных наук, высокая умственная культура. Это был человек с развитым интеллектом, обнаруживший способности к научной работе. Об этом свидетельствуют отличные результаты его учебы в гимназии, университете, защита диссертации «Черная вера или шаманство у монголов», ряд опубликованных научных работ. Диссертация, как одна из лучших, в том же году была напечатана в «Ученых записках Казанского университета» (Кн. III, 1846. С. 53–120). Работа Банзарова обратила на себя большое внимание и вызвала в русском ученом мире всеобщий интерес. Известный исследователь Центральной Азии Г. Н. Потанин в 1891 г. писал: «Черная вера, или шаманство у монголов» и до сих пор представляет одно из лучших сочинений о сибирском шаманстве» [5].

Чем привлекла к себе внимание диссертация Доржи Банзарова? Какие научные проблемы решаются в этом труде?

В книге иркутского философа Л. А. Петрова «Доржи Банзаров, первый бурятский ученый» (Улан-Удэ, 1943), на которую будет опираться автор этого очерка отмечается, что ценность, новизна исследования Доржи Банзарова заключается прежде всего в том, что черная вера, или шаманство, рассматривается автором как конкретно историческое явление в жизни монгольских народов, что шаманство это такая же религия, как и другие религии, но имеющая свои специфические особенности. Нельзя рассматривать шаманство как некую извращенную форму буддизма, зороастризма, других религиозных культов, или заимствованием у соседей. Шаманство, как утверждает автор, эго творчество народа, стоящего на ступени, близкой к первобытному состоянию. Эта простейшая форма верования могла возникнуть самостоятельно и у монголов, и у китайцев, и у тунгусов. Поэтому нет оснований считать его заимствованием в какой бы то ни было форме. Основными источниками возникновения шаманизма Банзаров считал воздействие природы на «младенчествующего» человека, его бессилие перед природой, а также внутренний мир — дух человека. Касаясь особенностей содержания шаманства как древнего религиозного культа, Банзаров доказал, что древнее шаманство не носило в себе понятия единого бога. Оно непосредственно олицетворяло силы природы и прежде всего «синее» небо, что лишь с дальнейшим развитием шаманизма появляется такая абстракция как «вечное» небо и представление о его всемогуществе. Это было глубокое философское проникновение в содержание шаманства по сравнению с современниками, утверждавшими наличие у монголов в культе шаманства понятия Deus (европейские писатели) или Аллаха (мусульманские писатели). Банзаров указывал, что в шаманской ре-

лигии скорее можно найти древнегреческий Олимп, чем представление или понятие о едином боге. Он устанавливает, что шаманисты, помимо неба, поклонялись земле, солнцу, луне, звездам, огню и другим явлениям и стихиям природы. Кроме того, Банзаров впервые в литературе увидел наличие в шаманстве почитания ряда духов или второстепенных богов (тенгри), и душ умерших, сначала родственников, а затем и людей вообще (онгоны). Впервые он дает интерпретацию мифологии древних монголов, показывает праздники как характерную особенность шаманского культа, раскрывает их своеобразие, обусловленное спецификой кочевого быта древних монголов.

В диссертации большое внимание уделяется исследованию культа предков, его генезис. Банзаров выявил, что в самые древние времена монголы оказывали простое уважение покойному родственнику, не приписывая его душе никакого влияния на живых, так как они еще не имели самого понятия о бессмертии души. В последующем под воздействием страха первоначальное простое уважение к предкам подверглось искажению. С течением времени монголы стали верить, что душа человека действует во вред или на пользу живых, отсюда появилось служение добрым и злым онгонам, душам людей чужих, не принадлежащих семейству покойника. Банзаровым были выявлены в шаманизме и значимые политические элементы. Мифы об избранниках неба имели общественно-политическую подкладку, они как правило, выражали интересы родовой аристократии кочевников. Он первый в науке высказал догадку о роли политического фактора в деле закрепления и использования шаманства как культа «родовой знатью» — феодалами и такими же феодалами, создавшими огромные монархии, как Чингисхан, китайские императоры. Интересные мысли были высказаны относительно использования ценностей шаманизма буддизмом, что ускорило процесс завоевания буддизмом Центральной Восточной Азии [6].

Еще до написания диссертации Банзаров интересовался и другими проблемами. Как отмечают М. В. Мохосоев и В. В. Мантатов: «Не малый интерес представляют работы Д. Банзарова, посвященные вопросам монгольского языкознания, историко-философскому анализу памятников монгольской старины. Во времена Банзарова ориенталисты изучали главным образом военные дела монголов, связанные с завоеваниями Чингисхана и чингисидов. Д.Банзаров, справедливо считая эго односторонним, обратил внимание на изучение внутренней истории народов Центральной Азии, их этноса, быта, религии, письменности, памятников материальной культуры. Вместе с другими русскими учеными Д. Банзаров был

представителем новых прогрессивных тенденций в востоковедении» [7].

Как видим, круг научных интересов Доржи Банзарова был достаточно широким. Были и вселявшие надежду способности к научной работе.

Однако по окончании университета ему не суждено было заниматься научной деятельностью. Банзарову пророчили блестящее будущее, хотели оставить преподавателем всеобщей истории в Казанской гимназии, но это назначение не состоялось. Как было отмечено выше, Доржи Банзаров принадлежал к казачьему сословию и по существовавшему тогда положению должен был прослужить в армии 25 лет. Желая посвятить себя научной работе, он стал ходатайствовать об исключении его из казачьего сословия [8].

Чиновник особых поручений. С этой целью 18 января 1848 г. Банзаров выехал из Казани в Петербург, где прожил почти полгода в ожидании результатов своей просьбы. В 1849 г. вопрос о будущем Доржи Банзарова был решен. Он был назначен чиновником особых поручений при генерал-губернаторе Восточной Сибири. В 1850 г. Банзаров уехал в Сибирь и приступил к исполнению чиновничьей службы, которая его очень тяготила. Он был лишен возможности посвятить себя науке.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что глубокие знания Доржи Банзарова, его интеллигентность, признанные научные успехи не отдалили его от той среды народа, из которой он вышел, не увели от реальной жизни. Ему как подлинному интеллигенту была чужда отгороженность от простых людей труда, от широких общественных запросов, чужда душная атмосфера интеллектуального чиновничьего чванства. Будучи служащим при Восточно-Сибирском генерал-губернаторе, Доржи Банзаров часто выезжал в улусы, села, интересовался жизнью, бытом крестьян, защищал их интересы, старался облегчить их нелегкую жизнь. Он стремился больше времени проводить среди местного населения, где, по свидетельству современников, он превращался в старосветского бурята: одевался по-бурятски, пил кумыс или тарасун, одновременно занимался изучением бурятских наречий, сбором сведений о прошлом края.

Российский интеллигент. Наряду с такими качествами интеллигента, как высокая гражданственность, чувство долга перед народом, демократизм мышления, Доржи Банзарова характеризовали бескомпромиссность в борьбе за правду, порядочность, честность, совестливость. До глубины души его возмущали царившие в среде сибирского чиновничества, бурятских нойонов взяточничество, мошенничество, другие злоупотребления. В письме одному из своих друзей он писал: «Денег у меня нет потому, что я живу одним жалованием, хотя у меня бывали такие дела, от которых

другие толстеют; я же от них худею... Я долго прожил между бурятами, проводил следствия строго, одним словом; дела вел не политично; меня на десять дней посадили на гауптвахту, но все-таки ничего со мною нельзя было сделать» [9].

Доржи Банзаров как представитель передовой российской интеллигенции с симпатией относился к демократическим идеям, с удовлетворением встретил сообщение о французской революции 1848 года, что, по-видимому, позволило П.С. Савельеву, близко знавшему Банзарова, приписать ему «сочувствие современным идеям, соучастие в жизни и движениях человечества» [10].

Жизнь, деятельность Доржи Банзарова прошли среди бурят, русских, представителей других народов. Благодаря постоянной помощи, поддержке российских ученых, преподавателей, а также благодаря своим природным способностям, настойчивости, упорству Доржи Банзарову удалось добиться больших успехов в науке, он стал известным ученым-востоковедом. Не случайно ему были присущи глубокая симпатия и уважение к представителям русского народа, его интеллигенции. Можно с уверенностью сказать, что Доржи Банзаров был убежденным сторонником дружбы, сотрудничества народов.

Умер Доржи Банзаров в марте (по новому стилю) в 1855 г. Умер скоропостижно в полном расцвете творческих сил. Доржи Банзаров прожил 33 года, но оставил заметный след в науке.

«Научные исследования Доржи Банзарова, — пишет известный монголовед профессор Д. Б. Улымжиев, — в количественном отношении не очень велико, но оно весомо по своему значению и по широте охвата различных проблем. Он не был специалистом какой-нибудь узкой отрасли науки. В круг его научных исследований входили вопросы истории, этнографии, языка, литературы и религии народов Центральной Азии. Научная деятельность Доржи Банзарова достойно оценена...» [11].

Память о Доржи Банзарове. Его творчество изучается специалистами, проводятся научные конференции, пишутся статьи, монографии.

Имя ученого увековечено в названиях улиц, школ, колхозов.

22 марта 1947 г. Постановлением Совета Министров Бурят-Монгольской АССР имя Доржи Банзарова было присвоено Бурятскому педагогическому институту, а 27 апреля 1957 г. перед зданием пединститута была установлена скульптура Доржи Банзарова. Выполнена известным художником и скульптором Бурятии А. И. Тиминым.

Литература

1. Петров Л. А. Доржи Банзаров. Первый бурят-монгольский ученый. Улан-Удэ, 1943.

2. Улымжиев Д. Б. Научный подвиг Доржи Банзарова // Доржи Банзаров: жизнь, деятельность: материалы науч. конф., посвящ. 170-летию Д. Банзарова / отв. ред. проф. И. И. Осинский. Улан-Удэ, 1992.

3. Славинский М. А. Русская интеллигенция как национальный вопрос. Вехи. Интеллигенция в России: сб. статей 1909–1910. М., 1991. С. 416.

4. Славинский М. А. Там же. С.417.

5. Шофман А. С. Казанский период жизни и деятельности Доржи Банзарова. Улан-Удэ, 1956. С. 34, 35, 36.

6. Петров Л. А. Указ. соч. С. 57–60.

7. Мохосоев М. В., Мантатов В. В. Наука в Бурятии: история, проблемы, перспективы // Развитие науки в Бурятии: сб. статей. Улан-Удэ, 1982. С. 13.

8. Улымжиев Д. Б. Указ соч. С. 4.

9. Приводится по: Доржи Банзаров. Собр. соч. М., 1955. С. 28.

10. Савельев Д. О жизни и трудах Доржи Банзарова. СПб., 1855. С. 12

11. Улымжиев Д. Б. Указ соч. С. 5

ПОЛЬСКИЙ ЭТНОГРАФ-ЯКУТОВЕД

Вацлав Серошевский

Личность этнографа. В 2018 г. исполнилось 170 лет со дня рождения известного польского этнографа, писателя Вацлава Леопольдовича Серошевского. Уроженец местечка Вулька-Козловска (Польша), выходец из семьи землевладельца, участник восстания 1863–1864 гг., он за антиправительственные выступления был сослан в Сибирь. Польша в то время входила в состав Российской империи. В 22-летнем возрасте Вацлав прибыл в Якутию, где провел 12 лет. Вначале его местом жительства был Верхоянск, но после неудачной попытки побега в составе группы ссыльных (1882) он был отправлен в селение Анды-лах Колымского округа, спустя некоторое время был переведен в урочище Енгжу, расположенное в долине реки Алазея. С 1887 г. жил в Намском улусе того же округа, где, как он пишет,

занимался земледелием. С 1892 по 1895 г. находился в Иркутске, после чего навсегда покидает пределы Российской империи. В годы первой мировой войны В. Л. Серошевский в составе бригады польских легионеров под командованием Пилсудского воевал против России за независимость Польши. Некоторое время он был в составе Временного народного правительства в Люблине. В 1933 г. был избран первым президентом Польской академии литературы. Умер в апреле 1945 г. в возрасте 87 лет.

В. Л. Серошевский по натуре был бунтарем, по идейно-политическим взглядам — социалистом, по отношению к своей стране, народу — горячим патриотом. В то же время он с глубоким уважением, симпатией относился к другим народам. Об этом свидетельствует не только факт его женитьбы на якутке, но и отношение с русскими, якутами, представителями других народов, содержание его многочисленных художественных и научных трудов.

Несмотря на то, что В. Л. Серошевский не получил систематического образования (оставил учебу в гимназии), благодаря самообразованию он успешно занимался научным, художественным творчеством. Его перу принадлежит ряд исторических романов, повестей, большое количество рассказов, сценариев.

Еще в начале его творческой биографии, едва ему исполнилось 50 лет, было издано на русском языке восьмитомное собрание его сочинений. Дважды издавалось многотомное собрание его сочинений на польском языке. В богатом творческом наследии В. Л. Серошевского особое место занимают труды по этнографии. Он проявил себя как талантливый ученый-этнограф. В 1902–1903 гг. принимал участие в экспедиции Географического общества, исследовавшей Монголию, Китай, Корею и Японию. Но, пожалуй, основным регионом, где проводились этнографические изыскания В. Л. Серошевского, была Якутия, а главным объектом — ее коренные жители, якуты. Правда, кроме В.Л. Серошевского, научный интерес к этому краю, его людям проявляли многие поляки, сосланные сюда за участие в революционном и национальном движении. В их числе Н. А. Виташевский, Ф. Н. Кон, Э. К. Пекарский, С. В. Ястремский и другие, которые приложили много сил, энергии, знаний для изучения истории, этнографии, языка, устного народного творчества огромного региона. Но пальма первенства в исследовании Якутии несомненно принадлежит В. Л. Серошевскому.

Этнографическое исследование: общая характеристика. За годы его пребывания в Якутии, причем в самых отдаленных, глухих местах, несмотря на ограниченные возможности свободного перемещения, он собрал огромный этнографический материал,

послуживший основой написания большого фундаментального научного труда, названного автором «Якуты, Опыт этнографического исследования» объемом 73 п. л. Книга была издана в 1896 г. и посвящена памяти Александра Федоровича Миддендорфа, известного русского естествоиспытателя, путешественника, составившего естественно-историческое описание Северной и Восточной Сибири и Дальнего Востока. По словам В. Л. Серошевского, в книгах А. Ф. Миддендорфа он нашел «самую существенную помощь и самые ценные указания» и «с пользой следовал его указаниям, привык им верить и удивляться».

Труд В. Л. Серошевского еще до его издания в рукописном виде (1894) был удостоен малой золотой медали Всероссийского императорского Географического общества. Вышедшая в свет работа получила высокую оценку научной общественности. Кстати, она не потеряла своей научной значимости и в наши дни. Прав автор вступительной статьи ко второму изданию этого труда кандидат исторических наук С. А. Степанов, который пишет: «Почти столетие спустя мы можем констатировать, что ни одно из этнографических сочинений на эту тему несопоставимо с трудом Серошевского. До сих пор его монография является наиболее полным исследованием по этнографии Якутии. По существу, Серошевский оставил потомкам уникальный свод фактического материала, охватывающего все стороны жизни якутов конца XIX в. [1]. Не случайно этот объемный труд этнографа был переиздан в Москве в 1993 г., причем огромным по нынешним временам тиражом — 40 тысяч экземпляров с приложением (комментарии М. Я. Жорницкой и Ш. Ф. Мухамедьярова). Переиздание осуществлено на средства Акционерной компании «Золото Якутии» Республики Саха. Уместно отметить, что В. Л. Серошевским была написана такая же по объему вторая часть исследования, которая, кстати, не издана до настоящего времени.

Труд В. Л. Серошевского «Якуты. Опыт этнографического исследования» охватывает все стороны жизни одного из наиболее многочисленных народов Сибири. Он состоит из введения и 15 глав. Одно название глав свидетельствует о широте и многогранности предмета научного поиска этнографа. Среди них: о южном происхождении якутов, расселение, физические особенности племени, экономические основы быта, пища, одежда, постройки, ремесла и искусства о распределении богатства, условиях труда и найма, родовой строй, семья, дети, брак и любовь, народное словесное творчество, верования. Естественно, ограниченные рамки данного издания не дают возможности осуществить сколько-нибудь полный анализ обозначенных проблем. Это делает позволительным освеще-

ние только некоторых из них, и то в весьма сжатой, обобщенной форме.

Этнография и естествознание. В соответствии с особенностью русской этнографии, зародившейся и продолжительное время развивавшейся в рамках географической науки, В. Л. Серошевский на протяжении всей книги проблемы этнографии рассматривает в тесной взаимосвязи с естествознанием. В своем обширном введении (174 с.) он дает подробное описание территории проживания якутов, ее климата, флоры и фауны. При этом, по признанию автора, в связи с отсутствием литературы о рельефе Якутии ему пришлось, используя карту, маршруты, путевые заметки, описания, личные наблюдения, самостоятельно составлять представления о географии региона. После описания территории исследователь обращается к проблеме происхождения якутов. Он анализирует содержание преданий, их многочисленных вариантов о южном происхождении якутов, выявляет признаки родства якутов с южными их соплеменниками, в то же время выделяет позаимствованное ими у нынешних их соседей. В процессе этого анализа приходит к выводу, что «общие сведения по истории тюркских племен настолько отвечают гипотезе южного происхождения якутов, что для признания ее было бы совершенно достаточно тех прямых указаний, которые сохранила народная память. Но возможно ясное и точное решение этого вопроса очень важно. С одной стороны, оно позволило бы легче разобраться в этнических особенностях якутов, а с другой — эти особенности бросили бы много яркого света на культуру, общественное устройство и верование древнетюркских племен, были бы хоть приблизительно установлены моменты и место отделения от них якутских ветвей». Здесь же автор с сожалением отмечает, что «в настоящее время даже опыт подобного исследования немыслим по недостатку материала» [2]. В этой связи он показывает недостоверность или недостаточную обоснованность гипотезы о месте родины якутов, в качестве которого исследователь видит Джунгарию (А. Вамбери), Байкал, (Ф. Миллер, И. Фишер, Георги, Щукин, Миддендорф, Маак), верховья Селенги и Толы, Забайкалье (Риттер) и некоторые другие. При этом автор большое внимание уделяет анализу содержания названия «Байкал», так как с ним, главным образом, связывали предположение о проживании там якутов. В результате приходит к выводу, что «корень этого слова неизвестный и вряд ли тюркский».

Здесь же он советует «подождать помещать якутов даже временно в Прибайкалье, до подтверждения этого предположения другими, более точными доказательствами» [3]. Подчеркивая трудность точного установления места южной родины якутов, времени их выхода и пути движения на север,

В. Л. Серошевский тем не менее утверждает, что переход якутов с юга в места настоящего жительства длился, по всей вероятности, очень долго, возможно даже, что он совершался по частям, в несколько промежутков, разделенных веками. Исследователь полагает, что участвовавшие в этом движении главные отряды якутов представляли группы компактные и многочисленные, владевшие значительным достатком и большими стадами скота. Иначе трудно себе представить, чтобы они могли выдержать борьбу с хозяевами края, эвенками, а главное, акклиматизировать южный скот. Автор склоняется к мнению, что якуты, по крайней мере значительная их часть, задолго до царствования Чингисхана оказались там, где они живут в настоящее время.

Расселение якутов, их быт, жилище. В книге анализируются проблемы расселения якутского населения, насчитывавшего, по данным исследователя, более 200 тыс. человек, территориальные отношения якутов, тунгусов и эвенков, вопросы колонизации. Автор считает, что до прихода в эти края русских якуты занимали много меньшую территорию, что главная часть их кочевала по Амгино-Ленскому плоскогорью, и теперь гуще других населенному. К эмиграции на окраины побуждали их не только иноземное нашествие, преследования, страх оспы, но были и другие, более глубокие причины, причины экономического характера, которые не потеряли своей остроты в период колонизации и в последующие годы. Продвигаясь от Амгино-Ленского плоскогорья в долины Вилюя, Индигирки и Колымы, якуты утверждали свою традиционную систему скотоводческого хозяйства и устоявшийся веками быт.

При освещении быта якутов В. Л. Серошевский акцентирует свое внимание на его экономических основах. Основной отраслью хозяйства у якутов было скотоводство. Важной особенностью перемен в этой отрасли являлся переход от преимущественного использования в хозяйстве лошадей ко все большему применению рогатого скота, что, по мнению исследователя, вызвало такие глубокие изменения, которые сопоставимы с переменами, связанными с превращением у европейских народов естественного хозяйства в капиталистическое. В числе таких изменений — переход к оседлому образу жизни, развитие земледелия, сенокошения, рыболовства. Произошли перемены в структуре питания (важное место стали занимать хлеб, масло, чай), одежды. «Из старинного якутского платья, — пишет В. Л. Серошевский, — уцелели разве только остроконечная шапка да коротенькие кожаные штаны (сыали), да еще волосяная, кружевная на глаза опояска, заменяющая снеговые или ветряные очки...» [4]. Автор скрупулезно описывает современную национальную одежду, сопровождая много-

численными фотографиями, рисунками. Касаясь якутских построек, исследователь пишет, что употребление пещер, подвалов, землянок как жилых помещений якутам совершенно незнакомо. Самой древней формой якутских жилищ является берестяная лесная ураса, похожая на белый конусообразный колпак. Она, по мнению автора, представляет собой вымирающую форму якутских жилищ, на смену которой пришла деревянная юрта. На постройки якутов большое влияние оказали русские. Оно выразилось прежде всего в подъеме крыши и большей отвесности стен. Рассматривая вопрос об истоках идеи юрты и архитектурном вкусе якутов, В. Л. Серошевский с восторгом пишет: «Откуда бы они ни позаимствовали ее основную идею и под чьим бы влиянием ни совершалось ее развитие, но в эти начала якуты вдохнули совершенно самобытное понимание архитектурной красоты... Подбор леса, толщина столбов и балок, крутизна углов падения, отношение высоты, длины и ширины — все это слилось в такой юрте в одно художественное целое, в котором поправить или изменить было нечего» [5].

Развитие ремесел и искусства. Исследователь с большим интересом прослеживает развитие у якутов ремесел и искусства. При этом обстоятельно анализирует совокупность и структуру материалов, употребляемых для изготовления изделий, виды изделий, способы производства и их художественно-эстетические достоинства. Наиболее широко применяемыми материалами были дерево (особенно лиственница и береза), кожа, волос, береста, древесная кора, глина. Кроме того, использовались железо, медь, кость, рога, ткани и др. Большинство якутских производств еще не были организованы и обособлены. Только кузнечное и плавильное дело выделилось в некоторых местностях, образовав кустарное производство. Касаясь общественного разделения труда, автор считает, что он (труд) распадался пока только на мужской и женский. Все поделки из дерева, все, что выделывают при помощи топора и ножа, делают мужчины, все, что сшивается, лепится, — женщины или дряхлые старики. Мятье и выделка кож — женское и старческое рукоделие. Характеризуя особенности стиля художественного творчества якутов, В. Л. Серошевский подчеркнул: «У якутов есть свой якутский стиль, позволяющий отличить их изделия, узоры и украшения от изделий и узоров других северных инородцев». Хотя, впрочем, он отмечает и сильное влияние культуры других народов [6].

Социальные отношения. Брак. Семья. Большое внимание этнограф уделяет характеристике социальных отношений у якутов. Он уточняет сложившуюся в общественном мнении границу между достатком и нищетой. Якуты считали, что для существования

семьи из 3–5 человек необходимо 10 голов скота, т. е. около двух голов на человека. Выше этой нормы начинается достаток, ниже — нищета. В. Л. Серошевский корректирует эту точку зрения. Он пишет, что в Верхоянском и Колымском округах, в тех местах, где скотоводство удачно сочетается с рыболовством, десять голов скота — признак зажиточности. Наоборот, в тех же округах, где нет ни звериных, ни рыбных промыслов, количество скота, необходимое для сносного существования семьи, возрастает до 15, даже до 20 голов. Причиной этого является большая продолжительность зимы и худшее качество лугов на севере» [7]. По мнению исследователя, у якутов «социальная дифференциация менее выражена, чем в центральных районах России. Владельцев стад в несколько сот голов мизерное количество. Чрезмерный рост скотоводческих хозяйств сдерживается: во-первых, отсутствием рабочих рук, во-вторых, общинным поземельным владением. Основная масса якутов влачит жалкое существование. Голодные периоды, когда абсолютно нечего в рот положить, когда все крошки съестного подобраны и уничтожены, когда стельные коровы поголовно не доятся, а природа, скованная холодом, сурово отстраняет всякие попытки добыть пищу, повторяются ежегодно, и две трети якутского народа страдает от них более или менее продолжительное время» [8].

При рассмотрении социальной этнической структуры якутов В. Л. Серошевский характеризует ее как родовой строй. «В основе якутского рода, — пишет автор, — лежит, по-видимому, понятие кровного родства. Он называется агауса — отчий род: ага — отец, уса — род» [9].

Не мог этнограф обойти своим вниманием брачно-семейные отношения. Он считает доказанным, что у якутов моногамия возникла недавно, во время пришествия русских у них еще существовала полигамия. Им также была высказана догадка о существовании у якутов в прошлом материнского исчисления родства. Об этом свидетельствует слово и е-уса (материнский род). В. Л. Серошевский пишет, что «можно предположить, что под гауса подразумевалось все потомство, происшедшее от одного отца, а е-уса — это его ветви, происшедшие от разных жен. Это предположение в свою очередь заключает догадку, что когда-то у якутов существовало материнское исчисление родства. Предания о том, что многие отчие роды и даже целые наслеги получали свое название от женщин, подтверждают это» [10]. Исследователь обращает внимание на то, что у якутов существовала сложная семья, отвечающая римской familia (якуты называют ее и е-уса), и простая, состоящая из одной брачной пары и ее детей [11].

В. Л. Серошевский высказал интересное предположение относительно древнего якутского брака, который,

по его мнению, «был в основе своей совершенно от теперешнего отличный, и не только в силу господствовавшей тогда эндогамии, но и в силу особых отношений между полами. Связь их внутри рода была очень свободна и неустойчива, она позволяла знать детям только своих матерей, и то только до известного возраста. Затем забывалось и последнее, его заменяло чувство принадлежности к известной группе. Внутри этой группы были только мужчины и женщины, старшие и младшие» [12].

По мнению В. Л. Серошевского, процесс смены эндогамии экзогамией был достаточно продолжительным. Обе формы долго существовали и боролись за исключительность. Вместе с тем он отмечает, что русские застали у якутов экзогамию в полном расцвете, хотя многоженство еще продолжало существовать. Исследователь считает, что экзогамия и прочный брак окончательно уничтожили независимость якутской женщины.

Социализация. Словесное творчество, верование. Большое внимание в работе уделяется описанию функции социализации. Это по существу первая попытка обобщенно представить традиционный тип социализации у якутов на рубеже XIX–XX вв. Согласно наблюдениям автора, сложных, организованных детских игр у якутов мало. Детство зимой проходит в темных юртах среди собак и телят под постоянным надзором старших, летом — во дворе, в шумных совместных играх. Работать детей приучают исподволь с самого раннего детства. С 10 лет якутский ребенок начинает считаться как бы полувзрослым. Большая часть его времени поглощена трудом, играть ему некогда.

Завершают исследование главы о народном словесном творчестве и верованиях. В них автор охарактеризовал различные жанры якутского фольклора: песни, загадки, поговорки, олонхо. При этом широко использовал примеры из Верхоянского сборника И. А. Худякова, который содержал почти все образцы устнопоэтического творчества якутов и фактически был первым сборником якутского фольклора вообще. Касаясь верований, следует отметить, что В. Л. Серощевский скрупулезно осветил религиозные представления якутов, показал роль шаманов в их жизни, описал последовательность действий в шаманских обрядах, систематизировал сведения о шаманских духах, жертвоприношениях и поверьях, об атрибутах шаманства, рассмотрел принципы деления шаманов на великих, средних и лживых.

В заключение отметим, что В. Л. Серошевский, опираясь на огромный, собранный им лично, фактический материал, дал широкую, всеохватывающую панораму бытия якутского народа конца XIX в. Прав известный якутский историк

Г. П. Башарин в своем утверждении, что «по широте охваченных проблем, по богатству собранных фактов и по яркости изложения труд Серошевского "Якуты" представляет крупное достижение этнографической науки XIX в. вообще, дореволюционной историографии Якутии в особенности».

Литература

1. Степанов С. А. В. Л. Серошевский «Якутия, Предисловие» // Якуты. Опыт Этнографического исследования. М., 1993. С. 17.
2. Серошевский В. Л. Указ. соч. С. 182.
3. Серошевский В. Л. Указ. соч. С. 193.
4. Серошевский В. Л. Указ. соч. С. 310.
5. Серошевский В. Л. Указ. соч. С. 348.
6. Серошевский В. Л. Указ. соч. С. 399.
7. Серошевский В. Л. Указ. соч. С. 402.
8. Серошевский В. Л. Указ. соч. С. 408.
9. Серошевский В. Л. Указ. соч. С. 418.
10. Серошевский В. Л. Указ. соч. С. 421.
11. Серошевский В. Л. Указ. соч. С. 491.
12. Серошевский В. Л. Указ. соч. С. 495.

ЖИЗНЬ В НАУКЕ

Зигмунд Фрейд

Зигмунд Фрейд и его творчество. Немного в истории социальной мысли найдется имен, которые бы вызывали столь неоднозначные оценки их творчества, каким является имя австрийского психиатра и психолога, основоположника психоанализа Зигмунда Фрейда.

Родился З. Фрейд 6 мая 1856 г. в Австро-Венгрии в небольшом моравском городе Фрайберге, в семье еврея, торговца шерстью. Он был первым ребенком в семье, насчитывавшей 8 детей. В 1860 г. семья переехала в Вену где были более благоприятные

условия для образования, культурного развития. Среди детей большой семьи Зигмунд выделялся своими исключительными способностями, удивительно острым умом и страстью к чтению. Поэтому родители стремились создать для него лучшие условия. Если другие дети учили уроки при свечах, то Зигмунду выделили керосиновую лампу. Чтобы дети ему не мешали, им не позволяли при нём музицировать. Он окончил гимназию с отличием в 17 лет и поступил в знаменитый Венский университет на медицинский факультет. В университете преподавали выдающиеся профессора. В процессе учебы в университете он работал в физиологическом институте под руководством знаменитого физиолога Эрнста Брюкке. В лаборатории он по многу часов просиживал за микроскопом. Под старость, будучи всемирно признанным психологом, он писал одному из своих друзей, что никогда не был так счастлив, как в годы, потраченные в лаборатории на изучение устройства нервных клеток спинного мозга животных. Умение сосредоточенно работать, всецело отдавая себя научным занятиям, выработанное в этот период, Фрейд сохранял на последующие десятилетия!

В 1881 г. он блестяще окончил университет, получив степень доктора медицины. Фрейд намеревался стать профессиональным научным работником. Но несмотря на то, что ещё студентом он написал ряд блестящих научных работ, посвященных изучению медицинских свойств ряда наркотических веществ, его не взяли работать в университет, и он не смог продолжить научную карьеру.

Фрейд стал практикующим врачом-психиатром. Он открыл собственную лечебницу и занялся экспериментами в области лечения тяжелых нервных расстройств. В 1885 г. ему всё-таки удалось пройти по конкурсу на место приват-доцента в Венском университете, и он получил возможность поехать в Париж, где находилась всемирно известная больница «Сальпетриер», которую возглавлял крупнейший невропатолог того времени профессор Жан Шарко, прозванный «Наполеоном нервов». У него лечилось большинство королевских семей Европы.

Четыре с половиной месяца, которые Фрейд провёл в клинике, показали ему, что лечение психических болезней с помощью лекарств неэффективно, и он решил найти новые средства. Для этого Фрейд начал изучать внутренние мотивы поведения человека. Он понял, что вначале нужно найти причины психических заболеваний.

Ученик Шарко доктор Ипполит Бернгейм заметил интерес Фрейда к гипнозу, пригласил его в свою клинику в Нанси. Пребывание в Нанси показало Фрейду огромные возможности для применения этого метода в психиатрии. Он решил развить метод

Бернгейма и вскоре понял, что с помощью гипноза можно вылечить человека от последствий сильного нервного потрясения. В дальнейшем это станет началом общего курса лечения.

Так родилась теория Фрейда о том, что знание психических особенностей человека помогает не только разобраться в причинах появления различных болезней, но и понять многие стороны человеческой деятельности. После возвращения из Франции З. Фрейд женился. У них с женой было шестеро детей (трое мальчиков и трое девочек).

В 46-летнем возрасте (1902) З. Фрейду было присвоено звание профессора невропатологии Венского университета. В 1936 г. он стал членом Королевской академии. Спустя два года (1938) после аншлюса Австрии гитлеровской Германией, Фрейд, как и другие евреи, попал в венское гетто. После нескольких месяцев пребывания там его выкупили, и он уехал в Англию. Однако недолгой была его жизнь в этой стране, 23 сентября 1939 г. в возрасте 83 лет Фрейда не стало. Это случилось в небольшом городке близ Лондона.

Надо сказать, что последние годы жизни Фрейда были тяжелыми. С 1923 г. он страдал распространяющейся раковой опухолью глотки и челюсти, вызванной тем, что он был злостным курильщиком сигар. Перенес 33 тяжелые операции. Он страшно мучился от болезней, и по его просьбе лечащий врач сделал два укола, положившие конец страданиям. Несмотря на болезнь, вплоть до самой смерти, Фрейд продолжал настойчиво работать. После прихода к власти фашистов в Германии все его книги были сожжены. Геббельс, руководивший в 1933 г. сожжением книг, говорил: «За разрушающую душу переоценку сексуальной жизни и во имя благородства человеческого духа придаю пламени работы некоего Зигмунда Фрейда». Пройдет несколько лет, и в печах Освенцима и Майданека будут сожжены 4 сестры Фрейда. Во время гитлеровской оккупации Австрии в 1938 г. его дочь Анна была арестована гестапо. Только благодаря случайности ей удалось освободиться и соединиться со своей семьей в Англии.

За почти 45 лет активной научной деятельности и клинической практики З. Фрейд написал большое количество книг и статей. Они составили 24 тома собраний сочинений, которые были изданы в Англии и распространились по всему миру. В числе важнейших его работ: «Исследование по истории» (1895), «Проект научной психологии» (1985), «Толкования сновидений» (1899), «Психопатология обыденной жизни» (1904), «Остроумие и его отношение к бессознательному» (1905), «Три очерка по теории сексуальности» (1905), «Леонардо да Винчи, этюд по теории психосексуальности» (1910), «Тотем и табу» (1913), «По ту

сторону удовольствия» (1919), «Психология масс и анализ человеческого «Я»» (1921), «Я и Оно» (1923), «Новые вводные лекции в психоанализ» (1933). Его последняя работа «Очерк психоанализа», написанная в 1938 г., подводила итоги его творчеству. Вся жизнь Фрейда — это занятие наукой.

Начиная со студенческих лет, он был одержим научной деятельностью. Семья играла для него второстепенную роль, а во главе шкалы жизненных приоритетов была почти маниакальная страсть к исследованию нового, непознанного.

Наука и врачебная деятельность. Он не переставал исследовать и во время его занятий практической врачебной деятельностью. В клинике, где он работал, сначала лечил своих больных принятым в то время методом физиотерапии. Считалось, что поскольку нервная система представляет собой материальный орган, то и болезненные изменения, которые в ней происходят, должны иметь материальные причины. Поэтому устранить их следует посредством физических процедур, воздействуя на больного теплом, водой, электричеством и др. Однако, видя неэффективность этих процедур, Фрейд ещё до поездки во Францию использует гипноз, при помощи которого некоторые врачи добивались неплохих результатов. Однако во время лечения больных, а это были преимущественно женщины, страдающие истерией (болезнь сопровождалась симптомами страха, потерей чувствительности, отвращением к пище, раздвоением личности, галлюцинациями и др.), он приходит к выводу, что эти симптомы болезни возникают вследствие того, что больной прежде испытывал напряженное, эффектно окрашенное влечение к какому-либо действию. Симптомы символически замещают это нереализованное, но желаемое действие. Энергия влечения разряжается в извращенной форме, как бы «застревая» в органах, которые начинают работать ненормально. Поэтому предполагалось, что главная задача врача — заставить больного вновь пережить подавленное влечение и, тем самым, придать нервно-психической энергии другое направление, а именно, перевести ее в русло катарсиса («катарсис» — древнегр. — очищение), разрядить подавленное влечение в рассказе врачу о нем.

Психоанализ. В процессе клинических исследований Брейер и Фрейд обратили внимание на то, что сознание оказывает сопротивление неосознаваемому, в результате чего возникают заболевания органов чувств и движений (вплоть до временного паралича). Используя гипноз, в целях лечения неврозов, Фрейд, по подсказке невролога Шарко, большое внимание уделяет изучению особенностей половой жизни невротиков. Через несколько лет Фрейд выдвинул идею о роли сексуального влечения как глав-

ного двигателя поведения людей. Данный подход, получивший название «пансексуализм», стяжал Фрейду во многих странах Запада огромную популярность и придал всем его последующим психологическим концепциям особую окраску. Конечно, исследования Фрейда сексуальных влечений и сопряженных с ними переживаний имели важное значение в познании характера и поведения людей. Но они отнюдь не могли радикально изменить систему понятий в психологии, также как и практику лечения истерии. На пути создания системы психоанализа важное значение имели разработанные Фрейдом методы трансфера (перенесения), «свободной ассоциации» и другие. В 1899 г. он пишет книгу «Толкование сновидений», которую считал своим главным научным трудом и которая сегодня признается основой психоанализа. Хотя в те годы она не встретила особого интереса у читателей.

Обратившись к изучению собственных сновидений, автор приходит к выводу, что во сне исполняются вытесненные в жизни желания. В толковании сновидений Фрейд проявил разносторонние творческие способности, прежде всего психоаналитические, литературные и лингвистические.

В октябре 1897 г. он в письме своему другу В. Флису сообщает: «Мой самоанализ представляет собой самое существенное, что у меня сейчас есть, и обещает стать высшей ценностью для меня, если мне удастся довести его до конца... Единственная мысль всеобщей значимости сверлит меня. Я и у самого себя обнаружил влюбленность в мать и ревность к отцу, я считаю это теперь всеобщим переживанием раннего детства, хотя и не всегда столь же раннего происхождения, как у детей, заболевающих истерией... И если это так, то можно понять чарующую власть «Царя Эдипа», несмотря на все возражения, которые выдвигает разум против рокового сплетения обстоятельств, и ясно также, почему позднейшая драма рока выглядит столь убого» (Essays. Bd. 3.S.S29).

В 1901 г. Фрейд издает книгу «Психопатология обыденной жизни», в которой убедительно показывает влияние неосознаваемых мотивов на повседневное поведение человека; в 1905 г. — «Остроумие и его отношение к бессознательному», где шутки и каламбуры интерпретируются Фрейдом как разрядка напряжения, созданного теми ограничениями, которые накладывают на сознание индивида различные социальные нормы. В том же году он пишет работу «Три очерка по теории сексуальности», в которой психоневрозы рассматриваются как следствие подавленного сексуального влечения. В очерках предлагается схема психосексуального развития личности — от младенческого возраста до

стадии, на которой возникает естественное половое влечение к лицу противоположного пола. Здесь же рассматривается одна их основных категорий учения Фрейда, которую он использует для обозначения комплекса представлений и чувств, заключающихся в бессознательном эротическом влечении ребенка к родителю противоположного пола и в стремлении физически устранить родителя своего пола. Преодоление Эдипова комплекса является задачей каждого новорожденного и служит одним из центральных механизмов формирования личности. Это происходит к пяти-шести годам, а затем повторяется в период полового созревания. Фрейд развил свою теорию применительно к представителям мужского пола, поэтому для объяснения особенностей формирования женской сексуальности она применима лишь частично.

В последующие годы Фрейд обращается к вопросам религии, морали, истории общества, надеясь найти в них выражение все тех же комплексов, сексуальных инстинктов и извращенных способов их удовлетворения. Но подобные поиски не могли увенчаться успехом. Дело в том, что «не от сексуальных комплексов, не от либидо и его превращений зависят социальные отношения людей, а именно характер и строй этих отношений определяют, в конечном счете, психическую жизнь личности, в том числе и мотивы ее поведения» [1].

Начавшаяся вторая мировая война заставила Фрейда пересмотреть некоторые его прежние взгляды. В частности, психические травмы, возникшие в боевых условиях, никак не были связаны с сексуальными переживаниями.

Оказались правы Альфред Адлер, Карл Юнг и некоторые другие недавние сподвижники Фрейда, которые не разделяли его приверженности принципу всемогущества сексуального инстинкта, из-за чего собственно и произошел разрыв между ними и Фрейдом. Корректируя свои взгляды, Фрейд выдвигает версию об особом влечении, столь же могучем как сексуальное, провоцирующем болезненную фиксацию на событиях, сопряженных со страхом, вызывающих тревогу и т. п. Это особое тяготение к смерти, к уничтожению других, либо себя было названо Фрейдом термином Танатос.

В начале 20-х годов он выдвигает гипотезу, согласно которой живой материи присущ как инстинкт жизни, так и инстинкт смерти. Проецируя взаимодействия Я и Оно, Танатоса (влечения к смерти) и Эроса на культуру, Фрейд приходит к выводу о том, что сам смысл культурного развития есть борьба между Эросом и смертью, инстинктом жизни и инстинктом деструктивности.

В процессе разработки и развития психоанализа З. Фрейд использовал так называемую топографическую модель личностной организации, согласно которой в структуре психической деятельности любого человека можно выделить три уровня: сознание, предсознательное и бессознательное. Рассматривая их в единстве, З. Фрейд применял представление об этих уровнях для оценки степени осознанности таких психических явлений как мысли и фантазии.

Уровень сознания состоит из ощущений и переживаний, которые человек осознает в данный момент времени. З. Фрейд настаивал на том, что только незначительная часть психической жизни (мысли, восприятия, чувства, память) входит в эту сферу. При этом определенное содержание осознается лишь в течение короткого времени, а затем погружается (вытесняется) на уровень предсознательного или бессознательного.

Предсознательное включает в себя весь опыт, который не осознается в данный момент, но может легко вернуться в сознание или спонтанно, или в результате минимального усилия. С точки зрения З. Фрейда, предсознательное наводит мосты между осознаваемыми и неосознаваемыми областями психического.

Бессознательное. Бессознательное — это самая глубокая и значимая область человеческого разума. Это хранилище примитивных инстинктивных побуждений плюс эмоции и воспоминания, которые настолько угрожают сознанию, что были подавлены и вытеснены в область бессознательного. Согласно Фрейду, такой неосознаваемый материал во многом определяет наше повседневное функционирование.

З. Фрейд не первым обратил внимание на значение бессознательных процессов в поведении человека, но, в отличие от своих идейных предшественников, он первым доказал это опытным путем, кроме того, обратил внимание на сопротивление, которое сознание оказывает неосознаваемому, в результате чего возникают заболевания органов чувств и движений.

Вытеснение реализуется в виде двух фаз: 1) Первичное вытеснение помогает удалять из сознания неприятные воспоминания, переживания, неприемлемые желания и т. д.; 2) Вторичное вытеснение обеспечивает удержание в бессознательном различных вытесненных влечений, желаний, стремлений и представлений. Однако все вытесненное из сознания в бессознательное не исчезает и оказывает существенное воздействие на состояние психики и поведение человека. Время от времени происходит спонтанное «возвращение вытесненного, которое осуществляется в виде сновидений, ошибочных действий и тому подобном. Теорию вытеснения Фрейд считал краеугольным камнем,

на котором зиждется все здание психоанализа.

В начале 20-х годов XX в. З. Фрейд переосмысливает свою концепцию деления психической жизни. В своих работах «Психология масс и анализ «"Я"» (1921), «Я и Оно» (1923) он предлагает новую структурную модель психической жизни, состоящую из трех субстанций: Оно (ид), Я (эго), и сверх — Я (супер-эго). Человек, согласно его концепции, представляет собой взаимодействие безличного – Оно, личного — Я, сверхличного — сверх — Я. З. Фрейд считал, что эти составляющие следует рассматривать скорее как некие процессы, чем как особые структурные единицы личности. По его мнению, Оно (ид) в наибольшей степени соответствует бессознательному и представляет собой общность всех желаний и потребностей индивидуума, имеющих истоки во влечениях. Сфера Оно — главный резервуар психической энергии, «бурлящий котел возбуждений», самая «темная и недоступная часть личности». Это наиболее примитивная инстанция, которая охватывает все прирожденное, генетически первичное, подчиненное принципу удовольствия.

Наша психология ищет свои ответы на сложные, интимные вопросы, поставленные Фрейдом» [3].

Я (эго) — эта инстанция отвечает за принятие решений. Эго стремится выразить и удовлетворить желания ид в соответствии с ограничениями, налагаемыми внешним миром.

Что касается сверх — Я, то данная инстанция играет по отношению к Я роль своего рода судьи или цензора, следящего за соблюдением норм и запретов, и в то же время выполняет функции самонаблюдения совести. Сверх-Я формируется в раннем детстве под влиянием воспитания, когда ребенок перенимает и усваивает комплекс родительских идеалов и запретов. Фрейд связывал появление и развитие сверх — Я с крушением Эдипова комплекса, которое завершается к пяти-шести годам. Правда, более поздние теоретики психоанализа считают, что сверх — Я начинает складываться задолго до Эдиповой фазы. По мере того, как социальный мир ребенка начинает расширяться (благодаря школе, религии, группам сверстников), сфера сверх-Я увеличивается до пределов того поведения, которое считают приемлемым эти новые группы. Можно рассматривать сверх-Я как индивидуализированное отражение «коллективной совести» социума, хотя восприятие ребенком реальных ценностей общества может быть искаженным.

В начале 30-х годов Фрейд обращается к проблеме отношения психоанализа к религии, науке, философии. Он утверждал, что психоанализ — это специфическая наука, что он не способен образовывать

особое мировоззрение, а заимствует свои мировоззренческие принципы у науки. Хотя, как отмечает М. Г. Ярошевский, ряд общих положений самого Фрейда и многие концепции его учеников имели определенную мировоззренческую направленность, что отчетливо выражено как в их притязаниях на решение общих проблем, касающихся поведения человека, его отношения к природе и социальной среде, так и в объяснении генезиса и закономерностей развития культуры [2]. Фрейд подверг острой критике религиозное мировоззрение. В своих работах он сравнивает церковные ритуалы и молитвы с неврозом навязчивых состояний, а религию объявляет «коллективным неврозом навязчивости». Он также подвергает критике приобретшую на Западе доминирующее состояние субъективно-идеалистическую философию, которая, по мнению Фрейда, обнажает свою несостоятельность при первом соприкосновении с практикой. Что касается отношения Фрейда к марксизму, то, признавая неоспоримый авторитет исследований Маркса, Фрейд в то же время высказывал сожаление о «недостаточной ориентированности в нем». Правда, это не мешало Фрейду высказать мнение о марксизме как о доктрине, ставящей все проявления человеческой жизни в фатальную зависимость от экономических форм.

Нельзя не обратить внимание и на другие взгляды Фрейда. Так, из представления о подчиненности поведения неосознанным влечениям и присущем человеку «инстинкту смерти» Фрейд приходит к заключению о неотвратимости войн и общественного насилия. Он делает вывод о разрушительном влиянии цивилизации на психическое здоровье человечества и высказывает пессимистические взгляды на возможности дальнейшего общественного прогресса.

Как бы суммируя деятельность З. Фрейда его вклад в науку профессор М. Г. Ярошевский пишет:

«Ежедневно по 8–10 часов на протяжении многих десятилетий Фрейд занимался врачебной практикой. На фактах, почерпнутых в клинической практике, он проследил сложность и многоплановость структуры личности, значение её в истории внутренних конфликтов и кризисов, последствия неудовлетворенных желаний. Фрейдом был введен в научный оборот ряд идей и проблем, показавших, что уровень сознания неотделим от других глубинных уровней психической активности, не изучив взаимодействие которых невозможно понять природу человека. Фрейд разработал ряд гипотез, моделей, понятий, запечатлевших своеобразие психики и прочно вошедших в арсенал современного научного знания о ней. К ним относятся, в частности, понятия о защитных механизмах

(психологической защите), фрустрации, идентификации, рационализации, вытеснении, фиксации, катарсисе, силе, Я и др. Эти понятия обогатили также психотерапевтическую практику. Изучение Фрейдом сексуальных переживаний и сопряженных с ними душевных травм дало толчок развитию новых областей знания, в частности сексологии. Фрейдом было показано, сколь важно, прослеживая становление характера человека — его строение и динамику, учитывая детские годы и испытанное ребёнком в этом периоде, в особенности отношения в семье, от которых зависит формирование его характера, его мотивационной сферы. Жизненность, практическая значимость поставленных Фрейдом проблем вытекает также из того, что в круг научного анализа им были вовлечены феномены, которые традиционная психология не привыкла принимать в расчёт: чувства вины, неполноценности, тревожности, уход от реальных ситуаций в области грёз, возникновение внутренней тенденции к агрессивности.

Зигмунд Фрейд был выдающимся мыслителем, одним из крупнейших ученых своего времени, который отличался редкой наблюдательностью и интуицией. Идеи Фрейда по глубине воздействия на человека могут быть приравнены к идеям Коперника, Дарвина, Эйнштейна. Выдвинутая им концепция бессознательного, без которой практически невозможно понять ни одно, по существу, из проявлений целенаправленной активности человека, позволяет психоанализу и фрейдизму существовать на протяжении всего XX века и последующего времени.

Литература

1. Ярошевский М. Г. Зигмунд Фрейд — выдающийся исследователь психической жизни человека // Психология бессознательного: сб. произведений / сост., науч. ред., авт. вступ. ст. М. Г. Ярошевский. М., 1990. С. 21.
2. Ярошевский М. Г. Указ. соч. С. 24.
3. Ярошевский М. Г. Указ. соч. С. 5.

Н. А. БЕРДЯЕВ И РУССКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

Жизнь. Искания. Николай Александрович Бердяев — один из наиболее ярких представителей русской культуры конца XIX — начала XX вв. — мыслитель-философ и публицист. Родился в Киеве в 1874 г. Происходил из старинного дворянского рода. В 1894 г. поступил на естественное отделение физико-математического факультета Киевского университета, через год перешел на юридический факультет. В этот период он увлекся работами К. Маркса. Обращению к марксизму способствовало не покидавшее Бердяева чувство, что мир и общество основаны на зле и несправедливости. За увлечение марксизмом и участие в социал-демократических студенческих беспорядках был исключен из университета и сослан на 3 года в Вологду. Занимался самообразованием: много читал, писал, публиковывал свои произведения. С 1908 г. Н. А. Бердяев в Москве. Здесь он становится членом Религиозно-философского общества, организует Вольную академию духовной культуры. В 1920 г. был избран профессором Московского университета, читал лекции на историко-филологическом факультете о мировоззрении Ф. М. Достоевского. И курс по истории философии. По признанию Н. А. Бердяева, Достоевский оказал на него огромное влияние и стал на всю жизнь его любимым писателем. В феврале 1920 г. он был арестован по делу Тактического центра. На Лубянке его допрашивал Ф. Э. Дзержинский. Вместо допроса получилось изложение Бердяевым своих взглядов. Дзержинский приказал освободить его.

За границей. После второго ареста в августе 1922 г. Бердяев был выслан за границу. После краткого пребывания в Берлине, где преподавал в Русском научном институте, с 1924 г. жил во Франции (Кламар, пригород Парижа).

Н. А. Бердяев был профессором Русской религиозно-философской академии. Основал и редактировал русский религиозно-философский журнал «Путь» (1925–1940), важнейший философский орган российской эмиграции В эмиграции Н. А. Бердяев продолжает разработку основных проблем философии, в особенности идеи философии свободы и творче-

ства. Наиболее значительные труды Бердяева эмигрантского периода: «О назначении человека. Опыт парадоксальной этики» (1931), «О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистской философии» (1939), «Опыт эсхатологической метафизики. Творчество и объективация» (1947), «Самопознание. Опыт философской автобиографии» (1949), «Истоки и смысл русского коммунизма» (1955) и др.

Заслуги Н. А. Бердяева как философа и публициста были высоко оценены. В 1947 г. ему была присуждена степень доктора теологии в Кембриджском университете. Обсуждался вопрос о присуждении ему Нобелевской премии.

Умер Н. А. Бердяев за письменным столом, занятый правкой рукописи новой книги, 23 марта 1948 г. Похоронен на кладбище в Кламаре. Н. А. Бердяев, по его же словам, прошел длинный философский путь. Его интересовали проблемы сути и предназначения философии, свобода личности и творчества, духовности и познания и многие другие. Еще задолго до 1917 г. его занимали вопросы русской интеллигенции, ее сущности, образа жизни, мировоззренческих ориентаций. Ему принадлежит ряд статей, посвященных духовному облику, психологии, кризису данной социальной группы, ее отношение к народу, революции, власти, идеологии, написанных в 1907–1909 гг. и объединенных общим названием «Духовный кризис интеллигенции». Сборник с таким названием вышел в Санкт-Петербурге в 1910 г. В него была также включена статья Н. А. Бердяева «Философская истина и интеллигентская правда», подготовленная для сборника «Вехи» (и опубликованная в нем в 1909 г.). В основу нашей (И. И. Осинского и М. И Добрыниной) статьи положен анализ материалов названных сборников. Кроме того, были использованы и другие работы философа.

О понятии «интеллигенция». Прежде всего, коснемся одного из самых обсуждавшихся в России в то время (как, впрочем, и сегодня) вопроса о понятии «интеллигенция». Н. А. Бердяев пишет, что «в России есть два понимания интеллигенции. Одно понимание — всенародное и общечеловеческое, сверх сословное и сверх классовое, внепартийное и вне кружковое: интеллигенция — это лучшие, избранные люди страны, создатели духовной культуры нации, творцы русской литературы, русского искусства, философии, науки, религиозные искатели, хранители общественной правды, пророки лучшего будущего. К такой интеллигенции в лучшем смысле этого слова принадлежали Пушкин и Лермонтов, Гоголь и Тургенев, Л. Толстой и Достоевский; к ней принадлежат Чаадаев, славянофилы, Белинский и Герцен, Вл. Соловьев, русские философы, ученые и художники, все общенацио-

нальные вожди русской культуры, сознательные слои русской общественности» [1]. И далее философ как бы уточняет: «В этом нормальном понимании интеллигенция есть лучшая часть общества, наиболее образованная, наиболее развитая, наиболее благородная, наиболее талантливая и творческая, она есть соль земли, истинная выразительница народного духа, носительница народных идеалов, а не интересов; народность ее не зависит ни от прерогатив дворянских, ни от прерогатив разночинских.

Но в России, — продолжает Н. А. Бердяев, — выработалась совсем другое понимание интеллигенции, и оно у нас преобладает. Интеллигенция в кавычках ведет свое происхождение от 60-х годов: она недавнего происхождения, не такого древнего, как интеллигенция в первом и лучшем смысле; она имеет сильный сословно-классовый привкус, а не общенародный и общенациональный; она кичится своим отщепенством, отсутствием традиций духа как заслугой; она заявляет непомерные притязания на решающую роль в русской истории. «Интеллигенция» эта имеет своих кружковых, направленческих, партийных, почти что классовых великих людей, вождей, героев мысли и творчества» [1, с. 70]. Этой интеллигенции, по утверждению Н. А. Бердяева, присущи такие качества, как самодовольство, крикливость, ни на чем не основанная притязательность, презрение и отрицание всего остального мира, духовное убожество, унылость, плоскость и т. п. Она выработала свой тип «интеллигентских» писателей, образовала свою доморощенную философию, литературу, публицистику. Представители этой интеллигенции: Чернышевский, Добролюбов, Писарев, Михайловский — все талантливые люди, которые, по мнению Н. А. Бердяева, высказывали нередко дельные мысли, но никогда не могли и не могут стать общенациональными и общечеловеческими. Основная же интеллигентская масса, как считает философ, бездарна, лишенная всякой творческой и общечеловеческой идеи.

Социальная характеристика интеллигенции. Касаясь социального портрета этой интеллигенции, Н. А. Бердяев отмечает, что ее основу составляет земская интеллигенция или так называемый «третий элемент». «Третий элемент» — условное название разночинной интеллигенции, служившей по найму в земских учреждениях. Но мнению Н. А. Бердяева, в интеллигентский «третий элемент», кроме того, входят газетные литераторы, профессиональные революционеры, студенты, бегающие с урока на общественные собрания, девушки с зубоврачебных и акушерских курсов, начинающие адвокаты, мелкие служащие в управлениях железных дорог и т. п. Философ дает духовно-нравственную характеристику этой части интеллигенции. Он пишет:

«В массе это люди полуобразованные, обиженные на мироздание, но всегда приписывающие себе прерогативы спасителей отечества. Они бескорыстны в личной жизни, не устраивают своего социального положения, но идеалистические мечты связаны с корыстью для всех, они всегда пасуют перед инстинктами народных масс. Люди эти понемногу читают, понемногу пишут, понемногу думают, но всегда по шаблону, всегда тем же жаргоном и теми же заученными словами говорят о плане спасения России» [1, с. 67–68].

Н. А. Бердяев попытался выяснить истоки, причины динамизма, подвижности русской интеллигенции. По его мнению, «третий элемент» «есть новое интеллигентское мещанство, не вросшее корнями своими в землю и потому производящее впечатление легкости и воздушности, быстро передвигающееся и неустойчивое. Это особый мир, живущий по своему закону, противополагающий свое понимание «добра» всем и всему в мире, враждующий с традициями добра универсального; это мир, не знающий родства и не помнящий своего происхождения. Из особенного мира этого выходят отдельные идеалисты, правдоискатели, свободные от всякого быта, всегда готовые на самоотречение» [1, с. 68].

Столь острая, беспощадная характеристика этой части русской интеллигенции во многом объясняется отношением Н. А. Бердяева к неудавшейся революции 1905–1907 гг., бродилой и основой которой, по мнению Н. А. Бердяева, выступала русская интеллигенция. Философ считает, что русская революция окончилась трагически. Это были «дни опьянения и революционного разгула», которые купились дорогой ценой. Причинами этого явились сделанные «чудовищные ошибки, погубившие дело русской свободы, но ошибки эти связаны не только с ложным сознанием, они лежат в глубине стихии, оскверненной нечистым духом. Революция потому потерпела такую неудачу, что в ней не оказалось органических созидательных сил. В русском обществе длинный ряд десятилетий нарастало болезненное отщепенство, разрыв с мистическими первоосновами народного организма, накапливались чувства отрицательные, вражда и раздор вдохновляли борцов, а не любовь, не творческая идея» [1, с. 90]. Н. А. Бердяев обращает внимание на то, что русская интеллигенция проявила свое отщепенство не только по отношению к власти, в чем была ее правда, но и по отношению к русской литературе, русской философской мысли, к народной вере, к национальному чувству, в чем, как считает автор, была уже великая ложь... Столетиями накапливалось отрицательное сознание, укреплялись идеи атеистические и нигилистические [1]. Ее отщепенство характеризовалось и обязатель-

ным разрывом с отцами, со всяким прошлым, с историей, что считалось нормой жизни русского интеллигента.

Интеллигенция и народ. Н. А. Бердяев особо заостряет внимание на образовавшийся разрыв между интеллигенцией и народом. При этом он прослеживает динамику развития этого разрыва, измеряющегося, по мнению философа, веками. Несмотря на предпринимавшиеся попытки остановить рост отрицательных и отщепенских идей (например, славянофилами), этот рост продолжал увеличиваться. Так, если в 40-е годы западники и славянофилы всё еще принадлежали к одной семье, представляли цвет русской культуры, то в 60-е годы начинается окончательный разрыв и раздор: западничество в радикальной своей части превращается в революционное отщепенство, в нигилизм, понижающий уровень культуры, а славянофильство постепенно вырождается в реакционерство, в человеконенавистничество и национальное самодовольство. Философ отмечает, что у Герцена было еще чувство русского гражданства, инстинкт всенародности, у Чернышевского уже этого нет; Герцен был носителем высшей утонченной культуры, Чернышевский уже носитель культуры низшей, культуры пониженных качеств. Интеллигенция была оторвана от народа, от жизни всенародной и жила жизнью кружковой, удушливой, принимая свои тесные комнаты за целые миры. Вместе с тем интеллигенция рвалась к народу, жаждала с ним соединиться, но соединялась лишь на почве народных инстинктов и интересов, а не народной души и заложенной в ней великой идеи. Интеллигенция стала поклоняться народу как идолу, а под народом понимала исключительно простонародье, крестьян и рабочих. По мнению Н. А. Бердяева, интеллигенция оторвалась и от традиций мировой культуры, от мирового и национального развития веры, литературы, искусства, философии, науки.

Разрыв народного организма, разобщенность всех его частей, в чем во многом, как считает Н. А. Бердяев, повинна интеллигенция, сказались на ходе русской революции, привели ее к неудачам. Философ считал, что в революции и после нее обнаружилось банкротство всего интеллигентского мировоззрения, несостоятельность и пустота первооснов традиционных радикальных идей. Русская интеллигенция в своей массе, по утверждению Н. А. Бердяева, была еще очень слабо философски образованной. «Белинский, один из отцов русской интеллигенции, плохо знал философию и не обладал философским методом мышления», — писал Н. А. Бердяев. «Любовь к уравнительной справедливости, к общественному добру, народному благу парализовала любовь к истине, почти что уничтожила интерес к истине. А философия есть шкала любви к истине, прежде всего к

истине... Основное моральное суждение интеллигенции укладывается в формулу: да сгинет истина, если от гибели ее народу будет лучше житься, если люди будут счастливее» [1]. Н. А. Бердяев возлагает вину на интеллигенцию за поражение в революции, за приверженность ее материалистическому марксизму. Опыт применения марксизма в российских условиях оказался неудачным, и он якобы исчез из русской жизни.

Н. А. Бердяев призывает интеллигенцию к покаянию.

Резюмируя взгляды Н. А. Бердяева на русскую интеллигенцию, можно сделать вывод, что они занимают важное место в творчестве философа. Многие его работы посвящены проблемам интеллигенции. Но эти взгляды — это воззрения представителя российского либерального течения. Весь пафос работ об интеллигенции — нападение на демократическую интеллигенцию, которая была выразительницей и активной участницей демократического движения.

Н. А. Бердяев и другие авторы «Вех», писал В. И. Ленин, «с бешенством нападают на интеллигенцию именно за то, что эта «маленькая подпольная секта вышла на свет божий, приобрела множество последователей и на время стала идейно влиятельной и даже реально могущественной». Либералы сочувствовали «интеллигенции» и тайком поддерживали иногда ее, пока она оставалась только маленькой подпольной сектой, пока она не приобрела множество последователей, пока она не становилась реально могущественной; это значит: либерал сочувствовал демократии, пока демократия не приводила в движение настоящих масс, ибо без вовлечения масс она только служила своекорыстным целям либерализма, она только помогала верхам либеральной буржуазии пододвинуться к власти. Либерал отвернулся от демократии, когда она втянула массы, начавшие осуществлять свои задачи, отстаивать свои интересы. Под прикрытием криков против демократической «интеллигенции» война кадетов ведется на деле против демократического движения масс» [2].

Не обошел автор и вопроса философии русской интеллигенции, ее мировоззренческие предпочтения и ориентации. При этом он акцентирует свое внимание на интеллигенции в «традиционно русском» смысле слова, т. е. на кружковой интеллигенции, отличая ее от интеллигенции в широком, общенациональном, общеисторическом значении. Кружковая интеллигенция, по мнению философа, жила замкнутой жизнью, она находилась под двойным давлением: казенщины внешней — реакционной власти и казенщины внутренней — инертности мысли и консервативности чувств, что не могло не сказаться на ее миропонимании. Уровень философской культуры русской интелли-

генции, как считает Н. А. Бердяев, был низким, философские знания и философское развитие в ее среде были очень мало распространены. Высокую философскую культуру можно было встретить лишь у отдельных личностей, выделявшихся из среды «интеллигентщины».

Н. А. Бердяев объясняет это не дефектами интеллекта интеллигенции, а направлением воли, глубоким принятием его народнического миросозерцания, подчинением своих взглядов утилитарно-общественным целям. Народ, его интересы, потребности — вот что было в центре внимания русской интеллигенции. Психологическими первоосновами народнически-утилитарно-аскетического отношения к философии и вообще к созданию духовных ценностей, по мнению Н. А. Бердяева, являлись: «интересы распределения и уравнения в сознании и чувствах русской интеллигенции», которые «всегда доминировали над интересами производства и творчества» [3]. Интеллигенция всегда охотно принимала идеологию, в которой центральное место отводилось проблеме распределения и равенства. Что же касается философского и художественного творчества, то это занятие, с точки зрения вышесказанного, считалось безнравственным. Подобное отношение к философии во многом сохранилось вплоть до начала XX в. Вместе с тем Н. А. Бердяев отмечает, что нельзя сказать, что философские проблемы были чужды русской интеллигенции. Разумеется, нет. Она ощущала потребность в целостном общественно-философском мировоззрении, особенно такая потребность ощущалась в годы юности. Властителями дум молодой интеллигенции становились те, которые из общей теории выводили санкцию ее освободительных общественных стремлений, ее требований справедливости. В 1860-е годы ими были Чернышевский и Писарев, в 1870-е — Лавров и Михайловский, в 1890-е годы — представители диалектического материализма (прежде всего Бельтов-Плеханов). Существенно повысились умственные интересы интеллигенции в связи с возникновением марксизма, который одержал победу над народничеством. Однако интерес к марксизму, как, впрочем, и к другим учениям, отмечает философ, определялся социальной направленностью этих учений, мерой отражения интересов пролетариата, крестьянства, соответствия их идее социализма.

Н. А. Бердяев подчеркивает, что «любовь к уравнительной справедливости, к общественному добру, к народному благу парализовала любовь к истине, почти что уничтожила интерес к истине» [3, с. 17]. И здесь же он поясняет, что «философия есть школа любви к истине, прежде всего к истине. Интеллигенция не могла бескорыстно отнестись к философии, потому что корыстно относилась к са-

мой истине, требовала от истины, чтобы она стала орудием общественного переворота, народного благополучия, людского счастья. Она шла на соблазн великого инквизитора, который требовал отказа от истины во имя счастья людей» [3]. Н. А. Бердяев осуждает интеллигенцию, основным моральным суждением которой было: «да сгинет истина, если от гибели ее народу будет лучше житься, если люди будут счастливее; долой истину, если она стоит на пути заветного клича «долой самодержавие» [3, с. 18]. Он считает, что человеколюбие интеллигенции являлось ложным, оно было направлено против Бога. «Подлинная же любовь к людям есть любовь не против истины и Бога, а в истине и Боге, не жалость, отрицающая достоинство человека, а признание родного Божьего образа в каждом человеке». Здесь же автор пишет, что «во имя ложного человеколюбия и народолюбия у нас выработался в отношении к философским исканиям и течениям метод заподозривания и сыска. По существу, в область философии никто и не входил; народникам запрещала входить ложная любовь к крестьянству, марксистам — ложная любовь к пролетариату. Но подобное отношение к крестьянству и пролетариату было недостатком уважения к абсолютному значению человека, так как это абсолютное значение основано на божеском, а не на человеческом, на истине, а не на интересе» [3].

Отношение к европейским философским учениям. Н. А. Бердяев считает, что в отечественной философии преобладало демагогическое отношение, которое деморализует душу интеллигенции, порождает моральную трусость, ведет к угасанию любви к истине и дерзновению мысли, к вырождению морального пафоса в мономанию. Деление философии на «пролетарскую» и «буржуазную», на «левую» и «правую», утверждение двух истин, полезной и вредной автор характеризует как признаки умственного, нравственного и общекультурного декаданса. Он утверждает, что русской интеллигенции противен объективизм и универсализм. К объективным идеям и универсальным нормам она относилась недоверчиво, так как предполагала, что они мешают бороться с самодержавием. Все это, как считает философ, вело к искаженному восприятию европейских философских учений, к которым относились научный позитивизм, экономический материализм, эмпириокритицизм, неокантианство, ницшеанство.

Научный позитивизм, по мнению Н. А. Бердяева, был воспринят русской интеллигенцией в самой крайней форме и превращен не только в примитивную метафизику, но и в особую религию, заменяющую все прежние религии. Он для интеллигенции был тождественен с материалистической метафизикой и социально-революционной верой. Философ пи-

шет, что привлекательной для русской интеллигенции была не объективность позитивизма, а его субъективность, обоготворявшая человечество. В 1870-е годы позитивизм был превращен Лавровым и Михайловским в «субъективную социологию», которая, по словам Н. А. Бердяева, стала доморощенной, кружковой философией русской интеллигенции.

Таким же извращениям были подвергнуты экономический материализм и марксизм. Экономический материализм как учение, которое в центр социальной жизни общества ставит объективное начало производства, в России превратился в новую форму «субъективной социологии», момент объективной истины окончательно потонул в моменте субъективном, в классовой «точке зрения и классовой психологии». Правда, Н. А. Бердяев высказал высокую оценку взглядов марксиста П. Б. Струве в части разработки им объективно-научной стороны марксизма. Касаясь неокантианства, Н. А. Бердяев отметил, что оно по сравнению с экономическим материализмом подверглось меньшему искажению, было менее популярным и распространенным. Неокантианский и неофихтеанский дух стал в России орудием освобождения от марксизма и позитивизма. Интерес же к Канту и Фихте, германскому идеализму, по мнению философа, повысил философско-культурный уровень русской интеллигенции и послужил мостом к высшим формам философского сознания.

Н. А. Бердяев прослеживает судьбу эмпириокритицизма, который, на его взгляд, подвергся в среде русской интеллигенции существенному искажению. Существовавшие в стране течения каждое по-своему истолковывало сложную гносеологию Авенариуса. В числе тех, кто, как выразился философ, обращались с эмпириокритицизмом по-домашнему, как со своей собственностью, были Богданов, Луначарский, которые тяжеловесные думы европейских философов превратили в легковесные брошюры.

Еще более печальная участь, по оценке Н. А. Бердяева, постигла в России философию Ницше. «С одной стороны, — пишет он, — у нас зашевелились целые стада ницшеанцев-индивидуалистов, а с другой стороны, Луначарский приготовил винегрет из Маркса, Авенариуса и Ницше, который многим пришелся по вкусу, показался пикантным. Бедный Ницше и бедная русская мысль» [3, с. 25].

О русской философии. Не осталась без внимания и отечественная оригинальная философская мысль. Н. А. Бердяев считает, что русская интеллигенция просмотрела оригинальную русскую философию, равно как и философское содержание великой русской литературы. Она не заметила Чаадаева, не читала, не знала и не признавала своим Вл. Соловьева, которым могла бы гордиться филосо-

фия любой европейской страны. Не признавала настоящим образом своим Л. Толстого. Не была по плечу широким слоям русской интеллигенции метафизика Достоевского. Особую печаль у философа вызывает упорное нежелание русской интеллигенции познакомиться с зачатками русской философии. Н. А. Бердяев называет имена, кроме уже упоминавшего Вл. Соловьева, таких философов, как Хомяков, Чичерин, Козлов, кн. С. Трубецкой, Лопатин, Н. Лосский, А. Несмелов. Автор с гордостью характеризует вклад русских философов в развитие мировой философской мысли. Он пишет, что «русская философия в основной своей тенденции продолжает великие философские традиции прошлого, греческие и германские, в ней жив дух Платона и дух классического германского идеализма. Но германский идеализм остановился на стадии крайней отвлеченности и крайнего рационализма, завершенного Гегелем. Русские философы, начиная с Хомякова, дали острую критику отвлеченного идеализма и рационализма Гегеля и переходили не к эмпиризму, не к неокритицизму, а к конкретному идеализму, к онтологическому реализму, к мистическому восполнению разума европейской философии, потерявшего живое бытие. И в этом нельзя не видеть творческих задатков нового пути для философии. Русская философия таит в себе религиозный интерес и примиряет знание и веру» [3, с. 26–27].

Н. А. Бердяев обращает внимание на то, что в «русской философии есть черты, роднящие ее с русской интеллигенцией, — жажда целостного миросозерцания, органического слияния истины и добра, знания и веры... И я думаю, что конкретный идеализм, связанный с реалистическим отношением к бытию, мог бы создать национальную философскую традицию, в которой мы так нуждаемся» [3, с. 27].

Философ считает, что России нужна серьезная философская культура, универсальная и вместе с тем национальная. Он называет Вл. Соловьева и кн. С. Трубецкого, которые, по его мнению, являются лучшими европейцами, носителями мирового философского духа и вместе с тем национальными философами, так как заложили основы философии конкретного идеализма. Одновременно автор выступает за соединение мистики с философией: необходимо, по его мнению, «дионисическое начало мистики сочетать с аполлоническим началом философии».

«Интеллигентское сознание, — утверждает Н. А. Бердяев, — требует радикальной реформы, и очистительный огонь философии призван сыграть в этом важном деле немалую роль. Все исторические и психологические данные говорят за то, что русская интеллигенция может перейти к новому сознанию. Лишь

на почве синтеза знания и веры, синтеза, удовлетворяющего положительно ценную потребность интеллигенции в органическом соединении теории и практики, «правды-истины» и «правды-справедливости» [3, с. 29]. Но в данный момент Россия духовно нуждается в призвании самоценности истины, в смирении перед истиной и готовность на отречение во имя ее.

Статья написана в соавторстве с профессором М. И. Добрыниной и опубликована в материалах научной конференции «Н. А. Бердяев и современность». Улан-Удэ. 2009. С. 69-82.

Литература

1. Бердяев Н. А. Духовный кризис интеллигенции / сост. и коммент. В. В. Сапова. М., 1998. С. 69–70.

2. Ленин В. И. О «Вехах» // Вехи: pro et contra. СПб.: Изд-во РГХИ, 1998. С. 491.

3. Бердяев Н. А. Философская истина и интеллигентская правда // Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 12.

ШПЕНГЛЕР И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЕГО ФИЛОСОФИИ

Жизнь и творчество. В мае 2005 г. исполнилось 125 лет со дня рождения немецкого философа, одного из крупнейших теоретиков культуры в XX веке Освальда Шпенглера.

Родился он в небольшом провинциальном городке Германии Бланкенбурге в семье почтового чиновника Бернхарда Шпенглера и его жены Паулины. Нарекли его Освальдом Арнольд Тотфид Шпенглером.

Сорокалетняя мать, потерявшая за год до этого своего первенца, не прожившего и трех недель, была счастлива. Вслед за Освальдом на свет появились три дочери — Адель, Гертруда и Хильдегара.

Отношения в семье были далеко небезоблачными. Бернхард Шпенглер не отличался честолюбием и не стремился сделать карьеру, что не устраивало его жену Паулину, происходившую из аристократической среды, —

её родители были балетмейстерами. Часто случались семейные сцены. Освальд подрастал нервным и боязливым ребенком. Но обладал богатой фантазией.

В 1891 г. семья переехала в старинный университетский город Галле, где Освальд проходил обучение в гимназии. Он много читал У. Шекспира, И. В. Гете, Г. Клейста, О. де Бальзака. Г. Флобера, А. Стендаля, Л. Н. Толстого, И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского. Познакомился с произведениями А. Шопенгауэра, Ф. Ницше.

После окончания гимназии учился в университетах в Галле, Мюнхене, Берлине. Завершил О. Шпенглер свое образование в Галле. Там он подготовил и защитил свою диссертацию о древнегреческом мыслителе Гераклите. Молодой доктор философии после недолгого повышения квалификации в Саарбрюккене и годичной стажировки в Дюссельдорфе, в результате которой он получил звание старшего учителя и право преподавать историю и математику, в 1908 г. приступил к работе в одной из гамбургских гимназий. Однако большого желания заниматься преподавательской деятельностью у него не было. К тому же в 1910 г. неожиданно скончалась мать (отец умер раньше, в 1901 г.), оставленное наследство позволило ему перебраться в Мюнхен и заняться творческой деятельностью. В Мюнхене он начал работать над исследованием, получившим название «Закат Европы». Оно стало самым крупным и наиболее известным произведением О. Шпенглера. На протяжении 1918–1920 гг. вышло 32 издания первого тома, что свидетельствует об огромном интересе к книге. В 1922 г. был опубликован второй том названной работы. Кроме того, О. Шпенглер пишет книги «Пруссачество и социализм» (1920), «Пессимизм ли это?» (1921), «Человек и техника» (1931), «Годы решений. Германия и всемирно-историческое развитие» (1933) и др.

«Закат Европы» — прорыв в истории науки. На русском языке первый том «Заката Европы» вышел в 1923 г. Том назывался «Образ и действительность». Книга была снабжена предисловием профессора А. Деборина.

Выход книги О.Шпенглера породил в Европе большое количество комментариев и толкований, массу критических откликов — от доброжелательной критики до полного отрицания.

В чем состоит заслуга О. Шпенглера?

По словам самого Шпенглера, он является уникальным и единственным создателем истинно научной схемы исторического процесса. Выход его книги, как он считал, позволил ответить на вопрос, который вообще никем не ставился ранее: существует ли логика истории?

Опираясь на обширный материал, накопленный к тому времени археологией, этнографией, сравнительным языкознанием и другими науками, Шпенглер стремился раздвинуть горизонты традиционной исторической науки, определить место и перспективы западноевропейской культуры в истории человечества.

В философии Шпенглера эта попытка связана с резкой критикой основных идеологов западной исторической науки XIX в.: европоцентризма (тезиса о верховенстве европейской культуры), панлогизма (уверенности во всепроникающей роли разума), историзма «линейной» направленности (то есть представления о том, будто прогресс развертывает себя в одном направлении).

В западной исторической науке существовала традиционная схема периодизации истории на древний мир, средние века и новое время. Шпенглер называет такую схему бессмысленной, наивно прямолинейной. Он пишет: «Древний мир — Средние века — Новое время» — вот та невероятно скудная и лишенная смысла схема, чье абсолютное владычество над нашим историческим сознанием постоянно мешало правильному пониманию подлинного места, облика и, главным образом, жизненной длительности той части мира, которая сформировалась на почве Западной Европы со времени возникновения германской империи, а также ее отношений к всемирной истории, т.е. общей истории всего высшего человечества» [1]. Он отказался считать только Европу эталоном измерения, называя это «огромным оптическим обманом», «благодаря которому исторический материал целых тысячелетий, отделенный известным расстоянием, например, Египет или Китай, принимает миниатюрные размеры, а десятилетия, близкие к зрителю, начиная с Лютера и особенно с Наполеона, приобретают причудливо громадные размеры. Мы знаем, что это только одна видимость» [2].

Подобная традиционная линейная периодизация планетарного прогресса, представляющая исторический процесс как поступательное развитие человеческого общества во всемирном масштабе, не имеет, как считал Шпенглер, никакого значения для неевропейских обществ. Концепция «всемирной истории» определяется Шпенглером как «птолемеева система истории», основанная на европоцентризме в понимании иных культур.

Нивелирующее единство идеи всемирно-исторического процесса Шпенглер предлагает заменить более богатой содержанием картиной — циклической историей возникновения, расцвета и гибели многочисленных самобытных и неповторимых культур. С точки зрения Шпенглера, «человечество» — пустое слово, внимания заслуживает только «феномен множества мощных культур, с первобытной

силой вырастающих из недр своей страны, к которой они строго привязаны на всем протяжении своего существования, и каждая из них налагает на свой материал — человечество — свою собственную форму, у каждого своя собственная идея, собственные страсти, собственная жизнь, желания и чувствования, и, наконец, собственная смерть».

Шпенглер выделил 8 культур: египетскую, индийскую, вавилонскую, магическую (арабо-византийскую), китайскую, аполлоновскую (греко-римскую), фаустовскую (западноевропейскую) и культуру майи.

В основе любой культуры лежит, по Шпенглеру, некий прасимвол, который можно обозначить как рок или судьбу, в каждом случае неповторимую и уникальную. Это делает культуры непроницаемыми друг для друга. Хотя их морфологический костяк всегда одинаков. Так, просимволом египетской культуры выступает путь, арабской — пещера, античной — отдельное тело, западной -бесконечное пространство. Жизненный путь каждой культуры запрограммирован судьбой, а ее конкретное содержание, уникальность определяются специфической душой, внешним выражением которой и является эта культура. В основе античной культуры лежит аполлоновская душа, арабской — магическая душа, западно-фаустовская и т. п.

О методах исследования культур. Шпенглер большое внимание уделяет рассмотрению методов познания культур. По его мнению, изучение культурных форм в корне противоположно абстрактному научному познанию и основано на непосредственном «чувстве жизни». С точки зрения Шпенглера, средствами познания живых явлений вообще и человеческой истории в частности являются вживание, созерцание, сравнение, непосредственная внутренняя уверенность, точная чувственная фантазия, интуиция, а также биография и автобиография. Шпенглер здесь пытался следовать Гёте. Подобно тому, как Гётс прослеживал развитие растительной формы из листа, так и Шпенглер полагал, что из полноты очевидных подробностей должен быть развит язык форм человеческой истории, ее периодическая структура и органическая логика.

Важными методами социально-культурного исследования Шпенглер считал сравнение и аналогию. В методе сравнения он видел «единственный корень», из которого может вырасти «великое решение». В частности, сравнение между названными им восемью культурами должно было повлечь за собой такие же последствия для исторического познания, как для естественных наук, — преодоление докоперниковской картины мира, когда Европа рассматривалась в

качестве центра, вокруг которого вращались все прочие культуры.

Что касается аналогии, то Шпенглер ее (как в биологии) сопоставляет с гомологией (греч. homologos — соответственный, подобный). Если аналогия выражает сходство явлений по их функциям, то гомология — по их форме, структуре и развитию (например, конкретные культуры, их структуры, этапы развития).

Шпенглер очень широко использует метод аналогии. Хотя нередко он применяет весьма рискованные и не всегда убедительные аналогии, за что подвергался справедливой критике (К. Поппер). Однако, как отмечает А. Н. Патрушев, у Шпенглера речь шла не о науке с ее рационально-логическими доказательствами, а о сфере интуитивного проникновения, творящего мифы, для которого легкость в обращении с историческими фактами является неотъемлемым атрибутом.

О. Шпенглер и Н. Я. Данилевский. Опираясь на указанные выше методы, Шпенглер разрабатывает концепцию циклического развития истории по замкнутым и непересекающимся кругам. Надо отметить, что у Шпенглера с его принципом культурно-исторического круговорота и идеей обособленности культурных образований имелось много предшественников. Особое внимание критики Шпенглера уделяли схожести его концепции со взглядами Данилевского в книге «Россия и Европа» (1871). Действительно, схема русского мыслителя предвосхищала построения Шпенглера. Некоторые авторы пишут о заимствованиях Шпенглера у Данилевского. С. Н. Фрумкин утверждает о том, что учение Шпенглера о жизненных циклах отдельных, не связанных между собой культурно-исторических миров было заимствовано им вплоть до многих деталей» у Данилевского [3].

А. И. Патрушев опровергает утверждение С. Н. Фрумкина. В качестве аргументов выдвигает: 1) Шпенглер вряд ли был знаком с малоизвестной книгой Данилевского, переведенной в Германии только в 1920 г.; 2) Данилевский принципиально отличается от Шпенглера тем, что, выделив 10 культур, он положил в их основу присущие только им ценности: например, для Древней Греции — идею прекрасного. А Шпенглер настаивал на том, что любая культура — это герметическое целое с присущим только ему собственным миром ценностей [4].

Нам думается, что аргументы А. И. Патрушева недостаточно убедительны: во-первых, первые главы книги профессора Данилевского появились в журнале «Заря» в 1869 г., который был широко известен в Европе; во-вторых, Шпенглер знал русский язык (хотя и не в совершенстве); в-третьих, половина названий культурно-исторических миров у Шпенглера

совпадает с аналогичными названиями у Н. Я. Данилевского; в-четвертых, как известно, любимым писателем Шпенглера был Ф. М. Достоевский, который печатался в журнале «Заря», в частности, критиковал Н. Я. Данилевского за отрицание им единства человечества. Это, разумеется, не исключает и «выхода» Шпенглера на творчество Н. Я. Данилевского и через Ф. М. Достоевского.

О культуре и цивилизации. Специфической и новой чертой теории Шпенглера было приложение циклической модели не к народам, государствам и цивилизациям, а к культурно-историческим мирам.

При этом Шпенглер считал, что все культуры уникальны. Они равны по своему историческому значению и должны сопоставляться вне всяких оценочных категорий.

Сравнительный анализ культуры, как считает Шпенглер, обнаруживает единство их судьбы: каждая культура проходит одну и ту же последовательность фаз развития, и основные черты каждой фазы тождественны во всех культурах; все культуры сходны по длительности существования (около 1000 лет) и темпам своего развития; исторические события, относящиеся к одной культуре, имеют соответствия (гомологии) во всех других. «Я надеюсь доказать, — пишет он, — что все без исключения великие создания и формы религии, искусства, политики, общества, хозяйства, науки во всех культурах одновременно возникают, завершаются и угасают; что внутренняя структура одной вполне соответствует всем другим, но нет ни одного явления, к которому бы не нашлось параллелей во всех других, притом в строго показательной форме и на вполне определенном месте».

По Шпенглеру, каждая культура, исчерпывая свои внутренние творческие возможности, мертвеет и переходит в фазу цивилизации («цивилизация», по мнению философа, есть кризисный исход, завершение любой культуры), для которой свойственны атеизм и материализм, агрессивная экспансия во вне, радикальный революционизм, сциентизм и техницизм, а также урбанизация. Переход от культуры к стадии цивилизации для Запада он датировал рубежом XVIII–XIX вв.

Следует отметить, что проблемами цивилизации занимались и раньше. Французская и английская мысль понимала цивилизацию как синоним прогресса (труд Генри Томаса Бокля «История цивилизации в Англии»). В отличие от этого немцы Кант, Гумбольдт характеризовали цивилизацию как падение морали.

Что касается Шпенглера, то он проблему цивилизации рассматривает во взаимосвязи с культурой. При этом цивилизацию он характеризует как окостенение культуры, ее бесценность. На первый план он выдвигает антагонизм мирового города и провинции.

Для первого характерен космополитизм, для второй — чувство родины. Город ставит понятие «общество» выше понятия «государство», в нем формируется человек, чуждый культуре.

Шпенглер, а до него Ницше уловили тенденцию к созданию массовой культуры с ее культом потребления.

Идя по стопам Достоевского, который считал западную культуру умершей, поскольку она забыла христианские истины, еще хранимые простым народом, и попала в оковы рационализма и интеллектуализма, Шпенглер говорил о грядущей с Востока «второй религиозности».

Отвергая обвинения в пессимизме, Шпенглер писал: «Нет, я не пессимист. Пессимизм означает не видеть более никакой задачи. Я же вижу еще столько нерешенных задач, что, боюсь, для их решения нам не хватит ни времени, ни людей».

Политические взгляды. Говоря о политических взглядах Шпенглера (которые занимают центральное место во 2-ом томе), следует отметить, что он очень высоко оценивал роль государства. Но с приходом цивилизации оно начинает утрачивать авторитет, вместо идеальных устремлений на первый план выдвигаются материальные интересы и власть денег. В итоге на авансцену истории врываются харизматические личности как властелины новой охлократии. Цезаризм и стремление к созданию мировых империй Шпенглер рассматривал как трагический и величественный закат.

Он проявляет враждебность к демократии. С горечью и даже с ненавистью описывал он современное общество с его коррумпированными парламентами, грязными финансовыми махинациями, стремящееся оплевать и унизить идеалы отцов в романах и спектаклях, с его разнузданностью нравов и падением морали. Это значило для Шпенглера, что тон в обществе задает плебс.

Что касается отношения Шпенглера с национал-социализмом, то эти отношения были сложными и противоречивыми. Он не был принципиальным противником национал-социализма. На президентских выборах в 1932 г. он отдал свой голос за Гитлера. Не вызывали у него протеста и первые законы на свертывание демократических свобод и ликвидацию конституционно-парламентской системы. В то же время ужесточалось отношение к Шпенглеру национал-социалистов и государства, особенно после выхода его книги «Годы решения». Национал-социалисты, вначале было решившие просто игнорировать сочинение Шпенглера, в конце концов устроили настоящую травлю философа. Его обвинили в критиканстве, некомпетентности и безответственном суждении. Один из видных деятелей С. С. Иоганн фон Леерс назвал книгу генеральным планом контрреволюции и призвал покончить с тер-

пимостью в отношении её автора. 5 декабря 1933 г. в прессе было дано официальное указание: «Нежелательно вести дальнейшую дискуссию о Шпенлерс. Правительство просит больше не упоминать имени этого человека в печати».

Расхождение между Шпенглером и новым режимом неуклонно нарастало. Гитлер публично заявил: «Я не последователь Освальда Шпенглера! Я не верю в закат Запада. Нет, я усматриваю дарованную мне провидением миссию в том, чтобы воспрепятствовать этому». Шпенглер в долгу не остался и ядовито заметил, что «Закат Европы» — книга, прочитанная фюрером в объеме лишь титульного листа».

В начале июня 1934 года он впервые за много лет не поехал на любимый вагнеровский фестиваль, не желая видеть в окружении «коричневой толпы». Но окончательно отвратила Шпенглера от нацизма так называемая «Ночь длинных ножей» — 30 июня 1934 года, серия политических убийств, глубоко его потрясшая.

Теперь Шпенлер окончательно понял криминальную природу новой власти, которая оказалась не союзником, а опаснейшим врагом его мировоззрения [5]. Духовно-нравственные качества нацизма он характеризовал как «расовый идиотизм», а методы нового режима — как «пытки, убийства, грабежи, беззаконие».

Шпенглер никогда не разделял расовой теории и антисемитизма, которые составляли сердцевину национал-социалистической идеологии. Несовместим был с мессианскими устремлениями Гитлера и пессимистический фатализм Шпенглера.

Трудно предположить, как сложилась бы дальнейшая судьба Шпенглера и его отношений с национал-социализмом. Но в ночь с 7 на 8 мая 1936 года в своей мюнхенской квартире Освальд Шпенглер скончался. В гроб положили 2 книги — «Так говорил Заратустра» и «Фауст», с которыми он всегда ездил отдыхать. Некоторое время ходили глухие слухи, что Шпенглер был убит группой гестаповцев, затем они постепенно стихли [6].

Эволюция научных взглядов. Значение творчества. Вернемся к научным взглядам Шпенглера. Нельзя не отметить их некоторую эволюцию, произошедшую в 20–30 гг. В одной из наиболее значительных работ этих лет «Человек и техника» Шпенглер отходит от своего противопоставления культуры и цивилизации: Запад, по его мнению, не только не находится в упадке, но и переживает триумф научных открытий, порожденный техническим гением Европы. Сюда он перемещает центр тяжести духовности «фаустовского человека». Шпенглер — первый в условиях принципиальной недооценки фактора техники западной философией — поставил

вопрос о роли и месте техники в истории, о ее, как он писал, «метафизическом» и «моральном статусе», об универсальном воздействии техники на природу и общество.

Говоря о творчестве Шпенглера в целом, следует отметить, что его труд «Закат Европы» — одно из первых произведений, открывших тему кризиса культуры, имеющую фундаментальное значение для современного западного самосознания. «Философия культуры О. Шпенглера, — как не без основания утверждает П. С. Гуревич, — имеет разностороннее влияние на последующую эволюцию культурфилософской мысли. Метод морфологического анализа «эквивалентных культур» стимулировал изучение локальных цивилизаций. Философия культуры Шпенглера оказала определенное влияние на так называемую историческую школу в науке (Кун, Фейерабенд и другие). Большое значение для современной философии культуры имеют установки Шпенглера на выявление общего языка культуры, культурной символики, а также его гипотезы относительно происхождения языка» [7].

Многомерная и содержательная историческая концепция Шпенглера не потеряла своего эвристического значения и в наши дни. Утверждая неизбежность падения европейской культуры, Шпенглер не допускал мысли о возможном конце человеческой истории, о самоуничтожении человечества. Критика Шпенглером цивилизации предупреждает о ее грядущем кризисе.

Литература

1. Шпенглер Освальд. Закат Европы. Минск: Харвест; М.: АСТ, 2000. С. 23
2. Там же. С. 25
3. Фрумкин С. Н. Освальд Шпенглер и неонацизм // Современная философия и социология в ФРГ. М., 1971. С. 125.
4. Патрушев А. И. Миры и Мифы Освальда Шпенглера (1880–1936) // Новая и новейшая история. 1996. № 3. С.129.
5. Освальд Шпенглер 100 великих мыслителей / автор-сост. И. А. Мусский. М.: Вече, 209 с.
6. Освальд Шпенглер 100 великих мыслителей / автор-сост. И. А. Мусский. М.: Вече, 372 с.
7. Гуревич П. С. Философия жизни XX век // Философские науки 2/1998. С. 52.

ВЫБОР СУДЬБЫ

Доцент В. А. Абрамов

Знакомство с архивами Бурятского пединститута (ныне университета) 1930-х годов прошлого века, времени становления вуза, позволяет острее почувствовать трудности, с которыми пришлось столкнуться его организаторам. Одна из главных — отсутствие квалифицированных преподавателей. Желающих ехать в Бурят-Монголию было мало. Основные причины — суровые природно-климатические условия, отсутствие благоустроенного жилья, библиотек, огромные расстояния от центра. Пугала неизвестность.

Лишь очень немногие принимали предложение Наркомпроса и с его направлением отправлялись работать с неизвестную им Бурят-Монголию. В их числе был Василий Абрамович Абрамов.

Из ВЧК в МГУ. Родился в 1898 году в деревне Обрыня Деманского уезда Новгородской области в семье крестьянина-бедняка, безлошадника. Учился в местной церковно-приходской школе. Октябрьская социалистическая революция круто изменила судьбу парня. В суровые годы гражданской войны Василий Абрамов — красноармеец отдельного стрелкового батальона войск ВЧК, дислоцировавшегося в Ярославле. В 1922 г. по путевке воинской части он поступает на рабфак при ВХУТЕМАСе, после окончания которого в 1925 г. зачисляется студентом факультета литературы и искусства 1-го Московского государственного университета, позже учится в аспирантуре этого же университета. В. А. Абрамов получил хорошее литературное и художественное образование. В Москве ему посчастливилось несколько раз слышать поэтические выступления В. Маяковского, В. Брюсова, лекции А. В. Луначарского. Неизгладимое впечатление оставили у него чтение В. Маяковским поэмы «Хорошо!» в актовом зале МГУ, митинговые выступления поэта-трибуна перед многотысячной аудиторией Политехнического института в Москве, похороны талантливого певца русской природы С. Есенина. Незабываемо гениальное чтение В. И. Качаловым стихов Есенина у гроба поэта... «Так вспыхнула страсть — влечение к литературе,

особенно к русской поэзии...» — писал о своем наставнике будущий член-корреспондент РАН А. Б. Соктоев («За педагогические кадры», 5 июля 1959 г.).

Бурят-Монголия. В марте 1934 г. В. А. Абрамов как молодой специалист — литературовед был направлен в Бурят-Монгольский государственный пединститут. Это было трудное время. Пединститут функционировал лишь второй год, не хватало специалистов, в том числе по русской словесности. Его назначили на должность и.о. доцента кафедры литературы, которая была образована в момент открытия агропединститута, т. е. 10 февраля 1932 г.

Выпускник столичного вуза со всей ответственностью воспринял свою миссию преподавателя русской литературы. Несмотря на основательную подготовку, полученную в МГУ, прекрасную память, Василий Абрамович много читал, серьезно готовился к лекциям и семинарам. Вполне естественно, что с каждым учебным годом он все увереннее чувствовал себя в студенческой аудитории. Замечательный педагог вел серьезную научную работу по роману «Война и мир» Л. Н. Толстого. Одновременно организовывал литературные вечера, сам читал стихи русских и советских поэтов, руководил студенческим драмкружком. В марте 1944 г. в торжественной обстановке было отмечено 10-летие его работы в педвузе. В приказе директора института говорилось: «Отметить исключительно плодотворную работу В. А. Абрамова в области научных исследований, любовь и преданность своей работе, высокую квалификацию и мастерство его как лектора-преподавателя, заслуженное уважение и авторитет среди студентов, научных работников и сотрудников института, с занесением в личное дело».

Защита диссертации. Талант лектора. В 1947 г. В. А. Абрамов защитил кандидатскую диссертацию, чуть позже стал доцентом. С сентября 1949 г. по ноябрь 1950 г. работает деканом литературного факультета. 1953 по 1959 г. он заведует кафедрой литературы, работает над докторской диссертацией «Героическая эпопея Л. Н. Толстого «Война и мир» в свете ленинской оценки его творчества». В середине 1960-х гг. Ученым советом пединститута избран исполняющим обязанности профессора.

Василий Абрамович был глубоким знатоком русской литературы, прекрасным методистом. Его лекции отличались высоким профессионализмом, современным анализом текстов художественных произведений, спокойной, рассуждающей формой изложения, безукоризненным языком. Излагаемый им материал можно было записывать, не теряя при этом нити рассуждений лектора. В. А. Абрамов — человек феноменальной памяти, беспримерный знаток текстов ху-

дожественной литературы, начиная от «Слова о полку Игореве» и кончая антологией современной ему советской поэзии. Он нес высокую художественную культуру в студенческую среду, был последовательным и неутомимым пропагандистом лучших духовно-нравственных ценностей.

Будучи крупным специалистом по русской литературе, он читал лекции преимущественно по введению в литературоведение. Этот предмет, изучавшийся на первом курсе, вводил студентов в прекрасный и волнующий мир искусства, учил понимать и ценить красоту и великую силу литературы, являлся прочным фундаментом, основой истории литературы. Излагая студентам теорию поэзии, он иллюстрировал свой рассказ множеством примеров, которые цитировал по памяти, являя собой живой пример эрудированного литературоведа. На практических занятиях по теории литературы на пятом курсе он читал наизусть «Черного человека» С. Есенина, поэзию А. К. Толстого.

В. А. Абрамов внес большой вклад в подготовку учителей-филологов, в развитие духовной культуры народов Бурятии. В год 75-летия со дня рождения среди его питомцев было три профессора, более двадцати доцентов и кандидатов наук, более тридцати заслуженных учителей школ Российской Федерации и Бурятии.

В 1961 г. в связи с 75-летием со дня рождения своего коллеги по кафедре доцента И. Д. Чагина В. А. Абрамов в газете «За педагогические кадры» (13 октября 1961 г.) с любовью писал: «Человек исключительной честности, дисциплинированности, скромности и бескорыстия, И. Д. Чагин является образцом педагога общественника не только для своих воспитанников, но и для своих коллег по работе. В институте он неизменно пользовался авторитетом и уважением среди студенчества и всего преподавательского состава». Эти слова можно в полной мере отнести и к самому Василию Абрамовичу. Он являл собой пример скромности, честности, бескорыстия, высокого человеческого обаяния.

Общественная работа. Будучи беспартийным преподавателем, В. А. Абрамов не выдвигался на какие-то высокие общественные должности. Но он находился постоянно в гуще институтской жизни.

Как член Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний он систематически выступал с лекциями и докладами на литературные темы перед трудящимися города, в студенческом лектории.

Многие годы был редактором многотиражной институтской газеты «За педагогические кадры». Благодаря его неустанным творческим исканиям, глубокому знанию жизни газета

была интересной как для студентов, так и для преподавателей.

Особенно значимым являлось его руководство литературно-творческим кружком, которое началось в 1948 г. Кружок объединял энтузиастов поэзии. Для большинства его членов кружковая работа была хорошим подспорьем в учебе, в освоении тайн и тонкостей художественного мастерства, в овладении сложной профессией учителя-словесника, «инженера человеческих душ». Многие кружковцы со временем стали известными в Бурятии и в России поэтами, писателями. Члены этого объединения устраивали литературные вечера, выпускали свои стенгазеты, организовали собственный журнал «Творчество молодых», вели «Литературные страницы» в многотиражке «За педагогические кадры». Позже, в 1958 г., один из кружковцев, в будущем доктор филологических наук, профессор С. Ш. Чагдуров, напишет, что «вечера поэзии меня многому научили. По существу, на этих вечерах я серьезно стал задумываться над тем, как лучше и правильно анализировать то или иное художественное произведение... этим я обязан прежде всего нашему кружку и его руководителю Василию Абрамовичу Абрамову («За педагогические кадры», 1 мая 1958 г.)

Он писал стихи. В. А. Абрамов не только руководил кружком начинающих поэтов, он сам писал стихи. Его негромкий спокойный голос можно было слышать не только в студенческой аудитории, но и в беседе с коллегой, автором, написавшим статью в факультетскую стенгазету, с практикантом, давшим свой первый урок в школе...

В одном из стихотворений под названием «Гении Земли» («За педагогические кадры», 30 декабря 1960 г.) он писал:

«Все гении Земли, как горные вершины,
От бренной суеты взметнулись
в звездный сад.
На много лет вперед и далеко назад
Видны с их высоты житейских битв
равнины.
Как дышится легко, где мыслей их рубины,
В скрижалях Времени бессмертия горят!
Где, как живой водой, нас, жаждущих, поят
Всей мудростью веков великих душ
глубины.
Не многим суждено жить у таких высот,
Но каждый смертный пусть
не раз туда восходит.
Пусть трепетной душой к их
Вечности прильнет,
Дыханье освежит и кровь облагородит.
И снова вниз сойдя в юдоль земных забот,
Пусть в битвах за Прогресс
бессмертие находит».
На такие горные вершины
поднимался и автор этого сонета.

За многолетнюю и безупречную работу В. А. Абрамов был награжден

медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», знаком Министерства просвещения РСФСР — «Отличник народного образования». Ему присвоено почетное звание заслуженного учителя школы Бурят-Монгольской АССР.

Статья написана в соавторстве с доцентом А. К. Паликовой и опубликована в сборнике статей «Филологический факультет в лицах: преподаватели и выпускники / отв. ред. В. В. Башкеева, С. М. Бабушкин, А. Ц. Хусаева. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2007. С. 113–116 (с последующим дополнением).

БЕСПОКОЙНЫЙ ХАРАКТЕР

Директор пединститута Т. Е. Карпова

Детские годы. Учеба. Работа. В руках автора этих строк небольшой рукописный дневник-воспоминания Татьяны Ефимовны Карповой. В нем нет даты его начала и не указано время, когда было написано последнее предложение. Но судя по содержанию, он создавался в годы, когда его автор находилась, как говорят, на заслуженном отдыхе. Этот дневник-воспоминания, другие документы, личное знание автора позволили написать предлагаемую статью.

Т. Е. Карпова была известным в Бурятии человеком. Многие годы трудилась учителем сельской школы, во второй половине 1930-х годов возглавляла педагогический вуз, в военное время была ответственным партийным работником. В последующем почти полтора десятилетия руководила заочным обучением студентов в пединституте.

Родилась она 7 января 1900 г. в селе Токтор-Учирка Акшинского района Читинской области в семье бедного мещанина. Семья была большой — десять человек. Отец занимался разными видами деятельности: столярничал, делал телеги, сани, ме-

бель, шил хомуты, обувь, промышлял извозом.

Татьяна начала учиться в 9 лет. Вместе с братом пошла в первый класс. Школа находилась в четырёх километрах от дома. С одеждой было плохо, зимой мёрзли. Но оба учились хорошо. К началу империалистической войны окончила двухклассную церковно-приходскую школу. Отец был призван в армию, отправлен на фронт, а вся работа по дому, в огороде, в поле легла на плечи Татьяны и остальных младших детей.

Была мечта продолжить учёбу. В её осуществлении помог хозяин отца Елтышев, который предложил «бесплатную» квартиру в городе с тем, чтобы Татьяна могла учиться в высше-начальном училище. Программа равнялась примерно восьми классам. После занятий в школе она выполняла роль домашней работницы, ухаживала за коровой, мыла полы. После окончания училища в 1919 г. работала учителем в школе родного села. Здесь, как и до революции, господствовали священнослужители, преподавался закон божий. В 1923 г. была назначена заведующей начальной школой в селе Улачи. В этом селении была создана комсомольская ячейка. Молодую учительницу избрали её секретарём. Комсомольцы проводили большую работу по ликвидации неграмотности, часто ставили спектакли, проводили вечера, читали доклады. С 1925 по 1929 г. Т. Е. Карпова — учитель семилетней русской школы в селе Агинское. Здесь она становится членом ВКП(б), руководит делегатским собранием женщин.

Делегатские собрания были в те годы основной формой приобщения женщин к активной общественной деятельности. При непосредственном участии Т. Е. Карповой весной 1925 г. женщины раскопали пустырь и посадили овощи, установили очередь по уходу за огородом, а осенью урожай разделили среди бедняков. Они же организовали выпечку и продажу хлеба, открыли прачечную, создали детскую площадку, вовлекли женщин в школы ликбеза, учили их элементарным правилам гигиены. Руководитель делегатского собрания женщин много сил и энергии отдавала организации коллективных хозяйств, включению в них женщин, развитию их трудовой и общественной активности.

Осенью 1929 г. в связи с переводом школы из Агинского в большое село Дульдургу того же района Т. Е. Карпова с новыми силами включается в организацию колхозов. В школе преподаёт историю и обществоведение.

В пединституте. В 1933 г. после четырнадцати лет работы в школе Т. Е. Карпова поступила в Бурят-Монгольский пединститут на литературно-лингвистическое отделение.

Время было очень трудное. Нельзя забывать, что в 30-е годы, особенно в 1933 г., в ряде районов страны (Цен-

тральная Россия, Поволжье, Украина, Казахстан) свирепствовал голод: умирали миллионы людей. В Сибири, включая Бурят-Монголию, хлеб, крупа, мука и другие продукты выдавались работникам и студентам в малых количествах. Стипендия была мизерная. Не хватало жилья. «Общежитие, — пишет Т. Е. Карпова, — размещалось в бывшем складском помещении какого-то купца, с железными решетками на окнах, вместо коек — топчаны. Кипяток готовили в чанах, вмазанных в плиту. Девочки рабфаковцы жили в комнате по 30 человек. Учащимся по карточке выдавали 400 граммов хлеба на день и 500 граммов сахара на месяц, ... в столовой питание было плохим. Однако дисциплина студентов была на высоком уровне. Каждое воскресенье ездили работать на новостройки: стеклозавод, мясокомбинат, мелькомбинат. Студенческие годы — трудные, но для меня это были лучшие годы моей жизни».

Т. Е. Карпова много занималась самостоятельно, читала, но находила время и для спорта, и для художественной самодеятельности, и для общественной работы.

В октябре 1933 г. была избрана членом парткома института, а в октябре 1935 г. — секретарём. В этой должности она трудилась по октябрь 1936 г. В 1937 г. Т. Е. Карпова с отличием окончила институт и была направлена преподавателем в школу № 10 г. Улан-Удэ. Однако ей в школе пришлось работать недолго.

Директор пединститута. 22 сентября 1937 г. решением бюро ОК ВКП(б) она была назначена директором педагогического и учительского институтов. «Я, — пишет Т. Е. Карпова, — была ошеломлена таким назначением, вышла из здания обкома партии и села у памятника в раздумье: какая же я директор, вчерашняя студентка. Зав. отделом школ обкома в окно увидел, вышел и говорит: «Вы что сидите?» и повёл меня представлять в институт. Ну что же, пошла. Спасибо зав. учебной частью Кудрявцеву В. Д., он подсказывал по учебным вопросам, а в хозяйственные и финансовые вопросы как-то сама «влезла» — поняла».

1937 год был самым неспокойным, самым трагичным в жизни страны. В 1937 и в следующем, 1938 г., многие представители интеллигенции, рабочих и крестьян были репрессированы, физически уничтожены. В республике, как и в стране в целом, нагнеталась атмосфера подозрительности и страха. В такой обстановке работать было очень трудно. Требовалась большая осмотрительность: ведь в любой момент в директивные органы могли поступить донос или анонимка от недоброжелателя. Об одном из эпизодов того времени вспоминает Т. Е. Карпова: «Проходил партактив в клубе строителей по улице

Куйбышева. Это теперь можно назвать горькой сказкой.

После ареста секретаря обкома партии М. Н. Ербанова по чьей-то инициативе решили на партактиве узнать, «почему терпели врага народа»? Собрание началось с опозданием на час, докладчиком должен быть Доржиев (Председатель Совнаркома). Его в это время арестовали. Посадили почти всех министров, заведующих отделами обкома. Вышел на трибуну Кошкаров, секретарь обкома по кадрам. Этот человек только что приехал, что он мог знать. И начался ералаш: в президиум поступали записки, в которых указывались фамилии людей, являющихся якобы врагами народа (приводились незначительные «аргументы»), и людей удаляли с собрания.

Редактор газеты Оршанский и его заместитель Хлыстов были сняты с работы, жена Хлыстова, студентка пединститута, коммунистка — «жена врага народа» — её тоже требовали удалить. Пришлось выступить мне. — Хлыстову оставили. Некоторые ... хотели сделать себе карьеру на участи безвинных. Использовались методы распрей и местничества... Сколько погибло людей из старой учёной интеллигенции. Я назову только по пединституту: двое Зандановых, Хараев, Аханянов, Болодон, Барадин — посмертно реабилитированные. По два года отсидели Убугунов А. М. и Хабаев М. П. Была я на очной ставке с Убугуновым. Мне представили протокол подписать, где его обвиняли во вредительстве, что он якобы не строил учебный корпус и общежитие. Но не столько это была вина его, сколько строительных организаций, которые не могли осваивать средства, и отпущенные деньги снимались. Лет пять стоял один фундамент, а студенты жили в ужасных условиях».

Перед молодым неопытным директором стояли трудные задачи. Вследствие ареста ряда квалифицированных преподавателей возникли проблемы с обеспечением учебного процесса. Не хватало помещений для занятий, жилья для студентов и преподавателей. Да и психологическая атмосфера по-прежнему была давящей, нервозной, не прекращались поиски вредителей, шпионов.

Где размещать студентов? «Началось хождение по начальству, — пишет Т. Е. Карпова. — Наконец, получили места в здании Монголрабфака на 100 человек и Осоавиахима — на 50 человек. В последнее вселялись с боем, так как начальник не впускал.

Очередная задача — строительство общежития по Рабочей улице. Возведена была только коробка без лестничных перекрытий, без отопления. Мобилизованы были все студенты, всем находилась работа. К октябрю окна были вставлены. Но лестниц между этажами ещё не было, ходили по трапам. Хотя не было отопления, не было штукатурки, студенты были вселены в общежитие. Отопление пу-

стили уже после октябрьских праздников, но никто из студентов не хныкал, ведь общежитие-то своё. Все старались благоустраивать свои комнаты».

Директор большое внимание уделяла укреплению преподавательского состава. В институт был приглашен ряд новых квалифицированных специалистов, активизировалась научная работа. Много внимания уделялось вовлечению студентов в активную общественную деятельность, художественное творчество. Будущие учителя постоянно участвовали в субботниках и воскресниках по благоустройству города, территории института.

На партийной работе. В марте 1939 г. Т. Е. Карпова была выдвинута на партийную работу, где находилась вплоть до 1947 г. Это было трудное, суровое время в жизни нашей страны, требовавшее большого напряжения, выдержки от каждого человека. Особую взыскательность оно предъявляло к людям, призванным направлять деятельность других, подчинять её общей, государственной воле.

Татьяна Ефимовна в эти годы работала заведующей отделом партийной пропаганды и агитации Улан-Удэнского ГК ВКП(б), секретарём Центрального (Советского) райкома, заведующей сектором партийных, комсомольских кадров, школьным отделом Бурят-Монгольского обкома ВКП(б).

Находясь в аппарате партийных органов, она не оставляла надежды вернуться в школу. «Очень хотелось уйти в школу, — сознаётся учительница и тут же, словно опомнившись, твёрдо добавляет: — но я же солдат партии». Она человек долга. Всё личное — в сторону, главное — интересы партии, государства, общества. Не случайно именно ей в годы войны было поручено заниматься вопросами подбора и расстановки кадров на партийную и комсомольскую работу в республике. Ею подбирались также кадры на политическую работу в военные подразделения. «В октябре 1941 г., — пишет Татьяна Ефимовна в своих воспоминаниях, — потребовалось направить на фронт 50 человек на должность комиссаров и столько же на должность комсоргов полка, в основном это были кандидатуры из РК партии и комсомола, руководящих работников республики. Из 100 человек на беседах в моём кабинете и с секретарём обкома по кадрам никто словом не заикнулся о том, что не может или не желает идти на фронт. Однако на бюро обкома нашёлся коммунист, который проявил трусость, — это секретарь Бичурского РК партии (фамилия нами упускается. — *И. О.*). Но вместо него, как по команде, поднялись сразу два коммуниста — это зав. военным отделом горкома партии Этингов, побывавший на финской войне, и Носкин, министр местной промышленности, заявив: «вклю-

чите меня». Этингов на финской войне был ранен и ходил с палочкой. Из пятидесяти человек вернулись единицы. Не вернулись Этингов и Носкин. Сахьянов Владимир Афанасьевич подобрал 50 человек на комсомольскую работу (Сахьянов В. А. был секретарём обкома комсомола). Сам он пошёл в группу комиссаров. Никто из комсомольцев не проявил трусости при утверждении на бюро обкома партии». Автор воспоминаний выражает сожаление о том, что не знает, кто из ушедших на фронт вернулся, а кто пал на поле брани. «А надо бы. Это моя вина».

Подбирались и направлялись группы для ведения восстановительных работ, на курсы по подготовке для работы на Востоке в бытовых организациях (группу девушек бурятох) и др. При беседах, как пишет Татьяна Ефимовна, люди понимали, для чего их посылают. «Настроение среди трудящихся было исключительно патриотическое. Я сравниваю картину «В пределах возможного». Уверяю, что никто из директоров заводов не стрелялся, рукавицы и валенки не требовали — сценарист перегнул. Находили валенки, хотя и старые, не говоря о рукавицах, и женщины, учащиеся ехали на дровозаготовки, осенью — на лесосплав. Это я пишу не со слов, а со своего наблюдения, так как часто ездила в командировки в зимних условиях. Бывало, ноги так замёрзнут, что из машины, с подводы сначала сваливаешься на землю в снег, а потом поднимаешься на ноги».

Действительно, Т. Е. Карповой часто приходилось выезжать в близлежащие и в отдалённые районы, участвовать в решении трудных государственных и местных проблем. При этом она проявляла государственный подход, принципиальность, честность.

Известно, что в военные годы тысячи партийных, советских работников, руководителей предприятий, организаций были призваны в армию, находились на фронте. На их место пришла масса новых людей, многие из которых не имели опыта управления коллективами. Груз новых задач, возросшая мера ответственности нередко порождали растерянность среди части руководителей. Это требовало от работников обкома партии, правительства республики постоянно направлять деятельность нижестоящих органов, их руководителей, осуществлять контроль, оказывать практическую помощь. Иногда требовалось безотлагательное вмешательство.

Командировка в Северо-Байкалье. Именно такая ситуация в годы войны возникла в Северо-Байкальском районе. Из этого района вдруг стала поступать в республиканские органы масса коллективных жалоб от татар (переселенцев). Они перед войной приехали в эти края из Татарской АССР. Когда началась война, мужчины были призваны в армию.

Женщины же не хотели работать в рыбной промышленности, они даже боялись подходить к лодке. Лишь некоторые из них работали на рыбозаводе, а остальные просто бедствовали. Другого занятия, кроме как ловить и обрабатывать рыбу, не было. Не привыкшие к забайкальскому климату, страдающие от недоедания, старики и дети стали умирать.

Для проверки положения дел в Северо-Байкальском районе обкомом партии была создана комиссия, в состав которой вошла и Т. Е. Карпова. Ожидание парохода на пристани и время в пути до Нижнеангарска заняли пять с половиной суток. Факты, о которых говорилось в жалобах, подтвердились. Комиссия приняла решение удовлетворить просьбу желающих выехать в Татарстан. После согласования этого вопроса с руководством республики 30–35 семей покинули Северный Байкал. Татьяна Ефимовна с секретарём райкома партии побывала на всех рыболовецких станах. О своих впечатлениях она пишет: «Тянули сети женщины и старики. Условия жилищные невыносимые. Станы (хатки) без пола, а некоторые без крыши, для спанья нары, люди босые, так как обувь рваная, да и всё время в воде (начало осени), вода холодная. Но никто не ныл, а всех интересовало, как дела на фронте. Рыба ловилась плохо, план не выполняли, иногда вылавливали только на обед или ужин. Партийно-политическая работа поставлена неудовлетворительно. Первый секретарь РК партии не обеспечил работу в условиях военного времени». После отчёта на бюро обкома партии руководитель районной партийной организации был освобождён от занимаемой должности».

Подобных примеров участия Т. Е. Карповой в решении важных вопросов экономической, политической, социальной, культурной, школьной жизни республики, её районов много. Собственно это участие и составляло содержание, смысл всей её работы.

Снова в пединституте. В 1947 г. Татьяна Ефимовна снова возвращается в родной институт. Она назначается заместителем директора института по заочному обучению. В прошлом руководитель вуза, заведующая отделом школ обкома партии, она хорошо знала проблемы народного образования. Будучи ответственным, принципиальным человеком, она стремилась к тому, чтобы студенты-заочники получали такие же знания, какие давались студентам стационара. Много внимания уделяла развитию заочной формы обучения, налаживанию быта заочников. Нечего греха таить, в вузах нередко считают заочное отделение инородным телом. Руководителю данной формы подготовки учителей приходилось преодолевать много трудностей в решении проблемы помещений для проведения учебных занятий, приобретения коек и постель-

ных принадлежностей, обеспечения учебного процесса опытными, квалифицированными преподавателями. В первые же годы работы нужно было добиться элементарного: привести в порядок документацию, получить штаты своих работников.

За период работы Татьяны Ефимовны заочная форма подготовки учителей превратилась в крупное подразделение вуза. Количество студентов-заочников с 485 человек выросло до 1676, то есть увеличилось в 3,5 раза. В начале шестидесятых годов каждый второй студент Бурятского пединститута — студент заочной формы обучения. Это — прежде всего результат упорного каждодневного труда её руководителя и тех немногочисленных людей, которые с ним связаны.

В своих воспоминаниях Т. Е. Карпова пишет: «Работа в пединституте меня многому научила, но учёной я не смогла стать. Общественные дела съедали всё время, а отказываться я не имела права — это первая причина. Вторая — более серьёзная — это слабая подготовка. Иностранный язык я почти не изучала. В высше-начальном училище иностранного языка не было, алгебра — только с одним неизвестным, азы — по химии, физике — короче говоря, в пределах семи классов». В другом месте она, как бы извиняясь, добавляет, что готовилась к сдаче кандидатского минимума: «Я и Белоусова Сусанна Г. «долбили» по ночам немецкий язык, но увы, возраст и после 8–10 часов работы, не осилили. Так и осталась: не кандидат наук. Я не жалею, можно и некандидату сделать многое». И далее автор делает подытоживающий всю её деятельность в вузе вывод: «Навсегда останется в памяти подготовка учительских кадров — это свыше двух тысяч учителей, которых выпустил пединститут за период моей работы». Справедливые слова.

Татьяна Ефимовна была не только компетентным, требовательным руководителем, но и добрым, отзывчивым человеком. Кто бы ни обращался к ней за советом, помощью, она всегда старалась поддержать его словом и делом. Преемница Т. Е. Карповой, проректор по заочному обучению С. А. Тыхеева, вспоминает: «Татьяна Ефимовна была женщиной с сильным характером и оптимизмом, небольшого роста, щупленькая, быстрая, юркая, всегда с улыбкой на лице. Её чёрные густые волосы, заплетённые в толстые косы, придавали ей необыкновенную прелесть и удивительную солидность. В педагогическом институте она пользовалась авторитетом и уважением за простоту, чуткое отношение ко всем и оптимизм. Во всех делах она была всегда строгой и доброжелательной» [1].

Многолетний добросовестный труд Т. Е. Карповой отмечен правительственными наградами, в том числе медалями: «За доблестный труд в

Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина», «40 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Почётными грамотами Президиумов Верховных Советов РСФСР и Бурятской АССР. Ей было присвоено почётное звание «Заслуженный учитель школы Бурятской АССР». Она была удостоена знака «50 лет пребывания в КПСС».

В своих воспоминаниях Т. Е. Карпова писала, что она прожила большую жизнь, «видела очень много, пережила три войны. Была не просто свидетелем, а участником того большого строительства, которое произошло в нашей стране... Построено Великое государство дружбы народов, свободных от эксплуатации, от пут капитализма.

Как хочется жить, радоваться всему этому, но увы…

Конечно, я не собираюсь скоро умирать, но закон жизни… — когда будет мой конец — не знаю.

В 1992 г. Татьяны Ефимовны Карповой не стало.

Ее жизнь, дела — в памяти живых.

Статья опубликована в Вестнике Бурятского госуниверситета. Серия История. 2002. № 1. С. 115–123.

Литература

1. Калмыков С. В., Пыкин В. М. Бурятский педагогический институт. Ректоры. Улан-Удэ, 1998. С. 34.

Глава III

XX ВЕК И ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ (первая половина XX в.)

ТОЛКОТТ ПАРСОНС: ЖИЗНЬ В СОЦИОЛОГИИ

В 2002 г. исполнилось 100 лет со дня рождения Толкотта Парсонса. Немногим мыслителям прошлого удалось внести столь значительный вклад в развитие теоретической социологии, какой внёс Т. Парсонс. Не случайно одни исследователи научного творчества Т. Парсонса называют его последним крупным представителем «классической» социологии, другие — создателем теоретической социологии как таковой, третьи — главной фигурой теоретической социологии XX века, четвёртые — наиболее влиятельным социологом 20-го столетия.

Действительно, роль Т. Парсонса в социологии трудно переоценить. Круг его интересов был столь широким, что невозможно даже кратко суммировать главные идеи этого социолога.

Годы учебы. Европа. Начало работы в Гарварде. Родился он в 1902 г. в штате Колорадо, в городе Колорадо-Спрингс (США). Там же прошло его детство в атмосфере протестантизма. С 1920 по 1924 г. учился в Амхерстском колледже, где прошёл курс биологии и философии, с намерением в дальнейшем сосредоточиться либо на биологии, продолжив обучение в аспирантуре, либо заняться медициной. Но на предпоследнем году обучения увлёкся общественными науками. Благодаря помощи дяди Т. Парсонс отправляется в Европу для продолжения учёбы. Один год провёл в Лондонской школе экономики, где, как он пишет, «я открыл человека, который интеллектуально оказался для меня самым важным, — Бронислава Малиновского, социального антрополога» [1]. Кстати, влияние этого социолога Т. Парсонс чувствовал всю свою жизнь. Затем с 1925 по 1926 г. он проходил обучение в Гейдельбергском университете, где в то время было очень сильным влияние Макса Вебера

(умершего совсем недавно, в 1920 г.). Здесь он познакомился с концепциями классиков и ведущих представителей европейской социологии и социоантропологии, особенно со взглядами М. Вебера. Несколько лет спустя молодой американский социолог переведёт на английский язык работу М. Вебера «Протестантская этика и дух капитализма». В Гейдельберге он работал над диссертацией «Понятие капитализма в новой немецкой литературе», в которой были подвергнуты анализу взгляды К. Маркса, М. Вебера, Л. Брентано, В. Зомбарта.

После возвращения в США Т. Парсонс некоторое время работает в Амхерстском колледже, затем приглашается в Гарвардский университет, где проводит практически свою академическую и научную жизнь.

В 1927 г. он женился на Хелен Уокер, с которой познакомился как студент — сокурсник в Лондонской школе экономики. Она много лет работала в Гарварде. У них было трое детей.

Продолжительное время (9 лет) Т. Парсонсу пришлось работать в должности рядового преподавателя — первые четыре года на факультете экономики и последующие пять лет на новообразованном факультете социологии. «Я имел несчастье служить, — вспоминает Т. Парсонс, — под началом не симпатизирующих мне руководителей: в экономике — покойного Х. Бербанка, в социологии — П. А. Сорокина. Моё продвижение на уровень ассистента состоялось только в 1936 г., и не по инициативе Сорокина, а (поименно) Э. Ф. Гея, Э. Б. Уилсона и Л. Хендерсона, которые все были «внештатными профессорами» факультета социологии» (2). К этому времени Г. Парсонс закончил свою работу «Структура социального действия», которая в 1937 г. в двух томах увидела свет. Завершение «Структуры социального действия», по признанию её автора, было радостным событием, хотя в то время он не задумывался о том, какой отклик в научной среде получит эта книга.

Это была первая крупная работа Т. Парсонса. Она сделала его известным не только в США, но и в Западной Европе, в других странах мира. Создание этой работы означало попытку автора синтезировать европейскую социологическую мысль в области проблем социального действия и социального порядка, выстроить общую пинию социально-философской традиции Запада, создать теоретическую схему под углом зрения определенной конвергенции, накопленного в этой области.

В первом томе исследуются теоретические взгляды А. Маршалла, В. Парето, Э. Дюркгейма; во втором — М. Вебера. Изучая воззрения экономистов и социологов, Т. Парсонс с помощью концепции социального действия стремился объединить

экономический и социологический подходы к обществу. Его также очень интересовали психологические основы мотивов человеческого поведения. Как справедливо отмечает И. И. Антонович, «на протяжении своего двухтомника Парсонс неустанно подчёркивает, что чрезмерная изоляция социальной психологии, социологии, экономической науки, их ограниченность предметами своего исследования мешают выработке единого унифицированного подхода к обществу и общественным процессам. Он указывает, что эта изоляция способствует торжеству симплицистской, упрощённой, утилитаристской и либеральной идеологии...» [3].

Анализируя взгляды выдающихся европейских теоретиков, Т. Парсонс попытался найти единое целое в смысле объяснения современного капитализма, его происхождения и эволюции, причём не только как экономического института, но и как зависимость экономических оснований капитализма от социальных отношений, системы ценностей, экономического поведения и экономической природы. «Выводя теоретическое внимание за пределы сугубо экономических структур поведения, Парсонс, — как не без основания отмечает И. И. Антонович, — помог найти в социальных отношениях, в ценностных системах, религиозных взглядах новые формы, средства, способы оздоровления общественной функции, совершенствования общественных отношений и обеспечить преодоление на этой основе общественных дисфункций и неустойчивости, историческую недостаточность капитализма» [4].

Естественно, подобная концепция противоречила экономической теории капитализма, созданной К. Марксом. К. Маркс предсказывал гибель капиталистического строя. Не случайно взглядам К. Маркса неоправданно мало внимания уделяется в двухтомнике Т. Парсонса. В литературе высказывается мнение о том, что, переводя теоретическое внимание на внеэкономические структуры поведения, ища способы совершенствования общественных отношений, Т. Парсонс якобы намеревался превзойти марксистскую экономическую теорию капитализма, вывести экспликативную теоретическую модель капиталистического общества как структуры и функции на новый уровень социологической, морально — этической, культурной аргументации. Как бы там ни было, книга Т. Парсонса, по мнению самого её автора, «была представлена как исследование идей разных авторов о современном социо-экономическом порядке, капитализме, свободном предпринимательстве и т. д. и одновременно как анализ теоретической конструкции, на базе которой эти идеи и интерпретировались» [5].

После написания «Структуры социального действия» Т. Парсонс всё больше свою научную деятельность

связывает с социологией, хотя, по его признанию, он сначала не собирался навсегда порывать со своим интересом к экономической теории, но впоследствии фактически это тем не менее произошло. Он задумал предпринять исследование определённого аспекта профессий как социального явления. Наиболее важные теоретические моменты данного исследования касались природы рациональности. Интерес к этой проблеме у автора весьма серьёзно стимулировался ознакомлением с концепциями Фрейда. Начиная с конца 30-х годов проблемы рациональности доминировали в структурировании творческих интересов Т. Парсонса. У него происходит поворот от политико-экономического комплекса к социопсихологическому, в ходе которого он, полностью сознавал важность «когнитивной рациональности», как культурной основы научного компонента медицины. Однако усиленные занятия всем этим, — как отмечает автор, — вынудили подождать и, с его возвращением к теме профессий в системе высшего образования и научных исследований — теме, ставшей для него ведущей позже. В известном смысле, говоря в терминах психоанализа, это случай «возвращения вытесненного» [6].

В конце 30-х и в 40-х годах у Т. Парсонса не было крупных публикаций. Очевидно, автор это имел в виду, когда писал о самой большой заминке в своей карьере. Хотя он продолжал вести научные исследования. В конце 40-х годов учёный от психологических и микросоциологических проблем всё больше переходит к макросоциологическим, включая экономические. Процесс возврата к изначальным научным интересам достиг, по его признанию, высшей точки, когда он вновь занялся проблемами взаимоотношения экономической и социологической теории во время его пребывания в качестве внештатного профессора в английском Кембридже (1953–1954).

Что касается служебной и общественной карьеры, то она складывалось в этот период весьма успешно. Декан социологического факультета. После возвращения с военной службы Т. Парсонс в 1944 г. был назначен главой социологического факультета в Гарварде. С открытием в 1946 г. специального факультета социальных отношений он стал его деканом. В этой должности он трудился в течение десяти лет, до 1956 г. В 1942 г. Т. Парсонс избирается президентом Восточного социологического общества, а в 1949 г. — президентом Американской социологической ассоциации.

Находясь во главе организованного им факультета, Т. Парсонс большое внимание уделяет работе с молодёжью. В своей интеллектуальной автобиографии он пишет: «В роли преподавателя, особенно на аспирантском уровне, истинно золотым веком для

меня были первые годы работы факультета социальных отношений. Открытый ровно через год после окончания войны, факультет привлёк благодаря закону о ветеранах необычайно талантливых молодых людей из обширного резерва тех, чьё образование прервала война...

В конце 50-х — начале 60-х годов пошла третья волна выдающихся аспирантов... Близкие отношения с лучшими учащимися такого калибра были одной из самых больших наград за всю мою академическую карьеру. Такие молодые умы, как мне кажется, не могут не оказывать стимулирующего действия на своих учителей. Личный опыт сильно укрепил моё убеждение в важности сочетания обучения и исследовательских функций в одних и тех же организациях и ролях» [7].

Несмотря на административные, академические, другие обязанности, Т. Парсонс продолжает исследовательскую деятельность в области создания теории социологии.

О состоянии социологии. В 1945 г. выходит его большая статья «Современное состояние и перспективы систематической теории в социологии». В ней автор анализирует предшествующую социологическую традицию, выявляет её недостатки, а также намечает контуры своего собственного подхода к созданию социологической теории. Он подчёркивает, что наиболее важным показателем зрелости науки является состояние её систематической теории, которая включает в себя определённый вид обобщённой концептуальной схемы, практически используемой в определённой области, виды и степени логической интеграции различных элементов, составляющих её, и способы, посредством которых система действительно применяется в эмпирическом исследовании.

Раскрывая ограниченность теорий в современной социологии, автор, во-первых, указывает на её фактическую слитность с философией истории. В истории социологических теорий существовало одно большое направление мысли. Центральный интерес состоял в разработке высокообобщённой модели процесса изменения человеческого общества как целого. Во-вторых, он отмечает чрезмерную погружённость в эмпирический материал, забвение внимания к методологии анализа; в-третьих, наличие «факторного» подхода в социологии. Следствием такого «факторного» теоретизирования, по мнению Т. Парсонса, было уклонение от решения проблемы обобщающей теории социальных систем. При «факторном» подходе в социологии решающая роль приписывалась факторам, неспецифичным для социальной системы, особенно факторам «окружающей среды» (географическому, биологическому или экономическому). Это привело к повсеместному отрицанию фундаментального принципа науки —

необходимости изучать, прежде всего, факты специфических для неё явлений.

Т. Парсонс считал, что мы находимся на пороге совершенно новой эры в социологии и прилегающих к ней науках. Это выражается в том, что социология только начинает превращаться в зрелую науку. Для того, чтобы она стала наукой, она должна иметь свою хорошо разработанную теорию, то есть совокупность логически взаимосвязанных обобщённых понятий, имеющих эмпирическое значение. Основу такой теории, по мнению Т. Парсонса, должен составить структурно — функциональный анализ. Результатом должно быть построение теории социальных систем. Здесь же Т. Парсонс указывает на наличие предпосылок создания такой теории. Наиболее значительными из них являются:

а) достижения современной динамической и клинической психологии, представляющей человеческий индивид как динамическую структурно-функциональную систему;

б) современная социальная и культурная антропология, особенно то направление, которое связано с тенденцией к функционализму;

в) Дюркгейм и его последователи (подлинное структурно-функциональное понимание Дюркгеймом социальной системы — с постепенным выяснением её наиболее важных элементов);

г) работы Макса Вебера.

В этой же статье Т. Парсонса даётся краткий очерк структурно-функциональной теории социальных систем, очерчиваются её основные контуры. Надо сказать, что данная работа — не рядовая, не обычная. Она занимает особое место в творчестве Т. Парсонса. Это своеобразная заявка на написание нового крупного оригинального труда.

Спустя шесть лет после выхода рассматриваемой статьи, в 1951 г. такой труд появился. Это была его монография «Социальная система», которую восторженно приняла большая часть современников Т. Парсонса как в США, так и за рубежом. Именно такой она была признана социологическим сообществом.

Главная книга. Предметом книги, по определению автора, является изложение и иллюстрация некоторой концептуальной схемы, разработанной для анализа социальных систем с точки зрения специфической системы координат действия. Книга задумана как теоретический труд в строгом смысле этого слова. Главным отправным пунктом построения данной концептуальной схемы является понятие социальных систем действия. Имеется в виду, поясняет автор, что взаимодействие индивидов происходит таким образом, что этот процесс взаимодействия можно рассматривать как систему в научном смысле и подвергать её теоретическому анализу,

успешно применяемому к различным типам систем в других науках [8].

В ходе реализации своего замысла Т. Парсонс рассматривает в качестве стержневых проблемы социального порядка, природы интеграции и стабильности социальных систем, социального взаимодействия, отношения между социальными и психологической (или личностной), а также культурной системами, вопросы социальной структуры, социального взаимодействия. Общественное равновесие достигается, по Т. Парсонсу, интеграцией мотивов действий, гармонизацией ролей через нормативные культурные стандарты, общие для всех из них и играющие роль основной силы, мобилизующей единство социальной системы и функцию социальной структуры.

Главная мысль автора, сформулированная в книге: люди в основном руководствуются одними и теми же мотивами социального поведения, придерживаются одних и тех же ценностей, и ожидают, что другие будут поступать таким же образом. До тех пор, пока существуют общие системы ценностей, единая мотивация поведения, общество способно функционировать в упорядоченном состоянии. Социальная интеграция может обеспечиться при условии социального неравенства и противоречий. Общество входит в период глубокого кризиса, когда наступает конфликт социальных ролей. В основе конфликта, так или иначе, лежат конфликтные ценности [9]. Приводя эту мысль Т. Парсонса, И. И. Антонович справедливо замечает, что, используя традиционно господствовавшее в нашей методологии клише, данное суждение можно было бы назвать идеалистическим. Но на деле всё сложнее. Т. Парсонс одним из первых западных социологов XX в. подтвердил мысль, заложенную в трудах многих представителей классической западной социологии XIX в., что общество может нормально функционировать только при условии синтетического баланса, продуктивного взаимодействия своих духовной и материальной структур.

Дело не в том, продолжает И. И. Антонович, что детерминирует, а что детерминируется и насколько — материальное или идеальное. Задача, по Т. Парсонсу, сводится к тому, чтобы они гармонично дополняли друг друга, выходили друг на друга своим созидательным, творческим потенциалом, а не своим ограничивающим, дезинтегрирующим, противоречивым компонентом [10].

Приведённое рассуждение Т. Парсонса не означает, что условия нормального функционирования общества он видел только в продуктивном взаимодействии материальной и духовной структур. Он их видел и в отношениях взаимодействия различных классов, социальных групп, индивидов. Необходимыми функциональны-

ми условиями социальной системы, по его мнению, является взаимодействие этой системы с системами личности и культуры, так как каждая из названных систем предполагает существование других.

Общественная устойчивость определяется также взаимодействием компонентов внутренней дифференциации, главными из которых Т. Парсонс называет следующие: единичные акторы, играющие объективные роли; типы социальных ролей — ориентации, исходящие отсюда; экономические основания ориентации; формирование представлений об этих ориентациях; система культурной ориентации; интегративные культуры. Последнее — это главное, объединяющее собой и ценностные моральные ориентации, и стереотипы, и регулятивные образцы, руководящие поведением и ограничивающие личную сферу интереса, формальные и неформальные функции, позитивные коллективные функции, всё многообразие социальных ролей [11]. Если интеграционные социальные процессы довлеют над процессами дезинтеграции, если силы взаимодействия превышают возможности противодействия, то такая система обладает необходимыми качествами устойчивости и жизнеспособности.

Разработка общей теории действия и четырех функциональной парадигмы. В 1951 г. Т. Парсонс в соавторстве с Э. Шилзом издают книгу «К общей теории действия». В ней исследователи развили схему переменных образцов как теоретическую основу не только как предполагалось первоначально для научного анализа социальных систем, но и для анализа действия вообще. В таком качестве схема уже не была простым каталогом дихотомических различений, но совершенно определённо стала «системой». Следует отметить, что так называемая схема «переменных образцов ценностной ориентации» многие годы была объектом незатухающего интереса Т. Парсонса. Эта схема начиналась как попытка сформулировать теоретический подход к толкованию феномена профессий. За прошедшие годы схема переменных образцов ориентации претерпела сложные модификации. Благодаря тесному сотрудничеству с Э. Шилзом эта проблема нашла своё положительное решение.

Результатом творческого сотрудничества Т. Парсонса, Э. Шилза и Р. Бейлза явился их коллективный труд «Рабочие тетради по теории действия», который был опубликован в 1953 г. Принципиально новым моментом в этом произведении была разработка четырёхфункциональной парадигмы. Эта парадигма родилась в результате поисков схождения системы, охватывающей четыре элементарных переменных образца ориентации, и классификации, которую Бейлз выдвинул в своей книге «Анализ про-

цессов взаимодействия». Авторы пришли к заключению, что системы действия можно анализировать с точки зрения четырёх функциональных проблем, присущих любой системе, которые ими были названы: «адаптация», «системное (не единичное) целедостижение», «интеграция», «воспроизводство социо-культурного образца взаимодействия и скрытое регулирование напряжений». Эта базовая классификация служила Т. Парсону, по его признанию, более пятнадцати лет с момента первого её появления и стала точкой отсчёта во всей дальнейшей теоретической работе. Кстати, в 1970 г. вышла статья Т. Парсонса «Некоторые проблемы общей теории в социологии», в которой четырёх функциональная схема изложена в более разработанной форме и включена в рамки общей теории.

Создание структурно-функциональной теории. В 50-е годы Т. Парсонс большое внимание уделяет разработке структурно-функциональной теории, решая её в рамках проблемы социальной системы, согласия и конфликта, социальной эволюции, функционального взаимодействия различных подсистем. Существенное влияние на его поворот к структурному функционализму, который наметился ещё в середине сороковых годов, оказали кибернетические идеи. В основу нового подхода был положен принцип, что анализ любого социального действия, состоящего из совокупности единиц действия и нескольких видов социальных отношений, может проводиться как часть исследования некоторой системы с «сохраняющимися границами». Отправным пунктом структурного функционализма стало понятие «социальная система действия», выражающее спонтанный, устойчивый результат возникающих между людьми социальных действий. С его помощью Т. Парсонс пытался упорядочить сложную социальную действительность и подвергнуть её теоретическому анализу, что открывало дорогу безлично-абстрактному рассмотрению социальных явлений, потоку системно-кибернетических терминов, сближающих социологию с естественными науками. Так как в социальной системе функционируют социальные связи — взаимодействия как деятельная организация ориентации на другого, Т. Парсонс вводит понятие «функция», благодаря чему новая позиция, именуемая «структурно-функциональ-ной», стала отличаться от прежней «аналитической».

Общество функционально дифференцировано на автономные подсистемы с присущей им динамикой, различной ролью элементов социальной структуры. Отсюда основной проблемой социологии является интеграция социальных систем разных уровней. Исходя из того, Т. Парсонс стал разрабатывать социальную систему действия не с анализа струк-

турных элементов, а с выявления основных функциональных требований, без которых они и система в целом существовать не могут, это позволило ему создать общие теоретико-методологические установки и схемы объяснения, а также методику и технику исследования, противостоящую эмпиризму. При этом Т. Парсонс, в отличие от Р. Мертона, исходил из четырёх функциональных парадигм — «функциональных императивов», которым подчиняется существование любой социальной системы. Это уже приводившиеся нами «адаптация», «целеориентация», «интеграция» и «поддержание образца».

Однако разработанные Т. Парсонсом «функциональные императивы» имеют смысл лишь в структурной взаимосвязи. При этом, чем полнее и последовательнее осуществляются функциональные целесообразность и разделение деятельности на уровне социальных институтов и исполнителей норм — ролей, тем стабильнее социальная система. Предложенная учёным абстрактно-формальная модель анализа социальных систем предполагает инвариантность в её применении ко всем структурным уровням. В частности, каждая подсистема образует, в свою очередь, систему с соответствующими функциями и социальными институтами.

Создание структурно-функциональной теории не означало потерю интереса её автора к данной проблематике. Так, будучи приглашённым, в 1953/54 академическом году в Кембриджский университет в качестве профессора по специальности «социальная теория», и, изучив там работы Дж. М. Кейнса «Общая теория занятости, процента и денег», А. Маршалла «Принципы экономики», Т. Парсонс пришёл к мысли, что расширенную маршалловскую классификацию факторов производства и долей дохода от земли, труда и капитала с добавкой к этим трем классическим четвёртого фактора, который Маршалл называл «организацией», можно рассматривать как классификацию соответственно «входов» и «выходов» в функционировании экономики как социальной системы, анализируемой в понятиях четырёхфункциональной парадигмы.

Эта мысль нашла своё развитие в совместном труде Т. Парсонса и Н. Смелзера «Хозяйство и общество», в котором экономика рассматривалась как одна из четырёх главных функциональных подсистем общества, преимущественно адаптивного назначения, а экономическая теория — как часть общей социальной теории.

Теория социального контроля. Заметное место в творческом наследии Т. Парсонса занимает разработанная им теория социального контроля. В качестве одного из своих источников она имела теорию биологии А. Эмерсона. «Эмерсон, — писал Т. Парсонс, — выдвинул особенно

плодотворную для меня концепцию, во многом закрепившую моё убеждение в существовании фундаментальной непрерывности между живыми системами органического мира и системами человеческого социокультурного мира. Это была идея функциональной эквивалентности гена и, как он говорил, «символа». Вероятно, можно иначе сформулировать всё это как проблему генетической конституции вида и организма и культурного наследия социальных систем. С некоторых пор такой подход приобрёл для меня фундаментальное значение» [12].

Большое значение в создании указанной теории имело развитие кибернетики, теории информации, способствовавших пониманию роли кибернетического принципа в системе действия.

Нельзя не учитывать и такого источника теории социального контроля, как концепция личности и социализации З. Фрейда. Идеи З. Фрейда о роли моральных императивов во взаимодействии «суперэго», «эго» и «ид» весьма схожи с концепцией социального контроля посредством моральной или религиозной власти в концепциях Э. Дюркгейма, М. Вебера, в трудах американских социопсихологов. особенно Дж. Г. Мида и У. Томаса. Согласно утверждению Т. Парсонса, фрейдовская концепция интернализации (собственный термин Фрейда был «интроекция») множества культурных норм и социальных объектов стала главной организующей осью всей теории социализации [13].

Обращение к теории социальной и культурной эволюции. В 60-е годы оживляется интерес Т. Парсонса к теории социальной и культурной эволюции в её преемственности с органической эволюцией. Результаты работы над темой нашли своё отражение в ряде статей и двух книгах: «Общества в эволюционной и сравнительной перспективе» (1966) и «Система современных обществ» (1971). Первооснова этого интереса, по признанию автора, восходит к его диссертации о природе капитализма как социальной системы, что отныне можно переопределить более широко как интерес к природе и главным тенденциям современного общества.

Общества определяются Т. Парсонсом как устойчивые, интегрированные социальные системы, способные существовать сколь либо продолжительное время. Общество — это всегда целостная система, все остальные социальные системы — это частичные системы.

Говоря о способности развития социальных систем в эволюционных рамках, автор обращает внимание на то, что новационные эволюционные универсалии существенно усиливают адаптивные возможности системы: обладание ими свидетельствует о появлении у неё нового жизнеспособного и более совершенного качественного состояния. Данная система про-

должила путь эволюции и реформ. И, наоборот, не обладающие ими оказываются в невыгодном положении в важнейших областях, где действует закон естественного отбора в критический момент гемолиза системы её адаптивные возможности существенно понижаются и путь эволюционного развития пресекается — гемолиз заканчивается летально (система погибает).

Важнейшими универсалиями в структуре современного общества являются деньги и рыночный комплекс, стратификационная структура, бюрократическая организация, генерализованная университетская правовая система и демократическая ассоциация с выборным лидерством. Обладание ими открывает путь продолжения эволюционного развития, приобретая социальной системе свойства правового государства, гражданского общества и свободного предпринимательства [12].

В 1978 г. вышла в свет последняя книга Т. Парсонса «Теория действия в условиях человеческого существования». Она представляет собой сборник статей, сгруппированных в четыре раздела. Эта работа и исторически, и логически завершает предпринятое им построение общей теории в социологии, состоящей из теории социальной системы и системы социального действия. Замысел автора состоял в том, чтобы представить систему человеческого действия в её взаимосвязях или «взаимообмена» со средой, т. е. с такими подсистемами мироздания, как мир физических объектов, биосфера (включая самого человека как биологический организм и вид) и трансцендентный мир «конечных смыслов бытия».

Осуществляя свой замысел, автор действительно представил систему социального действия в её диалектически сложных взаимосвязях со средой. Она, как и всё созданное мыслителем, является важной составной частью его общей социологической теории.

Завершая эту статью о Т. Парсонсе, хотелось бы подчеркнуть, что он внёс огромный вклад в развитие теоретической социологии XX в. Им были выявлены и разработаны решения базисных проблем любой социологической теории — теория социального действия и теория социальной системы, составляющие стержневую проблематику социологии вообще. Кроме того, Т. Парсонсом был создан язык социологии, разработаны основные понятия и увязаны в единую систему. Социологическая система Т. Парсонса — новый этап в развитии социологии.

Прошло полвека с тех пор, как были созданы основные труды Т. Парсонса. С момента их выхода до наших дней отношение к ним неоднозначно. Были годы, когда социологической теорией Т. Парсонса восторгались, когда она приобретала широ-

чайшую популярность, но были и такие периоды, когда интерес к ней падал, а имя её создателя забывалось. Среди учёных-социологов было много его учеников, последователей, продолжавших развитие его взглядов. Вместе с тем его теория подвергалась критике со стороны эмпирически ориентированных и радикально мыслящих западных социологов за её интеллектуальную усложнённость и консерватизм, антиэмпиризм, девальвацию факта (Ч. Р. Миллс, Р. Мертон, П. Сорокин и др.). Социологи-марксисты критиковали теорию Т. Парсонса за внеисторичность, идеалистическую направленность, недооценку социальных конфликтов и противоречий, за «притязание» структурного функционализма на роль всеобъемлющей социологической и антропологической теории.

Тем не менее время показало, что теоретические поиски Т. Парсонса были ненапрасными. Созданная им система теоретических координат и сегодня несёт в себе ответы на многие проблемы и болезни, которыми страдает современное общество. Можно с уверенностью сказать, что его исследования социального духа народа, системы ценностей, нравственных начал, их роли в сохранении: единства социальной системы, её устойчивости вряд ли были когда-либо столь важными и злободневными, чем в наши дни. Не менее актуальным и значимым является его системный подход к анализу общественных явлений и процессов и многое другое. Масштабность и глубина исследований Т. Парсонса, гуманистическая устремлённость его концепций создали ему чрезвычайно высокий научный авторитет в мире социологии.

Литература

1. Парсонс Т. Система современных обществ. М., 1997. С. 207.

2. Там же. С.214.

3. Антонович И. И. Толкотт Парсонс — основатель функционализма, создатель теории социальной системы // Современная американская социология / под ред. В. И. Добренькова. М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 69.

4. Там же. С. 71.

5. Парсонс Т. Указ. соч. С. 210–211.

6. Там же. С. 221.

7. Там же. С. 226–227. М., 1994.

8. Парсонс Т. Система координат действия и общая теория систем дейтвия: культура, личность и место социальных систем // Современная западная теоретическая социология Толкотт Парсонс (1902–1972). М.,1994. С. 53–54 .

9. Антонович И. И. Указ. соч. С. 72.

10. Парсонс Т. Система современных обществ. С. 213.
11. Приводится по: Антонович И. И. Указ. соч. С.73.
12. Парсонс Т. Система современных обществ. С. 223.
13. Там же.
14. Капитонов Э. А. Социология XX века. История и технология. Ростов н/Д., 1996. С. 171.

КАРЛ ПОППЕР: ФИЛОСОФ XX ВЕКА

17 сентября 1994 г. не стало Карла Поппера. Окончилась целая эпоха, связанная с его именем: в течение десятилетий практически ни одно обсуждение проблем философии, методологии науки не обходилось без идей и понятий, введенных им в широкое научное обращение. Несомненно, К. Поппер принадлежит к числу наиболее крупных философов XX века. Лауреат Нобелевской премии в области медицины Питер Медавар назвал его «незнающим себе равных величайшим из всех философов науки».

В научном поиске. Принцип классификации. Родился он 28 июля 1902 г. в Вене. Отец его был профессором права, мать — музыкантом. В 1918 г. поступил в Венский университет, где изучал математику, физику, историю музыки. Там же в 1928 г., защитив диссертацию по проблеме метода мышления в психологии, он получил степень доктора. Но несмотря на то, что Поппер занимался исследованием методологических проблем и продолжал писать философские работы, его также интересовала практическая общественная деятельность, и он, по словам М. Ноттурно, вовсе не собирался становиться преподавателем философии. В 1929 г. он получил диплом учителя и в течение восьми лет преподавал математику и физику в средней школе. Работая преподавателем, Поппер тем не менее поддерживал творческие связи с некоторыми лидерами логического позитивизма (в частности, с Р. Карнапом). У Поппера, как и у неопозитивистов, основной областью

научных интересов стала философия науки. Однако, создавая свою философскую концепцию критического рационализма, теорию роста научного знания, он построил их как антитезу эмпиризму неопозитивистов. В 1934 г. вышла его первая книга «Логика научного открытия». В этой работе содержались положения, которые членами Венского кружка были оценены как «путаница». Однако на деле выводы Поппера шли вразрез с феноменалистическими, редукционистскими и конвенционалистскими установками логического эмпиризма. Расхождение касалось предложенной Поппером трактовки эмпирического критерия демаркации научно-теоретического знания и метафизики. В противовес стремлению логических эмпиристов сформировать критерии познавательного значения научных утверждений на основе принципа верификации, Поппер выдвинул принцип фальсификации, или принципиальной опровержимости. В общей форме этот принцип означает следующее: к научным теориям относятся только такие, для которых можно определить их потенциальные фальсификаторы, т. е. противоречащие им положения, истинность которых может быть установлена посредством некоторых общепринятых процедур экспериментального порядка. При решении этой проблемы он отверг индуктивизм, отказался от узкого эмпиризма логических позитивистов, от поиска абсолютно достоверной основы знания. Согласно Попперу, эмпирические и теоретические уровни знания связаны между собой; любое научное знание носит предположительный характер, подвержено ошибкам. Рост научного знания состоит в выдвижении смелых гипотез и осуществлении их опровержений, в результате чего осуществляется рост научного знания. Эта книга имела большой успех. Ее автор стал известен не только на своей родине, но и за ее пределами.

В Новой Зеландии. «Открытое общество». Предчувствуя присоединение Австрии к Германии, Поппер, еврей по национальности, в 1937 г. уехал из Вены в Новую Зеландию, где получил должность преподавателя университета в г. Крайстчерч. Несмотря на трудности (бедность местных библиотек, большая учебная нагрузка, препятствия в проведении научных исследований) Поппер продолжает научную работу. Здесь в годы войны он написал «Открытое общество и его враги» и серию статей, которые позднее образовали «Нищету историцизма». Они, по общему признанию, стали классическими. Обе книги были изданы в 1945 г. За «Открытое общество» Поппер был посвящен в рыцарское достоинство, ему также была присуждена Липпинкоттовская премия Американской ассоциации политических наук. Однако эти и другие знаки оценки обширного

двухтомного труда не означают его однозначной положительной оценки. Книга вызвала бурные дискуссии в среде философов, которые не прекращаются и в наши дни. Да и сам факт отказа публикации ее рукописей двадцатью издательствами — свидетельство полярных оценок ее содержания.

В книге «Открытое общество и его враги» был дан критический анализ взглядов Гераклита, Платона, Аристотеля, Маркса, Энгельса и других мыслителей на общество, личность, государство и закономерности общественного развития. Эти мыслители создали философско-социологические теории и идеологические концепции моделей общественной жизни, основанные на принципиально различных онтологических предпосылках. Были сформулированы принципы реализации принятой модели, намечены цели общественного развития. Эти принципы показывали, как именно следует реализовать предполагаемую общественную модель усилиями отдельных личностей. Поппер охарактеризовал такие теоретические и одновременно нормативные проекты, введя понятие «Закрытое общество». Он доказывал, что закрытыми обществами были и остаются те, в которых правит тирания, осуществляемая отдельной личностью или олигархической группой. Властители закрытого общества порой сознательно использовали при его создании теоретическую модель так называемого реального социализма, когда обратились к Марксу. Но в основном занятые практическими делами строители закрытого общества, мечтая о скорейшем установлении абсолютной власти, формулировали идеологические проекты и нормативные основы. Поппер доказывал, что закрытое общество существует в рамках тоталитарного государства. Примером закрытого общества для Поппера была Спарта, политическое устройство которой послужило Платону эмпирической основой разработки модели идеального общества.

Одновременно он формулирует теорию открытого общества и принципы, на которых оно может возникнуть и развиваться. Первым в истории открытым обществом, по мнению Поппера, была афинская демократия, руководимая Периклом. Общественным идеалом в открытом обществе является власть разума, справедливость, свобода, равенство и предотвращение международных преступлений. Поппер считал, что в отличие от «закрытых обществ», характеризующихся верой в существование магических табу, в открытых обществах люди в значительной степени научились критически относиться к табу и основывать свои решения на совместном обсуждении и возможностях собственного интеллекта. Под открытым обществом мыслитель имел в виду прежде всего индивида и его свободу. «Государство, — писал он, — должно

служить человеку, оно должно существовать ради свободы своих граждан и свободы общественной жизни, т. е. общество должно служить государству, а государство — свободному обществу». Поэтому Поппер считал, что каждый гражданин должен сочетать лояльность с «некоторой степенью бдительности и даже недоверия к государству и его чиновникам. Он обязан следить за тем, чтобы государство не преступало границу своей компетенции. Ибо государственные институты облагают огромной властью, а там, где имеется власть, всегда возникает опасность злоупотребления властью и угроза свободе. Всякая власть стремится закрепить свои завоевания, всякая власть склонна к коррупции. И, в конечном итоге, только традиции свободного общества включая традиции ревностной бдительности граждан — могут составить противовес государственной власти и держать ее под контролем. На этом держится любая свобода» [2].

В открытом обществе рамки деятельности государства, его институтов устанавливаются законом. Закон санкционирует свободу и признаёт каждого отдельного гражданина субъектом, строящим совместно с другими открытое общество; при этом граждане принимают конституциирующее открытое общество, принципы и соответствующим для себя индивидуальным путем реализуют эти принципы в рамках «самоуправления»; любые спорные вопросы, возникающие в процессе их взаимодействия, решаются мирно, путем достижения взаимной договоренности. Закон не регулирует частную жизнь граждан и признаваемые ими ценности.

Поппер полагал, что переход от закрытого общества к открытому есть глубочайшая революция из всех пережитых человечеством. Первая такая революция произошла в Афинах в V в. до н. э. Впоследствии борьба за открытое общество в Европе возобновилась с началом революции 1789 г., когда сторонниками демократии были восприняты идеи свободы, равенства, братства.

Критика историцизма. В работе «Нищета историцизма» Поппер подверг критике взгляды философов, утверждающих, что развитием общества и историей управляют определенные законы. Если такие законы известны, то общественные события, процессы можно предвидеть и даже проектировать. Те, кто знает эти законы, всегда высказываются в пользу закрытого общества, поскольку только его институты и власть могут последовательно проводить их в жизнь, руководя деятельностью людей. Поппер считал, что историцизм в любой его версии — лишь «историческое предсказание», а не теория. Любую разновидность историцизма легко сфальсифицировать. Он рассматривал историцизм как «веру», а не научную

теорию, независимо от убеждений их авторов.

Поппер считал недопустимым формулировать утопическую социальную цель и затем подыскивать рациональные средства для ее достижения. По его мнению, единой истории человечества нет, а есть лишь бесконечное множество историй, связанных с разными аспектами человеческой жизни, и среди них — история политической власти. Ее обычно возводят в ранг мировой истории, но это оскорбительно для любой серьезной концепции развития человечества. С точки зрения Поппера, история политической власти есть не что иное как история международных преступлений и массовых убийств (включая, правда, некоторые попытки их пресечения). Историцизм, по Попперу, это концепция, согласно которой «область наук об обществе совпадает с областью применения исторического, или эволюционистского метода и, в особенности, исторического пророчества. История, по мнению Поппера, не имеет смысла. Только люди в состоянии придать ей цель и смысл. Он доказывал, что «мы несем полную ответственность даже за те образцы, которые выбираем для подражания». Историцизм пытается переложить нашу ответственность на историю. Историцизм рождается из крайнего разочарования в рациональности и ответственности наших действий. Историцизм есть попытка подменить надежду и веру человека, которые порождены моральным энтузиазмом и презрением к успеху, некой уверенностью, основанной на ... «человеческой природе» или на историческом предопределении... Если мы думаем, что история прогрессирует или что мы вынуждены прогрессировать, то мы совершаем такую же ошибку, как и те, кто верит, что история имеет смысл, который может быть в ней открыт, а не придан ей. Ведь прогрессировать — значит двигаться к некой цели, которая существует для нас. Для «истории» это невозможно. Прогрессировать можем только мы, человеческие индивидуумы..., защищая и усиливая те демократические институты, от которых зависит свобода ... и прогресс....» [3].

Критикуя историцизм, который, по мнению Поппера, внутренне «заражен профетизмом и утопизмом, и социально-историческую концепцию К. Маркса, он одновременно разрабатывает методологию «пошаговой» социальной инженерии. Он считал, что поскольку реализация радикальной революционной теории на практике связана с риском (и заранее нельзя знать о последствиях нашего вмешательства в общественную жизнь), то нужно, подобно инженеру, обязательно оценивать статус своих знаний еще до их практического применения, затем постепенно проводить реформы и контролировать их прохождение путем критического срав-

нения задуманных и достигнутых результатов. Эта философия, как отмечает Фрейз Эйдлин, требует от нас делать что-нибудь для совершенствования общества, не полагаясь при этом на некие внешние факторы (будь то «зримая рука рынка» или неумолимые законы истории), которые якобы все за нас сделают сами.

Попперовская аргументация в пользу умеренности и постепенности в политике отнюдь не предполагает и не опирается ни на какие идеализированные представления о традиции или «статус кво», ни даже на его отвращения к насилию. В ее основе лежит принцип изначальной, сущностной ограниченности человеческого познания.

И далее автор обращает внимание на социально-политическую этику, воплощенную в «Открытом обществе», которая, по его мнению, носит гуманистический и эгалитаристкий характер. Она взывает к максимальному исключению страданий и бедствий из жизни всех членов общества. Если для этого требуются масштабные и глубокие преобразования социально-политических норм и институтов, то такие преобразования должны составлять конечные, если не ближайшие задачи политической деятельности [4].

В 1945 г. Поппер получил британское подданство, а в следующем году из Новой Зеландии переезжает в Лондон, где благодаря помощи австрийского экономиста Ф. Хайека получает должность профессора Лондонской школы экономики и политических наук. Там ему было предложено преподавать логику и научный метод. В этой школе он трудится до конца 60-х годов, до выхода на пенсию.

Исследование проблем эмерdженции. В 1960–1970-х гг. Поппер, как отмечает В. Н. Садовский, обращается к биолого-эволюционистским и эмерджентистским аргументам для объяснения знания, человеческой самости и космологической проблематике. Знание в субъективном и знание в объективном смысле уходит своими корнями в фундамент врожденного знания, формировавшегося в процессе эволюции. И каждая эмерджениция (будь то организм или научная теория) появляется как «гипотеза», жизненность которой зависит от адаптации к окружающей среде. Исходя из детерминизма, объяснить появление новизны невозможно. Поппер не отрицал существование системы инвариантных законов, но не считал ее достаточно полной, чтобы исключить появление новых законоподобных свойств [5].

В последующие 1970–1980-е гг. философские работы Поппера в основном посвящены разработке теории сознания, которую он пытается строить с позиции эмерджентизма, противопоставляя ее физикалистскому редукционизму. В эти же годы он создает теорию трех миров. В ней утвер-

ждается существование мира физических явлений, мира субъективных (ментальных и психических) состояний сознания, мира объективного содержания мышления и предметов человеческого сознания вне познающего субъекта (подтвердившиеся и не подтвердившиеся гипотезы, научные теории, материализовавшиеся проекты и непрочитанные никем книги и т. д.)

По мнению авторов «Новейшего философского словаря», «Мир» у Поппера — скорее метафора для обозначения существования разнокачественных уровней реальности. «Третий» мир нигде не локализован и относительно автономен, ибо любая теория или идея — первооснова для любых немыслимых для ее авторов следствий. Этот мир и воздействует на сознание людей, цивилизация есть результат реализации идеальных объектов. Мир первый и мир третий взаимодействуют в процессе интеракции только через второй мир. Человек обретает свою самость в процессе развития. Единственное орудие, которое человек, по Попперу, генетически запрограммировал, — это язык. Эволюция самости и эволюция языка тесно переплетаются [6].

Последние исследование. В последние годы своей жизни он занимался дальнейшей разработкой концепции предрасположенностей, которая была выдвинута им еще в пятидесятые годы, сосредоточив внимание на ее космологическом значении. Совместно с профессором Дэвидом Миллером, учеником Поппера, выполнил серию исследований по формальной теории вероятностей, по проблемам индуктивной вероятности. Несмотря на свой преклонный возраст Поппер, как свидетельствует В. Н. Садовский, до последних дней сохранял завидную работоспособность, обдумывал и делал наброски новых сочинений, занимался подготовкой переизданий своих давно уже ставших классическими трудов, вел обширную переписку, радушно принимал посетителей со всего мира. Казалось, ничто не предвещало трагедии, но вечером 7 сентября самые близкие ему люди — его секретарь Мелитта Мью её муж Раймонд Мью — были вынуждены срочно поместить его в больницу для немедленной операции. Операция прошла успешно, но в ходе ее неожиданно обнаружилась раковая опухоль в кишечнике; повторное оперативное вмешательство было невозможно, и его друзья осознали, что из больницы ему выйти не суждено. Утром в субботу 17 сентября 1994 г. он скончался.

Поппер, следуя примеру одного из своих самых любимых философов Сократа, встретил смерть мужественно и достойно. Поппера на смертном одре волновали общечеловеческие проблемы, в частности, трагедия в Боснии, и он глубоко сожалел, что, как кажется, философия мало что может изменить в этом мире [7].

Карл Поппер — несомненно выдающийся философ XX в. Его имя навсегда вошло в историю философии, логики, социальной мысли. Но помимо философии Поппер исследовал проблемы квантовой механики астрономии, биологии. Им создан ряд крупных работ, посвященных названным отраслям научного знания. Не случайно Поппер видел в себе прежде всего ученого. Как ученый он обладал острым чувством гражданской ответственности перед обществом.

Поппер, СССР, Россия. Открывая семинар Лионеля Триллинга в Колумбийском университете (27 января 1994 г.), Ральф Дарендорф обратил внимание его участников на высокую гражданскую ответственность Поппера. Дарендорф, в частности, подчеркнул: «В течение года, а то и больше, на письменном столе Поппера лежали груды толстых книг, посвященных кубинскому ракетному кризису. Ключ к пониманию причин такого интереса дают мемуары Андрея Сахарова. Много лет назад во время вручения Попперу премии Свободы ученый с огромным восхищением говорил об этом русском физике и диссиденте. Сейчас же к полному своему замешательству он обнаружил, что Сахаров был «военным преступником» (как, по мнению Поппера, его и следует величать). Он не только внес немалый вклад в создание советской ядерной мощи, но и посоветовал Хрущеву разместить ракеты на Кубе и в случае необходимости использовать их против США. Сахаров сам признался во всем. Попперу отчаянно хотелось взять назад свои слова об этом человеке, и он был возмущен, что никто, кроме итальянской коммунистической газеты «Унита», не стал его слушать. Он рассердился даже на меня, когда я поинтересовался, как можно быть военным преступником, если не было войны. — «Но война же была, и победили в ней Соединенные Штаты Америки» [8].

Как уже отмечалось, Поппер был всемирно известным философом. Его труды издавались во многих странах, содержащиеся в них идеи вызывали острые, непрекращающиеся дискуссии. В Советском Союзе в среде правящей элиты отношение к Попперу было негативным. Его труды замалчивались. Они не были известны широкому кругу философов. Вплоть до 50-х годов в СССР лишь узкий круг лиц имел некоторое представление о его философских и социологических концепциях. Если и упоминалось имя Поппера, то как представителя реакционной, антимарксистской, неопозитивистской литературы («теоретик-антикоммунист № 1», «самый авторитетный в буржуазном мире «специалист» по выработке антимарксистской аргументации» и др.).

Подобная характеристика Поппера в СССР не являлась случайностью. Как известно, советское общество он определял как тотальное, закрытое.

Считал, что основное содержание марксизма ошибочно, резко критиковал социально-историческую концепцию Маркса, хотя и признавал моральную и интеллектуальную привлекательность творчества Маркса. Так, в своем труде «Открытое общество и его враги» он писал: «Чтобы справедливо судить и марксизме, следует признать его искренность. Широта кругозора, чувство фактов сделали Маркса одним из наиболее влиятельных в мире борцов против лицемерия и фарисейства. У него было пылкое желание помочь угнетенным, и он полностью осознавал необходимость показать себя в деле, а не только на словах. Его главные таланты проявились в области теории. Он затратил гигантские усилия, для того чтобы выковать, так сказать, научное оружие для борьбы за улучшение доли громадного большинства людей. Я считаю, что искренность в поиске истины и интеллектуальная честность отличают его от многих исследователей...» [9]. Тем не менее в этот период все пути в СССР для Поппера были закрыты.

Однако в 60–70-х годах среди части философов, особенно молодых, наблюдается стремление познакомиться с творчеством Поппера, Прежде всего с его логико-методологическими взглядами, их проанализировать. Одной из первых работ явилась статья И. Добронравова «Поппер», Карл Раймунд», помещенная в «Философской энциклопедии» (М., 1967. Т. 4. С. 319–320). Несмотря на некоторые неточности и спорные моменты, содержащиеся в статье, в целом она объективно излагала взгляды Поппера.

Серьезный поворот отечественной философской интеллигенции к творчеству Поппера наступил лишь в начале 80-х годов. В 1983 г. впервые на русском языке были опубликованы некоторые сочинения Поппера в сборнике «Логика и рост научного знания». В 1992 г. вышла книга «Открытое общество и его враги», в 1993 г. — «Нищета историцизма». Были изданы и некоторые статьи. Важную роль в объективной, научной оценке творчества Поппера, в издании его трудов сыграли личные связи, сотрудничество философов с советскими, российскими учеными-философами. В частности, с профессором В. Н. Садовским, благодаря которому был осуществлен перевод ряда трудов Поппера, что дало возможность широкой философской общественности России познакомиться с его концепциями, взглядами, идеями.

Анализ взглядов Поппера, особенно его основополагающих принципов открытого общества имеет особое значение в условиях трансформирующегося российского социума. В какой мере эти принципы являются основой современной российской демократии? Автор этой статьи не проводил специальных исследований,

проливающих свет на проблему реализации принципов открытого общества. Тем не менее можно с определенной долей уверенности констатировать, что в России некоторые шаги в направлении движения к указанному обществу сделаны (конституционное признание свобод граждан высшей ценностью, разделение властей, формирование многопартийности, отмена цензуры и др.). Вместе с тем следует подчеркнуть, что преобладающая часть основополагающих принципов открытого общества далеки от своего практического воплощения. Большинство населения России живет в условиях бедности и нищеты, высокой степени криминализации общественных отношений, коррупции, резкой социальной поляризации, фактической потери права на труд, бесплатного образования, медицинского обслуживания, пользования культурными ценностями и т. п. Очевидно, путь России к гражданскому, демократическому обществу будет трудным, сложным, длительным и многоступенчатым. По всей вероятности, гражданское общество в нашей стране будет формироваться с учетом отечественной специфики, сложившихся культурно исторических традиций.

Богатое теоретическое наследие Поппера, как бы оно ни оценивалось современниками (реакционное, утопическое, революционное т. п.), будит мысль, зовет к действию, осторожности и бдительности.

Возможно, и прав профессор Гуэлфского университета (Онтарио) Ф. Эйдмин, утверждающий, что «Поппер был на верном пути, но его идеи в значительной степени подверглись искажению и превратной передаче, и что выдающееся значение его работ еще ждет подобающей им достойной оценки» [10].

Литература

1. Садовский В. Н. Поппер // Новая философия: энциклопедия. Т. 3. М., 2001. С. 288.

2. Приводится по: Ноттурно М. Открытое общество и его враги: сообщество, авторитет и бюрократия // Вопросы философии. 1997. № 1. С. 92.

3. Приводится по; Новейший философский словарь. Минск, 1999. С. 534.

4. Эйдмин Фред. Карл Поппер (1902–1994): теоретик радикального фаллибилизма и политической демократии // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 1997. № 6. С. 37.

5. Садовский В. Н. Указ. соч. С. 288.

6. Новейший философский словарь. Минск, 1999. С. 534.

7. Садовский В. Н. О Карле Поппере и судьбе его учения в России // Вопросы философии. 1995. № 10. С. 14–15.

8. Дарендорф Р. Гражданская ответственность интеллектуалов: против нового страха перед просвещением // Полис. 1997. № 6. С. 6.

9. Подробно об этом: Садовский В. Н. О Карле Поппере и судьбе его учения в России // Вопросы философии. 1995. № 10. С. 14–24.

10. Эйдмин Фред. Указ. соч. С. 40.

ПЕРВЫЙ ДИРЕКТОР ПЕДИНСТИТУТА

Доцент М. П. Хабаев

Годы учебы. Из среды бурятского народа вышло много ярких представителей национальной интеллигенции, чьи имена заняли достойное место в истории Бурятии, да и всего российского государства. Благодаря своему таланту, самоотверженному труду они внесли и вносят неоценимый вклад в экономику, культуру, образование родного края.

Одним из таких представителей был Морхоз Петрович Хабаев. Выходец из простой крестьянской семьи, получивший образование в годы советской власти, он явился организатором первых в республике высших учебных заведений, много сил и энергии отдал их становлению и развитию, а также подготовке высококвалифицированных специалистов для системы народного образования и культуры.

Родился М. П. Хабаев 12 сентября 1903 г. в улусе Куйта Аларского ведомства Иркутской губернии. Родители: отец Петр Тумурович и мать Анастасия Балихаевна принадлежали к роду шарануд. У них было 9 детей: семь мальчиков и две девочки. Морхоз был седьмым. Имя Морхоз означает «носатый», «горбоносый» — так его ласково называли домашние и в школе, хотя при рождении был записан Виктором.

В 1914 г. пошел в школу в селе Куйта; после двухлетней учебы он не стал продолжать ее дальше, а помогал по хозяйству родителям, так как его старшие братья Шарып и Савелий были мобилизованы на тыловые рабо-

ты первой мировой войны. В 1917 г. Морхоз становится студентом Иркутского народного университета. В Иркутске он знакомится с революционно настроенной молодежью, вовлекается в подпольную работу, участвует в создании комсомольских организаций, становится членом РКП(б).

С 1922 г. М. П. Хабаев учится в Коммунистическом университете им. Григория Зиновьева, бывшего соратника В. И. Ленина.

Иркутский госуниверситет. В 1926 г. Морхоз Петрович назначается директором Бурят-Монгольской советско-партийной школы, которая за 3 года его руководства превратилась из совпартшколы, превратилась из совпартшколы первой ступени в школу второй. М. П. Хабаев проявил себя грамотным руководителем и подготовленным педагогом.

В 1929 году он выдвигается на преподавательскую работу в качестве ассистента Иркутского государственного университета. Становится руководителем бурят-монгольского отделения педагогического факультета Иркутского университета, а в феврале 1931 г. переводится исполняющим обязанности доцента по кафедре истории Монголии и Бурят-Монголии. В университете он включается в активную общественную деятельность. Является внештатным пропагандистом культпропа Восточно-Сибирского крайкома ВКП(б), членом краевого комитета по просвещению национальностей и т. д. В 1931 г. он избирается делегатом от Иркутского университета на I Всероссийскую национальную общественную конференцию при Наркомпросе РСФСР.

Директор-организатор. Новым важным этапом в жизни и деятельности М. П. Хабаева является назначение 25 октября 1931 года директором-организатором агропедагогических институтов: одного, подведомственного Наркомпросу РСФСР, другого подведомственного Наркомзему СССР. Как выразился В. М. Пыкин в жизни Морхоза Петровича наступил звездный час. Создание двух вузов в Бурятии явилось крупным событием в духовной жизни республики. Оно положило начало становлению и развитию высшей школы в Бурятской АССР, широкой подготовке квалифицированных специалистов и сыграло большую роль в развитии народного образования, культуры и науки.

Решению об открытии вузов в Бурятии предшествовала продолжительная активная работы соответствующих партийных, государственных органов, лично Морхоза Петровича.

Официальное открытие первого Бурятского агропединститута состоялось 10 февраля 1932 года. Приступая к выполнению возложенной на него миссии, 28-летний директор столкнулся с большими трудностями. Не хватало преподавателей, нелегко было набрать студентов, не было

учебников, учебных пособий, помещений для занятий и т. д.

Позже, вспоминая эти годы, Морхоз Петрович с благодарностью отметит, что в становлении института большую помощь оказали вузы Иркутска, Москвы, Ленинграда и других городов страны. Для его организации, постановки учебного процесса, научной работы были направлены в Бурятию высококвалифицированные, опытные научно-педагогические работники. Первые полтора-два года основные профилирующие дисциплины читались преподавателями, профессорами Иркутского пединститута. При непосредственном участии центральных и сибирских вузов создавалась материальная и учебно-производственная база, формировались коллективы кафедр, развертывались научные исследования. Прибывшие в республику специалисты с большой энергией, энтузиазмом участвовали в организации вуза, в налаживании учебно-воспитательного процесса.

Вот что пишет профессор В. Д. Кудрявцев, работавший заместителем директора Бурятского пединститута: «Мы переехали в Верхнеудинск. Я был назначен заместителем директора (проректором) по учебной и научной работе и занялся строительством первого вуза в Бурятской республике. Мне всегда нравилось начинать с нулевой отметки. Все свои молодые годы я отдал этому важному делу. Вместе с М. П. Хабаевым мы создавали национальный институт и радовались первым его успехам. Моя жена Зина в Иркутске работала в школах взрослых с русскими учащимися, а в Улан-Удэ стала с увлечением преподавать русский язык и литературу на бурятском рабфаке. Так мы трудились вдвоем в Улан-Удэ 11 лет. Это была одна из лучших страниц нашей трудовой биографии. Материально мы обеспечены, работали с увлечением, студенты и общественные деятели республики относились к нам прекрасно» [1].

Кстати, В.Д. Кудрявцев в 1934 г. был избран сначала кандидатом в члены ЦИК, а позже членом Президиума ЦИК Бурятской АССР. За оригинальные научные труды в 1935 г. ему было присвоено звание и.о. профессора.

Наряду с прибывшими в Бурятию специалистами трудились в молодом вузе и местные преподаватели, в основном представители бурятской национальности. Шел рост количества преподавателей: в 1932 г. их было 22 человека, а в 1938 г. — 33 человека. Под руководством М. П. Хабаева формируется материальная база пединститута. В первый год работы вуза создается библиотека, решается вопрос о строительстве учебного корпуса, общежития для студентов. Налаживается учебно-воспитательный процесс. За первые 5 лет существования пединститута было подготовлено

84 учителя, прошли обучение на четырехгодичном педрабфаке 117 человек. Новое пополнение учителей оказало положительное влияние на содержание работы общеобразовательных школ. С каждым годом росло количество студентов. В 1935–1936 учебном году на очном и заочном отделениях обучалось 266 человек, в 1938–1939 учебном году — 657 [2]. Часть молодежи обучалась в существовавших при пединституте рабфаке и в учительском институте.

Преподавателям и студентам нравится стиль работы директора: несмотря на свою молодость, он всегда проявлял себя как компетентный, заботливый и требовательный руководитель. Вникал во все детали учебно-воспитательного процесса, бытовых условий преподавателей, сотрудников и студентов.

Наряду с административной работой М. П. Хабаев заведует кафедрой социально-экономических дисциплин, читает ряд учебных курсов, занимается научно-исследовательской работой, принимает деятельное участие в общественно-политической жизни Бурятии и Восточной Сибири. Он кандидат в члены ЦИК Бурят-Монгольской АССР, кандидат в члены обкома, член ревизионной комиссии обкома ВКП(б), член Улан-Удэнского горсовета и т. д.

Работа к обкоме партии. Освобождение. В феврале 1936 г. вопреки желанию М. П. Хабаева он назначается заведующим отделом школ, вузов и научных изобретений обкома партии. Объем работы увеличился. Будучи ответственным, беспокойным, Морхоз Петрович стремится вникнуть во все дела, разрешить трудные ситуации, помочь школам, учителям, музеям, своему родному институту, с которым ему пришлось расстаться, и многое другое. Но, как он отмечает, мешает этому большая загруженность писанием различных докладов, справок, представлений, выполнение партийных поручений, не имеющих отношения к сфере его деятельности.

Тем временем политическая и морально-психологическая обстановка в Бурятии, как в целом в стране, стала резко ухудшаться. После февральско-мартовского (1937) пленума ЦК ВКП(б) и выступления на нем Сталина, заявившего, что по мере продвижения к социализму классовая борьба в стране будет постоянно обостряться, повсеместно начались поиски и «разоблачениях» так называемых врагов народа. В республике воцарилась тяжелая атмосфера недоверия и боязни. Со страниц «Бурят-Монгольской правды» не сходили материалы о «разоблачения» вредителей, националистов, диверсантов, троцкистов, бандитов. В мае 1937 г. на основе подозрения в пособничестве троцистам М. П. Хабаев обкомом партии был освобожден от работы в данном учреждении. И возвращается в пединститут с предложением «использовать

на педработе в качестве преподавателя» [3]. В пединституте он был назначен заместителем директора по работе со студентами-заочниками.

Наконец-то, как ему представлялось, появилась возможность заняться научной работой, писать диссертацию. К сожалению, надежды оказались неосуществимыми. После возвращения с первой научной командировки в Москву он узнает, что уже уволен из пединститута на основе Постановления бюро ОК ВКП(б) от 20 сентября 1937 г., в котором М. П. Хабаев значился в «числе главных буржуазных националистов и троцкистско-бухаринских агентов японо-немецкого фашизма и их покровителей» [4].

Арест. 22 декабря 1937 г. он был арестован. Ему инкриминировалось лидерство в якобы существующем в пединституте филиале панмонголистской националистической организации, которая будто бы действовала на территории республики. Он направлял контрреволюционную деятельность в рамках филиала через руководителя группы этой организации в прошлом заместителя директора института В. Ф. Аханянова (кстати, он был заключен в тюрьму, где и умер в сентябре 1938 года) [5]. М. П. Хабаев около 10 месяцев просидел в тюрьме, все это время почти ежедневно вызывали на допрос. Применяли всевозможные пытки, требуя дать нужные им под их диктовки показания. В беседе с автором этих строк во второй половине 60-х годов Морхоз Петрович сказал, что для него самой трудной из пыток была пятидневная стойка … он боялся потерять сознание. Суд приговорил М. П. Хабаева к лишению свободы в ИТЛ на шесть лет. Состоявшаяся через 4 месяца 17 января 1940 г. военная коллегия Верховного Суда Союза ССР вынесла оправдание.

Удар по вузам. Массовые репрессии. В 1937 и 1938 годах непоправимый ущерб был нанесен становящейся на ноги высшей школе в Бурятии. Была арестована и освобождена от работы и от учебы значительная часть преподавателей и студентов вузов. Ни в чем не повинные сотрудники и учащиеся перенесли неслыханные унижения, многие из них подверглись многодневным допросам, некоторым суждено было испытать все «прелести» тюрем и лагерей и вернуться домой лишь в 1940 году, а некоторые из них, как, например, преподаватель всеобщей истории пединститута Г. П. Занданов и профессор Б.Б. Барадин, были расстреляны.

Период массовых репрессий, вызывающих беззакония, отрицательно сказался на качественном составе профессорско-преподавательского коллектива института. К началу 1940-х годов, как отмечала комиссия Наркомпроса РСФСР, в институте был один и.о. профессора, 3 доцента и только два кандидата наук. Бесконечные политические процессы, атмосфера подозрительности, страха уродовали духовно-

нравственный облик и преподавателей, и студентов.

В 1937 г. был нанесен жесточайший удар по еще сохранившимся представителям старой интеллигенции Бурятии. В своей основной массе они были физически уничтожены. О их судьбе профессор Р. Рупен писал следующее: «Очиров внезапно умер в 1914 г., Богданов был убит в 1919 г. белыми, Жамцарано был арестован в Ленинграде в 1937 г. и с тех пор о нем ничего не слышно, Ринчино был расстрелян в Москве в 1937 г., Бутухан арестован в Ленинграде в 1937 году, затем сослан в ссылку в концентрационный лагерь в Ухту, Сампилон убит в Бурят-Монголии в 1937 г., Доржиев арестован в Ленинграде в 1937 году и позднее умер в Бурят-Монголии, Бадмаев умер в 1919 году, Цыбиков умер в 1930 году, Барадин расстрелян в 1937 г. Таким образом, никому не удалось избежать ежовщины, чистки в 1937 году» [6].

И далее Рупен заключает: «Обвинения, по которым бурятские лидеры были осуждены, сосланы, очевидно во многих случаях — «буржуазный национализм» и «пан-монголизм». В таких элементах есть, конечно, доля правды, если такие идеи можно считать преступными. Рассматривая их судьбу с несоветской точки зрения, можно сказать, что такая независимость суждений и преданность своему народу явились причиной их ниспровержения, когда новое поколение более послушных интеллигентов было готово их заменить... «Они могли составить почетную часть демократической России — но демократической России нет, и судьба бурятской интеллигенции — часть большой трагедии нашего времени» [7].

Характерной особенностью антиинтеллигентской кампании второй половины 30-х годов являются ее исключительная жестокость, доходящая до садизма, беспредельное глумление над личностью. Это не только выражалось в откровенной фабрикации дел, в массовом применении пыток, расстрелов, но и в сознательном насаждении в общественном сознании ненависти, презрения к преследуемым и их близким.

Репрессии были направлены не только против старой интеллигенции, но и против значительной части ее новой генерации, причем против наиболее активной, наиболее преданной коммунистическим ценностям части, к которой, кстати, принадлежал и М. П. Хабаев. В Бурятии были посажены в тюрьму почти все ее бывшие члены бюро и большинство членов обкома партии, все народные комиссары, многие ответработники ЦИК, Совнаркома и наркоматов. Были репрессированы почти все секретари райкомов партии и председатели аймачных исполкомов [9]. В 1937 г. был арестован первый секретарь обкома М. Н. Ербанов. Поистине прав был П. Верньо, кончивший жизнь на гильотине: «Революция пожирает своих детей». Правда, американский журналист Д. Леонард сказал нечто другое: «Революции не пожирают сво-

их детей. Они пожирают своих отцов». В России, как видим, революция пожирала и тех, и других.

Только в Бурятии за два года (1937 и 1938) были арестованы 6836 человек, из которых осуждены 4907. Из этого числа 2483 человека были сразу расстреляны по решению внесудебных органов [10]. Участь интеллигенции разделили некоторые представители и других социальных групп.

Естественно, возникает вопрос. Почему интеллигенция смирилась с насилием? Почему интеллигенция примирилась с насилием над интеллигенцией? Почему эта наиболее образованная, наиболее чуткая к несправедливости, к любой фальши часть общества позволила, чтобы ее истребляли? Почему вчерашний товарищ — преподаватель сегодня вдруг «увидел» в своем коллеге врага? Хотя следует отметить, что среди интеллигенции как в центре, так и на окраинах страны были лица, осуждавшие насилие, по-своему противодействовавшие ему, но это была капля в море. Нельзя не согласиться с профессором А. Ципко в том, что интеллигенция примирилась с насилием потому, что она воспринимала это как неизбежную плату за чистоту будущего общества и, действительно, была убеждена в том, что наша история движется в единственно правильном направлении. Людям импонировали стремление Сталина к новому, его вера в возможность построения уникального общества и бескомпромиссность в защите завоеваний социализма. Действительно, интересы создания бесклассового общества в сознании людей были превышего всего. Но, по нашему мнению, это далеко не полностью объясняет примирение интеллигенции с насилием.

Была и другая причина столь необычного поведения интеллигенции – страх, порожденный системой мер, направленных на запугивание интеллигенции — репрессии, проработочные кампании, так называемое «спецеедство» и др. Страх, насаждаемый в стране, парализовал волю интеллигенции, делал ее послушной, втягивал в самый худший из пороков — угодничество. Будучи по самой своей сути неконформистской, интеллигенция в определенной своей части под воздействием механизма давления приняла конформное поведение.

Первое обстоятельство побуждало интеллигенцию к деятельности, способствовало развитию ее трудовой и общественной активности. Второе — вводило эту деятельность в определенные рамки, установленные системой, заставляло принять «правила поведения», сковывало свободу творчества. Все это, естественно, наложило определенный отпечаток на облик и характер деятельности интеллигенции.

Мировоззренческие ориентации. Что касается мировоззренческих взглядов М. П. Хабаева, то они были коммунистическими. Он гордился своей принадлежностью к Коммунистической партии, всю свою жизнь был активным

пропагандистом ее ценностей. Ему были присущи чувства глубокой гражданственности, патриотизма, служения народу. Несмотря на то, что он неоднократно подвергался гонениям со стороны властей, изгонялся с занимаемых должностей, был репрессирован, каждый раз, возвращаясь к работе, он всецело отдавался ей, любил ее. Он жил интересами вуза, страны, гордился и радовался успехам социалистического строительства.

Будучи освобожденным от работы в пединституте в сентябре 1937 года, он в своем дневнике от 21 декабря того же года пишет: «У меня исключительная радость, гордость гражданина великой социалистической Родины. Гордость и радость потому, что я наравне со всеми голосовал за блок коммунистов и беспартийных и мой голос также учтен в этой многомиллионной цифре… Этой гордостью и радостью я живу в эти дни. С восхищением прочитал Постановление ЦИК и СНК СССР о награждении и льготах для строителей вторых путей Карымская — Хабаровск. Это еще одна блестящая победа» [11].

Эти чувства М. П. Хабаев пронесет через всю свою жизнь. В беседах с молодежью, в газетных статьях, в выступлениях на собраниях он постоянно подчеркивал значимость и величие всего того, что создавалось в нашей стране.

Был ли Морхоз Петрович подвержен конфорному поведению? Думается, что да. Другое дело, в какой мере это проявилось. В условиях существования тоталитарного режима каждый человек, тем более руководитель, вынужден следовать тем нормам бытия, которые диктуются режимом. Отступление от этих норм резко пресекается.

М. П. Хабаев, будучи смелым, чутким к проявлениям несправедливости человеком, иногда подвергал критике действия обкома партии, его отдельных работников, отказывался выполнять те или иные поручения партийного аппарата. Это не оставалось без последствий, а иногда его такое «поведение» обсуждалось на бюро обкома или горкома партии с вынесением выговора или другого наказания, что заставляло его учитывать это в своей последующей деятельности.

Военное время. В апреле 1940 г. М. П. Хабаев приказом по пединституту назначается старшим преподавателем марксизма-ленинизма. В сентябре он становится заместителем директора по учебной и научной работе. В течение всех военных лет он избирается секретарем партийного бюро пединститута.

С началом войны перед руководством института встало много трудных проблем: нехватка преподавателей, так как половина их уже в первые месяцы войны ушла на фронт, резко уменьшилось количество студентов (в феврале 1942 г. их осталось в институте всего 150 человек, многие продолжали уезжать домой), не хватало учебных площадей, общежитий (главный учебный корпус и общежитие были переданы

под эвакогоспиталь для раненых). Самим приходилось заготавливать дрова, так как отопление везде было печное. Состав студентов института был почти полностью женским (в пединституте в октябре 1943 года из 256 студентов мужчин было всего 17 человек, т. е. 6,6%). Уже в первые месяцы первого военного учебного года был перестроен учебный процесс. Пединститут с 4-годичного был переведен на 3-годичный срок обучения. Учебные занятия проводились в три смены: с 8 часов до 23 часов 35 минут. Учебная, научная, воспитательная, хозяйственная и общественная работа была перестроена в соответствии с требованиями военного времени: «Все для фронта, все для победы». Она проводилась под руководством директора А. А. Дуринова, его заместителя М. П. Хабаева, партийной организации, которую возглавлял М. П. Хабаев. Это требовало больших усилий, огромного напряжения, ответственности.

Несмотря на трудности в институте проводились научные конференции, торжественные собрания, была художественная самодеятельность, организовывались оборонно-спортивные мероприятия. К концу 1943-1944 учебного года из 43 человек профессорско-преподавательского состава педагогического и учительского институтов было 2 профессора, 14 доцентов и кандидатов наук, возглавляли кандидаты и доктора наук, почти все кафедры за военные годы выпустили 310 педагогов [12].

В этих достижениях — значительная доля труда, энергии, опыта М. П. Хабаева. Важным событием в его жизни явилось решение ВАК и Всесоюзного комитета по делам высшей школы от 27 ноября 1943 года об утверждении его в ученом звании доцента по кафедре марксизма-ленинизма.

Освобождение от работы. Марийский пединститут. Однако радостные события в жизни М. П. Хабаева неожиданно сменилось печальными. Так, читая лекцию в вечернем университете марксизма-ленинизма «Марксизм и национальный вопрос», М. П. Хабаев (как записано в постановлении бюро обкома партии от 18 июля 1945 года) якобы утверждал, что «в период социализма происходит реконсолидация и распад наций, идет ассимиляция таких народов, как бурят-монголы», «доказывал, что не может быть и речи о национальном развитии», «что бурят-монголы не имеют своей национальной культуры». Бюро обкома партии оценило эти высказывания как «грубейшие политические извращения» учения Ленина — Сталина по национальному вопросу, как «протаскивание в лекции антипартийных, националистических установок». М. П. Хабаев был снят с работы и исключен из партии. Следом за М. П. Хабаевым 8 августа освобождается от работы директор института А. А. Дуринов, а спустя не-

которое время и и.о. заведующего кафедрой марксизма-ленинизма доцент И. А. Манжигеев [13]. Это пример того, насколько жесток и беспощаден был режим по отношению к тем, кто отступал от его идеологических постулатов. В данном случае пишущий эти строки не входит в комментарии, оценку положений, высказанных автором.

В непростой ситуации безработного на помощь М. П. Хабаеву пришел Наркомпрос РСФСР, благодаря которому он был направлен на постоянную работу в г. Йошкар-Олу в Марийский государственный пединститут. Здесь М. П. Хабаев сначала работает доцентом кафедры всеобщей истории, спустя некоторое время заведующим, а с августа 1951 г. деканом историко-филологического факультета педагогического и учительского институтов им. Н. К. Крупской. За короткое время М. П. Хабаев зарекомендовал себя как высококвалифицированный преподаватель, активный общественник, доброжелательный коммуникабельный коллега.

В характеристике, подписанной ректором Марийского педагогического института Ф. Фургиным, говорится: «М. П. Хабаев курс истории средних веков ведет на должной высоте, его лекции содержательны и хорошо доходчивы до студентов и пользуются успехом… он деловит, быстро и хорошо ориентируется во всех вопросах института. Несмотря на сравнительно короткий срок работы (пять месяцев) хорошо вник во все поры работы института, принимая активное участие во всех мероприятиях, и сумел за это время приобрести среди, как профессорско-преподавательского состава, так и студентов должный авторитет… уже с января тов. Хабаев работает врид деканата исторического факультета и председателя библиотечного совета института» [14].

Судя по отзывам бывших студентов, которые приводит в своей книге В. М. Пыкин, им очень нравились лекции Морхоза Петровича. «Занятия он вел спокойно, продуманно. Лекции за ним записывать легко. Наиболее важные мысли он повторял дважды. Аккуратный, подтянутый, одетый, как правило, с иголочки, он всем своим поведением, обликом, строгими жестами внушал нам желание подражать ему и следовать его советам» [15].

Он выполнял многочисленные общественные поручения, был одним из лучших внештатных лекторов республики. Пользовался большим авторитетом в коллективе института. У Морхоза Петровича и Евгении Карповны были прекрасные отношения с соседями.

Возвращение в Бурятию. В гостеприимной Йошкар-Оле Морхоза Петровича не покидала мысль о родной земле. После смерти Сталина, в годы начала политической реабилитации он с семьей возвращается в Улан-Удэ. 13 декабря 1954 года согласно приказу Минпроса РСФСР он назначается на должность доцента кафедры марксизма-ленинизма Бурят-Монгольского

государственного пединститута. С самого начала возвращения М. П. Хабаев, обогащенный опытом марийского педвуза, с энергией включается в работу родного вуза: большое внимание уделяет методической работе, пишет учебные пособия для учителей школ, научные статьи по истории комсомола Бурятии.

Декан факультета. В 1961 г. он избирается деканом историко-филологического факультета. Его предшественник доцент В. П. Тюшев по состоянию здоровья оставил работу в деканате. М. П. Хабаев стремится придать новый импульс в развитии факультета, повысить качество подготовки учителей, поддержать начинания студентов.

В 1963 г. на базе историко-филологического факультета при активном участии М. П. Хабаева был создан новый факультет иностранных языков. В последующем будут созданы факультет начальных классов, юридический факультет, отделения философии, социологии и политологии. Новый руководитель большое внимание уделяет подготовке кандидатов и докторов наук. В 1967 году успешно защитил докторскую диссертацию доцент Н. П. Егунов, спустя два года докторами исторических наук стали доценты Е. Е. Тармаханов, Д. Б. Улымжиев. Факультет пополнился доктором филологических наук А. А. Белоусовым.

На факультете активно разрабатываются проблемы средней общеобразовательной школы, методики преподавания русского и бурятского языков в национальной школе. Особенно успешной являлась работа доцентов, в последующем докторов наук, профессоров М. Н. Мангадаева, Ж. С. Сажинова, Ц. Ц. Цыдыпова, Д. Д. Амоголонова, У.-Ж. Ш. Дондукова.

Не отстает от своих коллег в научной и научно-методической работе и М. П. Хабаев. Общее число написанных им научных и учебных работ превышает полсотни, в том числе 34, опубликованных в различных изданиях. Это работы об истории русско-монгольских отношениях, об общине и рабстве в странах Древнего Востока, о культурном строительстве в Бурятии, о роли религии в обществе, об электрификации страны, истории пединститута.

М. П. Хабаев написал объемные учебные курсы «История Древней Греции» (24 п. л.), «История Римской империи I–V веков» (25 п. л.), «Древний Восток (Древний Египет» (9 п. л.) и др., которые, к сожалению, не были изданы в годы советской власти. Думается, что эти работы не потеряли своей актуальности и в наши дни.

Нельзя не отметить его особенности как лектора. Он вел исторические курсы на историко-филологическом факультете.

Его манера изложения мало чем походила на приемы, которые использовались другими лекторами. В ней не было той строгости, академизма, к которым обычно стремились вузовские

преподаватели. Его неторопливые рассуждающие рассказы больше походили на беседы, в которых было немало примеров из собственных наблюдений, воспоминаний. Такие лекции больше запоминались студентам, они были более убедительными, так как в них, как правило, присутствовал личностный фактор, богатый жизненный опыт самого лектора, свидетеля и участника тех исторических процессов, о которых шла речь в лекции.

Как уже отмечалось, Морхоз Петрович всегда был общественно активным человеком. Возвратившись в Бурятский пединститут, он возглавил школу молодого лектора, был избран членом партбюро историко-филологического факультета. Факультет по общественной активности всегда был в лидерах.

Деятельность М. П. Хабаева не ограничивалась вузом, он в течение многих лет являлся заместителем и председателем правления Бурятской республиканской организации общества «Знание», активно участвовал в работе партийной и общественных организаций Бурятии.

Интеллигент. Говоря об интеллигентности М. П. Хабаева, нельзя не отметить его скромность, честность, доброту, высокую порядочность. Несмотря на то, что он являлся организатором педагогического и зоотехнического институтов, внес большой вклад в их развитие, был известным и уважаемым в республике человеком, никогда не говорил о своей прежней работе, о своих заслугах, не добивался к себе какого-то особого отношения, не требовал наград.

Будучи добрым по натуре человеком, он всегда старался помочь преподавателю или студенту, если кто-то к нему обращался. Особенно часто к нему обращались студенты, когда он был деканом историко-филологического факультета. В 60-е годы студенты в начале учебного года, как правило, отправлялись на сельхозработы в колхозы и совхозы республики. Освобождались от сельхозработ только больные и студенты, ухаживающие за престарелыми родителями. М. П. Хабаев всегда шел навстречу студентам при необходимости освобождал от сельхозработ. Правда, иногда так много студентов историко-филологического факультета освобождалось от сельхозработ, что администрации вуза приходилось закрывать нехватку студентов за счет других факультетов. Он по-отечески относился к молодежи. Его советы, наставления воспринимались с пониманием. Студенты любили Морхоза Петровича. Его мягкость, деликатность покоряла их. Он никогда не повышал голоса. Всегда спокойно, рассудительно разрешал со студентами их учебные, житейские проблемы. Умудренный многолетним опытом работы с молодежью, обладая незаурядными личностными качествами, он оказывал на будущих специалистов большое благотворное влияние.

Нельзя не согласиться с бывшим студентом, выпускником Бурят-Монгольского пединститута 1937 г. С. А. Тепловым, в том, что «Морхоз Петрович — яркая личность, эрудированный лектор, способный организатор, образец порядочности. Он активно влиял на наше формирование, давал прочные знания, умел воспитывать настоящих патриотов». Заслуженный учитель России кратко, но очень точно охарактеризовал своего бывшего наставника.

Семья. В течение всей жизни надежной опорой и самым близким человеком была его супруга Евгения Карповна Хабаева (Булытова). Выпускница Бурятского пединститута, преподаватель русского языка, персональный пенсионер союзного значения.

У Морхоза Петровича и Евгении Карповны четыре дочери. Розалия Викторовна Хабаева окончила исторический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, кандидат исторических наук, работала в Институте востоковедения АН СССР; Генриетта Морхозовна Хабаева, выпускница Марийского пединститута, кандидат биологических наук, работала в Бурятском пединституте; Илиада Морхозовна Хабаева (Ринченгийн) окончила ГИТИС, работала главным балетмейстером Музыкально-драматического театра в МНР; Индра Морхозовна Хабаева окончила МГПИ им. В. И. Ленина, кандидат экономических наук, работала деканом факультета экономики и управления Бурятского госуниверситета, профессор.

За многолетнюю плодотворную деятельность М. П. Хабаев был награжден орденомТрудового Красного Знамени, медалями «За трудовое отличие», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», юбилейной медалью «За доблестный труд со дня рождения В. И. Ленина», «Ветеран труда». Удостоен почетного звания «Заслуженный деятель науки и техники Бурятской АССР». Имеет ряд почетных грамот.

Литература

1. Высшая школа и научно-педагогические кадры Сибири (1917–1941 гг.). Новосибирск, 1980. С. 195–196.

2. Хабаев М. П. Очерки истории формирования высшего педагогического образования в Бурятии. Улан-Удэ, 1983. С. 77.

3. Приводится по: Пыкин В. М. М. П. Хабаев: педагог, ученый, человек. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2001. С. 65, 68.

4. Пыкин В.М. Указ. соч. С. 68.

5. Приводится по: Осинский И. И. Alma Mater (о Бурятском государственном педагогическом институте и университете). Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 1999. С. 82.

6. Rupen R. A. Buriat intelligentsia // The Far Eastern Cuartelly. Vol. XV: № 3. May 1956, P. 398.

7. Там же.

8. Ципко А. Истоки сталинизма. Очерк 2. Превратности «чистого социализма» // Наука и жизнь, 1988. № 12. С. 46.

9. Басаев Г. Д., Ербанова С. Я. М. Н. Ербанов. Изд. 3-е. Улан-Удэ, 1989. С. 190–214.

10. Дугаров В. Уроки прошлого // Правда Бурятии. 1998. 31 октября

11. Пыкин В. М. Указ. соч. С. 70–71.

12. Осинский И. И. Указ. соч. С. 144.

13. Пыкин В. М. Указ. соч. С. 86–87.

14. Пыкин В. М. Указ. соч. С. 90.

15. Там же.

16. Пыкин В. М. Указ. соч. С. 111.

ОН НЕ БОЯЛСЯ СМЕРТИ

Профессор Ж. С. Сажинов

Родился Жамсаран Сажинович Сажинов в 1912 г. в селе Угнасай Баргузинской волости (ныне Курумканского района) в семье крестьянина-скотовода. Был самым старшим в семье из восьми человек. Родители были неграмотными. Почти не занимались хлебопашеством и огордничеством.

Профессор С. М. Бабушкин пишет: «Жамсаран первоначально обучался в дацанской школе, где наряду с предметами по религии изучал старомонгольскую вертикальную письменность. Некоторое время его учителем был знаменитый дипломат, общественный и религиозный деятель Агван Доржиев, который приехал летом 1922 г. на Аллинский аршан. В улусе Алла для Агвана Доржиева был построен домик. «Агван Доржиев писал скорописью, — вспоминал Жамсаран Сажинович, — я садился рядом с ним и смотрел, как он пишет. Он был веселым и добрым человеком, много шутил, задавал вопросы, на которые я охотно отвечал.

Осенью 1922 г. в 10 лет Жамсаран пошел в первый класс в одну из первых светских школ Курумканского

района, открывшуюся в его родном улусе. В 1929 г. окончил 7 классов Баргузинской школы 2-й ступени, поступил в Бурятский педтехникум в г. Верхнеудинске. В 1932 г. с аттестатом учителя начальной школы вернулся на родину.

Учительскую деятельность в родном Курумкане начал с обучения первоклассников родной и русской грамоте. С 1932 по 1938 г. трудился здесь учителем и заведующим начальной школой, учителем и завучем Баянгольской семилетней школы, школьным инспектором Баргузинского аймака. После шести лет работы в школах и органах образования стал (с 26 лет) студентом Бурят-Монгольского пединститута. «Знания в институте давались мне нелегко, — писал впоследствии профессор в автобиографии, — но я занимался упорно и уже со второго курса получал стипендию им. И. В. Сталина. Институт окончил с отличием.

В ноябре направили заведующим Тункинского районо, но через полгода его призвали в армию и отправили на фронт. Уже в июле 1942 г. он участвовал в боях под Сталинградом.

В одном из своих воспоминаний с элементами философских размышлений Жамсаран Сажинович пишет: «Я на фронте служил рядовым солдатом, и мне на войне очень повезло: досталась счастливая доля участника начала той грандиозной, наступательной операции советских вооруженных сил по окружению и разгрому ударной группировки немецко-фашистских войск и их сателлитов — Румынии и Италии — у стен Сталинграда. Эта операция, как известно из истории Великой Отечественной войны, началась 19 ноября 1942 г. и завершилась 2 февраля 1943 г. разгромом 330-тысячной армии и пленением штаба армии во главе с фельдмаршалом Паулюсом.

Страшно ли на войне, спрашивают иногда школьники на встречах? Вопрос, на первый взгляд, по-детски наивный, однако он существенный. На такого рода вопросы обычно отвечают, что война — это самое трудное, самое рискованное в жизни человека дело. Человек не рождается солдатом, и он не делается на войне бесчувственным сверхчеловеком, для которого все нипочем. Но у человека удивительное свойство (и я это испытывал поневоле на себе) — легко адаптироваться к необычным условиям, а во-вторых, человеку свойственно неистребимое чувство оптимизма — надежда на благоприятный исход из какого-либо положения. Можно сослаться на слова русского поэта: «На доблестный подвиг, на битву с судьбою иду я отважно, и яркой звездою надежда горит впереди» (А. Н. Плещеев).

С надеждой связано самообладание, хладнокровие. Вот почему на войне люди, сталкиваясь со смертельной опасностью, не впадают в панику,

беспрекословно выполняют трудное боевое задание.

Темной ночью с 19 по 20 ноября 1942 г. нашу часть разместили на плавсредства Волжской речной флотилии и переправили на сталинградский берег несколько южнее пылающего в огне города. Не скрою, как нам стало не по себе, когда разрывались в воде снаряды, пущенные по флотилии откуда-то, вероятно, издалека: на темной глади великой реки надежды на спасение нет.

В тот же день, 20 ноября, мы оказались в горячем деле: в составе 64-й армии генерала М. С. Шумилова переходили в наступление из района Ивановки на вражескую оборону в районе населенного пункта Карповка.

Помню, было облачное, слякотное утро поздней осени. Весь горизонт был покрыт непроницаемым черным дымом. Слышится издалека непрерывный орудийный гул. Вокруг голая степь, по ней движутся несметные количества людей в строю, и без строя, колонны машин, танки, самоходные орудия, полевые кухни. Такая картина невольно вселяла ощущение уверенности и вдохновляла бойцов.

Вскоре наша часть получила конкретное задание — занять вражеский оборонительный пункт. На подходе к нему нас встретили огнём. Рвались мины, свистели пули, взлетала вверх земля. Люди падали, кого-то ранило, кто-то уже не поднимался больше, и те, кого миновала пуля или осколок, снова вставали и устремлялись вперед.

Когда подавили огонь противника, то увидели смуглолицых, похожих на цыган солдат, в темно-зеленых шинелях и высоких папахах — это была группа из румынских воинских частей. Они что-то беспрерывно галдели на своем языке. Их всех, живых, раненых и убитых, увезли куда-то на машинах. Это было мое первое боевое крещение.

Могут верить и не верить, но чувства страха я при этом не испытывал, а полагал, что могут ранить, но не убьют. Не могу объяснить, почему такая уверенность. Все другие эпизоды из моей недолгой жизни на передовой линии фронта были сходны с тем, что тут описал.

Ровно две недели продержался я на передовой линии фронта под градом пуль, под бомбежкой и артобстрелом, ежеминутно рискуя напороться на мину или похожих с теми, что описал. Потерял всех тех, с кем в первый день пошел в атаку. Больше месяца не раздевался и не-разувался, завелись известные насекомые... На тринадцатые сутки меня угораздило напороться на засаду: прошила меня шальная пуля, и я очутился в медсанбате.

Ранение было тяжелое — сквозное пулевое, с повреждением лобковой кости. Лечили меня долго, целых шесть месяцев, в разных госпиталях. Выписали меня, признав непригодным к строевой службе с припиской;

«продолжить амбулаторное лечение по месту прибытия на жительство».

В наступательной операции Советской Армии у Сталинграда той осенью участвовало много воинских частей, сформированных из представителей разных национальных среднеазиатских республик. Экзотическими выглядели туркменские бойцы, которые почему-то не сменили национальное одеяние на солдатские шинели. Один раз я видел, как они устраивали панихиду над погибшими товарищами. В перерывах между артиллерийскими дуэлями туркмены успевали в больших чанах кипятить чай и угощали им всех, кто подойдет.

Декабрь — месяц зимний. Каждый день валил мокрый снег. С наступлением ночи все покрывалось ледяной коркой — и земля, и шинель. В условиях активного наступления боевые позиции часто меняются. Поэтому приходилось совершать под покровом ночи многочасовые марши-броски. Когда устраивали привал, солдаты сбивались в кучки, обогревая друг друга не только теплом своих тел, но и теплотой дружбы. Слышались реплики на разных языках, но общим для всех был, конечно, русский язык. Раздается команда: «Строиться!». Каждый знает свое место в строю и должен убедиться, не отстал ли твой товарищ по строю. В мерном шагу клонит ко сну, но начнешь засыпать, какая-то неведомая сила уводит в сторону...

Минувшая война справедливо названа Великой Отечественной. Слагаемыми этого понятия являются фронт и тыл, слившиеся воедино. Победа на фронте была бы невозможна без неиссякаемого патриотического накала тружеников тыла, ковавших оружие и выращивавших хлеб. Рабочие и крестьяне по праву стали признаваться равноправными участниками Великой Отечественной войны и следовало бы расширить привилегии ветеранов труда тех лет.

Люди тогда о тракторах и комбайнах и не мечтали. Автомашины были мобилизованы военкоматами. Лошади и рабочие волы верно служили все годы войны и после войны. Хлеб и сено убирали вручную. Основная рабочая сила в тылу — женщина-солдатка — работала за хлебороба, грузчика, возчика, скотника, оставаясь домохозяйкой, матерью, кормилицей малых детей, престарелых и больных родителей.

Письма с фронта приходили редко, гораздо чаще поступали похоронки со стандартным текстом. Женщины и дети разучились плакать. Получив печальное известие о гибели отца, мужа, брата, сына, скорбели молча, прятали глаза скорбные, но сухие.

Летом 1943 г. вернулся домой в Курумкан инвалидом и застал жуткую картину засухи: степь выгорела от палящего солнца, дым лесных пожаров застилал солнце. Зима выдалась не только голодная, но и холодная.

Трудно без содрогания вспоминать, как колхозницы, сами изнеможденные, пытались поднимать за хвост скотину, как овцы общипывали друг у друга шерсть, старых людей, опухающих от бесхлебицы.

К счастью, следующий, 1944-й, год в Бурятии выдался относительно благополучный, и те, кто пережил бедствие, мало-помалу стали оправляться, и снова зазвучал призыв: «Всё для фронта, все для победы!».

Забота тыла о фронте выражалась и в широком движении по сбору теплых вещей для сотен тысяч эвакуированного населения с оккупированных территорий и включавшихся в производственные коллективы Урала и Сибири. Люди вносили в фонд обороны — на строительство танков и самолетов свои личные сбережения, ювелирные изделия, даже обручальные кольца и фамильные реликвии. Все это делали от чистого сердца, из патриотических чувств. Но самыми трогательными являлись те записки, которыми сопровождались подарки фронтовикам, будь то теплые рукавицы или носки. В музее РККА в Москве экспонируется варежка и записка при ней: «Дорогие мои сыновья! Примите скромный подарок и материнский привет. Желаю вам возвратиться только с победой».

Не могу не сказать несколько слов о подвижнической деятельности медицинских работников в годы Великой Отечественной войны. Я уже писал выше, что в течение шести месяцев меня лечили от полученной раны в разных эвакогоспиталях и никогда не забуду моих лечащих врачей Марию Васильевну Савенок (из Белой Церкви Украинской ССР) и Антона Ивановича Вольского (из Актюбинска).

Медицинские работники — врачи, медсестры и няни — выполняли свой профессиональный и патриотический долг в немыслимо трудных условиях, в эшелонах с ранеными бойцами. Сколько терпения, такта, внимания требовали к себе раненые. Медработники умели каждому найти ласковое слово, обожженные в танках, потерявшие зрение и слух, с оторванными руками и ногами, часто поступали в госпитали неимоверно капризные больные. Каждая палата имела своего врача со своим рабочим столом. Он питался тут же в одно время с лечащимися.

Я пребываю в состоянии морального удовлетворения от того, что мне удалось исполнить свой долг перед Родиной, защищая ее с оружием руках в качестве солдата Советской Армии». (Вспомни фронтовых друзей, ветеран… С. 37–40).

После возвращения в родной Курумкан бывший воин-фронтовик Сажинов в армейской гимнастерке вновь встал у классной доски и продолжил работу учителем и завучем Курумканской средней школы. В 1944 г. был назначен заведующим отделом пропа-

ганды и агитации Курумканского райкома ВКП(б), а в 1946 г. перешел на должность заведующего парткабинетом райкома и стал преподавать по совместительству в родной школе. Душа педагога требовала общения с детьми. Осенью 1948 г. Ж. С. Сажинов получил возможность полностью перейти на учительскую работу.

В 1952 г. учитель сельской школы был приглашен на кафедру русского языка БГПИ и в первые годы вел практические занятия и руководил педпрактикой студентов. В Бурятском пединституте он трудился более 40 лет. В 1960–1980-е гг. он читал лекции по современному русскому языку, методике преподавания русского языка в национальной школе, сопоставительной грамматике русского и бурятского языков. Его лекции отличались глубоким научным содержанием, строгой логичностью и последовательностью изложения. В 1959 г., не прерывая преподавательскую деятельность, Ж. С. Сажинов окончил заочную аспирантуру и защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата педагогических наук [2]. Вскоре ему было присуждено звание доцента по кафедре русского языка.

Работая на кафедре русского языка, Ж. С. Сажинов большое внимание уделяет проблемам методики преподавания русского языка, обобщению опыта лучших учителей. В 1950-е гг. он опубликовал около 10 научных статей, учебник русской литературы для 7-го класса бурятской школы в соавторстве с Б. Митуповым. В 1960 г. была издана его первая монография «К методике изучения русского глагола в бурятской школе».

В 1965–1970 гг. Жамсаран Сажинович возглавлял кафедру русского языка, а в 1975–1978 гг. руководил подготовительным отделением БГПИ, продолжая одновременно преподавательскую работу на кафедре русского языка. Не оставлял активной научно-исследовательской работы. Им опубликовано более 60 научных работ. При широте и многообразии его научных интересов основным направлением научных исследований было сопоставительное изучение русского и бурятского языков. Этой проблеме была посвящена изданная ученым в 1984 г. монография «Сопоставительная грамматика русского и бурятского языков». В 1980 г. ему решением ВАК было присвоено звание профессора.

Внимание научно-педагогической общественности в 1970–1980 гг. привлекли программы по русскому языку для средних и старших классов бурятской школы, где Ж. С. Сажинов был соавтором, а также программы для начальной школы, где был председателем комиссии, соавтором и ответственным редактором.

Два десятилетия (1970–1980) учащиеся 4-го класса бурятской школы обучались русскому языку по

учебнику Ж. С. Сажинова, составленному в соавторстве с учителем школы-интерната № 1 С. Б. Бодиевой (Русский язык для 4-го класса бурятской школы. Улан-Удэ, 1971, 1973, 1975, 1977, 1984), а ученики 7–8-х классов изучали русский язык по учебнику, который написан в соавторстве с М. Н. Мангадаевым ((Русский язык для 7–8-х классов бурятской школы. Синтаксис. Улан-Удэ, 1972, 1974, 1976, 1978, 1981). В дополнение были созданы методические руководства и дидактические материалы. В 1990 г. для студентов была издана «Методика преподавания русского языка в 5–9-м классах бурятской школы».

По программам, учебникам и другим пособиям по русскому языку, подготовленным с участием Ж. С. Сажинова, бурятская школа работала около 30 лет. За 44 года работы в вузе (1952–1996) опытный методист и превосходный знаток русского и бурятского языков подготовил несколько тысяч учителей словесности высшей квалификации [3].

В прекрасной статье о Жамсаране Сажиновиче, написанной одним из его талантливых и благодарных учеников, профессором С. М. Бабушкиным, «Мой учитель Жамсаран Сажинович Сажинов», и во многом идентичной, помещенной в книге «Доктора и профессора БГПИ—БГУ (1932–2012)», видимо, этого же автора, которые достаточно активно использованы нами в данном очерке, подчеркивается мысль о величайшем профессионализме и интеллигентности Ж. С. Сажинова. «Опытный педагог, — говорится в них, — неустанно учил студентов самостоятельно добывать знания, развивать педагогическое мастерство, вырабатывать наблюдательность, умение самостоятельно мыслить и т. д. Собранность, аккуратность и организованность — отличительные черты характера, стиля жизни и творческой деятельности Ж. С. Сажинова. Этот стиль он стремился передать и своим воспитанникам, будущим педагогам».

В январе 2013 г. в Бурятском государственном университете состоялась научно-практическая конференция, посвященная 100-летию профессора Ж. С. Сажинова. На конференции отмечался большой вклад профессора в разрешение проблем языкознания и методики обучения. Профессор Ц. З. Доржиев, первый проректор БГУ, подчеркнул тогда, что благодаря его учебникам несколько десятков поколений учеников национальных школ получили возможность грамотно писать и говорить по-русски. В итоге буряты оказались более грамотными по русской письменности, чем носители языка. Сегодня, к сожалению, многие молодые буряты не знают родного языка. Это, конечно, парадокс, рождающий негативные последствия. Жамсаран Сажинович был истинным патриотом своего

народа, гражданином своей страны» [4].

Многолетняя подвижническая деятельность Ж. С. Сажинова сыграла большую роль в духовном развитии народа Бурятии и других национальных регионов Сибири.

Как показывает последняя перепись, в Бурятии 99,7% населения владеет русским языком. Практически все бурятское население знает и использует в своей жизнедеятельности русский язык. Сегодня предпринимаются в республике усилия по более широкому приобщению, особенно молодежи, к бурятскому языку, по развитию билингвизма. Материалы указанной переписи сообщили и о том, что буряты стали вторым (после осетин) по образованности народом России. Показатель 237 человек с высшим образованием на 1 000 человек, выше только у осетин — 299 человек.

Разумеется, эти два факта взаимосвязаны. В этом огромная заслуга Ж. С. Сажинова, его сподвижников, учеников, да и всех граждан Бурятии.

Профессор Ж. С. Сажинов бывший воин-фронтовик, читал студентам языковедческие курсы, писал учебники и книги по методике преподавания русского языка в школе и вузе. В праздники брал в руки хуур и, несмотря на свой 80-летний возраст, легким движением смычка извлекал из любимого в народе инструмента волшебные, чарующие звуки, утверждающие мир и добро.

Литература

1. Бабушкин С. М. Мой учитель Жамсаран Сажинович Сажинов // Актуальные проблемы языкознания и методики преподавания языков: материалы рег. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию Ж. С. Сажинова (Улан-Удэ, 22 января 2013 г.). Улан-Удэ: Изд-во Бурят. госун-та, 2013. С. 9.

2. Сажинов Жамсаран Сажинович // Доктора наук и профессора БГПИ–БГУ (1932–2012) / Бурятский госуниверситет; науч. ред. С. В. Калмыков; сост. С. В. Калмыков, Ц. З. Доржиев, С. М. Бабушкин, А. Г. Малгатаева. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. госун-та, 2012. С. 197–199.

3. Бабушкин С. М. Указ. соч. С. 12.

4. Доржиев Ц. З. Человек своего времени (вместо предисловия) // Актуальные проблемы языкознания и методики преподавания языков: материалы рег. науч.-практ. конф., посвященной 100-летию Ж. С. Сажинова (Улан-Удэ, 22 января 2013 г.). Улан-Удэ: Изд-во Бурят. госун-та, 2013. С. 6.

РОВЕСНИК ОКТЯБРЯ

Член-корреспондент РАН М. Н. Руткевич

Имя Михаила Николаевича Руткевича широко известно среди российских, советских и зарубежных философов и социологов. Он является крупным специалистом в области философского учения о бытии, теории и методологии познания, теоретической социологии, социальной структуры. М. Н. Руткевич — ровесник Октября. Родился в Киеве в 1917 г. в семье учителей. В 1939 г. с отличием закончил физико-математический факультет Киевского государственного университета, после чего служил в Советской Армии. Участник Великой Отечественной войны. Уволен в запас в 1945 г. в звании старшего лейтенанта. Награжден 4 орденами и 12 медалями. «Именно на фронте, — говорил он, — я полностью убедился в том, что несмотря на все издержки, включая массовый террор, политика партии, Сталина, сумевших подготовить страну к обороне от более сильного агрессора и выиграть ценой невероятных жертв войну, была в основном правильной».

На Урале. С 1945 г. М. Н. Руткевич — в Свердловске. Первоначально работал в лаборатории на военном заводе. Одновременно выступал с лекциями о причине победы в Великой Отечественной войне и заочно сдавал экзамены на историческом факультете. По предложению секретаря Свердловского горкома ВКП(б) Д. И. Чеснокова перешел работать лектором ГК партии и одновременно поступил к нему в заочную аспирантуру по философии. Работу над диссертацией «Практика и основа познания и критерий истины» завершил в Академии общественных наук при ЦК ВКП(б) (1949–1950), защитив ее в 1950 г. В 1952 г. диссертация была издана в виде монографии издательством Госполитиздат (244 с.). С 1950 по 1953 г. работал в Свердловском пединституте, организовал там в 1952 г. кафедру философии. С 1951 г. по совместительству работал в Уральском государственном университете.

Первый декан философского факультета УрГУ. В 1953–1966 гг. заведующий кафедрой философии УрГУ, с 1966 по 1972 г. — декан организованного по его инициативе философского факультета Уральского гос-

ударственного университета. Факультет со временем превратился в крупный центр развития философской мысли на Урале. Михаил Николаевич много сил и времени отдавал подготовке квалифицированных философов для Урала и Сибири, развитию научных исследований.

В 1972–1976 гг. М. Н. Руткевич — директор Института социологических исследований АН СССР в Москве, в 1972–1978 гг. — профессор Академии общественных наук при ЦК КПСС, в 1978–1990 гг. — заведующий кафедрой философии Академии народного хозяйства при правительстве СССР. В последующие годы он являлся главным научным сотрудником Института социально-политических исследований РАН. М. Н. Руткевич много сделал как организатор научных исследований, автор и ответственный редактор ряда коллективных фундаментальных трудов.

В 1960 г. ему было присвоено звание профессора. В 1961 г. он защитил докторскую диссертацию в Институте философии АН СССР, в 1970 г. избран членом-корреспондентом АН СССР. Являлся членом бюро отделения философии, социологии, психологии и права РАН, с 1976 г. до самой смерти — член редколлегии журнала «Социологические исследования». Скончался 16 июля 2009 г.

Круг исследовательских интересов М. Н. Руткевича весьма широк. Им разрабатывался целый ряд внутренне связанных между собой научных направлений.

Исследования в области философии. В трудах по теории познания, с которых начиналась его исследовательская работа и была защищена (1950) кандидатская диссертация, основное внимание было уделено диалектике взаимосвязи практики и познавательной деятельности человека, а также внутренней диалектике процесса развития познания в онто- и филогенезе. Получили разработку на материале современного естествознания и общественной жизни такие важнейшие проблемы гносеологии, как роль практики как основы познания, источника его исторического развития и критерия истины, выяснение специфики действия этого критерия в различных областях науки — от теоретической физики до социально-политических учений. Коренное положение материализма о сознании как отражении реального мира, развитое философией Маркса, получило в трудах М. Н. Руткевича дальнейшее обоснование на базе обобщения данных современной физиологии как продолжение и развитие опережающего отражения в психике высших животных, а также обобщения социально-политической практики планомерного развития экономики и культуры на советском этапе отечественной истории.

В трудах по теории диалектики как общей теории развития и наибо-

лее адекватному реальности методу познания внимание М. Н. Руткевича было сосредоточено на объективной диалектике процессов природы, раскрытых естествознанием XX века, таких как периодичность повторения известных черт в процессе развития, и в этой связи о пределах применимости гегелевского закона отрицания отрицания, о закономерностях прогрессивного развития в природе и истории общества; о противоречиях общественного развития на разных этапах истории российского общества: советского, «перестройки», «постперестройки»; о взаимосвязи противоречия и социального конфликта и т. д. Особое внимание автора было привлечено к созданию системы категорий диалектики, установления связи между ними, о применении диалектики в качестве метода познания общественных процессов, в частности, критике современных разновидностей эклектики, прикрываемых терминологией постмодернизма в философии и социологии.

Обобщение, авторские разработки в обеих указанных областях получили свое применение в курсах лекций по диалектическому материализму, прочитанных автором на физико-математическом, а затем на философском факультетах Уральского университета. Таковые были изданы в Москве: в 1958 и 1960 г. («Диалектический материализм. Курс лекций для естественных факультетов» и в 1973 г. «Диалектический материализм. Курс лекций для философских факультетов»). Кроме того, М. Н. Руткевич — один из авторов «Краткого очерка по истории философии». Эти учебники имели широкое распространение в СССР, были переизданы во многих странах, по ним учились десятки тысяч студентов и аспирантов. В 90-е гг. эта работа была продолжена с учетом новейших данных науки и глубоких изменений в жизни российского общества. В 1995 г. вышла в свет в Москве монография в соавторстве с И. Я. Лойфманом «Диалектика и теория познания».

Важнейшее место в научном творчестве М. Н. Руткевича принадлежит начиная с конца 50-х гг., когда стала возрождаться социология в нашей стране, организации эмпирических исследований на Урале и их теоретическому обобщению. Основными проблемами в то время были: подъем культурно-технического уровня трудящихся, проблемы жизненного самоопределения молодежи, социальная мобильность вообще, вертикальная мобильность молодежи — в особенности. Эти исследования нашли обобщение в ряде книг (см. список литературы) и подготовили обращение автора к общим проблемам теории социальной структуры общества. Обобщение высказанных по этой проблеме идей нашло воплощение в ряде коллективных монографий, изданных в Свердловске в качестве се-

рии научных трудов, а затем в Москве в совместном с польскими научными работниками труде об изменениях в социальной структуре общества в СССР и Польше. В 80-е и 90-е годы в статьях автора прослеживались процессы трансформации социальной структуры советского, а затем российского общества, причем особое внимание было уделено процессам социальной поляризации и деградации социальной структуры, нарастанию противоречий между социальными группами, появлению новых слоев, критическому анализу теорий «среднего класса».

Указанные направления на протяжении всей творческой монографии М. Н. Руткевича были тесно связаны, что определило его обращение в последние 2-3 десятилетия к проблемам теоретической социологии. Это: вопросы структуры социологической теории, ее методологии, разработки системы социологических категорий, природы общественного мнения, взаимодействия объективных и субъективных факторов в социальных процессах и в социологическом исследовании, в том числе при опросе респондентов и т. д. Этим проблемам посвящены такие обобщающие труды, как «Диалектика и социология» (М., 1980) и «Макросоциология. Методологические очерки» (М., 1995).

Что такое интеллигенция? Учитывая характер данного издания, хотелось бы отметить интерес М. Н. Руткевича к феномену «интеллигенция». Разрабатывая проблемы социальной структуры, развивая представления о ее видах и о месте в ней социально-классовой структуры, о критериях социально-классовых различий, М. Н. Руткевич не забывал об интеллигенции, характеризуя ее как особую социальную группу. Подвергал анализу изменения в ее составе, социальную роль на разных этапах истории советского (российского) общества. Важным в исследовании интеллигенции явился новый подход к трактовке интеллигенции, предложенный М. Н. Руткевичем. До 1960-х годов к интеллигенции относили всех лиц, занятых интеллектуальным трудом, независимо от его сложности. В 1966 г. М. Н. Руткевич предложил категорию работников умственного труда разделить на две группы: интеллигенция в узком и интеллигенция в широком смысле слова. «Под интеллигенцией (в узком, непосредственном смысле) в социалистическом обществе мы понимаем, — писал автор, — социальную группу, слой, состоящий из лиц, профессионально занимающихся высококвалифицированным умственным трудом, требующим специального среднего или высшего образования». В основу данного определения был положен признак — содержание труда (умственный). Особенностью труда интеллигенции является то, что в общественном его разделении она связана

с умственным трудом, причем высококвалифицированным, требующим специального среднего или высшего образования. Сравнительно близким к данному подходу является подход В. С. Семенова (о нем пойдет речь позже)

Определение М. Н. Руткевича интеллигенции нашло широкое применение в среде ученых. Попутно заметим, что вплоть до начала 80-х годов нравственная сторона в определении интеллигенции еще не рассматривалась, а если и отмечалась, то как несущественный признак. В сущности в трактовке интеллигенции всецело доминировал социологический подход, т. е. тот, который предложил М. Н. Руткевич в монографии «Интеллигенция развитого социалистического общества». Проблемы интеллигенции нашли свое осмысление во многих книгах, статьях, выступлениях на научных конференциях. Его доклад «Интеллигенция и власть» был в числе первых, открывавших международную научную конференцию («Байкальская встреча») «Интеллигенция: проблемы гуманизма, народа, власти», состоявшуюся в сентябре 1994 г. в Улан-Удэ на базе Бурятского государственного педагогического института им. Доржи Банзарова. В 2000 г. М. Н. Руткевич прислал текст своего доклада «Место интеллигенции в социальной структуре общества» на конференцию «Интеллигенция в судьбах России на рубеже XX и XXI веков» (29 июня 2000 г.). Он большое внимание уделял подготовке научных кадров. У него были аспиранты из Сибири, Бурятии. Помнится, он как-то прислал письмо с просьбой помочь консультациями его аспиранту из Бурятии Цыбикову Т. Г., который пишет диссертацию на местном материале. Мы встретились с Т. Г. Цыбиковым, побеседовали. Оказалось, что соискатель Михаила Николаевича располагает необходимым материалом, владеет методами исследования и вообще-то может обойтись без моей помощи. Через некоторое время он успешно защитил в Москве диссертацию и вскоре возглавил Министерство культуры и информации в Бурятии.

Список изданных трудов М. Н. Руткевича , превышает 450 названий. Ниже указаны некоторые из этих трудов.

Диалектический материализм. М., 1973; Диалектика и социология. М., 1980; Диалектика и теория познания. М., 1995 (в соавт.); Макросоциология: методологические очерки. М., 1995; Основы гносеологии. Екатеринбург. 1997 (в соавт.); Интеллигенция развитого социалистического общества в СССР. М., 1977; Становление социальной однородности. М., 1982; Общество как система. М., 2001; Социальная структура. М., 2004 и др.

В 1997 г. Вестник Бурятского государственного университета. Философия, Социология, политология,

культурология (Сер. 5. Вып. 1) под рубрикой «Поздравляем с юбилеем» опубликовал нашу статью «М. Н. Руткевичу 80 лет» (с. 150–154).

ИЗ ЖИЗНИ ЗЕМНОЙ В ЖИЗНЬ ВЕЧНУЮ

Иоанн Павел II и его беатификация

Иоанн Павел II — необычная личность. Он почти три десятилетия стоял во главе преобладающей части христианского мира. Оказывал огромное влияние на духовную, нравственную, политическую атмосферу всех континентов земли. Своей неутомимой, подвижнической деятельностью во имя мира, гуманизма, человека, он снискал глубокое уважение, любовь сотен миллионов людей, вызвал огромный интерес к своей незаурядной, всемирно почитаемой личности. Автору этих строк не посчастливилось встречаться с Иоанном Павлом II, слышать его глубокие, спокойные, убеждающие проповеди, речи. Зато выпала честь быть среди тех, кто провожал его из жизни земной в жизнь вечную. Эти проводы — прощание (беатификация) состоялись 1 мая 2011 г. в Риме, в Ватикане. О личности Иоанна Павла II и его беатификации и пойдет речь в данной статье.

Путь в Рим. В середине апреля 2011 г. мне позвонила Мария Ивановна Иванова, председатель польской культурной автономии «Наджея»: «В конце апреля — начале мая в Риме состоится беатификация Папы Римского Иоанна Павла II. Из Польши пришло приглашение принять участие в этом мероприятии. В России формируется группа (делегация) для поездки в Ватикан. Из Бурятии в эту группу включены Вы («то есть я») и Геннадий Карпович Ханхасаев». Спросила о моем мнении по поводу поездки. Я, естественно, согласился. Давно хотел побывать в Риме, Ватикане. Правда, имел лишь самое общее представление о том, что такое «беатификация».

Пришлось заглянуть в словарь, интернет. Оказывается, беатификация в католической церкви — это акт причисления к числу блаженных, который совершается римским Папой. Это первая, низшая ступень в процессе подготовки к канонизации, т.е. приобщению умершего (в данном случае Иоанна Павла II) к лику святых. Умер Иоанн Павел II шесть лет назад, 2 апреля 2005 г.

После оформления необходимых документов мы с Геннадием Карповичем, юристом, бывшим транспортным прокурором в Иркутске, эрудированным собеседником, отправились в Москву, а из Москвы в Брест, где присоединились к основной части группы, которая формировалась в Санкт-Петербурге и 28 апреля на специальном автобусе двинулись через Польшу, Словакию, Венгрию, Австрию, Словению в Италию. Поездка была очень интересной. Побывали в городке Видовице, родине Иоанна Павла II, на экскурсии по Будапешту, в итальянском городе Ассизи, известном своими средневековыми достопримечательностями. А 30 апреля поздно вечером наш автобус, тяжело «дыша», медленно поднимался к гостинице, расположенной на достаточно крутой возвышенности на окраине Рима.

Утром 1 мая этим же автобусом наша группа доехала до ближайшей станции метро, а оттуда — поездом римского метрополитена до Ватикана.

На Площади Святого Петра. Пройти на площадь Святого Петра поближе к базилике (собору) Святого Петра, где проходила торжественная месса, удалось не сразу. Хотя оттуда, где мы стояли, было видно и слышно почти всё, что происходило на площади. На автора этих строк наибольшее впечатление произвело огромное количество людей. Все площади, улицы, проулки Рима были заполнены людьми. С разноцветными транспарантами, лозунгами, шарами. Казалось, что ты находишься посредине огромного бушующего океана. Настолько плотной была разноязычная масса людей, что попытки самостоятельного движения в первой половине дня были просто бессмысленны. В какое-то время казалось, что ты теряешь сознание. Благо, что рядом оказалась мраморная, холодная колонна, к которой можно было прислониться. В Вечный город на торжества в честь беатификации Иоанна Павла II, по данным римских властей, приехало более миллиона паломников. Да значительная часть населения самого Рима (без пригорода), насчитывавшее около 3 млн человек, тоже не сидела дома. Открытие торжественной мессы состоялось в часов 10. Папа Римский Бенедикт XVI на площади Святого Петра перед Ватиканской базиликой открыл торжественную мессу, которая шла достаточно продолжительное время. Затем состоялась церемония, во время ко-

торой он провозгласит Кароля Войтылу блаженным.

«Шесть лет назад мы собрались на этой площади на погребение Папы Иоанна Павла II, — заявил Бенедикт XVI в своей проповеди. — Наша скорбь и утрата были глубоки, но еще глубже и сильнее было чувство невероятной милости, объявшей Рим и весь мир, милости, которая была плодом всей жизни моего возлюбленного предшественника, и особенно его свидетельства через страдание. Уже тогда мы ощущали благоухание его святости, и народ Божий чтил его. Именно поэтому, при всем уважении к каноническим нормам, я хотел, чтобы дело о беатификации продвигалось вперед с разумной поспешностью. И вот, наконец, наступил тот день, которого мы ждали, он наступил быстро, потому что так благоволил Господь: Иоанн Павел II — блаженный!» — провозгласил понтифик.

Церемония беатификации. После произнесения формулы беатификации на фасаде базилики Святого Петра был развернут гигантский портрет Иоанна Павла II и прозвучал гимн Те Дейт. Торжественную службу можно было наблюдать как на самой площади Святого Петра, так и на других площадях Рима, где были установлены большие экраны.

После исполнения гимна Бенедикту XVI поднесли чашу с кровью Иоанна Павла II. Кровь была взята врачами во время болезни покойного Папы для возможного переливания, но так и не использована. Обработанная антикоагулянтами кровь сохраняет жидкую форму и позже была выставлена в храме Св. Петра для поклонения верующих. Поцеловав серебряный реликварий, содержащий кровь Кароля Войтылы, Бенедикт XVI передал его французской монахине Мари Симон-Пьер, чудесное исцеление которой стало одним из оснований для беатификации Папы.

Следует отметить, что торжества в честь беатификации начались ещё 29 апреля. В этот день гроб с телом покойного был вынесен из склепа базилики Святого Петра, куда он был помещен во время похорон 8 апреля 2005 г. и в конце церемонии беатификации (1 мая) был установлен перед алтарем Ватиканской базилики для поклонения верующих. За ночь с 1 по 2 мая мощам и реликвиям (ампула с кровью) нового блаженного пришло поклониться более 250 тыс. человек. В числе участвующих в этой церемонии были и мы, представители Бурятии. 2 мая гроб с телом Иоанна Павла II был водворен на место окончательного упокоения в часовне Святого Себастьяна у входа в собор Святого Петра близ знаменитой скульптуры Микеланджело «Пиета».

Три дня продолжались торжества по случаю беатификации. Они были насыщены молитвенными службами, встречами, выступлениями духовных деятелей, теологов, мастеров искус-

ств, обменом духовным опытом и созерцанием.

Эти мероприятия проходили в разных местах Рима. Так, судя по ватиканской печати, 30 апреля на территории древнеримского Большого цирка прошла вечерняя служба-вигилия — в честь Иоанна Павла II, на которую собралось около 200 000 верующих. В службе приняли участие люди, близко знавшие Кароля Войтылу, которые рассказали о нем собравшимся.

Перед верующими выступили личный секретарь покойного понтифика кардинал Станислав Дзивиш и бывший глава ватиканской пресс-службы Хоакин Наварро-Вальс. Пресс-секретарь рассказал о ранее малоизвестных фактах биографии Иоанна Павла II: что Папа еженедельно приступал к таинству исповеди и что он лично читал письма от верующих со всего мира в своей домовой часовне, после чего подолгу молился.

На богослужении также выступила уже упоминавшаяся 48-летняя француженка сестра Мари Симон-Пьер, рассказавшая, как она и весь ее монастырь молились, чтобы Папа исцелил ее от тяжелой формы болезни Паркинсона — заболевания, от которого долгие годы страдал сам, и их молитвы, как она утверждает, были услышаны. Тяжелая болезнь необъяснимым образом перестала её беспокоить спустя 2 месяца после смерти Иоанна Павла II. Это было подтверждено и специальной врачебной комиссией.

В Соборе Святого Петра. Выступления, встречи, беседы продолжались и в последующие дни. В промежутках между проходившими духовными мероприятиями мне удалось вторично посетить собор Святого Петра, о котором раньше много слышал, читал. Действительно, храм Святого Петра — это великое творение разума и рук. По своим размерам и великолепию его трудно с чем-то сравнить. Собор Святого Петра — одна из крупнейших построек Ватикана, самый большой христианский храм мира, он может вместить около 60 тыс.человек, купол собора составляет 132 м в высоту. Собор является также самым высоким во всем мире. Но это не только величайший храм, но и непревзойденное произведение искусства. Здесь столько скульптур, картин, что, зайдя в храм, даже трудно выделить что-то главное, более величественное. Здесь всё взаимосвязано, всё поражает, всё восхищает. Выразить словами увиденное трудно. Это надо видеть.

Выйдя из храма, человек невольно ловит себя на мысли о дисгармонии, неразумности, абсурдности окружающего мира. Мира, где талант, знания направлены не на приумножение красоты, человечности, гармонии, а на их уничтожение, на создание средств убийства, унижения че-

ловека, где ведутся войны, плетутся интриги, где банальная ложь выдается за высшее искусство политики.

На этом фоне резко контрастирует, возвышается величественная фигура Иоанна Павла II, мыслителя, миротворца, гуманиста. Не обязательно быть католиком, православным, мусульманином, ..., чтобы исповедовать и утверждать понятия свободы, мира, равенства, счастья, любви, превратив их в смысл своей жизни. Но случилось именно так, что эти и другие близкие им по духу категории составили кредо жизни и деятельности католика Иоанна Павла II. Может быть, и умер ницшеанский Бог, но, как видим сегодня, и здесь живет Бог Иоанна Павла II, Бог всего верующего мира, бытие которого — высшие духовно-нравственные добродетели человека и человечества.

Вспоминается один забавный случай. Как-то (была осень 1994 г.) идя по коридору ИПК МГУ, вижу на стене слева большими черными буквами начертано: «Бог умер. — Ницше». На следующий день под этой надписью появилась ещё одна, начертанная такими же огромными буквами: «Ницше умер. — Бог». На третий день всё исчезло. Хозчасть МГУ подвела итоги полемики. Есть Бог или нет Бога, решает каждый самостоятельно. Но быть высоконравственным гражданином обязан каждый.

Личность Иоанна Павла II. Что же представляет собой личность Иоанна Павла II? В чем секрет огромного к нему интереса и его почитания? В чем проявилась его интеллигентность?

Родился Кароль Юзеф Войтыла (польск. Karol Jozef Wojtyla) 18 мая 1920 г. в городе Вадовице около Кракова. Он был младшим из троих детей в семье. Отец его был кадровым военным (капитаном польской армии), позже железнодорожным служащим. Мать — учительница, по происхождению с Холмщины, согласно ряду источников русинка или украинка. Возможно поэтому будущий Римский Папа любил и уважал православие и считал, что христианство должно дышать двумя легкими — западным и восточным.

Когда Каролю исполнилось 8 лет, умерла его мать, а в 12 лет он потерял старшего брата Эдмунда.

Воспитание личным примером. Заботы о сыне всецелом легли на плечи отца. Личным примером капитан Войтыла учил Кароля принципам самовоспитания. Прежде всего он определил их режим дня. Когда мальчик начинал занятия в 8 часов утра, они вставали заблаговременно, чтобы успеть вместе помолиться. Сделать утреннюю гимнастику и позавтракать, затем Кароль стал миниатрантом, прислуживающим во время богослужения, и они вдвоем в 7 утра принимали участие в св. Мессе.

После занятий отец и сын вместе обедали в ближайшей столовой, после чего были два часа для игр или спорта, а затем Кароль делал домашнее задание. Вечером отец готовил ужин, после которого они шли на прогулку, вместе молились на розарии (четках), и перед сном читал Библию и другие книги.

Опорой для Кароля был сильный и благородный характер отца.

В 1938 г., окончив классическую гимназию в Вадовице, Кароль поступил на философский факультет Ягелловского университета в Кракове, где изучались философия, литература, филология народов Польши. Писал стихи, участвовал в драмкружке. Прошел вводный курс русского языка и курс церковнославянской письменности.

В условиях фашистской оккупации. Нападение фашистской Германии на Польшу, ее оккупация разрушили планы Кароля Войтылы. Оборвалась его учеба в университете. Время оккупации — это страшные годы фашистского террора. Высшие и средние школы были закрыты. Уничтожались библиотеки и все следы польской культуры.

Особенно преследовали польских интеллигентов и духовенство, которых оккупанты считали носителями национальной культуры. В концлагеря заключили 3646 польских священников, а еще 2647 расстреляли. Гитлеровская оккупация Польши — это непрерывная полоса террора, уличных отловов людей и угона из в рабство, массовых расстрелов и депортаций в концлагеря.

6 ноября 1939 г. гитлеровцы созвали всех профессоров на встречу с Генеральным губернатором Гансом Франком, которая закончилась вывозом ученых в концлагерь Захсенхаузен. Это не могло не сказаться на взглядах впечатлительного Кароля.

Во время немецкой оккупации в 1940-1944 гг. Кароль был рабочим, шахтером в каменоломне компании Solvay, близ Кракова, затем перешел на содовую фабрику той же компании.

Смерть отца. Выбор Кароля. 18 февраля 1941 г. умер Кароль Войтыла — старший. Кончина отца стала переломом в жизни Кароля. Впоследствии он вспоминал: «К двадцати годам я потерял всех, кого любил. Бог явно готовил меня к моей стезе. Отец был тем человеком, который объяснял мне таинства Божии и помог их постичь». Отец оставил сыну умение ставить себе высокие требования и добросовестно выполнять свои обязанности. После этого момента Кароль окончательно решил, что он не будет ни актером, ни преподавателем, — он будет священником.

В 1942 г. Кароль учился в подпольной католической духовной семинарии. В марте 1945 г., после освобождения советскими войсками Кракова, в Ягелонском университете

возобновились занятия. К новому режиму Войтыла относился крайне осторожно: ещё в 1941 г. в одном из своих писем он писал, что «коммунизм — демагогическая утопия, а у Польши и польских коммунистов нет ничего общего, кроме языка».

Ещё в юности Кароль стал полиглотом и достаточно бегло разговаривал на 8, а по некоторым данным на 13 языках — на родном польском и, кроме того, на словацком, русском, эсперанто, украинском, белорусском, итальянском, французском, испанском, португальском, немецком и английском, а также знал латынь.

В 1946 г. Кароль Войтыла принял сан священника. И отправился в Рим для продолжения богословского образования. Учился в Доминиканском университете на философском факультете. После совершенствования в католических университетах Швейцарии и Бельгии возвращается в Польшу и, вплоть до избрания Папой Римским, занимается духовно-пастырской деятельностью в Кракове.

В Католическом университете в 1953 г. Войтыла защитил на богословском факультете Ягеллонского университета диссертацию о возможности обосновать христианскую этику, исходя из этической системы немецкого философа Макса Шелера. В том же году он возглавил кафедру этики факультета христианской философии Люблинского католического университета. Являлся профессором этики и нравственного богословия.

Автор этого очерка в апреле 2002 г. при участии сотрудницы соцзащиты Люблинского воеводства Беаты Ваницкой побывал в этом университете. Оказалось, что Люблинский католический университет имеет своего «родителя» в России. Дело в том, что до Октябрьской революции в Санкт-Петербурге была Императорская Римско-Католическая духовная академия. После революции она была закрыта. По предложению её бывшего ректора профессора И. Б. Радзышевского при поддержке русской и польской интеллигенции, архиепископов Польши был создан католический университет в независимой Польше. Основная задача вуза — формирование новой католической интеллигенции. Наряду с духовными дисциплинами должны преподаваться различные научные дисциплины в духе гармонии науки и веры. 27 июля 1918 г. университет был открыт. Его первым ректором стал И. Б. Радзышевский.

В годы нацистской оккупации университет был закрыт. После освобождения Польши Советской Армией он был открыт и продолжает работать и сегодня. Как уже отмечалось, в 50-е годы в университете преподавал будущий Папа Римский, после смерти которого его имя было присвоено вузу, что является предметом особой гордости преподавателей и студентов.

Сегодня на 8 факультетах университета обучается около 20 тыс. студентов. По словам ректора профессора Анджела Рышарда Шостека Люблинский католический университет — один из авторитетных вузов не только в Польше, но и в мире в целом.

Кароль Войтыла возведен в кардиналы. 28 сентября 1958 г. Кароль Войтыла был посвящен в сан епископа. Спустя шесть лет он становится архиепископом, митрополитом Краковским. 26 июня 1967 г. Папа Римский Павел VI возвел его в кардиналы. Ему было 47 лет. Он стал самым молодым членом коллегии кардиналов.

Будучи кардиналом, он выступал в защиту своей паствы, стремился противодействовать антинародным акциям существовавшего режима. Во время событий в Гданьске, когда народ вышел на улицы после резкого повышения цен на товары, и на подавление беспорядков были выдвинуты сотрудники милиции и войска, в результате чего несколько человек погибло, Войтыла выступил с осуждением актов насилия со стороны властей и потребовал «права на хлеб, права на свободу ... подлинной справедливости... и прекращения устрашения». Люди увидели в лице Войтылы не только духовного наставника, но и своего защитника.

Не случайно, Кароль Войтыла уже в 1960-е годы был известным, авторитетным человеком не только в Польше, но и в католическом мире в целом. Он в Ватикане был членом постоянной комиссии синода епископов, членом конгрегации по вопросам духовенства, конгрегации восточных церквей и других конгрегаций, членом секретариата епископского церквей и других конгрегаций, членом секретариата епископского синода. В 1973–1975 гг. Папа Римский Павел VI одиннадцать раз приглашал Войтылу в Рим для частных бесед, что свидетельствовало о том, что между ними сложились довольно тесные отношения.

Кароль Войтыла избран Папой Римским. После смерти Папы Иоанна Павла I, который пробыл на папском престоле всего 33 дня, 16 октября 1978 г. на тайном заседании конклава кардиналов новым главой римско-католической церкви был избран Кароль Войтыла, который принял двойное имя — Иоанн Павел II в знак продолжения курса Иоанна XXII и Павла VI.

Следует отметить, что выборы нового папы, как и ожидалось, были трудными. Они продолжались 72 часа. Потребовалось 7 туров голосований, чтобы, наконец, из пресловутой трубы над Сикстинской капеллой повалил белый дым, сигнал об избрании нового понтифика. Пятидесятивосьмилетний польский кардинал стал 264 Папой Римским.

Произошедшие выборы имели свои особенности. Как пишет

И. Р. Григулевич, «С избранием Войтылы впервые с 1523 г. папой стал иностранец. Возраст нового понтифика — для папы почти что юношеский — тоже был необычным явлением для Ватикана. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что новый глава католической церкви является гражданином социалистической Польши».

Церемония инаугурации состоялась 22 октября 1978 г. Его новый титул звучал следующим образом: Епископ Рима, Викарий Христа, Преемник князя апостолов, Первосвященник вселенской церкви; Патриарх Запада, Примас Италии, Архиепископ и Митрополит Римской провинции, Суверен Государства — города Ватикан.

Иоанн Павел II находился во главе римско-католической церкви более 26 лет. За эти годы он проявил себя как выдающийся религиозный деятель, подлинный реформатор, оказавший огромное влияние на духовный мир планеты. Он утверждал на земле идеи гуманизма, мира, свободы, справедливости.

Деятельность Папы. Его неустанная деятельность — борьба была направлена как против тоталитарных идей и их реализации на практике, так и против негативных сторон современной капиталистической системы — политического и социального угнетения народных масс. Его публичные выступления в поддержку прав и свобод человека сделали его символом борьбы против авторитаризма во всем мире.

Не менее значимой является роль понтифика как последовательного миротворца. Он активно выступал против любых войн. Он знал о войне не понаслышке. Польша была первой жертвой Второй мировой войны 1939–1945 гг. Она потеряла в войне 6 млн чел. (по данным польских историков — 7,3 млн) из 24,1 млн населения на 1939 г. В Европе в целом погибло около 40 млн. СССР потерял более 26 млн своих граждан. Иоанн Павел II во время своего визита в Польшу в июне 1979 г. посетил бывший лагерь смерти Освенцим, где гитлеровцы замучили во время войны 4 млн узников разных национальностей.

«Пусть никогда больше не будет войны». Указав на мемориальную плиту с надписью на русском языке, папа отметил, что мимо неё нельзя пройти равнодушно, ибо все знают, какую роль сыграл русский народ «в последней, самой страшной войне за освобождение людей: Освенцим, отметил Иоанн Павел II, — это свидетельство войны, несущей с собой ненависть, уничтожение, зверства. «Пусть никогда больше не будет войны, — закончил он. — Мир, только мир должен руководить судьбами народов и всего человечества».

Иоанн Павел II стремился погасить пламя войны, где бы оно ни воз-

никало. В 1982 г. во время кризиса вокруг Фолклендских островов он отправляется и в Великобританию и в Аргентину, призывая страны к миру. В 1991 г. папа осудил войну в Персидском заливе. Когда в 2003 г. в Ираке снова началась война, Иоанн Павел II отправил одного из кардиналов с миссией мира в Багдад, а ещё одного благословил на беседу с Президентом США Джорджем Бушем, во время которой папский легат передал американскому президенту резко отрицательное отношение Ватикана к американо-британскому вторжению в Ирак. Вся его деятельность полна подобных примеров. Его молитвы, светские выступления были пронизаны антимилитаристским духом, духом сохранения мира.

За преодоление раскола, сотрудничество. Одной из основополагающих идей Папы было единение христианских конфессий, преодоление раскола в христианском мире. В мае 2001 г. он посетил Грецию. Это был первый визит главы римско-католической церкви в Грецию с 1054 г., когда произошел раскол христианской церкви на католическую и православную. Неоднократно делались попытки по налаживанию отношений с Русской православной церковью. Но Иоанн Павел II не только стремился гармонизировать отношения во внутрихристианском мире, он, в отличие от своих предшественников, делал реальные шаги по установлению контактов и налаживанию сотрудничества с другими конфессиями. В 1985 г. он по приглашению короля Марокко Хассана II выступил перед 50-тысячной аудиторией молодых мусульман. В своей речи он призывал к установлению «мира и единства между людьми и народами», составляющими на Земле единое сообщество». В следующем году Папа впервые в истории католической церкви посетил синагогу, где, сидя рядом с верховным раввином Рима, произнес фразу, ставшую одним из наиболее цитируемых его высказываний. «Вы — наши возлюбленные братья и, можно сказать, наши старшие братья». Через много лет, в 2000 г. Папа посетил Иерусалим и коснулся Стены плача, святыню иудаизма, а также побывал в одном из его мемориалов. В мае 2001 года Иоанн Павел II совершил молитву о мире в Дамаске и вошел в мечеть Омейядов.

Нельзя не обратить внимания на его деятельность по улучшению доверия между конфессиями, снятии груза вины, ошибок, совершенных в прошлом со стороны католической церкви. В отличие от своих предшественников Иоанн Павел II впервые публично принес покаяние от лица западно-христианской церкви за преступления времен крестовых походов и инквизиции, за массовое уничтожение протестантов во Франции, во время Варфоломеевской ночи 24 ав-

густа 1572 г., за грехи деятелей церкви (церковные расколы и религиозные войны, «презрение, акты враждебности и умолчания» по отношению к евреям, насильственную евангелизацию Америки и др.) это был мужественный шаг Папы Римского. Никогда в прошлом ни одна религия или конфессия не приносила подобного покаяния. Хотя войн на религиозной почве велось много. К сожалению, подобные войны, террористические акты не прекратились и сегодня. Папа принес извинения за причастность католиков к торговле африканскими рабами.

О роли науки. Будучи широко образованным человеком, Иоанн Павел II высоко ценил роль науки в обществе. Не все решения, которые были приняты церковью в прошлом по отношению к науке, отдельным ученым, разделялись понтификом. Так, он признал ошибочным решение инквизиции в отношении Галилео Галилея. Известно, что в 1630 г. на допросах Галилей вынужден был отказаться от своих взглядов относительно учения Коперника и принести на коленях публичное покаяние в церкви святой Марии. В течение 9 лет он был «узником инквизиции, ему были запрещены разговоры с кем-либо о движении Земли, печатание чего-либо. Папа Иоанн Павел II указал на то, что Галилей в своё время был незаслуженно осужден. Научная истина, говорил понтифик, не должна перед кем-либо отчитываться, как только перед самой собой и верховной истиной — Богом. Высоко ценил вклад в науку Альберта Эйнштейна, который не признавался в прошлом церковью. В 1979 г. Папская академия наук отметила 100-летие со дня рождения Альберта Эйнштейна. С докладом на её заседании выступил лично Иоанн Павел II, в котором было выражено признание вклада ученого в науку, в частности, в познание истины, присутствующей в таинстве мироздания. Эйнштейн, как известно, не был не только христианином, но был агностиком, более того рационалистом, Эйштейн утверждал, что не может вообразить Бога, вознаграждающего или наказывающего созданное им же самим существо. Папа выступил не только в роли покровителя, но и защитника науки.

Он прилагал большие усилия в своём стремлении повысить роль Папской академии наук (ПАН) в познании современного мира и через неё укреплять авторитет и влияние Церкви. В одном из своих обращений к членам ПАН папа сказал (29 ноября 1996 г.) «Одна из задач вашей Академии предоставлять Святому престолу и Церкви по возможности полную и современную картину новейших открытий в различных областях научного знания. Этим вы способствуете росту взаимопонимания между наукой и верой.

В прошлом взаимные недоверия порой определяли эти отношения. К счастью, Церковь и научное сообщество могут сегодня рассматривать друг друга как партнеров в общем стремлении к всё более совершенному пониманию Вселенной, той сцены, по которой человек идет сквозь время навстречу своему трансцендентальному предназначению».

Научные цели Академии лежат в области фундаментальных, естественных и технических наук, а также изучения этических проблем науки. Из результатов деятельности Академии конца XX в. можно отметить сенсационное признание католической церковью дарвинской теории эволюции (с некоторыми оговорками).

В состав ПАН входят выдающиеся ученые из разных стран мира. В настоящее время она насчитывает 80 действительных папских академиков, а также ряд почетных, сверхдействительных членов. В академии состояли М. Планк, Н. Бор, Э. Розерфорд, Э. Шрейдингер, С. В. Хокинг и др. В 1990 г. членом академии стал академик АН СССР Р. З. Согдеев, специалист по физике и плазме и космической физике. С 1994 г. постоянным членом ПАН является академик РАН В. И. Кейлис-Борок, специалист в области прогнозов землетрясений и математической геофизики. В 1996 г. академиком ПАН стал академик РАН С. П. Новиков, специалист в области прикладной математики.

Как свидетельствуют источники, состав академии утверждается Папой исключительно за научные заслуги, при этом не обязательно быть католиком.

В целях развития науки, расширения областей исследования Иоанном Павлом II был открыт ряд новых папских академий. Первой созданной им академией была Папская академия почитания мучеников (февраль 1979 г.). В 1994 г. была открыта Папская академия общественных наук, целью которой является, согласно Уставу, «содействие исследованиям и прогнозу в социальных, экономических и юридических науках в свете учения Церкви». В том же году создается Папская академия в защиту жизни (для продвижения доктрины этики жизни). В 2012 г. открывается Папская академия латыни для поддержания и развития латинского языка и культуры на латинском языке.

За укрепление семьи. Папа стоял на страже семьи, выступал за укрепление нравственного фундамента основной социальной составляющей общества. Католическая церковь при нём сохранила непримиримую позицию в отношении абортов и средств контрацепции. В 1994 г. Святой Престол воспрепятствовал принятию ООН предложенной США резолюции по поддержке планирования семьи.

Понтифик выступал решительно против гомосексуальных браков и эвтаназии, против рукоположения женщин в священники, а также поддерживал целибат. Конечно, с какими-то из установок папы можно не согласиться. Но это, разумеется, не значит, что Иоанн Павел II был консервативным, не чутким ко времени, человеком. Всё, о чем говорится в этой статье, свидетельствует об обратном — о глубине и дальности его видения, новаторстве в деятельности. В семье он видел фундаментальный институт общества, придающий ему стабильность, обеспечивающий воспроизводство поколений с чувством доброты, справедливости, веры и любви. Все, кто писал о папе (а писали и говорили на протяжении более чем 20 лет очень многие) отмечали его исключительную образованность и работоспособность, многообразие интересов. Он был большим любителем и тонким ценителем литературы, поэзии, кино, живописи, спорта. Его образованность, глубокое знание истории церкви, её современных проблем позволили стать выдающимся реформатором католической церкви.

Реформаторская, миротворческая и гуманистическая деятельность. За время его понтификата были разработаны и приняты новые базовые документы католической церкви — две Апостольские конституции, Кодекс канонического права, Кодекс Восточных церквей, Катехизис католической церкви, обновлен Конкордат Ватикана с Италией. Иоанн Павел II автор более 120 философских и богословских работ, 14 энциклик и пяти книг, последняя из которых — «Память и идентичность» (Memory and Identity, 2005) — вышла в свет накануне его последней госпитализации 23 февраля 2005 г. главным же бестселлером стала его книга «Преступить порог надежды» (Crossing the Threshold of Hope, 1994), которая разошлась по миру почти в 20 млн экземпляров.

Понтифик не только своими проповедями, книгами, энцикликами влиял на мировоззрение людей, способствовал укреплению позиций католицизма, утверждал гуманистические ценности, но и в условиях растущей глобализации, усиления противоречий все эти годы своим высоким авторитетом оказывал серьезное влияние на политические отношения в мире, призывал к исключению из жизни мирового сообщества воен, гнета, бедности. Всюду и всегда он выступал в защиту прав человека, против насилия и диктаторских режимов. Его поездки были призваны к установлению связей католиков с иными религиями (в первую очередь с исламом и иудаизмом). Он неустанно призывал к доброте, открытости, любви. «Самая ужасная тюрьма — это наглухо запертое сердце», — говорил он.

В целом за время понтификата Папа совершил 250 пастырских поездок, в том числе 104 зарубежных, посетив около 130 стран. Преодолев путь, который более чем в три раза превышает расстояние от Земли до Луны. Чаще всего он посещал Польшу, США и Францию (по шесть раз), а также Испанию и Мексику (по пять раз). В ходе этих поездок он посетил 1022 города на всех континентах и пробыл за пределами Ватикана в общей сложности 822 сутки. Провел 738 встреч с главами государств.

За этими сухими цифрами — огромный труд, напряжение, воля, немалые риски, опасность. И великое желание сделать мир лучше. Несбывшейся мечтой Иоанна Павла II осталась поездка в Россию. Если после падения коммунизма посещение России стало политически возможным, то в самом христианском мире такие возможности ещё не созрели. Дело в том, что против приезда Папы выступала Русская православная церковь (РПЦ), обвиняя Римско-католическую церковь (РКЦ) в экспансии на исконную территорию православной церкви и требуя отказа от попыток обращения православных в католичество. Автору этой статьи трудно быть компетентным судьей в этом конфликте. Тем не менее ему представляется, что здесь нарушаются конституционные права граждан на свободу совести, свободу вероисповедания (ст. 28). Кроме того, возникает вопрос: может ли существовать в цивилизационном мире закрепление территорий с их населением за теми или иными религиями? Не является ли это анахронизмом?

Правда, в последние годы взаимоотношения между Святым Престолом и Московским патриархом несколько улучшились, но попрежнему остаются до конца не урегулированными. Хотя ещё в 1979 г. (24 января) Папа Иоанн Павел II принял министра иностранных дел СССР Андрея Громыко по его просьбе, что стало беспрецедентным событием. Поскольку дипломатических отношений между СССР и Ватиканом в то время ещё не было. В 1989 г. Папа принял в Ватикане президента СССР М. С. Горбачева, в 2001 г. — премьер- министра России М. М. Касьянова, в 2003 г. — президента России В. В. Путина.

Интересно заметить, что биограф Иоанна Павла II Джордж Вейгел назвал визит Горбачева в Ватикан актом «капитуляции атеистического гуманизма как альтернативы развития человечества». Тем не менее встреча лидеров двух стран стала переломным моментом в дипломатических контактах между СССР и Ватиканом и в процессе возрождения католической церкви в СССР. 15 марта 1990 г. между Ватиканом и СССР были установлены официальные отношения, имеющие дипломатический статус. И уже в апреле 1991 г. был

подписан официальный документ о восстановлении структур католической церкви в России, Белоруссии и Казахстане. А в августе того же года по особому распоряжению М. С. Горбачева более 100 тысяч юношей и девушек из СССР без виз, по внутренним советским паспортам отправились на встречу с Папой римским в Польшу.

Не менее важное значение имели и другие визиты Папы. Так, 21 января 1998 г. была совершена им поездка на Кубу. На встрече с Фиделем Кастро во Дворце Революции в Гаване Папа осудил экономические санкции против Кубы. Одновременно он передал Кубинскому руководителю список из 302 имён кубинских политзаключенных. Кульминацией исторического визита стала месса на площади Революции в Гаване, где собралось около миллиона кубинцев. После этого визита власти Кубы освободили нескольких узников, позволили праздновать Рождество, согласились разрешить въезд на остров новым миссионерам, в целом отношение к церкви стало более либеральным. Встреча в марте 1999 г. Папы с президентом Ирана Мухаммадом Хатами помогла Ирану выйти из международной изоляции.

Покушение на Папу. Состояния здоровья. Надо иметь ввиду, что активная подвижническая деятельность Папы происходила в непростое время. Были неоднократные угрозы в адрес папы, организовывались террористические акты, покушения.

На Папу Иоанна Павла II было совершено 3 покушения. Одно из наиболее опасных совершенно 13 мая 1981 г. членом турецкой ультраправой группировки «Серые волки» Мехметом Али Агджой, которое чуть было не оборвало его жизнь. Одна из пуль (было сделано 2 выстрела) прошла в нескольких миллиметрах от аорты. После того случая знаменитый «папомобиль» накрыли «колпаком» из пуленепробиваемого стекла.

По просьбе Иоанна Павла II Агджа был помилован итальянскими властями и передан в руки турецкого правосудия. Ещё не оправившись после покушения, Папа в 1982 г. встречался с лидером палестинского движения Ясиром Арафатом. Спустя некоторое время он посещает лютеранскую. Церковь в Риме. В 1985 г. на него было совершено новое покушение во время его визита в Португалию. Покушался молодой священник, сторонник ультраконсервативного и реакционного кардинала Лефевра. 12 апреля 1997 г. Иоанн Павел II совершил поездку в очень неспокойный регион в Сараево (Босния и Герцеговина), где говорил о гражданской войне в этой бывшей югославской республике как о трагедии и вызове для всей Европы. На пути папского кортежа были обнаружены мины. А 24 августа того же года Папа как бы наперекор этим опасностям едет в

Париж и принимает участие во всемирном католическом дне молодежи, на который собралось более миллиона юнощей и девушек. 27 сентября он в качестве слушателя присутствовал на концерте рок-звезд в Болонье (Италия).

Тяжелым испытанием для Иоанна Павла II было состояние здоровья: в начале 1990-х гг. он поскользнулся, выходя из душа, и сломал шейку тазобедренного сустава. Чтобы снова встать на ноги, Папа перенес шесть операций. Но самым трудным для понтифика стала поразившая его болезнь Паркинсона. Несмотря на то, что здоровье Папы с годами ухудшалось, он не прекращал активную деятельность. В июне 2001 г., уже будучи тяжело больным, он побывал в Киеве и Львове, где собрались сотни тысяч паломников. В сентябре последовал пастырский визит в Казахстан и Армению. В Ереване совершил богослужение у Вечного огня Мемориала жертвам геноцида Османской империи. В мае 2002 г. состоялся визит в Азербайджан. 12 сентября 2001 г. после терактов в США он призвал президента США Джорджа Буша не допустить преобладания логики ненависти и насилия. 5 ноября 2003 г. понтифик, как уже отмечалось, принял в Ватикане Президента России В. В. Путина.

При этом папа стремился улучшить отношения с Россией, РПЦ. 27 августа 2004 г. Иоанн Павел II направил в дар Русской православной церкви список иконы Казанской Божьей Матери, который хранился в его личной капелле. Написанный в XVIII в., украшенный драгоценными окладом и камнями, он был продан за рубеж, а затем выкупленный и подаренный папе Римскому Иоанну Павлу II, в покоях которого эта икона находилась с 1993 г. Этот дар — свидетельство добрых намерений Папы, Ватикана, возвратиться к искренним отношения с Русской православной церковью. Свободным от недоброго соперничества, которым они были омрачены в последнее десятилетие.

Но приближался роковой 2005 г. В начале года состояние здоровья Папы резко ухудшилось. Он был дважды госпитализирован, причем, во второй раз ему была сделана операция трахеотомии: для облегчения дыхания понтифику была врезана в трахею специальная трубка, которая, однако, практически не позволяла ему говорить. 27 марта Папа попытался обратиться к верующим после Пасхальной мессы из окна Апостольского дворца, выходящего на площадь Святого Петра, но так и не смог произнести ни слова.

Смерть. В субботу 2 апреля 2005 г. в 21 час 37 минут по среднеевропейскому времени в возрасте 84 лет он скончался в своих апартаментах в Апостольском дворце. В предсмертные часы Иоанн Павел II принял соборование. Затем его личный

секретарь польский архиепископ Станислав Дзивиш и украинский кардинал Мариан Яворский отслужили мессу во имя Милосердия Божия.

По заключению ватиканских врачей, Иоанн Павел II умер «от септического шока и необратимого сердечно-сосудистого коллапса» (криза). Смерть Иоанна Павла II всколыхнула весь мир. Не только католиков, насчитывающих 1,25 млрд человек, но и представителей других религий и просто людей независимо от того, верующие они или неверующие. В Италии, Польше, странах Латинской Америки, Египте и многих других в связи со смертью Иоанна Павла II был объявлен трехдневный траур. Бразилия — самая большая в мире католическая страна (120 млн католиков) — объявила семидневный траур, Венесуэла — пятидневный.

На смерть Иоанна Павла II откликнулись миллионы простых людей, многие политические и духовные лидеры мира. Весть о кончине Папы вызвала скорбь во всех слоях общества. По свидетельству обозревателя НТВ Вадима Глускера во время беатификации одна из паломниц в интервью с ним сказала: «Мы приехали всей семьей из Римини (Италия. — *И. О.*) Иоанн Паоло стал за эти годы членом нашей семьи. И сегодня мы здесь, чтобы почувствовать святого в нашем сердце».

Президент США Джордж Буш назвал его «рыцарем свободы». В. В. Путин в телеграмме соболезнования отметил: «Уверен, что роль Иоанна Павла II в истории, его духовное и политическое наследие по достоинству оценены человечеством». Министр иностранных дел Кубы Фелипе Перес Роке заявил: «Куба всегда считала Иоанна Павла II другом, который защищал права бедных, выступал против неолиберальной политики и боролся за мир на планете».

Канонизация Иоанна Павла II. Спустя 3 года после беатификации и причисления Иоанна Павла II к лику блаженных, 27 апреля 2014 г. состоялась канонизации, т.е. причисление его к лику святых. Условиями канонизации являются святая жизнь и проявление чудодейственной силы. Причисленный к лику святых должен обладать тремя богословскими добродетелями — вера, надежда и любовь, а также четырьмя основными — благоразумие, справедливость, мужество и умеренность. Что касается наличности чудодейственной силы, то для канонизации требуется как минимум 2 чуда (по большей части — неожиданных исцелений тяжелобольных). Они должны быть документально доказанными.

В случае с Иоанном Павлом II — это чудесное исцеление французской монахини Марие-Симон-Пьер от болезни Паркинсона и женщины из Ко-

ста-Рики Флорибет Мора Диаз от аневризмы мозга. Оба чуда произошли уже после смерти Иоанна Павла II в 2005 г. и в 2011 г. соответственно.

Решение о канонизации было оглашено действующим Папой Франциском. Месса по этому случаю состоялась 27 апреля 2014 г. Её отслужил лично Папа Римский Франциск. На площади Святого Петра в Ватикане в присутствии 150 кардиналов, почти тысячи епископов и миллиона верующих Папа Иоанн Павел II был официально причислен к лику святых. Отныне в каждой католической церкви он должен признаваться за святого и изображаться со знаками святости (венец, нимб).

Наблюдать за канонизацией можно было на 18 огромных экранах, установленных по всей итальянской столице. Трансляцию канонизации, как и ранее похорон и беатификации, смотрели, если верить СМИ, более 2 млрд человек.

Вся жизнь огромного города в те дни была сцентрирована на имени одного человека, его мыслях, жизни, деятельности. Были перекрыты улицы, закрыто над Римом небо для полетов. Круглосуточно работало метро. Звучали молитвы, речи ...

Выдающаяся личность. В те и в последующие дни появилось много статей и даже книги, в которых подвергается осмыслению Иоанн Павел II как личность, духовный лидер католического мира, политический деятель, мыслитель, интеллигент и просто как человек. Размышляют над этими вопросами не только приверженцы христианских католических взглядов, но и других, в том числе не религиозных мировоззренческих ориентаций.

Так, в 2006 г. в журнале «Вопросы философии» в статье «Наука и религия: взаимоотношения, противоборства, перспективы» известный советский, российский философ, марксист, общественный деятель, главный редактор журнала «Вопросы философии» (1977–1987 гг.) профессор Семенов В. С. пишет: «Надо признать, что скончавшийся в апреле 2005 г. папа Иоанн Павел II (Кароль Войтыла) был действительно выдающейся личностью и великим реформатором. Он решительно повернулся в своих посланиях, речах и выступлениях от одних абстрактных проблем служения Богу и загробной небесной жизни к реальным земным болевым, жгучим и самым актуальным проблемам жизни миллионов страдающих страждущих верующих и вообще людей мира. Осуждая многочисленные пороки капиталистического общества, он последовательно выступал за преодоление разрыва между богатыми и бедными, за обеспечение большей социальной справедливости, за укрепление духовности и нравственности у людей и в их взаимоотношениях. Остро ставил и многие другие волнующие людей

проблемы. Этим он снискал уважение и любовь, большую популярность среди огромных масс верующих и людей во многих странах мира. Он был великий человек и великий прогрессивный деятель. Не то, что избранный после него на пост Папы консервативный, ограниченный и малозаметный немец Фердинанд XVI. Да и не то что наш патриарх Московский и всея Руси Алексии II, который больше повернут к власти, а не к народу, больше озабочен проблемами роста благосостояния церковной иерархии и наращивания имущественный и земельных богатств православной церкви, чем вопиющими проблемами обездоленного, нищенствующего и вымирающего русского, российского народа» (Вопросы философии. 2006. № 6. С. 73–79).

Он был человечным человеком. Несмотря на свой высокий общественный статус, всеобщее почитание верующих, Иоанн Павел II был доступным, простым в общении, независимо от социального положения собеседника. Не был лишен чувства юмора. Как уже отмечалось, был большим любителем кино, живописи, поэзии, спорта. До Иоанна Павла II ни один Папа Римский не присутствовал на рок-концерте (1997), на стадионе, где проходил футбольный матч (2000). До него не издавались компакт-диски с песнями, которые он сам написал и спел.

Занимался спортом. Был хорошим горнолыжником. На лыжи встал с детства. Свою любовь к лыжам сохранил на всю жизнь. По мнению президента Клуба альпинистов Яна Крупского, Кароль Войтыла смело становился на лыжи в непогоду, хорошо ориентировался в горах Татры и всегда имел позитивное настроение. Став римским Папой, катался инкогнито в горах Терминилло, недалеко от Рима. Передают также интересные для главы Римско-Католической церкви слова: «Единственный предмет роскоши, который у меня есть это-хэды, 195, слалом-гигант!» Личный секретарь Папы (в 1997–2005 гг.) архиепископ Мичеслав Мокшицкий вспоминает: «Кроме духовной жизни, он умел наслаждаться и жизнью мирской: гонять на лыжах, гулять в горах, плавать в бассейне и сидеть у костра с молодежью и гитарой. Он был, прежде всего, человеком».

К последним словам хотелось бы добавить, что человечность Папы Иоанна Павла II была сутью его многогранной, духовной, политической, общественной, социальной деятельности. Его человечность была действенной, активной. Она утверждала мир, добро, любовь, веру, счастье.

Увековечивание памяти. Несмотря на непродолжительность времени после смерти Папы во многих странах развернулось движение по увековечиванию памяти о нём. Осо-

бенно это заметно на его родине, в Польше. В этой стране имя Иоанна Павла II носит более 2300 географических объектов и организаций, в том числе 1274 школы. В честь него названы аэропорты в Кракове (Польша), Бари (Италия) и Понта-Дельгада (Азорские острова, Португалия).

В нескольких городах мира установлены памятники Иоанну Павлу II. Самая высокая статуя понтифику высотой 14 метров появилась в польском городе Ченстохове в апреле 2013 г. До этого крупнейшим памятником ему считалась 12 метровая статуя в Чили. В Польше в 2015 г. имелось 700 скульптурных памятников и несколько тысяч других объектов (кресты, обелиски и т.д.) За пределами Польши находится около 200 памятников.

14 октября 2011 г. первый в России памятник Иоанну Павлу II был открыт в атриуме библиотеки иностранной литературы в Москве. О нём создаются фильмы, пишутся книги, статьи. Ему посвящаются конференции.

Как подчеркнул в своем заявлении председатель Палестинской национальной администрации Махмуд Аббас, Иоанна Павла II будут помнить как выдающегося религиозного деятеля, посвятившего свою жизнь защите мира, свободы и равенства».

Иоанн Павел II был необычной личностью. Это был мыслитель, видевший мир диалектически сложным, противоречивым, полным угроз и опасностей и стремившийся сделать его лучше, гуманнее, справедливее. При этом он проявил себя необычайно сильной личностью, свободной от страхов и компромиссов в борьбе за мир против воин, гнета и насилия. В центре его неустанной деятельности была защита человека, его свободы, достоинства. Особое внимание он проявлял к бедным, малым, больным, отверженным, поднимал голос в их защиту. Он был активным поборником науки, знания, пытаясь их соединить с верой в Бога.

Своей любовью к людям, стремлением помочь им стать счастливыми, своим образом жизни Папа Иоанн Павел II снискал глубокое уважение, почитание, искреннее к себе отношение. Не случайно прощание с ним, его похороны, беатификация и канонизация стали одним из самых массовых волнующих событий в истории человечества. По существу весь мир провожал понтифика из жизни земной в жизнь вечную.

НА ЛЫЖАХ. УЛАН-УДЭ – МОСКВА

С. А. Тыхеева

Помнится весна 1966 года. Студенты, преподаватели готовятся к празднику 8 марта. Кругом шумно. В коридоре кто-то из парней громко декламирует:

«Когда бы вы спросили,
Я б вам ответил, что в России
И по походке и с лицом
Все женщины красивы,
достойны кисти и резца».

Я в те годы — секретарь партбюро пединститута, сидел в кабинете (первый этаж истфиловского корпуса), напротив меня — редактор многотиражной газеты «За педагогические кадры» Юлия Ивановна Клочихина. Она готовила праздничный номер многотиражки. Обсуждали, какие статьи, фотографии, стихотворения, рисунки должны быть в газете. «Этот номер — необычный, — говорю коллеге. «Да, да, Иван Иосифович, мы его посвящаем женскому празднику, — соглашается Юлия Ивановна, — я тут и два стихотворения студентки 62 группы Вали Доненко подобрала. Очень хорошие!». «Да, но в институте в эти дни будет еще один праздник» — продолжаю я. 9 марта Софье Ананьевне Тыхеевой, проректору по заочному обучению исполнится 50 лет. Нам нужно подготовить о ней хорошую статью. Софья Ананьевна — это легендарный человек, гордость не только пединститута, но и всей республики. В 30-е годы молодежь рвалась на подвиги: кто-то ставил рекорды по добыче угля, кто — спасал челюскинцев, кто-то — летел на Северный полюс. А Софья Ананьевна со своими подругами через всю пятидесятиградусную Сибирь — в Москву. Шесть тысяч километров!

Вся страна следила за переходом девушек из Бурят-Монголии. С большим энтузиазмом приветствовали лыжниц москвичи. «Вечерняя Москва» в этот день под заголовком «Финиш шеститысячекилометрового похода в столицу Советского Союза» писала: «В их честь гремели овации 32-х тысяч собравшихся на трибунах людей. В их честь — цветы и приветствия. Их приветствует Москва, их

героических девушек Советской Бурят-Монголии, приветствует вся страна… В далекой Бурят-Монголии, стране степей и новостроек, в стране расцветающей творческой жизни бурятского народа, работала каждая из пяти девушек на своем посту: у слесарного станка, на колхозном поле, на машинно-тракторной станции, на студенческой скамье…» [1].

8 марта девушек из Бурят-Монголии приглашают на Торжественное заседание, посвященное Международному женскому дню, в Большой Театр Союза ССР.

Позже Софья Ананьевна напишет: «Мы пришли сюда вместе со знатными женщинами столицы и нашей страны. Председательствующий, открывая торжественное заседание, говорит:

– Сегодня в нашем зале присутствуют гости столицы, участницы пеше-лыжного перехода Улан-Удэ — Москва, завершившие переход к Международному женскому празднику. Пригласим дорогих гостей в президиум.

Весь огромный зал Большого театра стоя приветствует бурной овацией. Мы страшно волнуемся, когда проходим через зрительный зал на сцену. В президиуме горячо приветствуют нас Надежда Константиновна Крупская, вожак болгарских коммунистов Георгий Димитров, писательница героической Испании Мария Тереса Леон, знатные женщины страны: профессор Бабаева, ткачиха с Трехгорной мануфактуры Дуняшина, прославленная колхозница Егорова и многие другие.

Я смотрю со сцены на переполненный зал, балконы, ярусы Большого театра и огромная радость переполняет сердце. Сон это или явь? [2].

10 марта 1937 г. С. А. Тыхеева и ее подруги были приняты в Кремле. Здесь им М. И. Калинин вручил орден «Знак Почета».

Эти воспоминания я привел по книге С. А. Тыхеевой «95 незабываемых дней. Документальная повесть».

Но вернемся к прерванному разговору с Ю. И. Клочихиной (накануне 9 марта 1966 г.) о том, что не только этот переход, но и вся последующая биография С. А. Тыхеевой — это тоже подвиг.

И Юлия Ивановна отправилась к Софье Ананьевне за интервью. А я позвонил ей, чтобы не отказалась рассказать о своей жизни.

После возвращения редактора и нашей совместной доработки статья с фотографией Софьи Ананьевны была опубликована. Правда, для того, чтобы газета вышла вовремя пришлось нам идти к цензору и ехать в Иволгинскую типографию. Ниже приводим текст статьи.

Большая любовь к жизни. Невысокая, с умным взглядом темных глаз, приветливо, не торопясь, она разговаривает с посетителями. А их приходит много за день. Студенты-заочники

идут к Софье Тыхеевой за советом, за помощью, получая от своего учителя ответы на самые различные вопросы.

А в эти дни особенно оживленно в заочном отделении института. Друзья, коллеги поздравляют Софью Ананьевну с пятидесятилетием со дня рождения.

С трудом веришь, что этой энергичной женщине, умеющей по-девичьи смеяться, радоваться всему хорошему, исполнилось пятьдесят лет.

– Расскажите о себе, — просим мы ее. И Софья Ананьевна рассказывает. Богата, наполнена поистине героическими событиями жизнь этой женщины. Здесь мало целой книги. Но о себе она говорит скупо.

Как реликвию, хранит она письма друзей, фотографии, вырезки из газет. В них ее жизнь, нелегкая, но счастливая юность. Март 1936 года. Вся наша страна, весь советский народ приветствовали участников героического пеше-лыжного перехода Улан-Удэ — Москва. Радио, газеты говорили, писали в те дни с восторгом и восхищением о девушках Бурят-Монголии, совершивших беспримерный переход из далекой Сибири в столицу нашей родины Москву. Среди них и была Софья Ананьевна, Соня.

Волевая, мужественная, Соня своей отвагой вдохновляла подруг. «Только вперед, только к цели»» — таков был их девиз. За 95 дней шесть тысяч километров прошли сквозь сибирские пятидесятиградусные морозы, пурги, и бураны девушки Бурятии. Родина по заслугам оценила их подвиг.

Тридцать лет прошло с тех пор, но народ Бурятии бережно хранит память тех дней, когда страна горячо приветствовала советских спортсменок.

Страна строила социализм, уверенной поступью шла вперед, к счастливому будущему и вместе с ней мужал и закалялся характер Сони. Она хорошо помнит трудные годы 2-й пятилетки. В числе лучших выпускников ФЗУ (первых в Бурятии) Соню направляют на работу на только что открывшийся паровозовагонный завод. Вскоре о Соне стали говорить, как о лучшем слесаре, как о стахановке инструментального цеха.

Девушка отличалась удивительным трудолюбием, неиссякаемой энергией и жадным интересом ко всему.

В 1944 г. Софья Ананьевна закончила Бурятский педагогический институт и была направлена на работу учителем истории в одну из школ города. С тех пор Софья Ананьевна Тыхеева неизменно трудится на ниве просвещения.

С 1961 г. Софья Ананьевна работает у нас проректором по заочному обучению.

Заслуженным авторитетом пользуется Софья Ананьевна среди коллектива.

Очень хорошо, искренне, от души, любя свою необыкновенную маму, пишет старшая дочь Софьи Ананьевны Дарима в своей стенной газете «Семья»:

«– Когда над Байкалом стояла весенняя оттепель и весело стали щебетать птицы, в Средне-Устинске 9 марта 1916 года родилась наша мама. Детство мамы проходило в тяжелых условиях.

Юность — интересная красивая, насыщенная трудовыми делами, учебой без отрыва от производства.

В годы второй пятилетки мама работала на ЛВРЗ слесарем. Она участница выпуска первого паровоза на заводе.

В годы Великой Отечественной войны мама училась в пединституте, после окончания которого 22-й год бессменно работает в системе народного просвещения.

Наша мама постоянно заботиться о нас, чтобы нам всегда было хорошо и радостно.

Сегодня, в день ее пятидесятилетия, мы выражаем нашу большую сердечную благодарность дорогой нашей маме за все ее материнские заботы и внимание. Желаем ей отличного здоровья, бодрости, счастья и радости в жизни».

За многие годы совместной работы я много раз встречался с Софьей Ананьевной на собраниях, всякого рода заседаниях, просто вместе беседовали. Как руководитель (она 13 лет работала проректором по заочному обучению) Софья Ананьевна была строгой, требовательной, хорошо знающей свое дело. Она любила дисциплину, порядок. Иначе нельзя было. Заочное обучение — это целый большой самостоятельный институт, только требующий бóльших усилий, организации. Кроме составления учебных планов, расписания занятий, ведения разной документации, здесь каждый раз (сессию) нужно добиваться приезда заочников на занятия, решать проблемы жилья, места занятий, практики и многое другое. Это всегда требовало немалых усилий, энергии, умения предвидеть, спланировать. Эта работа лежала на плечах Софьи Ананьевны, ее помощниц, и она выполнялась всегда своевременно и качественно. Ректоры в работу заочного отделения почти не вмешивались: ни Н. Д. Шулунов, ни А. В. Никоров, ни Н. А. Батудаев. Проректор, к тому же в прошлом заместитель министра образования Бурятии очень хорошо знала потребности республики в учителях и за годы работы в пединституте много сделала для укрепления школ квалифицированными педагогами. Уместно отметить, что многие бывшие заочники стали в последующем не только прекрасными учителями, но и высококвалифицированными вузовскими преподавателями доцентами, профессорами БГПИ. Софья Ананьевна с гордостью называла их имена. В их числе были М. И. Уланова, Ц. Ц. Цыдыпов, С. Г. Дугаров, Н. Д. Сордохонов и другие, получившие высшее

педагогическое образование через заочное обучение пединститута.

Софью Ананьевну студенты и преподаватели хорошо знали и относились к ней с большим уважением, любовью. Она не часто выступала на собраниях, заседаниях. Но если выступала, то всегда по делу, ее всегда с интересом слушали. Стремилась привлечь внимание руководства республики, общественности к проблемам школы, образования: писала статьи в республиканские газеты. Не игнорировала и институтскую многотиражку «За педагогические кадры».

Так, в 1970 г. она опубликовала «День единства и солидарности женщин всего мира» (7 марта), в 1972 г. — «Новое в заочном обучении в педагогическом институте» (23 марта), «Заочному обучению — 38» (31 мая). В последней статье она подчеркивает, что за 38 лет заочное отделение института наравне со стационарным стало кузницей педагогических кадров. Оно выпустило 3 тысячи учителей.

Софья Ананьевна была не только строгим, требовательным руководителем, она в то же время была добрым, заботливым, отзывчивым человеком, готовым в трудную минуту придти на помощь.

Вспоминается случай. Приехала на зимнюю сессию заочница из Магадана. Из-за непогоды опоздала. Сессия уже по существу завершилась. Надо сдавать философию. Вел курс философии в этой группе я. Приходит Софья Ананьевна, просит позаниматься несколько дней со студенткой и принять у нее экзамен. Действительно, через несколько дней пришла проректор с приказом и мы вместе с ней приняли экзамен. Хотя с формальной стороны можно было бы перенести экзамен на следующую сессию.

Я часто слышал от самих студентов о том, что Софья Ананьевна заботится о них по-материнскому, всячески помогает получить образование. У меня остались самые добрые, светлые воспоминания о Софье Ананьевне. Она внесла большой вклад в развитие образования и культуры республики. И оставила добрую память о себе как о прекрасном человеке великой эпохи.

Статья была опубликована в книге «95 незабываемых дней: документальная повесть», в разделе «Воспоминания о С. А. Тыхеевой. С. 190–194 с дополнением.

Литература

1. Тыхеева С. А. 95 незабываемых дней: документальная повесть / под ред. А. П. Майорова. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2016. Изд. 4. С. 131.

2. Там же. С. 133–134.

ОН ОСТАВИЛ СВОЙ СЛЕД НА ЗЕМЛЕ

Профессор И. А. Батудаев

Когда-то известный французский писатель Роже Мартен произнес: «Жить — это значит действовать». Иван Александр Батудаев — это краткое, крылатое выражение наполнил глубоким практическим смыслом. Всю свою жизнь он действовал.

Выходец из трудовой крестьянской семьи, И. А. Батудаев прошел славный жизненный путь, внес большой вклад в развитие образования, науки, культуры Бурятии.

Семья. Смерть отца. Арест матери. Родился он 12 ноября 1921 г. в улусе Каха Осинского (в прошлом Боханского) аймака Иркутской области в семье Башина (Александра) Батудаевича Батудаева и Тараши Андреевны Башкуевой. В семье было три дочери. Рождение сына было большой радостью. Отцу к этому времени было 50 лет, матери — 40. По тем временам это был достаточно зрелый возраст. И родителям хотелось иметь наследника, продолжателя рода. К тому же надо иметь в виду, что желание иметь сына в те времена не было лишено и некоторого прагматического смысла. Земля (надел) выделялась в пользование семьи не по количеству в ней человек, а по числу лиц мужского пола. Так что появление в семье сына означало расширение возможности увеличения семейного состояния, благополучия. В годы НЭПа Батудаевы были достаточно зажиточными хозяевами.

Но в 1924 г. семью постигло горе — умер отец. Все многочисленные заботы навалились на плечи матери. Нужно было вместе с детьми поддерживать хозяйство, платить большие налоги. Однако трудности семьи были связаны не только со смертью отца. Время НЭПа сменилось коллективизацией, раскулачиванием. Мать Ивана Александровича, была арестована. У семьи были отняты мельница, большой и малый дом, скот, кони. Конфискован был даже самовар. Вскоре мать вернулась домой. Жили в небольшом домике, где раньше готовили пищу для скота. Жизнь в те годы, по воспоминаниям Ивана Александровича, была очень трудной. И не только в материальном отношении.

Клеймо «кулацкая семья» создавало атмосферу психологической изоляции. Еще совсем недавно одноулусники обращались к Батудаевым за помощью, советом. И вдруг в одночасье все отвернулись, даже родственники. Впоследствии Иван Александрович не раз вспоминал с горечью, как однажды, когда в семье не было продуктов, мать отправила его к одному из родственников за молоком. Родственник не только не дал молока, хотя оно у него было, но и отругал его, сказав, чтобы он больше никогда к ним не приходил. Иван вернулся домой и горько плакал. Ему трудно было понять, как можно не дать молока, когда его много. То было, как он когда-то выразился, самое тяжелое время.

В колхозе. Школа. В 1929 г. семья вступает в сельхозартель «Красная Мальта». Привыкшая с детства трудиться, мать вскоре становится одной из лучших колхозниц. Рано приобщился к труду Иван: сначала работа по дому, помощь матери в колхозе, а с 7 класса он наравне со взрослыми трудится на колхозном поле.

Пережив в детские годы много обидного и несправедливого, он хотел, чтобы новая власть была справедливой. Поэтому часто повторяющиеся в те годы слова «советская власть», «социализм», «коммунизм» входили в сознание как синонимы справедливости. Не случайно известный общественный деятель Прибайкалья Г. Н. Богданов, по словам которого все детские годы Ивана прошли на его глазах, в своих воспоминаниях подчеркивает, что юный Ваня с самого детства рос яростным поборником справедливости и законности [1].

После окончания начальной школы он продолжил учебу сначала в Бурят-Янгутской неполно-средней, затем средней школе, что в 12 км (через гору и в 20 км (в обход горы) от дома). Домой ходил раз в неделю. Учился хорошо. «Он, — как вспоминает его одноклассница Е. А. Халматова, — являлся примером в школе во всех отношениях. Он не только учился на «отлично», но и постоянно что-то организовывал [2]. В 1940 г. закончил 10 классов с отличием. Работал в колхозе, и с нетерпением ждал повестки из военкомата. Парни тех лет мечтали быть военными, защитниками Родины.

В армии. В октябре 1940 г. был призван в армию и зачислен красноармейцем отдельного саперного эскадрона 8-й кавалерийской дивизии, дислоцировавшейся возле станции с необычным названием Камень — рыболов. С августа 1941 г. по февраль 1942 г. — курсант Хабаровского пехотного училища, а затем проходил службу в качестве командира взвода, роты, помощника начальника штаба 24 стрелкового полка 22 стрелковой дивизии. Службу проходил в Приморском крае и в городе Петропавловск-на-Камчатке.

В августе в составе Первой Дальневосточной армии И. А. Батудаев принимает участие в разгроме Квантун-

ской армии, в 1946 г. был на курсах усовершенствования офицеров пехоты в г. Комсомольск-на-Амуре.

Учеба. Работа. В 1947 г. демобилизованный капитан поступает в Бурятский пединститут. Незаурядные способности, целеустремлённость, работоспособность, упорство позволили ему на год раньше закончить институт и получить диплом с отличием.

Потом была работа. Сначала учителем, директором школы, затем заведующим отделом Байкало-Кударинского райкома КПСС, заместителем начальника управления культпросветучреждений при Совете Министров Бурятской АССР, лектором Бурятского обкома партии.

В 1956 г. он поступает в аспирантуру Академии общественных наук при ЦК КПСС, которую спустя три года успешно заканчивает с защитой диссертации и получением степени кандидата философских наук.

После этого И. А. Батудаев работал заведующим отделом школ, науки и культуры ОК КПСС, заведующим кафедрой философии и секретарём парткома в Бурятском сельхозинституте.

Ректор. В 1967 г. он был назначен ректором Бурятского пединститута. В этой должности он трудился около 20 лет. Здесь в полной мере проявились его глубокие знания, профессионализм, организаторский талант, высокие личностные качества.

Материальная база вуза. Ее создание, развитие. За эти годы кардинальным образом обновилась материальная база вуза. Благодаря усилиям ректора, поддержанным руководством республики, был построен главный учебный корпус на 1400 посадочных мест, два студенческих общежития на 888 посадочных мест. Строительству предшествовала огромная работа по сносу стоявших там 6 длинных бараков, 2 двухэтажных жилых домов, пожарного депо, клуба водников, поликлиники, аптеки.

Очень трудно решался вопрос о предоставлении жилья семьям, проживающим в бараках, двухэтажных жилых домах. В городе мало строилось жилья. Ректору постоянно приходилось обращаться в горсовет, правительство, в партийные органы, предлагать какие-то варианты помощи. Не менее трудным было само строительство. Хроническая нехватка строителей, отсутствие строительных кранов, кирпича.

В качестве строителей выступали сами студенты. Часть из них прошла специальную подготовку в учебном комбинате Бурятского управления строительства. На стройке трудились студенты всех факультетов. Одни работали на возведении главного корпуса, другие — на строительстве общежитий. Вместе с расписанием учебных занятий на семестры составлялись и графики работы на институтском строительстве. Не случайно многие студенты за годы учебы в институте наряду с профессией учителя приобретали специальности штукатура, маляра, плотника, электрика.

Будущие учителя с пониманием относились к этому. Программным материалом овладевали вечерами. Были организованы консультации преподавателей в вечернее время.

Строительные дела были в центре внимания ректора И. А. Батудаева, который особенно на заключительном этапе часто начинал свой рабочий день на строительной площадке. В институте был создан штаб по строительству. В кабинете ректора часто проводились планерки, сюда постоянно приходили руководители строительных организаций, прораб, мастера. Институтская стройка была главным объектом забот всех деканов и общественных организаций.

Семидесятые годы по праву войдут в историю БГПИ (БГУ) как период активного создания его материально-технической базы (учебно-производственные площади вуза увеличивались почти в 3 раза, составили 12 тыс. м²). Для его коллектива они не были застойными. В те годы студенты учились и строили, строили и учились. Ректор И. А. Батудаев проявил в эти годы себя как смелый, решительный руководитель, прекрасный организатор, по-настоящему заботящийся о высшей школе в Бурятии, ее будущем.

В те же годы были построены агробиологическая станция с лабораториями и складскими помещениями, спортивно-оздоровительный лагерь на озере Щучьем, спортивно-лыжная база в поселке Орешково, было начато строительство столовой на 510 посадочных мест.

Кадры. Наука. Особая забота проявлялась руководителем вуза о подготовке профессорско-преподавательских кадров. Он прекрасно знал, что от уровня научной квалификации преподавателей зависит качество выпускаемых ими учителей, вклад в развитие науки. Для этого использовались возможности подготовки научных кадров в центральных вузах и НИИ страны через аспирантуру, докторантуру, соискательство, перевод на СНС. Благодаря этому в те годы было подготовлено более 150 докторов наук, профессоров, кандидатов, доцентов. В конце 80-х годов по удельному весу докторов и кандидатов Бурятский désinститут имел самый высокий показатель среди 24 педвузов Сибири и Дальнего Востока. Успеху в подготовке вузовских преподавателей во многом способствовала высокая требовательность ректора, сочетавшаяся в тактичностью, выдержкой, уважением к человеку.

Предметом повседневной заботы профессора И. А. Батудаева являлось развитие научных исследований. Вплоть до середины семидесятых годов научная работа в институте страдала много- и мелкотемьем. Далеко не все преподаватели вели научные исследования. Со второй половины семидесятых годов и восьмидесятые годы исследования характеризовались, во-первых, привлечением к активным поисковым работам почти всех препода-

вателей (в научных исследованиях в рассматриваемый период участвовало и около 90% профессорско-преподавательского коллектива), во-вторых, усилением внимания ученых вуза к коллективным исследованиям и крупным индивидуальным работам, имеющим важное научное и народнохозяйственное значение; в-третьих, — усилением связи и сотрудничества ученых пединститута с исследователями ведущих вузов и НИИ страны.

Так, в первой половине 80-х гг. выполнялось больше половины, а во второй — три четверти тем совместно с учеными НИИ АН СССР и АПН СССР. Их разработка была включена в планы научных исследований АН СССР, ее Сибирского отделения, АПН СССР, Министерства просвещения РСФСР, других министерств и ведомств. Тесные научные связи сложились между Бурятским пединститутом и институтами Бурятского филиала СО АН СССР. Благодаря сотрудничеству в рассматриваемый период был опубликован ряд монографий преподавателей пединститута через издательство «Наука», в том числе работы Е. Е. Тармаханова, К. Б. Соктоевой, В. И. Золхоева, С. Ш. Чагдурова, М. А. Зонхиева, А. К. Паликовой, Д. С. Сандитова. Возросло число работ, изданных в Москве, Ленинграде, Новосибирске, других ведущих научных центрах страны. Например, за 1976–1980 гг. из 566 научных работ (объем 760 п. л.), опубликованных сотрудниками института, 464 были изданы вне института, в том числе 193 — в центральных издательствах страны. В 1981–1985 гг. в числе 947 опубликованных работ были изданы центральными издательствами.

В 70-е гг. наряду с теоретическими исследованиями, которые составляли преобладающую часть работ, широкое развитие получили исследования, имевшие прикладной характер и выполнявшиеся на хоздоговорной основе. Для организации этих исследований при научном отделе института был создан научно-исследовательский сектор (НИС), который впоследствии стал самостоятельным научным учреждением. О деятельности НИС в 70–80-е гг. говорят следующие данные. Если в 1976 году объем хоздоговорных работ составлял 90 тыс. руб., в 1981 г. — более 300 тыс., то в 1985 г. — 1200 .

Учёными вуза были достигнуты внушительные результаты в исследовании проблем охраны и рационального использования природных ресурсов Байкальского региона, физики твёрдого тела, истории, этнологии, социальной структуры, интеллигенции, филологии, фольклористики, образования, педагогики. Институт стал местом проведения крупных научных конференций.

Научная деятельность. Ректор был не только опытным организатором вузовской науки, но и активным исследователем. Им написано и опубликовано более 50 научных работ, в том числе 2 монографии. Круг научных интересов профессора И. А. Батудаева был доста-

точно широким. Это — проблемы социальной революции и реформы, истории и педагогики высшего образования, внедрения исследовательских методов обучения и др.

Начало его научной деятельности связано с разработкой проблемы социальной революции и реформы. Собственно, эта проблема была определена в Академии общественных наук при ЦК КПСС в качестве темы его кандидатской диссертации. Выбор данной темы был не случайным. В конце 50-х — начале 60-х годов в коммунистическом и рабочем движении произошло резкое обострение идейно-теоретической борьбы. Одним из основных вопросов этой борьбы являлся вопрос о соотношении социальной революции и социальной реформы, о путях и средствах уничтожения капитализма и перехода к социализму. Этот вопрос, а также проблемы содержания социальных реформ, их значения для классовой борьбы трудящихся не получили к тому времени достаточного освещения. Они — то и явились предметом его научного поиска.

Исследования ректора. В результате трёхлетней работы над разрешением этих проблем к 1960 г. И. А. Батудаевым были написаны большая статья «Критика реформистской теории трансформации капитализма в социализм» (опубликована в сборнике «Критика правосоциалистической идеологии». Изд-во ВПШ и АОН при ЦК КПСС, 2,5 п. л.), монография «Марксизм и реформизм о революции и реформе» (издана в Улан-Удэ Бурятским книжным издательством, 4,0 п. л.), а главное — подготовлена диссертация «Марксизм и реформизм о революции и реформе», которая была успешно защищена в 1960г. в Институте философии АН СССР.

В этих работах их автор приходит к выводу, что социалистическая революция является единственным путём, средством перехода от капитализма к социализму, а реформы носят побочный характер в классовой борьбе пролетариата. При этом выясняется общее и различие между социальной революцией и социальной реформой. Общее между ними, по мнению автора, состоит в том, что они являются: 1) порождением антагонистического противоречия между производственными отношениями и производительными силами; 2) продуктами классовой борьбы; 3) двумя основными формами общественных изменений, совершаемых определёнными классами в условиях антагонизма между ними.

Различие между революцией и реформой исследователь видит в том, что: 1) они являются двумя принципиально различными методами общественных изменений: если революция имеет своим историческим назначением преобразовать производственные отношения, заменить устаревшие отношения новыми, социалистическими отношениями, то реформы изменяют лишь отдельные моменты производственных

отношений, не затрагивая их основ; 2) революция и реформа осуществляются различными классами: если реформа декретируется правящим классом, «сверху», то революция совершается народными массами, «снизу», против «верхов»; 3) природа реформы в отличие от революции, которая всегда выступает локомотивом истории, противоречива.

Разъясняя эту противоречивость, И. А. Батудаев пишет, что реформы, с одной стороны, создают благоприятные политические условия, в которых пролетариат может лучше осознать свою силу и лучше сорганизоваться для расширения классовой борьбы и осуществления руководства широкими массами. Эти же реформы, с другой стороны, отвлекают часть рабочего класса и особенно непролетарские слои трудящихся от активной борьбы за коренные интересы, сеют семена иллюзий о возможности продвижения к социализму путём структурных реформ без классовой борьбы, без свержения политического господства капиталистов.

При этом автор считает вполне оправданной и необходимой борьбу за искоренение в рабочем движении подобных иллюзий, которые распространяются реформистами и ревизионистами. В то же время, как полагает исследователь, в современных условиях общественного развития и роль реформ как подспорья для завоевания политической власти пролетариатом и его авангардом может в той или иной стране возрастать.

Рассматриваемые проблемы нашли своё освещение и в некоторых других работах И. А. Батудаева, написанных в последующие годы. В частности, в 1970 г. им была опубликована статья «В. И. Ленин о роли социальной реформы в переходный период от капитализма к социализму», в которой он анализирует возрастающую значимость социальной реформы в новых исторических условиях.

Проблемы вузовского коллектива. В 70–80-е годы, то есть в период работы И. А. Батудаева ректором Бурятского пединститута, его научные интересы переместились в сферу практической деятельности. Он активно включается в изучение проблем вузовского коллектива. В результате им был написан и издан ряд статей, освещающих различные стороны жизнедеятельности педагогического вуза. В 1977 г. вышла его обобщающая работа «Вузовский коллектив и современность (опыт, проблемы, суждения)». Это первая часть (или выпуск) планировавшейся более широкой, состоящей из двух частей, монографии. К сожалению, намерение автора издать вторую часть оказалось не реализованным.

В книге, а также в статьях И. А. Батудаева на конкретных материалах Бурятского государственного педагогического института подвергнуты анализу проблемы отечественного высшего образования: повышение тео-

ретического, научно-методического уровня учебных занятий на основе достижений современной науки, ход перестройки преподавания учебных дисциплин в связи с переходом школ на новые программы, оптимизация и интенсификация учебного процесса, широкое применение технических средств и методов программированного обучения, внедрение исследовательских, поисковых методов при проведении занятий и др.

Автором раскрывается место и роль самостоятельной работы, её формы организации и контроля. В числе таких форм: проверка конспектов лекций и первоисточников; наблюдения на лабораторных занятиях за выполнением заданий, разработанных преподавателями; контролирующий и фронтальный опрос на семинарских и практических занятиях по системе «0», «1», «3»; сдача коллоквиумов по заранее планируемой теме; разработка и проведение письменных контрольных работ; внутрисеместровая аттестация по предусмотренным в планах узловым темам на кафедрах общенаучных дисциплин; проведение групповых и индивидуальных консультаций и собеседований с вызовом отстающих студентов; организация предметных и научных кружков; организация учебно-исследовательской работы студентов и др.

Прекрасно понимая, что основным направлением повышения качества подготовки учителей для общеобразовательной школы является фундаментализация теоретической подготовки, И. А. Батудаев особое внимание в своих работах уделил научно-исследовательской работе студентов. При этом он подчёркивал, что учитель будущей школы — это учитель-исследователь. Такого учителя педагогический вуз должен готовить сегодня.

Большое внимание в исследованиях И. А. Батудаева занимают проблемы профессионально-педагогической направленности учебно-воспитательного процесса в вузе. По его инициативе и под его руководством в Бурятском педагогическом институте в течение ряда лет коллективно осуществлялось исследование темы «Формирование профессионально-педагогической направленности учебно-воспитательного процесса в педагогическом вузе», в котором принимали участие около половины преподавателей института. Результаты исследования нашли своё отражение в подготовленных и изданных монографиях, учебных пособиях, статьях. Кроме того, по данной теме на базе Бурятского пединститута была проведена Всероссийская научная конференция. В её работе участвовали 340 человек — представителей многих вузовских и научных центров страны. И. А. Батудаев серьёзное внимание уделял научному осмыслению роли и форм творческого сотрудничества педагогического института и органов образования и общеобразовательных школ. У него есть также ряд статей,

посвящённых вопросам народного образования Монголии.

Трудовое воспитание сельских школьников. В семидесятые годы он включается на правах руководителя в разработку коллективной общеинститутской темы «Трудовое воспитание и профориентации сельских школьников». Итогом исследования явилось издание ряда крупных индивидуальных и коллективных работ, проведение Всероссийской научно-практической конференции, в которой приняли участие около ста преподавателей. Сам же Иван Александрович написал статью «Подготовка кадров просвещения из села».

Эти работы имели не только научную, но и большую практическую значимость. Выводы, размышления, предложения, рекомендации автора использовались преподавателями вузов, школ, работниками органов народного образования, исследователями указанных проблем.

Как ректор, И. А. Батудаев обладал ценным качеством — умением вести коллектив, увлечь его, держать в состоянии постоянного поиска, интеллектуального напряжения. Преподаватели тех лет помнят, с какой активностью, энтузиазмом, соревнуясь друг с другом, факультеты и кафедры занимались техническим переоснащением учебного, научного процесса. В результате были созданы внутривузовский телецентр, обсерватория, станция наблюдения искусственных спутников Земли, современные научные и учебные лаборатории, телевизионные и автоматизированные классы.

За годы работы ректором И. А. Батудаева Бурятский государственный педагогический институт из относительно небольшого периферийного института превратился в крупный современный вуз первой категории, в один из лучших пединститутов России. Он неоднократно становился победителем в соцсоревновании педвузов РСФСР, а в 1982 г. был награждён орденом «Знак почёта».

Признание. И. А. Батудаев был известен в республике и своей активной общественной деятельностью. Он избирался членом Бурятского обкома КПСС, депутатом Верховного Совета республики, членом Улан-Удэнского горкома партии, депутатом горсовета.

За ратные и трудовые успехи И. А. Батудаев награждён орденами Отечественной войны, Трудового Красного Знамени, «Знак Почёта», многими медалями. Ему были присвоены почётные звания заслуженного деятеля науки Бурятии и заслуженного учителя школы республики.

На стене главного учебного корпуса Бурятского государственного университета установлена мемориальная доска, на которой высечены слова: «Здесь работал ректором БГПИ с 1967 по 1986 год видный деятель науки и образования Российской Федерации профессор И. А. Батудаев». Согласно решению Учёного совета

университета, один раз в два года в университете будут проводиться Батудаевские чтения, ежегодно двоим лучшим студентам будут присуждаться стипендии имени И. А. Батудаева.

На родине Ивана Александровича, в Осинском районе Усть-Ордынского бурятского округа Иркутской области, Кахинской школе, что в селе Хокта, присвоено имя профессора И. А. Батудаева.

Труд И. А. Батудаева — заметный след на благодарной земле Бурятии.

Коллектив Бурятского государственного университета продолжает и развивает лучшие традиции, заложенные в Бурятском педагогическом институте под руководством его ректора профессора И. А. Батудаева.

Жизнь и деятельность И. А. Батудаева освещаются в книгах И. И. Осинского «Alma Mater». Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 1999. 642 с. и «Из племени созидателей». Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та. 316 с.

Литература

1. Осинский И. И. Из племени созидателей. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2006. С. 26.
2. Там же. С. 29.

ЧЕЛОВЕК НЕОБЫЧНОЙ СУДЬБЫ

Профессор Е. Е. Тармаханов

У каждого человека своя судьба. Она сопровождает его всю жизнь. От нее, как говорят, никуда не уйдешь. В то же время судьба — не что-то данное человеку свыше и не зависящее от него. Судьба — это в своей основе создание самого человека. Как верно заметил И. С. Тургенев: «Каждый делает свою судьбу, и каждого она делает». Судьбы бывают разные: обычные и необычные. К людям необычной судьбы, несомненно, принадлежит и Ефрем Егорович Тармаханов. Фронтовик. Известный уче-

ный-историк. Подлинный интеллигент. Человек, проживший большую жизнь.

Призыв в армию. Ленинградский фронт. Е. Е. Тармаханов родился в 1922 г. в селе с названием Ирхидей Боханского ныне Осинского района Иркутской области в семье крестьян-середняков Егора Тармахановича и Екатерины Николаевны Тармахановых. Семья была большой. У Ефрема было 3 брата и 4 сестры. После окончания Бильчирской семилетней школы и педагогического рабфака при Бурятском пединституте готовился к трудовой деятельности. Но началась война, которая нарушила все планы. Он, как и многие его сверстники, ждал призыва в армию. В феврале 1942 г. начался массовый призыв, и 19-летний Ефрем Тармаханов, не дождавшись повестки из военкомата, вместе с односельчанами отправился в Бохан, где и был зачислен в военнослужащие Красной Армии. О начале армейской жизни он в своих воспоминаниях пишет так: «Сначала служил в г. Улан-Удэ, в Южлаге, в конном депо, осенью этого же года отправили нас на ст. Сохондо Читинской области, а оттуда на станцию Борзя, где набрали монгольских коней для отправки на запад. С конями вместе в товарных вагонах, в тяжелейших условиях доехали до г. Коврова Ивановской области, где коней сдали, а сами попали в сформированную стрелковую часть, которая потом была названа 123-й особой стрелковой бригадой. Я попал в роту автоматчиков. Командиром взвода был из Барнаула, который очень хорошо, доброжелательно относился ко мне, как к земляку. Я был командиром отделения в его взводе, хотя я не учился на командира, но у меня было среднее образование. Тогда в армии в нашем взводе было очень мало людей со средним образованием». Бригада была направлена на Ленинградский фронт».

Ленинград в то время находился в военной блокаде немецкими, финскими и испанскими (Голубая дивизия) войсками. Она длилась с 8 сентября 1941 г. по 27 января 1944 г. (блокадное кольцо было прорвано 18 января 1943 г.) 871 день. К началу блокады в городе оставались мизерные запасы продовольствия и топлива. Единственным путем сообщения с блокадным Ленинградом было Ладожское озеро, находившееся в пределах досягаемости артиллерии блокирующих войск. Начавшийся в городе голод привел к сотням тысяч смертей среди жителей. «Смерть, — как свидетельствует английский историк Д. Хосхинг, — настигала людей повсюду: на улице они падали, чтобы никогда больше не подняться; в домах засыпали, чтобы никогда не проснуться; на заводах умирали во время работы. Транспорта не было, и обычно трупы везли на салазках один-два родственника покойного. Часто

полностью обессилев на долгом пути к кладбищу, они бросали тело на полдороге (Хосхинг Джеффри. История Советского Союза 1917–1991. М., 1994. С. 288). Но несмотря на огромные жертвы, страдания, Ленинград жил, боролся, проявлял огромную силу воли, упорства, несгибаемости.

Прорвать блокаду. Прорыву блокады придавалось огромное значение. Ее должны были осуществить бойцы и командиры Ленинградского и Волховского фронтов. Операция по прорыву блокады тщательно готовилась. В ней, как уже отмечалось, участвовала и 123 стрелковая бригада, в которой находился Е. Е. Тармаханов.

О своем дальнейшем пути Е. Е. Тармаханов вспоминает так: «От станции Волхов через Ладогу на корабле попали во внутрь блокады. Переплыли Ладогу очень удачно ночью, не было ни единого выстрела со стороны немцев. В течение декабря 1942 г. мы жили в лесу в палатках, в каждое палатке была маленькая буржуйка, которая в основном дымила, а не грела. Хотя находились в лесу, но очень туго было с дровами, которые были сырые. При этом нечем было их рубить и колоть. В течение декабря наша часть готовилась для участия в операции «Искра», направленной на прорыв блокады. У нас не было достаточно опыта ведения боев, поэтому командование уделяло большое внимание обучению войск к приемам наступательных действий в лесу и способам штурма опорных пунктов и узлов сопротивления противника в условиях холодной зимы. Наступлению наших войск предшествовала длительная подготовка. Сосредоточивались орудия, минометы и другая военная техника. Среди нас, всех солдат, настроение было напряженное, это состояние скреплялось с чувством ненависти к врагу и страхом. Мы все понимали, что нам предстоит участвовать в решающих боях за Ленинград, за прорыв блокады города.

За три дня до начала наступления в частях, в том числе у нас, проводились партийно-комсомольские собрания с повесткой «Задачи коммунистов и комсомольцев в бою». Я был заместителем секретаря комсомольской организации батальона, секретарем был Михаил Барьядаев, мой земляк из Боханского района. Перед солдатами прочитали обращение Военного Совета Ленинградского фронта, где говорилось, что «67-я армия с честью и умением выполнит свой долг перед Родиной.

Дерзайте в бою, равняйтесь только по передовым, проявляйте инициативу, хитрость и сноровку! Смерть немецким мерзавцам!»

Наступление. Прорыв блокады. Наступление наших войск началось утром 12 января 1943 г. Снаряды и мины с огромной силой обрушивались на позиции противника. Бои шли жестокие. В результате первого наступления из 27 солдат нашего

взвода остались в строю только 7 человек, остальные или погибли, или были ранены. Я отделался незначительной царапиной лица осколком мины. Остался жив и командир взвода, к сожалению, забыл его фамилию. Мы перебросились словами: «Слава Богу, остались живы».

Мне показалось, что только против нас немцы открыли такой ураганный огонь из пулемстов, минометов и других орудий, что почти невозможно было поднять голову. Лежал и думал, останусь ли живым, увижу ли своих родных, свою деревню, свой край. Для выхода из войны тогда было два пути: или быть тяжело раненным или быть убитым, третьего пути не было. Под ураганным огнем из пушек, пулеметов, мин и других орудий мы с трудом по глубокому снегу продвигались вперед ползком, перебежками. Нам приходилось преодолевать упорные сопротивления и яростные контратаки немцев. И только 18 января опять утром на окраине рабочего поселка наши войска, то есть войска 123-й стрелковой бригады Ленинградского фронта соединились с частями Волховского фронта. Эта встреча для нас была полна радости и ликования. Солдаты крепко, по-братски обнимались, плакали от радости, не обращая внимания на артиллерийский обстрел противника. Откуда-то появились фотокорреспонденты газет. Нас фотографировали, но я не видел ни газет, ни фотографий.

В тот день, то есть 18 января, после упорных уличных боев был полностью освобожден от вражеских войск г. Шлиссельбург. В этих боях мы не участвовали, но знали, что к концу дня южное побережье Ладожского озера было освобождено, и Ленинград получил сухопутную связь со страной шириной 8–10 км. Блокада Ленинграда была прорвана. Так свершилось то, о чем мечтал каждый житель Ленинграда, этого случая ждали мы, солдаты Ленинградского и Волховского фронтов, вся страна. В адрес участников прорыва блокады Ленинграда шли письма с выражением благодарности и признательности. Некоторые письма нам зачитывали.

Ранение. Возвращение домой. 30 января 1943 г. тяжело ранен в левую ногу осколком мины, которая взорвалась недалеко от меня. Этим взрывом были ранены кроме меня заместитель командира взвода и мой земляк Николай Данилов из Боханского района. Нас троих увезли на санях в медсанбат, после соответствующей медицинской обработки ран нас отправили в Ленинград» («Навечно в памяти людской». Воспоминания преподавателей пединститута, ветеранов Великой Отечественной войны. Улан-Удэ, 1995. С. 23–26).

Немцы беспрерывно обстреливали и бомбили город, и Е. Е. Тармаханов после трехнедельного лечения в Ленинграде был эвакуирован по «Дороге жизни» до противоположного берега

Ладожского озера, а оттуда по железной дороге в г. Сокол Вологодской области. После длительного лечения в различных госпиталях воин в августе 1943 г. вернулся в родной Ирхидей. Увиденное дома, как вспоминает Е. Е. Тармаханов, страшно его расстроило. В деревне не хватало рабочих рук, работали одни женщины, подростки, старики, плохо было с продуктами. В то лето была страшная засуха, все сгорело. Трава под ногами хрустела, как снег в зимнюю стужу.

Семья была большой, все трудились. Ефрем Егорович с сожалением пишет о том, что был не в состоянии помочь семье — ходил с трудом на костылях. Но времени зря не терял: старался читать, готовиться к поступлению в вуз.

К счастью, в августе 1944 г. он встретился в Бохане с директором Бурятского пединститута А. А. Дуриновым, который убедил его учиться на педагога и вручил вызов для получения пропуска на въезд в г. Улан-Удэ (тогда была пропускная система).

Учеба в ЛГУ. Защита диссертации. Зав. кафедрой. В 1944 г. он становится студентом Бурятского пединститута. После окончания войны при содействии родственника ученого Д. А. Алексеева переводится на исторический факультет Ленинградского университета. Свою роль в этом сыграло и то, что он был награжден медалью «За оборону Ленинграда».

После окончания в 1950 г. исторического факультета ЛГУ Е. Е. Тармаханов был оставлен там же для продолжения учебы в аспирантуре. Одновременно работал учителем истории в средней школе. В 1953 г. он успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Социалистическая индустриализация Бурят-Монгольской АССР в годы предвоенных сталинских пятилеток». Это было первое исследование, посвященное истории становления и развития промышленности и транспорта Бурятии. В том же году он был приглашен в качестве преподавателя на кафедру истории СССР, которую возглавлял тогда доцент В. П. Тюшев. Деканом историко-филологического факультета (с сентября 1961 г. по февраль 1968 г.) работал доцент М. П. Хабаев. В середине 1960-х гг. Е. Е. Тармаханов был назначен заведующим кафедрой истории СССР. Одновременно продолжал разрабатывать избранную еще в Ленинграде тему научного исследования. В результате в 1968 г. им была издана монография «Развитие промышленности Бурятской АССР за годы строительства социализма (1917–1041)». А в 1969 г. защищена докторская одноименная диссертация. В том же году и в том же, Ленинградском государственном университете, защитил докторскую диссертацию и его коллега доцент Д. Б. Улымжиев. Это было значимым событием для Бурятского пединститута, да и для Бурятии в це-

лом. Сразу в один год БГПИ получил двух докторов исторических наук. Оба — воспитанники известной Ленинградской исторической школы, прошедшие в ней путь от студентов до докторов наук.

Диссертация Е. Е. Тармаханова, как и Д. Б. Улымжиева, получила высокую оценку на заседании ученого совета исторического факультета (председатель проф. В. В. Мавродин). Оппонентами выступали известные историки В. З. Дробижев (МГУ), Н. А. Карнатовский и В. А. Ежов (ЛГУ), которые определили труд исследователя как крупный вклад в историческую науку Сибири.

В начале 1970-х гг. ему было присвоено звание профессора.

Научная и общественная деятельность. С тех пор все последующие годы Е. Е. Тармаханов осуществлял активную целенаправленную научную деятельность. Им написаны более 150 работ. Получили признание среди специалистов его монографии «Промышленность и рабочий класс Советской Бурятии. 1938–1958 гг.» (Новосибирск: Наука. 1979), «Историография индустриального развития национальных районов Сибири (1917–1987)» (Улан-Удэ, 1990) и др. Принимал активное участие в написании третьего тома «Рабочий класс Сибири» (1984). Являлся членом редколлегии этого тома. Создана известная в Сибири научная школа, основным направлением которой являются проблемы индустриализации, модернизации национальных районов Сибири, становления и развития их рабочего класса. В школе под руководством Е. Е. Тармаханова сформирована целая плеяда ученых-историков, насчитывающая в том числе 22 кандидата и 3 доктора исторических наук (А. В. Саункина, Л. А. Зайцевой и Д. К. Чимитовой).

Е. Е. Тармаханов известен в университете как опытный руководитель. Он в течение 26 лет заведовал кафедрой истории СССР. Стремился создать условия для плодотворной научной, учебно-методической, воспитательной работы преподавателей. На кафедре всегда существовала творческая атмосфера демократического, уважительного отношения между ее членами. Демократический стиль разумно сочетался с требовательностью, взыскательностью ее руководителя. Члены кафедры работали над кандидатскими, докторскими диссертациями, монографиями и другими видами научных исследований. Под руководством Е. Е. Тармаханова издан коллективный труд «Рабочий класс Бурятской АССР (1917–1985)», получивший высокую оценку специалистов.

Плодотворную научную деятельность профессор Е. Е. Тармаханов успешно сочетал с учебной, педагогической работой. Автору этих воспоминаний как студенту довелось слушать лекции Ефрема Егоровича. Они

всегда были глубокими, интересными, насыщенными богатым фактическим материалом, доступны для восприятия. Преподаватель был прост в общении, неизменно доброжелательным.

В последующем наше многолетнее общение с Ефремом Егоровичем, которое всегда было теплым, дружеским, уважительным, подтвердило мнение о нем, как об очень деликатном, скромном, добром старшем коллеге, учителе. Он обладал качествами подлинного российского интеллигента.

Ефрем Егорович на протяжении всех лет работы в БГПИ и БГУ принимал активное участие в различных формах общественной жизни.

Около 10 лет был председателем диссертационного совета на историческом факультете БГУ, членом диссертационного совета на истфаке Иркутского университета, Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Неоднократно возглавлял ГЭК историко-филологического факультета БГПИ.

В советское время важной сферой общественной деятельности являлось участие в работе партийной организации. Е. Е. Тармаханов избирался секретарем партбюро исторического факультета. В середине 1970-х гг. являлся первым заместителем секретаря парткома БГПИ. Прилагал много усилий по повышению качества подготовки специалистов, совершенствованию методов учебно-воспитательного процесса, развитию творческого потенциала будущего учителя, укреплению материально-технической базы вуза и др.

Профессор Е. Е. Тармаханов принимал деятельное участие в работе республиканского отделения Всесоюзного общества «Знание», многие годы возглавлял Советскую районную организацию (г. Улан-Удэ) общества. Выступал с лекциями перед интеллигенцией, рабочими города на исторические темы.

Надежной опорой Е. Е. Тармаханова все эти годы была его жена Ольга Даниловна, с которой он познакомился еще во время учебы в аспирантуре. Она тогда училась на монгольском отделении Восточного факультета ЛГУ. В последующем многие годы трудилась в библиотеке.

К сожалению, в 2013 г. после тяжелой болезни Ольги Даниловны не стало. Через 3 года умер и Ефрем Егорович. Семейные и профессиональные традиции продолжают его дочери Татьяна Ефремовна и Екатерина Ефремовна — обе закончили историко-филологический факультет БГПИ. Татьяна Ефремовна — доктор исторических наук, профессор. Многие годы заведовала кафедрой истории и культуры Бурятии. Екатерина Ефремовна — кандидат исторических наук, доцент, работала в Музее истории Бурятии им.

Хангалова, позже — в БГСХА доцентом, деканом. Внучка Сэржена, внуки Александр и Илья продолжа-

ют трудовую традицию Тармахановых.

Дело, которому посвятил свою жизнь Ефрем Егорович, продолжается.

Ратные и трудовые дела воина и ученого получили высокую оценку со стороны общества и государства. Е. Е. Тармаханов награжден орденами «Отечественной войны» 1-й степени, «Знак Почета» и «Дружбы», многими медалями. Ему присвоены почетные звания заслуженного деятеля науки Российской Федерации и Республики Бурятия.

Статья опубликована в книге «Дорогой мой человек: К 95-летию со дня рождения профессора Тармаханова Ефрема Егоровича (1922–2016) / сост., отв. ред. Л. В. Курас. Иркутск: Оттиск, 2017. С. 59–69.

ОН ОСТАВИЛ ДОБРОЕ ИМЯ

Доцент Ю. В. Абросимов

Передо мной две неполных, еще непожелтевших странички его автобиографии, написанные аккуратным, даже красивым почерком. Только он мог так писать. Говорят, что по почерку можно определить характер человека. По всей вероятности, это так. Что касается почерка человека, написавшего эту автобиографию, то тут соответствие полное. Он не писал размашистым, вызывающим, как и не писал мелким, украдчивым почерком. Его характеру это никак не соответствовало бы. С виду несколько сдержанный и даже суровый, он обладал редким обаянием, глубокой внутренней порядочностью, скромностью.

Это нашло свое отражение и в его строгом, четком, понятном почерке. Автобиография была написана в конце ноября 1956 г. Именно в тот год он начал работать ассистентом в Бурятском пединституте, когда ему было почти 36 лет. Сегодня ему бы исполнилось 85 лет.

Обычно в газету пишут о докторах, профессорах. Юрий Владимирович не был ни доктором, ни профес-

сором. Он, собственно, и не стремился к этому. В конце 1967 г. он в МГУ им. М. В. Ломоносова защитил кандидатскую диссертацию, стад кандидатом исторических наук, прекрасным лектором. Вскоре был утвержден в звании доцента. Его отличали эрудиция, обширные знания, зрелые взвешенные суждения и исключительная честность, принципиальность, порядочность. Эти качества проявились не вдруг, не в результате какого-то внезапного озарения. Они были сформированы, выстраданы всей предыдущей его жизнью. А жизнь Ю. В. Абросимова была непростой и нелегкой.

Из МГУ — в Дальнебомбардировочную авиацию. Родился в декабре 1920 г. в селе Баргузин Баргузинского района в семье служащего (отец — бухгалтер, мать — учительница). В 1939 г. окончил среднюю школу и поступил учиться на исторический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова. В октябре-ноябре того же года был призван в ряды Советской Армии и сразу же был направлен в школу младших авиаспециалистов, после окончания которой в мае 1940 г. служил в 22-м Дальнебомбардировочном авиаполку в качестве стрелка-моториста. С началом Отечественной войны вместе со своим полком перебазировался на фронт, где и пробыл до ее окончания. Всю войну летал на дальнем бомбардировщике.

Боевые вылеты достигали Берлина, других немецких городов, по военным объектам которых наносились бомбовые удары. Немало было вылетов для бомбардировок врага на захваченной им нашей территории. При этом бомбардировщики часто подвергались сильному артиллерийскому обстрелу, нападению вражеских самолетов. Участвуя в сложных операциях, ему приходилось приземляться на горящем самолете и на парашюте.

В плену. Побег из плена. Во время одной из операций после выполнения задания по бомбардировке г. Будапешт самолет был сбит над территорией Венгрии. Получив тяжелые ожоги лица и рук, тяжелое повреждение позвоночника, он приземлился с парашютом и в бессознательном состоянии был захвачен в плен венгерскими военнослужащими. Пролежал три месяца в венгерском военном госпитале и два месяца пробыл в венгерском лагере русских военнопленных, находившемся в деревне Вескино (район города Чорна). В конце марта 1945 г. в момент выхода из лагеря для отправки в Германию с группой других Ю. В. Абросимов бежал и через сутки соединился с наступающими советскими воинскими частями 3-го Украинского фронта. После тщательной проверки органами СМЕРШ был направлен в свою воинскую часть, которая находилась в Польше.

Прибыв туда во второй половине апреля 1945 г., он снова в авиации дальнего действия.

В военные годы, как позже вспоминал Ю. В. Абросимов, он участвовал в общей сложности в 233 боевых вылетах. Это примерно 1500 часов, проведенных в воздухе в боевой обстановке, около 600 тысяч километров пути, около 400 тонн бомбового груза, сброшенного экипажами, в составе которых он летал. За успешные ратные дела воин был награжден тремя боевыми орденами (орденами Отечественной войны I и II ступеней, «Красной Звезды») и многими медалями, в том числе «За отвагу», «За оборону Москвы», «За оборону Ленинграда», «За оборону Сталинграда», «За победу над Германией» и др.

Студент пединститута. В ноябре 1945 г. Ю. В. Абросимов был демобилизован из армии, а в 1946 г. он поступает учиться на исторический факультет Бурят-Монгольского педагогического института.

Будучи старше многих своих однокурсников, обладая значительным жизненным опытом, он активно включается в динамичную вузовскую жизнь. Несмотря на семилетний перерыв после окончания средней школы, благодаря своему упорству, настойчивости, бывший воин не только наверстывал упущенное, но становится одним из лучших студентов пединститута. При этом надо иметь в виду, что он был зачислен не на первый, а сразу на второй курс пединститута. Решением Ученого Совета института ему назначается именная стипендия. Он избирается парторгом самой большой партийной ячейки вуза, какой являлась парторганизация исторического факультета. Своей принципиальностью, честностью, добросовестностью Ю. В. Абросимов завоевывает авторитет, уважение не только в студенческой среде, но и в преподавательском коллективе вуза. В те годы студенты-фронтовики пользовались особым уважением в среде как студентов, так и преподавателей. После окончания института (с отличием) он в 1949 г. становится преподавателем кафедры основ марксизма-ленинизма. Одновременно активно занимается общественной деятельностью. После трех лет работы в качестве преподавателя он направляется в аспирантуру МГУ им. М. В. Ломоносова. В 1956 г. Абросимов Ю. В. возвращается в родной вуз на свою кафедру, где трудился все последующие годы. К сожалению, в связи с тяжелым заболеванием, а также в связи с изменением темы диссертации, ее завершение и защита отодвинулась на более поздний срок (1967).

Доцент. Юрий Владимирович был прекрасным лектором, педагогом. Он многие годы читал лекции и проводил семинарские занятия на

факультете физического воспитания. Состав факультета был почти полностью мужским. Студенты гордились своим преподавателем, любили его. Часто просили его остаться после занятий, рассказать об эпизодах его фронтовой жизни, о пребывании в плену. Юрий Владимирович не мог отказать ребятам. Правда, воспоминания ему давались нелегко. Иногда в процессе рассказал, особенно когда речь шла о его погибших друзьях, преподаватель вдруг замолкал, на глазах появлялась слеза, наступала минутная пауза. Потом, как-то неловко извиняясь перед аудиторией, он продолжал свою беседу. Ю. В. Абросимов не был слабым человеком. Он был мужественным воином, прошедшим суровые испытания в огненные военные года. Война его закалила, придала чертам его лица признаки суровости. Следы ожогов на лице остались на всю жизнь.

Его авторитет в среде студентов факультета физического воспитания был непререкаем. Он сам был хорошим спортсменом. Обучаясь еще в Баргузинской средней школе, Абросимов Юрий увлекся гимнастикой. Он мог целыми днями находиться в спортзале. Любовь к гимнастике сохранилась и в последующие годы. Будучи студентом пединститута, он становится одним из лучших гимнастов Бурятии. Значок спортсмена-перворазрядника был предметом его особой гордости. Работая преподавателем, он пристально следил за развитием гимнастики в пединституте, в городе, хорошо знал спортсменов, дружил с некоторыми из них.

С ним было интересно. С Юрием Владимировичем всегда было интересно. И не только студентам, но и его коллегам, преподавателям, и просто людям, с которыми он общался. Он отличался своей начитанностью, знанием научной, художественной литературы. Его не оставляла равнодушной опубликованная статья, увиденная телепередача, просмотренный кинофильм. Бывало, приходит на кафедру Юрий Владимирович, в это время в перерыве между лекциями, а чаще после занятий собираются Владимир Иосифович Затеев, Геннадий Доржиевич Басаев — заведующие кафедрами, Дондок Доржиевич Очиров, Иван Леонтьевич Дульбинов, Роберт Семенович Янгутов, Зоя Николаевна Цыдыпова — люди все интересные, увлеченные, много знающие, острые на язык, и начинается разговор об опубликованной статье, вышедшей книге, о телепередаче, нередко перерастающий в острую дискуссию, в которой у каждого из ее участников свой взгляд, своя позиция. Подобные беседы проходили весьма эмоционально, но всегда доброжелательно, всегда уважалось мнение каждого из ее участников. Ю. В. Абросимов, который нередко

являлся зачинателем подобных бесед, говорил взвешенно, рассуждающее, обращаясь не столько к чувствам, эмоциям, сколько к логике, разуму, фактам. Хотя, случалось, и он в пылу полемики проявлял горячность, страстно защищая свою точку зрения.

Ю. В. Абросимова характеризовала глубокая порядочность, честность, он не мог терпеть неправду. Он не боялся высказать свое мнение даже тогда, когда оно расходилось с мнением многих, включая вышестоящее начальство. Не случайно многие годы в советское время он возглавлял институтскую группу народного контроля, являлся членом Городского комитета народного контроля. Неоднократно избирался заместителем секретаря парткома института, секретарем партбюро факультета.

Он был коммунистом. Ю. В. Абросимов по своим взглядам был убежденным коммунистом. Он считал, что социалистический строй — лучшее достижение человечества. Но социализм не раскрыл в полной мере своих потенциальных возможностей, сохранял «родимые пятна» предыдущего строя. Под социализмом он понимал высокоразвитое, демократическое, гуманное общества, базирующееся на равенстве своих членов.

Сегодня нет не только того социализма, о котором мечтал Ю. В. Абросимов, но и того, в котором он жил и за который сражался. К сожалению, нет и самого Ю. В. Абросимова. В 1994 г. он умер. Его организм не смог справиться с тяжелым недугом.

Все свои 45 лет работы в Бурятском пединституте Ю. В. Абросимов нес в студенческую аудиторию знания, культуру, интеллигентность. Он учил мыслить, страдать и любить. Сегодня в связи с его 85-летием мы, его друзья, коллеги, ученики, склоняем свои головы перед светлой памятью мужественного воина, замечательного гражданина своей Родины.

Статья была опубликована в газете «Правда Бурятии» 19 января 2006 г.

ОН УЧИЛ ЛЮБВИ К МУДРОСТИ

Профессор В. И. Затеев

Владимира Иосифовича Затеева философы Бурятии часто уважительно называли старейшиной, патриархом. Он и по возрасту, и по опыту, и по эрудиции вполне соответствовал этим «титулам», правда, слово «патриарх» ему не нравилось, оно казалось каким-то старомодным, древним. И в самом деле, какой же он патриарх! Владимир Иосифович всегда строен, подтянут, энергичен. А что касается трудоспособности, то и в свои 85 лет он давал фору многим молодым ученым.

Родился Владимир Иосифович Затеев 19 января 1924 г. в селе Баргузин Баргузинского района Республики Бурятия в семье учителей Иосифа Тихоновича и Феоктисты Вонифатьевны, ставших впоследствии известными в республике педагогами.

Авиамеханик. После окончания средней школы Владимир Затеев был направлен в Иркутскую военную школу авиамехаников, а в конце 1943 г. в действующую армию. Служил в воинской части, базировавшейся в г. Иваново (аэродром «Северный»). Отсюда подготовленные авиамеханиками американские «кобры» отправлялись в районы боевых действий. Работа авиамеханика, на первый взгляд, малозаметна, на самом же деле была весьма значимой, требовала большой тщательности в работе, ответственности, выполнялась не только днем, но и ночью, нередко на лютом морозе.

В МГУ им. М. В. Ломоносова. В 1945 г. он возвращается в Баргузин, а в следующем году поступает на философский факультет Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. Здесь он полностью погружается в учебный процесс: много читает, с интересом слушает лекции выдающихся ученых, философов, активно участвует в работе семинаров, в общественных делах факультета.

Природные способности, помноженные на трудолюбие, старательность, организованность дали свои плоды: философский факультет он окончил с отличием. В том же году он

поступает в аспирантуру. Проявившийся еще в студенческие годы интерес к проблемам национальных, отношений определил основное направление его последующей научной деятельности.

В 1954 г. В. И. Затеев успешно защитил кандидатскую диссертацию «Особенности формирования в социалистические нации народов, не прошедших капиталистической стадии развития (на примере бурятского народа)» и был направлен в Бурятский государственный педагогический институт на кафедру марксизма-ленинизма. Сначала трудился старшим преподавателем, а с 1959 г. — доцентом.

Заведующий кафедрой. В 1964 г. на базе кафедры марксизма-ленинизма были созданы две кафедры: кафедра истории КПСС и политэкономии (зав. доцент Г. Д. Басаев) и кафедра философии и научного коммунизма, которую возглавил доцент В. И. Затеев. В этой должности трудился с перерывами около 30 лет.

В 50–60-е гг., будучи одним из немногих профессиональных философов в Бурятии, В. И. Затеев своими знаниями, эрудицией оказывал существенное влияние на мировоззренческую подготовку специалистов, развитие философской культуры в республике.

Несмотря на молодость, В. И. Затеев успешно осуществлял руководство кафедрой. Постоянно проявлял заботу о привлечении на кафедру молодых перспективных преподавателей, оказывал помощь в профессиональном росте, подготовке кандидатских диссертаций. За период его заведования многие члены кафедры были направлены в аспирантуру центральных и сибирских вузов, где подготовили и защитили кандидатские диссертации. Многие годы руководил методологическим семинаром, на котором обсуждались актуальные философские и социально-политические проблемы. Он же возглавлял и совет кафедр общественных наук désинститута, где рассматривались злободневные вопросы современного обществоведения, пути совершенствования учебного процесса, улучшения качества преподавания. Кафедра философии была в числе первых в институте подразделений, проявивших инициативу широкого внедрения в учебный процесс технических средств и программирования, совершенствования технологии и методов обучения, применения проблемного изложения учебного материала, методологизации и профпеднаправленности учебного процесса и т. п. Этим же целям служили и систематические обсуждения текстов лекций преподавателей кафедры, коллективные посещения открытых лекций и семинаров с последующим их анализом, взаимопосещения. Сам руководитель кафедры — прекрасный вузовский лектор, у которого учились лекторскому мастерству

многие преподаватели. При анализе лекций коллег В. И. Затеев делал подробный их разбор. Это всегда происходило с чувством большого такта, корректности.

Нередко заведующий рекомендовал прочитать те или иные работы, где освещалась обсуждаемая проблема, а то и приносил книги из своей библиотеки. Он всегда приобретал появившиеся монографии, учебную литературу и охотно делился ими с коллегами.

В научном поиске. В. И. Затеев большое внимание уделял научной работе. Он известен в научной среде как крупный специалист в области национальных отношений, истории русской философии. Является автором 210 научных работ, в том числе 11 монографий. Более двух третьих его трудов посвящены национальным отношениям.

В 1961 г. вышла его первая монография «Формирование и расцвет бурятской социалистической нации» (Улан-Удэ, 10 п. л.), в основу которой был положен материал кандидатской диссертации. В ней на большом и разнообразном материале показаны основные вехи, факторы и процесс развития бурятской народности, ее этнической консолидации в нацию в советское время. Автором была выдвинута концепция консолидации бурятского народа на базе новых социальных условий, связанных с превращением Бурятии из отсталой окраины в развитую индустриально-аграрную республику с современной культурой в 20–60-х годах. Несмотря на то, что некоторые методологические принципы этой работы сегодня устарели и требуют соответствующих коррективов, книга В. И. Затеева, несомненно, выдержала испытание временем, и ее пафос и основные выводы во многом сохранили свою значимость до наших дней.

В середине 60-х годов под руководством В. И. Затеева на кафедре философии и научного коммунизма началась разработка коллективной темы «Расцвет и сближение социалистических наций в период перехода от социализма к коммунизму». По результатам исследований был издан ряд тематических сборников статей. В начале 70-х годов коллективно изучалась тема «Научно-техническая революция и проблемы развития социалистических наций», куда были вовлечены преподаватели нескольких обществоведческих кафедр. В числе написанных и опубликованных в те годы — монография В. И. Затеева «Национальные отношения при социализме» (Улан-Удэ, 1975, 9 п. л.). В ней на основе существовавшей теоретической концепции нации и национальных отношений был сделан философско-социологический анализ национальных отношений как специфического вида в системе общественных отношений, показаны их особенности и закономерности развития при социализме.

В 1979 г. доцентом В. И. Затеевым в Институте философии АН СССР была успешно защищена докторская диссертация «Национальные отношения: сущность, закономерности (философско-социологический аспект)». Автор этих строк присутствовал на защите диссертации своего старшего коллеги и от имени БГПИ как проректор по науке выступил в поддержку Владимира Иосифовича. Ведущие ученые-этнологи оценили труд В. И. Затеева как оригинальное и фундаментальное научное исследование, способствующее формированию нового перспективного направления в теории нации и национальных отношений. Председатель диссертационного совета член-корреспондент АН СССР Ц. А. Степанян в заключении отметил, что членам совета приятно сознавать, что на столь высоком уровне выполнено исследование в далекой периферии.

В конце 70-х и в первой половине 80-х годов научные интересы В. И. Затеева были сосредоточены на изучении вопросов интернационализации общественной жизни, диалектики интернационального и национального в условиях социализма. Им и его коллегами В. И. Антоновым, В. А. Барьядаевой, Т. Б. Богомоловым, В. М. Курмаевой, И. И. Осинским, А. Н. Постниковым, З. Н. Цыдыповой, Р. С. Янгутовым было проанализировано содержание понятий «интернациональное» и «национальное», роль интернационализации в развитии и сближении социалистических наций, философско-методологические основы диалектики интернационального и национального при социализме, была рассмотрена диалектическая взаимосвязь интернационального и национального в управлении национальными отношениями, в образе жизни, культуре, сознании и т.д., что нашло свое отражение в сборнике статей «Диалектика интернационального и национального в условиях социалистического общества.

«Национальные процессы в регионе» — объект коллективного исследования. Во второй половине 80-х — первой половине 90-х годов под руководством профессора В. И. Затеева разрабатывались коллективные темы «Общее и регионально-особенное в развитии социалистических наций и народностей», «Национальные процессы региона (на материалах Сибири)», был проведен ряд межвузовских научных конференций, теоретических семинаров, посвященных вопросам национальных отношений.

В. И. Затеев в те годы в своих научных поисках делает акцент на разработку методологических вопросов национальной проблематики. В 1989 г. он издает монографию «Диалектика национальных процессов в СССР» (Улан-Удэ, 10 п. л.), в которой показаны диалектика национальных отношений при социализме, место и роль интернационализации

общественной жизни и противоречий в национальных процессах. Он активно участвует во всесоюзных и региональных научных конференциях, печатает свои статьи в центральных изданиях страны. Конечно, перемены в жизни и обществоведении конца 80-х — начала 90-х годов заставили исследователя критически переосмыслить многие проблемы в области национальных отношений. Вместе с тем надо отдать ему должное: он весьма взвешенно подходил к оценке этих проблем, обоснованно выступал против нигилизма и огульного отрицания, к серьезным теоретическим обобщениям, сделанным в прошлом.

Начиная со второй половины 90-х годов, профессор В. И. Затеев сосредоточился на проблеме русских в Сибирском регионе. Первым этапом разработки этой проблемы явилась тема «Русские в Бурятии». Это связано со слабой изученностью данной проблемы. Между тем, как отмечалось исследователями, в России, включая ее регионы, создалась ситуация, когда самая многочисленная нация наименее исследована. Отсутствуют сколько-нибудь значительные работы, посвященные проблемам русского этноса. Для изучения данной темы В. И. Затеевым был сформирован большой коллектив ученых из среды обществоведов вузов, НИИ, управленческих структур Республики Бурятия. Итогом явился объемный капитальный труд «Русские в Бурятии: история и современность» (Улан-Удэ, 2002. 578 с.), в котором дан обстоятельный анализ исторического, экономического, социального, политического и духовного развития русского этноса в одном из сибирских национально-государственных образований Российской Федерации.

Подготовка кадров. С созданием в вузе аспирантуры и докторантуры по социальной философии и социологии В. И. Затеев активно привлекает к разработке проблем этнологии аспирантов и докторантов. Под его руководством подготовлены и защищены двадцать кандидатских и докторских диссертаций. В этих исследованиях рассматриваются проблемы природы национальных меньшинств в современном мире, сущности и взаимодействия этносоциальной и демографической структур региона, двуязычия в республиках Сибири.

Одновременно В. И. Затеев в течение ряда лет интересовался социально-политическими взглядами видных отечественных и зарубежных мыслителей и ученых, чьи подлинные и неординарные воззрения в советские годы либо предавались забвению, либо искажались. В соавторстве с бывшими аспирантами на базе их диссертационных работ подготовлен и издан ряд монографических исследований. Они посвящены социально-философским взглядам П. А. Сорокина, П. А. Кропоткина, П. А. Лаврова, Н. К. Михайловского, М. А. Бакунина, Л. А. Гумилева. За годы научной ра-

боты В. И. Затеева сложилась научная школа, получившая признание среди ученых-этнологов.

Создание учебной литературы. Кроме руководства аспирантами и докторантами, профессор В. И. Затеев в течение многих лет читал лекции для молодых преподавателей, готовившихся к сдаче экзаменов кандидатского минимума по философским дисциплинам. Он, собственно, явился инициатором и организатором подобных курсов еще в начале 70-х годов.

Ученый плодотворно трудился над созданием учебных пособий, методической литературы. По его инициативе и при активном участии еще в советское время было написано оригинальное учебное пособие — кафедральный курс лекций по философии в двух частях. В 1999 г. в соавторстве с доцентами В. Д. Дамбаевой и Р. С. Янгутовым им было подготовлено и издано учебное пособие для студентов «История философии и социологии» (Улан-Удэ, 284 с.), в соавторстве с профессором Д. Ш. Цырендоржиевой издано учебное пособие по философий для аспирантов в двух, а затем в трех частях.

Общественная деятельность. В. И. Затеева всегда отличала активная жизненная позиция. В течение многих лет он возглавлял научно-методический совет республиканской организации общества «Знание», Бурятское отделение философского общества РФ, был внештатным лектором обкома и горкома партии. В постсоветское время около 10 лет являлся заместителем председателя докторского диссертационного совета при Бурятском госуниверситете, членом диссовета при Иркутском госуниверситете. Ряд лет был членом Совета старейшин при Президенте Республики Бурятия, заместителем заведующего кафедрой философии Бурятского госуниверситета.

Многолетний добросовестный труд В. И. Затеева отмечен многими правительственными наградами: орденом Дружбы народов, восемью медалями. Ему присвоено высокое звание заслуженного деятеля науки Российской Федерации и Республики Бурятия. В 1986 г. он избран Почетным членом Сибирского отделения Академии наук высшей школы.

Владимир Иосифович Затеев был блестящим лектором, крупным ученым, глубоко интеллигентным человеком. Он являлся прекрасным семьянином, отцом. Владимир Иосифович и его супруга Нина Павловна прожили в мире и согласии долгую и счастливую жизнь. Воспитали двух прекрасных ученых. Дочь Татьяна Владимировна — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русской литературы БГУ, сын Владимир Владимирович — кандидат технических наук, профессор Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления.

Седовласый, элегантный, неспешный, с доброй открытой улыбкой, с

чувством собственного достоинства — таким запомнился коллегам по университету профессор Владимир Иосифович Затеев.

Статья опубликована в сборнике «Межэтнические отношения и процессы в современном мире: материалы региональной научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения профессора В. И. Затеева / отв. ред. М. В. Бадмаева. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2014. С. 3–8.

НА ЕГО ЛЕКЦИЯХ НЕ БЫЛО СКУЧАЮЩИХ

Автору этих строк, то есть мне, хотелось бы продолжить свои воспоминания о В. И. Затееве как о преподавателе, интеллигенте. Тем более, что я как студент историко-филологического факультета Бурятского пединститута слушал лекции молодого Владимира Иосифовича. Это было в 1958 г. Мы, студенты 2 курса, знали, что наш преподаватель из Баргузина, что он закончил МГУ им. М. В. Ломоносова и недавно (в 1954 г.) защитил диссертацию.

Манера чтения лекций. Доброе, открытое лицо, мягкая улыбка вызывали доверие и симпатию к молодому философу. Как преподаватель Владимир Иосифович был очень организованным. Лекции всегда начинались вовремя. Не помню случая, чтобы он когда-нибудь задержался, а тем более не пришел на занятие. Приходил всегда в хорошо выглаженном костюме с галстуком. Лекция начиналась с сообщения ее плана, литературы, к которой рекомендовалось обращаться при подготовке к семинарскому занятию. Во время чтения лекции он пользовался текстом. Правда, он его, как правило, не читал, а, свободно владея материалом, воспроизводил содержание текста. В те годы нельзя было преподавателю приходить на лекцию без текста, а при ее чтении отклоняться от написанного. Ведь тексты лекций в большинстве случаев предварительно обсуждались на заседании кафедры и по ним выносились соответствующие решения, рекомендации. Если же преподаватель в лекции пытался излагать что-то по-своему, свободно интерпретировать какие-то теоретические положения (хотя и в рамках официальной идеологии), то это называлось «заниматься отсебятиной». И преподаватели старались придерживаться существовавших требований.

Лекции Владимира Иосифовича в содержательном отношении были хорошо организованными, теоретические положения раскрывались понятным для студентов языком, иллюстрировались интересными запоминающимися примерами. Преподаватель избегал усложненной интерпре-

тации тех или иных философских категорий, законов, концепций, чем, к сожалению, грешат некоторые современные философы. Делая свои лекции доступными, он при этом не упрощал, не снижал научного уровня раскрытия изучавшихся проблем. Выпускник-отличник философского факультета МГУ прекрасно знал, что такое философия и каким языком пользоваться для раскрытия ее глубинных, всеохватывающих, вечных проблем. И он это делал, приобщая студентов, вчерашних школьников, к высокому интеллектуальному миру, к азам культуры философствования.

Лекции Владимира Иосифовича нравились студентам не только своим содержанием, или тем, что они хорошо воспринимались, но и возможностью успеть записать то, что говорит лектор, схватить главное. Для студента это очень важно. Из прослушанного со временем часть забывается. За Владимиром Иосифовичем было легко записывать. Темп чтения лекции позволял это делать без особого труда. Он иногда останавливался, что-то разъяснял, делал паузы, подчеркивал какие-то важные мысли, новые термины писал на доске.

Преподаватель и студент. В общении со студентами Владимир Иосифович был простым, доступным, всегда готовым что-то уточнить, растолковать, посоветовать. При этом избегал поучающего, назидательного, менторского тона. Это проявлялось как во время аудиторных занятий, так и в его внеаудиторных беседах. На экзаменах Владимир Иосифович старался выявить знания студента, объективно оценить их. Нельзя сказать, чтобы он был очень строгим, но достаточно требовательным. Иногда задавал много вопросов, стремясь помочь студенту сосредоточиться на нужном направлении поиска ответа. Я не помню случая, чтобы он кого-то пытался «загнать в угол», поставить в неудобное положение, а тем более унизить. Наоборот, старался подбодрить, говоря при этом, что студент это знает, надо только подумать. Год назад на встрече выпускников — однокурсников тех лет одна из бывших студенток, ныне профессор Руфина Прокопьевна Матвеевна (в студенческие годы Арефьева), рассказала, как во время экзамена по философии у одного из студентов стали падать из рукава на пол шпаргалки. Студент, сидя напротив экзаменатора, страшно стушевался. Владимир Иосифович, сделал вид, что не заметил этого. Поднялся со стула, отошел к окну. Постоял немного, глядя в окно. Студент тем временем незаметно собрал свои листочки. Затем Владимир Иосифович вернулся и, как ни в чем не бывало, продолжил экзамен. Правда, преподаватель задал ему больше, чем обычно, вопросов, на что тот неплохо ответил и получил за свой ответ хорошую оценку. Конечно, можно по-разному оценивать реакцию пре-

подавателя. Но несомненно, что в данном случае взяло вверх чувство гуманного отношения к совершившему проступок студенту. Думается, что это было и неплохим уроком для самого студента.

В последующем, работая в школе, в райкоме партии, мне неоднократно приходилось встречаться с В. И. Затеевым. Он часто читал лекции для пропагандистов, лекторов, на предприятиях, в школах района, руководил республиканским научно-методическим советом общества «Знание», являлся лектором вечернего университета марксизма-ленинизма. В любой аудитории уважительно, с доверием относились к слову лектора. Он всегда добросовестно выполнял свои многочисленные общественные обязанности. Уже тогда он был уважаемым, авторитетным человеком в городе, республике. Но особенно близкими стали наши отношения, когда я пришел работать пединститут, где был избран секретарем партийной организации и по совместительству трудился на 0,5 ставки старшим преподавателем кафедры философии и научного коммунизма. На том же собрании Владимир Иосифович был избран заместителем секретаря партийной организации. Это было в октябре 1964 г. Накануне произошло разделение кафедры марксизма-ленинизма, которой в течение 7 лет заведовал кандидат исторических наук, доцент Иван Леонтьевич Дульбинов, на кафедру истории КПСС и политэкономии (заведующий доцент Геннадий Доржиевич Басаев) и кафедру философии и научного коммунизма, которую возглавил доцент Владимир Иосифович Затеев. В этой должности он трудился с перерывами около 30 лет. Кафедры располагались в учебном корпусе № 2 на втором этаже (там сейчас размещаются деканат филологического факультета, кафедры русского языка и русской литературы).

В большой комнате располагался читальный зал кафедр общественных наук, слева — помещение для преподавателей двух кафедр, а еще левее — небольшая комната для заведующих кафедрами. В читальном зале занимались студенты, в комнатах находились преподаватели. Так как заведующие кафедрами были людьми демократичными и относительно молодыми, то преподаватели использовали обе комнаты. Здесь они отдыхали в перерывах между занятиями, обменивались новостями, делились о прочитанном, дискутировали по тем или иным научным и житейским проблемам. В этих мероприятиях принимали участие и заведующие кафедрами. Здесь все чувствовали себя на равных.

Кафедра. Рост квалификации. В момент избрания Владимира Иосифовича заведующим кафедрой философии и научного коммунизма она насчитывала 11 преподавателей, из них четверо (В. И. Затеев, А. В. Буй-

нов, Н. А. Назарова, И. Л. Дульбинов), кандидаты наук, остальные — З. Н. Цыдыпова, Р. С. Янгутов, М. А. Хитынов, Г. Г. Минеева, Ю. В. Абросимов, Н. А. Миронов, И. И. Осинский — старшие преподаватели, не имели ученой степени.

Учитывая невысокий уровень остепененности, заведующий кафедрой ставил задачу активизировать научно-исследовательскую работу, форсировать написание кандидатских диссертаций. Некоторые члены кафедры были направлены в аспирантуру, кто-то прикреплен к кафедрам философии сибирских или центральных вузов страны, молодые преподаватели сдавали экзамены кандидатского минимума. На кафедре был создан методологический семинар, на котором обсуждались философские и социально-политические проблемы. Руководил семинаром В. И. Затеев. Он же возглавлял и совет кафедр общественных наук пединститута, где рассматривались вопросы современного обществоведения, пути совершенствований учебного процесса, улучшения качества преподавания. По инициативе Владимира Иосифовича в пединституте был организован кружок по подготовке кандидатского минимума по философии. Все это оказывало помощь в профессиональном росте членов кафедры и написании диссертационных работ. К моменту, когда Владимир Иосифович передавал заведование кафедрой профессору Валерию Александровичу Балханову (1996), на кафедре трудились 13 преподавателей, среди которых было два доктора и 10 кандидатов философских наук и старший преподаватель без ученой степени. По тем временам это был очень высокий показатель, характеризующим качественный состав кафедрального коллектива.

Владимир Иосифович большое внимание уделял учебной работе. Он постоянно заботился о совершенствовании учебного процесса членами кафедры, улучшения качества преподавания. Кафедра философии была в числе первых в институте подразделений, проявлявших инициативу широкого внедрения в учебный процесс различного рода новшеств.

Помниться, мы, то есть кафедра, постоянно что-то внедряли; то изготовляли и использовали наглядные пособия в виде таблиц, которые хранились в читальном зале кафедры, и преподаватели брали их с собой, идя на лекцию; то технические средства, например ЛЭТИ и программирование, пройдя предварительно курс обучения методике их применения; то применяли проблемный метод в процессе чтения лекций; то каждый из нас перерабатывал свой лекционный курс с учетом требований методологизации, а потом педагогизации и профпеднаправленности учебного процесса. А ведь были еще УИРСЫ и НИРСЫ, проблемы самообразования студентов, связь со школами и т. п. И это не про-

сто слова. Преподаватель должен был всем этим «пропитать» свой учебный курс, свои лекции. Тексты лекций, которые писались для обсуждения на кафедре, систематически проводившиеся взаимопосещения, посещения лекций заведующим кафедрой оценивались, с позиций вышеприведенных внедренческих направлений по совершенствованию качества подготовки будущего педагога. Все это способствовало улучшению учебного процесса, стимулировало творчество, поиск. Владимир Иосифович умело, последовательно направлял эту многогранную деятельность своих коллег, поддерживал старание, инициативу.

Этому служили и обсуждения текстов лекций преподавателей кафедры, коллективные посещения открытых лекций и семинаров с последующим их анализом. А такие обсуждения проводились часто. Каждый преподаватель в течение учебного года должен был написать текст лекции и в определенное время представить для обсуждения на заседании кафедры или дать открытую лекцию. И то, и другое сопровождалось обсуждением, во время которого, как правило, присутствовали все члены кафедры. Подобные обсуждения были хорошей школой для преподавателей.

Владимир Иосифович учил не только методике чтения лекции, он сам был прекрасным лектором. Особенностью его лекторского мастерства являлось умелое, глубокое, содержательное и в тоже время доходчивое изложение самых сложных проблем философии. Глубокие знания и лекторское мастерство снискали ему популярность и заслуженное уважение многих поколений студентов.

Владимир Иосифович — не только прекрасный руководитель, замечательный лектор, но и крупный ученый, общественный деятель, заслуженный профессор. Эти высокие личностные качества нашли свое отражение во многих книгах, статьях, энциклопедиях, в том числе написанных автором этого воспоминания.

Жаль только, что его уже нет среди нас.

ЖИЗНЬ ДЛЯ ДРУГИХ

В. В. Соколовский

Когда-то римский император Марк Аврелий произнес: «Люди существуют друг для друга». Вот смотрю я на этого высокого слега сутулящегося человека и думаю: в самом деле, Вацлав Владимирович живет для других. Он как никто другой воплощает в жизнь смысл сказанного великим римлянином. Хотя обстоятельства жизни В. В. Соколовского, с неумолимой жестокостью, как казалось, утверждали обратное. Такова, очевидно, диалектика бытия.

Корни его родов — в Польше. Дед В. В. Соколовского — обеспеченный польский студент за убийство царского чиновника был сослан на вечную каторгу в Сибирь, на пресловутые Нерчинские рудники. На этих рудниках отбывали в свое время каторгу декабристы Трубецкой, Волконский, Анненков.

Вскоре ему удалось оттуда бежать. В губернском Иркутске, куда он сумел добраться, ему в подпольной организации «Народная воля» выдали документы на фамилию Соколовского Вацлава Дионисимовича.

Затем он стал работать приказчиком у купца, потом сам стал купцом. Его сын Владимир, женившись на дочери железнодорожного служащего Игнатия Яновича Гурского в 1925 г., стал отцом Вацлава Владимировича.

После ликвидации НЭПа в 1924 г. дед уехал в Харбин, где умер в 1932 г. Его сын Владимир Вацлавич Соколовский в 1926 г. был исключен из Иркутскою университета за непролетарское происхождение. Бывшему студенту ничего не оставалось, как тоже уехать в Харбин к родителям. В Китай после ликвидации НЭПа из Восточной Сибири уезжали многие. После 1932 г., когда в СССР появились первые признаки репрессий, переписка с отцом прекратилась.

Его жена Наталья Игнатьевна с маленьким сыном Вацлавом, родившимся в 1925 г., остались в Иркутске, в доме Гурских, здесь же, кроме них, обитали брат, три сестры и мать. Жить становилось все тяжелее, и в 1932 г. Гурские продали дом и отправились в Одессу, на родину матери на поиски лучшей жизни побыва-

ли на Украине, где в те годы был голодомор, оттуда пришлось ехать в город Киров, потом снова был Иркутск, затем из-за безработицы, отправились на Север Иркутской области, на строительство Мамаканской ТЭЦ. В 1935 г. оказались в поселке Могочи Читинской области. В 1939 же году отчим, работая прорабом на строительстве жилых домов, был арестован, осужден и отправлен на Колыму. Наталья Игнатьевна осталась с тремя детьми. Старшему Вацлаву тогда было 13 лет. Он был главным помощником в семье. Они решили завести корову, и юный Вацлав научился косить сено, копнить, скирдовать, укладывать возы. А по утрам и вечерам, когда матери было некогда, доил корову.

Там же в Могочи они узнали, что началась война. В марте 1942 г. 16-летний Вацлав в качестве разнорабочего отправился в геодезическую экспедицию на Алдано-Олекминское нагорье. Работа была трудной. Приходилось и блуждать в тайге, тонуть, замерзать, голодать. В январе 1943 г. Вацлав возвращается домой, и уже через месяц призывается в Красную Армию. Воевал на Дальнем Востоке против японской Квантунской армии. Участвовал в боях за взятие городов Мулин, Мудодзян. Вспоминая боевые действия, Вацлав Владимирович словно видит своих боевых товарищей, идущими в бой, чтобы овладеть превращенным в крепость Мудодзяном. За боевые подвиги наводчик орудия Вацлав Соколовский был представлен к награждению медалью «За отвагу».

В марте 1946 г. он возвращается домой в Могочи. В этом же году вся семья отправляется на Север, на прииск «Ударник» Магаданской области. Там Вацлав Соколовский закончил среднюю школу, работал мастером по разведке месторождений золотых россыпей, и в 1948 г. поступает в Московский автодорожный институт. В Москве он много занимается самообразованием, посещает театры, выставки. В 1953 г. молодой специалист, инженер-строитель мостов и тоннелей получает направление на работу в Хабаровское управление шоссейных дорог. Он женится на Ирине Зайцевой, уроженке подмосковного Серпухова, которая делит с Вацлавом Соколовским до конца его жизнь все радости и горести.

В 1957 г. он возвращается с Дальнего Востока в город Иркутск, где трудится прорабом на строительстве хладокомбината, карьера «Перевал» и других предприятиях г. Ангарска. В 1961 г. Соколовские переезжают в Улан-Удэ, где живут уже 44 года. Вацлав Владимирович трудился главным инженером стройуправления — одной из строительных организаций, специалисты которой прокладывали подземные коммуникации и подъездные пути. С 1965 г. на проектной работе, затем главным инже-

нером института «Востсибрыбниипроект». С 1986 г. он на пенсии. Находясь официально на отдыхе, Вацлав Владимирович продолжает трудиться. Он занимается экспертизой проектов, наносящих урон рыбным запасам. Разработал методики расчета таких ущербов и тем самым не давал возможность сооружать губительные для окружающей среды предприятия.

Но главное, что было сделано В. В. Соколовским за последние 15 лет, это — объединение поляков, живущих на территории Республики Бурятия — создание Общества польской культуры «Наджея».

Сибирь, в том числе Забайкалье, были местом, куда ссылали на каторгу или поселение польских повстанцев 1830–1831, 1863 гг., а в последствии — членов революционных кружков. Кроме того, в Забайкалье приезжали добровольно польские специалисты: врачи, инженеры, железнодорожники, учителя, ремесленники. Среди них было много образованных людей: они выступали подлинными просветителями как бурятского, так и русского населения, изучали историю, географию, этнографию, геологию, флору и фауну Забайкалья. Среди ссыльных были искусные слесари, столяра, часовщики, аптекари, колбасники, кондитеры и другие специалисты.

За эти годы многие поляки оказались ассимилированными. Тем не менее, было немало таких, кто противился ассимиляции, старался сохранить польский язык, культуру, традиции.

В настоящее время в Республике Бурятия проживает более 400 поляков и около 10 тысяч лиц, родившихся в смешанных семьях.

В годы начавшейся в России перестройки В. В. Соколовский выступил инициатором создания на территории Бурятия Общества Польской культуры с символическим названием «Наджея». Образованное им в 1992 г. Общество объединило поляков, оказало и оказывает большое влияние на возрождение у людей польской национальности национального самосознания. Оно дало возможность всем желающим изучать польский язык, возродить в польских семьях национальные обряды, добрые народные традиции, заронить в души молодых потомков польских революционеров уважение к своим дедам и прадедам, восстановить связи со своей этнической родиной — Польшей. Сегодня общество «Наджея» приобрело статус национально-культурной автономии.

Благодаря усилиям В. В. Соколовского и его соратников в 1993 г. при Обществе была создана Воскресная школа польского языка и культуры. Первым учителем польского языка стала Инна Сергеевна Александрова. Интересно отметить, что если в год открытия Воскресной школы (1993) в ней обучалось 6 учеников, то в

1997 — 23, в 2000 — 60, в 2005 — 90 учеников.

За время существования школы многие улан-удэнские юноши и девушки овладели польским языком. Преподавателями польского языка являются приезжие к нам учителя. Члены Общества с большой теплотой вспоминают польскую учительницу Кристину Иоанну Шелковскую (пани Асю). Сегодня преподает польский язык пани Барбара Качмарчик. Начиная с 1995 г. ребята из Общества выезжают в польские лагеря, на курсы, поступают учиться в университеты Польши.

В 1996 г. Вацлавом Владимировичем была предпринята замечательная акция. Он, будучи широко образованным человеком, прекрасно знающим историю ссылки поляков в Сибирь, организовал изучение истории ссылки поляков на территорию нынешней Бурятии. У него оказалось большое число помощников историков, журналистов, музееведов, учителей. Благодаря этому собран уникальный материал о судьбах сосланных в эти края людей, о их пребывании на каторге, переживаниях, деятельности, связях с местным населением. Этот материал нашел свое отражение в пяти томах под общим названием «Поляки в Бурятии». Главным вдохновителем и главным редактором этого издания являлся Вацлав Владимирович, или, как мы его любовно называли, «пан Вацлав». Полистаешь эти книги, проникаешься чувством гордости, уважения к народу, представители которого, будучи сосланными на каторгу, находясь в неволе, в неимоверных условиях осваивали эти суровые сибирские края, несли сюда свет знаний, цивилизацию; совместно с их коренными жителями вдыхали в эти безмолвные тайгу и степи тепло и жизнь. В 2003 г. обществом «Наджея» совместно с учеными Бурятского государственного университета г. Улан-Удэ была проведена международная научная конференция «Полония в Сибири: проблемы и перспективы развития», которая явилась важным этапом в познании истории польской ссылки в Сибирь.

По настоянию Вацлава Владимировича в 2000 г. в Бурятию были приглашены из Польши ксендз отец Адам и монахини Татьяна и Бернадета, в том же году был открыт Римско-католический приход «Святейшего сердца Иисуса Христа». С того момента Обществом ежегодно отмечаются самые почитаемые праздники: Boze Narodzenie (Рождество Христово 25 декабря) Wielakanoc (Пасха). Каждый год к этим праздникам члены Общества и прихожане готовят театрализованное представление (спектакль) и проходит святая месса на польском и русском языках. Важным событием в жизнедеятельности общества явилось открытие в Улан-Удэ костела, здание которого было построено в очень короткие сроки, за 3 года.

Общество польской культуры постоянно отмечает традиционные польские праздники, в которых принимают участие не только поляки, но и люди русской, бурятской и других национальностей. Кроме того, члены Общества активно участвуют в праздничных культурных программах, таких как «Венок дружбы», в национальном бурятском празднике «Сагаалган» и других.

В 2000 г. стала издаваться польская газета «Pierwsze kroki» («Первые шаги»), в которой публикуются материалы о деятельности общества, об истории и людях польской диаспоры. Ее бессменным редактором является журналист и писатель Анна Ивановна Виноградова. В июне 2001 г. по инициативе Общества «Наджея» были проведены «Дни польской культуры в Улан-Удэ». В рамках «дней» в музее истории Бурятии им. Хангалова была открыта выставка «Польский след в Бурятии», на которой использовались архивные материалы и семейные реликвии. Состоялся концерт «Вечер дружбы» при участии национальных культурных центров Бурятии, известных творческих коллективов города, а также гостей из Польши — известного польского ансамбля танца и песни университета им. Марии Складовской-Кюри; из Люблина.

В октябре 2001 г., в нескольких километрах от села Мишиха Кабанского района был открыт памятник восставшим ссыльным полякам, погибшим здесь в 1866 г. По инициативе В. В. Соколовского ежегодно, в годовщину этой трагедии члены общества выезжают к памятнику, чтобы отдать дань уважения памяти борцам за свободу как польского, так и русского народов от тирании.

Важным событием в жизни польской диаспоры в Бурятии явился в июле 2001 г. приезд в Улан-Удэ большой делегации польских сенаторов, политиков, бизнесменов во главе с Маршалом сената Алицией Гжешковяк. Маршал Алиция Гжешковяк ознакомилась с работой Общества, выразила свое одобрение, рассказала о предстоящей репатриации сибирских и российских поляков на родину.

Члены общества «Наджея» признательны за внимание к польской диаспоре и оказание ей помощи обществом «Вспольнота Польска», ее руководителю профессору Анджею Стельмаховскому, генеральному консулу Республики Польша в Иркутске, администрации города Люблина, с которой у «Наджеи» существуют тесные, дружеские связи.

Вся многогранная деятельность общества «Наджея» — это результат постоянного внимания его председателя Вацлава Владимировича, который ежедневно вникает во все его дела, интересуется здоровьем, жизнью каждого его члена. Он в обществе пользуется непререкаемым авторитетом, всеобщим уважением и любовью. Он живет для других людей. Он —

главная объединяющая сила поляков в Бурятии. Недавно состоялось собрание членов Общества «Наджея», которое удовлетворило просьбу Вацлава Владимировича об его отставке с поста председателя. Был избран новый молодой председатель, доцент Государственной академии культуры Евгений Семенов. В. В. Соколовский единогласно был избран Почетным председателем Общества.

Несмотря на свой почтенный возраст Вацлав Владимирович попрежнему постоянно бывает в обществе, словом и делом помогает его плодотворной деятельности — он не может существовать без людей, а люди — без него.

Ему недавно исполнилось 80 лет со дня рождения. Пожелаем же Вацлаву Владимировичу доброго здоровья, долгих лет жизни и долго-долго быть нужным людям и нуждаться в людях.

ГОДЫ БОРЬБЫ И ПОИСКОВ

Профессор Н. К. Елаев

На фронте. Недавно, перелистывая «Alma mater», натолкнулся на сюжет о Николае Константиновиче Елаеве, в котором рассказывалось о нем как об участнике Великой Отечественной войны. Позже я писал о нем и в других работах. Именно с упомянутого сюжета мне хочется начать свои воспоминания об этом замечательном человеке. «С нетерпением, — говорится в книге, — ждал призыва в армию учащийся Иркутского художественного училища Н. К. Елаев. После окончания курсов по подготовке командиров пулеметных и минометных взводов в 1943 г. он прибыл на фронт. И в течение года не покидал передовой. Под пулями и снарядами командир взвода вместе с солдатами прошагал дорогами войны, освобождая Смоленщину, Белоруссию,

польские и литовские земли, Восточную Пруссию. Был несколько раз контужен. Кавалер трех боевых орденов и многих медалей. В своих воспоминаниях ветеран с восхищением говорит о своих фронтовых товарищах: «По возрасту мы были почти все ровесники — 19–20 лет, кто физически покрепче, кто чуть послабее. Но какой был могучий моральный дух! Ведь за все эти сотни суровых дней и ночей, когда рядом гибли дорогие друзья, я ни разу не слышал ни малейшего хныканья и уныния. Ведь все эти длиннейшие фронтовые дороги солдаты на своих еще не окрепших плечах пронесли каждый почти по 40 кг груза под палящим солнцем или проливным дождем, через рвы, окопы и водные преграды. Даже в страшных условиях отступления никто не сбросил с плеч ствол или опорную плиту миномета, винтовку или мину [1]. Работая в институте, доцент Н. К. Елаев продолжительное время возглавлял Совет ветеранов института, проводил большую работу по организации бывших фронтовиков, использованию их знаний, жизненного опыта в патриотическом воспитании студентов. Он руководил факультетом, кафедрой, ныне — профессор кафедры педагогики» [2].

Он был патриотом. Книга, из которой взят приведенный сюжет, написана 19 лет назад. В нем раскрываются только некоторые самые общие факты из жизни и деятельности Николая Константиновича. Характер работы (монография), к сожалению, не позволял осветить их с большей полнотой. Я знал Николая Константиновича многие годы. И хотелось бы дополнить рассказ о нем.

Родился он 30 декабря 1921 г. в улусе Харагун Боханского района Иркутской области в семье зажиточных крестьян. Среднюю школу окончил в 1941 г. перед самим началом Великой Отечественной войны. Окончил с отличием. Был очень благодарен родителям за то, что они несмотря на раскулачивание дали возможность учиться, получить среднее образование.

После окончания школы поступил в Иркутское художественное училище. С третьего курса был призван в армию. Придя с войны домой в 1945 г., поступил на исторический факультет Иркутского государственного университета. По его окончании работал руководителем лекторской группы Бурятского обкома комсомола, затем методистом в институте усовершенствования учителей, директором Оронгойской средней школы.

В 1958 г. Н. К. Елаев был приглашен в Бурятский пединститут на кафедру педагогики и психологии. В 1970 г. после прохождения аспирантуры и защиты диссертации «Формирование профессиональной

направленности школьников» на ученом совете НИИ общей педагогики Академии педагогических наук СССР ему присуждается ученая степень кандидата педагогических наук и в 1973 г. — ученое звание доцента, а в 1991 г. избирается на должность профессора кафедры научной организации управления школой. В 1995 г. присуждается ученое звание профессора по кафедре педагогики.

Будучи заведующим кафедрой НОУШ и деканом ФППК ОНО, он много усилий приложил к организации нового факультета и оказанию квалифицированной помощи руководителям школ Бурятии, Якутии, Тувы, Читинской и Иркутской областей в перестройке учебно-воспитательного процесса в соответствии с новыми требованиями.

Работая секретарем партийной организации пединститута, проректором, зав. кафедрой философии, причем не один десяток лет, я часто встречался с Николаем Константиновичем. Мы обсуждали вопросы жизни вуза, образования, патриотического воспитания и др. Конечно, Николай Константинович был многогранной личностью с широким кругом интересов.

Это был прежде всего большой патриот своей Родины. Он с оружием в руках защищал ее в годы Великой Отечественной войны. Он заботился о ее процветании и все последующие годы своей жизни. Это выражалось в его добросовестном труде в качестве доцента кафедры педагогики, декана ФППК ОНО, заведующего кафедрой НОУШ, где он прилагал большие усилия по подготовке учителей, оказанию квалифицированной помощи руководителям школ огромного сибирского региона, в его вкладе в развитие педагогической науки, подвижнической общественной деятельности: он избирался членом парткома, секретарем парторганизации факультета, председателем месткома. Многие годы возглавлял Совет ветеранов Великой Отечественной войны.

Пожалуй, никто больше в пединституте, а позже в университете не проявлял столько заботы об увековечении памяти участников войны, об освещении их подвига, чем Николай Константинович. Он постоянно беседовал с ветеранами, по крупицам собирал о них материалы, писал статьи, брошюры. Статьи с фотографиями автор печатал на страницах многотиражной институтской газеты «За педагогические кадры». Вот некоторые из них: «Всегда молодые» (февраль 1982), «Уроки жизни» (апрель 1985), «Не стареют душой ветераны» (май 1987) и др. В 1990 г. он выступил с инициативой подготовить книгу воспоминаний участников Великой Отечественной войны. Сам собрал материал, его отредактировал и в том же году издал под названием «Вспомни фронтовых друзей, ветеран ...». Это хотя и небольшой, но поистине

уникальный труд. В нем на 58 страницах ветераны У.-Ж. Ш. Дондуков, С. Г. Дугаров, Н. К. Елаев, Ж. С. Сажинов, Н. Д. Сордохонов, Ц.-Ж. Ц. Цыдыпов рассказали о своих ратных делах. Статью о ветеране С. А. Теплове надписала журналист А. Коротаева. Ветеран труда Т. Е. Карпова выступила с воспоминаниями о жизни, трудностях в тылу. Благодаря Николаю Константиновичу вузовская общественность узнала о поистине героических дела ряда преподавателей, сражавшихся на фронтах Великой Отечественной войны. В последующие годы с его участием вышли новые воспоминания «Навечно в памяти людской» (1995), «Они сменили штык на перо» (2002) и др. Как председатель Совета ветеранов Николай Константинович заботился о членах своей организации, направлял их усилия на участие в делах вуза, в воспитании студенчества. По инициативе Совета ветеранов и на средства, заработанные студентами, к 40-летию Победы (1985 г.) был сооружен обелиск погибшим преподавателям и студентам института, а также стенд участников войны. Стали традицией регулярные встречи ветеранов с молодежью. Большой жизненный опыт, их неиссякаемый духовный потенциал, знания, мудрость, как считал председатель Совета, необходимо полнее использовать в общении со студентами и преподавателями. Это также важно и для самих ветеранов, чувствующих потребность со стороны молодежи в своих знаниях, опыте. Н. К. Елаев всегда подбадривал, поддерживал ветеранов, призывал не пасовать перед трудностями, призывал быть всегда бойцами. Кстати, одну из своих статей в газете «За педагогические кадры» (№ 2–3, 1982) он закончил словами поэта Касына Кулиева:

Что ж, сверстники мои, держаться будем
Так, как держались мы в ночных боях,
А уходить — так уходить, как люди
И как солдаты, побеждая страх.

О формировании личностных качеств педагога. Как педагога Николая Константиновича заботила подготовка будущего учителя. Он считал, что в институте студенты недостаточно эффективно используют возможности для формирования личностных качеств. Время студенчества — это период возведения своей личности. Он ссылался на Ж. Ж. Руссо, который утверждал, что студенческие годы — это годы «бурь» и «страстей», когда происходит социальное становление человека. Сегодня студент как бы «рассыпан» предметно-учебной специализацией; «собрать» его воедино на крепких нравственно-этических и граждански началах в личность целостную, монолитную — дело огромной важности: соткать опору опор и основу основ гармонического челове-

ка, человека-труженика, патриота, интернационалиста, гуманиста.

Юношам и девушкам, не имеющим еще достаточного жизненного опыта, важно иметь в это время умных друзей, хороших наставников. Прекрасные уроки жизни могут преподать молодежи люди старшего поколения — носители большого жизненного опыта, высоких нравственных качеств, верного служения Родине. Наряду с преподавателем в качестве такого наставника он видел ветеранов войны и труда. Каждый ветеран должен быть наставником молодежи. Конечно, Николай Константинович при этом не считал, что внеаудиторную работу следует переложить на плечи ветеранов. Разумеется, это не так. Вдвойне ответственной и обширной, говорил он, должна быть деятельность профессоров и преподавателей педагогического вуза, готовящего учителей и воспитателей подрастающего поколения. Именно они должны принимать самое активное участие в воспитании как студенческой молодежи, так и молодых преподавателей. Такой опыт, как считал Николай Константинович, в пединституте есть. Многие профессора, преподаватели, работающие в вузе по 20 и более лет (таких, по его мнению, треть профессорско-преподавательского состава), показывают пример наставничества. Среди них доктор исторических наук, профессор Н. П. Егунов, бывший директор института А. А. Дуринов, участник Сталинградской битвы, доцент Ж. С. Сажинов, ветеран труда, ст. преподаватель Г. А. Заруцкая, участник обороны Ленинграда, доктор исторических наук, профессор Е. Е. Тармаханов и др.

Николай Константинович не раз делился своими тревогами о недостаточной, как ему представлялось, подготовке будущих учителей к воспитательной работе в школе. А однажды он решил выступить со своими размышлениями на открытом партийном собрании. Это было в июне 1976 г. Обсуждался вопрос «Итоги XXV съезда КПСС и задачи партийной организации БТПИ». Докладчиком был зав. отделом науки и учебных заведений Бурятского обкома КПСС Л. Я. Похосоев.

«Не так давно, — начал Н. К. Елаев, — я интересовался работой наших выпускников в Хоринском районе. Спрашиваю их: «В чем испытываете затруднения?» И почти все они в один голос ответили мне: «В воспитательной работе». И руководители школ отмечали слабую подготовку учителей в этом вопросе. Они теряются, когда надо подобрать ключ к душе ученика, разбудить в нем доброе.

Чему мы учим в институте? Уметь провести сбор и другие мероприятия. А вот индивидуальной работе с учащимися почти не учим. Не учим студентов мыслить, находить во всех сложных ситуациях правильное ре-

шение. И в общем получается так: учитель умеет говорить хорошие речи на собраниях, а чуть дело коснулось, найти правильный подход к трудному ученику, тут он теряется.

Приходится на педагогической практике наблюдать такую картину. Студент проводит занятие, методист всей душой болеет за качество урока, а нравственной стороной жизни учащихся, где ведет занятия его подопечный, совершенно не интересуется. Какие затруднения здесь у практиканта возникают — не спросит. Все его старания и волнения вокруг того, чтобы как можно больше провел уроков студент».

И далее в своем выступлении Николай Константинович предложил собрать учителей базовых школ и провести конференцию по педпрактике, поговорить там обо всех наболевших вопросах (За педагогические кадры, 23 июня 1976 г.). Спустя некоторое время такое собрание с участием Николая Константиновича состоялось.

О трудовом воспитании, приобщении к науке. Конечно, Николая Константиновича беспокоила не только проблема подготовки студентов к воспитательной работе в области нравственности. Его волновали и многие другие вопросы педагогики. Помню, как-то у нас зашел разговор о трудовом воспитании. Николай Константинович так темпераментно убеждал меня, что в современных условиях трудовое воспитание является главным направлением в воспитательной работе школы, да и общества в целом, что мне только оставалось в знак полного согласия кивать головой. Хотя я и сам был не в меньшей степени в этом убежден. Правда, он говорил о системе трудового воспитания в вузе. Через месяца два-три в институтской многотиражке появилась его статья «Основа воспитания». Весь номер газеты был посвящен 150-летию основоположника русской классической педагогики К. Д. Ушинского. Здесь были статьи профессора М. Н. Мангадаева, доцентов А. А. Дуринова, Г. Б. Батоева, ст. преподавателя Г. А. Дуриновой, студентов Л. Андреева, К. Быкова. Вся статья Николая Константиновича была пронизана идеей огромной значимости трудового воспитания в жизни человека, общества. Автор заключал статью словами: «Знакомясь вновь со взглядами Ушинского, еще раз убеждаешься в том, как трудно переоценить заслуги великого русского педагога, признававшего труд за основу воспитания, а трудолюбие — за главный показатель человечности».

Николай Константинович заботился о приобщении студентов к научной работе, привитии им навыков исследователя, руководил студенческим научным кружком. Радовался удачным студенческим сочинениям, с восхищением отзывался о научных докладах по педагогике, которые бы-

ли прочитаны весной (1976) на факультете иностранных языков. Особенно ему понравились доклады студентки 3 курса Л. Жилиной «Гомбожап Цыбиков и его вклад в бурятскую народную педагогику», И. Ерентуевой «М. Хангалов — родоначальник теории народного воспитания у бурят», Л. Захановой «Элементы народной педагогики в воспитании детей в семейских семьях». В беседе с коллегами он обратил внимание на высокий научный уровень выполненных исследований, на возможность разрабатывать эту тему в будущем.

Его серьезно волновала судьба педагогического образования в Республике. С реорганизацией пединститута в университет, как он считал, произошло ослабление педагогической и методической подготовки учителей. Возможно, ректорат в какой-то мере стремился смягчить эту проблему, создав в структуре университета педагогический институт.

Николай Константинович внес значительный вклад в развитие исторической и педагогической науки. Он занимался исследованиями в области истории школы и просвещения, теории и практики вузовской и школьной педагогики, бурятской этнопедагогики, обобщения и распространения передового педагогического опыта.

Им опубликовано более 130 работ, из них 30 книг, в том числе 8 научных монографий, 7 вузовских и школьных учебников, 11 учебно-методических пособий и 4 книги о подвигах сотрудников БГУ — участников Великой Отечественной войны.

Профессор Н. К. Елаев — заслуженный учитель Российской Федерации и Бурятской АССР, заслуженный деятель науки РБ, отличник народного просвещения РСФСР, отличник высшей школы СССР.

Статья опубликована в книге «Слово об учителе и ученом: к 90-летию профессора Н. К. Елаева / отв. ред. А. А. Елаев; сост. Э. Н. Елаев. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2014. С. 22–28.

Литература

1. Елаев Н. К. Рота трех Николаев // Вспомни фронтовых друзей, ветеран. Улан-Удэ, 1990. С. 31.

2. Осинский И. И. Alma mater. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 1999. С. 119–120.

3. Елаев Николай Константинович // Доктора наук и профессора БГПИ-БГУ (1932–2012) / Бурятский государственный университет; науч. ред. С. В. Калмыков. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2012. С. 379.

ИСПЫТАНИЕ СУДЬБЫ

Профессор Ц.-Ж. Ц. Цыдыпов и З. Н. Цыдыпова

В Сибирь к мужьям ехали не только декабристки. Ровно 40 лет назад в Улан-Удэ приехала молодая красивая женщина Зоя Николаевна Цыдыпова. Выпускница Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, окончившая аспирантуру Московского пединститута им. Г. А. Потемкина, могла остаться в Москве или в худшем случае вернуться в свой родной город Ефремов Тульской области.

Но в Москве она встретила смуглого стройного сибиряка-забайкальца с необычным именем Цей-Жаб. Он тоже учился в столице. В годы Отечественной войны Цей-Жаб был смелым разведчиком, грудь которого украшали боевые ордена и медали. З. Н. Райская становится Цыдыповой и без колебания отправляется в далекое Забайкалье. Любовь была сильней расстояний и неизвестности.

До встречи З. Н. Райской и Ц. Ц. Цыдыпова у каждого из них была своя судьба.

Зоя Николаевна родилась в 1929 г. в городе Ефремов, расположенном в 310 км к югу от Москвы, в семье партийного работника, секретаря горкома партии. В 1941 г. началась Великая Отечественная война. Осенью 1941 г. Ефремов оказался прифронтовым.

В своих воспоминаниях Зоя Николаевна пишет: «Впервые дыхание войны я ощутила, когда как-то на рассвете проснулась от какого-то непонятного шума. Подойдя к окну, увидела, что вся улица запружена сплошным потоком людей, как в колонне демонстрантов. Запыленные, с измученными лицами. Кто нес на руках ребенка, кто узел с вещами, кто катил тележку с домашним скарбом. Шли молча, тяжело. Это был поток беженцев. Мамы не было в комнате. Я вы-

шла во двор и увидела, что мама бьется в рыданиях. И какое-то тяжелое предчувствие охватило меня.

Как-то уже поздней осенью папа прибежал с работы и сказал: «Быстро собирайтесь, сейчас придет машина, поедете на станцию в эвакуацию. Никаких вещей, только одежду на себя и постель». Мы честно так и сделали, хотя некоторые взяли чемоданы, швейные машинки и т. п. Нас погрузили в пассажирский поезд, и мы поехали на восток. Мой папа, Николай Федорович Райский, остался в Ефремове в составе формировавшегося партизанского отряда. У меня был не страх, не грусть, а какая-то окаменелость. Все оборвалось, все кончилось. Любимая школа, подруги, речка, куда мы бегали купаться, роща, где мы гуляли, этажерка с книгами — мое детство, — все осталось позади. Вскоре нас перегрузили в теплушки, где по обе стороны от двери были сделаны двухэтажные нары. И там вплотную друг к другу мы и помещались. Нас у мамы, Варвары Сергеевны Райской, было трое: я окончила пятый класс, брат Слава — второй класс, сестре Нине было два годика. Ехали долго, иногда стояли по несколько дней, пропуская военные эшелоны. Стояли иногда на станциях, иногда в поле. Наступила зима. Посреди вагона была железная печурка. Мы по очереди спускались с нар и грелись у печки. Стены вагона покрылись изморозью. Один бок греешь, другой бок мерзнет. Когда миновали Ржев, узнали, что после нас на эту станцию был очень сильный налет немецких самолетов. В Ефремов пришли слухи, что наш эшелон разбомбили, и папа посчитал, что вся его семья погибла.

На одной из станций я увидела, как девочки, мои ровесницы, прыгают через веревочку и весело смеются. Я подумала: «Неужели и я буду когда-нибудь так смеяться». Выгрузили недалеко от Моршанска (Тамбовская область) и на санях отвезли в село. Поселили в пустовавшем доме. Чтобы было чем топить, колхоз выделил лошадь с санями, и мама вдвоем с еще одной эвакуированной женщиной поехали в лес. Моя мама, эта хрупкая городская учительница, впервые запрягла лошадь и потом, проваливаясь по колено в снег, пилила деревья. Я пошла в школу, а брат остался дома смотреть за маленькой сестрой. Мама начала работать в госпитале. В Ефремове немцы были всего 21 день, в ходе битвы за Москву его освободили. Где-то весной мы вернулись домой. Наш дом сохранился. А вот моя родная школа на той же улице сгорела. Ни одна школа в городе не работала, кроме железнодорожной. Мы, около десяти бывших одноклассников, стали учениками этой школы.

Папа был уже на фронте политруком артиллерийского полка. Его старший брат, Алексей Федорович, кадровый военный, воевал где-то на юге. Младший брат, Михаил Фе-

дорович, воевал на Западе. Как-то удивительно, что когда освобождали Польшу, они с папой встретились. Моего дядю назначили комендантом Бигдоша. Высокий, красивый, очень спокойный, он вершил не только военные, но и гражданские дела города. Папа рассказывал, что поляки относились к нему с большим уважением. Так и слышалось: «Пан Райский, пан Райский».

В Ефремове было очень холодно и голодно. Не работали городские колонки, за водой ходили на речку. Зимой воду добывали из проруби. Речка протекала под горой, так что с ведрами воды надо было идти в гору. Хлеб, который давали по карточкам, пекли из зерна, сгоревшего вместе с элеватором. Был он какого-то фиолетового цвета и обладал таким отвратительным запахом, что приходилось, откусывая его, другой рукой зажимать нос, иначе невозможно было его есть. Чтобы было чем топить, мы с мамой пилили в нашем саду фруктовые деревья, яблони и груши. Пилили и плакали.

До сих пор перед глазами моя сестренка, маленький голубоглазый ангелочек с посиневшими от холода ручками, тихо говорит: «Мама, я хочу кушать». Некоторые из моих подруг начали опухать от голода. Нам в нашей железнодорожной школе давали завтрак: 100 граммов хорошего, не горелого хлеба и чайную ложечку сахара. Я договорилась, что буду получать этот хлеб не каждый день, а сразу в конце недели. А сахар я собирала в кулечек. Какое счастье было принести в субботу 600 граммов настоящего ржаного хлеба и разделить его между мамой, братом и сестрой, посыпав каждый кусочек сахаром. Никакое пирожное потом в благополучные годы не было таким вкусным!

Вместе с пионервожатой мы ходили в госпиталь, давали там концерты для раненых, пели и декламировали. В госпитале — душа сжималась. Тяжело было видеть там много израненных людей, в окровавленных и гнойных бинтах, иные без руки или ноги. Специфический запах больницы, стоны тяжелораненых. У меня не было чувства брезгливости, только жалость и желание помочь. Я стала приходить в госпиталь и без концертов: помогала сестрам скатывать бинты, кормить раненых, кому-то дать попить, кому-то надо было написать письмо. Тогда я решила, что когда окончу школу, стану врачом. К сожалению, мечта не осуществилась.

Летом во время каникул под руководством нашей классной руководительницы работали в пригородном овощеводческом колхозе. Колхоз выращивал капусту, лук, морковь, огурцы, помидоры. Это километров шесть-семь от города. В шесть часов утра мы уже шагали на работу. Шли по проселочной дороге. По обе стороны от нее — поля. Вдоль дороги — заросли полыни, и этот запах навсегда

остался для меня любим и дорог. Синее небо, утренняя свежесть, хорошо! Все лето я ходила босиком. Только к школе мне купили на базаре брезентовые тапочки на подошве из автомобильных шин. В колхозе мы пололи и тяпали. На обратном пути после зноя мы часто купались в речке. Когда стал поспевать урожай, лакомились морковкой (очистив ее, немытую, какой-нибудь стекляшкой), огурцами и помидорами, стараясь, чтобы не увидел объездчик. Через какое-то время колхоз стал кормить нас обедом. Мы садились под навес за длинный стол и ели из железных мисок. Наша классная руководительница Анна Николаевна Красненко, окончившая в молодости институт благородных девиц в Петербурге, старалась привить нам основы этикета. Например, что не надо откусывать от ломтя хлеба, а следует положить его рядом с тарелкой и класть в рот, отламывая по маленькому кусочку. Однажды нам дали щи, сваренные с мясом. Ох, как это было вкусно! Но вместе с кусочком мяса в щах плавали червячки. Мы, в отличие от матросов броненосца «Потемкин», не взбунтовались, а, выловив червячков, доедали щи.

Со временем горожанам выделили участки земли под картошку. Какой-то чиновник додумался дать землю бывшего аэродрома (конечно, не бетонированную, но прокатанную самолетами не хуже асфальта). Мы с мамой копали, младший брат и сестра были тут же. Копали. Потом без сил падали на землю. Полежишь, отдохнешь — и опять копать. Помню, маме удалось где-то достать немного пшена. Принесли с собой кастрюлечку пшенной каши. Конечно, на воде, без масла. Но какой казалась она вкусной и как от нее прибавилось сил! В следующем году дали другой участок и собрали хороший урожай картошки. Жизнь стала полегче — картошка выручала. Варили ее утром, в обед и вечером. А еще делали «тертики» — оладьи из тертой картошки. А когда удавалось добавить горсточку муки — уже о лучшем нечего и было мечтать!

Уже после войны, когда приехала в отпуск в Ефремов, мне в сарае попался на глаза большой чугун. Я говорю маме: «Подумать только, мы съедали три раза в день по полному чугуну картошки. А теперь и небольшую кастрюлечку не доедаем». Но, видно, одной картошки маловато. Как-то за столом я ткнулась лицом в свою тарелку с картошкой. Мама подняла мою голову: «Ты была белая, как бумага. Глаза закрыты». Голодный обморок.

Копать картошку было радостно. Приятно было осознавать, что теперь на всю зиму есть еда. И вокруг так хорошо: тихо, тепло, летает паутина, дымит костер. Возили урожай на ручной тележке: я впрягалась впереди, мама толкала сзади, брат старался ей помогать, а маленькая Нина сидела на

мешках и частенько пела своим чистым голосочком.

Однажды я видела такую картину: по шоссе мимо нашего поля шел обоз. Колхоз вез хлеб сдавать государству: на 10–12 ручных тележках лежали мешки с зерном, в каждую тележку впряглись по две женщины, а на передней тележке был укреплен красный флаг. А от зерноводческого колхоза до города не менее 10, а то и 15 километров. Как тут не вспомнить Некрасова: «Долюшка русская, долюшка женская, вряд ли труднее сыскать!»

В период битвы на Курской дуге немцы особенно активно бомбили Ефремов. Мы различали, какой самолет летит — наш или немецкий, у немецких был низкий, прерывистый гул, и сразу начинали бить зенитки. Наша школа стояла у самых железнодорожных путей. Нас тотчас отпускали с уроков, говорили: «Бегите домой, дети». И мы бежали через весь город. Вот интересно, но страха не было, видимо, у детей нет чувства опасности. Мы просто радовались, что отпустили с уроков. А вечером и ночью мы видели зарево над соседним с Ефремовым Ельцом, в той стороне, где шла битва в районе Курска или Орла. Немцы сбрасывали бомбы и осветительные ракеты.

В то лето в Ефремове была тревожная атмосфера. Завод синтетического каучука (СК-3), как теперь сказали бы, градообразующее предприятие, начали эвакуировать. Все, кто имел хоть какую-то возможность, старались уехать с заводом. Те, кто пережил оккупацию, говорили: «Хоть пешком уйдем, хоть на четвереньках поползем, но не останемся». А кто пережил эвакуацию, говорили: «Пусть разбомбят, пусть расстреляют, но больше с детьми с места не тронусь». Мама несмотря ни на что продолжала садить помидоры.

Летом после девятого класса РК комсомола направил меня вожатой в пионерлагерь. Он размещался в хорошей кирпичной двухэтажной школе в селе Никольское, примерно в 10–15 километрах от Ефремова. Места красивейшие, прямо как в песне: «Средь широких хлебов затерялося…». Около школы — большой плодовый сад. Рядом — речка. Директором была женщина, вернувшаяся с фронта без руки. Поваром в школьной столовой была старушка, всю жизнь проработавшая поваром в детском саду. Какие это были люди с большой буквы. Образец честности, преданности детям. Особенно я запомнила медсестру Серафиму Ивановну. Благодаря ее стараниям за весь сезон не было ни одного случая заболевания. А между тем спали мы и на полу, на матрасах, набитых сеном. Многие дети поступали грязные, запущенные. Серафима Ивановна договорилась с какой-то воинской частью, они привезли на берег реки походную баню, мыло, растянули палатку, и под руковод-

ством нашей медсестры мы мыли всех детей. Серафима Ивановна вставала, когда все еще спали, и своими руками мыла, драила деревянный туалет здания. Он всегда сверкал чистотой. Я на всю жизнь взяла себе за образец такое отношение к делу, такое чувство долга. Тяготы войны не могли остановить ход времени. И мы из детства переходили в юность. А юность все равно прекрасна. Как сказал поэт, «сороковые, роковые, а мы такие молодые».

Школьная наша жизнь била ключом. Я участвовала в драмкружке, а потом — в кружке танцев, его вела Ольга Григорьевна Колпакова, статная, величавая, потрясающе красивая женщина. Несколько поколений ефремовцев научились танцевать под ее руководством. Она не просто показывала танцевальные па, она учила жить в танце. Осанка, прямая спина, плечи развернуты, голова поднята, улыбка, радость от музыки и от танцевальных движений. Одно жаль, «тогдашняя» цензура запрещала «чуждые нашей идеологии» танго и фокстрот. У нас царили падеспань, падекатр, краковяк, полька, коробочка и т. д. К счастью, разрешался вальс. На школьных вечерах мы с удовольствием танцевали эти так называемые бальные танцы.

Кроме того, Ольга Григорьевна создала хореографический ансамбль, где я с радостью танцевала русские, украинские, молдавские, польские и другие танцы. Мы выступали в школах города, в клубах и имели успех. Я тогда писала стихи. Мне посчастливилось учиться в очень хорошей школе. Душой ее был, конечно, наш директор, историк Александр Михайлович Щеглов. Он пришел с фронта с раной в ноге, которая так и не зажила до самой его смерти. Он собрал замечательный коллектив учителей. Литературу вела старая учительница, она не успела, к счастью, усвоить вульгарно-социологический подход к литературе. Она просто учила нас понимать и любить художественное слово. Мы много заучивали наизусть. Я, например, выучила всего «Евгения Онегина», многое из Некрасова. Математику вел уже пожилой Михаил Гаврилович Иванов, несколько мрачноватый, желчный, насмешливый, многие ученики его побаивались. Но как он замечательно преподавал.

Очень хорошо нам давали химию. Учительница читала нам лекции, научила записывать их, весь материал там был очень четкий, гораздо лучше, чем в учебнике. Благодаря ей у меня по химии был прочный фундамент знаний, который помогал мне читать специальную литературу, когда я преподавала философию на биолого-химическом факультете.

Наш директор школы был нам всем вместо отца, ведь у большинства отцы были на фронте, а у иных они остались там навсегда. Когда мы учились в 9-м классе, Александр Михайлович понял, что многие ученики на грани полного истощения, и нашел

какие-то средства, чтобы организовать для десятиклассников бесплатные обеды (в 10-м классе нас оставалось 10–12 человек). Свой дом для столовой предоставила бесплатно мама нашей одноклассницы Али Ивановой, на кухне работали другие родительницы. С такой поддержкой мы сумели дойти до экзаменов на аттестат зрелости.

Я училась хорошо, учителя говорили обо мне — «первая ученица». В школе я была председателем совета пионерской дружины. На этой работе я просто «горела». К концу десятого класса меня приняли кандидатом в партию. Школу я окончила с медалью. К выпускному балу мне сшили белое платье из модеполама (дешевая бельевая ткань вроде ситца). Но сшито оно было высококлассной портнихой. Воротник и карманы по моде моя подруга-художница украсила узором из красного шелкового рулика. Соседка срезала в своем саду белую розу и прикрепила к моим косам. Директор школы организовал всему классу поездку в Москву в отдельном вагоне, мы и жили несколько дней в этом вагоне, отведенном в тупик, так как наша школа была железнодорожной. В результате все выпускники поступили в вузы и получили высшее образование.

Наступило время снаряжать меня на учебу в Москву. На базаре купили солдатскую шинель, из которой мне сшили пальто. На ноги купили такие самодельные суконные чулки, простроченные на ватине. Их называли «бурки», носили с калошами. Вот в этих бурках с калошами я взошла по мраморным лестницам под своды Московского университета. Университет я окончила с отличием (О времени и о себе. С. 96–102).

Цей-Жаб Цыдыпович Цыдыпов родился в феврале 1919 г. в селе Куйтун Цокто-Хангильского сомона Агинского национального округа Читинской области в семье скотоводов. В семье традиционно существовали доброта, уважительное отношение между ее членами.

Позже об этом З. Н. Цыдыпова напишет: «Отец, Цыдып Жамбалов, был спокойный, уравновешенный. Из детей никто не помнит, чтобы он на кого-нибудь повышал голос. По хозяйству все умел делать: плотничал, делал телеги, сани, конские сбруи и др. Очень умело ухаживал за скотом. Например, ограду овечьего загона делал переносной: в дождливую погоду ее можно было перенести на другое место, чтобы овцы не лежали в луже. Видимо, Цей-Жаб от отца унаследовал умение плотничать, мастерить, и это было его хобби. Он называл это «постучать».

В семье все были грамотные. Отец решил научить грамоте старшего сына Цымжита. Учил его монгольской вертикальной письменности. Старшему сыну шел 9-й год, Цей-Жабу — 4-й. Отец приготовил им самбары. Стар-

шему — длиной 50–60 см. Младшему — совсем маленький. Самбары готовят следующим образом: очищенную до блеска доску намазывают жиром и держат около горячей печки, чтобы дерево пропиталось жиром. Потом намазывают сажей. Лицевая сторона доски становится совсем черной. Посыпают ее золой, лишнее отряхивают. Доска становится светло-серой. Пишут заостренной палочкой.

Семья жила в юрте, юрта обогревалась круглой железной печкой. Вокруг печки — земляной пол. А дальше — деревянные настилы, покрытые камусами. Вот на эти камусы садились отец и сын рядом, опустив ноги на земляной пол. Маленький Цей-Жаб бегал сзади них, заглядывая на азбуку, книгу и самбар. Нередко задевал ноги пишущих и получал замечание или тычок локтем от брата. Так занимались всю зиму. Весной отец устроил экзамен. Когда старший брат затруднялся, Цей-Жаб подсказывал. На другое утро услышали, как отец говорил маме: «У нас этот младший усвоил грамоту даже лучше брата. Как он мог успеть, ведь я ни одну букву ему не показывал».

Усвоив грамоту, Цей-Жаб стал читать книги на старомонгольском. Когда он пошел в школу, старомонгольскую письменность уже не изучали: перешли на латинский алфавит. Со знанием монгольской письменности в институте его освободили от занятий по этому предмету, и он просто сдал экзамен.

Главным авторитетом в семье был, конечно, дед Жамбал. Дед жил в бревенчатом доме, а сын Цыдып со своей многочисленной семьей — в юрте неподалеку. Дед часто ездил в Агинск и привозил оттуда гостинцы: картошку, морковь, репу, в большом кожаном мешке — каравай вкуснейшего крестьянского хлеба. Увидев деда, дети бежали навстречу. Если он ехал на телеге или на санях, то всех сажал к себе, и довольные дети старались по запаху определить, что привез дед. А если ехал верхом, то бежали рядом.

Цей-Жаб был дедушкиным любимцем. Дед планировал, чтобы мальчик окончил Читинскую гимназию и потом Казанский университет. Он часто брал Цей-Жаба с собой на какие-то встречи, приемы и в гости. Деда обычно сажали на первое, на самое почетное место. Цей-Жаба сажали рядом. Мальчик внимательно наблюдал, усваивал этику поведения и сам делал все как надо.

В большой дружной и работящей семье протекало счастливое детство Цей-Жаба. Под руководством отца взрослые дочери, зятья, дети — целая бригада — ухаживали за скотом, косили сено, заготавливали дрова, обрабатывали шерсть, — все дружно, с шутками и остротами. Все оборвали незаконные сталинские репрессии. Имущество отобрали, а семью с клеймом «классовых врагов» в товар-

ном вагоне отправили в Еравну. Дед слег и за неделю умер. От стресса, недоедания, болезней умирали сестры и их дети. Отец устроился на работу возить почту. А Цей-Жаб в 14 лет стал ночным табунщиком. Еравнинцы приняли семью тепло и сердечно. Еравна стала для Цей-Жаба второй родиной.

Окончив школу, Цей-Жаб поступил в Агинское педучилище. Терпел нужду, жил впроголодь, одну зиму провел, не имея пальто (благо, была теплая зима). Но была молодость, учеба, лыжи, волейбол, друзья. Жил у слепой старушки, делал всю работу по хозяйству. Однажды кто-то подарил ему бутылочку масла. Он отдал его старушке. Та нестала употреблять его в пищу, а делала светильники перед бурханом. Может быть, молитвы этой старушки уберегли Цей-Жаба на войне от немецкой пули.

После окончания педучилища с 1939 г. началась педагогическая деятельность Цей-Жаба Цыдыповича. Он работал учителем начальных классов в с. Усть-Эгита Еравнинского района. Спокойного, доброжелательного учителя любили ученики и родители.

В годы Великой Отечественной войны старший сержант Цей-Жаб Цыдыпов воевал в составе 111-й танково-десантной бригады 25-го корпуса в качестве командира отделения разведчиков.

Танково-десантная часть действует в тылу противника и удаляется от фронта до ста километров. У десантов нет тыла, нет заранее подготовленных окопов и укрытий. Десантная часть появляется неожиданно во вражеском тылу и внезапным ударом уничтожает живую силу, военную технику, разрушает средства связи, мешает продвижению к фронту вражеских воинских частей, создает панику и неразбериху. Но в то же время десантная часть, относительно небольшая сила, действует автономно, в отрыве от основных частей своих войск, потому не имеет возможности получить пополнение, оружие, боеприпасы, продовольствие, медицинскую помощь и т. д. Случается, попадает в полное окружение. Десантники на каждом шагу рискуют жизнью. Дни, проведенные во вражеском тылу, это целая цепь подвигов. В десантную часть, особенно в разведку, брали добровольцев, так что взвод разведки состоял из смелых и решительных людей.

Цей-Жабу Цыдыпову довелось участвовать в освобождении Польши, Чехословакии и взятии Берлина. Об одном из эпизодов при взятии Берлина Ц.-Ж. Цыдыпов пишет: «Нам, солдатам, наступавшим на Берлин, день победы, конец четырехлетней изнурительной войны, представлялся в виде падения Берлина. Мы ждали этого дня как желанный плод нашего нелегкого, опасного труда и знали, что скоро наступит он. Но когда дошло до нас сообщение о падении Бер-

лина, нам было не до радости. Дело вот в чем.

Ранним утром 2 мая наши танки шли по лесной дороге и вышли к огороженной поляне. Танки остановились. Мы, разведчики, стояли на первом танке за башней. При свете раннего утра, через рассеивающийся легкий туман перед нами открылась такая картина.

У забора — лошадь, запряженная в солдатскую кухню. Крыша кухни открыта. Оттуда шел пар, справа — домик. Кругом трупы солдат, в основном наших. На самом переднем плане лежали две девушки, в солдатских шинелях и кирзовых сапогах. Молодые и красивые. Вид у них был, будто они уснули. Кругом пышная природа. Этим девушкам только бы встать, собирать цветы, смеяться и радоваться жизни. Да, сколько мы увидели убитых, но девушек ни разу. Я буквально онемел. Все молчали. Только смотрели на этих двух девушек. В этот момент Арсланбаев мне на ухо шепнул: «Берлин пал!». Таким же образом передал Володе Пичугину, он — соседу и т. д.

Никто не выражал своей радости. Никто не стрелял, никто не кричал: «Ура!».

За боевые фронтовые успехи Ц.-Ж. Ц. Цыдыпов награжден орденами Славы 3-й степени, Красной Звезды, знаком «Отличный разведчик» и многими медалями.

После демобилизации Ц.-Ж. Ц. Цыдыпов работал в аппарате Министерства просвещения Бурят-Монгольской АССР в качестве инспектора детских домов.

В 1946 г. поступил в Бурят-Монгольский государственный пединститут, на факультет бурятского языка и литературы. В 1950 г. работал в Минпросс. С 1952 по 1955 г. — аспирант Института национальных школ АПН РСФСР. В 1956 г. он успешно защитил диссертацию на степень кандидата педагогических наук. С 1975 по 1986 г. работал заведующим кафедрой бурятской филологии. Читал лекции по таким профилирующим дисциплинам, как современный бурятский язык, методика преподавания бурятского языка. Его лекции на собственные научные исследования и отличались высоким профессионализмом и эффективностью. Им опубликовано более 50-ти лингвистических, методических и лингвометодических работ. Автор первой методики преподавания бурятского языка в средней школе (1967), которая, по отзывам специалистов, стала настольной книгой учителей-родноведов. Им написаны программы бурятского языка для 5–6-х классов (1968), учебник бурятского языка для 5–6-х классов в соавторстве с М. Н. Имехеновым. (1958), учебник бурятского языка для 4-го классов в соавторстве с Д. Д. Ошоровым (1972). Кроме того, им опубликован ряд бро-

шюр, статей по бурятскому языку и методике преподавания.

Научные труды профессора Цыдыпова известны во всех крупных монголоведческих центрах: Москве, Санкт-Петербурге, Новосибирске, Элисте, Монголии, Венгрии, Германии. Его монография «Аналитические конструкции в бурятском языке» оценивается как «фундаментальный труд, имеющий общемонгольское значение».

В 1999 г. на базе Бурятского государственного университета была проведена региональная научно-практическая конференция, посвященная 80-летию со дня рождения профессора Ц.-Ж. Ц. Цыдыпова, на которой отмечалась существенная научная ценность творчества ученого, его значимый вклад а бурятское языкознание.

Профессору Цыдыпову принадлежит большая заслуга в подготовке квалифицированных научных кадров по бурятской филологии, специалистов бурятских СМИ, владеющих бурятским языком.

Повествуя о научной, творческой, жизненной судьбе Ц.-Ж. Ц. Цыдыпова, не могу не отметить, что эта судьба неразрывно связана с судьбой его надежного друга, соратника Зои Николаевны. Связав свои судьбы в 1950-е годы, они сохранили верность друг другу, взаимное уважение, теплоту до конца своей жизни. Зоя Николаевна приехала в Улан-Удэ в 1954 г. Здесь она увидела добрых, простых, душевных людей. И с тех пор Бурятия стала для нее родным краем. По приезде в Улан-Удэ она была приглашена на кафедру марксизма-ленинизма БГПИ, преобразованную в 1964 г. в кафедру философии. В 1966 г. З. Н. Цыдыпова успешно защитила в МГУ им. М. В. Ломоносова диссертацию, стала кандидатом исторических наук, позже доцентом. За большой вклад в подготовку учителей, за активную пропаганду среди населения республики ей присвоено почетное звание «Заслуженный работник культуры Республики Бурятия».

Зоя Николаевна и Цей-Жаб Цыдыпович были высокоинтеллигентными людьми, они несли знания, культуру, душевность в среду людей, в которой жили сами.

БУДУЩЕЕ РОССИИ — СОЦИАЛИЗМ

Профессор В. С. Семенов

Вадим Сергеевич Семенов принадлежит к плеяде широко известных российских, советских ученых. Он являлся крупным специалистом в областях социальной философии, социологии и политологии.

Встреча. Знакомство автора этих строк с В. С. Семеновым состоялось во второй половине 60-х годов (1968) в Москве на всесоюзном семинаре секретарей вузовских партийных организаций.

В. С. Семенов читал лекцию о социальной структуре советского общества. В те годы открылись относительно широкие возможности исследования социальных процессов в стране. В 1966 г. в Минске состоялась конференция, посвященная проблемам социальной структуры. В 1968 г. вышли две книги — «Проблемы изменения социальной структуры советского общества», 256 с.) и «Классы, социальные слои и группы в СССР» (232 с.), в которых рассматривались изменения социальной структуры советского общества за 50 лет. Одним из основных авторов и ответственных редакторов этих книг был В. С. Семенов. В. С. Семенов интересно рассказывал о социальной структуре, проблемах социальных изменений. Для нас, слушателей, многое из услышанного было новым. Для меня же эта лекция и короткая беседа с лектором в перерыве послужили дополнительным аргументом в правильности избранной мною темы диссертационного исследования, посвященной изучению социальной структуры народов Сибири. В последующем мои встречи с В. С. Семеновым были достаточно частыми. Он был эрудированным, смелым и открытым ученым, умеющим поддержать молодого исследователя. Работал в Институте философии АН СССР.

Детские годы. Учеба. Родился В. С. Семенов 1 января 1927 г. в Москве. Родители с ранних лет стремились развивать творческие способности ребенка. В детские занимался в кружке танцев. Позже он вспоминал, что подготовленная постановка в танцевальном кружке, была использована в фильме «Волга-Волга». С концертом юные артисты выступали в Колонном

зале Дома Союзов, в других местах. Затем увлекся рисованием. Мать В. С. Семенова работала директором дома художественной самодеятельности, что способствовало поддерживать интерес у подростка творчеству.

В военные годы Вадим с матерью и младшей сестрой Ириной находились в эвакуации: в Тамбове, Оренбурге, Чкалове, Куйбышеве... Жилось трудно. Отец, заместитель министра связи, находился в Москве, часто приходилось выезжать на фронт. Семья вернулась в Москву в 1943 г. В следующем году В. С. Семенов поступил в МГУ на новый, открывшийся в нем международный факультет, который в 1944 г. выделился в самостоятельный вуз Московский государственный институт международных отношений МГИМО. В 1949 г. В. С. Семенов закончил институт, получив помимо широкого образования хорошее знание английского языка. Уже в институте (а до этого в школе) у него проявилась тяга к изучению философии и социологии. Свою дипломную работу в МГИМО он защищал на кафедре философии по теме критики буржуазной теории факторов.

В Институте философии. В Институте философии АН СССР он прошел аспирантуру, защитив в 1958 г. кандидатскую диссертацию на тему «Критика буржуазных теорий социального расчленения общества («социальной стратификации»). Она явилась первой большой научной работой по теориям «социальной стратификации» и «социальной мобильности». В этом же институте, в секторе исторического материализма он работал сначала старшим научным сотрудником, а затем заведующим сектором. В 1963 г. защитил докторскую диссертацию «Марксистская и буржуазная социология о классах и классовых отношениях в современную эпоху».

В дальнейшем вся научая деятельность В. С. Семенова — более 40 лет проходила главным образом в Институте философии. Наряду с этим, «отключаясь» от Института философии, он в 1962–1972 гг. работал заведующим отделом научного коммунизма Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, заместителем директора Института социологических исследований АН СССР (1972–1975), главным редактором журнала «Вопросы философии» АН СССР (1977–1987). Параллельно вел преподавательскую работу, главным образом в Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова, где он стал профессором в 1967 г. В 1984–1990 гг. выполнял профессорскую работу в Институте общественных наук (ИОН) при ЦК КПСС.

Многие годы В. С. Семенов возглавлял научные журналы или был членом редколлегий: в 1972–1990 гг. был главным редактором реферативного журнала «Проблемы научного коммунизма» (серия «Общественные науки за рубежом»), издаваемого Институтом научной информации по обществен-

ным наукам, членом редколлегии журнала «Научный коммунизм», с 1990 г. «Социально-политические науки» (1973–1991).

Печататься В. С. Семенов начал с 1955 г. в журнале «Вопросы философии». С тех пор им опубликовано (до 1997 г.) 5 монографий, 17 брошюр, десятки глав в книгах, статей в журналах и газетах, всего более 300 работ общим объемом свыше 400 п. л.

Многие его книги, главы, статьи переведены и опубликованы на английском, французском, немецком, испанском, китайском, итальянском, португальском, финском, болгарском, польском, чешском, румынском и других языках.

В научных исследованиях и публикациях В. С. Семенов шел от конкретных проблем (социальная структура) к более широким (общественные отношения, общественная жизнь). Углубляя их анализ, он стал разрабатывать проблематику диалектики общественных процессов, противоречий, конфликтов. Комплексный подход требовал исследования большой совокупности проблем — научно-технической революции, управления, культуры, образа жизни, цивилизации, человека. Систематизация исследовательских наработок позволила ему выйти на обобщенные труды по диалектике развития социализма, социальной структуры социалистического и капиталистического общества. В последние годы им опубликованы работы по анализу кризиса в современном мире и выявлению путей качественно обновленного периода в XXI век.

Исследовательская деятельность. Основные теоретические разработки В. С. Семенова в развернутом виде приводились нами в статье «В. С. Семенову — 70 лет» (1997). В сжатом они даются в энциклопедическом словаре П. В. Алексеева «Философы России начала XXI столетия биографии, идеи, труды» (2009): «В 1958–1959 Семеновым проводился анализ зарубежных теорий «социальной стратификации» и «социальной мобильности». При исследовании общественных отношений выдвинуто положение (1969) об их разделении на сущностные отношения (по горизонтали) в виде экономических, социальных, политических, духовных, и на общественные отношения (по вертикали) в виде таких объединений, как классы, нации, государства, трудовые коллективы, семья.

В работах 1960–70-х сформулирована концепция социального разделения общества, выделены понятия социального положения, ранга, роли, престижа, рассматривались противоречия развития социальной сферы.

Большую дискуссию вызвали в 1982 г. публикации Семенова в журнале «Вопросы философии» (№ 7, 9) по проблемам противоречий в странах социализма. В монографическом исследовании конца 1980-х Семенов проанализировал сложную, с противоречиями, кризисами, антагонизмами диалектику

развития социализма в целом и прежде всего в СССР за 70 лет, раскрывая противоречивые взаимоотношения идеала и действительности, теорий и практики социализма.

На основе обобщения практики последних 15 лет Семеновым был сформулирован вывод о неотложности для выхода из кризиса разрешения накопившихся острых противоречий между производительными силами (производители) и производственными отношениями (собственностью, распределением), производством и управлением, авторитаризмом и демократией, отчуждением и свободой. Во второй половине 1980-х и начале 1990-х в серии статей Семеновым исследовались противоречия периода «перестройки», проблемы кризиса политической власти, взаимоотношения конфликта и согласия в России, диалектика и своеобразие цивилизационного развития. Итогом исследований 1992–1997 явилась книга «Конфликты и согласие в современной России (социально-философский анализ)» (в соавт.), в которой проанализированы диалектика противоречий и конфликтов, процессы нарастания внутреннего и внешнего политического насилия, пути и методы движения к согласию, факторы преодоления конфликтности и насилия, обоснована необходимость движения России к новому пути общественного и цивилизационного развития при переходе в XXI в». (Семенов В. С. // П. В. Алексеев. Философы России начала XXI в.: биографии, идеи, труды: энциклопедический словарь. М., 2009. С. 537).

Изучение современности. В последующие годы В.С. Семенов продолжил изучение современной российской действительности в связи с мировыми процессами. Им были опубликованы работы «Уроки XX века и путь в XXI век» (2001), «Социализм и революция XXI века: Россия и мир» (2009). В них дается анализ общественно-исторического развития мира в XIX и XX столетиях, революционного прорыва капитализма, коренного изменения всей социально-политической картины мира XX в., главных противоречий эпохи XXI в., усиление кризиса западно-капиталистического общества и цивилизации, критичность ситуации в России в начале XXI в. И потребности поворота общества на новый, прогрессивный путь развития.

Слом социализма. Анализируя кризис социализма в СССР и последующий его слом, В. С. Семенов раскрывает характер, природу и причину этих процессов. «Слом социализма в СССР и ликвидация самого социализма, — пишет он, — явились результатом действия соединенных вместе, воедино трех главных причин и сил — внутренней, субъективной и внешней» [1]. Сам произошедший процесс им определяется как буржуазная контрреволюция — поворот от социализма назад к капитализму. Субъективная причина и сила, по мнению В. С. Семенова, — «преда-

тельство единовластных правителей СССР и России — М. С. Горбачева, его ослабляющими и подрывающими социализм действиями с 1988 года, и особенно Б. Н. Ельцина с конца 1991 года. Верхушечная и насильственная контрреволюция в СССР и России была осуществлена совместными действиями антинародных, буржуазных, проамерикано-прозападно ориентированных тогдашних верхов против «низов», против русского, российского народа» (с. 40).

Говоря о роли Б. Н. Ельцина в совершении контрреволюции, В. С. Семенов приводит слова из газеты «Завтра», «явно принадлежащие главному редактору А. А. Проханову; который называет «четыре неотмолимых злодеяния», совершенным Ельциным: «Он предательски разрушил великий Советский Союз. Совершил государственный переворот и расстрелял из танков парламент. Развязал чеченскую войну, заключив преступный Хасавюртовский мир. Отдал народное добро олигархам, превратив русских в рабов и изгоев. Ельцин избежал ада земного, предав себя во власть Судьи Небесного. Нельзя молиться за царя Ирода! (с. 348). «Точнее не скажешь и не оценить», — заключил В. С. Семенов (Там же).

Анализируя состояние постсоветского российского общества, В. С. Семенов пишет: «Россия хотя и вышла в начале XXI века из провала конца XX века, но кризис ее экономической и общественной системы сохранился. Линия путинизма исчерпала себя, не выведя Россию из экономической отсталости и социального раскола. России требуется революционный поворот к новым путям общественного и цивилизованного развития, лучшим из которых стал бы обновленный социализм XXI века (с. 4).

Будущее России — социализм — это положение красной линией проходит через всю 656-страничную монографию «Социализм и революция XXI века: Россия и мир». В самом конце книги автор подчеркивает: «Необходимый поворот к социализму — это лучший и оптимальный в современных условиях выбор, альтернатива и путь в будущее для России. Ведь гуманная «самоцель» и «душа» социализма, как подчеркивал К. Маркс, это «его организующая социальная деятельность» во имя народа и человека» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 448).

Результаты научных поисков. Основные результаты своих исследований в области социальной философии, социологии, политологии В. С. Семеновым активно использовались на международных конгрессах. Он был участником 5 всемирных философских конгрессов (XIII, 1963 г. в Мексике; XVI, 1978 г. в ФРГ; XVII, 1983 г. в Канаде; экстраординарный конгресс в 1987 г. в Аргентине; XVIII, 1988 г. в Великобритании), пяти всемирных социологических конгрессов (IV, 1959 г. в Италии; V, в 1962 г. в США; VI, 1966 г. во Франции; VII, 1970 г. в Болгарии; VIII,

1974 г. в Канаде), двух всемирных конгрессов Международной ассоциации политической науки (XI, 1979 г. в СССР; XII, 1982 г. в Бразилии). На перечисленных конгрессах он выступал не только с собственными докладами, но также как переводчик, озвучивавший доклады других советских участников конгресса, особенно руководителей Института марксизма-ленинизма при ЦК партии, Института философии АН СССР, других научных учреждений, так как они, как правило, не знали иностранных языков.

В 1978–1988 гг. В. С. Семенов являлся членом Руководящего комитета Международной Федерации философских обществ, а в 1981–1992 гг. членом Совета директоров Европейского Центра по координации исследований и документации в области политических наук («Венского центра») при ЮНЕСКО.

Активный участник «Байкальских встреч». Активное и постоянное участие В. С. Семенов принимал в научных конференциях, симпозиумах, круглых столах, совещаниях, проводившихся в республиках СССР, позже в самих развитых регионах России. Он до конца своей жизни — член президиума Центрального Совета общества РУСО (Российские ученые социалистической ориентации), председатель секции политологии.

В. С. Семенов являлся членом диссертационного совета по защите докторских диссертаций по философии и социологии в Бурятском государственном пединституте (позже университете) в первые годы его функционирования. Принимал активное участие в международных научных конференциях («Байкальских встречах»), посвященных проблемам интеллигенции, которые проводились в г. Улан-Удэ на базе БГПИ (БГУ). На первой конференции на пленарном заседании В. С. Семенов выступил с докладом «Трагико-диалектические испытания интеллигенции: самообольщение — разочарование — размежевание — возвращение к своему предназначению»: столь остро формировались и обсуждались проблемы интеллигенции. На следующих наших конференциях в его докладах «Миссия интеллигенции — помочь России стать высокоразвитой, процветающей, зажиточной жизнью народа» (2003), «Быть нравственным и действовать с народом» (2005) и другие. На одной из конференций мы (я и Вадим Сергеевич) выступили с совместным докладом «Интеллигенция России на рубеже XX и XXI веков» (2000). Секционные заседания проводились на Байкале в пансионате «Максимиха». Помниться, в один из таких выездов Вадим Сергеевич решил искупаться (был конец сентября, холодный ветер, волна). Наши попытки отговорить его от этой затеи не были услышаны. Разделся, нырнул в Байкал. Проплыл метров 200 и — на берег. Мы тоже (несколько мужчин) последовали его примеру. Потом все к костру, используя

прихваченные в дорогу средства для согрева.

Вадим Сергеевич был интересным собеседником. Много рассказывал о своих заграничных поездках, встречах... и, конечно, о науке, ее проблемах.

Как уже отмечалось, В. С. Семенов написал более 300 научных работ. Некоторые из них уже назывались. Многие из его публикаций имеются у пишущего эту статью, в том числе почти все его монографии, начиная с первой «Капитализм и классы. Исследование социальной структуры современного капиталистического общества» (М., 1969, 400 с.) и кончая последней «Социализм и революция XXI века: Россия и мир» (М., 2008, 656 с.). Ряд работ с дарственной надписью, в том числе последняя: «Дорогому Ивану Иосифовичу Осинскому — близкому другу и соратнику, замечательному ученому и человеку.

В. Семенов 28 мая 2009 г. Москва».

Это была последняя присланная автором книга. 11 июня 2013 г. он дал большое телевизионное интервью Л. В. Шаровой (фонд устная история).

14 мая 2014 г. В. С. Семенов умер.

НА ПУТИ К ГАРМОНИИ

Профессор Б. Д. Санданов

Декан. Борис Дамбаевич пришел работать в Бурятский пединститут в 1971 г. Я в это время учился в аспирантуре МГУ им. М. В. Ломоносова и после защиты диссертации в марте 1972 г. вернулся в Улан-Удэ в пединститут. Борис Дамбаевич работал деканом факультета физической культуры, был кандидатом педагогических наук. Он защитил диссертацию в мае 1971 г. в Государственном центральном институте физической культуры. Диссертация была посвящена развитию физической культуры и спорта в Бурятии. К тому времени он выпустил две крупные монографии. В те годы написать и опубликовать монографию непросто. К публикациям предъявля-

лись высокие требования. Чтобы рукопись попала в типографию, нужно было пройти не одну инстанцию. Преподавателя, который имел книгу, знали в пединституте все и относились как к солидному, уважаемому ученому. У Бориса Дамбаевича, как я уже отметил, было две книги. Одна называлась «Сурхарбан. Исторический очерк о национальных видах спорта», вторая — «Физическая культура и спорт в Бурятии». Обе книги опубликованы в Бурятском книжном издательстве. Кстати, это были первые крупные работы, посвященные развитию национальных видов спорта в республике. В последующем он написал еще несколько монографий.

Познакомились же мы Борисом Дамбаевичем на научной конференции, которая проходила в БГПИ. В те годы преподаватели пединститута встречались часто. Коллектив был относительно небольшим. В начале 70-х годов насчитывалось примерно 250 преподавателей.

В институте часто проводились партийные, профсоюзные, комсомольские собрания, заседания ученого совета института, факультетов, всякого рода совещания. Преподаватели выполняли многочисленные общественные поручения.

На этих мероприятиях я видел Бориса Дамбаевича. Это был высокий, стройный, спортивного вида человек средних лет с добрым открытым лицом. Выступал он на этих мероприятиях нечасто. Говорил, как правило, немного, спокойно, взвешенно.

В мае 1972 года состоялась юбилейная научная конференция, посвященная 40-летию БГПИ. Конференция проходила в актовом зале института (улица Ранжурова, 5, четвертый этаж, ныне 2401 ауд.). Зал был заполнен до отказа. Выступали с докладами: первый ректор пединститута, доцент М. П. Хабаев, профессор М. Н. Мангадаев, доценты П. И. Бартанов, Н. К. Елаев, Ю. Ф. Головнев, П. И. Хайдуков и другие. Доклады были посвящены истории института, факультетов, их связи со школами и органами народного образования. В актовом зале место Бориса Дамбаевича и мое оказались рядом. Тогда-то и состоялось наше знакомство.

Факультет и его выпускники. В перерыве наш разговор продолжился. Борис Дамбаевич рассказал о факультете физического воспитания (так он тогда назывался), который недавно отпраздновал свой десятилетний юбилей, потом о роли физической культуры в современном обществе. Физическая культура, говорил он, становится необходимостью для каждого человека и охватывает все группы населения, начиная с детского возраста. Нашего современника должно характеризовать не только высокое интеллектуальное развитие, но и физическое совершенство. Гармоничное развитие личности немыслимо сейчас без систематических за-

нятий физкультурой и спортом. Особенно актуальным такое развитие является для нынешней молодежи. Внедрение физкультуры в жизнь, быт людей требует высококвалифицированных специалистов, притом в большом количестве. Подготовкой их, собственно, и занимается наш факультет. Несмотря на небольшой срок его существования число преподавателей на нем увеличилось с шести до двадцати человек. А количество выпускников превысило пятьсот человек.

Они трудятся во всех районах республики. Факультет имеет серьезные спортивные достижения. Их диапазон широк — от чемпиона города до чемпиона Советского Союза.

Такие мастера, студенты и выпускники факультета, как В. Стрельников и П. Федотов (бокс), Виктор и Геннадий Баймеевы (борьба), Г. Цыбиков и Н. Тарабукин (лыжный спорт), Е. Ли и В. Бражник (легкая атлетика), В. Минаев (велоспорт) и другие, хорошо известны далеко за переделами нашей республики. В целом же за десять лет пятьдесят студентов выполнили нормативы мастера спорта СССР и кандидата в мастера спорта. Конечно, заметил Борис Дамбаевич, наша задача готовить не только спортсменов, но, в первую очередь, учителей физической культуры. Курс обучения гораздо труднее и сложнее. Безусловно, изучаются техника и методика обучения различным видам спорта. Но все это базируется на хорошей научной основе. Студенты овладевают целым рядом теоретических дисциплин: философией, анатомией, физиологией, химией, теорией и методикой физвоспитания и т. д. Ведут эти дисциплины на факультете такие опытные преподаватели, как кандидат исторических наук Ю. В. Абросимов, кандидат педагогических наук Г. Ц. Молонов, кандидат биологических наук Е. И. Черняев, заслуженный тренер РСФСР, доцент А. А. Атарханов, и.о. доцента Л. Н. Устинов, старшие преподаватели В. И. Тарасов, К. Г. Синицын, Г. В. Перевалов и др. В эти годы был организован спортивно-оздоровительный лагерь «Сибиряк», в котором отдохнули сотни студентов.

Проблемы факультета и пути их решения. В рассказе Бориса Дамбаевича чувствовалась не только гордость за возглавляемый им коллектив, но и глубокое понимание проблем его дальнейшего развития. А таких проблем было немало: факультет молодой, ему всего-то десять лет. Наиболее острыми являлись отсутствие необходимой материально-спортивной базы и недостаток квалифицированных преподавательских кадров.

Конечно, эти и другие вопросы заботили не только декана факультета, его преподавателей, сотрудников общеинститутской кафедры физического воспитания, но и руководство института, его ректора И. А. Батудаева. Тон, последовательность в раз-

решении этих проблем определялись, естественно, ректоратом. Активное участие в создании материально-спортивной базы принимали преподаватели и студенты факультета физического воспитания. Об этом подробно говорится в моих книгах «Alma mater» (1999) и «Из поколения созидателей» (2006). С приходом в пединститут Бориса Дамбаевича большая часть вопросов по руководству этим сложным процессом перешла к нему. Он в этом деле стал правой рукой Ивана Александровича. И, как мне представляется, весьма успешно справлялся со своими задачами. Обладая большими связями, знакомствами в различных республиканских, городских организациях, необходимым тактом, способностью договариваться, Борис Дамбаевич решал многие сложные строительные вопросы весьма оперативно, нередко минуя некоторые формальные процедуры. Мне не раз приходилось быть свидетелем обсуждения такого рода проблем двух руководителей. Конечно, в создании и развитии спортивного комплекса И. А. Батудаев и Б. Д. Санданов опирались на преподавателей физического воспитания. Деятельное участие в возведении спортивно-оздоровительной базы на озере Щучье принимали преподаватели А. А. Атарханов, Г. В. Перевалов, В. М. Цинкер, С. Б. Шойсоронов, В. И. Бражник.

Что касается лыжной базы в районе поселка Орешкова, то в ее сооружении участвовали В. И. Бражник и доцент Г. Я. Галимов (ныне профессор), за что были награждены медалями Спорткомитета СССР. Много сил и энергии на ее формирование затратил бывший заведующий кафедрой физической культуры В. Л. Балдаев. Львиная же доля забот легла на плечи Б. Д. Санданова. Можно с уверенностью констатировать, что семидесятые годы были периодом становления факультета, создания его материальной базы, формирования его как современного подразделения солидного сибирского вуза. Это был период напряженного труда коллектива факультета физвоспитания во главе с его руководителем.

Подводя итоги двадцатилетия факультета физического воспитания, Б. Д. Санданов в статье «Ступени роста: плюсы и минусы», опубликованной в газете «За педагогические кадры» (6 ноября 1980 г.), о создании материальной базы писал следующее: «Факультет не живет в «ожидании погоды у моря». Факультет силами своих студентов в районе озера Щучье построил учебно-спортивный лагерь со спортивным комплексом. Лагерь может принять до 350 человек. В спортивный комплекс входят стадион с клинкерной круговой беговой дорожкой, задернованным футбольным полем и другими легкоатлетическими секторами. В прошлом году

было завершено строительство стадиона ручных игр с асфальтовым покрытием, на стадии завершения находится гимнастический городок. В водно-гребной комплекс входят три моторных катера, более 30 прогулочных лодок. В этом году студенты заканчивают строительство лыжной базы в районе поселка имени Орешкова. На шести гектарах будет размещено три больших дома. Сделали освещение на лыжной трассе, игровой площадке. В настоящее время ведутся последние отделочные работы в доме, который отведен под профилакторий института. И самое главное, силами студентов было ускорено строительство спортивного зала в комплексе нового учебного корпуса. На год раньше запланированного срока сдали мы его в эксплуатацию. И теперь студенты уже занимаются там. Планируется выделение средств на строительство трехзального или легкоатлетического манежа...». Все это было большим успехом факультета, его руководителя, да и в целом коллектива Бурятского пединститута. Создание и развитие спортивного комплекса, естественно, способствовало развитию науки, подготовке квалифицированных преподавателей физической культуры, развитию массовости в занятиях физкультурой и спортом, повышению результатов.

Начало научной деятельности. Подготовка кандидатов наук. Следует отметить, что до прихода на факультет физвоспитания Бориса Дамбаевича научной деятельностью в этом подразделении фактически не занимались. Начало научным исследованиям было положено с назначения Б.Д. Санданова деканом факультета. В 1971 г. он защитил диссертацию по спортивной тематике и стал первым на факультете кандидатом наук, положил первый кирпич в основание факультетской науки. И на протяжении всей своей деятельности в должности руководителя факультета он большое внимание уделял подготовке научно-педагогических кадров, развитию научных исследований.

Уже в начале 70-х годов были направлены в очную аспирантуру московских вузов С. В. Калмыков и В. А. Стрельников. Ряд преподавателей обучался заочно. Комплектование кафедр проводилось с учетом перспективы работы молодых преподавателей над диссертациями. Благодаря усилиям декана, заведующих кафедрами мешалась психологическая атмосфера на факультете. Члены кафедры постепенно вовлекались в научную деятельность. Благодаря этим мерам к 1980 году на трех кафедрах трудилось 6 кандидатов наук, доцентов — А. А. Атарханов, С. В. Калмыков, В. И. Кузнецов, Б. Д. Санданов, В. А. Стрельников, В. Н. Прокопьева. Это были первые ученые, на плечах которых поднималась, крепла, развивалась факультетская наука.

Появление на факультете кандидатов наук позволило развернуть научные исследования. В этих целях была создана лаборатория функциональной диагностики, врачебного контроля и ЛФК, методический кабинет, в котором была сосредоточена не только учебная литература, но и новейшая литература, выпускаемая издательством ФК и спорта, а также материалы реферативного характера.

Для оснащения лаборатории были приобретены различные приборы, аппаратура на 30 000 рублей. Стал функционировать при лаборатории научный кружек студентов, которым руководили зав. кафедрой теоретических основ физического воспитания кандидат биологических наук В. И. Кузнецов и старший преподаватель, кандидат биологических наук В. Н. Прокопьева.

При поддержке Бориса Дамбаевича на факультете была создана первая научно-исследовательская группа во главе с В. Н. Кузнецовым. В состав группы вошли преподаватели Г. В. Алсагаев, А. А. Карнаков, Г. Я. Галимов, В. Н. Прокопьева, С. А. Хушеева, Л. Г. Покацкий. Позже ее пополнили В.М. Цинкер, О. М. Зыкова и др. Исследователи разрабатывали тему «Адаптация организма детей и подростков к учебной и физической нагрузкам и к природно-климатическим условиям в районе строительства БАМа». Тема вошла в научно-исследовательский план Института физиологии детей и подростков АПН СССР. Общее руководство и контроль за выполнением исследования осуществлялись директором этого института, вице-президентом АПН СССР, академиком А. Г. Хриковой. Борис Дамбаевич как декан факультета постоянно вникал в работу исследовательской группы, оказывал ей всяческую помощь. Результаты НИР группы ежегодно докладывались на совете факультета, а также периодически обсуждались на ученом совете института. Группой было организовано 10 экспедиционных выездов в Северо-Байкальский район, где по программе, разработанной Институтом физиологии детей и подростков АПН СССР, были проведены медико-биологические и педагогические обследования учащихся. В процессе работы над темой преподаватели не только получили интересные результаты, но и приобрели необходимые знания и опыт исследовательской деятельности, так необходимые молодым, начинающим ученым.

На факультете при помощи декана зарождались и другие исследовательские группы, деятельность которых со временем перерастала в серьезные научные направления.

Трудности в подготовке учителей физкультуры. Работа декана многофункциональна. Это и организация набора студентов, обеспечение учебного процесса, педагогической практики, спортивной подготовки; это

и забота о бытовых условиях жизни обучающихся, их воспитании и многое другое. Все эти проблемы находились в поле зрения руководителя факультета. И он как опытный управленец умел их своевременно и профессионально разрешать. Но не все было во власти декана и даже ректора. При его внешнем спокойствии Борис Дамбаевич остро воспринимал, переживал трудности, с которыми приходилось сталкиваться в процессе их разрешения. А трудностей всегда хватало.

Помнится, в одной из наших бесед накануне 20-летия факультета 1980 г.) Борис Дамбаевич высказывал тревогу по поводу неравномерного представительства на факультете молодежи из разных районов. Много поступает, говорил он, на факультет из Кабанского, Заиграевского, Бичурского, Мухоршибирского, Баргузинского, Прибайкальского районов и совсем мало из школ Кяхтинского, Еравнинского, Селенгинского, Джидинского, Кижингинского районов. И еще меньше учится студентов из Оки и двух северных районов республики. В последующем трудно будет обеспечить школы этих районов учителями физкультуры. Он был серьезно обеспокоен знаниями абитуриентов. Несмотря на то, что последние 4–5 лет конкурс на одно место составляет 4–5 человек, средний балл остается низким. Только с прошлого года впервые он составил 4,0. Но каким он будет в дальнейшем, трудно сказать. Что касается уровня спортивной подготовки абитуриентов, то здесь, как считает декан, беспокойства нет, дело обстоит более-менее благополучно. Следовательно, главным требованием к сегодняшним абитуриентам являются, наряду с правильной, четкой профориентацией, высокий уровень общеобразовательной подготовки, культура, широта кругозора и общественная активность. В самом деле, спрашивал Борис Дамбаевич, как может усвоить вузовский учебный план, программу и получить прочные знания человек, который имеет средний балл по аттестату 3,5 или 3,6, а бывает, что даже с 3,0 баллами «проникают» в число студентов. Кроме того, надо иметь в виду, что нашему студенту за учебный год приходится участвовать на различного ранга учебных сборах и соревнованиях от 1,5 до 2 месяцев, а студенты-спортсмены, имеющие более высокие разряды (мастера спорта и кандидаты в мастера), отсутствуют в аудиториях от 2,5 до 5 месяцев. Таким образом, почти половина студентов занята активной спортивной деятельностью. Очевидно, что только солидная общеобразовательная подготовка бывшего школьника может помочь ему успешно справиться с учебной и спортивной нагрузками.

Далеко не все в порядке у нас с профессиональной ориентацией. Проведенные в последние два года анкетирования показали, что 35–40% обучающихся хотят стать тренерами. Бо-

лее того, на вопрос «Ваши мотивы поступления в институт?» многие отвечают:

«Спортивное совершенствование». Естественно, многие из них после окончания института не пожелают ехать в сельские районы республики.

Не менее важным для него был и вопрос качества подготовки. выпускников, прежде всего, по их спортивной специализации. Он считал, что факультет мало выпускает мастеров спорта и кандидатов в мастера.

Эти проблемы освещались Борисом Дамбаевичем на страницах республиканских газет, институтской многотиражки «За педагогические кадры», на совете факультета, заседаниях кафедр, партийных собраниях. Иногда приходилось обращаться за помощью в ректорат, партком, в вышестоящие партийные и советские органы. При всей своей деликатности он не боялся быть решительным, принципиальным по отношению к начальству, если от него зависело решение какого-то важного дела. Но прежде всего старался сделать сам максимум того, что было в его силах. И, как правило, добивался положительного результата.

Выступая на отчетно-выборном партийном собрании института (октябрь 1980 г.), Борис Дамбаевич говорил: «В последние годы мы уделяли серьезное внимание вопросам профессиональной подготовки, добились определенных успехов в организации педпрактики. Средний балл за педпрактику на факультете поднялся до 4,5. Но мы ищем пути дальнейшего ее совершенствования. С этого года ввели па факультете «пассивную» педпрактику, которая охватывает студентов с 1 по 4 курс. Мы думаем постепенно наших студентов привлекать к активной деятельности в детских клубах домоуправлений...» («За педагогические кадры», 28 ноября 1980 г.).

Выпускники — гордость факультета. В марте 1982 г. в статье «Факультет здоровья и красоты» («За педагогические кадры», 31 марта 1982 г.) Борис Дамбаевич с гордостью писал: «За двадцать один учебный год факультет сделал 17 выпусков. Дипломы преподавателей физкультуры высшей квалификации получили 820 человек. За эти годы факультет подготовил 5 мастеров спорта международного класса (В. А. Стрельникова, Б. С. Цыбикова, О. Алексеева, Б. Д. Будаева, Т. Позднякову) и более 50 мастеров спорта СССР.

Многие выпускники факультета успешно трудятся в городских и сельских школах, профессионально-технических училищах, техникумах и институтах, в спортивных клубах промышленных предприятий республики, имеют высокие достижения в спортивной и физкультурной работе. Среди них заслуженные работники культуры нашей республики В. Н. Иванов и Г. В. Баймеев».

Как истинный педагог Борис Дамбаевич следил за профессиональным,

творческим ростом своих питомцев, интересовался их успехами, гордился ими. Помню, с какой гордостью он говорил о том, что выпускники факультета не только успешно трудятся на различенных участках физкультурного движения, но и многие из них выдвинуты на руководящие должности. Называл имена лучших директоров школ, заведующих районо, секретарей райкомов партии, комсомола, окончивших факультет. С особым уважением Борис Дамбаевич относился к тем выпускникам, которые работали в школе, прививали подросткам любовь к физической культуре и спорту, заботились о их здоровье, гармоническом развитии. С особой теплотой он называл имя выпускницы факультета заслуженного учителя Бурятской АССР Н. В. Никифоровой. Среди работников физической культуры она являлась самым авторитетным, трудолюбивым, — педагогом. Н. В. Никифорова сумела создать творческий, деятельный коллектив в школе № 65, ведет большую общественную работу в городе. Более 15 лет она является бессменным руководителем педагогической практики студентов факультета, щедро делясь своим богатым опытом, обучая их — будущих своих коллег педагогическому мастерству.

Декан часто организовывал встречи студентов с лучшими учителями физической культуры, известными спортсменами. Стремился приобщить их к тому ценному, интересному, что рождалось в процессе практической деятельности мастеров педагогического труда.

Личность. В завершение данной статьи хотелось бы подчеркнуть, что Борис Дамбаевич Санданов был незаурядной личностью, внесшей большой вклад в развитие не только факультета физической культуры, но и Бурятского пединститута (ныне университета) в целом, в подготовку высококвалифицированных учительских, спортивных кадров для республики, в становление научной спортивной мысли.

Участник Великой Отечественной войны, удостоенный ряда боевых правительственных наград, в течение 17 лет возглавлял факультет физической культуры (дольше в пединституте и университете деканом никто не работал). Обладая прекрасными организаторскими, педагогическими качествами, он умел поддерживать в непростом мужском коллективе дисциплину и порядок, обеспечить подготовку специалистов, отвечающих современным требованиям. Немало сил и энергии он отдавал строительству материальной базы факультета. Был поборником развития национальных видов спорта. В последние годы он много и плодотворно работал над созданием истории физкультурного движения, развития национальных видов спорта в республике, написал ряд интересных книг. В 1992 г. ему

присвоено звание «Заслуженный работник культуры Российской Федерации». В 1993 г. он стал профессором. На протяжении всех лет работы в Бурятском пединституте (университете) он принимал активное участие в общественной жизни университета, города, республики. Избирался членом парткома института, являлся депутатом Улан-Удэнского городского Совета народных депутатов четырех созывов, выполнял другие общественные обязанности.

Бориса Дамбаевича всегда отличала скромность, порядочность, отзывчивость, доброта. Он был интеллигентом в подлинном смысле слова.

Статья опубликована в сборнике «Жизнь, как поющая стрела. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2014.

ВОСПИТАНИЕ ПРИМЕРОМ

Профессор С. Ш. Чагдуров

В мае 2003 г. накануне конференции, посвященной 75-летию С. Ш. Чагдурова, в газете «Буряад үнэн» была опубликована статья профессоров У.-Ж. Ш. Дондукова, Л. Д. Шагдарова «Моцарт в эпосоведении», посвященная научному творчеству С. Ш. Чагдурова. Нельзя не согласиться с известными лингвистами, которые восхищаются энциклопедическими знаниями, разносторонностью интересов, научной глубиной и человеческой проницательностью Сергея Шагжиевича.

Гэсэриада. Действительно, создавший такие крупные труды, как «Происхождение Гэсэриады». Опыт сравнительно-исторического исследования древнего словарного фонда», «Стихосложение Гэсэриады», «Поэтика Гэсэриады, не может не вызывать восхищения. Труды С. Ш. Чагдурова — это бесценный вклад не только в отечественное, но и мировое эпосоведение. Рассмотрение эпоса «Гэсэр» с вершин мыслителя сквозь призму мировых цивилизационных процессов выводит его значение далеко за пред-

метные рамки. Не случайно «Происхождение Гэсэриады» представляет интерес не только для эпосоведов, лингвистов, но и для историков, религиоведов, этнографов, философов, культурологов и специалистов ряда других отраслей научного знания.

Путь к науку. Родился С. Ш. Чагдуров 17 января 1928 г. в местности Хужир. Так случилось, что мальчик рос, воспитывался не с отцом и матерью, а был в четырехлетнем возрасте усыновлен бездетным Шагжи и Сыремжид Чагдуровыми, жившими тогда в местности Торинн-Адаг (Усть-Торей) Джидинского аймака. В 1946 г. он закончил Петропавловскую среднюю школу и поступил на факультет русского языка и литературы Бурятского государственного педагогического института. После окончания пединститута работал в Бурятском НИИ культуры и экономики, и службы в рядах Советской Армии С. Ш. Чагдуров был направлен республикой в аспирантуру на кафедру русского языка Московского областного пединститута им. Н. К. Крупской. Через три года он защищает кандидатскую диссертацию по языку и стилю Леонида Леонова. А в 1987 г. Сергей Шагжиевич защитил докторскую диссертацию в г. Ташкенте на тему «Поэтика бурятской Гэсэриады». В ней автор раскрывает художественную природу «Гэсэра», его поэтику, внутренние закономерности развития эпической природы бурят. Содержание и форму поэтики Гэсэриады, — отмечают профессора У.-Ж. Дондуков и Л. Шагдаров, — С. Ш. Чагдуров впервые воедино исследует на основе метода эпикоэстетического канона «Алтан хэблиг», т. е. на пропорции «Золотого сечения». Суждение его о золотом сечении весьма весомы, так как он занимался алтаистикой, фольклористикой и эпосоведением. В этом безусловно заключается новизна в исследованиях древнейших пластов лексики героического эпоса «Гэсэр» [1].

Сергей Шагжиевич является автором 150 научных публикаций, из них 5 монографий, 4 книги переводов, ряд учебных пособий. За вклад в науку ему присвоено почетное звание «Заслуженного деятеля науки Республики Бурятия» и «Заслуженного деятеля науки Российской Федерации» (1996). В 1997 г. он стал лауреатом Государственной премии Республики Бурятия по литературе и искусству за монографию «Поэтика Гэсэриады» и за перевод на русский язык книги «Абай Гэсэр Богдо хан».

Проректор. Но С. Ш. Чагдуров внес не только весомый вклад в науку, о чем свидетельствуют его научные и почетные звания, он много сделал для развития Бурятского государственного педагогического института (ныне университета). Начав работать на кафедре русского языка в 1956 г., он в 1964 г. стал заведующим кафедрой русского языка. В феврале 1968 г. был избран деканом историко-филологического

факультета, сменив на этом посту доцента М. П. Хабаева, в прошлом первого директора пединститута. В декабре 1973 г. приказом министра просвещения Российской Федерации С. Ш. Чагдуров был назначен проректором по учебной работе. В этой должности он трудился в течение 9 лет (до ноября 1982 г). В последующем С. Ш. Чагдуров многие годы возглавлял кафедру начального обучения языкам.

В годы работы С. Ш. Чагдурова на историко-филологическом факультете и в ректорате автор этого очерка был тесно связан с факультетом и ректоратом. Поэтому я Сергея Шагжиевича знаю давно и благодарен судьбе, что посчастливилось многие годы трудиться вместе с ним. Когда я пришел в ректорат, С. Ш. Чагдуров уже ряд лет трудился в качестве проректора. В те годы проректор по учебной работе являлся одновременно и первым проректором института. Поэтому круг обязанностей С. Ш. Чагдурова выходил далеко за рамки организации учебной деятельности. В те годы БГПИ был на подъеме. Велась напряженная работа по развитию вуза. Особое внимание уделялось строительству главного учебного корпуса, двух студенческих общежитий. На стройке работали студенты. Необходимо было вносить изменения в график учебного процесса, не допустить снижения качества знаний будущих специалистов. Одновременно со строительством, укреплением материально-технической базы вуза расширялся контингент студентов, вводились новые специальности, открывались факультеты, кафедры. Так, в 1977 г. на базе отделения технических дисциплин физико-математического факультета был создан индустриально-педагогический факультет. Год спустя, в 1978 г., начал работать факультет начальных классов, являвшийся до этого подразделением историко-филологического факультета. К концу 70-х гг. в институте функционировало 7 факультетов, где велась подготовка учителей по 13 специальностям. С каждым годом возрастал вклад вуза в пополнение учительского корпуса республики. С 1975 по 1984 г. институт выпустил 7892 учителя. В середине 80-х гг. в БГПИ обучалось 5683 студента. Конечно, всю многогранную работу по развитию вуза возглавлял ректор профессор И. А. Батудаев, стоявший во главе БГПИ почти два десятилетия. Вместе с тем львиная доля этой работы легла на плечи С. Ш. Чагдурова, других проректоров, руководителей общественных организаций.

Профпедиаправленность, техсредства, педагогизация, самостоятельная работа, — ключевые направления в учебном процессе. С. Ш. Чагдуров с присущими ему энергией, темпераментом горячо поддерживал любые интересные начинания в организации учебной и воспитательной работы, нередко сам был ини-

циатором многих из них. В начале 70-х гг. в институте под руководством проректора развернулась работа по профессионально-педагогической направленности учебно-воспитательного процесса. Спустя несколько лет С. Ш. Чагдуров выступил с докладом на партсобрании, в котором был обобщен опыт, предложен ряд новых мер по усилению профпеднаправленности учебной деятельности.

Перед факультетами, кафедрами была поставлена задача организовать работу таким образом, чтобы профпеднаправленность пронизывала все формы учебной деятельности, нашла соответствующее преломление во всех изучаемых в вузе предметах.

В первой половине 70-х гг. началась активная работа по широкому использованию технических средств и программирования в обучении. Возросло внимание к организации самостоятельной работы студентов. С 1974–75 учебного года в организации самостоятельной учебной работы стала внедряться система УИРСов. Через год была введена обязательная аттестация студентов по текущей успеваемости.

Во второй половине 70-х гг. — начале 80-х гг. под руководством С. Ш. Чагдурова на специальных кафедрах велась активная работа по педагогизации учебно-воспитательного процесса. Составлялись профессиограммы по отдельным специальностям, более тесно увязывалось изучение вузовских теоретических курсов со школьными дисциплинами, были введены новые факультативы, спецкурсы, практиковались встречи с лучшими творчески работающими учителями, экскурсии в методические кабинеты, посещение педагогических чтений, конференций, семинаров и т. д.

С. Ш. Чагдуров большое внимание уделял созданию учебных кабинетов, организации их работы. Проводились смотры-конкурсы лучшей постановки их деятельности. Важное место занимала профессиональная подготовка студентов. Вопросы профпеднаправленности учебно-воспитательного процесса тесно связывались с ориентацией учителя на работу в сельской школе. Эти вопросы пронизывали всю систему учебно-воспитательной деятельности. Результаты этой деятельности были подведены на заседании коллегии Министерства просвещения РСФСР в 1977 г., где был обсужден вопрос «О работе Бурятского пединститута по совершенствованию подготовки учителя сельской школы» (докл. И. А. Батудаев).

Работая проректором, С. Ш. Чагдуров заботился об организации в вузе работы по всестороннему развитию студента. Помнится, он любил повторять: «Учитель все должен уметь делать». При этом особое значение придавалось оказанию помощи студентам по приобретению ими второй общественной профессии. Открытый в 1963 г. факультет общественных про-

фессий насчитывал в 1973 г. 700 человек. К 1981 г. их число возросло до 1250. В его составе было три отделения: лекторов-общественников, журналистов и художественной самодеятельности. Детищем С. Ш. Чагдурова в подлинном смысле этого слова был студенческий ансамбль песни и танца «Байкальские волны». В середине 80-х гг. он насчитывал более 70 музыкантов, певцов и танцоров. В 1978 г. ансамблю было присвоено звание «Народный самодеятельный коллектив». В 1979 г. он был награжден дипломом лауреата первого всероссийского смотра народного творчества трудящихся СССР. С. Ш. Чагдуров не только отбирал в ансамбль наиболее одаренных парней и девушек, но и присутствовал на занятиях, выезжал с ними на гастроли. Перечень подобных начинаний проректора можно было бы продолжить.

Личностные качества. Но мне, пользуясь случаем, хотелось бы коснуться некоторых личностных качеств Сергея Шагжиевича. Одним из таких качеств является его высокая порядочность, скромность, простота. Помнится, в ректорате под руководством И. А. Батудаева постоянно обсуждались вопросы учебной, наручной, воспитательной работы, кадровые продвижения, представления к награждениям и т. п. Участниками этих обсуждений являлись, как правило, ректор, проректоры по учебной, научной работе, иногда секретарь парткома. Я не помню случая, чтобы Сергей Шагжиевич в этом узком кругу пытался кого-то из преподавателей института представить в невыгодном свете, создать о нем нехорошее мнение. К сожалению, в вузовской жизни случается нередко: в глаза говорится человеку одно, а за глаза — совсем другое. Если у проректора были претензии к кому-то по работе, то об этом говорилось открыто самому этому человеку, его недостатки критиковались (иногда весьма резко) на заседаниях Ученого совета, кафедр, партсобраниях. Работая рядом с Сергеем Шагжиевичем, я его видел всегда честным, открытым, доброжелательным руководителем. Перейдя на работу в ректорат, я в лице Сергея Шагжиевича встретил товарища-коллегу, который всегда был готов откликнуться, дать разумный совет, помочь в решении трудного для меня вопроса. Естественно, я и сегодня испытываю чувство признательности Сергею Шагжиевичу за ту поддержку, которую он оказывал мне в процессе нашей совместной работы. Сергей Шагжиевич был первым проректором, к тому же ему нередко приходилось исполнять обязанности ректора, но он никогда не давал нам, его коллегам по ректорату, почувствовать, что он главнее. Хотя все понимали, что Сергей Шагжиевич не только по своей должности обладает более широким кругом полномочий, но и старше по возрасту, компетентнее, опытнее нас, и ему приходится нести больший объем ответственности за дела в коллективе ин-

ститута. Если ему нужно было по какому-то вопросу посоветоваться, что-то согласовать, то он, как правило, приходил ко мне или звонил по телефону, и мы обсуждали интересовавший нас вопрос, я поступал таким же образом. Я никогда не замечал у своего коллеги проявления даже малейших признаков своей значимости, важничанья, он был примером скромности, демократизма, искренности в отношениях как с преподавателями, техническим персоналом, так и со студентами. Эти качества присущи Сергею Шагжиевичу и сегодня, несмотря на возраст, опыт, звания и титулы.

И еще одна черта выделяет Сергея Шагжиевича из общей массы преподавателей. Он — великолепный спортсмен и талантливый поэт. Участвуя в первенстве России по настольному теннису среди ветеранов, занимал 2-е место по рейтингу в возрасте свыше 75 лет. В марте 2003 г. завоевал в Москве серебряную медаль первенства России среди ветеранов. Был постоянным участником и призером первенств и чемпионатов по настольному теннису Республики Бурятия.

Что касается поэтического дарования у С. Ш. Чагдурова, то оно проявилось давно. В 1948 г. был создан в институте литературно-творческий кружок, которым руководил прекрасный литературовед, доцент кафедры литературы Василий Абрамович Абрамов. Кружок объединил любителей художественного слова. Из членов этого художественно-творческого объединения вышли многие известные поэты, писатели Бурятии. Одним из активных членом кружка, по выражению В. А. Абрамова, его энтузиастов с момента его создания стал студент С. Ш. Чагдуров. В газете «Педагогические кадры» периодически помещались «Литературные страницы», где печатались стихотворения членов литературно-творческого кружка. В связи с 10-летием кружка на «Литературной странице» «За педагогические кадры (1 мая 1958 г.) было напечатано стихотворение С. Ш. Чагдурова «На посту».

«Скоро полночь. Метель у лощины,
Где раскинулся парк боевой,
Охраняя стальные машины,
Неприметный стоит часовой,
Длятся, длятся подолгу минуты,
И ни зги не видать впереди.
Но солдат насторожен и чуток,
И взведен автомат на груди.
Ему Родина здесь приказала
Охранять ее труд и покой.
Даже ветер, подувший с Байкала,
Так и кажется, шепчет порой:
«Может, смуглая дочь скотовода
На храненье вручила тебе
Ключ от мира и счастья народа,
Завоеванный в трудной борьбе»…
И стоит часовой, не смыкая
Глаз, привыкших смотреть в темноту,
И на сердце светло, хоть такая
Непроглядня ночь на посту»,

Будучи преподавателем, в том числе профессором, С. Ш. Чагдуров не оставил своих занятий поэзией. Хотелось бы отметить и такое качество юбиляра, как его исключительную чуткость, неравнодушие ко всему, что происходит вокруг: будь то факультет, вуз, образование, наука, культура или любая другая сфера жизнедеятельности общества. Преподаватели старшего поколения помнят, с каким темпераментом, остротой в 70-е годы он критиковал кафедру педагогики за ее недостаточную связь со школами, органами народного образования, за слабое использование новых методов обучения. Или как близко к сердцу им воспринимался факт потери частью молодежи интереса к родному языку. Об этом свидетельствуют его многочисленные устные и письменные выступления и предлагавшиеся им меры по приобщению молодежи к родном языку. И сегодня мы на заседаниях ученого совета университета часто являемся свидетелями темпераментных, взволнованных выступлении нашего коллеги. Не может не вызывать чувство удовлетворенности то, что свое неравнодушие, острое восприятие происходящего С. Ш. Чагдуров передает своим ученикам. Только глубокие знания, пытливая творческая мысль в синтезе с высокой нравственной культурой, неспокойной совестью способны сформировать созвучного эпохе специалиста-интеллигента. Думается, что именно ради этого и трудится профессор С. Ш. Чагдуров.

Свои 75 лет С. Ш. Чагдуров встречает за кафедрой в университетской аудитории. Он, как и прежде, читает теоретические курсы по лингвистике, консультирует докторантов и аспирантов. Своими знаниями, эрудицией, опытом, нравственным примером С. Ш. Чагдуров помогает нынешним и будущим специалистам определить свое место в жизни и в науке.

Хочется пожелать С. Ш. Чагдурову успехов в его благородном служении науке и образованию.

Статья опубликована в сборнике «Гэсэриада и аспекты ее изучения в культуре народа». С. 10–15 (с некоторыми дополнениями).

Литература

1. Дондуков У.-Ж., Шагдуров Л. Д. Моцарт в эпосоведении // Гэсэриада и аспекты ее изучения в культуре народа: материалы науч.-практ. конф., посвящ. 75-летию профессора С. Ш. Чагдурова (26 мая 2003 г.). Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2003. С. 8.

ЕГО СТИХИЯ — НАУКА

Профессор В. И. Золхоев

Валентин Игнатьевич Золхоев, крупный специалист в области общего языкознания, труды которого получили широкое признание в среде российской научной общественности. Доктор филологических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации.

На пути к знаниям. Родился он 10 июля 1928 года в улусе Горхон Онгой-Кутанского булучного совета Боханского аймака Бурят-Монгольской АССР. С раннего детства проявлял интерес к знаниям. Несмотря на то, что ему приходилось из одной школы переходить в другую (Обуса, Бильчир, Улей) во всех школах он учился на «отлично», с желанием и интересом.

Знакомясь с биографией Валентина Игнатьевича, убеждаешься в его постоянном стремлении к большему. Получив один объем знаний, он тут же начинал движение к следующей ступени. Так, поступив в 1942 г. в Боханское педагогическое училище, В. И. Золхоев после двух лет учебы в нем переходит в Иркутский учительский институт. В 1945 г. перевелся на бурятское отделение Иркутского государственного университета, а в 1946 г. он уже на монгольском отделении восточного факультета Ленинградского государственного университета, где работали крупные специалисты-востоковеды, что давало возможность получить основательную теоретико-методологическую и практическую подготовку в области языкознания и востоковедения. В 1951 г. он окончил ЛГУ с отличием и был отправлен переводчиком монгольского языка в погранвойска СССР в г. Кяхта (1951–1953).

Исследователь. Имея хорошую научную подготовку, В. И. Золхоев чувствовал потребность в исследовательской деятельности, а любовь к родному языку явилась своеобразным вектором этой деятельности.

В 1953 г. он переходит на работу в Научно-исследовательский институт культуры Бурят-Монгольской АССР, а спустя год становится аспирантом Ленинградского государственного университета, где в 1957 г. успешно защитил кандидатскую диссертацию

«Средства ритмической организации бурятского языка», в которой, опираясь на исследовательский опыт работы в лаборатории им. академика Л. В. Щербы при ЛГУ, применяя инструментально-фонетические методы для изучения акцентуации в халхском монгольском языке и диалектах бурятского зыка, обосновал тезис о музыкально-тональной фонетической природе бурятского ударения и его синтагматической функции.

После защиты диссертации В. И. Золхоев продолжает активную научную деятельность. В 1977 г. он издает монографию «Морфонология бурятского языка» (Улан-Удэ), в 1980 выходит в Новосибирске его крупная монография «Фонология и морфонология агглютинативных языков». А в 1987 г. Валентин Игнатьевич блестяще защитил на специализированном совете филологического факультета Ленинградского госуниверситета докторскую диссертацию «Проблемы фонологии и морфонологии агглютинативных языков», в ходе подготовки которой ученый значительно переработал и дополнил содержание двух названных монографий и впервые на материале пяти языков (бурятского, монгольского, калмыцкого, тувинского и якутского) не только описал системы гласных и согласных фонем, но и выявил закономерности их функционирования в пределах корневых и аффиксальных морфем. По словам доктора филологических наук Е. А. Бардамовой, «О высоком рейтинге данной работы говорит тот факт, что ни одна публикация по фонетике и фонологии агглютинативных языков не обходится без указания на труды В. И. Золхоева в качестве части справочного аппарата по данной научной проблеме» [3]. В 1996 г. вышла его новая книга «Система бинарных оппозиций фонем» (Улан-Удэ). Эти исследования отличаются актуальностью, новизной и оригинальностью.

Как отмечает профессор С. М. Бабушкин, «В этих работах профессор Золхоев В. И. предлагает классификацию бинарных оппозиций фонем, основанную на чисто лингвистических критериях, а именно по составу дифференциальных признаков (ДП). При этом учитывается состав ДП, по которому различаются члены каждой бинарной оппозиции и состав ДП общих членов этой пары. Так, система оппозиций русских согласных состоит из 666 бинарных оппозиций, каждая из которых уникальна, но повторяется внутри системы.

В процессе работы пришлось пересмотреть классификации фонем рассматриваемых языков, так как традиционная фонетическая классификация фонем учитывает не только дифференциальные, но часть интегральных признаков.

При классификации фонем Валентин Игнатьевич исходил из традиций Ленинградской школы, но с отклоне-

ниями, связанными с особенностями чисто фонологической классификации, учитывающей ДП, полностью игнорируя интегральные признаки» [1].

В период с 1996 по 2010 г. В. И. Золхоевым подготовлены и опубликованы 35 томов монографии «Дифференциальные признаки фонем» на материале 353 разноструктурных языков. Общее же количество научных работ ученого превышает 100 наименований.

В этих работах рассмотрена и описана семиологическая релевантность и функциональные свойства звуковых единиц разных языков, что позволяет выявить внутренние иерархические связи между ними. Тем самым В. И. Золхоев по-новому решает проблемы фонологии, которые имеют огромное теоретическое и практическое значение не только для восточного, но общего языкознания и вносит определенный вклад в мировое языкознание.

С результатами своих научных поисков ученый выступал на научных конференциях, симпозиумах, в том числе за рубежом. Он был одним из докладчиков на XXV Всемирном конгрессе монголоведов, который состоялся в г. Хух-Хото во Внутренней Монголии (Китай).

Активная научно-исследовательская деятельность В. И. Золхоева сопровождалась плодотворной учебной работой, руководством подготовкой кандидатов, докторов наук, участием в общественной жизни.

После защиты кандидатской диссертации В. И. Золхоев девять лет трудился в Иркутском государственном университете, обучал студентов бурятскому и монгольскому языкам, читал курс сопоставительной грамматики для преподавателей университета, работающих в монгольских группах.

После переезда в 1966 г. в Улан-Удэ и работы в течение года в Восточно-Сибирском государственном институте культуры. Валентин Игнатьевич с 1969 г. трудился в Бурятском государственном педагогическом институте (с 1995 г. Бурятском государственном университете).

Заведующий кафедрой. Лектор. В 1990 г. он был избран заведующим кафедрой русско-бурятской филологии. Благодаря ег научному авторитету, организаторским способностям за короткое время был создан высокопрофессиональный сплоченный, творческий коллектив, который успешно решал задачи проведения научных исследований, преподавания русского и бурятского языков, формирования современных квалифицированных специалистов для народного образования. Кафедра всегда была на хорошем счету не только на филологическом факультете, но и в вузе в целом.

Сам заведующий кафедрой занимал лидирующее положение в разра-

ботке современных актуальных научных проектов. Был прекрасным лектором, методистом. Его лекции всегда с большим интересом воспринимались студентами.

Вот как отзывается о лекциях профессора В. И. Золхоева его бывшая студентка, а позже коллега кандидат филологических наук Мэри Матвеевна Хамгушеева: Очень содержательны лекции Валентина Игнатьевича Золхоева, его знания поистине неисчерпаемы. Поэтому его интересно слушать. Лекции проходят на одном дыхании, со смехом и шутками. Рассказывает он увлеченно, раскрывая трудный материал легко и просто. Иногда на протяжении всей лекции он цитирует высказывания многих известных людей, приводит целые отрывки из произведений наизусть, феноменальная память… Такие личности как Валентин Игнатьевич Золхоев вызывают восхищение.

Светлое улыбчивое лицо Валентина Игнатьевича навсегда останется в памяти современников?» [2].

Как ученый, педагог, В. И. Золхоев большое внимание уделял подготовке научных кадров, являлся научным руководителем соискателей, выступал оппонентом, экспертом диссертационных работ, являлся членом трех диссертационных советов и просто оказывал помощь молодым начинающим исследователям своими рекомендациями, советами.

Все это свидетельствует о том, что профессор В. И. Золхоев был не просто крупным специалистом в своей области, но и очень интеллигентным человеком. Автору этих строк в течение многих лет приходилось встречаться с Валентином Игнатьевичем, беседовать, участвовать в различного рода совместных мероприятиях. Валентин Игнатьевич отличался своей добротой, сердечностью, особой деликатностью, отзывчивостью. Он всегда был оптимистом, человеком, неистощимым на добрую, уместную шутку, веселую историю. С ним всегда было интересно. Жаль, что все это в прошлом.

Семья. Валентин Игнатьевич был прекрасным семьянином. Его другом и опорой все эти годы была его жена Клара Михеевна, доцент Бурятского госуниверситета, кандидат биологических наук. К сожалению, в 2009 г. после тяжелой болезни Клары Михеевны не стало. У Валентина Игнатьевича и Клары Михеевны двое детей: дочь Мария Валентиновна и сын Борис Валентинович.

Литература

1. Бабушкин С. М. Мой учитель и старший товарищ Валентин Игнатьевич Золхоев // К 85-летию со дня рождения Валентина Игнатьевича Золхоева (1927–2013) / сост. и ред. Д. Б. Очирова Улан-Удэ: Изд-во Буддийского университета, 2013. С. 11–12.

2. Хамгушкеева М. М. Профессор Золхоев Валентин Игнатьевич // К 85-летию со дня рождения Валентина Игнатьевича Золхоева (1927–2013) / сост. и ред. Д. Б. Очирова Улан-Удэ: Изд-во Буддийского университета, 2013. С. 21.

3. Бардамова Е. А. Валентин Игнатьевич Золхоев — ученый и педагог (к 85-летию со дня рождения) // Актуальные проблемы синхронии и диахронии разноструктурных языков: материалы всерос. (с междунар. участием) науч. конф., посвящ. 85-летию проф. В. И. Золхоева / отв. ред. В. М. Егодурова. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2013. С. 6.

У ИСТОКОВ

Доцент К. Д. Донгидон

Когда возникла мысль написать свои воспоминания о Кларе Дугаровне Донгидон, я подумал, а как отнесутся к моим воспоминаниям преподаватели, ветераны факультета иностранных языков, ведь я не являлся ни членом кафедры, где трудилась Клара Дугаровна, ни преподавателем других кафедр этого факультета, ни даже специалистом иностранного языка. И все же, несмотря на эти «ни», «ни», «ни», вооружившись ручкой, я сел за написание воспоминаний. К тому же я уже писал в несколько обобщенном виде о Кларе Дугаровне в книге «Alma mater» (с. 216–217). Здесь есть возможность расширить рамки того сюжета.

Два события в юбилейный год. Знал я Клару Дугаровну с середины 1960-х гг. В 1965 г. она только что вернулась из Москвы, где проходила аспирантуру в Московском государственном пединституте им. В. И. Ленина. Я же второй год работал секретарем партбюро пединститута и старшим преподавателем кафедры философии и научного коммунизма. Как-то зашел в деканат факультета иностранных языков, а он располагался рядом с кабинетом партбюро (первый этаж учебного корпуса № 2), и там меня познакомили с Кларой Дугаровной. Это была моло-

дая красивая женщина, элегантно, со вкусом одетая. Как мне показалось, немногословная в разговоре. Сказала, что пишет диссертацию по методике преподавания немецкого языка в бурятской школе. Для завершения потребуется еще какое-то время: может, полгода — год. Конечно, все были рады молодому специалисту. Факультет испытывал острую потребность в квалифицированных преподавателях. А что касается предполагаемых сроков завершения диссертации, то они оказались близкими к реальным. В марте 1967 г. Клара Дугаровна успешно защитила свою кандидатскую диссертацию. Тема называлась «Работа над произношением немецкого языка в 5 классе бурятской школы». По этому поводу в институтской многотиражной газете «За педагогические кадры» (18 мая 1967 г.) была напечатана небольшая статья доцента кафедры философии и научного коммунизма И. Л. Дульбинова «Успех молодого ученого». В ней автор писал: «Коллектив факультета тепло поздравил своего коллегу — Клару Дугаровну Донгидон с успешной защитой кандидатской диссертации. Это плоды долгих, упорных поисков, многолетней плодотворной работы. С большой благодарностью отзывается Клара Дугаровна о той помощи, которую оказали ей институт, факультет и кафедра в ее научно-исследовательской работе. Сделано большое дело. Но впереди — новые научные поиски, открытия. Пожелаем же молодому ученому больших творческих успехов».

Действительно, защита диссертации К. Д. Донгидон была знаменательным событием не только в жизни молодого факультета, но и в целом вуза. Ведь Клара Дугаровна была первой из преподавателей факультета, защитившей кандидатскую диссертацию. Коллектив факультета иностранных языков пополнился первым преподавателем — ученым со степенью, получившим хорошую теоретическую, методическую подготовку в Иркутском и Московском государственных педагогических институтах и написавшим оригинальную научно-исследовательскую работу, получившую высокую оценку в ведущем педагогическом вузе страны. Надо иметь в виду, что, как уже отмечалось, это был 1967 г. — год 50-летия Октябрьской революции, и все, что делалось в том году в пединституте, на факультетах, кафедрах, посвящалось этой годовщине. Естественно, защита диссертации рассматривалась как весомый подарок знаменательной дате. Так, в газете «За педагогические кадры» от 6 ноября 1967 г. под заголовком «Факультеты рапортуют» был помещен и рапорт декана факультета иностранных языков Э. А. Петряковой, в котором в разделе научных достижений говорилось: «В канун замечательного юбилея страны рапортуем, что обязательства в честь 50-летия, взятые коллективом, выполнены. Улучшена по сравнению с предыдущими годами научная работа.

В марте 1967 г. преподаватель немецкого языка К.Д. Донгидон успешно защитила кандидатскую диссертацию. 7 преподавателей выступили с докладами на юбилейной научной конференции в БГПИ, а также в Москве, Риге, Иркутске». Без диссертации рапорт декана по разделу научной работы, надо полагать, выглядел бы несколько легковесным.

Но для Клары Дугаровны 1967 г. был знаменательным не только защитой диссертации. В том году произошло еще одно не менее важное событие в ее жизни. В июле юбилейного года она стала мамой: родила сына Эрдэни, который со временем, как родители, избрал сферой своей деятельности науку и образование. Правда, другую ее область. Сегодня он является доктором биологических наук, профессором, в течение ряда лет успешно возглавляет биолого-географический факультет.

Конечно, Кларе Дугаровне потребовалось какое-то время по уходу за ребенком. Но, насколько мне помнится, оно не было продолжительным. Вскоре молодой кандидат наук активно включился в динамичную жизнь факультета иностранных языков. С тех пор в течение многих лет мне приходилось часто встречаться с Кларой Дугаровной: и как секретарю партбюро института и факультета, и как проректору по НИР, и как преподавателю, читавшему на факультете курсы философии и научного коммунизма, и, наконец, просто как человеку.

Заведующая кафедрой. Вспоминается один эпизод заседания партбюро института, связанного с Кларой Дугаровной. На заседании рассматривался вопрос о ее рекомендации к избранию на должность заведующей кафедрой немецко-французского языка. Тогда существовал порядок, согласно которому кандидатура на ту или иную руководящую должность в институте обязательно ректоратом согласовывалась с партийным бюро и лишь потом выносилась для избрания на Ученый совет вуза, а затем на основе решения совета издавался приказ ректора. Партбюро и Ученый совет единогласно поддержали предложение ректора И. А. Батудаева об избрании молодого ученого на должность заведующего кафедрой. При этом все выступавшие очень положительно характеризовали будущего руководителя. Многие годы Клара Дугаровна возглавляла коллектив кафедры немецко-французского, а позже немецкого языка. Эти кафедры всегда были в числе лучших: имели высокие результаты в учебно-методической, воспитательной работе, не отставали и в научной деятельности. Попутно отметим, что столь значимые показатели имела и кафедра английского язычка, которую многие годы возглавляла Н. В. Языкова. Позже она работала деканом факультета иностранных языков. Ныне Н. В. Языкова — доктор педагогических наук, профессор одного из московских вузов.

Листая недавно институтскую многотиражку «За педагогические кадры», я наткнулся на информацию об итогах соцсоревнования подразделений вуза за 1978/79 учебный год. В рубрике «Победители соревнования» сообщалось, что среди факультетов института первое место занял факультет иностранных языков (декан Н. Н. Буланова, секретарь парторганизации А. М. Кушнарева, председатель профбюро В. Н. Андреева, секретарь бюро ВЛКСМ В. Филиппова). В разделе же «Кафедры» (II группа) первое место завоевала кафедра немецкого языка (зав. кафедрой К. Д. Донгидон). Здесь же говорилось, что занесены на Доску почета портреты Э. П. Нархиновой и Н. В. Языковой («За педагогические кадры» 29 ноября 1979 г.).

Приведенный пример — не единственный показатель успешной работы кафедры и ее заведующей. Подобных примеров можно привести много.

Как руководитель и специалист Клара Дугаровна характеризовалась высоким уровнем профессионализма, требовательности. Преподаватели факультета всегда с глубоким уважением отзывались о компетентности, широте взглядов, трудолюбии своей коллеги. Указывали на ее строгость, нетерпимое отношение к людям, которые в чем-то были необязательными, допускали халатность в работе. В то же время обращали внимание на стремление Клары Дугаровны помочь младшим коллегам, поделиться с ними опытом, знаниями, ненавязчиво дать разумный совет.

Не случайно в своей монографии «Вузовский коллектив и современность (опыт, проблемы, суждения» (1977) ректор БГПИ И. А. Батудаев среди преподавателей, которые накопили значительный опыт организационно-педагогической деятельности, назвал К. Д. Донгидон и Н. В. Языкову. Их педагогическое и методическое мастерство, подчеркнул автор, используют молодые преподаватели, доценты, ассистенты. В чем же секрет мастерства этих руководителей, доцентов, какие формы повышения научно-методического уровня учебных занятий членов своих кафедр они применяют? По мнению ректора, это: 1) постоянное обновление содержания и переработка текстов лекций; 2) регулярные аннотации новинок специальной литературы; 3) плановое проведение и разбор теоретических и методических аспектов открытых лекций и семинарских, практических занятий; 4) систематическое рецензирование и обсуждение рукописных текстов лекций и планов, разработок семинарских и лабораторных занятий по наиболее трудным, малоизученным темам учебной программы для пользования студентами в кабинетах и читальных залах; 5) взаимопосещаемость по графику кафедры учебных занятий друг у друга ее членами; 6) теоретический отчет опытных преподавателей о педагогической деятельности за определенный период работы;

7) прослушивание лекций крупных специалистов по актуальным проблемам той или иной науки и т. д. [1].

Конечно, с позиции современной научно-методической мысли, возможно, некоторые из перечисленных форм уже не являются актуальными. Но сорок лет назад, когда писалась книга И. А. Батудаева, они играли весьма важную роль в осуществлении организационно-педагогического, методического процесса на факультете. Их применение давало ощутимый эффект, позитивно сказывалось на качестве знаний студентов.

Клара Дугаровна как лектор и преподаватель умела заинтересовать студентов, увлечь их новыми знаниями, идеями. Использовала наряду с апробированными, традиционными технологиями новые, базирующиеся на последних достижениях научной мысли и педагогической практики.

Кроме того, она со своими коллегами проводила научно-методические исследования, результаты которых находили отражение в учебных, учебно-методических пособиях. Так, К. Д. Донгидон и Т. П. Дорофеевой было написано учебное пособие «Завоевание космоса» на французском и немецком языках для студентов III–IV курсов (1974); Н. В. Языковой, К. Д. Донгидон, Н. П. Серебряковой — «Обучающая программа для самостоятельного изучения курса методики обучения иностранным языкам» (1991). На основе национально-регионального компонента Э. П. Нархиновой и К. Д. Донгидон написаны учебные пособия (по краеведению о Бурятии) на немецком языке (1990, 1998), и др.

Помнится, в начале 1970-х гг. К. Д. Донгидон серьезно интересовалась проблемой бюджета учебного времени студентов-первокурсников. Интерес возник не из-за простого любопытства, а в связи с неумением первокурсников рационально использовать учебное время. К. Д. Донгидон вместе с Н. П. Серебряковой в течение 1972/73 учебного года изучали эту проблему, используя социологические методы исследования. После этого преподавателями были разработаны рекомендации, стали регулярно проводиться беседы с первокурсниками об оптимальном использовании бюджета времени. Результаты своего исследования Клара Дугаровна и Нина Павловна оформили в виде научной статьи «О бюджете учебного времени студентов-первокурсников», которая была помещена в сборнике «Вопросы высшей педагогической школы» (Улан-Удэ, 1973). Кстати, эта небольшая работа не потеряла своей актуальности и в наши дни.

Клара Дугаровна относится к преподавателям, стоявшим у истоков становления отделения, факультета иностранных языков, которые заложили основы его жизнедеятельности, традиции, многие из которых оказались стержневыми в течение полувека. Их высокий профессионализм, духовно-нравственные качества оказали боль-

шое влияние на представителей всех последующих поколений, вливавшихся в коллектив факультета.

Как отмечает ветеран факультета доцент Э. П. Нархинова, в числе первых преподавателей английского и немецкого языков udинститута были Е. Н. Щербакова, С. Г. Элленберг, В. К. Хотель-Хайдукова, П. С. Макарова, Р. А. Моксоева, В. Н. Краснопевцева, А. Н. Августинович, К. Д. Донгидон. «Их высокая эрудиция, профессионализм, требовательность и интеллигентная скромность снискали особый авторитет и уважение преподаватели и студентов института» (Факультет иностранных языков. Улан-Удэ, 2000. С. 5). Эти великолепные ценностные качества не могли не передаваться новой кагорте преподавателей молодого факультета, а также кафедры иностранных языков. К этой кагорте принадлежат А. И. Суворов, Л. И. Кузнецова, Э. П. Нархинова, И. Д. Зашухаева, А. М. Кушнарева, В. П. Елисеев, Р. М. Бальбурова, А. С. Карпов, В. С. Иванова, Н. М. Жамаганова, А. А. Большакова, Г. М. Такова, С. Р. Шойсоронова (выпускники БГПИ), Н. В. Языкова, Л. Т. Баташева, С. Н. Тихонова, Ю. Ф. Малинина, Е. Ф. Иванова, Н. Е. Курская, Л. Г. Берестовенко, К. Д. Сактоева, У. А. Алексеева, Н. И. Бояркина, Г. П. Дорофеева (выпускники других вузов). Эти и другие преподаватели внесли большой вклад в становление и развитие факультета иностранных языков, в формирование его профессионального и духовно-нравственного облика, в рождение и пестование лучших вузовских традиций. А таких традиций рождалось в те годы много.

Новые начинания и традиции. А некоторые начинания зародились еще до открытия факультета в лоне кафедры иностранных языков. Например, первый вузовский конкурс на лучшего переводчика в пединституте, да и в городе, в котором деятельное участие принимала Клара Донгидон, был проведен 15 марта 1961 г. В нем участвовало около ста студентов физмата, истфила, биофака и спортфака. Это мероприятие вызвало большой интерес в студенческой среде. Подводя итоги конкурса, преподаватель Я. Г. Биренбаум писал: «Конкурс показал участникам, что для практического овладения иностранным языком необходима планомерная, систематическая и настойчивая работа... Конкурсу предшествовала большая подготовительная работа. Очень много потрудились организаторы конкурса Роза Алексеевна Максоева, Клара Дугаровна Донгидон, Валентина Ивановна Беганская, Людмила Ивановна Кузнецова». В заключение автор предлагал «проводить конкурсы на лучший перевод каждый год, причем не только на русский язык, но и на бурятский... Очень хорошо было бы провести конкурс между студентами и работниками вузов

г. Улан-Удэ» («За педагогические кадры» 20 марта 1961 г.).

В 70-е и последующие годы Клара Дугаровна и ее коллеги проводили многие внеаудиторные мероприятия: вечера, викторины, конкурсы, олимпиады, которые стали традиционными. Они имели профессиональную направленность. К их организации широко привлекались студенты старших курсов. Они разрабатывали программу вечера «Поговорим по-немецки», викторин на I–II курсах «Знаешь ли ты страну изучаемого языка?» или конкурсов на лучшее владение разговорной речью, подбирали под руководством преподавателя соответствующий материал, лучшие из студентов избирались наряду с преподавателями в жюри. Таким образом, студенты, принимая непосредственное участие в подготовке и проведении внеаудиторных мероприятий, приобретали навыки, столь необходимые в их будущей педагогической работе.

Не иссякала энергия, творчество у преподавателей и студентов и в последующие годы. Здесь рождались клубы интернациональной дружбы, сотрудничество с вузами других стран, применение технических средств в обучении, различные формы УИРСОВ (учебно-исследовательская работа студентов) и НИРСов (научно-исследовательская работа студенов) и мн. др. На факультете всегда существовала атмосфера поиска.

Методическая работа. Помощь сельской школе. Будучи профессиональным методистом, Клара Дугаровна многие годы возглавляла факультетскую учебно-методическую комиссию (УМК). Комиссия проводила методическую работу не только среди преподавателей факультета, но также оказывала большую помощь учителям сельских школ. Во второй половине 70-х годов в центре деятельности факультета, как и вуза в целом, стала подготовка учителей с ориентацией на сельскую школу. В декабре 1976 г. по инициативе Клары Дугаровны УМК, руководством факультета были составлены мероприятия по оказанию помощи сельским школам. Они включали в себя участие преподавателей факультета в повышении педагогической квалификации сельских учителей; оказание помощи в совершенствовании содержания и методики обучения иностранным языкам в школе; исследование уровня знаний, умений и навыков учащихся; профессионально-ориентированную работу среди студентов по подготовке их к учебно-воспитательной работе в условиях села.

Одной из действенных форм оказания помощи сельской школе являлись ставшие со временем традиционными выездные 3–5-дневные семинары. Каждая кафедра факультета курировала отдельные сельские школы. Так, кафедра немецкого и французского языков осуществляла шефство над школами Заиграевского, Еравнинского, Джидинского, Бичурского, Прибайкальско-

го, Тункинского, Кабанского районов. Кафедры факультета поддерживали связь и держали под контролем 12 районов из 18 районов Бурятии.

Как отмечала сама Клара Дугаровна, в программу выездных семинаров входили не только выступления с лекциями и докладами, посещение уроков учителей, но и организация и разработка открытых уроков, проведение практических занятий по языку, по использованию технических средств. Как правило, выезды на село завершались открытыми уроками и научно-практическими семинарами, на которые приглашались учителя всех школ района. Всего преподавателями факультета за 2 года было прочитано около 200 лекций перед учителями республики. В последнее время появились новые формы связи — это опорные школы на селе. Об опыте работы УМК по оказанию помощи сельским школам К. Д. Донгидон рассказала в статье «Кровное дело», опубликованной в газете «За педагогические кадры» (5 ноября 1976 г.).

Конечно, с тех пор, как делилась своим опытом Клара Дугаровна, прошло много времени. Многое изменилось в жизни факультета, вуза, как и страны в целом. К сожалению, что-то оказалось утраченным, в том числе прежние формы связи с сельской школой. Но сохранилось и получило развитие главное — высокий профессионализм, любовь к своему делу, творчество и сотрудничество с ученым миром. Факультет продолжает активно развиваться. Его пополняют новые, молодые, знающе и любящие свою профессию преподаватели. Клара Дугаровна была первым и ряд лет единственным кандидатом наук. Сегодня на факультете много дипломированных специалистов. Гордостью факультета являются профессора Н. В. Языкова, Е. Ф. Иванова, А. С. Карпов и десятки кандидатов наук, в том числе учениц Клары Дугаровны, одной из которых является декан Н. А. Бохач.

Так что дело, у истоков которого стояла Клара Дугаровна Донгидон и ее коллеги, продолжается. В самом деле, идя в будущее, нельзя забывать о прошлом.

Статья опубликована в книге «Жизнь, отданная просвещению / отв. ред. А. С. Карпов, Э. Н. Елаев. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2015. С. 11–20.

Литература

1. Батудаев И. А. Вузовский коллектив и современность (опыт, проблемы, суждения). Вып. 1. Улан-Удэ, 1977. С. 30–31.

Глава IV

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА И НАЧАЛА XXI ВЕКА

СТРАТЕГИЯ ЖИЗНИ

Член-корреспондент РАО Э. Р. Раднаев

Зная Эрхито Раднаевича с 1964 г. на протяжении пятидесяти лет, хотелось бы подчеркнуть его глубокую интеллигентность и неустанную заботу о развитии национальной школы, бурятского языка, совершенствовании методики его преподавания. Вся деятельность ученого была подчинена этому. Это была стратегия его жизни.

Эрхито Раднаевич пришел работать в Бурятский пединститут в 1955 г. и все последующие годы за исключением четырех лет (1958–1962) трудился в пединституте. Прошел все ступени научной квалификации от ассистента до профессора, члена-корреспондента Российской академии образования. Стал одним из крупных ученых в области лингводидактики. Достойно пополнил замечательную плеяду представителей бурятской национальной интеллигенции.

Ступени роста. Родился он 1 марта 1930 г. в селе с символическим названием Баянгол («богатая долина») Баргузинского района. С 1937 по 1947 г. учился в Баргузинской средней школе, после чего поступает на отделение бурятской филологии Бурятского государственного педагогического института им. Доржи Банзарова. С 1952 г. молодой специалист преподает бурятской язык и литературу и работает завучем Оронгойской средней школы. В 1955 г. он был приглашен в качестве ассистента кафедры бурятской филологии БГПИ. В 1958 г. Э. Р. Раднаев в Институте языкознания АН СССР (Москва)

успешно защитил кандидатскую диссертацию «Баргузинский говор бурятского языка». Научным руководителем был известный монголовед профессор Т. А. Бертагаев. В 1982 г. состоялась защита его докторской диссертации «Лингводидактические проблемы обучения учащихся-бурят орфоэпическим нормам литературного языка в диалектных условиях». Ему была присуждена ученая степень доктора педагогических наук. Труд Э. Р. Раднаева, по мнению специалистов, представляет собой фундаментальное исследование, имеющее большое теоретическое значение. Защита диссертации Э. Р. Раднаева стала серьезным толчком в исследовании проблем методики преподавания бурятского языка. «С этого времени, — пишет профессор Д. Д. Санжина, — в Бурятском государственном университете начинает работать школа по исследованию проблем методики преподавания бурятского языка. Э. Р. Раднаев наряду в учебной работой ведет большую научно-исследовательскую работу, является научным руководителем аспирантов и докторантов, им подготовлено более двадцати кандидатов и докторов наук, которые успешно трудятся во многих научных и образовательных учреждениях Республики Бурятия, Агинского Бурятского округа Забайкальского края и Усть-Ордынского Бурятского округа Иркутской области [1].

Предшественники. Диссертация Э. Р. Раднаева, другие его труды были серьезным продолжением тех научных поисков, которые на данной кафедре проводились раньше. Кафедра бурятской филологии выделялась тем, что здесь преподаватели активно занимались научно-исследовательской работой. Большое внимание уделяли теоретической и практической подготовке учителей бурятского языка и литературы. Помнится, в середине 1960-х гг. руководитель кафедры Д. Д. Амоголонов был избран на Ученом совете БГПИ и. о. профессора по кафедре бурятской филологии. К сожалению, по каким-то формальным причинам решение БГПИ не было поддержано Министерством просвещения РСФСР. Доцент Ц. Ц. Цыдыпов в 1960-е гг. активно работал над докторской диссертацией, которая была успешно защищена в 1973 г. в Новосибирске. Напряженно работал над проблемами старобурятского языка доцент Д.-Н. Д. Доржиев, позже ставший доктором филологических наук. Можно назвать и другие достойные имена преподавателей этой кафедры.

Но особо хотелось бы отметить Э. Р. Раднаева, вся жизнь которого была связана с кафедрой бурятской филологии, с исследованием проблем обучения родному языку. Это работа успешно завершилась защитой его диссертации.

Проблемам бурятского языка и методике его преподавания в школе посвящены и многие другие его работы, в том числе 12 монографий, 6 учебников, 5 научно-методических пособий, 2 словаря. Создана авторитетная научная школа, многие его ученики стали кандидатами и докторами наук. Начиная с 1997 г., Эрхито Раднаевич на протяжении целого ряда лет возглавлял диссертационный совет по теории и методике обучения и воспитания (монгольские и иностранные языки).

Ученый. Интеллигент. Несомненно, Эрхито Раднаевич — крупный ученый в своей области, заслуженно удостоенный высокого научного звания. Он — уважаемый профессор, известный не только в Бурятии и соседних округах, но и далеко за их пределами. Э. Р. Раднаев с 1990 по 1996 г. был деканом факультета бурятской филологии. С 1996 по 1998 г. — заведующий кафедрой бурятской филологии. С 1998 г. — профессор кафедры бурятского языка.

Но он известен и другими своими качествами. Э. Р. Раднаев был замечательным человеком. Это был глубоко порядочный человек, интеллигент в подлинном смысле этого слова. Его отличала какая-то особая мягкость, деликатность. Мне никогда не приходилось слышать, чтобы Эрхито Раднаевич когда-то повысил голос, кого-то серьезно пожурил в работе, ведь он был деканом факультета, заведующим кафедрой бурятской филологии, где встречаются и проблемы и конфликтные ситуации. Он сумел разрешать их спокойно, рассудительно.

Будучи мягким, добрым по натуре, Эрхито Раднаевич очень близко к сердцу принимал проблемы подготовки специалистов-родноведов (говорил: снизилось качество знаний поступающих на факультет, «студенты мало читают»). К сожалению, это так. Правда, высказанные проблемы, по нашему мнению, присущи в той или иной мере и другим факультетам и вузам. Это, по всей вероятности, общая проблема.

Говоря о внимании к людям, отзывчивости Эрхито Раднаевича, не могу не отметить, что, будучи больным, находясь на Верхней Березовке, он вплоть до последнего времени своей жизни через свою дочь Эржену справлялся о здоровье пишущего эти строчки, передавал добрые, теплые слова. Жаль, что все это в прошлом.

Деятельность Э. Р. Раднаева получила широкое общественное признание. За заслуги в области народного образования в 1975 г. он был награжден знаком «Отличник народного образования РСФСР», почетными грамотами Президиума Верховного совета Бурятской АССР (1980), Народного Хурала Республики Бурятия (2000), в 1985 г. присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки Республики Бурятия». Награжден медалями

«За доблестный труд в Великой отечественной войне», «50 лет Победы», «Медаль Г. К. Жукова», «Медаль К. Д. Ушинского».

Статья была опубликована в сборнике статей «Добрые слова об учителе…». С. 15–17.

Литература

1. Санжина Д. Д. Добрый наставник, большой ученый // Добрые слова об учителе. К 85-летию профессора Бурятского государственного университета, члена-корреспондента РАО. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2015. С. 23.

УЧЕНЫЙ, ПЕДАГОГ, ИНТЕЛЛИГЕНТ

Профессор Г. Ц. Молонов

Он всегда выглядел моложе своих лет. Стройный, подтянутый, приветливый, страстно любящий школу и педагогику, верящий в их огромные созидательные возможности и большое будущее. Силой своего таланта каждодневно приближающий это будущее. И еще — ностальгическая преданность своей малой Родине — Бичуре. Таким остался в памяти своих коллег Геннадий (Гармацырен) Цеденович Молонов, доктор педагогических наук, профессор, один из ведущих ученых педагогов Бурятии, академик Народной академии открытого образования, заслуженный деятель науки республики.

Трудное детство. Родился он в селе Харлун Бичурского района Бурятской АССР. С раннего детства неблагосклонной к нему была его судьба. Не исполнилось еще и пяти лет — репрессировали и расстреляли отца, когда исполнилось десять лет — умерла мать. Вдвоем с братом остались у деда. Трудиться начал с самого раннего детства. Уже после окончания второго класса, летом 1942 г., возил копны сена к зароду, ухаживал за лошадьми. Несмотря на трудности работа на сеноуборке, по воспоминаниям Геннадия Цеденовича, доставляла огромную радость. Помощь колхозу требовалась и в следующем

году и наверно в каждый летне-осенний сезон.

Неслучайно и в 1943 г. он с удовольствием трудился на сенокосе, на уборке хлеба. В своих воспоминаниях он с любовью описывает технологию своей работы. «Я работал гусевиком (ведущим на конной жатке). Две лошади тянули жатку, которая скашивала поспевший хлеб, а третий конь, на котором входило смотреть, нет ли камней, которые могут повредить зубья жатки. Кроме того, гусевик начинал повороты, когда жатка доходила до края зернового поля. До 20 сентября закончил его с похвальной грамотой.

После 20 мая я участвовал во вспашке паров. Выполнял и другие работы» («О времени и о себе…» С. 61–64).

Пединститут. Работа. Защита диссертаций. После окончания Бичурской средней школы он поступил на исторический факультет Бурятского педагогического института. Трудовая закалка, невзгоды военных лет формировали трудолюбие, настойчивость, силу воли. Учился он хорошо, занимался общественными делами. В 1954 г. Геннадий Цеденович закончил институт с отличием, и в течение шести лет работал в школах своего района, из них 5 лет — директором школы. Все эти годы он занимался изучением педагогической теории, что позволило ему в 1960 г. поступить в аспирантуру Московского государственного института им. В.И. Ленина. После окончания аспирантуры с сентября 1963 г. он работает на кафедре педагогики и психологии БГПИ. В январе 1965 г. в МГПИ им. В. И. Ленина защитил кандидатскую диссертацию, а в 1987 г. там же и докторскую. Автор этого очерка присутствовал на защите его докторской диссертации, выступал как проректор по науке с характеристикой своего коллеги по пединституту. Защита была интересной, диссертант убедительно излагал свою концепцию. Все члены совета единогласно проголосовали за присуждение Г. Ц. Молонову ученой степени доктора педагогических наук.

В Афганистане. Еще до защиты докторской диссертации в 1984/85 учебном году Г. Ц. Молонов работал научным консультантом в Кабульском пединституте в Афганистане. Работа, да и пребывание там были чрезвычайно затруднены жесткими условиями войны. Случалось, что добираться до пединститута приходилось на бронетранспорте. Но, несмотря на это, ему удалось подготовить и опубликовать там два учебных пособия на языке дари и четыре научно-методические статьи.

Лектор. Автор учебных пособий. Вернувшись в Бурятию, в родной пединститут, он погружается в учебный процесс, занимается научной работой. Лекции Геннадия Цеденовича нравились студентам: они были глубокими по содержанию и в то же время доступными, сопровождались интересными примерами. Одновременно писал и издавал учебные пособия для студентов. Им были опубликованы учебные

пособия по отдельным разделам педагогики: «Основы педагогики» (3 издания), «Теория обучения» (3 издания), «Теория воспитания» (2 издания), «Руководство и управление в системе образования в школе» (1 издание). Таким образом, ему удалось полностью подготовить методическое обеспечение практически по всем разделам педагогики. В 2001 г. издано учебное пособие по новому учебному курсу «Социальная педагогика». Представляет особую ценность учебное пособие «Теория и практика педагогического исследования», необходимое студентам при написании курсовых и дипломных работ. В 2009 г. вышло его объемное (460 с.) учебное пособие «Педагогика». Оно предназначено для студентов высших и средних педагогических учебных заведений. Поставленные автором две актуальные задачи: реализовать компетентностный подход в изложении содержания учебного материала и заложить основы и пути расширения самостоятельной работы студентов над курсом педагогики, включая дистанционное обучение, — успешно решены. Учебными пособиями Г. Ц. Молонова пользуются в педагогических вузах Иркутска, Читы, Якутска, Хабаровска, Южно-Сахалинска, в Агинском и Бурятском педколледжах. Они написаны доступно, сжато и весьма популярны среди студентов и работников образования.

Помощь учителям и школьникам. Профессор Г. Ц. Молонов не только создал добротные учебные пособия, он оказывал большую практическую, методическую помощь школам, особенно сельским. Он являлся научным консультантом в ряде школ Закаменского, Селенгинского, Прибайкальского районов, в школе № 32 г. Улан-Удэ. Кроме того, оказывал научно-методическую помощь Багдаринской эвенкийской средней школе-интернату Баунтовского района, где под его руководством в 2002 г. опубликован сборник статей, подготовленный педагогами этой школы. Осуществлял квалифицированное руководство научными изысканиями Кижингинской районной школы-лицея, получивший статус Федеральной экспериментальной площадки. Особенно заметный вклад сделан им в организацию научно-методической и научно-исследовательской деятельности учителей Республиканского национального лицея-интерната № 1 за почти 10-летнюю плодотворную работу в качестве науного руководителя данного образовательного учреждения. Так, за последние 5 лет (примерно с 2000 до 2005 г.) на базе лицея проведены 2 научно-практические конференции, последняя в статусе международной состоялась в конце февраля 2002 г. Ее материалы изданы в 3-х сборниках статей. Всего лицеем-интернатом выпущено 5 сборников статей и тезисов, 4 брошюры и один сборник педагогических работ учащихся. 3 учителя этой школы работали над кандидатскими диссертациями. Он проявлял постоянную заботу о работниках образования

родного Бичурского района, постоянно консультировал учителей, а также на средства выигранного им гранта неоднократно проводились школьные и районные олимпиады. Районной администрацией Бичуры учреждена премия имени профессора Молонова для учителей и студентов БГУ, выходцев из этого района.

Научная деятельность.

Г. Ц. Молонов в течение всех лет работы в БГУ осуществлял активную исследовательскую работу. Как уже отмечалось, в 1965 г. им была защищена кандидатская диссертация, посвященная проблемам познавательной активности учащихся, в 1986 г. докторская — «Формирование познавательной активности в процессе обучения и воспитания». Проблемы познавательной активности были объектом его научного интереса и в последующие годы. В 1988 г. издается его книга «О развитии познавательной активности учащихся в процессе воспитательной работы школы» (80 с.), в 1990 г. — «Теория и практика обучения в школе» (120 с.) Во время перестройки работы системы образования заметно расширился круг его научных интересов. В 1994 г. профессор Г. Ц. Молонов совместно с министром образования Бурятии доцентом С. Д. Намсараевым издает монографию «Развитие национально-регинальной системы образования в Бурятии» (128 с.)

Будучи заведующим кафедрой педагогики (1986–1999), Г. Ц. Молонов большое внимание уделял, наряду с развитием научных исследований, подготовке дипломированных кадров. Начало его деятельности как заведующего совпало с существенными изменениями в системе образования, отныне в основу учебно-воспитательного процесса предлагались культурологический, личностный и профессионально-деятельностный подходы к подготовке будущего учителя. Основным средством реализации культурологического подхода являлась гуманитаризация педагогического образования

Кафедра и коллектив кафедры под руководством заведующего Г. Ц. Молонова трудился над переходом от безличностной и абстрактно-формальной педагогики к педагогике развития личности. Менялась структура изучаемых дисциплин, их последовательность, мировоззренческие ориентации. Это потребовало больших усилий, творчества от заведующего всего коллектива кафедры.

В этот период на кафедре работали опытные квалифицированные специалисты. В течение многих лет вели педагогические дисциплины профессора Г. Ц. Молонов, Н. К. Елаев, доценты А. Б. Цыремпилон, Л. Ф. Шибанова, Д. М. Бурхинов, Д. Б. Санжиева, А. С. Танхасаева, Н. Ж. Дагбаева, Ю. Г. Резникова, Т. К. Солодухина. Успешно трудились на кафедре молодые, перспективные кандидаты педагогических наук Н. В. Гаськова, Т. А. Калашникова, Г. Н. Фомицкая, Б. Ч. Хаса-

ранов, Г. И. Рогалева, Ц. Р. Базаров. Коллектив кафедры за относительно непродолжительное время сумел войти в колею предлагавшихся нововведений.

В 1991 г. на кафедре педагогики была открыта аспирантура, в 1996 г. был создан при БГУ специализированный совет по защите кандидатских, а затем и докторских диссертаций по специальности 13.00.01 Общая педагогика, история педагогики и образования. Г. Ц. Молонов являлся заместителем председателя диссертационного совета (председатель Калмыков С. В. — ректор БГУ, член-корреспондент РАО).

В 1996 г. защищает диссертацию С. Д. Намсараев и становится третьим по счету доктором педагогических наук среди сотрудников кафедры.

С начала 2000-х гг. успешно защищают диссертации на соискание ученой степени доктора педагогических наук бывшие члены кафедры Г. С. Малунова, Н. Ж. Дагбаева (2004). Все годы существования кафедры педагогики она была центром научно-педагогической мысли Бурятии. В укрепление статуса кафедры большую роль сыграла активная творческая деятельность Г. Ц. Молонова, который возглавлял кафедру до 1999 г. Успешно продолжили руководство кафедрой Н. Ж. Дагбаева, И. А. Маланов, Г. Н. Фомицкая — ныне доктора педагогических наук, профессора. В 2006 г. был создан Педагогический институт, который возглавляет профессор Н. Ж. Дагбаева.

Любовь к малой Родине. В целом за годы работы Г. Ц. Молонова им написано и опубликовано 211 научных трудов, из них 14 монографий и 14 учебных пособий. Под научным руководством и консультированием профессора Молонова Г. Ц. 42 человека защитили кандидатские диссертации. Его ученики работают в вузах, школах и районных отделах народного образования Республики Бурятия, Читы, Иркутска, Якутска, Москвы, Монголии. Он был членом диссертационного совета при Институте программных средств обучения в г. Новосибирске и Иркутском госпедуниверситете.

Говоря о научно-педагогической и общественной деятельности профессора Г. Ц. Молонова, нельзя не отметить его особого внимания к нуждам своей малой Родины, преданности ей, стремления оказать посильную помощь системе народного образования. Как уже отмечалось, он часто выезжал в Бичуру, проводил там консультации для учителей, оказывал содействие в проведении школьных и районных олимпиад, в том числе на средства выигранного им гранта. Он — инициатор и один из организаторов написания и издания книги «Бичура: XX век: 70 лет району / сост. Г. Ц. Молонов; отв. за вып. В. А. Семенников. Улан-Удэ: Республиканская типография. 2005. 300 с.). Книга базируется на большом разнообразном источниковедческом материале, многочисленных воспоминаниях, рассказах современников. В книге много инте-

ресных сюжетов о людях района. Книга написана хорошим, живым языком. Это редкий случай столь благодарного отношения к своим землякам к людям, в среде которых он вырос, сформировался как личность. В данном поступке наглядно проявилось интеллигентность профессора Г. Ц. Молонова.

В многообразной, результативной деятельности Г. Ц. Молонова велика доля труда, участия его замечательной жены преподавателя БГПИ Надежды Яковлевны Молоновой, которая до конца своей жизни делила с ним радости и невзгоды, несла немалый груз домашнего семейного быта. У Геннадия Цыденовича и Надежды Яковлевны есть любящий сын Валерий, посвятивший себя предпринимательской деятельности.

Общественное признание ученого. Деятельность профессора Молонова Г. Ц. получила широкое общественное признание. Ему присвоено звание «Заслуженный деятель науки Республики Бурятия». Награжден знаками «Отличник народного образования РСФСР», «Отличник народного образования СССР». Он удостоен медали им. Ушинского. В 1997 г. он стал первым лауреатом премии Правительства Республики Бурятия им. академика П. Р. Атутова в номинации «Образование и наука». В 2001 г. избран членом-корреспондентом Сибирской академии высшей школы, в 2002 г. — действительным членом Международной академии открытого образования.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬ СОЦИАЛЬНОГО СТРОЯ НАРОДОВ СИБИРИ

Профессор Ю. Б. Рандалов

Учеба. Директор школы. Когда-то Виктор Гюго произнес: «Будущее отныне принадлежит двум типам людей: человеку мысли и человеку труда». Эти слова как нельзя лучше характеризуют доктора философских наук, профессора, заслуженного деятеля науки Республики Бурятия и Российской Федерации Юрия Базаровича Рандалова. При этом он олицетворяет собой человека и мысли, и

труда. Вся жизнь этого замечательного ученого — неустанный труд на благо науки, других людей, общества в целом. Он является одним из зачинателей социологических исследований в национальных районах Сибири. И сегодня Ю. Б. Рандалов — в числе ведущих социологов Сибири.

Родился он 10 октября 1932 г. в селе Гутай Бичурского района Бурятской АССР, в семье колхозников. Его детство и юность пришлись на трудное время — годы Великой Отечественной войны. С 12 лет он наравне со взрослыми трудился в колхозе. И только через три года после окончания войны получает разрешение правления колхоза на учебу и становится студентом Улан-Удэнского педагогического училища. По окончании его он поступил на исторический факультет Иркутского государственного университета, который закончил с отличием.

В 1956–1958 гг. Юрий Базарович работал директором неполной средней школы в Бичурском районе. Стремление заняться научной работой внесло коррективы в его педагогическую деятельность: в 1959 г. он поступает в аспирантуру Института этнографии и антропологии АН СССР, после окончания которой в 1965 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук. С 1966 по 1970 г. работал младшим научным сотрудником в Бурятском институте общественных наук.

В ВСТИ. Защита диссертации. Затем почти 15 лет трудился в Восточно-Сибирском технологическом институте: доцентом, профессором, заведующим кафедрой.

Одновременно занимался исследованием социальных процессов в Бурятии. В 1967 г. вышла его монография «Социалистическое преобразование хозяйства, быта и культуры бурятского улуса». Книга привлекла к себе внимание специалистов глубоким анализом социальных процессов в аграрном секторе республики.

В 1980 г. в издательстве «Наука» (Новосибирск) публикуется его новый капитальный труд — «Изменение социальной структуры села национальных районов Сибири», ставший основой диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук, которую ученый успешно защищает в 1981 г. в Ленинградском государственном университете. Это была первая докторская диссертация, в которой обстоятельно рассматривались социальные и социально-философские проблемы сельского населения огромного по территории, своеобразного по социокультурному строю региона СССР.

Исследование Ю. Б. Рандалова получило высокую оценку не только членов диссертационного совета ЛГУ, но и ученых, занимающихся исследо-

ванием социальной структуры страны в целом.

В научном центре. В 1984 г. Ю. Б. Рандалова, как одного из ведущих социологов Бурятии, приглашают на работу в Бурятский институт общественных наук Сибирского отделения Российской академии наук (БИОН СО РАН) заведующим сектором исследований социальных проблем, позже он возглавил отдел философии и социологии, затем отдел истории, этнологии и социологии. Будучи многие годы руководителем этих крупных научных подразделений, Ю. Б. Рандалов проявил себя как талантливый организатор многих социальных исследований, внесших заметный вклад в развитие социологической и философской мысли в Бурятии. Ряд лет он трудится в должности главного научного сотрудника Института монголоведения, буддологии и тибетологии (ИМБТ) СО РАН, в настоящее время — ведущий научный сотрудник.

С 1996 г. Ю. Б. Рандалов по совместительству является профессором кафедры политологии и социологии Бурятского государственного университета, передавая будущим социологам, политологам республики свои глубокие знания и богатый опыт исследователя.

Ю. Б. Рандалов — известный российский социолог, философ. Он внес и вносит существенный вклад в исследование социальных процессов в России, в обширном Сибирском регионе. Сфера его научных интересов весьма широка: этносоциальные проблемы народов Сибири, бурятского народа, проблемы социальной структуры, социальной организации и национальных отношений. Является автором ряда глав и разделов крупных коллективных трудов по истории культуры и общественного строя Сибири «Очерки истории и культуры Бурятии (Улан-Удэ, 1974), «Культурное развитие советской сибирской деревни» (Новосибирск, 1980), «Крестьянство Сибири (Новосибирск, 1985).

Ю. Б. Рандалов в течение ряда лет занимается изучением проблем трансформации социальной структуры народов Байкальского региона в современных условиях, является руководителем масштабных социологических исследований. Он принимал активное участие в разработке «Концепции государственной национальной политики Республики Бурятия», автор «Основных положений концепции культурно-национального развития бурятского народа, его культуры», которые были утверждены 11 съездом ВАРК в качестве программного документа.

Юрий Базарович Рандалов, в течение многих лет являясь руководителем группы социологических исследований, много сил и труда отдал становлению нового направления в стенах академического центра республи-

ки, связанного с современной проблематикой социальной жизни народов Байкальского региона.

Новый вектор исследований. Ю. Б. Рандаловым как руководителем направления был определен новый вектор в исследованиях, а именно переход от малых, отдельных тем к крупным, целостным проблемам, представляющим определенный теоретический уровень обществознания. Была изучена проблема этноса в национальных отношениях региона, в более широком историко-философском плане — расшифрование понятия «бурятская нация» в системе российской государственности. Социологический анализ здесь заключался в раскрытии социальных индикаторов, характеризующих интегративные качества данного феномена. Им проанализированы трансформационные процессы, происходящие в социальной организации народов региона, главным образом бурят, показано начало формирования пятиэлементной конфигурации новой социальной структуры бурятского и русского народов байкальского региона в связи с переходом к рынку. Коллизия трансформационных процессов заключается в становлении новых структурных элементов общества в условиях распадающейся, но еще функционирующей системы социально-классовых отношений советского общества, которая приобрела латентную природу кумулируясь в глубине сознания статусно-ролевой функции, в социально-психологическом настрое массы их носителей.

Ученым проанализированы также социальные критерии воздействия на трансформационные процессы — фактор экономической перестройки, демографической депопуляции, универсальной миграции, культурно-образовательных сдвигов в регионе.

В данной ситуации, по мнению исследователя, просматриваются коллизии проявления общего и особенного в социально-структурных процессах, происходящих в масштабах глобального и российского обществ.

Выводы ученого. Исследователь приходит к выводу о том, что в социальной структуре социумов Байкальского региона очень медленно формируются прогрессивные компоненты, социально активные страты и группы, в то же время сохраняется высокий удельный вес бедных и бедствующих слоев населения. Главное — на исходе первого десятилетия XXI в. здесь еще нет среднего класса, он только складывается, в зачатке, представители крупной буржуазии и единицы олигархов представляют пока еще небольшой, социально латентный элемент. Количественно преобладающий элемент социальной структуры — срединная группа населения, но не средний класс. Эта срединная группа, уже отошедшая от грани социального бедствия, адаптирующаяся к рынку, капиталистическим отношениям, таит

в себе возможности превращения в мобильную силу, усиливающую процесс консолидации многочисленного среднего класса в регионе. Такая гипотеза существенно отлична от позиции социологов центра, оперирующих материалами крупных городов-мегаполисов страны и свидетельствующих о становлении среднего класса во всем российском обществе.

В русле интерпретации исследований ученого небезынтересно отметить его усилия в сфере так называемой «публичной социологии», т. е. моменты организации операциональных связей социологов с практикой жизни и местными властными структурами.

Здесь надо вспомнить события нескольких десятилетий жизни региона. Еще в далеких 80-х гг. прошлого века по результатам проведенных исследований были сделаны выводы о нарастающих противоречиях в регионе между государством и обществом, между привилегированной властвующей верхушкой, контролирующей государственную собственность, и широкими массами трудящихся. Об этих и других аномалиях социальной жизни республики Ю. Б. Рандаловым и социологической группой неоднократно, с представлением множества объективных данных информировались органы партийной (областной и городской комитеты КПСС) и государственной власти. Однако, к сожалению, никакой реакции обычно не следовало.

Научные труды и подготовка исследователей. К настоящему времени Ю. Б. Рандалов — автор более 150 научных трудов, в том числе 11 коллективных и индивидуальных монографий, ведет активную исследовательскую работу со своим коллективом по теме «Цивилизационная динамика и процессы модернизации Байкальской Азии в XXI веке».

Следует отметить и другую грань его деятельности: профессор Ю. Б. Рандалов в течение двух десятилетий возглавлял в БНЦ кафедру философии Центра, готовя кадры этносоциологов и философов высшей квалификации. Под его личным научным руководством защитили диссертации на степень кандидата социологических наук 20 человек, на степень доктора социологических наук — 2 человека, готовят диссертации 6 человек. Многие годы он являлся членом докторского диссертационного совета по философии и социологии БГУ, ныне — член двух докторских советов в ИМБТ СО РАН.

За плодотворную научную, научно-организационную и общественно-политическую работу Юрий Базарович удостоен почетных званий «Заслуженный деятель науки Российской Федерации», «Заслуженный деятель науки Республики Бурятия», избран действительным членом Академии социальных наук, награжден Почетными грамотами Правительства РБ, Бурятского научного центра, благодарностью президиума

Российской академии наук, Бурятского государственного университета, Восточно-Сибирского технологического университета.

Юрия Базаровича характеризуют такие качества, как порядочность и доброжелательность. Он хороший семьянин, его супруга Нина Жанаевна — выпускница БГПИ (биолог), долгие годы работала в Госкомитете водных ресурсов РБ. Дочь Юрия Базаровича и Нины Жанаевны Оюна Юрьевна — кандидат философских наук, доцент кафедры философии БГУ.

Вся трудовая жизнь профессора Ю. Б. Рандалова — это образец трудолюбия, творческой энергии, высокого достоинства, который может служить хорошим примером для тех, кому принадлежит будущее.

Коллеги, друзья, ученики и товарищи сердечно поздравляют Юрия Базаровича с юбилеем и желают крепкого здоровья, долгих лет жизни, новых творческих достижений на ниве науки, образования и общественной деятельности.

Статья опубликована в Вестнике Бурятского научного центра СО РАН. 2012. № 4(8). С. 265–268.

Президент РОС

Профессор В. А. Мансуров

В. А. Мансуров, известный советский и российский социолог, специалист в области методологии, методики социологических исследований, социологии профессии, профессиональных групп молодежи и интеллигенции, СМИ и общественного мнения. Доктор философских наук, профессор. Президент Российского общества социологов.

Родился 26 августа 1937 г. в г. Киров. После окончания Кировского государственного педагогического

института работал учителем, в комсомольских органах, на кафедре философии и научного коммунизма Кировского политехнического института (ныне Вятский государственный университет). Руководил исследовательским проектом «Жизненные планы молодежи» (1960).

У истоков возрождавшейся социологии. Валерий Андреевич принадлежит к старшему поколению социологов, к тем, кто начинал заниматься социологическими исследованиями в нашей стране. В одном из своих интервью, говоря о времени начала пути в науку, социологические исследования, он отметил: «Мы же все начинали заниматься этим в 60-е г. Именно тогда у нас были в моде массовые опросы, опросы общественного мнения Комсомольской правды. Мы проводили эти опросы. Это было очень интересно, поскольку в то время это было новое явление, никто никогда не обращался к большому количеству людей с вопросами для выяснения их мнения [1].

Социологам того времени, как отметил В. А. Мансуров, приходилось искать ответы на вопросы: Что такое репрезентативность? Как ее можно обеспечить? Как строить выборку? И на многие другие. Это были сложные вопросы. Ответы на них были прежде всего в западной социологии. Отечественная социология только начинала возрождаться после фактического запрета, последовавшего в конце 20-х и продолжавшегося до середины 50-х г. Неслучайно в 60-е г. Валерий Андреевич, в совершенстве владея английским языком, берется за основательное изучение западного опыта социологических исследований, прежде всего методов исследования. В 1970 г. он успешно защищает кандидатскую диссертацию «Проблемы и методы исследований средств массовой коммуникации в США». Работа Валерия Андреевича имела не только важное теоретическое, но и большое практическое значение. Отечественные социологи получили возможность познакомиться с профессионально осмысленным опытом социологического изучения массовых коммуникаций в западной социологии.

Ступени роста. В 1973 г. В. А. Мансуров — заведующий сектором, а с 1985 г. — заместитель директора по науке Института социологии АН СССР (РАН). С 1995 г. — директор Центра оперативных и прикладных исследований (ныне сектор оперативных и прикладных исследований). С 1994 г. — профессор, заведующий кафедрой гуманитарного университета при Институте социологии РАН. С 1998 г. — Президент российского общества социологов, заместитель директора Института социологии по международным связям.

Объект исследования — молодежь. Обращает на себя внимание широта научных интересов В. А. Мансурова. В 60–70-е годы в

центре его исследовательских интересов — молодежь, ее жизненные планы, социальная активность. Интерес к молодежной проблематике не случаен. В эти годы повышается социальная активность данной социальной группы, стремление к более действенному участию в политической жизни общества.

Под руководством А. В. Мансурова в 70-х годах проведено исследование жизни студенческой, рабочей и научно-технической молодежи, ценностных ориентаций, влияние СМИ на ее формирование и развитие. Большой вклад внес В. А. Мансуров в развитие сравнительных (советско-финляндских и советско-французских) исследований об отношении населения этих стран к различным общим и национальным проблемам; эти исследования открыли путь другим международным проектам в СССР [2].

Интеллигенция и власть. В 80-е годы (судя по публикациям) доминирует в исследованиях В. А. Мансурова проблематика интеллигенции. При этом в первой половине этого десятилетия акцентируется внимание на различных аспектах данной социальной группы: социальная адаптация различных ее профессиональных групп (учителей, врачей, технической интеллигенции предприятий высоких технологий), образ жизни. Выявляются общие закономерности и региональные особенности «Образ жизни молодой советсткой интеллигенции. Общие закономерности и региональные особенности» (М., 1985); «Молодой интеллигент развитого социалистического общества» (М., 1981).

Во второй половине 80-х гг. и в последующие два десятилетия автор не оставляет вне своего внимания проблемы интеллигенции. И это объяснимо: в этот период происходят существенные изменения в структуре, статусе, мировоззренческих позициях данной социальной группы. Особенно злободневной становится изучение взаимоотношения интеллигенции и власти, динамика этих взаимоотношений.

И Валерий Андреевич обращается к проблеме «интеллигенция и власть». В 1991 г. в соавторстве с известным тюменским социологом, профессором К. Г. Барбаковой (к сожалению, недавно умершей) В. А. Мансуров издают крупную монографию «Интеллигенция и власть». Спустя 16 лет авторы опубликовали новую работу с названием «Интеллигенция и власть: динамика взаимодействия» (Курган, 2007. 301 с.) Клара Григорьевна и Валерий Андреевич в своем новом капитальном труде на основе детального анализа российских и зарубежных теоретических концепций, результатов социологических исследований и практической деятельности интеллигенции второй половины XIX — начала XX веков раскрыли динамику ее взаимодействия с политической

властью. Книга характеризуется не только своей глубиной, обоснованностью выдвигаемых теоретических положений, их доказательностью, но и прекрасной формой изложения. Она легко, с интересом читается, нет той сухости, «занудливости», которой нередко грешат некоторые авторы. У исследователей весьма сложный, противоречивой, по-разному понимаемой и интерпретируемой проблемы имеется своя весьма убедительная позиция, выраженная в четких, понятных формулировках. Конечно, это не значит, что авторы книги ответили на все вопросы данной проблемы, поставленные жизнью, на них ответит будущее. Ведь сама жизнь тоже не стоит на месте.

Новые исследовательские проекты. В 90-е и последующие годы В. А. Мансуров разрабатывает и другие актуальные проблемы. Он являлся руководителем исследовательских проектов «Российские врачи: отношения и стратегия, адаптация к новой ситуации» (1998–2000), «Динамика социального и профессионального статуса специалистов традиционной медицины в изменяющейся России» (2005–2008), «Инженерные династии России» (2015–2017) и др. Результаты этих исследований нашли свое отражение в монографиях: «Профессиональные группы: динамика и трансформация / под ред. В. А. Мансурова. М.: Изд-во Института социологии РАН, 2009. 419 с.; Мансуров В. А., Юрченко О. В. Конструирование новых статусных позиций в процессе профессионализации // Модернизация социальной структуры российского общества / отв. ред. З. Г. Голенкова. М.: Институт социологии РАН, 2008. С. 139–156. Кроме того, итоги исследований опубликованы в многочисленных научных статьях

В. А. Мансуров — автор более 220 научных работ, в том числе 8 монографий.

Общественные должности. Президент РОС. Наряду с научно-исследовательской деятельностью В. А. Мансуров выполняет и ряд других общественно значимых функций. Он профессор и заведующий кафедрой факультета социологии Государственного университета гуманитарных наук; профессор кафедры социологии Российского государственного социального университета, участник Всемирных социологических конгрессов, Европейских социологических конференций, ежегодных конференций WAPOR / ESOMAR.

Профессор В. А. Мансуров является членом ряда авторитетных российских и международных научных организаций.

С 1998 года — Президент Российского общества социологов.

Руководитель Исследовательского комитета Российского общества социологов (ИК РОС) «Социология профессией и профессиональных групп».

Член Национального совета Международной социологической ассоциации.

Член Всемирной социологической ассоциации.

Член Всемирной ассоциации изучения общественного мнения.

Особо значимой является деятельность профессора В. А. Мансурова на посту Президента Российского общества социологов (РОС). Он в этом статусе находится 20 лет. Это признание эффективной, плодотворной деятельности Валерия Андреевича на посту руководителя РОС и высокая оценка личных качеств. За это непростое время РОС расширило свое влияние в стране в целом, но особенно в ее регионах (были созданы новые региональные отделения, вступили в РОС более 4000 новых членов), укрепило позицию российских социологов на международной арене. По инициативе РОС были проведены пять Всероссийских социологических конгрессов.

В. А. Мансуров — участник и представитель уже упоминавшихся организаций: российского социологического сообщества на Всемирных социологических конгрессах, Европейских социологических конференциях, ежегодных конференциях WAPOR / ESOMAR, член Национального совета Международной социологической ассоциации и член Всемирной ассоциации изучения общественного мнения.

В. А. Мансуров в Бурятии. В. А. Мансуров тесно связан с республиканскими, областными отделениями Российского общества социологов, оказывает им практическую помощь в их деятельности. Примером тесной связи руководства РОС с регионами является взаимодействие с Бурятским отделением РОС. Одной из действенных форм такого взаимодействия является участие руководства РОС в проведении международных научных конференций «Байкальских встреч», посвященных проблемам интеллигенции. Они проходят на базе Бурятского госуниверситета, Улан-Удэ. РОС выступает в качестве одного из соорганизаторов конференции, а ее президент профессор В. А. Мансуров нередко выступает на конференции в качестве докладчика. Он сам, как отмечалось, является известным специалистом по проблемам интеллигенции. Например, в 2000 г. В. А. Мансуров участвовал на III «Байкальской встрече», посвященной теме «Интеллигенция в судьбах России на рубеже XX и XXI веков» с докладом «Врачи как профессиональная группа интеллигенции», в 2012 г. на IX конференции — «Современная интеллигенция: проблемы социальной идентификации» с докладом (в соавторстве с О. В. Юрченко) «Альтруизм: принцип деятельности или профессиональная идеология», в 2016 г. принимал участие в XI «Байкальской встрече» — «Интеллигенция, ее граж-

данские позиции в современном мире» с докладом «Интеллигенция и современность» и т. д.

Мы, представители Бурятского отделения РОС, признательны Валерию Андреевичу за его участие в «Байкальских встречах», за помощь, которую он оказывает исследователям, социологам Сибири. Мы, в свою очередь, стараемся участвовать в мероприятиях, проводимых РОС, в конференциях, конкурсах и др. В Бурятии имя В. А. Мансурова знакомо всей гуманитарной интеллигенции.

Активная исследовательская деятельность, пропаганда социологических знаний, подготовка квалифицированных социологических кадров (в Бурятском госуниверситете ведется подготовка бакалавров, магистров по социологии, имеется аспирантура, докторантура, докторский диссертационный совета по защите диссертаций по философии и социологии — специальности 22.00.04) не остаются незамеченными. Руководство РОС поощряет лучших ученых-социологов. В 2016 г. около десяти человек — членов Бурятского отделения РОС — были награждены медалями и почетными грамотами Российского общества социологов. Это стимулирует деятельность местного социологического отделения.

Нам импонирует стиль работы, общения Президента РОС: доброжелательность, внимание, поддержка являются характерными чертами в деятельности В. А. Мансурова.

Автор этих строк не помнит случая, чтобы при посещении Валерия Андреевича ему (посетителю) не была предложена чашка кофе или чая. Этот пусть небольшой факт, но он — свидетельство внимания хозяина кабинета к пришедшему к нему человеку.

За многолетнюю плодотворную работу В. А. Мансуров был награжден Почетными грамотами Президиума РАН, Серебряной медалью ВДНХ, орденом «За заслуги перед Отечеством 2-й степени», Золотой медалью в честь 25-летия РОС.

Ему присвоено звание почетного доктора Института социологии РАН.

Литература

1. Интервью с В. А. Мансуровым об истории ГАУГН [Электронный ресурс] / http://soc.gaugn.ru/index.php/features/2015-11-10-08-22-51/221 (дата обращения: 30.07.2018).

2. Мансуров Валерий Андреевич // Социологи России и СНГ XIX и XX вв. Библиографический справочник. М.: Эдиториал УРСС, 1999. С. 185–186.

3. Мансурову Валерию Андреевичу — 80 лет // Социс, 2017. № 9. С. 170.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР «СОЦИСА»

Член-корреспондент РАН Ж. Т. Тощенко

Жан Терентьевич Тощенко является одним из наиболее известных социологов в России и за рубежом, особенно в области теории и методологии социологии, социологии труда и управления, политической социологии. Кроме того, сферой его активной научной деятельности является политология и экономика.

Деревня. Родители. Родился Ж. Т. Тощенко 3 января 1935 года в деревне Павловка Брянской области на границе России с Украиной и Белоруссией. «Крик петуха в моей деревне, — шутит Жан Терентьевич — был слышен сразу в трех республиках». Люди соседних деревень хорошо знали друг друга, ходили в гости, играли свадьбы. Родители Жана Терентьевича — учителя. В одном из своих выступлений на научной конференции он говорил: «Я помню пример своих родителей — сельских учителей, которые исповедовали идеалы народнической интеллигенции — нести знания крестьянам в самых отдаленных деревнях, участвовать в улучшении общественной и повседневной жизни, показывать пример в ведении хозяйства, в воспитании детей, в поддержании духа преданности своей родине, порученному делу» [1].

Они, комсомольцы 20-х гг., верили в счастливое будущее своей страны и эту веру старались передать своим детям, учащимся, их родителям. Оба работали в небольшой двухкомплектной школе. Учитель в деревне в те годы — не просто учитель, он часто и фельдшер, и ветеринар, и ходатай по всяким житейским делам, каких, как правило, в деревне немало. Родители пользовались уважением у односельчан. И вообще люди жили дружно, работали в колхозе, помогали друг другу.

Тяжелые испытания. В 1941 г. начались война. Отец ушел в партизаны, был в отряде комиссаром. Брянщина — это партизанский край. Воевать пришлось недолго. Отец с группой партизан попал в засаду, устроенную полицаями. Привели его в деревню. Требовали сказать, где находится основная часть партизан. Пытали, выбили все зубы, вырезали на груди красную звезду. Все это происходило на глазах троих детей. Не получив

ответа — за деревней расстреляли. Расстрелы, пытки происходили и в соседних деревнях. Особенно свирепствовали венгерские солдаты, так называемые мадьяры [2].

Все происходившие вокруг было тяжелым испытанием для шестилетнего Жана.

После войны работал в колхозе. Как и все подростки его возраста, помогал взрослым пахать, сеять, косить, вязать снопы, а нередко эти и другие работы выполнял самостоятельно, за свой труд на трудодни в конце года получил мешок зерна и 220 кг картофеля.

В МГУ им. М. В. Ломоносова. Учился хорошо. Закончил школу с золотой медалью.

В 1952 г. поступил на исторический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова. Деканом был только что назначенный известный археолог А. В. Арциховский (1952–1957). Он был не только большим ученым, но и прекрасным педагогом, оказавшим, по словам Жана Терентьевича, большое на него влияние. Научная деятельность Артемия Владимировича Арциховского явилась важным этапом отечественной археологии. Он основатель и руководитель Новгородской археологической экспедиции. В 1960 г. был избран членом-корреспондентом АН СССР.

В университете Жан Тощенко учился с интересом, участвовал в общественной жизни факультета, был сталинским стипендиатом. Закончил университет с дипломом с отличием.

В Сибирь, на стройку. После окончания МГУ была возможность поступить в аспирантуру. Но молодой историк решает ехать в Сибирь. Разворачивающиеся одна за другой стройки в Сибири «зовут» энтузиастов. Там «пишется» живая история страны. Каждый человек может быть субъектом исторического процесса. И Жан Тощенко, как историк советского периода, по комсомольской путевке отправляется на строительство железной дороги Абакан — Тайшет, чтобы сопоставить знания, полученные в аудитории, с жизнью, с практикой, «пропитаться» этой жизнью, внести частицу своего труда в возведение трассы. Строительство железной дороги протяженностью 647 км — было сложной задачей. Трасса должна была пройти через Саяны, на пути много трудных горных участков. Не случайно дорога получила название «трасса мужества». На стройке он работал вместе с будущими известными историками Ю. Н. Афанасьевым и В. В. Гришаевым. Жили в палатках. Ж. Т. Тощенко был экономистом в мостостроительном отряде. По воспоминаниям Жана Терентьевича, ему на трассе пришлось работать недолго: выпускника МГУ, активиста, заметили, и он был приглашен на комсомольскую работу в Абакан, затем в Красноярск. Работа была интересной. Много молодежи, энтузиастов. Рож-

дались часто разные полезные почины, которые быстро распространялись.

Из Красноярска в Академию. В 1964 году с должности секретаря Красноярского крайкома комсомола Ж. Т. Тощенко был рекомендован бюро крайкома партии на учебу в Академию общественных наук при ЦК КПСС. В этом же году в академии по инициативе ее ректора академика Францева Ю. П. формировались кафедра научного коммунизма и лаборатория социологических исследований. Подготовка научных кадров в рамках этих подразделений считалась особенно актуальной. Темой кандидатской диссертации Ж. Т. Тощенко стало «Социальное планирование в системе научного управления обществом». Тема в то время была новой, актуальной. Работалось с интересом. Научным руководителем был назначен известный философ, академик В. Г. Афанасьев. После блестящей защиты в 1967 году диссертации и получения ученой степени кандидата философских наук Ж. Т. Тощенко возвращается в Красноярск.

Исследования в Сибири. Здесь в Красноярском университете он возглавил созданную им крупную социологическую лабораторию и кафедру. С возвращением Ж. Т. Тощенко в Сибирь им были развернуты широкомасштабные социологические исследования, охватывающие многие регионы Сибири. Исследования проводили преимущественно на основе хозрасчетных отношений. Получаемая информация о различных областях общественной жизни, как отдельных предприятий, региона, так и Сибири в целом, имела не только научное значение, но и большое практическое, позволяющее знать реальные процессы, оказывать на них воздействие, прогнозировать их развитие, своевременно разрешать возникающие проблемы, оптимизировать общественные отношения и их восприятие. Исследования помогали партийным советским органам, руководителям предприятий и организаций совершенствовать систему управленческих отношений.

Защита докторской диссертации. Осуществляя руководство социологическими исследованиями, Ж. Т. Тощенко работал над докторской диссертацией. За короткие сроки (неполных 6 лет) его диссертационная работа «Теоретико-методологические проблемы социального планирования» была выполнена и успешно защищена (1973).

В 1975 году ему было присвоено звание профессора. В том же году Ж.Т. Тощенко был приглашен в Академию общественных наук при ЦК КПСС, где трудился до 1991 года (заведующим отделом, руководителем кафедры, директором центра социологических исследований. С 1992 года работал в Российской академии управления при Правительстве РФ, Госком федерации, в Институте соци-

ально-политических исследований РАН.

Главный редактор СОЦИСА. С 1995 года — главный редактор журнала «Социологические исследования». В 1996 году по приглашению ректора РГГУ Ю. Н. Афанасьева Ж. Т. Тощенко был создан социологический факультет в РГГУ. Его деканом и заведующим кафедрой истории и теории социологии стал Ж. Т. Тощенко. В этих двух должностях Жан Терентьевич трудится четверть века. В 2017 г. деканство перешло к его коллеге профессору Ларисе Николаевне Вдовиченко. Факультет со временем превратился в крупный в стране центр фундаментальных и прикладных социологических исследований и подготовки научных кадров.

Ж. Т. Тощенко в течение многих лет возглавляет научный совет отделения общественных наук РАН «Новые явления общественного сознания и социальной практики». Под руководством Ж. Т. Тощенко научным советом в 2013 г. издана крупная монография «Новые идеи в социологии», в создании которой принимал участие большой коллектив известных российских ученых-социологов.

Организатор международных конференций. Ж. Т. Тощенко — организатор многих научных конференций, симпозиумов, других форм обмена мнениями ученых, специалистов. Ежегодно на базе социологического факультета РГГУ проводятся международные научные конференции, посвященные актуальным проблемам интеллигенции. Состоялось 19 таких конференций, темами которых были: «Социальный статус и имидж гуманитарной интеллигенции» (2001, «Жизненные стили и социальные практики интеллигенции» (2002), «Интеллигенция в обществе риска» (2003), «Интеллигенция и идеалы российского общества» (2010), «Интеллигенция в этноконфессиальном мире: пути выбора» (2011), «Новая и старая» интеллигенция: общее и особенное» (2012), «Жизненный мир научно-технической и гуманитарной интеллигенции: общее и особенное» (2016), «Смысл жизни по российсой интеллигенции (2018) и др.

Под руководством Ж. Т. Тощенко ежегодно организуются Харчевские чтения.

Несмотря на свои многочисленные научно-менеджерские обязанности, Ж. Т. Тощенко постоянно выступает на многочисленных научных форумах, издает статьи, почти ежегодно публикует новую объемную монографию, посвященную актуальнейшей современной проблематике. Он — участник Международных социологических конгрессов (1970, 1978, 1982, 1990, 1994, 1998, 2002).

Как-то в беседе с Жаном Терентьевичем я поинтересовался у него, как все это ему удается? Когда он пишет? Жан Терентьевич ушел от ответа, ска-

зав при этом: «Но вы тоже много пишите… Пишу в субботу, воскресенье, после работы, в свой отпуск…». Хотя, впрочем, может быть, мой вопрос был не совсем корректным. Ведь каждый исследователь пишет по-своему. А общие требования наверное известны каждому, кто занимается наукой. И прежде всего надо иметь хорошую научную теоретико-методологическую подготовку, обладать обостренным интересом к предмету исследования, чувствовать время и его вызовы, обладать необходимым объем информации, уметь ее анализировать, а главное, обладать колоссальной работоспособностью.

Мы, исследователи Бурятии, признательны Жану Терентьевичу за его активное участие в проводимых на базе Бурятского государственного университета Международных научных конференциях («Байкальских встречах») если не лично, то присланными текстами докладов. Он выступал с докладами: «Гуманитарная интеллигенция: миф или реальность?» (2000), «Издержки современного образования» (2003), «Свобода в судьбах интеллигенции» (2005), «Национальная идея и интеллигенция» (2006), «Интеллигенция и феномен «советское» в духовной жизни современного российского общества» (2007) и др.

Круг исследуемых направлений, проблем Ж. Т. Тощенко весьма широк. Мы в данном очерке назовем только некоторые из них. При этом частично используем материал биобиблиографического справочника «Социологи России. История социологии в лицах (М., 1914, с. 443–444).

Социология как социология жизни. Ж. Т. Тощенко «выдвинул и обосновал возможность особой научной парадигмы, рассматривающей социологию как социологию жизни. Эта трактовка объекта социологии как гражданского общества и предмета социологии как взаимосвязанного единства реально функционирующего общественного сознания, деятельности (поведения) и объективных условий. Структура социологического знания, по его мнению, представляет собой: а) теоретическое знание (теория, методология, история социологии); б) фундаментально-прикладное знание, в основе которого находится существующая информация об общественном сознании и поведении во всех сферах общественной жизни (экономическая социология, политология, социология, социальная структура, социология духовной жизни); в) знание о механизме социальных изменений (социальное предвидение, прогнозирование, проектирование, планирование, программирование, социальные технологии, социология организаций, социальные нововведения, социальный эксперимент).

Проблемы труда и управления. Другое направление научных интересов связано с социальными проблемами труда и управления. В 1970-х

разработал фундаментальную и в то же время новую проблему: социальные инфраструктуры как совокупности общих, особенных и специфических условий, обеспечивающих рациональную организацию людей как в производственных ячейках, так и в территориально-поселенческой структуре. Много внимания Ж. Т. Тощенко уделил разработке методологических основ целенаправленного воздействия на общественные процессы, таких как социальное планирование и социальное проектирование.

Им предложено рассматривать генезис идей социологии труда через анализ раскрытия и использования социальных возможностей работника, исходя из реальной практики индустриального и научного развития общества. Согласно этому подходу социология труда начиналась с познания механизма заинтересованности людей (экономический человек), организации труда (технологический человек), производственного обучения (профессиональный человек). На базе использования этих резервов были сделаны дальнейшие шаги в познании сущностных сил работников производства: было обнаружено влияние условий труда (биологический человек), затем значение социально-психологического климата (социально-психологический человек), возможности соучастия в управлении (управленческий человек), резервы творческого потенциала (творческий человек), общественной жизни (социально-политический человек). И наконец, дан анализ взаимодействия труда и быта (бытовой человек).

Проблемы политической социологии. С 1980-х он разрабатывает проблемы политической социологии, анализирует тенденции развития реального сознания и поведения. Были исследованы такие феномены, как противоречия общественного сознания, этнополитические и конфессиональные аспекты политического развития, роль идеологии и национальной идеи в жизни общества, особенности функционирования национального самосознания. На базе данных всесоюзных (всероссийских) исследований «Состояние, тенденции и проблемы общественного сознания (1986–1993) выдвинул идею о социальном настроении как о доминирующей характеристике реально функционирующего общественного сознания и поведения, отражающего уровень, продолжительность и степень эмоционально-рационального восприятия индивидом, социальной группой и населением социальных целей и интересов, формирующихся под воздействием экономических, политических, и духовных процессов (монография «Социальное настроение»).

Парадоксальный человек. Кентавр — проблема. Другой оригинальной идеей стало исследование феномена «парадоксального человека», в котором отразились не просто

противоречия внутри общества, социальных групп, слоев и институтов — это такая ситуация в реальной жизни людей, когда человек в одно и то же время искренне преследует взаимоисключающие цели, часто не замечая парадоксальности своего сознания и поведения. В последующем в рамках этой идеи Ж. Т. Тощенко исследовалась проблема феномена кентавризма и фантомов.

Суть кентавр — проблемы во взаимоисключающих ориентациях в сознании и поведении людей, организаций, обществ и государств. Автор рассматривает эту проблему как особую форму противоречия, особое проявление парадоксов, их особенности, уникальные черты.

На основе анализа реальной жизни, социальной практики, социологических исследований автор объяснил реальность существования двух (нескольких) взаимоисключающих начал, возможность их познания и целенаправленного воздействия. Им показывается, что правильное понимание, толкование и применения знания о кентавр — проблемах позволяет эффективнее решать не только научные, но и практические вопросы, особенно те, которые связаны с управлением экономическими, социальными и политическими процессами.

Фантомы. Исследуя проблемы парадоксальности и кентавризма в российском обществе, Ж. Т. Тощенко столкнулся с необходимостью осмыслить особые случаи противоречивых процессов, которые не могли возникнуть в стабильно развивающемся обществе, но наглядно и выпукло проявивших себя на постсоветском пространстве. Уникальные феномены, названные автором понятием — фантомы, олицетворяющие особенные, аномальные, экстравагантные формы общественной (публичной) жизни, оказывающих серьезное влияние на политические, экономические и социальные процессы. Носителями этих форм поведения и активности присущи гипертрофеированные социальные качества — непомерная жажда власти, неограниченное желание богатства, болезненные стремление к славе. В сочетании с личностными социально-психологическими характеристиками этими качествами обладают весьма специфический ряд государственных и общественных деятелей, а также финансово-олигархических кругов, появление которых стало возможным в современную переломную эпохи жизни, в условиях коренных экономических и политических преобразований.

Этнократия. Теократия. Важным направлением исследования Ж. Т. Тощенко является изучение новой проблемы — этнократии. Суть этого явления — использование национальной самобытности для достижения политических целей, присвоение и даже узурпация права говорить и действовать от имени народа для ре-

шения групповых, корпоративных, а часто и личных интересов. Раскрывается содержание этого феномена, этапы его развития и становления, генезис идей, условия и факторы его функционирования. Анализируются также своеобразные социальные явления как этническая идеология, экономический и этнолингвистический национализм, этническая миграция, конфессиональные резервы этнократии, что имеет огромное значение не только для науки, но и для практики. Обращается внимание на проблему теократии, все большего сращивания религии с политической властью, ростом религиозной нетерпимости, увеличением клерикализма. Ж. Т. Тощенко подвергает осмыслению сущность современной теократии, ее типы, субъекты, сфера действия, предлагает методы противодействия в сфере теории и практики. Автор предупреждает, что ориентация религии на власть может превратить ее в тормоз развития мира и национальных государств, противопоставить народы и страны, расколоть их.

Социология жизни. Смысл жизни. Значимым является обоснования автором возможности анализа общественных явлений и процессов с позиции новой теоретической концепции — социологии жизни. В ее основе лежит представление о жизненном мире, образуемом триединством таких индикаторов, как реально функционирующее общественное сознание, действительное поведение людей, которые реализуются в условиях макро-, мезо-, микромира.

Осуществлен анализ генезиса идей социологии жизни, ее объект и предмет, понятийный аппарат, структура и уровни социального знания. Особое внимание уделяется ранее практически не используемому в социологии понятию «смысл жизни», которое позволяет глубже проникнуть в жизненный мир людей, точнее описать и интерпретировать анализируемые социальные проблемы для получения надежной достоверной и ориентированной на практику информации. На этой основе дается описание многообразия жизненного мира, его позитивных и негативных характеристик.

Ж. Т. Тощенко автор более 450 публикаций.

В их числе следующие: Социальное планирование. Красноярск, 1972. Изд. 2. М., 1981; Социальная инфраструктура: сущность и пути развития. М., 1980; Социальное проектирование. М., 1982. (в соавт.); Идеология и жизнь. М., 1983; Идеологические отношения. Опыт социологического анализа. М., 1988; Социальные резервы труда. Актуальные вопросы социологии труда. М., 1989; Общественное сознание и перестройка. М., 1990 (в соавт.); Социология. Общий курс. Изд. 4. М., 2009; Социальное настроение. М., 1986; Постсоветское пространство: суверенизация и интеграция. М., 1997; Политическая со-

циология. М., 2003; Парадоксальный человек. М., 2001. Изд. 2. М., 2007; Три особенных лика власти. М., 2002; Этнократия. М., 2003; Социология труда (опыт нового прочтения). М., 2005; Теократия: фантом или реальность. М., 2007; Тезаурус социологии: библиографический справочник. М., 2009 (отв. ред.); Кентавр — проблема: опыт философского и социологического анализа. М., 2011; Социология России: истории социологии в лицах: биобиблиографический справочник. М., 2014 (отв. ред.); Социология жизни. М., 2016.

Кроме научных исследований, Ж. Т. Тощенко занят и во многих других общественно значимых видах деятельности. Член экспертного совета ВАК СССР (РФ) с 1981 по 2001 г. Член издательского Комитета Международной социологической ассоциации (1983–1991), сопрезидент Содружества социологических ассоциаций (1991–1993). Руководитель экспертной группы Российского фонда фундаментальных исследований, член президиума Всесоюзного (Всероссийского) общества «Знание» (1980–1992). Член исследовательского Совета «Университеты как школа гражданственности "Совета Европы"» (г. Страсбург).

Жан Терентьевич — член-корреспондент Российской академии наук (РАН). Он является членом многих научных и общественных организаций. Действительный член Российской академии естественных наук, действительный член Академии социальных наук, член Нью-Йоркской академии наук, член академии наук Беларуси, член Академии наук Казахстана. Почетный доктор Института социологии РАН. Лауреат премии М. М. Ковалевского.

Ж. Т. Тощенко не только замечательный ученый. Он обладает великолепными качествами скромного, мудрого, доброго, отзывчивого человека, является примером подлинного интеллигента современной России.

Заслуживает уважения твердая мировоззренческая позиция Жана Терентьевича. Он не последовал ставшему модным для значительной части ученых отказу от марксизма, он по-прежнему — марксист, точнее, неомарксист, как он определяет свою мировоззренческую ориентацию.

Ж. Т. Тощенко родился, получил образование в Европейской части России. Значительную часть своей наиболее активной трудовой жизни (18 лет) провел в Сибири. Не случайно Жан Терентьевич не теряет связь с этим суровым, но красивым краем, социологами, коллегами, участвует в его изучении, бывает на конференциях. Несомненно, что здесь осталась частица его души, сердца, друзья. Заканчивая этот очерк, хочется пожелать Жану Терентьевичу, его семье крепкого здоровья, бодрости, хорошего настроения, новых научных успехов, большого человеческого счастья.

Литература

1. Тощенко Ж. Т. Особенности жизненных миров российской интеллигенции // Жизненный мир научно-технической и социально-гуманитарной интеллигенции: общее и особенное / РГГУ, Социологичексий факультет / под ред. Ж. Т. Тощенко. М.: РГГУ, 2015. С. 18.

2. В статье использованы материалы из беседы Ж. Т. Тощенко с М. С. Найденовым для Фонда Устная история. 17 января 2013 г. https://ru.wikipedia.org / 15 июля 2018 г.

ЭНЕРГИЯ СОЗИДАНИЯ

Профессор П. Ю. Саух

Ректор. Мы познакомились с Петром Юрьевичем около десяти лет назад. Будучи проездом в Житомире, я искал книгу об истории Житомирщины. Ходил по книжным магазинам, был в областном архиве, институте народного образования. Мне посоветовали обратиться в Житомирский университет, к ректору, дескать, в университете эта книга наверняка есть, а ректор — человек отзывчивый — поможет. Я направился в ЖГУ. В приемной пришлось ждать недолго, хотя был конец августа, и забот у ректора было много. На пороге небольшого уютного кабинета меня встретил очень приветливый, интеллигентного вида с небольшой бородкой человек. Мы познакомились. Оказалось, что мы оба родом из одного и того же района — Емильчинского. Я родился в селе Болярка, а Петр Юрьевич Саух — в селе Симаковка. Оба философы. С первых минут нашей беседы я почувствовал в лице хозяина кабинета очень открытого, доброжелательного, деликатного человека.

Петр Юрьевич рассказал о своем университете, об изменениях, происшедших в нем за последние годы, проблемах. Чувствовалось, что ректор большой патриот своего университета, любит его, гордится им. Он подарил мне книгу, которую я искал, а также публикации об университете. Договорились подумать о сотрудничестве

между Житомирским и Бурятским государственными университетами, хотя понимали, что наши вузы разделяют почти семь тысяч километров. И разговор о сотрудничестве, думалось мне, носит, скорее всего, ритуальный характер.

Как показали последующие годы, сотрудничество между ЖГУ и БГУ стало реальностью. К чести Петра Юрьевича, первый шаг на пути научного сотрудничества сделал именно он.

Встреча в Улан-Удэ. Дело в том, что в Бурятском госуниверситете совместно с Институтом философии, Институтом социологии РАН, Монгольским национальным университетом, начиная с 1994 г., один раз в 2–3 года проводятся международные научные конференции, так называемые «Байкальские встречи», посвященные проблемам интеллигенции. Очередная V «Байкальская встреча» на тему «Интеллигенция и нравственность» должна была состояться в конце июня — начале июля 2005 г. Мы пригласили на нее Петра Юрьевича. Несмотря на свою занятость, он откликнулся на наше приглашение и вместе со своим очень симпатичным сыном, тогда бакалавром Киевского национального университета им. Т. Г. Шевченко Юрием, прилетел в Улан-Удэ и выступил на пленарном заседании с прекрасным докладом «Интеллигенция: блеск и нищета феномена». Ученый подверг критическому анализу существующие концепции интеллигенции, выделил ее сущностные черты, показал, что в современном обществе с его прагматизмом, массовой культурой интеллигенция претерпевает кардинальные изменения: ее в классическом виде, как считает исследователь, очевидно, сегодня не существует. На смену интеллигенции, отличающейся внутренним единством своего бытия, высокими нравственными качествами, пришла новая интеллигенция, характеризующаяся глубоким расколом в своем социально-экономическом статусе, взглядах и позициях по отношению к глобализирующемуся миру, к своему народу, его традициям и национальным устремлениям. Петр Юрьевич раскрыл стратегию изменения теоретической модели интеллигенции. Участники конференции с большим вниманием слушали ученого из Украины. Своим нетрадиционным подходом к рассмотрению интеллигенции Петр Юрьевич дал хорошую пищу для размышления, ответил на вопросы участников научного форума.

Слушая Петра Юрьевича, я гордился своим земляком за глубину анализа обсуждавшихся вопросов, тонкое понимание проблемы, умение приковать к своим идеям внимание непростой аудитории. И по-доброму завидовал студентам Житомирского университета, которые имеют счастье слушать лекции, общаться со своим замечательным профессором, ректо-

ром. А то, что Юрьевич замечательный профессор, большой ученый, свидетельствуют его многочисленные содержательные научные, учебные труды, высокое признание отечественной и мировой научной общественности. Он — академик Академии наук высшей школы Украины, почетный академик Международной кадровой академии, заслуженный работник образования Украины и т. д.

Но профессор П. Ю. Саух не только известный ученый. Это многогранная, цельная личность. Лишний раз нам дали возможность убедиться в этом не только научные встречи, но и дружеское общение во время поездки на Байкал.

На Байкале. «А что там в глубине?». По традиции, конференции по проблемам интеллигенции продолжаются в пансионате Бурятского госуниверситета «Максимиха», который расположен на берегу Байкала. Это в 220 км от Улан-Удэ. Дорога к Байкалу хотя и длинная, но интересная. По обеим ее сторонам — кедры, березы, осины, поистине «зеленое море тайги». Крутые подъемы и спуски, особенно на начальном этапе пути. Петр Юрьевич с большим интересом всматривался в бесконечный таежный мир. Чувствовалось, что он очень любит природу. На остановках, а таких было несколько, он выходил из машины первым и вдыхал ароматный лесной воздух. Нередко при этом говорил: «Ну и красота здесь». Интересовался местными обычаями, традициями. Очень удивился, когда у дороги увидел деревья, украшенные разноцветными лоскутками ткани, аккуратно привязанными к веткам. Лоскутков было так много, что в некоторых местах за ними не было видно листьев. Места, где росли эти деревья, по преданиям, святые, в них обитают духи. Проезжающие мимо этих мест люди бросают на землю монеты. Это дань духам (или, как говорят, «хозяину» горы, местности...), чтобы в дороге ничего плохого не случилось. Нередко в таких местах останавливаются, пьют чай. Чаепитие, как правило, не обходится без рюмки водки. Петр Юрьевич с нескрываемым любопытством смотрел, как первая рюмка выплескивается в сторону леса, иначе говоря, отдается «хозяину», местным духам, чтобы их задобрить. Только после этого люди выпивают сами. Традиция есть традиция. Ей следуют не только приверженцы шаманизма или буддизма, но представители христианства и даже люди, не разделяющие религиозных взглядов. Мы тоже не рискнули ее нарушить.

Приехав в Максимиху и разместившись в своих комнатах, мы отправились на берег Байкала. Петра Юрьевича, впервые приехавшего в эти края, интересовало все: не загрязняется ли Байкал, что кроется в его глубинах, какая водится рыба, имеются ли здесь дома отдыха, турбазы, хотя чувствовалось, что наш гость и сам

много знает о Байкале, особенно о борьбе, которая велась в 60–80-е годы XX в. против его загрязнения, строительства целлюлозных комбинатов.

Думается, что интерес Петра Юрьевича к Байкалу, его судьбе, будущему — не простое любопытство. Этот интерес был выражением заботы, беспокойства подлинного интеллигента, независимо от того, где он живет, о будущем нашей земли, о бережном отношении человечества к тому бесценному богатству, которым оно сегодня располагает. А Байкал, как совершенно справедливо было сказано нашим гостем, — это жемчужина мировой природы.

У костра. Обращают на себя внимание демократизм, скромность Петра Юрьевича, его простота в общении. Находясь вечером у костра на берегу Байкала, он, так же как и молодые аспиранты, кандидаты наук, носил из леса хворост для костра, овладевал искусством жарить на рожне омуля, чистил картошку, рассказывал веселые истории, шутил. Это был свой человек в компании. С ним было интересно. Он обладает какой-то особой мягкой, доброй энергетикой, которая благотворно влияет на окружающих. Нам всем очень понравился сын Петра Юрьевича Юрий Петрович, такой же интеллигентный, деликатный, любознательный, как и отец.

В дацане. Наших гостей интересовала своеобразная культура Востока, буддийские традиции. Мы побывали в Иволгинском дацане (центре буддизма в России), в улан-удэнских музеях, съездили в соседнюю Монголию, один вечер был посвящен встрече Петра Юрьевича с ректором БГУ, профессором Степаном Владимировичем Калмыковым.

Сотрудничество. У нас сложились не только хорошие личные отношения, но и поддерживаются научные связи между нашими вузами. Бурятский и Житомирский университеты проводят уже третью совместную международную научную конференцию в Улан-Удэ, Петр Юрьевич является сопредседателем оргкомитета конференции. Издано 6 томов материалов этих трех конференций. Под руководством Петра Юрьевича в Житомире с участием Бурятского госуниверситета проведены две международные научные конференции, посвященные вопросам толерантности. У нас с 1997 г. издается «Вестник Бурятского госуниверситета. Серия: Философия. Социология. Политология. Культурология», одним из зарубежных членов редколлегии является Петр Юрьевич. В журнале печатаются и статьи обществоведов Житомирского госуниверситета. Материалы ученых БГУ помещаются на страницах «Вестник Житомирского госуниверситета». Осуществляется обмен этими изданиями, а также некоторыми монографическими и учебными работами. В этой связи не могу не выразить слова искренней признательности

Николаю Адамовичу Козловцу за интересную монографию «Феномен національної идентинтичності: виклики глобализации». Некоторые члены нашей кафедры философии (а у нас из 16 членов кафедры — 12 докторов наук, профессоров) уже успели ознакомиться с этим капитальным трудом и высказать свою высокую оценку работы Николая Адамовича. Не только я, но и ряд моих коллег имели возможность прочитать подаренные мне Петром Юрьевичем прекрасные монографии «XX століття. Підсумки», Князь Василь — Константин Острозький» его учебное пособие «Філософія». Часто мысленно возвращают меня в родные края замечательные книги Михаила Ефимовича Кострицы, Геннадия Леонидовича Махорина и других уважаемых исследователей Житомирщины.

Научное сотрудничество, обмен литературой, личное общение имеют неоценимое значение для ученого. В этом отношении деятельность Петра Юрьевича, который устанавливает контакты, развивает связи, сотрудничество заслуживает самой высокой похвалы. Наука, образование без этого не могут развиваться. Таких связей у Житомирского университета, судя по всему, много.

Обояние и человечность. В один из моих приездов в Житомир Петр Юрьевич познакомил меня со своей очаровательной супругой Ириной Васильевной, доцентом Житомирского университета, очень чутким и внимательным человеком. Узнав, что моя мама, живущая в Новоград-Волынском, тяжело болеет, Ирина Васильевна нашла время съездить к ней, пригласив местного доктора, чтобы уточнить диагноз, побеседовать. Я искренне признателен Ирине Васильевне за ее человечность, участие, заботу. Такое не забывается.

Завершая, хочу подчеркнуть, что я счастлив, что у меня в Житомире есть прекрасный земляк, друг Петр Юрьевич Саух и его замечательная семья — добрые, талантливые, красивые люди.

Ректорат, коллектив Бурятского госуниверситета, автор этих строк сердечно поздравляют Петра Юрьевича с 60-летием со дня рождения и желают ему, его семье доброго здоровья, благополучия, новых творческих успехов на ниве образования, науки и культуры.

Статья опубликована в книге «Життеві імперативи та наукова школа професора Петра Сауха: наукова-популярне видання / Укладачі: О. В. Вознюк, В. М. Заглада, М. А. Козловець и др. Житомир. Видавництво ЖДУ ім. Івана Франко, 2007. С. 46–49.

ГОРДОСТЬ ЗЕМЛЯКОВ

Профессор А. О. Бороноев

Любовь к науке. Слова Д. И. Писарева «Кто раз полюбил науку, тот любит ее всю жизнь и никогда не расстанется с ней добровольно» могут служить эпиграфом к научной деятельности замечательного российского ученого, доктора философских наук, профессора Асалхана Ользоновича Бороноева.

Переступив порог Ленинградского университета в 1959 году и став его студентом, он уже почти 60 лет преданно служит своей «избраннице» социологии. Любовь к ней выражалась в рождении новых авторских концепций, научных направлений, создании многочисленных востребованных обществом социологических трудов, в подготовке достойной научной смены, в неустанной пропаганде социологических знаний, во многом другом. Наконец, любовь к социологии выразилась в таких конкретных формах, как в создании факультета социологии, в возрождении Русского социологического общества.

В 2017 г. А. О. Бороноеву, заслуженному деятелю науки Российской Федерации и Республики Бурятия, кавалеру орденов Знак Почета и Дружба, исполнилось 80 лет. Этой дате была посвящена всероссийская научная конференция (июль 2017 г. Санкт-Петербург), что свидетельствует о признании большого вклада Асалхана Ользоновича в российскую социологию.

Детство, армия, осуществление мечты. Родился А. О. Бороноев 25 июня 1937 г. в улусе Старый Хогот Эхирит-Булагатского аймака Бурят-Монгольской АССР (ныне деревня в Баяндаевском районе Иркутской области). Его детские и юношеские годы были трудными. Он рано лишился отца. Все заботы по хозяйству, о детях легли на плечи матери. Часть этих забот брал на себя Асалхан. До 1955 г. учился в школе, после окончания которой работал в колхозе, сотрудником окружной газеты, служил в армии — сначала в Дальневосточном, потом в Прикарпатском военных округах. Закончил службу в звании сержанта. В 1959 г. поступил на философский факультет Ленинградского университета. Первоначально хотел стать психологом, но в приемной комиссии

университета посоветовали идти на философию. К тому же у психологов был большой конкурс. Он с детства мечтал учиться в вузе, чтобы потом приносить пользу людям. Мечта сбылась: он стал студентом одного из ведущих и старейших вузов страны.

Философский факультет. Учиться было у кого и было чему. Известный социолог профессор И. С. Кон, которого, кстати, по его признанию, дважды «провалил» совет философского факультета (в 1955 и в 1956 гг.), не приняв его в число своих преподавателей, пишет: «Философский факультет ЛГУ конца 1950-начала 1960-х годов был одним из лучших философских учреждений страны. Хотя таких блестящих молодых философов, как Зиновьев и Ильенков, в Ленинграде не было, уровень преподавателя по тем временам был неплохим. Василий Петрович Тугаринов (1898–1978) обладал природным философским мышлением, сам мыслил нестандартно и ценил это в других..., он первым в стране инициировал разработку ряда философских категорий и теории ценностей, которую тогда считали буржуазной. Многие профессора и доценты также разрабатывали новые проблемы. В. И. Свидерский (1910–1997) обладал непререкаемым авторитетом в вопросах философии естествознания и вырастил целую плеяду талантливых учеников вроде В. П. Бранского. Л. О. Резников (1905–1970) был крупнейшим специалистом в области теории познания и философии языка.

В. А. Штоф стал одним из родоначальников отечественной философии науки. М. С. Каган заслуженно считается самым выдающимся светским эстетиком. Ленинградская кафедра этики и эстетики, которой заведовал Владимир Георгиевич Иванов... считалось сильнейшей в стране. Очень сильной была история русской философии, находившаяся в те годы под запретом. На факультете успешно развивалась математическая логика (И. Н. Бродский, О. Ф. Серебрянников). На психологическом отделении, которое возглавлял Б. Г. Ананьев (1907–1972) ... трудились такие выдающиеся ученые, как В. Н. Мясищев (1893–1973) и Л. М. Веккер (1918–2001)» [1].

Этот перечень был бы далеко не полным, если в него не включить таких известных в стране ученых, как А. А. Сатыбалов, Б. А. Чагин, Б. Д. Парыгин, Е. С. Кузьмин, А. А. Галактинов, П. Ф. Никандров, которые работали на философском факультете ЛГУ.

Здесь трудился сменивший В. П. Тугаринова на посту декана профессор Василий Павлович Рожин (1908–1986), который активно и последовательно поддерживал развитие новых направлений в философии и смежных науках. Благодаря усилиям В. П. Рожина на факультетах была создана первая в СССР социологиче-

ская лаборатория, которую возглавил В. А. Ядов, ставший со временем одним из самых выдающихся советских социологов. Позже В. А. Ядов был переведен в Москву на должность директора-организатора Института социологии АН СССР.

Высокоинтеллектуальная среда на факультете, общение с известными учеными стимулировали хорошую учебу. Позже Асалхан Ользонович скажет, что, начиная с первых дней пребывания в университете и все последующие годы, учиться было интересно. Этому благоприятствовала и все больше утверждающаяся в обществе новая социально-политическая и духовная атмосфера, именуемая «оттепелью». Это было интересное время: более открыто стали говорить о проблемах в обществе, в науке, обсуждать вопросы развития в стране демократии, появилась масса различных общественных организаций с частичной передачей им некоторых функций государственных органов власти. Стали печататься в газетах статьи с критикой власти. Элементы демократизации общественных отношений проникали и в вузовскую среду. Расширялись полномочия общественных организаций, их представители вводились в состав Ученых советов, приемных, стипендиальных комиссий и др.

С момента поступления в ЛГУ в этих процессах активное участие принимает А. О. Бороноев. Он обладает не только страстным стремлением к знаниям, но и желанием проявить свои организаторские способности. Начало этому было положено в процессе трехлетней службы в рядах Советской армии, в должности командира орудия. Причем служба была весьма успешной. Был отличником боевой и политической подготовки. За поражение воздушных мишеней во время артиллерийских стрельб он дважды побывал в родных местах. В годы студенческой учебы избирался членом профкома, заместителем председателя, председателем студенческого профкома университета. Деятельное участие в общественных делах было неотъемлемой частью всей его последующей жизнедеятельности. Оно не мешало ему хорошо учиться. Нередко в студенческой жизни случается: увлекся общественной работой — запустил учебу. Асалхан Бороноев, по воспоминаниям его однокурсников, умел сочетать одно с другим — хорошо учиться и быть уважаемым профсоюзным руководителем. Природные данные, традиции родительского дома, служба в армии с ее дисциплиной, строгой организацией, духовно-нравственный климат на самом факультете, элементы здорового честолюбия сформировали у студента качества ответственности, самоорганизованности, умение учиться, навыки управления.

В процессе учебы А. О. Бороноев все больше проявляет интерес к новым в вузовской учебно-научной сфере

дисциплинам — социологии, социальной психологии. Это нашло свое отражение в курсовых работах под руководством профессора А. Г. Здравомыслова, в дипломной работе по истории русской социологии у профессора П. Н. Никандрова. Он принимал участие в социологическом исследовании по теме: «Формирование отношения к труду» под руководством В. А. Ядова, участвовал в семинарах А. А. Галактионова и П. Ф. Никандрова по истории русской философии.

Ступени роста. После окончания университета А. О. Бороноев был рекомендован в аспирантуру на кафедру философии для гуманитарных факультетов, которой заведовал профессор В. П. Тугаринов. Рекомендация заведующего была не случайной. Василий Петрович заметил у студента большой интерес к знаниям, прилежание. В 1968 г. после успешной защиты кандидатской диссертации «Методологические вопросы исследования национальной психологии» Василий Петрович предложил ему на своей кафедре должность ассистента. Там А. О. Бороноев работал ассистентом, старшим преподавателем, доцентом. Важным этапом в его научной деятельности стало начало 80-х годов: в 1980 г. он блестяще защитил докторскую диссертацию «Нравственно-психологическое единство образа жизни советского народа», а в 1982 г. ему было присвоено ученое звание профессора, что заметно повлияло на его дальнейшую деятельность. В 1986 г. А. О. Бороноев был избран заведующим кафедрой, а в 1987 г. — директором Научно-исследовательского института комплексных социальных исследований при ЛГУ (НИИКСИ).

Декан. Духовный отец. 1989 г. назначен деканом- организатором факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета, с 1990 года по 2000 год — первый декан этого факультета, один из организаторов фундаментального социологического образования в нашей стране. Таковы ступени научного и научно-должностного роста А. О. Бороноева. Говоря о своей деятельности в университете, Асалхан Ользонович всегда с большой теплотой вспоминает своего учителя, наставника, который был с ним рядом в годы ею становления как ученого, помогал встать на каменистую трапу науки.

В одной из своих статей Асалхан Ользонович писал: «Моим духовным отцом на факультете стал выдающийся философ и социолог Василий Петрович Тугаринов, который заметил меня и пригласил на кафедру в аспирантуру, а потом предложил должность ассистента. Я чрезвычайно ценю его труды, его вклад в науку и его отношение ко мне. Портрет учителя и наставника висит сегодня в моем кабинете. Под моей редакцией подготовлены и изданы его «Избранные философские труды» [2]. В 1978 г. А. П. Тугаринов

ушел из жизни. Заслуживают всяческого уважения те, кто бережно относится к памяти о своем учителе, духовном родителе. «Это — как пишет профессор В. Д. Виноградов — очень добрая, разумная и замечательная традиция. Моим Учителем на всю жизнь, — продолжает автор, — останется Акат Калисгратович Белых, доктор философских наук, профессор, сибиряк[1], который в мои студенческие годы пригласил меня на «разговор» и предложил подавать заявление в аспирантуру. До сих пор незримо чувствую его присутствие в острые моменты современного бытия и размышляю — как бы он поступил в каждой непростой сложившейся ситуации. Преемственность в науке, в педагогической работе, любой сфере человеческой деятельности — великая ценность, которую надо беречь и приумножить» [3].

Во главе кардинальных перемен. Будучи преемником и продолжателем замечательных университетских традиций, А. О. Бороноев со своим коллективом смело решал новые нетрадиционные задачи. Его избрание заведующим кафедрой философии совпало с Всесоюзным совещанием заведующих кафедрами общественных наук (октябрь 1986 г.). В соответствии с документами, принятыми после совещания, курс Марксистско-ленинской философии сменился Введением в философию. Разрабатываемые в вузах новые модели философии философского курса включали в себя базовый курс (без разделения на традиционные части «диамат» и «истмат») и систему спецкурсов — разных и в то же время связанных с профилем факультетов. Менялась структура, характер всех обществоведческих курсов.

Потребовались кардинальные меры по очеловечиванию философии и других общественных дисциплин, освобождению их от чрезмерной идеологизации и политизации, от трактовки их лишь с марксистко-ленинских позиций. Философия и другие курсы были переориентированы в сторону развития гуманитарного мышления и мировоззрения. Эта работа потребовала немалых усилий и времени у членов кафедры, ее руководителя. Но она в своей основе, как нам представляется, соответствовала умонастроениям обществоведов, давно чувствовавших необходимость кардинальных перемен в сфере своей деятельности.

Через год (в 1987 г.) А. О. Бороноеву как директору НИИКСИ пришлось решать новые задачи. По его инициативе была создана лаборатория этнической и исторической социологии. Изменилась тематика исследований. Центральной темой, объединившей

---

[1] А. К. Белых родился в Бурятии в с. Бичура. Блестяще закончил Бичурскую среднюю школу, поступил в Ленинградский университет на философский факультет, который окончил с отличием. Там же окончил аспирантуру. Стал доктором философских наук, профессором. В последующем 40 лет работал в ЛГУ. В том числе многие годы в качестве заведующего кафедрой (*И.О.*).

весь коллектив института, стала — «Социальное развитие человека» (1988), ее программа была разработана, принята и осуществлялась под руководством А. О. Бороноева.

Не меньше усилий им было приложено при создании факультета социологии. Особенно в поисках подходящего помещения, формировании профессорско-преподавательского состава. Благодаря специальному решению исполкома Ленсовета факультет разместился в Смольном. В настоящее время факультет социологии СПбГУ является одним из ведущих учебно-научных центров страны. В нем обучается около 1300 студентов, работает более 300 сотрудников, из них 130 преподавателей.

С момента образования кафедры теории и истории социологии (с 1990 г.) получило дальнейшее развитие отечественная социология. А. О. Бороноевым была создана исследовательская группа по изучению истории российской социологии, которая подготовила ряд научных статей, вышедших в виде отдельных сборников под общим названием «Российская социология». В них получил развитие теоретических дискурс российской социологии. Эти исследования явились значительным вкладом в отечественную социологию. Под руководством А. О. Бороноева поднят огромный исторический пласт российской социологии. Благодаря его заботам, подвижническому труду увидели свет в новой России лучшие произведения зачинателей российской социологии — М. М. Ковалевского, И. К. Михайловского, П. А. Сорокина, К. М. Тахтарева, Н. И. Кареева, Е. В. де-Роберти.

Издано учебное пособие «Классика российской социологии» (СПб., 2006, в соавторстве). Отрадно то, что исследования по истории отечественной социологии продолжаются. Пишущий эти строки искренне признателен и благодарен Асалхану Ользоновичу за присланные ему замечательные книги.

Одновременно А. О. Бороноев большое внимание уделяет разработке общих проблем социологии. В течение многих лет он является одним из организаторов исследований в области теории социологии. Под его руководством издано 7 выпусков «Проблемы теоретической социологии» (1994–2009).

В поле научных интересов А. О. Бороноева прочное место занимают проблемы этнической социологии и психологии, которые он разрабатывает с 1965 г. Одним из первых он обосновал предмет и структуру этих направлений. Сформировал совместно с П. И. Смирновым концепцию ценностно-деятельностного подхода. Он — один из зачинателей социальной антропологии как специальности (1993) и научного направления в России.

Продолжатель сибиреведения. Асалхан Ользонович является продолжателем петербургского сибиреве-

дения. «Профессор Бороноев, — пишет декан факультета социологии СПбГУ профессор Н. Г. Скворцов, — является крупным исследователем территориальной ментальности и идентичности, прежде всего сибирской, и в этом смысле он — преемник университетской традиции. Именно первый ректор Санкт-Петербургского университета профессор Г. Миллер был родоначальником петербургского сибиреведения. Под редакцией А. О. Бороноева опубликованы сборники научных трудов: «Сибирь. Проблемы сибирской идентичности» (СПб., 2003), «Проблемы сибирской ментальности» (СПб., 2004), по его инициативе состоялись 2 всероссийские конференции по сибиреведению (в 2002 г. в Санкт-Петербурге, в 2006 г. в Улан-Удэ). Эта работа продолжается и вызывает большой интерес в научных кругах» [4].

Профессор А. О. Бороноев — организатор и ответственный редактор ряда периодических изданий:

- 4 выпуска серии «Российская социология»;
- 10 томов «Российские социологи»;
- 2 выпуска «Человек в зеркале науки»;
- 7 томов «Проблемы теоретической социологии».

Эти издания характеризуются высоким научно-теоретическим уровнем. Они востребованы не только социологами, но и представителями других обществоведческих отраслей знания.

Лично Асалханом Ользоновичем опубликовано свыше 300 научных работ в отечественных и зарубежных издательствах, в том числе 4 монографии, 2 учебных пособия.

Функционирует авторитетная научная школа. Под его научным руководством защищены 61 кандидатская и 14 докторских диссертаций.

Наверно немногие ученые могут назвать подобные цифры. За этими цифрами — широкая эрудиция, глубокие знания и огромный труд ученого.

А. О. Бороноев свою плодотворную научную работу успешно совмещает со столь же активной общественной деятельностью. В советское время он неоднократно избирался руководителем партийной и профсоюзной организации университета, членом Ленинградского ГК КПСС. С 1987 по 2002 г. был председателем Головного совета по социологии Министерства образования и науки РФ, более 20 лет был членом Ученого совета университета, столько же лет возглавлял Диссертационный совет по защите докторских диссертаций по социологии, многие годы является членом редсовета журнала «Социс», членом редколлегии «Журнала социологии и социальной антропологии», членом международного редакционного совета «Евразийство и мир» (Улан-Удэ, БГУ) и многих других журналов.

Профессор Бороноев — инициатор интересных начинаний. В 1993 г. он выступил с предложением возрождения Российского социологического общества имени М. М. Ковалевского. До 2007 г. был его представителем (в настоящее время — почетный председатель). На факультете ежегодно проводятся социологические Ковалевские чтения.

По инициативе Асалхана Ользоновича был введен и празднуется в России День социолога — 14 ноября.

Все это характеризует А. О. Бороноева не только как крупного ученого, интеллектуала, но и как подлинного российского интеллигента, обладающего лучшими человеческими духовно-нравственными качествами.

Обыденное сознание справедливо относит к подлинным интеллигентам тех людей, которые не только образованы и занимаются интеллектуальным трудом, но, прежде всего, реализуют в своей жизни принципы нравственности и доброты, которым присуще обостренное чувство справедливости.

Преданность малой Родине. О глубокой интеллигентности А. О. Бороноева свидетельствует его отношение к малой Родине. Все годы его жизни в Ленинграде (ныне Санкт-Петербурге) наполнены интересом, заботой о людях Сибири, Бурятии, Усть-Орды, его родного Старого Хогота. Как ученый, А. О. Бороноев является продолжателем петербургского сибиреведения. В этих исследованиях активное участие принимали и принимают ученые Бурятии. А. О. Бороноев тесно связан с интеллигенцией Иркутской области, Бурятии. Он был участником всех шести Всебурятских съездов, состоявшихся в Улан-Удэ, где выступал с речью о защите национальной культуры. Является профессором-совместителем кафедр социологии Бурятского государственного университета и Восточно-Сибирского государственного университета технологии и управления. Постоянно выступает с докладами на научных конференциях. Оказывает действенную помощь в подготовке научных кадров. Для Бурятии им подготовлено четыре доктора социологических наук — Ц. Ц. Чойропова, З. А. Данилову, О. А. Очирову, Э. Д. Дагбаева. Все они защитили свои диссертации на социологическом факультете СП(б)ГУ.

О. А. Бороноев бывает в своей деревне, интересуется жизнью земляков. К сожалению, деревня уже не та, что была в годы его молодости. С волнением посещает школу, которая отметила свое 150-летие. Школа теперь носит имя своего бывшего ученика. Несколько лет назад он делился мечтой — создать в школе музей коня. К коню он неравнодушен с детства. Собирал литературу для будущего музея литературу, фотографии, рисунки и даже сбрую. Все это подчеркивает его доброту, чуткость, искренность, внимание.

Профессор А. О. Бороноев проявляет заботу о сохранении развитии

пропаганде бурятской, в том числе буддийской культуры не только на своей малой Родине, но и там, где живут и трудятся представители бурятского этноса.

Он является почетным президентом Санкт-Петербургского благотворительного фонда «Общество бурятской культуры Ая-Ганга», членом Совета ВАРК.

О его замечательных человеческих качествах хорошо написал его друг, заслуженный деятель науки России, доктор философских наук, профессор В. И. Антонов, мы приведем один из абзацев его прекрасной статьи: «Асалхан Ользонович напрочь лишен какого бы то ни было самомнения. Всегда прост, доступен и открыт для общения, особенно творческого. Отличается удивительной предрасположенностью к сопереживанию, способностью отзываться необходимой помощью в минуты трудности, склонностью к добрым и умным советам. Не переносит фальши, притворства. Обладает большой силой духа. Ему присуща особая твердость характера: он у него, безусловно, с алмазной начинкой» [4].

Признание. Профессор А. О. Бороноев за многолетний подвижнический труд был удостоен многих высоких наград. Он награжден орденами «Знак Почета», Дружбы, удостоен почетных званий «Заслуженный деятель науки Российской Федерации», «Заслуженный деятель науки Республики Бурятия», «Почетный профессор Санкт-Петербургского государственного университета», «Почетный профессор Восточно-Сибирского государственного технологического университета», серебряной медали имени В. И. Вернадского, медалей имени Н. Д. Кондратьева, имени П. А. Сорокина, медали Кубинской академии наук, юбилейных медалей университетов Ориенте, Билефельда. Ему присуждены почетный диплом университета Ориенте, премия имени Сократа Национальной академии ювенологии, премия имени Г. И. Петровского.

Он избран действительным членом четырех общественных академий. Таким Асалхан Ользонович Бороноев встретил свое 80-летие. Он пришел к этой юбилейной дате как талантливый ученый-исследователь в области социологии и крупный организатор науки, как человек, внесший большой вклад в развитие российской социологии, в подготовку высококвалифицированных научных кадров. Впереди — новые планы, новые каменистые тропы. Здоровья Вам и успехов, дорогой Асалхан Ользонович, на этом нелегком пути!

Литература

1. Кон И. 80 лет одиночества. М.: Время, 2008. С. 57–58.

ВО ГЛАВЕ МОЛОДЕЖИ И ВЕТЕРАНОВ

Доцент С. В. Евдокимова

Имя Светланы Васильевны Евдокимовой является одним из популярных и уважаемых в коллективе Бурятского государственного университета. Она прекрасный ученый-историк, замечательный преподаватель, руководитель ветеранской организации, отличник народного просвещения РСФСР, заслуженный работник культуры Республики Бурятия, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Родилась она в г. Черемхово Иркутской области в семье служащих. Мать — экономист-бухгалтер. Отец, студент Иркутского финансово-экономического института, погиб в 1943 г. на фронте Великой Отечественной войны.

С. В. Евдокимова после окончания Черемховской средней школы в 1957 г. поступила на историко-филологический факультет Бурятского государственного педагогического института. В том же году я тоже стал студентом того же факультета. Светлана Васильевна была студенткой 91-й группы, я — 90-й. Учеба и наша многолетняя работа связаны сначала с Бурятским педагогическим институтом, а с 1995 г. — с Бурятским государственным университетом.

Начиная с первого курса Светлана Евдокимова все последующие годы была одной из лучших студентов факультета. Всегда готовилась к семинарским занятиям, выступала с интересными сообщениями, сдавала экзамены на «хорошо» и «отлично». Помнится, наши академические группы соревновались между собой. В 91-й группе выделялись своей активностью Светлана Евдокимова, Тамара Ломухина, Самбу Тулесонов, Юлия Колодина, Лидия Чултумова. В нашей — Руфина Арефьева, Нина Емельянова, Оля Трапезникова, Зина Рябкова, Тамара Орлова.

В студенческие годы С. В. Евдокимова проявляла интерес к научно-исследовательской работе. Участвовала в кружке, руководителем которого был Е. Е. Тармаханов. Ее талант особенно ярко проявился в художественном творчестве. Ни один концерт на факультете не обходился без песен Светланы Евдокимовой. Была

членом популярного городского молодежного ансамбля «Привет». Пользовалась уважением среди как преподавателей, так и сверстников.

В аспирантуре. После окончания в 1962 г. пединститута С. В. Евдокимова была приглашена работать на кафедру истории СССР. В 1967 г. поступила в аспирантуру МГПИ им. В. И. Ленина, где получила хорошую теоретическую и методическую подготовку по истории СССР. Однако в связи с защитой по сходной теме диссертации в другом городе и смертью научного руководителя пришлось Светлане Васильевне сменить тему, хотя львиная доля по прежней теме была выполнена. Исследование было начато в аспирантуре при кафедре истории СССР Иркутского государственного университета по новой теме «Социально-экономическое развитие городов Забайкалья в конце XVIII — первой половине XIX в.» под научным руководством доктора исторических наук, профессора А. С. Кузнецова. Новая тема потребовала значительных усилий, особенно в поиске нужных архивных материалов. В 1983 г. диссертация была успешно защищена.

Монографии. После защиты диссертации Светлана Васильевна продолжила разработку данной темы. В последующие годы ею были написаны и изданы новые работы, общее их количество превысило 100 названий, в том числе 6 индивидуальных и коллективных монографий. Среди научных трудов выделяется своей новизной и актуальностью книга «Социально-экономическое развитие городов Забайкалья в XVII–XIX вв.» (Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2007). В монографии раскрываются предпосылки формирования городов, их населения, этапы развития, структура, внешние связи, экономическая, культурная жизнь городских поселений, административно-управленческая составляющая городов.

С. В. Евдокимова — соавтор крупных коллективных монографических исследований: «Улан-Удэ — 350. История и современность» (в 2 т., отв. ред. академик Б. В. Базаров, 2016); «История Бурятии» (в 3 т., гл. ред. чл.-кор. РАН Б. В. Базаров. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011) 2011); «В битве решалась судьба поколений» (Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2015) и др.

Издано учебное пособие для учащихся 9–10-х классов «История Улан-Удэ» (Улан-Удэ, 2016).

Преподаватель. На протяжении 50-летней деятельности на историческом факультете Светлана Васильевна читала многие основные и вспомогательные исторические курсы. Ее лекции всегда вызывали интерес у студентов. Они характеризовались своим глубоким содержанием, яркой формой изложения изучаемого материала. Студенты с желанием посещали ее семинары и спецкурсы: на них царил

дух активного коллективного поиска истины, при этом преподаватель умело стимулировал инициативу обращения к новым идеям, концепциям, которые выдвигались исследователями, публиковались в современных изданиях, приучал к аналитическому, критическому их восприятию.

Студентам импонировали доброжелательность, доступность, открытость преподавателя. Эти качества особенно проявились во время работы С. В. Евдокимовой заместителем декана исторического факультета. Она умела строить отношения как со студентами, так и с профессорско-преподавательским коллективом.

Проректор. Председатель совета ветеранов. Талант руководителя, умение работать с людьми проявились в ее дальнейшей деятельности в качестве проректора по заочному обучению, а с 2007 г. — председателя совета ветеранов Бурятского государственного университета.

За годы работы в ректорате она проявила себя как опытный, добросовестный руководитель. Увеличилось количество студентов, обучающихся без отрыва от производства. Совершенствовалась работа со студентами. За это время многие учителя получили диплом о высшем образовании.

Светлана Васильевна и сегодня продолжает работать с молодежью. Она трудится в отделе по работе со студентами. Помогает им решать социальные проблемы.

Будучи руководителем ветеранской организации, С. В. Евдокимова стремится охватить влиянием совета всех людей данного возраста. В университете проводились различные мероприятия, в которых участвовали ветераны. Ежегодно торжественно отмечаются праздники Победы в Великой Отечественной войне. На них присутствуют представители ректората, общественных организаций, ветераны, им вручаются цветы, сувениры, отмечаются День пожилого человека, другие знаменательные даты. Издаются книги, в которых рассказывается о подвигах ветеранов на фронтах Великой Отечественной войны и в тылу. Так, в 2015 г. издана книга И. И. Осинского и С. В. Евдокимовой «В битве решалась судьба поколений» (230 с.), в которой повествуется о мужестве и отваге преподавателей и студентов на фронтах войны и о самоотверженном труде в тылу. Запоминающимся был «Вечер педагогических династий», организованный советом ветеранов.

В течение 16 лет в университете существует хор ветеранов, в котором состоит 30 человек (от 65 до 89 лет). Хор со своим интересным репертуаром — желанный гость не только в сельских районах. Он часто выступает на торжественных мероприятиях в г. Улан-Удэ. Является победителем всероссийского и многих республиканских конкурсов.

Ветераны участвуют и в других мероприятиях. Для них созданы кружки по обучению компьютерной грамоте, бурятскому, иностранным языкам. Проводятся спортивные соревнования. Ветераны с благодарностью воспринимают заботу о них совета ветеранов и его руководителя.

Светлана Васильевна обладает прекрасными личностными человеческими качествами. Ей присущи открытость, сердечность, доброта, стремление помочь тому, кто в помощи нуждается. Она до сих пор поддерживает связи со всеми своими одногруппниками, интересуется их жизнью, здоровьем. Хотя прошло уже 56 лет, как они расстались с пединститутом.

Семья. У Светланы Васильевны дочь Ольга Анатольевна (занимается бизнесом), внук Василий и внучка Патимат (имеют высшее образование) и два правнука.

УЧЕНЫЙ И ЧЕЛОВЕК

Член-корреспондент РАО В. А. Кобылянский

Путь в науку. Впервые я встретился с Виктором Аполлоновичем в Иркутске на заседании диссертационного совета в университете. Я увидел высокого, стройного, широкоплечего, с виду сильного, волевого человека. Густая черная борода придавала его лицу некоторую строгость и даже суровость. Но добрые глубокие глаза смягчали это впечатление. Держался он свободно, с достоинством. Как мне показалось, не торопился туда, где собиралось много людей и что-то бурно обсуждалось.

В перерыве между заседаниями нас познакомил председатель диссертационного совета профессор Николай Сергеевич Коноплев. Оказалось, что наши родословные корни на Украине: его в Хмельницкой, мои в соседней Житомирной области. Но так как я учился в Хмельницкой обла-

сти в педучилище, а потом там же и работал почти два года, то его родные в прошлом места я хорошо знал и, естественно, зашел разговор о тех краях. Родился же В. А. Кобылянский в селе Кудега Читинской области. Поговорили и о наших научных интересах. Виктор Аполлонович рассказал, что занимается комплексным изучением проблем человека в условиях Забайкалья. Договорились о сотрудничестве. А через некоторое время он стал членом диссертационного совета при Бурятском университете. Из Читы в нашем совете он был в единственном числе. Мы бы рады участию Виктора Аполлоновича в совете. Это был серьезный ученый, философ, получивший основательную подготовку в ведущих учебно-научных учреждениях СССР. В 1963 г. окончил географический факультет Ленинградского государственного института.

С 1968 г. преподавал философию в Читинском государственном педагогическом институте. В 1974 г. закончил аспирантуру в МГУ им. М. В. Ломоносова. В 1975 г. там же защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата философских наук по теме «Соотношение природы и общества» (исследование методологии проблемы)». В 1988 г. в Институте философии АН СССР защитил докторскую диссертацию по философии на тему «Социально-философские основы теории взаимодействия природы и общества». В Читинском пединституте работал заведующим кафедрой философии (1975–1983, 1987–1992), с 1993 – профессором кафедры и заведующим лаборатории по комплексному изучению человека. Позже был избран членом-корреспондентом Российской Академии образования.

Научные труды. Он написал ряд научных трудов, в том числе: монографии «Природа и общество: специфика, единство, взаимодействие» (Красноярск, 1985, 200 с.); «Русская идея и возрождение России» (Иркутск, 160 с.).

В трудах В. А. Кобылянского предлагается теоретическая концепция взаимоотношения природы и общества как различных и взаимопроникающих образований. Выделяются две формы бытия природы — естественная (область взаимодействия «Слепых бессознательных» сил) и очеловеченная (организованная деятельность людей), а также два уровня общественной жизни — социальный и технологический (очеловеченоприродный в его подчиненности социальному).

Анализ общества. Экосистема трактуется им не как биологическое или биоцентричные, а как общеначальное понятие; она рассматривается как единство и взаимодействие любого центрального объекта («хозяина») и экосреды, находящихся на одном и том же и разных уровнях. Особой разновидностью экосистем являются

экологические системы, взаимодействующие компоненты, которые занимают качественно отличные уровни. Специфическими объектами комплекса экологических наук, общей теории экологии, гео-, био-, социо-, антропоэкологии выступают межуровневые взаимодействия. Одноуровневые взаимодействия исследуются неэкологическими науками. На этой основе определяются сфера и структура экологического знания, сущность и содержание экологического образования. Кобылянский занимается также исследованием комплексного человековедения, «россиеведения», национально-ориентированного образования и воспитания [1].

В диссертационном совете. Будучи специалистом в области теории бытия и взаимодействия природы и общества, философии экологии и экологического образования, В. А. Кобылянский принимал активное участие в работе диссертационного совета. Нередко темы диссертаций были в русле его научных интересов.

Он охотно рецензировал и оппонировал диссертации, выступал в ходе обсуждения защищавшихся работ, в возникавших дискуссиях. Его выступления были всегда хорошо продуманными, глубокими, интересными. Он не стремился часто выступать, но выступал тогда, когда возникала потребность в выявлении новизны в работе, оценке обсуждавшейся проблемы, или в поддержке интересных выводов, мыслей исследователя. Если в процессе обсуждения работы он не разделял чьей-то точки зрения, то обосновывал это, объяснял свое понимание проблемы. Он, как говорится, не умел кривить душой. Поступал как истинный ученый. В то же время его критика была конструктивной, корректной и доброжелательной.

Члены диссертационного совета с большим уважением относились к Виктору Аполлоновичу. Высоко ценили его за профессионализм, порядочность, интеллигентность. Видели в нем своего единомышленника, прекрасного коллегу. Виктор Аполлонович чувствовал это. Он мне как председателю совета говорил, что с удовольствием участвует в работе совѐта, ему нравится атмосфера, которая существует здесь, основанная на высоком профессионализме, принципиальности и доброжелательности. Говорил, что участие в совете, общение с коллегами обогащает его. Он получает здесь много для себя. Кстати, на совете защищали свои диссертации и воспитанники Виктора Аполлоновича. Среди них С. В. Путилов, А. И. Гарлик, Е. Ю. Агаркова, М. И. Варакина, Е. А. Соколова и др. Надо сказать, что это были добротные исследования, которые, как правило, получали при защите высокую оценку.

О национальной идее. Во время его приездов в Улан-Удэ мы часто с ним беседовали о проблемах науки, о трудностях, с которыми сталкивались

исследователи в 90-е годы, да и просто о всяких житейских делах. В науке его особенно занимали вопросы экологии, взаимодействия природы и общества, проблемы национальной идеи и др. Помню, как однажды (это было весной 1997 года) после рабочего дня мы вдвоем сидели у нас на кафедре, и Виктор Аполлонович делился своими размышлениями о национальной идее. В те годы на официальном уровне ставилась задача разработки общенациональной идеи для России. Виктор Аполлонович считал, что эта задача поставлена с большим запозданием. Он решительно отвергал возможность сконструировать общенациональную идею какой-то узкой «доверенной» группой лиц на голом месте, в отрыве от нашей реальной истории и имеющейся традиции, от того, что уже сделано в этом направлении.

– А что такое национальная идея? В литературе ведь — разнобой мнений — поинтересовался я.

– В том-то и дело, — оживился Виктор Аполлонович, — что существует масса вопросов: и что такое национальная идея? И возможна ли она? И нужна ли эта идея? На мой взгляд, идея не только нужна, она просто необходима. Не случайно Ф. М. Достоевский писал, что «без высшей идеи не может существовать ни человек, ни нация». Но имеет ли право на существование русская идея в многонациональном государстве? А может быть русская идея является вместе с тем российской идеей? Политолог В. Никонов пишет, что российская национальная идея должна быть денационализированной, в противном случае это, дескать, грозит развалом страны. Встречается и много других точек зрения. Я считаю, — подчеркнул Виктор Аполлонович, — что будущее России связано не с «денационализацией» национальной идеи, не с ликвидацией национальных различий, а с созданием условий для расцвета всех наций и народностей на всей территории России, в том числе и в бывших автономиях, но не в ущерб другим и не за счет других — под каким бы предлогом это ни провозглашалось. Таким, думается мне, должен быть научный, нравственный и, вместе с тем, государственный подход к этой проблеме, которая настоятельно требует своего практического решения — заключил Виктор Аполлонович.

Через два месяца, 25–27 июня 1997 г., на базе Бурятского университета планировалось проведение международной научной конференции «Интеллигенция в современном обществе: национальный и региональный аспекты», и я пригласил его выступить на пленарном заседании с докладом на тему, которую мы обсуждали. Вскоре был получен текст его доклада, а в 20-х числах Виктор Аполлонович со своей очень обаятельной супругой Раисой Георгиевной приехал на конференцию, и выступил на пленарном заседании с докладом «Интеллигенция и нацио-

нальная идея», который был с одобрением воспринят участниками конференции. Кстати, он и раньше участвовал в международных конференциях, которые проводились на базе нашей кафедры. Все его доклады опубликованы в материалах конференций. Кроме того, он присылал рукописи своих статей для «Вестника Бурятского университета (серия: «Философия, социология, политология, культурология»)». Они всегда отличались своей актуальностью, добротностью и печатались на страницах этого издания.

Виктор Аполлонович как творчески мыслящий ученый много писал. Его работы печатались в центральных и местных научных издательствах. Почти каждый раз, когда он бывал в Улан-Удэ, то привозил свои книги, статьи, учебные пособия и дарил их своим друзьям, коллегам, обязательно сопровождая эти замечательные подарки добрыми, искренними пожеланиями. Вот и сейчас, когда я пишу эти воспоминания, передо мной лежит одна из его книг «Философия экологии: общая теория экологии, геоэкология, биоэкология», изданная в Москве в 2003 году. Размашистым красивым почерком надписано: «Дорогому Ивану Иосифовичу Осинскому с глубоким уважением и благодарностью за многолетнее сотрудничество от автора». 26.01.04 г. Подпись. Это была его последняя книга, подаренная мне. Как прощание.

Однажды, лет 9–10 назад, когда мы прогуливались с ним по нашей Улан-Удэнской площади Советов, он как-то, между прочим, посетовал, на свое здоровье, мол, иногда подводит. Я, видя его всегда бодрым, спокойным, жизнерадостным, слегка пошутил:

– Виктор Аполлонович, к тебе разве посмеют приблизиться какие-то недуги? У тебя имя — Виктор — победитель. Сын Аполлона. А Аполлон — Бог света, один из самых почитаемых богов Греции. Ему, сыну Зевса, завидовало даже Солнце. А главное, у тебя есть не только небесная, но и земная, самая надежная защита — Раиса Георгиевна.

Виктор Аполлонович мягко улыбнулся: «Да, правильно».

Последняя встреча. Последний раз мы встречались в Чите на международной конференции «Трансграничье в изменяющемся мире». Это было в октябре 2006 г. Он был одним из руководителей симпозиума, который проводился в рамках конференции. На симпозиуме обсуждался вопрос «Философия образования и образовательная политика в России и регионе». Мы в первый день сидели вместе. В перерывах много беседовали. У него было хорошее настроение. Он делился своими планами на будущее, о новой книге, которую он намеревался писать.

К сожалению, не все задуманное сбылось. Судьба распорядилась по-другому. 30 октября 2007 г. Виктор Аполлонович умер в Москве.

В памяти друзей, коллег, всех тех, кто знал Виктора Аполлоновича, он останется как большой ученый, добрый, отзывчивый человек. Его труды, мысли, дела, обаяние будут служить людям.

Когда-то немецкий писатель и философ Иоганн Гёте писал: Великий человек живет и после смерти. И также действует, как и при жизни; Дорогое деяние, прекрасное слово Действует бессмертно, как действовал он — смертный!

Статья опубликована в книге «Кобылянский Виктор Аполлонович. Биография. Воспоминания. Научное наследие. Документы: сб. материалов. Чита, 2012. С. 67–70 (статья дополнена).

Литература

1. Кобылянский Виктор Аполлонович // Философы России начала XXI столетия: биографии, идеи, труды: энциклопедический словарь / П. В. Алексеев. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). 2009. С. 270.

АКАДЕМИК

Б. В. Базаров

Крупным специалистом в области политической истории, культуры монгольских народов является доктор исторических наук, академик РАН, директор Института монголоведения, буддологии, тибетологии Сибирского отделения РАН Борис Ванданович Базаров. Он осуществляет руководство исследованием проблем социально-политической истории Центральной и Восточной Азии, является организатором, координатором и участником ряда крупных грантовых, экспедиционных, интеграционных и

международных проектов в области монголоведения. Член президиума Сибирского отделения РАН, депутат Народного Хурала Республики Бурятия, заслуженный деятель Республики Бурятия.

Родился 10 октября 1960 г. в с. Курумкан Курумканского района Бурятской АССР в семье служащих. Отец Вандан Бадмаевич — известный в Бурятии политический деятель. Мать Вера Малановна умерла, когда Борису было 10 лет. У Бориса было два старших брата. Старший брат умер, младший брат работает юристом.

Истфил. После окончания средней школы № 1 г. Улан-Удэ поступил на историко-филологический факультет Бурятского государственного педагогического института им. Д. Банзарова (БГПИ). На протяжении всех лет учебы он был одним из лучших студентов-историков. Со студенческих лет формировался творческий подход к изучению истории. Регулярно готовился к семинарским занятиям, любил участвовать в дискуссиях. Нередко сам их вызывал, ставя в аудитории непростые вопросы, требовавшие коллективного поиска ответов, размышлений. К тому же совсем недавно в обществе происходили перемены, именуемые в народе «хрущевской оттепелью», которые спустя некоторое время, сменились «заморозками», замедлились темпы общественного развития, все больше стало накапливаться неразрешенных проблем. Все эти и многие другие вопросы не могли не волновать будущих историков. Интерес к истории стимулировал обращение к новой исторической литературе, журналам, газетам. По отзывам преподавателей, Борис Ванданович много читал, старался разобраться в обсуждавшихся проблемах. Активно участвовал в общественной жизни факультета, института. Избирался секретарем бюро ВЛКСМ исторического факультета, членом комитета комсомола института, что помогало приобретению необходимых организаторских навыков. Институт закончил с отличием в 1981 г.

На пути в науку. Академик. После непродолжительной работы в школе был выдвинут на комсомольскую работу. С 1981 по 1983 г. Б. В. Базаров — секретарь городского комитета ВЛКСМ (г. Гусиноозерск). В то же время его не покидало желание трудиться по своей специальности, заняться историческими исследованиями. В 1983 г. он становится преподавателем Восточно-Сибирского государственного института культуры, а в следующем году поступает в аспирантуру Иркутского государственного университета. Учеба в аспирантуре помогла молодому историку углубить свои исторические знания, приобрести необходимые навыки исследования, своевременно завершить диссерта-

цию. В 1987 г. Б. В. Базаров в ИГУ успешно защитил кандидатскую диссертацию по теме «Партийное руководство культурой в Восточной Сибири (1945–1952). После защиты трудился в ВСГИКе, сначала преподавателем, доцентом, затем заведующим кафедрой истории.

Одновременно активно работал над докторской диссертацией «Общественно-политическая жизнь 1920–1950-х гг. и развитие художественной культуры Бурятии», которая была успешно защищена в 1995 г. Исследование получило высокую оценку специалистов.

В 1995 г. Б. В. Базаров назначается заведующим отделом истории, а в 1997 г. — директором Бурятского института общественных наук Бурятского научного центра СО РАН (в августе 1997 г. переименован в Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (ИМБТ СО РАН), где трудится в настоящее время. С 2001 по 2016 г. Б. В. Базаров — председатель Президиума Бурятского научного центра СО РАН по совместительству, в настоящее время — председатель совета директоров институтов БНЦ СО РАН.

Б. В. Базаров как ученый характеризуется динамичным, поступательным научным ростом.

С 22.05.2003 г. Б. В. Базаров — член-корреспондент отделения историко-филологических наук (секция истории).

С 28.10.2016 г. — академик Отделения историко-филологических наук (история, востоковедение).

Научная деятельность. Основными научными направлениями деятельности Б. В. Базарова являются история и культура монгольских народов, геополитика и международные отношения, социальное и межкультурное взаимодействие народов Центральной Азии.

Как уже отмечалось Б. В. Базаров осуществляют в институте научное руководство по проблемам социально-политической истории Центральной и Восточной Азии, является организатором, координатором и участником ряда крупных грантовых, экспедиционных, интеграционных и международных научных проектов в области монголоведения: с 2003 по 2009 г. — координатор программы фундаментальных исследований Сибирского отделения РАН «Взаимодействие кочевых, земледельческих и индустриальных цивилизаций Северной, Восточной и Центральной Азии», с 2010 г. — координатор программы фундаментальных исследований в рамках приоритетных направлений Сибирского отделения РАН «Кочевые, земледельческие и индустриальные цивилизации Северной, Восточной и Центральной Азии: традиции и преемственность в современных взаимодействиях», «Геополитическое взаимодействие в Азии и месторождения полезных ископаемых (стратегиче-

ские интересы России и национальная безопасность Монголии)», «Селенга – река без границ», «Протяжные песни монголоязычных народов как культурно-духовный феномен», «Граница, трансграничье, мигранты в Центральной Азии: стратегии и практики взаимной адаптации», «Этногенез автохтонных народов Сибири и Северной Азии: компаративный исторический, этносоциальный и геномный анализ». Под его непосредственным руководством и участием с 2006 по 2011 г. состоялись международные экспедиции в Китае, Монголии, Индии: «Историко-культурный атлас монгольских народов», «Исторические памятники и культурное наследие Северной Индии», «Монгольские народы: этногенез и этническая история», «Монголы Тибета и Куку-нора», «Буддийские центры Тибета», «Культурное наследие миноритарных групп населения северо-запада Китая», «Археографическое исследование письменного наследия тибетцев Кхама и Амдо (Восточный Тибет)».

Проведенные им комплексные исследования геополитических и социокультурных процессов в Центральной и Восточной Азии позволили скорректировать сложившиеся в науке концепции и взгляды на роль и значение кочевых обществ и государств Центральной и Восточной Азии в мировом историческом процессе. Поиск цивилизационных истоков современных социальных сообществ и сохранение культурного многообразия в условиях развивающегося взаимодействия предоставил возможность синхронно проследить динамику межкультурного и межконфессионального взаимодействия на обширных пространствах Центрально-Азиатского региона и прилегающих территориях Южной, Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока. Эти результаты легли в основу рекомендаций по оптимизации процесса межрегионального взаимодействия и взаимовлияния культур региона. Переосмыслены положения мировой монголоведной науки о месте и роли монголоязычных народов в истории России, потенциале развития Сибири и Дальнего Востока в современном экономическом и социокультурном развитии. Б. В. Базаров является автором 244 научных работ, в том числе 17 авторских и коллективных монографий по социально-политической и этнокультурной эволюции Центрально-Азиатского региона. Основные научные труды: «Историко-культурный атлас Бурятии» (2001), «Бурятия: история, культура, современное общество» (2003), «Российско-монгольское военное сотрудничество (1911–1946)» в двух частях (2008), трехтомная «История Бурятии» (2011), «Монголия в документах Коминтерна (1919–1934)» в двух частях (2012) и др.

Каждая из названных работ — это крупное коллективное исследование,

охватывающее большие отрезки времени.

Одним из них является трехтомная история Бурятии, с которой автор этих строк, будучи историком по базовому образованию, с большим интересом познакомился. Это большой капитальный труд, раскрывающий историю крупного сибирского региона на протяжении всего периода его становления и развития, начиная с эпохи палеолита и завершая событиями наступившего XXI века. Работа характеризуется большим массивом введенных новых источников; структура, логика исследования, трактовка событий, исторических фактов осуществляются с позиций современных теоретико-методологических подходов. Авторы избежали крайностей в оценке значимых исторических событий, отдельных личностей. Все три книги прекрасно оформлены, написаны хорошим литературным языком, легко с интересом читаются. Авторский коллектив во главе с руководителем проекта и главным редактором Б. В. Базаровым создал добротный труд, осмысливающий прошлое и настоящее родной земли. Несомненно, он сыграет важную роль в формировании научного исторического сознания не только жителей Бурятии, но и других регионов. Хочется сказать им «сердечное спасибо».

Борис Ванданович плодотворно работает в сфере подготовки научных кадров, среди его учеников 14 докторов и 28 кандидатов наук. Он является председателем диссертационного совета (Д 003.027.01) при ИМБТ СО РАН по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора науки по историческим наукам, членом диссертационного совета (Д 212.074.05) при Иркутском государственном университете.

Общественно-политическая деятельность в России и за рубежом. Академик Б. В. Базаров принимает активное участие в общественно-политической, научной жизни Бурятии, России, зарубежья.

Он является членом Президиума Сибирского отделения РАН, бюро Объединённого учёного совета по гуманитарным наукам СО РАН, Всероссийского съезда востоковедов, Совета по науке, технологиям и образованию при Правительстве Республики Бурятия, Комиссии при Правительстве Республики Бурятия по присуждению государственных премий Республики Бурятия в области науки и техники, Комиссии при Правительстве Республики Бурятия по присуждению премии Правительства Республики Бурятия им. академика П. Р. Атутова в области образования и науки, действительным членом Академии социальных наук. Президентом Общества востоковедов Российской академии наук до переизбрания 17 сентября 2008 г. В ноябре 2011 года избран председателем Общества российских монголоведов.

Б. В. Базаров — иностранный член Академии наук Монголии; почетный член Международной ассоциации монголоведов; вице-президент Международной ассоциации монголоведов; член Международного конгресса монголоведов; председатель Общества российских монголоведов; почетный член Академии кочевых цивилизаций Монголии; член Академического совета Международного института по изучению кочевых цивилизаций ЮНЕСКО (Монголия); почетный профессор Института общественных и гуманитарных наук Китайского нефтяного университета; почетный профессор Университета Ланьчжоу.

Плодотворная научная, общественно-политическая деятельность Б. В. Базарова получила высокое признание со стороны государства, общественных организаций. Он удостоен почетного звания «Заслуженный деятель науки Республики Бурятия» (1998), лауреат Государственной премии Республики Бурятия в области науки и техники 2002 года, награжден Орденом Дружбы (2007), золотой медалью Академии наук Монголии за вклад в развитие монголоведной науки (2006), медалью Ордена Чингис-хана в честь 800-летия Монгольского государства (2006), памятной медалью «65 лет Победы в битве при Халхин-Голе» (2006), памятной медалью к 80-летию В. А. Коптюга «Великий ученый и патриот» (2011), высшим орденом Монголии «Полярная звезда» (2011), медалью Министерства образования, культуры и науки Монголии «Образованию — 90» (2011); избран иностранным членом Академии наук Монголии (2011).

Личностные качества. Коллегам по работе, людям, знающим Бориса Вандановича, импонируют его личностные качества: порядочность, отзывчивость, доброта, внимание к людям. Его не испортили высокие академические звания, почетные награды. Он прост в общении, доступен. Любит шутку. Прекрасно поёт. Борис Ванданович талантливый певец. Это может подтвердить и пишущий этот очерк. Не случайно, говорят, что если бы Борис Ванданович не был академиком, он был бы известным певцом.

Б. В. Базаров — хороший семьянин. Его жена — Валентина Владимировна, выпускница историко-филологического факультета, филолог, ныне доктор исторических наук, трудится в БНЦ. У Бориса Вандановича и Валентины Владимировны двое детей: сын Виктор Борисович, кандидат исторических наук; сын Александр Борисович, закончил ВСГУТУ, в настоящее время учится в магистратуре БГУ.

Коллектив Бурятского государственного университета, его исторического факультета гордятся своим воспитанником Борисом Вандановичем Базаровым, который первый и

пока единственный из его многочисленных питомцев достиг высшего академического научного статуса — стал академиком Российской академии наук. И желают ему новых научных успехов.

О ЛИЧНОСТИ, ОЧАРОВАННОЙ ФИЛОСОФИЕЙ

Профессор В. В. Мантатов

В интернете на странице «Мантатов В. В.» как бы эпиграфом к биографии и деятельности Вячеслава Владимировича служат слова: «Его стихия — идеи, его дар — умение мыслить». Вся сознательная жизнь этого замечательного ученого, философа подчинена поискам новых идей, их научному осмыслению, созданию оригинальных концепций в области философии, эпистемологии и социальной экологии, других областях научного знания.

Сфера его научных интересов: 1) философские основания экологической этики; 2) глобальные и региональные проблемы устойчивого развития; 3) социокультурные основания и перспективы современной цивилизации.

Любимое занятие. Родился он 29 июля 1941 г. в селе Кырма Усть-Ордынского Бурятского национального округа в семье крестьян-колхозников. Учился в Хоготовской средней школе. Учеба давалась легко. Много читал. По признанию Вячеслава Владимировича, его любимым занятием было чтение художественной литературы («спрячусь где-нибудь и наслаждаюсь содержанием книги»). На становление его как личности большое влияние оказал отец Владимир Самбарович, человек очень добрый, порядочный, честный, пользовавшийся большим авторитетом у односельчан. Многие годы возглавлял исполком Кырменского сельсовета, в годы войны был председателем колхоза им. Жданова.

После окончания школы с золотой медалью он в 1958 г. избирается

секретарем Баяндаевского райкома комсомола.

В МГУ, студент, аспирант, кандидат наук. В 1960 г. В.В. Мантатов поступил на философский факультет Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. Здесь он с интересом овладевает различными философскими курсами. Участвует в общественной жизни факультета. Проявляет склонность к исследовательской работе. Будучи студентом 2-го курса, он в соавторстве со своим научным руководителем профессором А. М. Коршуновым печатает статью «Гносеологический анализ понятия «информация». Это была его первая научная работа. Ее, как считает В. В. Мантатов, можно назвать одним из первых кирпичиков фундамента науки — информациологии.

В 1965 г. закончил с отличием философский факультет Московского государственного университета. Там же он прошел аспирантуру, защитив в 1969 г. кандидатскую диссертацию «Знак как средство познания». После защиты диссертации молодой кандидат философских наук был направлен в Восточно-Сибирский государственный технологический институт (ныне университет), где трудится и в настоящее время. С 1975 г. возглавлял кафедру философии, логики и социальной экологии. (С 2005 г. кафедрой заведует его дочь Лариса Вячеславовна Мантатова, доктор философских наук, профессор). Кафедра в настоящее время называется кафедрой философии, истории и культурологии.

Одновременно с 1979 г. по 1986 г. В. В. Мантатов работал заместителем директора Бурятского института общественных наук СО АН СССР. В 1998 г. он назначен директором Института устойчивого развития при ВСГТУ. Работал в этой должности до 2017 г. В настоящее время заведует кафедрой ЮНЕСКО.

Доктор наук. Продолжение исследования. В 1977 г. он успешно защитил докторскую диссертацию «Диалектика познания и гносеологическая функция знаков», которая, по оценке ВАК при Правительстве СССР, явилась новым перспективным направлением в области междисциплинарного анализа знаково-символических систем науки.

После защиты диссертации В. В. Мантатов продолжил разработку проблематики в русле темы диссертационной работы. В последующем были написаны и изданы такие его монографии В. В. Мантатова, как «Теория отражения и эвристическая роль знаков» (М., 1974), «Диалектика социального познания» (М., 1988), «Образ, знак, условность» (1950. Первые две книги подготовлены в соавторстве с А. М. Коршуновым.

В этих работах развивается концепция познания как условного отражения» на основе философского

обобщения достижений новых научных дисциплин (математической логики, семиотики, информатики, герменевтики), раскрываются новые аспекты творческой природы научного познания, связанные с обоснованием эвристической роли знаков. В них дана гносеологическая аргументация основных принципов и методов социальных наук, фундаментальной роли знаково-информационного моделирования в практике. Раскрыта специфика и роль социально-гуманитарного знания, обоснована жизненная необходимость гуманизации и гуманитаризации научно-технического прогресса и общественной практики.

В. В. Мантатов — один из первых в нашей стране в годы советской власти раскрыл опасность группового эгоизма (коллективного, корпоративного, партийного, национального) для человека и мира. Общественная практика последующих лет подтвердила злободневность поднятой ученым проблемы. В конце 1970-х годов под его руководством началось систематическое исследование философских идей Н. К. и Е. И. Рерих, философско-психологических основ буддизма в организованном им секторе философии БИОНа СО АН СССР.

В 1990-е годы профессор В. В. Мантатов обращается к проблеме устойчивого развития. В ходе ее разработки им дано философское обоснование принципа устойчивого развития (динамического равновесия) как закона Вселенной, теории экологической этики, предложен новый подход к проблеме устойчивого развития, связанный с осмыслением информационности и «разумности Вселенной». Он в числе ученых, кому принадлежит приоритет в обоснованности необходимости перехода нашей страны, в частности Байкальского региона, на новую, а именно эколого-ноосферную модель развития, получившую широкую поддержку научной общественности.

Профессор В. В. Мантатов осуществлял руководство научно-исследовательским проектом «Этико-экологическая парадигма устойчивого развития Байкальского региона в контексте глобализирующейся евразийской цивилизации» (выполнялся при поддержке Российского научного фонда). Принимал участие в составе делегации Российской ассоциации содействия ООН в конференциях ООН по устойчивому развитию в Иоханнесбурге (2002) и Рио-де-Жанейро (2012). Являлся президентом Фонда «Байкал» в 1990–2000 гг.

Примером этого является организация в июле 2001 г. в Улан-Удэ Международного симпозиума «XXI век: диалог цивилизаций и устойчивое развитие». Несомненно, что симпозиум явился крупным событием не только российского масштаба. По

значимости обсуждающихся на нем проблем, глубине их анализа, вниманию к данному мероприятию международных организаций он приобрел черты мирового явления. Усилиями В. В. Мантатова были привлечены крупные ученые, специалисты целого ряда стран, которые всесторонне рассмотрели волнующие мировое сообщество проблемы. По результатам симпозиума издан двухтомный капитальный труд, который, надо полагать, заметно обогатит наши знания о диалоге цивилизаций и устойчивом развитии.

Стратегия разума. Другие исследования. Круг научных интересов профессора В. В. Мантатова весьма широк. Итоги его научных поисков нашли свое отражение во многих работах, опубликованных в отечественных и зарубежных изданиях. Их общее количество, по словам В. В. Мантатова, составляет около 300 наименований, в том числе 14 монографий.

Среди них особое место занимает фундаментальный труд «Стратегия Разума: экологическая этика и устойчивое развитие», состоящий из двух томов (Улан-Удэ, 1998, 2000). В нем предложен автором новый подход к анализу проблем устойчивого развития, связанный с осмыслением роли Разума в космическом синергетическим процессе. Исследованы системно-аксиологические основы и социодинамика устойчивого развития человечества. Разработан понятийный аппарат теории устойчивого развития, дано философское обоснование устойчивого развития общества. Оба тома получили высокую оценку научной общественности.

Говоря об устойчивом развитии, автор отмечает, что «как правило, под «устойчивым развитием» имеется в виду такая творческая эволюция системы, при которой никакие преобразования внутри системы, никакие внешние возмущающие факторы не могут вывести ее из состояния динамического равновесия [1]. В социально-философской литературе «устойчивое развитие» определяется как форма такого взаимодействия (коэволюции) общества и природы, при котором сохраняется биосфера и обеспечивается выживание и неопределенно долгое развитие человечества [2].

В. В. Мантатов подчеркивает, что «главный смысл устойчивого развития состоит в требовании преодоления идеологии и практики «потребительского общества», что предполагает, в частности, переход от одномерного экономического роста к сбалансированному решению экономических, социокультурных и экологических проблем. Иначе говоря, устойчивое развитие — это революция в ценностях и целях общества, главным направлением которой является смена потребительских приоритетов на духовные ценности [3].

Крупными монографическими трудами В.В. Мантатова являются: «Революция в ценностях: философские перспективы цивилизационного развития» (Улан-Удэ, 2007, 263 с.) (в соавторстве с Л. В. Мантатовой) и «Теория устойчивого развития: онтология и методология» (Улан-Удэ, 2009, 146 с.).

Профессором В. В. Мантатовым созданы не только монографии, но и учебные пособия. В частности, в соавторстве с профессором А. М. Коршуновым написано и опубликовано пособие для студентов «Социальная философия: проблемы человека» (Улан-Удэ, 1998). Его работы получили широкое признание научной общественности, отмечены международными, общесоюзными и российскими дипломами и грамотами, рекомендуются для использования студентам и аспирантам Московского, Санкт-Петербургского, Красноярского, Иркутского, Читинского и других государственных университетов России.

На его книги ссылаются отечественные и зарубежные философы, в Интернете около 13 тысяч упоминаний его имени в связи с философскими исследованиями и преподаванием философии.

С созданием в ВСГТУ аспирантуры по философии профессор В. В. Мантатов активно привлекает к разработке актуальных проблем теории познания, философии устойчивого развития, буддийской философии аспирантов. Под его руководством подготовлены и защищены 18 кандидатских и 4 докторских диссертаций, которые посвящены социально-философским аспектам китайского буддизма, философским основам экологической этики, концепции устойчивого развития, информационным технологиям, социально-философским вопросам литературной герменевтики, единству социальной онтологии и духовного сознания и др. За годы исследовательской работы В. В. Мантатова сложилась научная школа по философии устойчивого развития, получившая признание в среде специалистов. Он является научным консультантом докторов и соискателей. В течение сорока лет ведет преподавательскую работу. Его лекции привлекают внимание студенческой аудитории глубиной знания рассматриваемых проблем, творчеством и новизной подхода к их раскрытию духовной, эмоциональной зараженностью.

Общественная деятельность. В. В. Мантатова отличает широкий диапазон его общественной деятельности, активная жизненная позиция. В течение многих лет он был членом бюро обкома комсомола и членом бюро Бурятского обкома КПСС, одним из организаторов демократического движения в Бурятии. Начиная с 60-х годов, ученый принимает деятельное участие во Всемирных и об-

щероссийских философских конгрессах. Является заместителем председателя Совета по защите докторских диссертаций по философии и социологии при Бурятском государственном университете.

Семья. Надежной опорой в многогранной деятельности В. В. Мантатова, в решении житейских проблем является его семья: жена Светлана Александровна, кандидат экономических наук, доцент ВСГТУ, заслуженный экономист Республики Бурятия; дочь Лариса, доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии ВСГТУ, сын — Владимир Вячеславович, кандидат медицинских наук, внук — Вячеслав, студент медицинской академии (Чита).

Плодотворная научная и общественная деятельность профессора В. В. Мантатова отмечена многими высокими государственными и общественными знаками. Он удостоен Ордена Почета, медали Ордена «За заслуги перед Отечеством» II ступени, ему присвоены почетные звания «Заслуженный деятель науки Российской Федерации», «Заслуженный деятель науки Республики Бурятия».

Является академиком Российской академии естественных наук и ряда других общественных и международных академий. Его биография, труды и научная деятельность освещены в биобиблиографическом словаре «Философы России 19–20 столетий. Биографии, идеи, труды» (М., 1995), в книгах «Кто есть кто в мире», изданной в США в 1997 г., «Известные русские. Кто есть кто в России на пороге нового тысячелетия» (М., 2000).

Как человек В. В. Мантатов обладает высокой внутренней культурой, демократизмом, интеллигентностью.

Статья опубликована в «Вестнике Восточно-Сибирского государственного университета. 2011. № 3. Улан-Удэ: Изд-во ВСГТУ. С. 205–207 (с дополнением).

Литература

1. Мантатов В. В. Стратегия разума: экологическая этика и устойчивое развитие. В 2-х т. Т. 2. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2000. С. 198.

2. Урсул А. Д. Переход России к устойчивому развитию: ноосферная стратегия. М.: Ноосфера, 1998. С. 486.

3. Мантатов В. В. Указ. соч. С. 200.

ОН И ФИЗИК, И ЛИРИК

Профессор Д. С. Сандитов

Почти каждый день мы встречаемся на третьем этаже главного учебного корпуса Бурятского государственного университета. Дандар Сангадиевич Сандитов уверенной, не торопливой походкой идет в свою лабораторию физики неупорядоченных систем (а я в свою — 315-ю). Он многие годы проводит в ней свои экспериментальные исследования. Доброе, открытое лицо, мягкая приятная улыбка, умение терпеливо слушать собеседника — явные черты интеллигентного человека. И в самом деле, Дандар Сангадиевич — истинный интеллигент. И не только манерой общения. Он — известный российский ученый, доктор физико-математических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, лауреат Государственной премии Республики Бурятия в области науки, академик Международной академии наук высшей школы.

Родился Д. С. Сандитов в 1941 г., в год змеи (по лунному календарю) в селе Орот Кижингинского района Бурят-Монгольской АССР в семье потомственных чабанов. Он был четвертым сыном. Дочерей не было.

Школа. МГПИ. Учился сначала в Оротской начальной, потом — Кижингинской средней школе им. Хоца Намсараева.

После окончания школы он поступил на физический факультет Московского государственного педагогического института (МГПИ) им. В. И. Ленина. Во время учебы проявил себя способным трудолюбивым студентом, любящим физические эксперименты. Как один из лучших выпускников, Дандар Сандитов был рекомендован в аспирантуру при кафедре физики твердого тела МГПИ им. В. И. Ленина (МГПИ позже стал называться МПГУ). После окончания аспирантуры и успешной защиты в 1970 г. кандидатской диссертации «Молекулярная подвижность и микропластичность неорганических стекол» по специальности «Физика твердого тела» молодой кандидат физико-математических наук приехал работать в Бурятский государственный педагогический институтa (с

1995 г. — Бурятский государственный университет), где трудится по настоящее время. С начала работы старшим преподавателем, затем доцентом и профессором. С 1975 г. по 2007 г. заведовал кафедрой общей физики БГПИ-БГУ.

БГПИ-БГУ. Лаборатория. С приездом Д. С. Сандитова активизировалась научно-исследовательская работа на кафедрах физико-математического факультета. Она велась по нескольким направлениям. Одним из них стала тема «Физические свойства неупорядоченных структур» (рук. Д. С. Сандитов). Эта тема выполнялась совместно с сотрудниками Института физической химии АН СССР. В результате работы над темой учеными пединститута был предложен новый подход к природе стеклообразного состояния вещества, на основе которого были выявлены механизмы релаксационных процессов, протекающих в стеклообразных системах. В рамках единой теории были объяснены такие свойства стекла как эффект пластичности, тепловое расширение, микротвердость, предельная прочность, вязкое течение, стеклование расплава, уплотнение под высоким давлением. Группой исследователей данной темы с 1975 по 1985 г. было опубликовано более 70 научных работ.

Сотрудничество. В 1982 г. в издательстве «Наука» вышла монография Д.С. Сандитова (в соавторстве с профессором Г. М. Бартеновым) «Физические свойства неупорядоченных структур» (256 с.). В книге рассматривались термодинамические, кинетические, механические, релаксационные и реологические свойства стекол и их расплавов. На базе лаборатории стеклообразных систем кафедры общей физики института в 1976 г. состоялся первый всесоюзный семинар-совещание по вопросу «Молекулярная подвижность в некристаллических твердых телах и жидкостях». Аналогичный семинар-совещание на базе лаборатории был проведен совместно с Институтом физической химии АН СССР и в 1984 г. [1].

В последующие годы Д. С. Сандитовым и его группой было расширено исследование данного направления. Тема получила название «Физические свойства жидкостей и твердых тел». Результаты работы над темой были обобщены в монографии Г. М. Бертенова и Д. С. Сандитова «Релаксационные процессы в стеклообразных системах» (1986, 238 с.), опубликованной издательством «Наука». В книге впервые в систематизированном и обобщенном виде были представлены итоги исследований релаксационных явлений в органических и неорганических стеклах. В этом же издательстве в 1994 г. вышла новая монография Д. С. Сандитова в соавторстве с Г. В. Козловым «Ангармонические эффекты и физико-механические свойства полимеров (261 с.). Вместе с Д. С. Сандитовым,

известным специалистом в области изучения физики стекла, над разработкой коллективной темы успешно трудились кандидаты физико-математических наук Д. Г. Дамдинов, А. А. Цыренов, Ш. Б. Цыдыпов, В. В. Мантатов, ставшие со временем докторами наук.

Защита докторской диссертации. Новые исследования. В 1987 г. Д. С. Сандитов в Институте химической физики (ИХФ) РАН (Москва) успешно защитил докторскую диссертацию «Релаксационные процессы в стеклообразных полимерах по специальности «Физика полимеров» на соискание ученой степени доктора физико-математических наук. В 1989 г. ему было присвоено ученое звание профессора.

В 1991 г. избран членом редколлегии международного научного журнала «Non-Crystlline Solids». В 1993 г. стал лауреатом Международного фонда Сороса, а в 1998 г. соросовским профессором.

В созданный по инициативе профессора Д. С. Сандитова лаборатории физики неупорядоченных систем (ранее — лаборатория физики некристаллических твердых тел) проводятся оригинальные теоретические и экспериментальные исследования, результаты которых получили признание как в России, так и за рубежом. Они не уступают мировому уровню, а в развитии принципиально новой теории стеклообразного состояния вещества являются пионерными, не имеющими аналогов по данному подходу. Его научные статьи публикуются в авторитетных российских и зарубежных научных физических журналах. Имеет около 400 опубликованных трудов, в том числе 7 монографий.

Дандар Сангадиевич — прекрасный лектор. Он читает лекции по курсу общей физики, по спецкурсу «Физика конденсированного состояния». Руководит аспирантами, докторантами. Является научным руководителем магистратуры. Под его научным руководством защищены 3 докторские и 12 кандидатские диссертации. Д. С. Сандитов является членом докторских советов при БГУ и ВСГУТУ, членом редколлегии всероссийского межвузовского периодического издания «Ультразвук и термодинамические свойства веществ», членом редколлегии периодического издания «Вестник БГУ. Физика. Химия».

У Дандара Сангадиевича сформировалась авторитетная научная школа, которая неоднократно в последние годы выходила победителем конкурсов, проводимых в БГУ и в рамках РФФИ. В школу входят не только преподаватели и аспиранты БГУ, но и научные сотрудники лаборатории молекулярной акустики отдела физических проблем (ОФП) БНЦ СО РАН. Профессор Д. С. Сандитов работает по совместительству главным научным сотрудником ОФП и успешно руководит проектом «Природа релак-

сационных и теплофизических процессов в жидкостях и стеклах. Атомные и молекулярные кластеры», которые выполняются в рамках приоритетных направлений Сибирского отделения РАН.

Общественная деятельность. Награды. Профессор Д. С. Сандитов известен не только как исследователь, он принимает активное участие в общественной жизни БГУ, республики. В 1989 г. коллективом БГПИ–БГУ был выдвинут кандидатом в народные депутаты СССР. Кстати, пишущий эти строки был у него доверенным лицом. В 2002 г. на II Всебурятском съезде Дандар Сангадиевич был избран президентом исполнительного органа съезда ВАРК (Всебурятской ассоциации развития культуры)». По линии ВАРК под руководством Д. С. Сандитова проведена важная работа по сохранению родного языка, традиций, культуры бурятского народа, по установлению тесной связи ВАРКа с культурными национальными центрами в Республике Бурятии [2].

За успешную научную деятельность профессору Д. С. Сандитову в 1998 г. было присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки Российской Федерации», в 1982 г. — «Заслуженный деятель науки Бурятской АССР». Он награжден почетными грамотами Министерства образования и науки РФ, Сибирского отделения РАН, Народного Хурала Республики Бурятия. Решением Ученого совета БГУ рекомендован к награждению орденом Почета.

Семья. Дандар Сангадиевич — хороший семьянин. Он вместе в супругой Светланой Владимировной вырастили и воспитали двух сыновей. Старший сын Баир окончил магистратуру Академии Управления им. Серго Орджоникидзе и физический факультет МГПИ, кандидат технических наук, работает начальником ПФР по Бурятии; жена Мэдэгма Данзановна — выпускница МГУ им. М. В. Ломоносова, кандидат наук, работает генеральным директором Байкальской ипотечной кампании, дочь Бинадарья — студентка МФТИ.

Второй сын Булат окончил физический факультет Новосибирского государственного университета и Российскую экономическую (высшую) школу, кандидат наук, около 15 лет трудится за рубежом, в Голландии в Маастрихском университете защитил докторскую диссертацию. Сейчас живет и работает в одном из университетов Парижа. Жена, Ольга Владимировна Матхеева — Сандитова, юрист и филолог.

Лирик. Дандар Сангадиевич обладает завидными личностными качествами. Он доброжелателен, отзывчив, дружелюбен. Любит петь. Одинаково хорошо поет как на русском, так и на бурятском языке. При этом песни Дандара Сангадиевича звучат не только в квартирных усло-

виях или на даче, но и в стенах университета. Ни одно крупное мероприятие, где выступают самодеятельные артисты не обходятся без песен Д. С. Сандитова, которые, как правило, воспринимаются публикой с восторгом.

Дандар Сангадиевич — не только замечательный физик. Но и талантливый лирик.

Литература

1. Осинский И. И. Alma Mater. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 1999. С. 287.

2. Дамдинов Б. Б., Цыдыпов Ш. Б. Научно-исследовательская и учебно-методическая деятельность профессора Д. С. Сандитова // Сандитов Дамба (Дандар) Сангадиевич: доктор физико-математических наук, профессор: библиографический указатель; отв. ред. В. В. Мантатов; сост. А. А. Машанов, М. Д. Дармаев. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2016. С. 6.

ЖИТЬ ВДОХНОВЕННО

Профессор А. Н. Постников

По-разному складывается судьба ученого. Одному она как бы переходит по наследству: отец был ученым, приобщил сына к науке и тот пошел по его стезе; другой определил свой научный путь еще в школе — учеба в вузе, аспирантура, диссертация…; третий о науке и не помышлял, все происходило как-то случайно. Именно по такому сценарию складывалась научная судьба Анатолия Николаевича Постникова, ныне доктора философских наук, профессора, отличника народного просвещения, почетного работника высшего профессионального образования Российской Федерации.

Родился 19 апреля 1936 года на Урале в селе Верхотурье Свердловской области в семье служащих. Отец Николай Михайлович работал в органах НКВД. Мать Анастасия Михайловна вела домашнее хозяйство, воспитывала троих сыновей.

В школе. В связи с переводом отца сначала во Владивосток, а затем в Улан-Удэ Анатолий в 1944 г. начал учиться в школе на Дальнем Востоке, а с 7 по 10 класс продолжил учебу в Улан-Удэ, в школе № 1.

О школе А. Н. Постников сохранил самые добрые чувства. — «Школа– пишет он, — вспоминается с хорошим ностальгическим чувством, ибо все в ней было пропитано добром и заботой. И с учителями мы были в дружбе, и между собой ладили по-доброму. «Дети войны» общались без сор и драк и никогда не произносили поганых слов. Трепетно относились к девушкам, да и видели их нечасто, так как учились в мужской школе (женской была школа № 3). Не знаю, как было в других школах, а в нашей сложилось так. Ещё мы очень старались учиться, стыдно было друг перед другом, если (редко) получил «тройку», а «двойка» — это вообще позор, хоть не приходи назавтра в школу: перед ребятами стыднее, чем перед родителями. Из двух выпускных — десятых — классов было 16 медалистов. В то время получить медаль — дело чрезвычайно серьезное. Тем более, что медалист (и «золотой», и «серебряный») поступал без всяких экзаменов в любой вуз страны. Любой сельский пацан с медалью — хоть в МГУ! И никогда, нигде никаких денег — ни при поступлении в вуз, ни за учебу в нем. Кстати, список из 16 медалистов и сейчас висит на почетной доске в школе № 1. Там списки и по всем другим годам.

Я учился в девятом классе, когда умер И. В. Сталин. Горе было вселенское. Нас, старшеклассников, построили в спортзале, и директор — Иван Петрович Арский — сообщил об этой смерти. И почти все плакали. Во время этого короткого траурного митинга двое ребят потеряли сознание и упали на пол [1].

На истфиле. После окончания школы поступил на историко-филологический факультет Бурятского государственного педагогического института. Учился на «хорошо» и «отлично».

В те годы профессоров в пединституте не было. Лекции читали в основном доценты и преподаватели, не имеющие ученого звания. Но многие из них вели занятия интересно, увлеченно. Запоминающимися были лекции доцентов В. А. Абрамова, Т. В. Еречневой, М. П. Хабаева, А. А. Белоусова, А. Б. Соктоева, старшего преподавателя Н. М. Козулина.

Студенты 50-х не только стремились освоить свою будущую профессию, но и быть в гуще студенческой жизни. Анатолий Постников уже на первом курсе участвовал в выпусках «Окон сатиры» Советского райкома комсомола, в которых остроумно, с юмором освещались негативные стороны жизни города. «Окна сатиры» помещались на самой многолюдной

части улицы Ленина. У стенда постоянно толпились люди, эмоционально комментируя фото, рисунки и сюжеты. Кроме того, он был членом бюро ВЛКСМ историко-филологического факультета, участником городского молодежного ансамбля «Привет», организатором бригады содействия милиции.

В школе. Получив в 1959 г. диплом учителя русского языка, литературы и истории, Анатолий Николаевич в течение 8 лет трудился в средних школах: в селах Амурзет (1959–1960), Галкино Хабаровского края, в городе Улан-Удэ (школа № 42, 1962–1965, школа № 13, 1965–1967).

В процессе преподавания истории и особенно обществоведения Анатолий Николаевич увлекся литературой по социальной философии. Увлечение было не случайным.

1960-е годы — период крупных изменений в мире, в СССР, провозглашение и начало реализации программы построения нового общества. Появилось много интересных публикаций, участились дискуссии, осмысливающие происходящие перемены. В 1966 г. молодой педагог поступает в заочную аспирантуру кафедры философии Иркутского государственного университета. Изучает труды Маркса, Гегеля, Ленина, других мыслителей.

На кафедре философии. В 1967 г. его судьба круто изменилась. Он приглашается на работу в Бурятский пединститут в качестве преподавателя кафедры философии и научного коммунизма. Здесь появилась возможность шире и глубже понять смысл происходящих в мире перемен. Забегая вперед, отметим, что на этой кафедре Анатолий Николаевич трудился до выхода на пенсию около 50 лет, пройдя все ступени: ассистент, старший преподаватель, доцент, профессор. В 1974 г. он успешно защитил кандидатскую диссертацию «Комплексный подход как принцип научного руководства развитым социалистическим обществом». Тема в те годы была сверхактуальной. В 1967 г. высшей властью страны было выдвинуто теоретическое положение о том, что в СССР построено развитое социалистическое общество, и обществоведы должны были его всесторонне осмысливать, обосновывать. Столь же значимым было и другое понятие «комплексный подход». Автору предстояло раскрыть две эти сложные новации. Более того, с позиций комплексного подхода как принципа научного руководства сделать анализ социалистического общества. С чем он благополучно справился, о чем свидетельствует единогласное голосование членов диссертационного совета Иркутского госуниверситета за присуждение ему ученой степени кандидата философских наук. В 1976 г. он утверждается в ученом звании доцента. Одновременно работает над совершенствованием лекционных курсов по философии, пишет методи-

ческие пособия, руководит методологическим семинаром в сети политического просвещения (в театре оперы и балета), читает лекции в вечернем университете марксизма-ленинизма при Бурятском ОК КПСС, по линии общества «Знание».

Наука. Наряду с учебной, общественной деятельностью А. Н. Постников продолжает заниматься научными исследованиями. В 1960–1980-е годы на кафедре философии под руководством ее заведующего профессора В. И. Затеева коллективно разрабатывались проблемы межнациональных отношений. А. Н. Постников становится одним из активных участников данного исследования. Он сосредоточился на изучении вопросов руководства и управления в сфере национальных отношений. Был опубликован ряд статей в коллективных сборниках, которые формировались на кафедре. Вместе с тем следует отметить, что вторая половина 1980-х — начало 1990-х годов были трудным периодом в деятельности обществоведов. Началась так называемая перестройка — происходила ломка прежних методологических, мировоззренческих основ обществоведения. В печати развернулась критика советского опыта межнациональных отношений, его прежнего научного осмысления. Это порождало сомнения, неуверенность в возможности реализации исследовательских замыслов. Не могла эта атмосфера не сказаться и на научных поисках Анатолия Постникова. Он решил на национальной проблематике поставить точку. И все же благодаря силе воли, собранности Анатолия Николаевича, поддержке со стороны кафедры, особенно во второй половине 1990-х годов его исследование было продолжено.

Защита докторской. И к концу 1990-х его научный труд был завершен. В 1999 г. была опубликована его монография «Социально-философские проблемы национальной политики» (12 п. л.), а 23 ноября 2000 г. диссертация А. Н. Постникова «Социально-философские аспекты национальной политики и управления национальными отношениями в Российской Федерации» была успешно защищена в Диссертационном совете при Бурятском государственном университете. Большая помощь в написании диссертации была оказана научным консультантом, профессором В. И. Затеевым.

В диссертации были обобщены существовавшие в социальной философии представления о сущности и назначении национальной политики, проанализированы ее основные принципы, осуществлено рассмотрение национальных отношений как целостной системы с опорой на общую теорию систем.

Автором, в противоположность навязывавшейся в те годы концепции деидеологизации, было выявлено идеологическое значение националь-

ных процессов и проблем. Обоснована необходимость соблюдения принципа преемственности в развитии как общества в целом, так и ее национальной сферы. В последнем случае это означает, что в современной национальной политике следует использовать положительное содержание теоретических исследований в реальной практике государства в области развития наций и гармонизации национальных отношений. К сожалению, научные рекомендации исследователя, как и других российских авторов, не были услышаны политиками и частью интеллигенции. Что привело в итоге к резкому обострению в межнациональной сфере.

Профессор. В 2001 г. Высшей аттестационной комиссией РФ Анатолию Николаевичу присваивается ученое звание профессора. Защита докторской диссертации и облачение в профессорскую мантию не подвели черту под научной деятельностью Анатолия Николаевича. Обладая солидным научным потенциалом, он продолжил исследование национальных отношений. В итоге им была написана и издана 71 научная работа, в том числе 4 монографии и 67 научных статей, из них после защиты 3 монографии.

Так, в 2001 г. была опубликована книга «Национальные отношения: политическое руководство и управление» (124 с.), в 2003 г. — «Диалектика национальных процессов» (212 с.), в 2009 г. — «Формационный смысл реформирования России» (200 с.). В 2017 г. «Контрреволюция в СССР: духовно-идеологический аспект» (218 с.).

В книге «Диалектика национальных процессов» автор в условиях новых национальных практик рассматривает сущность наций, природу и специфику национальных процессов. Анализирует современные проблемы этнонационального развития, раскрывает национальные процессы в Российской Федерации. В работе «Формационный смысл реформирования России» на основе формационной теории исследуются источники и предпосылки распада СССР, критически анализируется постсоветское устройство российского общества, дается прогноз формационных перспектив России. Взгляды профессора на межэтнические проблемы в постсоветский период нашли свое отражение в периодически публикуемых статьях. А. Н. Постников до выхода на пенсию ежегодно выступал с докладами на научных, в том числе международных конференциях.

В 2009 г. А. Н. Постников опубликовал монографию «Формационный смысл реформирования России» (212 с.), а в 2017 г. — ее продолжение «Контрреволюция в СССР: духовно-идеологический аспект» (218 с.). В них он показал, что СССР сделал попытку построить общество, которое по существу и в принципе прогрес-

сивнее, гуманистичнее и справедливее капитализма и должно прийти ему на смену (если не сводить социализм к недостаткам и неудачам советского — первого в истории! — опыта). Поэтому развал СССР, осуществленный совместными усилиями Запада и либерал-буржуазными «интеллигентами» в СССР, был планетарным преступлением. В монографиях проанализирован весь комплекс конкретных причин гибели СССР. В обязательном уничтожении Советского Союза не было причин, он способен был к самосовершенствованию — с другими людьми во власти. А «нереформируемый», «нежизнеспособный» — это ложь. А. Н. Постниковым подчеркнуто: «неудачи Советского Союза — это неудачи всей планеты» (С. 80 второй книги).

В 2005 г. он принимал участие в работе IV Российского философского конгресса в Москве. Осуществлял руководство аспирантами, соискателями. Под его научным руководством подготовили и защитили кандидатские диссертации О. В. Мелентьева (соруководитель профессор В. И. Затеев) «Социальное проектирование образа жизни населения России (на примере Республики Бурятия)» (2003) и И. Р. Казарян «Межнациональные конфликты в постсоветской России: возможности проявления и предупреждения» (2005).

Зам. главного редактора «Вестника». В течение многих лет является заместителем главного редактора журнала «Вестник БГУ. Серия: философия, социология, политология, культурология», с 2013 г. — член редколлегии журнала «Евразийство и мир» (с международным редакционным советом).

Активно участвует в экспертно-квалификационной аттестации научных и преподавательских кадров. На протяжении почти 25 лет является членом совета по защите кандидатских и докторских диссертации по социальной философии и социологии при Бурятском госуниверситете, многие годы был членом докторского диссовета при Забайкальском гуманитарно-педагогическом университете. Часто выступает в качестве оппонента и эксперта при защите кандидатских и докторских диссертаций.

Как ученый и как человек Анатолий Николаевич принципиален. Тверд в своих убеждениях: он по-прежнему — коммунист, органически не приемлет либерально-воровского лихолетия. Скромен в быту. Любит порядок. Не против выпить рюмку коньяка и спеть арию. Регулярно занимается физкультурой. Дома у него штанга, полный набор гантелей различных по весу. Отдыхает летом на Байкале в компании друзей. Палатка всегда в багажнике машины.

Он и поэт. Пишет стихи. В 2002 г. вышел его сборник стихов «С надеждой». И хотя в кратком предисловии автор пишет, как бы извиняется, что

это — «домашнее увлечение», его стихи отличаются неподдельной искренностью, душевной теплотой, адресностью. Обращаясь к читателям своей небольшой книжечки, он пишет:

Свои сердечные слова,
Пока все живы, доскажите.
И всех любимых долюбите,
И письма маме допишите,
Пока она еще жива...

А. Н. Постников не только владеет пером, он также мастерски владеет топором, рубанком и другими столярными инструментами. Благодаря этому весьма специфическому для философа таланту в поселке Мостовой построена с его непосредственным участием красивая и просторная дача с небольшим бассейном.

Даже такое прозаичное строение как туалет сооружено с необыкновенным изяществом и художественным изыском и извещает большими резными буквами, что это «Дума». Депутаты высшего законодательного органа страны и не подозревают, что у них есть семантический двойник на станции Мостовой.

Анатолий Николаевич — атеист, но он верит в существование неких таинственных сил, людей, способных читать чужие мысли, предсказывать будущее. Любит смотреть телепередачи об экстрасенсах.

Семья — опора. Надежной опорой А. Н. Постникова все эти годы являлась его жена Лидия Александровна, учительница русского языка и литературы, 25 лет работала директором 40-й средней школы г. Улан-Удэ, заслуженный учитель школы Российской Федерации. К сожалению, в 2011 г. после тяжелой болезни Лидии Александровны не стало. Это большая, невосполнимая утрата для Анатолия Николаевича. Сегодня, как и раньше, рядом с ним находится дочь Татьяна Анатольевна, выпускница биолого-химического факультета БГПИ, ее муж Сергей Иванович, работник «Ростелекома». Есть внучки Аня и Оля, два правнука и две правнучки. Обе внучки окончили вузы, ныне работают по своим специальностям.

Плодотворная научная, учебная, общественная деятельность профессора А. Н. Постникова отмечена высокими государственными наградами. Он удостоен высокого звания «Почетный работник высшего профессионального образования» (2003), «Заслуженный работник образования Республики Бурятия» (2007), удостоен знака «Отличник народного просвещения».

Жить вдохновенно. Однажды Анатолий Николаевич сказал, что ему очень нравятся слова стихотворения его студенческого друга Юрия Дементьева. Может, они и являются девизом его активной жизненной позиции —

«Жить вдохновенно, просто и крылато!
Жить — как мечтают, любят и поют!
Чтоб высшей платой не была зарплата,
А высшим благом — комнатный уют».

Статья опубликована в биобиблиографическом указателе «Профессор Анатолий Николаевич Постников. Там же. С. 3–10.

Литература

1. Автобиография // Профессор Анатолий Николаевич Постников: биобиблиографический указатель / Бурят. гос. ун-т; науч. ред. И. И. Осинский. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2016. С. 10.

ЧЕЛОВЕК, ПРИЧАСТНЫЙ К СУДЬБАМ ТЫСЯЧ ЛЮДЕЙ

Член-корреспондент РАО С. В. Калмыков

Когда-то древнегреческий историк Гай Саллюстий заметил: «Каждый человек — творец собственной судьбы». А наш соотечественник Н. Г. Чернышевский конкретизировал эту мысль: «От самого человека зависит, до какой степени жизнь его наполнена прекрасным и великим». Эти слова как нельзя лучше подтверждаются жизнью, трудом Степана Владимировича Калмыкова, доктора педагогических наук, профессора, ректора Бурятского государственного университета. Вся его сознательная жизнь посвящена прекрасному и социально значимому — развитию образования, науки, культуры, подготовке высококвалифицированных специалистов для Республики Бурятия и в целом России.

Ступени роста. Родился он в селе Шанай Усть-Ордынского Бурятского автономного округа в семье крестьян. Родители Степана Владимировича — отец Владимир Ильич и мать Степанида Даниловна — работа-

ли в колхозе им. Сахьяновой, впоследствии преобразованном в совхоз «Бильчирский». После окончания Бильчирской средней школы поступил в Бурятский государственный пединститут, был одним из лучших студентов факультета, активным общественником, спортсменом. Вуз окончил с отличием в 1970 г. Затем была успешная работа преподавателем в Боханском педучилище, аспирантура в Московском областном пединституте, преподавательская деятельность в БГПИ им. Д. Банзарова, служба в Вооруженных Силах СССР. В 1977 г. после блестящей защиты в Москве диссертации по педагогике молодой кандидат наук назначается заведующим кафедрой гимнастики и борьбы, а спустя 10 лет — деканом факультета физической культуры БГПИ. В бурные перестроечные годы он избирается народным депутатом, председателем Комитета Верховного Совета Республики Бурятия по науке, культуре, образованию, молодежной политике и спорту. Работая на этом посту, Степан Владимирович много сил, энергии отдал делу укрепления, развития этой важной сферы жизнедеятельности республики. Он явился одним из инициаторов создания в Бурятии Улан-Удэнского филиала Новосибирского государственного университета. Одновременно вынашивались планы, составлялись проекты создания классического университета. Людям старшего поколения памятно интервью 7 ноября 1990 г. О. Неретиной, взятое у председателя Комитета ВС Бурятии С. В. Калмыкова с характерным названием «Бурятскому университету быть», опубликованное в одном из номеров газеты «Правда Бурятии». В нем были предположительно названы некоторые наиболее существенные черты облика будущего нового вуза.

Ректор. В 1993 г. С. В. Калмыков на альтернативной основе был избран ректором Бурятского государственного педагогического института. И вот уже почти 17 лет находится на этом важном посту, несет на своих плечах нелегкий груз многочисленных забот и большой ответственности. Именно здесь наиболее ярко раскрылся его разносторонний талант руководителя, педагога, ученого и государственного деятеля.

Вузы в 90-е годы переживали большие трудности: было свернуто централизованное снабжение, прекратилось строительство, стало нормой несвоевременные выплаты зарплат и стипендий, резкий рост преступности среди студенчества. В вузовской среде все чаще стало звучать слово «выжить!». В этой ситуации ректоры чувствовали себя весьма неуютно. Нелегко было на душе и у Степана Владимировича. Тем не менее молодой руководитель не опускал руки. Не в его это характере. Он по натуре боец.

Переломить ситуацию. Создать университет. Опираясь на квалифи-

цированный коллектив преподавателей, неплохую по тем временам материальную базу, научные наработки, созданные под руководством предыдущих ректоров, прежде всего, профессоров И. А. Батудаева и Г. Д. Басаева, новый ректор поставил задачу переломить ситуацию, добиться перехода от режима выживания к режиму развития, найти факторы, определить стратегии, обеспечивающие динамику в жизнедеятельности вуза. Благодаря усилиям Степана Владимировича в октябре 1994 г. коллегия Министерства образования РФ приняла решение о преобразовании Бурятского пединститута в педагогический университет. Но не успели, как говорится, высохнуть чернила на решении коллегии, как ректор развивает активную деятельность по созданию в Бурятии классического университета. Энергия, настойчивость руководителя увенчались успехом. В 1995 г. на базе Бурятского государственного пединститута и Улан-Удэнского филиала Новосибирского государственного университета Указом Президента России был создан новый вуз — Бурятский государственный университет. Создание университета явилось крупным событием в жизни Бурятии, началом нового этапа в развитии ее высшего образования, подготовки высококвалифицированных специалистов, развития науки.

Каким должен быть университет? Образованию университета предшествовала каждодневная, напряженная работа Степана Владимировича, его коллег. Было немало трудностей, противников этой идеи. Дело в том, что кроме проекта создания университета, с которым выступал С. В. Калмыков, существовал и другой проект — образование небольшого (как тогда говорили, элитного) университета на базе Улан-Удэнского филиала Новосибирского университета, а БГПИ предполагалось сохранить в прежнем статусе, который успешно в те годы готовил учительские кадры. Было немало сторонников того и другого проекта. Были дискуссии, демонстрации, пикеты. В итоге победа оказалась на стороне Степана Владимировича. Эта победа — не только результат настойчивости, наличия великолепных бойцовских качеств, но и того, что особенно важно в этом деле, а именно понимание современных стратегий развития высшего образования, его тенденций в условиях глобализирующегося мира. А такими тенденциями сегодня являются создание и развития преимущественно крупных многопрофильных вузов университетского типа, имеющих в своей структуре мощные научные подразделения, располагающие современной материально-технической базой, высококвалифицированным профессорско-преподавательским составом. Естественно, они имеют несравненно больше возможностей для подготовки высококласс-

ных специалистов, нежели мелкие, карликовые однопрофильные вузы. Крупные вузы объективно призваны быть центрами комплексного, системного интеллектуального развития своих регионов.

Университет сегодня. Прошедшие пятнадцать лет развития БГУ полностью подтвердили правоту С. В. Калмыкова и его коллег. Сегодня БГУ — это солидный, динамично развивающийся учебно-научный комплекс Восточно-Сибирского региона со своим все больше проявляющимся специфическим обликом, структурой, соответствующий потребностям развития как своего региона, так и страны в целом. Благодаря усилиям Степана Владимировича в составе университета образованы национально-гуманитарный институт, институт математики и информатики, педагогический институт. Наряду с существовавшими историческим, филологическим, физико-математическим, естественно-биологическим факультетами, иностранных языков, физического воспитания созданы новые — юридический, медицинский, социально-психологический, восточный, экономики и управления, физико-технический и другие факультеты. Открыты и успешно функционируют филиалы университета в п. Бохан (Иркутская область) и п. Агинское (Забайкальский край), в Улан-Баторе. Ведутся переговоры об открытии институтов БГУ в Пекине и Хух-Хото (КНР). В составе университета имеются гимназии, колледжи и другие подразделения. В университете обучается около 12 тыс. студентов, аспирантов, интернов, докторантов. За годы работы ректором С. В. Калмыкова расширилось число направлений и специальностей, по которым ведется обучение. При основании университета и лицензировании в 1996 г. в нем велась подготовка по 18 специальностям высшего профессионального образования. Сейчас перечень направлений и специальностей более 80. БГУ готовит кадры не только для системы образования, но и для науки, экономики, управления, культуры, здравоохранения и т. д.

Материальная база, кадры — главное в работе ректора. Степан Владимирович большое внимание уделяет укреплению и развитию материально-технической базы вуза. Достаточно отметить, что учебные площади университета за время его существования увеличилась с 35 тыс. $м^2$. до 87,9 тыс. $м^2$. Изменился внутренний облик учебных корпусов. Построены новые современные учебные корпуса в Агинском и Бохане общей площадью более 12 тыс. кв. м.

В 2011 г. намечается строительство крупного учебно-лабораторного корпуса по ул. Ранжурова, общежития по ул. Бау Ямпилова.

Постоянная забота ректора проявляется о качественном составе преподавателей, росте количества докторов

и кандидатов наук. Мне вспоминается, с какой гордостью в 1982 году (в год 50-летия БГПИ) мы говорили, что из 340 преподавателей у нас 10 докторов, профессоров и 137 кандидатов, доцентов. Сегодня в БГУ более 1000 преподавателей, из них около 170 докторов, профессоров и 560 кандидатов, доцентов. Доля преподавателей с ученой степенью и званием составляет 70%. На некоторых кафедрах этот показатель выше, чем на соответствующих кафедрах МГУ им. М. В. Ломоносова. Если до начала 90-х годов подготовка преподавателей с ученой степенью по всем без исключения специальностям велась в аспирантуре, докторантуре Москвы, Ленинграда, Новосибирска и некоторых других городов, то сегодня по 46 специальностям подготовка осуществляется в аспирантуре БГУ, а по философии и социологии имеется и докторантура. Ежегодно в аспирантуре и докторантуре БГУ и других вузах и НИИ России проходят подготовку 480 чел. В университете функционирует 8 докторских диссертационных советов, на которых защищается ежегодно около 100 докторских и кандидатских диссертаций. Приезжают в БГУ защищать свои работы исследователи из Читы, Иркутска, Красноярска, Кемерово, Якутска, Улан-Батора, Южно-Сахалинска, Кызыла и других городов.

Успеху в подготовке преподавательских, научных кадров во многом способствовала и способствует высокая требовательность, взыскательность ректора, сочетающаяся с доброжелательностью, поддержкой, созданием благоприятных условий для профессионального роста, атмосферы сотворчества, поиска, взаимопомощи. Степан Владимирович прекрасно сознает, что такая атмосфера является необходимым условием для плодотворных научных исследований, реализации важных исследовательских проектов.

Приоритеты в науке. Осуществляя руководство научным процессом, ректор ориентирует исследователей на разработку крупных актуальных проблем, имеющих большое научное и народнохозяйственное значение, на интеграцию университетской науки с академической (сотрудничество кафедр БГУ с соответствующими подразделениями БНЦ СО РАН), на развитие международных научных связей, привлечение крупных отечественных ученых для работы в качестве заведующих кафедрами, ведущих профессоров университета.

Сегодня приоритетными направлениями научных исследований являются: актуальные проблемы философии, социологии, истории, археологии, филологии и права стран Азиатско-Тихоокеанского региона; этнопедагогические и этнопсихологические особенности развития личности в условиях глобализации; Восток-Запад: проблемы диалога культур в сфере образования, воспитания, фи-

зической культуры и спорта; развитие интегративной медицины, основанной на консолидации достижений современного здравоохранения и системы традиционного врачевания; исследование структуры функционирования растительных и животных комплексов Байкальского региона; эколого-географические основы оценки природно-техногенных систем Байкальского региона и др.

В университете осуществляется широкий круг фундаментальных исследований — от философии до геофизики. На многих кафедрах ведутся прикладные и инновационные исследования. В университете сложились ведущие научные школы, получившие признание мирового научного сообщества в области физики конденсированного состояния, ботаники, орнитологии, истории, монголоведения, социологии, философии, литературы, лингвистики, педагогики и др.

По итогам исследований написаны и изданы, в том числе в центральных изданиях, сотни монографий, сборников научных трудов, учебников, учебных пособий. Университет стал местом проведения крупных международных, российских и региональных научных конференций. Ректор уделяет большое внимание таким подразделениям, как библиотека, издательство, играющих важную роль в жизни вуза, в организации научных исследований. Библиотека БГУ является крупнейшей вузовской библиотекой Бурятии, насчитывающей 1,1 млн экземпляров литературы.

Член-корреспондент РАО. Степан Владимирович не только осуществляет руководство научной деятельностью вуза, но и сам активно ведет научные исследования. Он — известный ученый, доктор педагогических наук, профессор. В 1999 г. избран членом-корреспондентом Российской Академии образования. Им подготовлено и издано около 200 научных работ, в том числе 12 монографий, которые получили высокую оценку научной общественности.

Среди них: «Индивидуальность в спорте» (1993), «Основы индивидуализации подготовки спортсменов единоборцев» (1994), «Университеты связуют времена» (2010). Под его личным научным руководством подготовлено около 30 кандидатов и докторов педагогических наук. В течение многих лет является председателем совета по защите докторских диссертаций на соискание ученой степени доктора педагогических наук. Им как тренером подготовлено более 20 мастеров спорта международного класса и мастеров спорта СССР и РФ, которые неоднократно становились чемпионами и призерами крупных международных и всероссийских соревнований.

С. В. Калмыков большое внимание уделяет ветеранам университета, организует с ними ежегодные встречи, знакомит с деятельностью вуза, его

планами. Предметом особой заботы ректора являются молодые, талантливые преподаватели, студенты, аспиранты.

Как ректор, С. В. Калмыком обладает ценными качествами — широтой кругозора, твердостью характера, умением вести коллектив, видеть его перспективу, держать в состоянии постоянного интеллектуального поиска. Он — патриот своего вуза, живет его делами, заботами, отличается деликатностью в общении с людьми, глубокой внутренней культурой, интеллигентностью. Его можно видеть не только в своем кабинете, или на Ученом Совете, но и в студенческой аудитории, на стадионе, на факультетах, на «Студенческой весне»... Это помогает ему глубже, рельефнее чувствовать и понимать проблемы университета, интересы его преподавателей, студентов, работников.

Общественная деятельность. Признание. Профессор С. В. Калмыков известен в республике и своей активной общественной деятельностью. Он в течение 20 лет является депутатом высшего законодательного органа Республики Бурятия (с начала Верховного Совета, затем Народного Хурала), 3 года возглавлял Комитет Верховного Совета по науке, культуре, образованию, молодежной политике и спорту. С 2000 г. — Почетный консул Республики Корея в Республике Бурятия.

За трудовые успехи, развитие международного сотрудничества, Степан Владимирович награжден орденом Монголии «Полярная звезда», тремя медалями и тремя почетными государственными грамотами. Ему присвоено звание «Почетный работник высшего профессионального образования РФ». Удостоен нагрудных знаков «За отличные успехи в области образования СССР», «За заслуги в развитии физической культуры и спорта» (Государственный Комитет РФ по физической культуре, спорту и туризму), Медалью Агвана Доржиева.

Степан Владимирович — прекрасный семьянин, любящий и любимый муж Екатерины Алексеевны Калмыковой. Отец двоих сыновей — Алексея и Саяна.

В заключение отметим, что С. В. Калмыков — творец не только собственной судьбы, но он причастен к становлению судеб многих и многих тысяч других людей. Своими знаниями, эрудицией, опытом профессор С. В. Калмыков помог и продолжает помогать людям в выборе ими профессиональных и нравственных ориентиров, в определении достойного места в современном, динамично и противоречиво развивающемся социуме.

Коллектив Бурятского государственного университета, многочисленные ученики, друзья сердечно по-

здравляют Степана Владимировича с 60-летием и желают доброго здоровья, благополучия ему и его семье, новых творческих успехов на ниве российского образования, науки и культуры.

Статья опубликована в газете «Бурятия» 2 апреля 2010 г.). О становлении и развитии Бурятского государственного пединститута и университета и о деятельности ректора С. В. Калмыкова речь идет в книгах Осинского И. И. Alma Mater (о Бурятском государственном педагогическом институте и университете) (Улан-Удэ, 1999. 642 с.) и С. В. Калмыкова и И. И. Осинского «Бурятский университет: история и современность» (Улан-Удэ, 2012. 190 с.), С. В. Калмыкова «Университеты связуют времена» (Улан-Удэ, 2010. 304 с.); С. В. Калмыкова Организация и становление университета переходного периода. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2005. 412 с.)

P. S. с 2015 г. профессор С. В. Калмыков на заслуженном отдыхе.

НА СТРАЖЕ ПРИРОДЫ

Профессор Ц. З. Доржиев

Имя Цыдыпжапа Заятуевича Доржиева известно не только в России, но и в других странах. Он крупный специалист в области популяционной и эволюционной экологии, охраны и сохранения биоразнообразия животных. Исследует также проблемы экологии человека, сельскохозяйственных животных, образования и науки. Является одним из организаторов Бурятского государственного университета. Доктор биологических наук, профессор, академик Российской экологической академии, лауреат Государственной премии в области науки и техники Республики Бурятия.

История с именем. Родился Ц. З. Доржиев 31 января 1949 г. в селе Угнасай, расположенном в живописной Гаргинской долине Курумканского района в Бурятии в семье учителя Заято Мунхоевича Доржиева и Намсалмы Базаровны Будаевой. Родители дали новорожденному имя

Даба (Луна, тибетское). Оформить свидетельство о рождении попросили односельчанина Дармаева в сельском совете в селе Арзгун, куда относились жители Угнасая. Как пишет об этом Ц. З. Доржиев, — по дороге забыл мое имя и дату рождения и дал мне имя Цыдыпжап и день рождения датировал 1 февраля. На моей родине старшие и мои друзья до сих пор зовут меня Даба, молодые — Цыдыпжапом. Так я имею два имени.

Имя «Цыдыпжап» состоит из двух имен тибетского происхождения «Цэдэб» и «Жаб». Первое означает жизнедатель, второе — защита, Покровительство. Мое полное имя трудно выговаривается и не запоминается многими. Поэтому незаметно я стал на работе Цыдыпом» [1]. Такая история произошла с именем будущего известного ученого. Кстати, сам Ц. З. Доржиев считает, что имя человека имеет большое значение для его жизни. Исследованиями выявлено, что люди, имеющие незвучное или неблагозвучное имя, во многих случаях проигрывают тем, у кого красивое, хорошо запоминавшееся имя. Часто первое представление о человеке дает имя. Наверное Цыдыпжап Заятуевич прав.

Учеба. Защита диссертации. Первые три года Цыдыпжап учился в Гаргинской восьмилетней школе. В последующем продолжил учебу в Курумкане. После окончания средней школы в 1967 г. поступил на биолого-химический факультет Бурятского государственного пединститута (БГПИ). В студенческие годы занимался в научно-исследовательском кружке. Дипломная работа была выполнена по теме «Материалы узкочерепной полевки в Селенгинском среднегорье». После непродолжительной работы в лаборатории зоологии Института естественных наук СО АН СССР, куда он был направлен после окончания БГПИ и службы в Советской Армии он в 1975 г. был приглашен на кафедру зоологии БГПИ на должность ассистента. В 1979 г. поступил в годичную аспирантуру им. В. И. Ленина (МГПИ). В 1980 г. там же успешно защитил кандидатскую диссертацию «Сравнительная экология сизого и скалистого голубей в Западном Забайкалье», которая получила высокую оценку членов диссертационного совета МГПИ.

В 1980 г. Ц. З. Доржиев вернулся на кафедру зоологии БГПИ, где в следующем году был избран заведующим кафедрой. В этой должности он трудился в течение восьми лет. В 1988 г. он был избран заведующим лабораторией зоологии Бурятского института биологии СО АН СССР, затем назначен заместителем директора института по науке. В 1992–1993 гг. участвовал в организации Улан-Удэнского филиала Новосибирского государственного университета в должности заместителя директора по учебной и научной работе.

Возвращение в пединститут. Проректор. Один из организаторов БГУ. В 1993 г. Ц. З. Доржиев по приглашению ректора БГПИ С. В. Калмыкова возвращается в БГПИ и назначается на должность проректора по учебной работе, затем становится проректором по науке и первым проректором. С 1995 г. по совместительству заведует кафедрой зоологии. Работая в течение 10 лет (до 2003 г.) в ректорате БГПИ-БГУ, принимал активное участие во всех организационных мероприятиях, связанных с созданием и становления БГУ. Организовал и курировал работу многих ключевых подразделений университета — учебно-методического управления, научно-исследовательской части, отдела аспирантуры, издательства и международного отдела. Ему была делегирована часть полномочий координации работы проректоров [2]. В 2011 г. вновь стал первым проректором БГУ.

В общей сложности Ц. З. Доржиев около 15 лет работал проректором по учебной и научной работе, первым проректором и одновременно более 30 лет заведовал кафедрой зоологии и экологии.

За годы работы Цыдыпжапа Заятуевича в качестве одного из руководителей Бурятского государственного университета в период его организации, становления и развития была приложено много усилий, знаний, опыта, таланта. Это была нетрадиционная деятельность, по заранее начертанному плану, а новаторская, требовавшая учета опыта лучших университетов страны, территориального положения Бурятии. Отрадно отметить, что эта деятельность была успешной. Сегодня Бурятский государственный университет располагает достаточно прочной материально-технической, учебно-методической базой, квалифицированным профессорско-преподавательским составом, оптимально-выстроенной структурой, опытом, налаженными научными связями со многими российскими и зарубежными вузами и научно-исследовательскими учреждениями. У преподавателей, студентов и сотрудников БГУ есть чувство гордости за свою принадлежность в его благополучной перспективе развития.

Исследователь. Его любовь — птицы. Защита докторской диссертации. Цыдыпжап Заятуевич обладает не только завидными организаторскими способностями, которые были использованы на благо Бурятского университета, развития науки и образования республики в целом, но эволюционной экологии, охраны и сохранения биоразнообразия животных. Несмотря на большую занятость в ректорате он не делал перерывов в научных исследованиях. Птицы — его стихия, любовь. По признанию Ц. З. Доржиева, он ежедневно еще до начала рабочего дня успевал в течение 2–3 часов позаниматься своим

любимым делом. Незаметно для посторонних глаз, без отрыва от производства он завершил свою докторскую диссертацию. В марте 1995 г. Ц. З. Доржиев на диссертационном совете МГУ им. М. В. Ломоносова успешно защитил диссертацию «Сравнительная экология близкородственных видов птиц в зонах симпатрии» по специальности «экология». Труд Ц. З. Доржиева получил высокую оценку специалистов. Профессор А. Б. Иметхенов и доктор биологических наук Э. Н. Елаев пишут, что «диссертационная работа посвящена малоисследованной проблеме экологической зоогеографии и популяционной экологии животных. Автором были выявлены общие закономерности формирования и механизмы поддержания симпатрии (совместного обитания в зоне перекрывания ареалов) у близкородственных видов птиц, особенности организации и функционирования их сообществ. Сравнительно-экологические исследования близких видов позволили соискателю существенно расширить современные представления об экологической дивергенции птиц в родовых комплексах. Ц. З. Доржиевым предложена новая гипотеза возникновения видов-двойников [3].

На основе материалов диссертации в 1997 г. им опубликована монография, которая получила большой резонанс среди зоологов России. Профессор Московского государственного университета на эту книгу в «Зоологическом журнале» (2000, т. 79. № 2) писал: «Рецензируемая монография без сомнения станет заметным явлением в нашей орнитологической и экологической литературе. Она написана прекрасным натуралистом, истинным знатоком жизни птиц в природе, зоологом-полевиком… Хочется надеяться, что книга Ц. З. Доржиева будет способствовать возрождению интереса орнитологов к экологическим и этологическим аспектам существования близкородственных видов птиц» [4].

Ц. З. Доржиев и его коллеги вели активные исследования в области охраны животных. В 80-гг. были изданы монографий Г. М. Хабаевой, Ц. З. Доржиева, К. М. Богдановой, Г. К. Боровицкой, Л. К. Бардоновой «Редкие и исчезающие животные и растения Бурятии» (1982 г., 144 с.), сборники научных трудов «Экология и население птиц» (1985 г., 170 с.). Эти и другие исследования послужили основой создания Красной книги республики.

Под руководством Ц. З. Доржиева продолжаются разработки проблем в орнитологии, решение которых имеет не только творческое, но и большое практическое значение. Положения, разработанные на основе некоторых исследований, выходят за пределы орнитологических проблем, по существу являются общебиологическими.

Экология сельскохозяйственных животных. В последние годы в связи с проблемой восстановления традиционного природопользования научные интересы Ц. З. Доржиева переключаются на экологию сельскохозяйственных животных, в частности на разработку породного районирования крупного рогатого скота в Республике Бурятия с учетом адаптивных особенностей животных к условиям разных районов региона и экономических потребностей населения. На основе изучения морфофизиологических и экологических признаков разных пород скота удалось установить, что лучше всего в условиях Забайкалья из существующих пород адаптирована калмыцкая порода крупного рогатого скота, затем идет казахская белоголовая и меньше всего приспособлена к местным условиях симментальский скот. Также удалось выявить особенности межвидовой гибридизации крупного рогатого скота и яка в условиях содержания в Окинском районе Бурятии, на основе которых разработаны рекомендации по повышению эффективности получения гибридов — хайнаков, что заметно повлияет на мясную продуктивность горных районов Юга Восточной Сибири [5].

Результаты научных интересов. Результаты исследований профессора Ц. З. Доржиева нашли свое отражение в научных публикациях, число которых приближается к 300 наименованиям, в их числе 16 авторских и коллективных монографий. Он — участник проектирования Тункинского национального парка, Джергинского государственного заповедника, создания Красной Книги Республики Бурятия. Выполняет совместные научные проекты со многими учеными из России, Монголии, Китая, Японии, Англии, Швейцарии, Голландии, США и др. Является основателем и руководителем забайкальской научной школы зоологов-экологов. Под его руководством подготовлено и защищено более 40 докторов и кандидатов из разных регионов Сибири и Монголии. Является председателем диссертационного совета по защите докторских и кандидатских диссертаций по биологическим наукам. С именем Ц. З. Доржиева связаны инициатива и выпуск периодических научных и научно-популярных изданий «Вестник Бурятского университета», «Бурятия», «Известные люди Бурятии», «Сибирская орнитология». Он организатор и главный редактор международного научного журнала «Природа Внутренней Азии. Nature Io Inner Asia». Им инициировано и проведено более 10 международных и всероссийских научных конференций. Руководитель и участник многих международных и всероссийских научных экспедиций по Южной Сибири, Монголии и Северному Китаю.

Активно участвует в общественно-политической жизни республики. Являлся депутатом Народного

Хурала Республики Бурятия второго созыва (1998–2002). Член орнитологического комитета Северной Евразии.

Почетные звания и награды. За плодотворную научную, научно-организационную общественную деятельность Ц. З. Доржиев удостоен почетных званий: «Заслуженный деятель высшей школы Российской Федерации», «Заслуженный деятель науки Республики Бурятия», «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации», лауреат Государственной премии Республики Бурятия в области науки и техники. Награжден Почетными грамотами Народного Хурала Республики Бурятия, Академии наук Монголии, Бурятского научного центра СО РАН, юбилейной золотой медалью Чингисхана «Их засаг» и др.

Ему присвоено почетное звание «Заслуженный профессор БГУ».

Ц. З. Доржиева характеризуют такие замечательные качества, как трудолюбие, ответственность, доброжелательность, скромность, интеллигентность.

Семья. Ц. З. Доржиев хороший семьянин, отец двух дочерей и дедушка двух внуков, Жена Валентина Дагбаевна, филолог, кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков БГУ, старшая дочь Ирина историк-востоковед, кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры политологи и социологии БГУ, младшая дочь Раджана юрист, после окончания аспирантуры в МГУ им. М. В. Ломоносова работает начальником отдела правового обеспечения строительной деятельности ЗАО «Группа компаний «Дружба» в г. Москва.

Литература

1. Доржиев Ц. З. Жизнь в период перемен. От сельского мальчугана до профессора университета. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2009. С. 39.

2. Доржиев Ц. З. Доктора наук, профессора БГПИ-БГУ (1932–2012) / Бурятский госуниверситет; науч. ред. С. В. Калмыков; сост. С. В. Калмыков, Ц. З. Доржиев, С. М. Бабушкин, А. Г. Малгатаева. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2012. С. 85.

3. Иметхенов А. Б., Елаев Э. Н. Об авторе // Доржиев Ц. З. Жизнь в период перемен. От сельского мальчугана до профессора университета. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2009. С.6.

4. Там же.

5. Там же. С. 8.

ОН УМЕЛ БУДИТЬ МЫСЛЬ

Профессор В. А. Балханов

В 2015 году исполнилось 70 лет известному российскому философу, члену Международной академии информатизации, доктору философских наук, профессору, заслуженному деятелю науки Российской Федерации Валерию Александровичу Балханову.

Путь в философию. В. А. Балханов родился 13 июля 1945 г. в селе Тарбагатай Тарбагатайского района Бурятской АССР, в семье служащего: отец Александр Афанасьевич был первым секретарем РК КПСС, мать Зинаида Константиновна — домохозяйкой.

В начале 1960-х гг. семья переехала в Улан-Удэ. В 1962 г. Валерий окончил школу № 9 г. Улан-Удэ с серебряной медалью. Работал грузчиком, монтером, учителем. В 1965 г. поступил на физико-математический факультет Бурятского государственного педагогического института, который окончил с отличием в 1969 г. и, как один из лучших и перспективных выпускников, был оставлен работать в пединституте. В 1969 г. был направлен в качестве стажера-исследователя кафедры геометрии в МГПИ им. В. И. Ленина.

После возвращения из Москвы в 1970 г. был назначен ассистентом кафедры философии и научного коммунизма БГПИ им. Д. Банзарова. В 1972–1975 гг. он обучался в аспирантуре Московского областного пединститута им. Н. К. Крупской, после прохождения которой возвратился на свою родную кафедру философии. Фундаментальная математическая подготовка и хорошее знание философии определили его стержневые научные интересы и исследовательскую деятельность в течение всей творческой жизни. Его кандидатская диссертация «Гносеологические основы математизации научного знания» была успешно защищена в 1977 г. в Институте философии АН СССР. После получения степени кандидата философских наук он продолжает свою трудовую деятельность на кафедре философии в качестве доцента. Одновременно активно занимается научно-

исследовательской работой. В 1988 г. он переводится на должность старшего научного сотрудника, а в 1990 г. завершает докторскую диссертацию на тему «Взаимосвязь социокультурных и методологических оснований математизации науки» и успешно защищает ее в Алма-Ате в Институте философии и права АН Казахской ССР. Следует отметить, что 1990 год был очень трудным для тех, кто защищал диссертации: шел пересмотр мировоззренческих основ научных исследований. Мы ведь писали свои работы, опираясь на марксистскую методологию. Мне помнятся эти трудности, так как я тоже защищал свою докторскую диссертацию по философии в 1990 г. в Москве.

Осенью 1990 г. Валерий Александрович был избран секретарем парткома БГПИ, а после августовских событий 1991 г. возглавил новую кафедру культурологии. В 1993 г. ему было присвоено звание профессора по кафедре философии. В том же году он был избран на должность заведующего кафедрой философии, которую возглавлял до 1996 г.

Профессор. Обладая глубокими профессиональными знаниями, широкой эрудицией и творческим потенциалом, профессор В. А. Балханов являлся одним из ведущих философов Бурятского государственного университета. Им разработаны в течение ряда лет и успешно читались оригинальные философские курсы «Философские проблемы математики», «Философские основы математического моделирования», «Философия информационной цивилизации», «Философия и методология науки» и др.

Валерий Александрович — автор более 150 научных и учебных работ, в том числе 10 индивидуальных и коллективных монографий. В основных трудах исследователя развивается идея имманентного содержания «математических» характеристик в науке. Так, в монографии «Философско-методологические основы математизации знания» (1986) предмет математики интерпретируется ученым как специфическая представленность качества в количестве, как измерения качества. Сущность математизации в монографии «Основания математизации науки» (1995) определяется как функционирование особой «субстанции» — деятельности измерения, конкретный тип которой и является основанием исторически изменяющегося предмета математики. Деятельность измерения, представляя собой превращенную форму предметной деятельности, детерминируется социокультурными факторами, прежде всего категориальным строем мышления, мировоззренческими парадигмами эпохи. Деятельность измерения, являясь конкретно-всеобщим основанием математизации науки, синтези-

рует математическое познание с познанием человеческого общества. Автором на основании понятия «переменной» структуры (аналога переменной Р. Декарта) выявлена тенденция развития современной математики в сторону ее информатизации.

Философия образования. Профессор Балханов Валерий Александрович — известный ученый не только в области философии науки, но и философии образования. Одним из первых в отечественной науке он начал разрабатывать основные принципы целостного мировоззрения, в рамках которого формируется современная научная мудрость. Развивая современный концептуальный аппарат, В. А. Балханов органично сближает науку (теоретическое знание), вненаучное знание и политику в области образования. Результатом явилась концепция неклассической фундаментализации образования, ставшая методологической и теоретической основой для осмысления роли современного мировоззрения и постнеклассической науки в инновационных образовательных процессах. Его работы получили признание в современных научных исследованиях, вносят большой вклад в разработку актуальных вопросов философии образования, методологических проблем гуманитарной, мировоззренческой культуры.

Как отмечает профессор В. В. Мантатов, «Социокультурные основания целостного мировоззрения определяются, по мнению В. А. Балханова, диалогом культур и цивилизаций, а его естественнонаучным основанием является постнеклассическая наука, в частности, синергетика, информатика и теория фракталов. В. А. Балханов дал высококвалифицированный анализ современных научных теорий, обосновывающих философскую идею всеединства мира: «Все — в одном и одно — во всем». Являя собой действительно новое мировоззрение, постнеклассическая наука на качественно новом уровне возрождает античную идею целостности бытия, отмеченную также поэзией на интуитивном уровне: «В песчинке — целый мир найти, и небеса — в цветке лесном, в ладони — космос уместить, и век — в мгновении одном». В этих словах выражена суть системной философии как духовного учения о всеединстве и гармонии мира. Именно такое целостное мировоззрение, совпадающее с духовно-поэтическим видением мира, автор связывал с фундаментализацией образования [1].

Им и его учениками разрабатывались теоретико-концептуальные модели инновационного образования, которые широко используются в научных статьях, монографиях, докторских и кандидатских диссер-

тациях по философско-методологическим проблемам современного образования. Они используются в учебных пособиях для студентов вузов, рекомендованы в качестве обязательной литературы учебными программами вузов.

Разработка гуманитарных технологий образования нашла применение в программах, осуществлявшихся Министерством образования и науки РБ, например, в эксперименте МИКЭБИ (Мировая Культура, Экология, Бизнес, Инициатива), послужившем площадкой для разработки и внедрения идей и принципов современной фундаментализации в педагогической деятельности школ, колледжей и вузов Бурятии и других регионов Сибири (например, в педагогическом колледже № 1 г. Иркутска, входящем в «Золотую десятку колледжей России»).

В соавторстве со своими учениками и последователями он издал три монографии, посвященные концептуальным основам современного образования. В 2002 г. опубликована его монография «Встреча с прошлым и будущим (наука и фундаментатизация образования в контексте целостного мировоззрения)». В своем исследовании В. А. Балханов рассматривает сложный диалектический процесс бесконечной интерпретации и реинтерпретации содержания «участников» диалога — материализма и идеализма, пропущенных сквозь современный научный и культурный менталитет. Перспектива предмета науки совпадает с его ретроспективой, глубина и эвристичность которой состоит в том, что в определенных отношениях в истории науки и познания ничего «не пропадает», происходит постоянная встреча-диалог прошлого и будущего. Профессор В. А. Балханов отмечает, что в XXI в. вновь идеи прошлого наполняются новым содержанием, соответствующим ценностям и смыслу бытия человека эколого-информационного общества. Уникальность современной эпохи состоит в том, что сжатая пружина времени, во многом благодаря постнеклассической науке и современным технологиям, прежде всего — информационным, требует соответствующей реакции со стороны образования. Неклассическое толкование фундаментализации образования начинается с понимания и усвоения духовных ценностей, гуманистических представлений о жизненных ориентирах, предельных основаниях и нормах человеческой жизнедеятельности, основанной на постнеклассической науке. Идея взаимодействия науки и современного мировоззрения в эпоху глобализации разрабатывается в его учебном пособии «Проблемы бытия и судьбы цивилизации», вышедшем в 2003 г.

Научно-организационная деятельность. Исследовательскую ра-

боту В. А. Балханов плодотворно сочетал с научно-организационной деятельностью. Под его руководством защищены 9 докторских и кандидатских диссертаций. Он являлся руководителем — научным редактором монографий коллег и своих учеников, сборников научных статей. Он был членом двух диссертационных советов по защите докторских диссертаций по философии и педагогике в Бурятском госуниверситете, где постоянно выступал в качестве официального оппонента и рецензента. Долгое время он был членом диссертационных советов в Иркутском госуниверситете и Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств. В. А. Балханов являлся инициатором создания и руководителем методологических семинаров Бурятского госуниверситета и кафедры философии. При его активном участии создавалось Бурятское отделение Философского общества СССР, где он был первым ученым секретарем.

В. А. Балханов постоянно выступал на международных конференциях. Его доклады не раз были включены в повестку пленарных заседаний международных конференций в Санкт-Петербургском (1999), Волгоградском (1998, 2000), Бурятском госуниверситетах (2000, 2002, 2004, 2005). Он не раз являлся организатором, членом оргкомитета и руководителем секций международных и республиканских научных конференций. Ежегодно выступал на республиканских и университетских конференциях, посвященных совершенствованию и подготовке специалистов. По этому вопросу в 1996 г. он выступил с докладом на заседании отдела Института стран Азии и Африки при МГУ. В 1996 г. был избран действительным членом (академиком) Международной академии информатизации.

Педагог. Научную и научно-организационную деятельность В. А. Балханов успешно совмещал с педагогической. Одним из первых он разработал и прочел университетский курс «Концепции современного естествознания». Им разработаны и апробированы программы курсов «История и методология предмета математики» для студентов математического факультета, «История и философия науки» для аспирантов. Он читал курс систематической философии для аспирантов и соискателей, являлся членом экзаменационной комиссии по приему кандидатских экзаменов по философии.

Профессор В. А. Балханов был незаурядным ученым, прекрасным преподавателем. Его лекции в студенческой аудитории, выступления на теоретических семинарах, заседаниях диссертационного совета всегда отличались глубиной, нетрадиционностью, ясностью. Он не любил

отмалчиваться, был бойцом. Не боялся не согласиться с кем бы то ни было, если у него было другое мнение, другая научная позиция. Правда, это делалось, как правило, весьма корректно, доброжелательно, не задевалось самолюбие того, кого он критиковал, с кем был не согласен.

Валерий Александрович был добрым, отзывчивым, даже мягким человеком. Много работал со студентами, аспирантами, докторантами. К нему всегда тянулась молодежь, или, прежде всего, те, у кого были мысли, научные идеи, кто хотел заняться научным поиском. Знали, что у профессора всегда можно получить разумный совет, квалифицированную консультацию. Он был руководителем крупной коллективной темы, которая разрабатывалась на кафедре философии: «Наука, образование в контексте целостного мировоззрения». В процессе работы над темой шел процесс формирования его научного коллектива. Он много и с большим интересом заниматься со своими младшими коллегами. В процессе творческого общения обсуждались актуальные научные проблемы, интересные философские монографии, статьи, апробировались работы членов коллектива. Здесь были определены темы научных исследований, которые под руководством Валерия Александровича оформились в кандидатские и докторские диссертации. Благодаря компетентности, настойчивости научного руководителя его учениками были выполнены оригинальные научные исследования, которые по достоинству были высоко оценены научным сообществом.

Семьянин. В. А. Балханов был хорошим семьянином. Его супруга Светлана Степановна — известный ученый, доктор филологических наук, профессор, многие годы возглавляла кафедру русской литературы. У Валерия Александровича и Светланы Степановны двое сыновей. Олег Валерьевич окончил экономический факультет Института торговли в Новосибирске, занимается предпринимательством. Александр Валерьевич окончил восточный факультет Санкт-Петербургского университета, трудится редактором англоязычных мобильных приложений (г. Москва).

Признание. За вклад в развитие науки и подготовку кадров В.А. Балханов удостоен почетных званий: «Заслуженный деятель науки Российской Федерации», «Заслуженный деятель науки Республики Бурятия». Награжден Почетной грамотой Министерства просвещения СССР, знаком «Отличник народного просвещения».

В 2015 г. на базе Бурятского госуниверситета была проведена региональная научная конференция «Целостное мировоззрение: опыт исследования и интерпретации», посвященная 70-летию со дня рождения

профессора В. А. Балханова. Издан сборник материалов под таким же названием (278 с.).

Имя В. А. Балханова включено в энциклопедию П. В. Алексеева «Философы России XIX–XX вв.: биографии, идеи, труды» (Москва, 1999, 2002, 2009 гг.); энциклопедию личностей серии Hubners Who is Who «Who is Who в России» (Вып. 5; Schweiz, 2011), справочное библиографическое издание «Доктора наук и профессора БГПИ—БГУ (1932–2012)» (Улан-Удэ, 2012).

Литература

1. Мантатов В. В., Мантатова Л. В. Целостность ученого и человека // Целостное мировоззрение: опыт исследования и интерпретации: материалы региональной научной конференции, посвященная 70-летию со дня рождения профессора В. А. Балханова / отв. ред. М. В. Бадмаева. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2015. С. 209.

Статья опубликована в сборнике статей «Целостное мировоззрение: опыт исследования и интерпретации: материалы региональной научной конференции, посвященная 70-летию со дня рождения профессора В. А. Балханова / отв. ред. М. В. Бадмаева. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2015. С. 3–7; 212–215).

ФИЛОСОФ ИЗ ПОЛЕСЬЯ

Профессор Н. А. Козловец

Его малая родина Полесье. Встречи с Николаем Адамовичем, его письма всегда вызывают особые чувства не только своей теплотой, искренностью, но и обеспокоенностью, тревогой происходящим в этом мире и еще больше его будущим. Его, как и автора этого очерка, не может удовлетворить то, что происходит в наших странах в системе образования, науке, в социальной, демографической сферах, особенно рост нищеты, коррупции в органах власти, разруха в экономике... И уж совсем страшным сном кажутся сегодняшние взаимоотношения между нашими государствами,

народы которых не одно столетие жили в мире и согласии, общими усилиями защищали свою землю, создавали свое настоящее и будущее, поправу называли себя народами — братьями. Все это не можег не тревожить подлинного интеллигента независимо от его национальной принадлежности, ведь основными качествами интеллигенции, как отмечает профессор М. С. Каган, являются наличие нравственной позиции, чувства социальной ответственности, способности мучительно переживать протекающие в обществе процессы, а не замыкаться эгоистически и равнодушно в узких границах собственного индивидуального или семейного бытия. «Интеллигенция — это образованные люди с больной совестью» — как ее афористически назвал М. С. Каган [1].

К представителям такой интеллигенции принадлежит и профессор Николай Адамович Козловец.

Родился он 30 мая 1953 г. в селе Стовпинка Олевского района на Житомирщине, являющейся центральной областью Украины. Этот чарующий не только поэтов и путешественников, но и завоевателей край с древнейших времен называют Полесьем. Это родина С. П. Королева (1907–1966), родоначальника практической космо-.навтики, Ярослава Домбровского, генерала, героя Парижской коммуны, Л. Я. Штеенберга, выдающегося этнографа, А. В. Клосовского, талантливого метеоролога, первого русского метеоролога В. И. Векслера, знаменитого физика, писателей В. Г. Короленко, Л. В. Никулина, О. О. Кандыбы (О. Ольжича), Леси Украинки, всемирно известного пианиста С. Т. Рихтера и др.

Полесье вошло в историю Великой Отечественной войны как знаменитый партизанский край, прославивший себя борьбой (победами) с фашистами. В 1941–1945 гг. в рядах партизан побывало около 60 тыс. бойцов, из них 70% составляли жители области.

Может быть, не случайно родители Николая Адамовича дали своему сыну имя Миколай (Николай) (от греч. Nikolas nike — победа и Laos — народ). И оно как родительское напутствие вселяло в него уверенность на его жизненных дорогах.

Путь в науку. После окончания местной средней школы Николай в 1976 г. поступил на философский факультет самого авторитетного в Украине Киевского государственного университета имени Т. Г. Шевченко. Во время учебы он был в числе лучших студентов, активно участвовал в общественной жизни вуза. В 1981 г. закончил с отличием университет по специальности «философ, преподаватель общественно-политических дисциплин». С 1981 по 1984 г. работал в должности ассистента кафедры философии и научного коммунизма Житомирского государственного педагогического института имени Ивана

Франко. В 1984 г. поступил в аспирантуру Киевского государственного педагогического института имени М. Горького (ныне Национальный педагогический университет имени М. П. Драгоманова), после окончания которого с 1987 г. по 1990 г. работал ассистентом кафедры политэкономии и теории современного социализма Житомирского пединститута. В январе 1990 г. в КГУ им. Т. Г. Шевченко Н. А. Козловец защитил кандидатскую диссертацию по специальности «Социальная философия и философия истории». Тема исследования «Формирование отношений коллективизма в условиях бригадных форм организации и стимулирования труда».

После защиты диссертации с 1990 г. работал старшим преподавателем кафедры истории и политологии, а с 1995 г. — доцентом кафедры философских и экономических дисциплин Житомирского государственного педагогического института им. И. Франко, преобразованного в 2004 г. в государственный университет.

С 2000 по 2007 г. Н. А. Козловец возглавлял кафедру философии ЖГПИ, позже ЖГУ им. И. Франко. Затем в течение 3 лет находился в докторантуре философского факультета КГУ им. Т. Г. Шевченко. В 2010 г. там же состоялась защита докторской диссертации «Феномен национальной идентичности в контексте глобализации: социально-философский анализ». Работа, как отмечали члены диссертационного совета, отличалась не только теоретической, но и большой практической ценностью. В 2012 г. ему было присвоено ученое звание профессора.

Н. А. Козловец — известный ученый не только в Украине, но и во многих других странах. Круг его научных интересов весьма обширен. Он включает актуальные проблемы социальной философии, политической философии, философии глобализма, историософии, социальной структуры общества и др.

Национальная идентичность. Одно из доминирующих мест в его научном творчестве занимают проблемы национальной идентичности в условиях глобализации. Автор посвятил им свою докторскую диссертацию, а также крупную монографическую работу «Феномен національноі ідентичності виклики глобалізаціі» (Житомир, 2009, 558 с.) ряд других публикаций.

В упомянутых трудах сделан глубокий анализ современных западных и отечественных теоретико-методологических подходов к определению понятий «идентичность», «идентификация», исследованы структура, формы и механизмы конструирования идентичности. В наиболее общем виде под национальной идентичностью автор понимает чувство коллективной принадлежности к конкретной национальной общности. Раскрытие диалектики глобального и

национального, особенностей проявления и механизмов формирования национальной и транснациональной идентичностей в условиях глобализации осуществлено автором через призму понимания и трактовки феномена глобализации как качественно нового этапа природно-исторического развития человечества.

Н. А. Козловцом показано, что глобализация неминуемо размывает национальную идентичность, растворяет ее в глобальных процессах экономизации, коммуникации, миграции, информатизации, культурной стандартизации и ценностной универсализации. Но одновременно сама глобализация, по мнению Р. Робертсона и Х. Хендлера, на которое ссылается Николай Адамович, задает глобальную рамку (матрицу), в которой цивилизации, регионы, национальные государства, этнические общности получают возможность реконструировать свою историю и идентичность. Ответом на вызов глобализации стал этнический ренессанс, усиление национализма в рамках национальных общностей, а также дробление последних на меньшие и субнациональные.

Автором обращается внимание на то, что национальная идентичность в современном мире размывается не только процессами глобализации, но и мощным давлением постмодернистской культуры. Утверждая, плюрализм смыслов, равнозначность (а, значит «сумнівність»), морально-этических ценностей, подвергая остракизму (высмеивая) национальные традиции, ставя под сомнение христианские и гуманистические идеи Эпохи Просвещения, наконец, торжественно провозглашая конец проекта «Человек и конец самой всемирной истории», постмодерн, по существу, выхолащивает национальную идентичность, размывает ее содержание, вообще стремиться снять вопрос об идентичности с повестки дня.

На фоне процессов глобализации, миграции и маргинализации автором обстоятельно рассмотрен социокультурный простор как поле разворачивани идентификационных практик, укорененных в «розмаїтті» сфер жизнедеятельности людей. Особое внимание уделено смене статуса национального государства, перспектив осуществления национально ориентированных ценностей.

Автор рассматривает идентификационные практики Украины в глобализационном и евроинтеграционном пространстве, обосновывает тезис об определяющей роли украинской государственности и социокультурных факторов в формировании национальной идентичности украинцев, акцентирует внимание на актуальной для Украины проблеме разработки собственной национальной глобализационной стратегии.

Автор этих строк с большим интересом прочитал капитальный труд

Николая Адамовича и по доброму позавидовал его эрудиции и умению глубоко проникнуть в сложнейшую сферу человеческого бытия и представить добытое знание в виде хорошо философски осмысленной научной концепции.

В числе других работ, посвященных проблемам национальной идентичности, являются монографии: «Національна ідентічность в Україні в умовах глобалізації» (Кіев, 2010, 348 с.), «Феномен національноі ідентічності в умовах глобалізації»: українсkій контекст» (Кіев, 2014. 230 с.), статьи Ідентічность: сокральне та профанне // Філософьска думка (2008. № 4. С. 136–149); Ідентічність: поняття, структура і типи // Вісник Житомирьского державного університету ім.Івана Франко. 2011. Выпуск 57. С. 3–9.

Общее количество научных работ — около 300 наименований.

Коллектив кафедры. Николай Адамович, кроме того, активно участвует и в иных формах научной жизни ЖГУ им. И. Франко, других научных учреждений Украины и зарубежья. Он председатель специализированного совета ЖГУ по защите кандидатских диссертаций по философии, член ученого совета ЖГУ, совета докторов наук университета. Является активным членом Полесской философской школы «Философия и феноменология религии» (руководитель профессор П. Ю. Саух). Член редколлегий ряда научных журналов — «Вестника ЖГУ им. И. Франко», «Украинской полонистики» (заместитель главного редактора), «Вестника Киевского института бизнеса и технологий», «Вестника Запорожской государственной инженерной академии», «Вестника Бурятского государственного университета. Серия «Философия» (г. Улан-Удэ, Россия), международного журнала «Евразийство и мир» (г. Улан-Удэ, Россия).

Профессор Н. А. Козловец с 2013 г. возглавляет кафедру философии ЖГУ им. И. Франко. За это время благодаря усилиям ректората, руководителя кафедры, ее членов, коллектив кафедры вырос, пополнился новыми докторами и кандидатами наук.

Сегодня это высококвалифицированный, профессиональный учебно-научный коллектив. В его составе трудятся такие известные профессора, доктора философских наук, как П. Ю. Саух (в течение многих лет был ректором университета, автор более 400 научных работ), А. А. Герасимчук (заслуженный профессор ЖГУ), О. П. Полищук (отличник народного образования и науки Украины), Н. М. Ковтун, С. В. Рудницкий (доктор политических наук), опытные доценты, кандидаты наук С. Я. Суханов, В. О. Стародубец, Н. Ю. Бутковская, В. М. Слюсар, И. К. Витюк, Л. В. Горохова, О. Л.

Соколовский, О. О. Гордийчук, Т. В. Краснобокова, В. М. Заглада, Л. Ф. Маловицкая. Университету с таким составом философской кафедры позавидует любой столичный вуз стран СНГ.

На кафедре функционирует авторитетная научная школа «Философия и феноменология религии», возглавляемая известным философом, академиком АН ВШУ П. Ю. Саухом, диссертационный совет по философии (председатель профессор Н. А. Козловец), издаются журналы, плодотворно развивается международное научное сотрудничество с философами других стран. Кафедра стала международным центром по исследованию проблем толерантности. Привлекая в качестве соорганизаторов ряд университетов, научных учреждений других стран, кафедра философии провела ряд международных научных конференций «Толерантность как социогуманитарная проблема современности» с прекрасным изданием их материалов. В 2017 г. под руководством Н. А. Козловца была организована международная научная конференция «Глобализированный мир: испытание человеческого бытия». Члены кафедры активно публикуются в различных высокорейтинговых научных изданиях, в том числе в журналах Бурятского госуниверситета. За всем этим — большой труд, профессионализм, энергия Н. А. Козловца и всего коллектива кафедры философии.

За плодотворную научно-исследовательскую, педагогическую, общественную деятельность профессор Н. А. Козловец удостоен ряда значимых почетных званий. Он «Отличник образования Украины» (2004), «Заслуженный работник образования Украины» (2012), «Заслуженный работник Житомирского государственного университета имени Ивана Франко» (2014), Награжден почетными знаками «За научные достижения» (2011), «Слава ЖДУ» (2009), и др. Жизненный путь Николая Адамовича яркий пример беззаветного служения науке и отечеству.

В день 65-летия Николая Адамовича коллектив Бурятского государственного университета, его кафедра философии желают Николаю Адамовичу, его супруге Ефросинье Михайловне, всей семье крепкого здоровья, счастья, мира и благополучия.

ПОЛЕССКИЙ СОКРАТ

Профессор П. Ю. Саух и его научная школа

Введение. В 2015 г. в Житомире (Украина) вышел сборник статей «Полесский Сократ (к 65-летнему юбилею профессора П. Ю. Сауха)» (на украинском языке). Книга подготовлена и издана участниками научной школы известного украинского философа и религиоведа, который десятки лет активно разрабатывает современные проблемы философии и науки и столь же активно пропагандирует философские знания среди интеллигенции и других групп населения. В самом названии книги выражены признание, любовь и уважение участников научной школы уникального края Полесья, находящегося в самом сердце Украины, к своему учителю. Ознакомление со статьями сборника подтолкнуло пишущего эти строки к мысли о продолжении статьи «Энергия созидания», опубликованной в 2010 г., дополнив ее материалами о личности профессора П. Ю. Саухи и его научной школе.

Поехал поступать учиться на судью, а поступил ... Родился П. Ю. Саух 25 мая 1950 г. в селе Симаковка Емильчинского района на Житомирщине в семье крестьян-колхозников. Был в семье третьим сыном. Дочерей не было. После окончания Яблонецкой средней школы, которая находится в семи километрах от Симаковки (каждый день эти километры приходилось преодолевать в школу и обратно), Петр Саух поступил в Киевский государственный университет им. Г. Г. Шевченко на философский факультет. Правда, отец строго-настрого наказал сыну поступать учиться на «судью» (т. е. на юридический факультет), и документы сначала были поданы в приемную комиссию юрфака. Но случайно встретившийся в университете земляк студент биолог V курса поразил Петра своей начитанностью, эрудицией, увлеченностью философией, да так, что Петр, забыв про строгий наказ отца, тут же документы перенес с юридического на философский факультет. И после получения на вступительных экзаменах трех пятерок был зачислен на филфак. «Весь учебный год, — говорит П. Ю. Саух, — я сохранял эту тайну от родителей.

И они и все односельчане были уверены, что я учусь на «судью». Я очень переживал, не знал, как открыть эту страшную для родителей правду. По приезде на летние каникулы, во время сенокоса, когда у отца было хорошее настроение, я уловил момент, решил сказать. Трудно передать то разочарование, какое я увидел на лице отца. Он был в отчаянии. Долго молчал, положив косу на толстый покос травы. Немного подумав, тихо спросил: «А що оно такое, та философия?». Забыв про косу, я с воодушевлением стал рассказывать о «мудрой науке», как с ее помощью можно просветить мир, освободить его от несправедливости, построить светлое будущее, аппелировал к Сократу, Платону, Марксу. Говорил то, чему научился. Делал это широко и эмоционально. Отец не перебивал, мне даже показалось, что он подумал — со мною что-то случилось нехорошее, не заболел ли. Когда я закончил, с грустью взглянув на меня, спросил: «А що, сыну, за це гроши платят?» («А что, сын, за это деньги платят?»). Ответа на этот вопрос у меня не было, да и отец, очевидно, и не ожидал. Такую историю начала своего приобщения к философии поведал мне Петр Юрьевич. Закончил свой грустный рассказ Петр Юрьевич словами: «Я был тогда чистым романтиком и искренне верил в то, что говорил». Позже я об этом прочитал в книге «Життєві імперативи та наукова школа професора Петра Сауха». С. 97–98.

На философском факультете. «С библиотеки не вылазил». По признанию Петра Юрьевича, на первых двух курсах было тяжело. Я, дескать, чувствовал себя, как выражается современная молодежь, «селюком». Подготовка в сельской школе, как выяснилось, была, мягко говоря, неадекватною требованиям наипрестижнейшего учебного заведения. Все время комплексовал, но убогость материальная и духовная ограниченность стимулировали развитие гордости, побуждали вырваться в учебе, доказать, что я не худший. Он постоянно находился в библиотеке, за что с определенной долей иронии называли «ученым». С библиотеки не вылазил. Уже на старших курсах он был на равных с теми, которые закончили элитные специальные школы.

Донецк. Снова Киев. После окончания университета получил рекомендацию кафедры в аспирантуру. Но в аспирантуру не попал — был беспартийным. Получил направление в Донецкий политехнический институт, где трудился с 1973 по 1975 г. ассистентом кафедры философии. В 1975 г. стал аспирантом Киевского государственного университета им. Т. Г. Шевченко. Там же досрочно защитил кандидатскую диссертацию.

Житомир. Ровно. После защиты диссертации в 1978–1979 гг. работал ассистентом, старшим преподавате-

лем кафедры философии Житомирского сельхозинститута. В 1980 г. переехал в г. Ровно, там обещали сразу же дать квартиру, где трудился на кафедре философии Украинского института инженеров водного хозяйства. В этом учебном заведении он прошел путь от ассистента, доцента, профессора, заведующего кафедрой философии до декана гуманитарного факультета. Одновременно активно занимался научной работой. В 1990 г. успешно защитил докторскую диссертацию.

Диплом профессора получил в 1991 г., а в 1992 г. был избран академиком Академии наук Высшей школы Украины. Стажировался и читал курсы лекций в университете Франции, Германии, США.

В ноябре 1998 г. был назначен заместителем главы Ровненской областной администрации. За период работы в этой должности (1998–2002) был автором многих социально-экономических и молодежных проектов, которые успешно реализованы в регионе.

Возвращение на малую Родину. Ректор. В 2002 г. начался новый этап в его жизни и деятельности. Он переехал на свою малую родину. Здесь он был избран коллективом и назначен Министерством образования и науки Украины ректором Житомирского государственного педагогического университета им. Ивана Франко (с 2004 г. — Житомирский государственный университет им. Ивана Франко), в котором работал до 2017 г. Новая работа потребовала серьезного напряжения, немалых усилий. Быть ректором — недостаточно быть ведущим ученым, нужно иметь опыт менеджера, понимать глубину научно-образовательных процессов, быть стратегически мыслящей личностью, политиком, обладать качествами интеллигента, иметь необходимые материальные, кадровые ресурсы и время.

Как-то нефтяной магнат Джон Рокфеллер спросил президента Гарвардского университета, что необходимо иметь, чтобы создать элитный университет. Ответ был коротким: 200 лет и 50 миллионов долларов. У П. Ю. Сауха не было ни того, ни другого, но зато был коллектив преподавателей, накопленный им богатый опыт научной, учебно-воспитательной работы, а главное — было огромное желание добиваться прогресса во всех областях жизнедеятельности вуза, добиться превращения его в один из лучших университетов Украины. Начало работы ректором совпало с началом кардинальных реформ высшей школы.

На что обратил внимание новый руководитель? Как отмечает П. Ю. Саух, во-первых, в короткие сроки были осуществлены серьезные структурные изменения (расширено количество направлений и специализаций, создан рял новых факультетов, кафедр, организован учебно-научный комплекс непрерывного образования,

который объединил 20 учебных заведений области. Проведены масштабные работы по укреплению и модернизации материально-технической базы вуза.

Во-вторых, уже в начале 2005 г. была сформирована эффективная инновационная образовательная среда в соответствии с требованиями Болонского процесса. Учебный процесс начал осуществляться с учетом возможностей современных информационных технологий обучения и был сориентирован на формирование образованной, гармонично развитой личности, способной к постоянному обновлению научных знаний, профессиональной мобильности и быстрой адаптации. К изменениям в условиях рыночной экономики.

В-третьих, была значительно усилена научная составляющая университета, которая была сориентирована на решение конкретных практических проблем, связанных с регионом. Создан ряд научно-исследовательских институтов, лабораторий. Сформировано около десяти научных школ, имеющих международные проекты, открыта аспирантура, специализированные советы по защите кандидатских диссертаций.

В-четвертых, внедрена количественная система оценки работы преподавателя, которая тесно связана с условиями Коллективного договора и конструктивно влияет на укрепление научно-педагогического потенциала университета. Введена новая система поощрений. Осуществлены важные шаги по демократизации университетской жизни (Життеві імперативи та наукова школа професора Петра Сауха: науково-популярне видання. С. 109–110).

За прошедшие годы Житомирский госуниверситет подвергся существенной реконструкции, модернизации, приобрел статус классического учебного заведения, превратился в один из крупных научно-образовательных комплексов не только в Полесье, но и в Украине в целом.

Научная школа. Профессор П. Ю. Саух является одним из немногих, кто создал авторитетную, известную в стране научную школу. Это Полесская научная школа «Философия и феноменология религии». Она объединяет ученых Житомирщины, Ровенщины и Волыни.

Концептуальные основы школы были сформированы еще в начале 80-х гг. XX в. в г. Ровно на основе трудов доктора философских наук В. Павлюка, профессора П. Русина, доцентов И. Вейцмана, П. Сауха, В. Сидорука. В этих работах исследователи пытались осмыслить те сдвиги, которые происходили в сфере религиозной жизни в связи с формированием нового типа религиозности; изучали психологию религиозных переживаний, разграничения сфер разума и веры; исследовали возможности познания религии и ее форм, когнитивность

религиозной истины, как таковой и др. однако общей идеи, которая связала бы отдельные достижения в единое целое, не было. Точнее, не было единого организующего начала.

В конце 80-х и начале 90-х годов начинается новый этап фундаментальных исследований представителей научной школы — с проблем социокультурного конституцирования религии, науки и религиозной картины мира, размежевания веры и разума, онтологии религии, места религии в процессах глобализации и др.

На данном этапе были раскрыты социально-экономические, социально-психологические предпосылки религиозной концепции отчуждения, ее идейно-теоретические источники. Исследована религиозно-экзистенциалистская модель отчуждения, алгоритм механизма отчуждения религиозного экзистенциализма, его религиозная сущность. Осуществлен компаративистский анализ религиозного и материалистического понимания моральных основ общества.

Исследована система понятий и категорий религии как социального явления, свободомыслия и атеизма. Смоделирована категориальная структура религиоведения и уровни ее организации.

Участниками школы осуществлена демаркация научного и религиозного миропонимания, выяснена природа, источники уровни достоверности и истинности религиозного знания. Раскрыты особенности трансформации религиозных и моральных феноменов в религиозной философии С. Кьеркегора, французском экзистенциализме и произведениях Б. Антоненко-Давидовича, В. Пидмогильного, М. Хвилевого (идеологи «морали нового типа»). На этой основе выявлены механизмы трансформации религиозно-моральной проблематики в контексте нигилистично ориентированной экзистенциалистской философии, что является свидетельством своеобразной связи между религиозно-моральными феноменами и бытием человека в мире, отсутствие которой порождает абсурдность, трагичность человеческого существования.

Результаты этих и других достижений данного периода были апробированы более чем на 50 научных конференциях, симпозиумах. Опубликованы 576 статей в отечественных и зарубежных научных изданиях. Защищен ряд кандидатских диссертаций.

Новый этап деятельности школы. С 2002 г. начался третий этап в деятельности научной школы.

В связи с переездом профессора П. Ю. Сауха в Житомир центр философских студий Ровненской научной школы философии и феноменологии религии передислоцировался в Житомирский государственный университет им. Ивана Франко. Ровненская научная школа становится Полесской. Она пополнилась рядом известных в Украине и за ее пределами ученых, в

числе которых профессора А. Герасимчук, О. Швидак, В. Вандышев, М. Стадник и др.

На кафедре философии была открыта аспирантура по религиоведению (2003), специализированный совет по защите кандидатских диссертаций (2010), открыт ряд периодических изданий.

С каждым годом происходило дальнейшее развитие научной школы: расширялся ее состав, росли масштабы, фундаментальность достижений, укреплялись научные связи не только с научными центрами Украины, но и других стран. Научной школой совместно с другими вузами и НИИ проводились международные научные конференции [1].

Например, совместно с Бурятским государственным университетом, начиная с 2005 г., в Улан-Удэ проведено 7 международных научных конференций («Байкальских встреч»), на которых обсуждались проблемы: «Интеллигенция и нравственность» (с докладом на пленарном заседании П. Ю. Сауха), «Интеллигенция и взаимодействие культур» (2007), «Интеллигенция и проблемы национальных отношений» (2008). Соорганизатором выступал Бурятский госуниверситет в проведении международных конференций, которые проводились на базе Житомирского госуниверситета. На них обсуждались проблемы толерантной модернизации социокультурного пространства и др. Активное участие в организации совместных мероприятий выступали ректор П. Ю. Саух и заведующий кафедрой философии Н. А. Козловец, другие ученые, которые глубоко осознают значимость международного сотрудничества, научных связей между вузами. Сегодня изолированность, замыкание в собственных стенах смерти подобны.

Исследователями Полесской научной школы на данном этапе осуществлено углубленное изучение феномена православия в Украине, раскрыта его миссия, роль, история становления; осмыслена проблема становления христианства в донаучный период и в последующем проанализированы узловые теоретические вопросы соотношения религии и искусства, осуществлено компаративистское осмысление сущности клерикального искусства и актиклерикальных тенденций в истории искусства» Проведен системный анализ феномена украинского кальвинизма, его основных форм, принципов.

Осмыслены истоки украинской ментальности, выяснены природа, сущность ее религиозной составляющей. Осуществлено теоретическое рассмотрение религии в условиях глобализации, ее социальной сущности, детермированности, генезиса, структуры религиозного комплекса, взаимодействие ее элементов и др. Школой охарактеризованы истоки зарождения римско-католических

чернечных орденов в их практике внутреннего деяния как стремления выйти из системы традиционных социальных связей.

На базе проведенных исследований представителями школы опубликован ряд фундаментальных работ, получивших широкий резонанс среди научной общественности. Это прежде всего работы П. Сауха («Православ'я: українськ-кий вимір. — Київ, 2004; «З людьми, Богом і Україною. — Київ, 2006; «Українська політична нація: генеза, стан, перспектива. — Київ, 2004); профессора М. Стадника («Трансформація становлення взаимовідносин християнства і науки: релігіезнавчо-філософський аспект». — Переяслав-Хмельницкий, 2006) и мн. др. [1].

Заметным событием в жизни Полесской философской школы является выход научного журнала «История. Философия, Религиоведение» (2008).

В целом за время существования научной школы ее представителями опубликовано свыше тысячи научных изданий, среди них 62 монографии, 25 учебников и учебных пособий.

Руководитель школы. Будучи руководителем научной школы, Петр Юрьевич демонстрирует пример глубокого, талантливого, очень продуктивного исследователя. Им написано свыше 400 научных работ, среди которых монографии, брошюры, учебники, учебные пособия, авторские свидетельства и научные статьи в отечественных и зарубежных изданиях. Особый интерес в научном мире вызывают монографии: «Україна на межі тисячоліть. Трансформація духу: випробування національним буттям» (2001), «XX століття. Підсумки» (2001, 2009); «Князь Василь-Константин Острозький» (2002), «Православ'я: український вимір» (2004); «Сучасна освіта: портрет без прикрас» (2012). В этих трудах П. Ю. Саух сумел отразить сущность, проблемы и дух современности, очертить пути преодоления морального хаоса через возрождение глубинной честной этики, присущих ей реальных критериев добра, совершенства, справедливости.

Профессор Саух П. Ю. — известный общественный деятель. Он член экспертного совета Министерства образования и науки Украины, вице-президент Украинской академии акмеологии, сопредседатель Конгресса философов славянских стран, член Президиума Европейского союза религиоведов и вольнодумцев, член Международного Нью-Йоркского клуба «Лидерство в образовании» и клуба ректоров Европы, член редколлегий ряда отечественных и зарубежных научных изданий.

За многолстний подвижнический труд по развитию образования, науки, культуры, подготовку специалистов П. Ю. Саух был награжден орденом «За заслуги» III ступени, медалью Европейской Ассоциации педагогических университетов, знаком «За заслуги» III ступени Житомирского городского со-

вета, золотой медалью «За заслуги в образовании» Международной кадровой академии, орденами «Святого Юрія Переможця» и «Святого Николая Чудотворца» Украинской Православной Церкви Киевского Патриархата и др. [1].

Недавно П. Ю. Саух приступил к выполнению новых обязанностей академика-секретаря Академии отделения высшего образования Национальной академии педагогических наук Украины. Хочется пожелать Петру Юрьевичу успехов в его новой работе, чтобы тот огромный опыт, знания, личное обаяние, которым он обладает с новыми силами, энергией был использован на благо общества не только в Украине, но и в других странах. Своим успехам П. Ю. Саух во многом обязан своей замечательной супруге, доктору экономических наук Ирине Васильевне, которая все эти годы является надежной опорой, другом Петра Юрьевича. Пожелаем новых научных дерзаний Юрию Петровичу в его научной, учебной работе в Киевском национальном университете им. Т. Г. Шевченко.

Литература

1. Поліський Сократ (до 65-річного ювілею профессора П. Ю. Сауха): науково-популярне видання. Житомир: Вид. Эвенок О. О. 2015. С. 1–80.

ЛЮБОВЬ К СЛОВУ

Доцент А. К. Паликова

Аллу Константиновну знаю давно, с того времени, когда стал студентом Бурятского педагогического института. Это было в 1957 г. Мы с другом Иваном Василенко служили в Читинской области (77 разъезд) в одном полку. Досрочно демобилизовались и, сдав вступительные экзамены, стали учиться на историко-филологическом факультете.

Студентка-отличница. Студентов было относительно немного, по-

этому многие знали друг друга. Алла Константиновна училась на третьем курсе. Мы, первокурсники, стеснялись старшекурсников, они казались нам очень умными, многознающими. К тому же я и Василенко в речевом общении чувствовали некоторое влияние украинского языка (я родился в Украине, Ваня — в соседней с Украиной Курской области), хотя и служили 2 года в Читинской области в русскоязычной среде. Тем не менее, скоро мы знали друг друга. Стройная, привлекательная, общительная студентка не могла не обратить на себя внимание. Она была известным человеком на факультете. Ее фотография висела на Доске почета. Все годы Алла Константиновна училась на «отлично». Была исключительно целеустремленной, трудолюбивой, принципиальной.

Позже в книге «Alma Mater» (1999) автором этих строк будет написано, что «студентка историко-филологического факультета А. К. Алекина (Паликова) до поступления в институт училась в городской школе. Однако, несмотря на хорошую довузовскую подготовку и легкость в учебе, она много занималась, читала. Увлекалась классической и современной художественной литературой, особенно поэзией. Будучи отличницей учебы, А. К. Паликова активно участвовала в общественной жизни, являлась заместителем секретаря комитета ВЛКСМ института, постоянно выступала со статьями в газете «За педагогические кадры», была участницей городского ансамбля «Привет». Присущие ей в студенческие годы тяга к знаниям, собранность, работоспособность, обязательность сохранились до наших дней» (Alma Mater, 1999, с. 188–189).

Зам. секретаря комитета ВЛКСМ. Благодаря природным способностям, трудолюбию Алла Константиновна окончила институт с отличием. С такой же энергией, настойчивостью она участвовала в общественной жизни института, города. В октябре 1957 г. на IV общеинститутской комсомольской конференции Алла была избрана заместителем секретаря комитета ВЛКСМ института. Выбор Аллы не был случайным.

Как свидетельствуют архивные данные, да и автор этих строк помнит: конференция началась с опозданием на 30 минут, а 33 делегата вообще не явились. А ведь делегаты — это активисты, лучшие студенты, которым коллектив доверил решать общеинститутские дела. Основные причины слабой дисциплины комсомольцев как в БГПИ, так и в некоторых других организациях — формализм, заорганизованность, старые формы работы. Не случайно приветствие делегации конференции зооветинститута (одновременно проходила комсомольская конференция в ЗВИ), в котором были высказаны пожелания: «Сметайте с пути устаревшие формы работы, развивайте

творческую инициативу каждого комсомольца. Дорогу новому, интересному в комсомольской жизни! За живые увлекательные дела в комсомольской работе!» было встречено делегатами конференции в БГПИ активным аплодисментами.

С надеждой на коренные изменения в деятельности комсомольской организации были избраны в комитет новые энергичные люди: Роза Лев, Алла Алекина, Иван Осинский, Иннокентий Григорьев, Михаил Дворкин, Самбу Тулесонов, Нина Мартемьянова, Александра Балдакова, Матвей Бухаев, Валентина Васильева, Раиса Бальбурова и др.

Комитет ВЛКСМ, в том числе Алла Константиновна, как зам. секретаря, старались разнообразить работу, проводить встречи с интересными людьми, диспуты, соревнование между группами, факультетами, развивать шефские связи со школами, ПТУ, воинскими частями и др.

Неравнодушие. Комсомол тогда был авторитетной организацией. Он влиял на дела в вузе. Помнится, был сентябрь 1957 г., студенты с нетерпением ждали завершения строительства общежития на углу улиц Рабочая и Ранжурова. Работа по вине мастера была организована плохо, отсутствовала механизация. Алла Константиновна сама, как студентка, с группой трудилась на этом объекте.

Устные обращения к руководителям строительства не дали нужного эффекта. Она написала статью в газету «За педкадры» с требованием навести порядок на строительстве общежития. А в те времена на любую критическую статью руководители обязаны были реагировать, принимать меры и отвечать газете. Надо сказать, что этот шаг приблизил ввод общежития. Студенты во второй половине октября вселились в общежитие. До этого времени они работали в колхозах на уборке урожая.

О неравнодушии, принципиальности А. К. Алекиной свидетельствуют и многие другие факты. В газете «За педкадры» от 8 марта 1958 г. за подписью «А. Алекина, студентка IV курса историко-филологического факультета» появляется небольшая статья «Скромный труд». В ней говорится: «Екатерину Федоровну Усачеву знают все студенты нашего института, где она работает с 1945 г. Первые годы ее трудовой деятельности связаны с работой в общежитии. Здесь Екатерина Федоровна готовила кипяток студентам. А сейчас она работает вахтером в учебном корпусе по улице Рабочая, 20. За свою долголетнюю и безупречную работу Усачева была отмечена дирекцией: несколько раз ей объявлялась благодарность. Но Екатерина Федоровна имеет и справедливые претензии к профсоюзной организации. Больная женщина, она, несмотря на физическое недомогание, не может добиться путевки на курорт». Надо сказать, что статья свою

роль сыграла. Профком нашел путевку больному человеку.

В таких, казалось бы, на первый взгляд, небольших поступках и проявляется характер человека, его отношение к другим.

Не студенты, для которых Екатерина Федоровна ежедневно готовила кипяток, писали в газету, а Алла Константиновна, которая жила-то на улице Банзарова и к общежитию не имела никакого отношения.

В «Привете». Будучи заместителем секретаря комитета ВЛКСМ института, Алла Константиновна была и активным участником городского молодежного ансамбля «Привет», которым руководил редактор литературного вещания радиокомпании республики С. В. Каллиопи. Ансамбль был невероятно популярен как в молодежной, так и в любой другой аудитории. Участники ансамбля выходили на сцену неизменно в белых рубашках и черных юбках и брюках, излучали какую-то особую свежесть, чистоту, прекрасно исполняли современные молодежные песни, танцы, читали стихи и прозу, выполняли сложные гимнастические упражнения, всегда вызывали восторг аудитории. В ансамбле участвовали также студенты Владимир Коренев, Юрий Дементьев, Валентин Самойлов, Лариса Матанцева, Валентина Лазарева, Павел Баталов, Элеонора Арская Анатолий Постников и др. Молодежь города буквально штурмом брала залы, где выступал «Привет».

Помню, в Доме политпросвещения проходило торжественное заседание коллектива БГПИ, посвященное 40-летию ВЛКСМ (27 октября 1958 г.), после которого планировался концерт ансамбля. Желающих попасть на концерт было в 2 раза больше, чем мог вместить ДПП, многие стояли под окнами, за приоткрытой дверью.

Преданность поэзии. Касаясь трудового, творческого пути Аллы Константиновны хотелось бы подчеркнуть его логичность, последовательность, целеустремленность. Весь этот путь характеризует преданность русской советской литературе. По заранее избранной еще до поступления в БГПИ специальности Алла Константиновна поступает в аспирантуру, пишет и блестяще защищает в МГПИ им В. И. Ленина диссертацию на тему «Революционная поэзия Восточной Сибири начала XX века (по рукописным журналам)». И в 1979 г. возвращается в свою «Альма Матер» на кафедру русской и зарубежной литературы. Работая в пединституте, она прошла все ступени, от ассистента до заведующего кафедрой.

В коллективе пединститута и университета Аллу Константиновну знают как крупного авторитетного исследователя в области истории русской и зарубежной литературы. Написала 6 монографий, более 160 научных и научно-популярных статей. Еще в 70-е

годы в издательстве «Наука» (Новосибирск) ею были изданы монографии «Песни желанной свободы» (1978), «Очерк русской поэзии Советской Бурятии (1917–1977)» (1978), получившие высокую оценку специалистов. В последующие годы были опубликованы новые научные исследования, в том числе крупные разделы третьего тома «История бурятской литературы» (1997).

Помощь начинающим словесникам. Вышли учебные пособия «Поэмы Гомера «Илиада» и «Одиссея» (2005), «Очерки русской литературы Бурятии» и др. Алла Константиновна не только писала интересные литературоведческие книги, статьи, но и принимала активное участие в межвузовских, российских, международных научных конференциях по проблемам литературоведения, совершенствования профессионально-педагогической направленности учебно-воспитательного процесса в вузе, гуманитаризации высшей школы. Под ее руководством на факультете успешно работал методологический семинар «Проблемы новой филологии», который помогал преподавателям, особенно молодым в осуществлении научно-исследова-тельской и преподавательской деятельности. А. К. Паликова 15 лет являлась руководителем студенческой «Литературной гостиной», кружка поэзии.

Алла Константиновна как преподаватель большое внимание уделяла привитию студентам-словесникам любви к художественной литературе, к русскому слову. По отзывам преподавателей и студентов, она — прекрасный лектор, умеющий заинтересовать, увлечь слушателей, стремящийся к тому, чтобы студенты много читали, умели анализировать прочитанные книги. В целях пропаганды, рекомендации книг, она использовала и газету «За педкадры».

В одной из своих статей «Эти книги вас заинтересуют», помещенной в газете (27 апреля 1971 г.), она пишет: «Учитель-словесник должен заинтересовать не только выходом в свет новых учебников по предметам, но и монографиями, посвященными тому или иному писателю, произведению, а также критическими статьями и материалами, помогающими более глубоко изучить художественную литературу. В последние годы издается масса книг по различным разделам русской и зарубежной литературы.

Очень интересная серия «Мировая литература», в которую вошли небольшие брошюры о романе Д. Свифта «Путешествия Гулливера», о трагедии Шекспира «Отелло» и монографическая работа А. А. Смирнова «Средневековая литература Испании» (Л.: Наука, 1969). А. А. Смирнов — автор работ о гениях Эпохи Возрождения Рабле, Шекспире, но он много работает над изучением средневековой литературы. В своей книге, упомянутой выше, он дает подробный анализ своеобразия исторических условий, в которых формировалась испанская литература сред-

них веков...». Преподаватель подробно пишет о вышедших книгах, их достоинствах, полезности для будущего словесника.

Советы, рекомендации преподавателя не пропадали даром. Студенты читали литературу, показывали на экзаменах хорошее знание своего предмета. Снова обращусь к газете «За педкадры», к статье зав. учебной частью института М. Ю. Балуевой, «Хорошо учить и учиться» (№ 4, 1982). В ней подводятся итоги первого полугодия 1981/82 учебного года. Автор статьи пишет, что самый высокий средний балл (4) — на кафедрах истории СССР, русского языка, литературы... Примеры упорного, плодотворного и творческого труда в деле обучения и воспитания будущих учителей показывают в юбилейном году преподаватели Н. П. Егунов, Е. Е. Тармаханов, Д. С. Сандитов, А. К. Паликова, Н. П. Серебрякова и др.».

Подобных примеров можно привести много. Рейтинг кафедры литературы за ряд лет был в числе самых высоких среди кафедр факультета, а доцент А. К. Паликова по показателю индивидуального рейтинга была в группе лидеров.

Литературный критик. Деятельность Аллы Константиновны не ограничивалась стенами вуза. Она постоянно читала лекции в Институте усовершенствования учителей, помогала учителям школ Бурятии. Являлась составителем учебника по литературе Бурятии для средней школы. У Аллы Константиновны тесные связи с писателями Сибири. Она — один из ведущих литературных критиков и краеведов этого обширного региона. Неоднократно выступала с докладами на собраниях писателей, участвовала в обсуждениях их произведений на съездах, конференциях, юбилейных вечерах. С большим интересом воспринимались ее литературные передачи по республиканскому телевидению, статьи в газетах.

За большой вклад в развитие науки и подготовку кадров Алла Константиновна удостоена высоких почетных званий: отличник народного просвещения Российской Федерации, заслуженный деятель науки Республики Бурятия, заслуженный работник культуры Российской Федерации.

В день юбилея Аллы Константиновны хочется сказать:

Дорогая Алла Константиновна, сердечно поздравляю с юбилеем, днем рождения, желаю крепкого здоровья на многие годы, молодости души, энергии, счастья и благополучия.

Статья опубликована в справочнике «Паликова Алла Константиновна: библиографический указатель / сост. Т. В. Паликова, Г. А. Светличных; отв. ред. И. И. Осинский; Бурят. гос. ун-т. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-т. 2017. С. 3–8.

СМЫСЛ ЕГО ЖИЗНИ — ДЕЛАТЬ ДОБРО

Доцент Ю. П. Шагдуров

Однажды Аристотеля спросили: в чем смысл жизни? Мудрый грек ответил: «Служить другим и делать добро». Подобную мысль высказал совсем недавно Его Святейшество Далай-лама в своей книге «Как быть сострадательным: лучшие тибетские принципы создания мира в душе и счастья в мире» (М.: Эксмо, 2013). «На каждом из нас, — подчеркнул он, — лежит ответственность: каждый должен сделать что-то для людей» (с. 131).

Вся жизнь Юрия Петровича Шагдурова, к сожалению, очень короткая, была наполнена служением людям и творением добра.

Интерес к истории. Родился он 16 января 1957 г. в селе Мальта Усольского района Иркутской области. Спустя два года семья переехала в Бурятию, в село Кырен. После окончания школы Юрий Петрович был призван в армию. В 1977 г. поступил на историко-филологический факультет Бурятского государственного педагогического института. Изучая исторические дисциплины, содержание которых с каждым годом претерпевало все больше изменений, он одновременно активно участвовал в общественной жизни факультета, что не осталось незамеченным в момент вручения ему диплома: Ю. П. Шагдуров был приглашен на работу в Улан-Удэнский горком комсомола. Здесь проявились его организаторские способности, умение работать с молодежью.

Будучи погруженным в повседневную живую активную комсомольскую жизнь, Ю. П. Шагдуров все больше чувствовал потребность в продолжении своего исторического образования. Интерес к истории, проявившийся еще в школьные годы, получивший свое развитие на профессиональной основе в вузе, все больше побуждал к более основательному изучению исторических дисциплин, в том числе истории КПСС, вокруг которой в середине 1980-х годов начались острые дискуссии. По крайней мере, положение об однопартийной системе, истори-

чески сложившейся в СССР, устраивало далеко не всех.

В конце 1985 г. Ю. П. Шагдуров поступил в целевую аспирантуру Иркутского государственного университета. Благодаря хорошей исторической подготовке, целеустремленности он досрочно завершил свое диссертационное исследование, которое было представлено к защите.

Переосмысление политической истории. После возвращения в Улан-Удэ Ю. П. Шагдуров в 1988 г. был принят ассистентом кафедры истории БГПИ. Начало работы Юрия Петровича совпало с серьезными изменениями в изучении в системе высшей школы обществоведческих курсов. Вместо курса истории КПСС был введен курс «Социально-политическая история 20-го столетия», на смену которому впоследствии пришла новая дисциплина «История Отечества».

В новых условиях от преподавателей требовалась активная работа по разработке новых курсов, освобождению обществоведческих дисциплин от чрезмерной идеологизации и политизации, от трактовки их лишь с марксистско-ленинских позиций. Юрий Петрович и его коллеги по кафедре прилагали большие усилия по осмыслению новых политических реалий, по переориентации читаемых курсов в сторону развития гуманитарного мышления и мировоззрения. Это существенно повышало интерес студентов к новым курсам. В частности, студенты-историки с желанием посещали лекции Ю. П. Шагдурова, которые отличались не только новизной своего содержания, богатым фактическим материалом, включающим в себя ранее закрытые, недоступные источники, но и яркой формой изложения изучаемого материала, сопровождавшейся необходимыми пояснениями, комментариями. Ю. П. Шагдуров широко применял в учебном процессе активные формы проведения занятий — пресс-конференции, политбои, брифинги, дискуссии и др. Студентам нравились такие живые способы получения новых знаний.

Молодые историки. Приобщение студентов-историков к новым знаниям не ограничивалось общением с ними только в стенах аудитории. По инициативе преподавателя проводилось немало интересных общефакультетских мероприятий, в том числе исследовательского, поискового характера. В них активное участие принимали молодые преподаватели. Одной из таких форм являлась ассоциация молодых историков, переросшая со временем в общественно-научный центр «Сибирь» (16.10.1991). Одним из организаторов этих форм был Ю. П. Шагдуров. В работе этого центра, как отмечают профессор В. Д. Дугаров и доцент М. Г. Цыренова, принимали участие Б. В. Базаров, Л. В. Курас, В. Д. Ду-

гаров, В. Ц. Ганжуров, Л. А. Зайцева, Л. Б. Жабаева и др. Молодые активные историки занимались изучением и публикацией неизвестных, слабо изученных сюжетов истории Бурятии. Проводили конференции, семинары, презентации по всей республике. Издания ОНЦ «Сибирь» были высоко оценены общественностью Бурятии. Помнится, с каким интересом мы, преподаватели-обществоведы, читали выпуски «Истории Бурятии в вопросах и ответах», подготовленные молодыми кандидатами исторических наук Б. В. Базаровым, Л. В. Курасом, Ю. П. Шагдуровым, И. Н. Шагдуровой. Их издание заменили учителям учебники. В них были развернуты «новые сюжеты» для преподавания, введены в научный оборот ранее закрытые архивные материалы.

Декан. С особой силой проявился организаторский талант Ю. П. Шагдурова в процессе его работы в должности декана исторического факультета, об этом хорошо написали в упоминавшейся статье В. Д. Дугаров и М. Г. Цыренова. Мне хотелось бы лишь подчеркнуть, что деятельность Ю. П. Шагдурова шла в условиях реорганизации techинститута в классический университет, а следовательно, и факультета института в факультет университета, что всегда связано с немалыми трудностями. В нашем случае это преобразование произошло без каких-либо осложнений, более того, с момента образования факультета в составе университета проявила себя хорошая динамика развития. Укрепился профессорско-преподавательский кадровый состав (факультет добился 100-процентной остепененности), улучшилась материально-техническая база, расширилась, обогатилась новыми формами научная работа преподавателей и студентов, повысилась ее эффективность, возникли на факультете новые отделения, специальности. Новые грани получила культурно-массовая, спортивная работа.

Активизировано международное сотрудничество факультета с историческими подразделениями, отдельными учеными ряда других стран. За всем этим стоит неутомимая, каждодневная работа руководителя факультета, заведующих кафедрами, преподавателей и студентов.

Директор филиала. Первый проректор. Столь же успешной была деятельность Ю. П. Шагдурова на посту директора филиала БГУ в Улан-Баторе (Монголия), куда он был направлен для организации и руководства этим подразделением.

Несмотря на трудности, связанные со спецификой работы за рубежом, Юрий Петрович за короткое время создал в столице Монголии прекрасно функционировавшее учебное подразделение, где осу-

ществлялось обучение по специальностям: юриспруденция, политология, востоковедение и менеджмент организации. Процесс обучения строился по принципу — три года в Улан-Баторском филиале, и 4–5-й курсы — в БГУ. В филиале обучались не только студенты из Монголии, но и из России. Обучение велось на русском языке силами преподавателей БГУ (вахтовым методом), монгольских и иностранных преподавателей [2].

В 2003 г. Ю. П. Шагдуров был назначен на должность первого проректора БГУ. На этом посту он проявил себя как опытный, ответственный руководитель, замечательный человек.

Авторитет. Работая в должности доцента, декана исторического факультета, первого проректора университета, Юрий Петрович много сделал для Бурятского государственного университета, подготовки специалистов для Республики Бурятия.

Он обладал исключительным трудолюбием, ответственностью, незаурядными способностями организатора. Умел спокойно, поделовому решать сложные вопросы, которые вставали перед вузом в неспокойные 1990-е и нулевые годы. Коллектив университета с искренней признательностью, благодарностью вспоминает Юрия Петровича. С любовью к Юрию Петровичу относились обществоведы университета: они видели в нем компетентного доброжелательного, мудрого коллегу.

Юрий Петрович пользовался большим авторитетом не только в среде вузовской общественности Бурятии, но и других стран, в частности, Монголии.

Вспоминаю свои поездки в Улан-Баторский филиал для чтения лекций по философии. Будучи директором филиала, Юрий Петрович приглашал заведующих кафедрами философии вузов Монголии для встречи за «круглым столом», где мы обменивались мнениями по актуальным вопросам философии, опытом преподавания. По инициативе Юрия Петровича организовывались встречи в Министерстве образования, редакции республиканской газеты «Новости Монголии», публиковались интервью. Везде чувствовалось, что директора филиала БГУ хорошо знают и относятся к нему с большим уважением.

Помнится и поездка делегации нашего университета на 50-летие Калмыцкого государственного университета. Возглавлял делегацию Юрий Петрович. Он очень хорошо, тепло выступил с приветствием на торжественном заседании и на приеме в правительстве республики. Наблюдая за реакцией аудитории, мы испытывали чувство гордости за нашего руководителя. Юрий Петро-

вич оставил о себе память прекрасного ученого, замечательного лектора. Он был добрым, внимательным, отзывчивым человеком.

Литература

1. Дугаров В. Д., Цыренова М. Г. Человек и события в исторической памяти // Январские исторические чтения, посвященные памяти Юрия Петровича Шагдурова: материалы междунар. науч.-практ. конф. (Улан-Удэ, 19 января 2017 г.) / науч. ред. Н. С. Байкалов. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2017. С. 7.

ЕГО ВЕДЕТ СУДЬБА

Профессор Э. Д. Дагбаев

Один мудрый человек сказал както: «Судьба ведет тех, кто идет вперед и тащит тех, кто упирается». Эти слова приходят на ум, когда знакомишься с жизненной дорогой Эрдэма Данзановича Дагбаева, уверенно идущего по жизни под звездой своей судьбы.

Быть тебе журналистом. Отец Э. Д. Дагбаева был известным и уважаемым в республике человеком: работал прокурором района, секретарем Хоринского райкома партии, завотделом Президиума Верховного Совета Бурятской АССР. Всю жизнь занимался краеведением, написал несколько книг, популярных песен. Удостоен почетных званий заслуженного юриста и заслуженного работника культуры Бурятии. Мать Октябрина Ринчиновна все годы трудилась учительницей в школе. Награждена нагрудным знаком «Отличник народного просвещения РСФСР».

Пример родителей, их отношение к труду, другим людям, честность и порядочность, любовь к большой и малой Родине оказали большое влияние на духовный мир Эрдэма. Особенно запомнились юноше доверительные беседы с отцом, поездки с ним в города и села, вся та атмосфера, которая царила в семье. Одна из таких

поездок Эрдэму запомнилась на всю жизнь. Это была поездка с отцом в Симферополь. Дело в том, что в селе Тэгда жил легендарный снайпер-фронтовик Никифор Самсонович Афанасьев, который во время Великой Отечественной войны уничтожил более 200 фашистов, за что получил Золотую Звезду Героя Советского Союза. Но за какую-то провинность в колхозе его лишили этой награды. Отец Эрдэма Данзановича по своей инициативе в 1970 г. возбудил ходатайство перед Президиумом Верховного Совета СССР о восстановлении ему звания Героя Советского Союза. Оказалось, что подобное ходатайство в Москву направил и бывший редактор фронтовой дивизионной газеты Лев Сергеевич Карташов, проживавший в Симферополе. Благодаря общим усилиям звание Героя Н. С. Афанасьеву было восстановлено. Лев Сергеевич и Данзан Дагбаевич не просто стали переписываться, но и крепко подружились.

Знакомство с Л. С. Карташовым в Симферополе и его рассказ произвели огромное впечатление на Эрдэма. Позже Л. С. Карташов приехал в Тэгду, где состоялась его встреча со знаменитым снайпером. Рассказывая мне об этой встрече, Эрдэм Данзанович сделал особое ударение на том, что он впервые почувствовал силу фронтового братства, проникся еще большим уважением к людям, защищавшим свою страну. Пастух из Тэгды громил фашистов там, откуда они пришли. Как не гордиться такими людьми, как не рассказать о их подвиге! Запомнились тогда и слова гостя-фронтового журналиста Л. С. Карташова: «Быть тебе, Эрдэм, журналистом! А может быть, ученым!». Кто знает, может быть, эти слова определили будущую профессиональную судьбу Эрдэма Данзановича.

Рассказал мне Эрдэм Данзанович еще памятный эпизод, связанный с его отцом. Когда началась Великая Отечественная война, отцу было 15 лет. Он проводил на фронт отца, то есть деда Эрдэма Данзановича, который погиб в 1942 г. под Ржевом. Данзан Дагбаевич всю жизнь искал место захоронения отца. Даже написал книгу «Он погиб подо Ржевом». Только в 2006 г. местные поисковики нашли медальон и останки Д. Д. Данзарова и прислали приглашение на мероприятие по перезахоронению останков. Миссия участвовать в этом мероприятии выпала на долю Эрдэма Данзановича. Отец болел, не смог поехать. Останки двухсот фронтовиков были захоронены в новом солдатском мемориальном комплексе в городе Ржев. Эрдэм Данзанович завязал на кресте хадак, поставил на могилу лампаду, выразив тем самым любовь и почтение своему мужественному деду-фронтовику, защищавшему далеко от хоринских степей свою общую советскую Родину.

Впрочем, эти чувства, о которых говорил Эрдэм Данзанович, формировала у своих питомцев и школа. Хоринская средняя школа № 1, в которой учился Эрдэм, имеет богатую историю. В ней получали знания такие известные люди, как Хоца Намсараев, Бато Базарон, Цокто Номтоев, Цырен-Дулма Дондокова, Георгий Лосев. Здесь у Эрдэма Дагбаева проявился интерес к гуманитарным дисциплинам, особенно к литературе, истории, географии. Будучи учеником 7 класса, он стал обладателем двух дипломов Всероссийских Лермонтовских чтений, проходивших в с. Тарханы Пензенской области. В 10 классе он как победитель Всесоюзного соревнования школьников, посвященного 60-летию Октябрьской революции, был удостоен права фотографироваться на крейсере «Аврора».

Любовь к русскому языку и литературе ему привила учительница Евгения Илларионовна Красноруцкая. Она заставляла учеников думать, творчески подходить к изучению литературных текстов. Десятки его учеников пронесли любовь к русской литературе и русскому языку в течение всей своей жизни. Поэтому вполне естественным было поступление Эрдэма Дагбаева после окончания школы в Бурятский пединститут по специальности «русский язык и литература».

Поворот судьбы. После окончания пединститута в 1982 г. была работа преподавателем русского языка, литературы и истории в Тэгдинской средней школе, затем заместителем редактора районной газеты «Удинская новь», служба в армии, учеба в ВКШ при ЦК ВЛКСМ, далее он работал старшим корреспондентом и заместителем главного редактора «Правда Бурятии». Но его очень манила наука, стремление понять и найти истоки общественных настроений и устремлений.

С 1990 по 1993 г. Э. Д. Дагбаев обучается в аспирантуре Академии общественных наук, преобразованной в Российскую академию управления. Здесь он под руководством профессора В. М. Горохова работает над темой диссертации «Функции прессы в национально-политическом процессе региона», которую успешно защищает и получает ученую степень кандидата политических наук.

После возвращения в республику Э. Д. Дагбаев непродолжительное время трудится в правительстве Бурятии — сначала заведующим отделом по связям с общественностью, позже — руководителем Комитета по работе с территориями и национальной политике. В 1994 г. Указом Президента Республики Бурятия и Постановлением Народного хурала он назначается главным редактором республиканской газеты «Бурятия». Это были очень непростые времена для всех нас. В обществе не было стабильности, стали частыми забастовки,

митинги, шло формирование новых республиканских органов власти, закрывались многие предприятия, участились невыплаты зарплаты, в том числе работникам газеты. Несмотря на трудности, коллектив редакции справлялся со своими задачами, старался стабилизировать в республике обстановку.

И все же Эрдэма Данзановича снова все больше занимает мысль об исследовательской работе. Хотелось заняться наукой, преподаванием, созданием в республике политической науки. Потребность в дипломированных специалистах в вузах ощущалась достаточно остро. Их, по существу, не было в республике.

В 1997 г. он был приглашен на должность заведующего кафедрой политологии и социологии Бурятского государственного университета. На кафедре работает и в настоящее время. Но в мае 2011 г. снова произошел поворот в судьбе, как в вечном круге, он назначен Генеральным директором ГУП «Издательский дом «Буряад унэн» — главным редактором.

В 2002 г. Э. Д. Дагбаев завершил свое исследование по теме «Трансформация российских средств массовой информации в политической коммуникации» и успешно защитил его в диссертационном совете Санкт-Петербургского государственного университета на соискание ученой степени доктора социологических наук. В 2007 г. ему присвоено ученое звание профессора. С 1998 г. — он член-корреспондент Международной академии информатизации.

По трудам и награда… Сегодня Э. Д. Дагбаев является автором 185 научных работ, в том числе 10 монографий, в их числе монографии «Буряты. Главные вопросы бытия» (Улан-Удэ, 2016. 124 с.); «Общественное сознание современной монгольской молодежи» (ответ. редактор и автор Э. Д. Дагбаев. Улан-Удэ, 2017. 160 с.). Является руководителем 2-х исследовательских проектов. Возглавляет научную школу. Кроме того, им издано восемь учебных и учебно-методических пособий. Его труды получили широкое признание научной общественности. В них раскрываются проблемы в области истории и теории политической науки, политической коммуникативистики и регионалистики, этнологии, социологии буддизма.

Особый интерес представляет собой вышедшая недавно (2016) книга Э. Д. Дагбаева «Бцряты. Главные вопросы бытия». В книге представлены основные проблемы жизнедеятельности бурятского этноса, вызывающие острые дискуссии, неоднозначные оценки среди интеллигенции. Среди них принципиальные вопросы, связанные с национальной идентичностью, историческим выбором, поиском своих духовных корней, отношением к ликвидации бурятских автономных округов, своим национальным лидерам. Автором раскрывается

суть этих дисскуссий. Выражается своя точка зрения, которая опирается на соответствующую аргументацию. Представляется, что концепция Э. Д. Дагбаева в своей основе достаточно убедительна, о чем нами было показано с развернутой рецензии на данную работу (Байкал. 2017. № 1).

Он является участником семи всероссийских конгрессов политологов, гражданского форума «Гражданское общество в России как демократический проект», многих международных, всероссийских и региональных конференций.

Как заведующий кафедрой профессор Э. Д. Дагбаев проявил себя как незаурядный организатор учебной, научной, методической работы. За 17 лет его руководства были подготовлены 17 кандидатов наук, в том числе 12 человек им лично. В настоящее время на кафедре трудится 11 преподавателей, из них 2 доктора, профессора, 9 кандидатов наук, доцентов. Это относительно молодой высокопрофессиональный, творчески работающий коллектив, выпустивший более 220 специалистов-политологов. Им ведется подготовка бакалавров и магистрантов. Кроме того, членами кафедры читаются политологические и социологические учебные курсы во всех институтах и на факультетах университета. Он принимает деятельное участие в научно-экспертной работе: является членом диссертационного совета по присуждению ученой степени доктора наук.

Профессор Э. Д. Дагбаев известен в республике своей активной общественной деятельностью. Он является первым вице-президентом бурятской ассоциации развития культуры, председателем Бурятского отделения Российской ассоциации политической науки.

За трудовые успехи Э. Д. Дагбаеву присвоены звания: «Почетный работник высшего профессионального образования России», «Заслуженный деятель науки Республики Бурятия». Он награжден Почетной грамотой Народного Хурала Республики Бурятия и Почетной грамотой Республики Бурятия, медалями «К 350-летию добровольного вхождения Бурятии в состав России»; «90 лет Республики Бурятия», «За заслуги перед Республикой Бурятия», медалью ВАРК «За заслуги перед бурятским народом», медалью Российского общества социологов», а также рядом знаков, дипломов и грамот общественных объединений.

Нельзя не сказать о его человеческих качествах. Он — современный интеллигент в подлинном смысле слова: доброжелательный, отзывчивый, готов всегда прийти на помощь другому. Ему присущи глубокая порядочность, скромность, умение слушать собеседника. Он одинаков в общении как с большим начальником, так и с техническим работником или

студентом. Эрдэм Данзанович любит свой университет, атомсферу творчества, поиска, постоянного общения с молодежью, атомосферу неумолкающих дискуссий, споров. Это его стихия.

Эрдэм Данзанович — прекрасный семьянин, любящий и любимый муж Нины Жамсуевны. Познакомились они в Москве во время учебы в аспирантуре, хотя оба родились на заиграевской земле. Нина Жамсуевна — доктор педагогических наук, профессор, директор педагогического института БГУ. По итогам общеуниверситетского конкурса на звание «Лучший профессор БГУ» это звание в 2009 г. завоевал Эрдэм Данзанович, а в 2010 г. — Нина Жамсуевна. У них есть сын Дандар, студент III курса БГУ.

Когда 50 лет назад у Данзана Дагбаевича и Октябрины Ринчиновны родился сын, они долго думали, какое дать ему имя, ведь имя, по преданию, таит в себе кармическую основу будущего человека. И нарекли его Эрдэмом, что означает «наука, образование». Судьба, к счастью, оказалась благосклонной к выбору родителей.

Статья опубликована в газете «Правда Бурятии» 17 ноября 2011 г. (с дополнением).

ИХ ОЧАРОВАЛА ФИЛОСОФИЯ

О КАФЕДРЕ ФИЛОСОФИИ

Женщины в философии? Листая «Философский энциклопедический словарь», изданный в 1983 г., я непроизвольно обратил внимание на то, что в нем одни мужские фамилии. Стал перебирать в памяти имена известных в истории науки философов. К сожалению, не приходило на ум ни одно женское имя. Решил просмотреть все 840 страниц упомянутого словаря. В нем, начиная с древнейших времен, значится 660 имен философов, среди которых только 2 женских: Любовь Исаевна Аксельрод и Роза Люксембург. Но если Л. И. Аксельрод — действительно философ (она в 1900 г. окончила философский факультет Бернского университета, защитила докторскую диссертацию о развитии мировоззрения Л. Н. Толстого, написала ряд философских статей), то Р. Люксембург, строго говоря, вряд ли может быть отнесена к философской братии. Она в 1897 г. окончила университет в Цюрихе, получила степень доктора государственных наук, но философских работ не писала, а издавала исторические, экономические труды. Следовательно, можно назвать философом только одну женщину.

Возникает вопрос: почему так мало женщин в этой сфере, может быть, философия, как специфическая отрасль знания, не под силу женщинам?

Может быть философ — это сугубо мужская профессия?

Женщины в науке? А как женщины представлены в науке вообще? Открыл книгу Д. К. Самина «100 великих ученых», изданную в 2000 г. И в этой книге в числе сотни фамилий мировых светил за всю историю человечества нахожу тоже только две женские фамилии: Марию Кюри-Склодовскую (1867–1934) и Софью Васильевну Ковалевскую (1850–1891). Прямо скажем, небогата история науки женскими именами. Но как говорят: мал золотник да дорог. Эти имена на слуху всего человечества. Обе польки. Мария Кюри — первая в науке дважды лауреат Нобелевской премии (первую получила за открытия в физике, вторую — за открытия в химии). Софья Ковалевская за открытия в областях математики, механики и астрономии была удостоена премии Бордена Парижской академии наук и премии короля Оскара II Шведской академии наук. Она была первой женщиной, ставшей членом-корреспондентом Петербургской академии наук (1889). Но какие усилия этим женщинам приходилось прила-

гать, чтобы добиться признания в мужском научном сообществе.

Когда Софья Ковалевская как член-корреспондент пожелала присутствовать на заседании Академии, ей ответили, что пребывание женщин на таких заседаниях «не в обычаях Академии». Со схожей ситуацией встретилась и Мария Кюри. Когда по настоянию многих ученых кандидатура Марии Кюри была выдвинута на выборах в одно из наиболее престижных научных обществ — Французскую академию наук (кстати, за всю историю этой академии ни одна женщина не была ее членом), то это привело к жестокой схватке между сторонниками и противниками этого шага. После нескольких месяцев оскорбительной полемики в 1911 г. кандидатура Марии Кюри была отвергнута на выборах большинством в один голос.

С тех пор прошло сто лет. Мир кардинально изменился. Изменилась и гендерная структура научной и философской деятельности. Тем не менее было бы ошибочным утверждение, что женщины уже завоевали названные сферы деятельности.

Так, в странах Европейского Союза (ЕС) количество женщин, имеющих профессорский статус, не превышает 7% в общей совокупности профессоров. В России этот показатель составляет около 20%. Это значит, что в нашей стране женщины в большей мере, чем в европейских странах, представлены в различных отраслях науки, что, с одной стороны, обусловлено эгалитарной политикой в области образования советского периода, и, с другой стороны тем, что в настоящее время наука не является столь престижной, как прежде, сферой. А как известно, представительство женщин традиционно выше в низкооплачиваемых сферах деятельности.

Что же касается философии, то, несмотря на попытки всякого рода технократов оттеснить ее на обочину социальной практики, ее роль в жизни человечества по-прежнему велика. В условиях, когда на наших глазах развертывается информационная виртуально-коммуникационная революция, когда человек утрачивает статус особости, становится рядовым функционером техноса, его «человеческим фактором», гуманитарные науки, прежде всего философия, обладая неисчерпаемым духовным потенциалом, способны стать преградой на этом пути, оказать существенное влияние на формирование у людей гуманистических культурно-нравственных ценностей. Ведь само назначение философии — это постижение мира и человека, выяснение его места в этом мире, поиск смысла жизни, возвышение человека. Один из образованнейших людей России XIV–XV вв. Максим Грек писал, что «философия без умаления есть вещь весьма почитаемая и поистине божественная».

Неслучайно эта «божественная вещь» является неотъемлемой частью образовательной системы всех стран мира. Она изучается и во всех вузах России, а ее проблемы исследуются значительным по численности отрядом профессиональных философов. Отрадно то, что в этом отряде все большее место занимают женщины. Это не только показатель тенденции к равенству женщин с мужчинами, но и роста интеллектуального потенциала общества. Включение женщин в различные сферы философского знания выступает важным фактором усиления ее этико-нравственной составляющей, воспитательных возможностей, очеловечивания мира в целом.

Женщины в философии Бурятии. Наглядным примером роста числа женщин-философов и повышения их роли в жизни социума может служить Бурятский государственный университет. Как говорится, в капле отражается океан.

Предварительно отмечу, что в Бурятии в настоящее время насчитывается более 100 кандидатов и 26 докторов философских наук, из них примерно 2/3 составляют женщины. Из общего количества философов высшей научной квалификации (доктора наук, профессора) 9 человек — женщины.

Наибольшее количество философов насчитывает БГУ — 36 человек (включая штатных совместителей), из них 16 человек трудится на кафедре философии, в том числе 12 докторов наук, профессоров, среди них 5 женщин.

Высшей научной квалификации в области философии добились Ю. А. Серебрякова (ВСГАКИ), И. С. Урбанаева (ИМБИТ БФ СО РАН), Л. В. Мантатова, И. С. Тыхеева (ВСГТУ), В. А. Барьядаева, Д. Ш. Цырендоржиева, Л. Г. Сандакова, А. М. Кузнецова, М. В. Бадмаева (БГУ). В коллективе кафедры философии БГУ, кроме пяти названных докторов философских наук, профессоров, трудятся кандидаты философских наук, доценты В. Д. Дамбаева и Е. Б. Баторова, которые по своей квалификации, опыту вполне могли бы носить профессорский колпак. Путь в философию у каждой из них складывался по-своему. Но он был не прост и не короток.

В. А. Барьядаева

Вера Антоновна Барьядаева, первая женщина-профессор на кафедре,

шла к нему более 30 лет. В прошлом слесарь депо, студентка Иркутского университета, в 1971 г. окончила аспирантуру по философии Ленинградского университета с последующей защитой кандидатской диссертации и с тех пор трудится в вузе. Прекрасный организатор, в течение многих лет являлась деканом факультета начальных классов, филологического факультета, директором центра довузовской подготовки Бурятского университета, более 5 лет преподавала в одной из африканских стран (Мозамбик). За свои 13 лет работа в качестве заведующего кафедрой я не помню случая, чтобы Вера Антоновна что-то не сделала в срок, опоздала на занятие, заседание кафедры или на какое-либо другое мероприятие, проводимое кафедрой. Она являет собой пример четкости, организованности, дисциплины. Ее лекции всегда вызывают интерес у студентов: они не только содержательные, но и читаются с подъемом, эмоционально. Особенно она любит читать свой курс по философии культуры. Это ее стихия, так как она в течение продолжительного времени исследует данную тему, написала ряд интересных научных работ, учебных пособий. В 2001 г. Вере Антоновне было присвоено ученое звание профессора. Она кавалер ордена «Знак Почета», Почетный работник высшего профессионального образования РФ.

Д. Ш. Цырендоржиева. Первым же доктором философских наук среди женщин кафедры стала Дари Шойбоновна Цырендоржиева. Ее путь в философию лежал через математику. Математика была ее любимым предметом в Хоринской и Улан-Удэнской школе № 3. Среднюю школу она закончила в 1966 г. с серебряной медалью. Затем был физико-математический факультет Бурятского пединститута — с красным дипломом. Хорошее знание математических дисциплин, которые по своему содержанию близки к философии, предопределили выбор молодого специалиста. Она поступила в аспирантуру Института философии АН СССР. Там по рекомендации своего научного руководителя профессора Г. И. Рузавина занялась исследованием категории количества и абстрактных математических структур.

Результатом научного поиска стала диссертация, защищенная в 1979 г.

С тех пор Дари Шойбоновна трудится на кафедре философии родного вуза. В 2005 г. ей присвоено ученое звание профессора. С открытием докторантуры по социальной философии при кафедре философии БГУ доценту Д. Ш. Цырендоржиевой было предложено поступить в докторантуру. Благодаря природным способностям, трудолюбию, хорошей теоретической подготовке она в течение 3-х лет написала и успешно защитила докторскую диссертацию. Является автором 75 научных и учебных работ, в том числе трех монографий. Под ее руководством четыре аспиранта стали кандидатами философских наук. Д. Ш. Цырендоржиева выделяется на кафедре своим спокойным характером, толерантностью, способностями к разумным компромиссам. В течение трех лет она является заместителем заведующего кафедрой философии. Член докторского диссертационного совета. Почетный работник высшего профессионального образования РФ. В эти дни Дари Шойбоновна отмечает свой юбилейный день рождения. Коллектив родной кафедры поздравляет свою коллегу, ее близких с этой знаменательной датой, желает счастья, здоровья, успехов, семейного благополучия.

Л. Г. Сандакова. Математика «привела» в философию и Людмилу Гармаевну Сандакову. Она тоже выпускница физико-математического факультета Бурятского пединститута. Правда, ее путь к «любомудрию» был более извилистым. Она работала и школьным учителем и инженером-программистом, и ассистентом кафедры педагогики. Прошла аспирантскую подготовку в Институте общего и среднего образования РАО. Там же в 1991 г. защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. После этого была назначена заведующей кафедрой дошкольного и начального образования БИПКРО, трудилась доцентом кафедры высшей математики.

Но желание стать философом высшей научной квалификации привело ее в докторантуру при кафедре философии БГУ, где в течение трех лет она выполнила и в 2003 г. успешно защитила докторскую диссертацию на тему: «Информационно-технологическая парадигма образования: гуманистическая сущность и концептуальные основы». С 2003 г. — профессор. Автор более 60 научных и учебных работ. Трудно назвать преподавателя университета, который бы обладал столь неуемной энергией, как Людмила Гармаевна. Нет, наверное, такого вида деятельности в сфере образования, в которой бы она не принимала участие. Под ее патронажем разработано свыше 40 проектов общего среднего и профессионального образования, получивших одобрение и финансовую поддержку. Член докторского диссертационного совета, помощник депутата Народного Хурала Республики Бурятия и т.д. Ей присвоено звание Почетного работника высшего профессионального образования РФ.

М. В. Бадмаева

А. М. Кузнецова

М. В. Бадмаева. Научные судьбы докторов философских наук Аюны Мэлсовны Кузнецовой и Марии Валентиновны Бадмаевной схожи как две капли воды. Они одногодки, родились в 1970 г., с разницей в месяц. Обе выбрали профессию философа еще в школе.

А. М. Кузнецова поступила на философский факультет Уральского университета, а М. В. Бадмаева — на философский факультет МГУ им. М. В. Ломоносова. Обе прошли аспирантскую подготовку на кафедре философии БГУ. Здесь защитили кандидатские диссертации. Работали преподавателями, заместителями деканов — одна на восточном, другая — на факультете экономики и управле-

ния. Как перспективные исследователи, имеющие хорошую теоретическую подготовку, М. В. Бадмаева и А. М. Кузнецова были приняты в докторантуру кафедры философии, после окончания которой Мария Валентиновна в течение нескольких лет возглавляла управление по работе со студентами университета. Обе защитили свои докторские диссертации в 2006 г. М. В. Бадмаева исследовала проблемы социальной философии выдающегося российско-американского ученого и мыслителя Питирима Сорокина. Кроме диссертации она выпустила 2 книги и около 30 статей, посвященных творчеству П. Сорокина. А. М. Кузнецова разрабатывала вопросы оснований социального генезиса, в частности, варианты репрезентаций. Одни названия глав («Методологические аспекты исследования: философско-культурологические интерпретации социального генезиса»; «Варианты репрезентаций русского пути»; «Элевационные модели социальной динамики») свидетельствуют о сложном и новаторском исследовании, с которым, к чести его автора, он успешно справился. Она также написала и издала 2 книги и более 30 научных статей.

А. М. Кузнецова и М. В. Бадмаева, несмотря на свой высокий научный статус, не похожи на философов, портреты которых студенты видят в своих учебниках. Они молодые, привлекательные, не лишенные чувства юмора, любят модные танцы, увлекаются спортом. Не случайно им иногда приходится доказывать, что они уже вышли из студенческого возраста.

Прихожу я года два назад на первую пару, — говорит недавно Мария Валентиновна, — прошу на вахте ключ от кафедры.

В ответ слышу:

– А мы студентам ключей от кафедр не даем. Еще раз повторила просьбу — услышала то же самое. Пришлось звать свидетелей.

Уже третий год Аюна Мэлсовна и второй — Мария Валентиновна — заместители заведующего кафедрой философии — одна по философскому отделению восточного факультета, другая — по философскому отделению исторического факультета.

В. Д. Дамбаева. Глубокое знание философии и владение технологией ее преподавания — характерная черта стиля работы доцентов Веры Дашиевны Дамбаевой и Елены Бадмаевны

Баторовой. Обе в свое время получили хорошее философское образование. В. Д. Дамбаева закончила философско-экономический факультет Казахского университета. В Казахстане после прохождения аспирантуры защитила кандидатскую диссертацию. Е. Б. Баторова училась на философском факультете МГУ, там же стала и кандидатом философских наук. В течение 16 лет трудится в БГУ. Преподавателю присущ высокий профессионализм, требовательность к студентам. Два года назад доцент Елена Бадмаевна избрана заведующей кафедрой философии БГСХА. Одновременно читает курсы лекций по философии и логике в БГУ, за что мы ей признательны. Она удостоена звания «Почетный работник высшего профессионального образования РФ».

В. Д. Дамбаева ряд лет заведовала кафедрой философии в вузах Казахстана, с 1990 г. — доцент кафедры философии БГУ. Многие года она читала курс лекций на факультете иностранных языков.

Бывший студент этого факультета, ныне кандидат философских наук, М. А. Федоров недавно в беседе со мной сказал: «Я рад, что нам читала лекции Вера Дашиевна. Она была влюблена в философию. И всем нам, студентам, прививала эту любовь. Не случайно я стал философом». Сейчас она преподает основные философские дисциплины на восточном факультете. Вера Дашиевна не просто читает лекцию, а переживает ее, волнуется, заставляет думать студентов, искать вместе ответ на рассматриваемые проблемы. Будучи неравнодушной, а иногда даже резкой, она своими лекциями, отношением к жизни, формирует у студентов неравнодушие, честность, порядочность, глубокую веру в справедливость, прививает высокие духовно-нравственные качества, которые выработала мировая и отечественная философская культура. Многие годы Вера Дашиевна была организатором философских олимпиад в университете, научных конференций на восточном факультете, посвященных философскому наследию крупных мыслителей прошлого. Она удостоена нагрудного знака «За развитие научно-исследовательской работы студентов».

Мы надеемся, что в текущем году кафедра пополнится еще одним доктором философских наук А. Ю. Рандаловой. Она в 1987 г. окончила философский факультет Уральского университета, аспирантуру. Успешно защитила кандидатскую диссертацию. В конце 2008 г. завершается ее пребывание в докторантуре при кафедре философии БГУ.

Заканчивает кандидатскую диссертацию по философии и молодой преподаватель кафедры Т. Л. Трифонова, выпускница исторического факультета БГУ. Все ее любовно назы-

вают нашей Таней. Думаем, что в скором времени Таня тоже вольется в коллектив кафедры.

Приведенные нами имена — свидетельство растущей феминизации философии.

Ряды философов пополняют талантливые, творчески мыслящие представители женской части социума. Широкая образованность, аналитический ум, проницательная любознательность и неиссякаемое трудолюбие — вот ключ к познанию философских, как впрочем любых других тайн бытия.

Великий мыслитель Карл Маркс писал: «В науке нет широкой столбовой дороги, и только тот может достигнуть ее сияющих вершин, кто не страшаясь усталости, карабкается по ее каменистым тропам». «Карабкаясь» по ступенькам науки, женщины всегда имеют возможность опереться на крепкое плечо тех, кто прошел этот путь, кто получил признание широкой философской общественности. В их числе доктора философских наук, профессора В. И. Антонов, В. А. Балханов, Г. И. Балханов, А. А. Базаров, В. И. Затеев, С. Ю. Лепехов, В. В. Мантатов, Д.-Д. Э. Очиров, А. Н. Постников, Ю. Б. Рандалов, С. Ш. Ускеев, В. Б. Цыбикжапов, Л. Е. Янгутов. Они читают лекции в студенческой аудитории будущим философам, выступают руководителями аспирантов, консультантами докторантов, рецензентами и оппонентами при защите диссертаций. Многие из них являются членами диссертационного совета по защите докторских и кандидатских диссертаций по философии. Они вместе со всеми коллегами, философами-женщинами, заботятся о высоком качестве научных работ и, скажем прямо, это им удается. Из 214 защищенных в диссертационном совете при БГУ по философии, социологии и политологии не было ни одной, не одобренной Высшей Аттестационной Комиссией (ВАК) РФ. Все защитившиеся в диссовете при БГУ получили ваковские дипломы кандидата или доктора наук.

Известный французский писатель Жан де Лабрюйер как-то поведал: «Я знавал женщину, которая мечтала сперва стать девушкой в возрасте от тринадцати до двадцати двух лет, — само собой разумеется, красивой, — а потом превратиться в мужчину». Женщины, о которых повествуется в этой статье, мечтали быть не только красивыми, но и философами, и их мечты сбылись. Сбылись благодаря их таланту и трудолюбию. «Философия — говорил мудрый грек Платон, — это постоянная жажда знания бытия».

Статья под названием «Их очаровала философия» была опубликована в газете «Бурятия» 16 мая 2006 г.

Десять лет спустя. Перемены. За прошедшие десять лет на кафедре философии произошли заметные изменения. Сменилось руководство ка-

федры. С 2008 по 2013 г. заведовала кафедрой профессора Д. Ш. Цырендоржиева. В 2013 г. была назначена на эту должность доктор философских наук М. В. Бадмаева.

Доктор философских наук А. М. Кузнецова возглавила кафедру политологии, философии и истории Бурятского института инфокоммуникаций Сибирского госуниверситета телекоммуникаций и информатики. В мае 2018 г. она по собственному желанию была освобождена от работы в связи с выездом на постоянное место жительства семьи в Израиль. Доцент Е. Б. Баторова ряд лет трудится заведующий кафедрой в Бурятской сельхозакадемии. Доценты А. Ю. Рандалова и Э. Д. Чагдурова по-прежнему успешно продолжают свою трудовую деятельность на кафедре философии.

А. Ю. Рандалова

Э. Д. Чагдурова

Наука и подготовка кадров.

За эти годы написали и защитили: докторскую диссертацию доцент О. Б. Бальчиндоржиева, кандидатские — М. Б. Жамсуев, Т. Л. Трифонова и А. Ц. Батуева.

Оюна Баировна Бальчиндоржиева, выпускница восточного факультета Бурятского государственного университета после прохождения аспирантуры на кафедре философии БГУ под руководством профессора Д. Ш. Цырендоржиевой в 2007 г. успешно защитила кандидатскую диссертацию «Особенности модернизации политической системы Китайской Народной Республики». В 2011 г. поступила в докторантуру при кафедре философии. В 2017 г. стала доктором философских наук. Ее научные интересы связаны с проблемами перспектив развития КНР.

Кафедра сделала новый шаг в научно-исследовательской работе.

Был издан ряд монографий, научных статей.

Сегодня М. В. Бадмаева является автором 69 научных работ, из них 2 монографий, К. А. Багаева — соответственно 51 и 2, О. Б. Бальчиндоржиева — 67 и 3, И. И. Осинский — около 600 и 38, Л. Г. Сандакова — 211 и 7, Д. Ш. Цырендоржиева — 252 и 14 и т. д.

О. Б. Бальчиндоржиева

Члены кафедры принимали активное участие в подготовке кандидатов и докторов наук. К настоящему времени подготовлено М. В. Бадмаевой 1 доктор и 1 кандидат наук, И. И. Осинским соответственно 15 докторов и 70 кандидата, Л. Г. Сандаковой — 2 и 5, Д. Ш. Цырендоржиевой — 1 и 11. В настоящее время на кафедре насчитывается 16 аспирантов, докторантов и соискателей. При кафедре открыта магистратура по философии.

К сожалению, коллектив кафедры за истекшее десятилетие понес серьезную утрату. В 2016 г. после тяжелой продолжительной болезни умерла доцент В. Д. Дамбаева, один из наиболее активных членов кафедры. Ушли на заслуженный отдых уважаемые профессора А. Н. Постников и В. А. Барьядаева, многие годы трудившиеся на кафедре философии.

Кафедра сегодня. Традиции и новации. Сегодня на кафедре трудится 9 штатных преподавателей, из них 5 докторов наук, профессоров и 4 кандидатов, доцентов.

По-прежнему на базе кафедры издается два научных журнала «Вестник Бурятского госуниверситета. Серия Философия» (в списке ВАК) и журнал «Евразийство и мир» (с международным редакционным советом).

В университете успешно функционирует с 1991 г. диссертационный совет по защите докторских диссертаций по социальной философии и социологии («социальная структура, социальные институты и процессы»).

Кафедра по-прежнему выступает организатором проведения международных научных конференций, посвященных проблемам интеллигенции («Байкальские встречи»). В 2013 г. будет проведена XIII «Байкальская встреча» — «Интеллигенция и проблемы социокультурной модернизации общества» (руководитель профессор И. И. Осинский). Несколько международных и всероссийских конференций проведено под руководством профессора Д. Ш. Цырендор-

живевой («Межнациональные и межконфессиональные отношения в условиях глобализации», 2012; «Региональная культурная политика: новые парадигмы, 2014, и др.)

Коллектив кафедры за истекшее десятилетие успешно прошел две госаккредитации (2011 и 2017), а также общественную аккредитацию (2014). Образовательная программа, разработанная на кафедре под руководством М. В. Бадмаевой) вошло в десятку лучших в Бурятии и была включена в перечень лучших образовательных программа России.

Важным новшеством в деятельности кафедры является создание центра молодежного инновационного творчества под руководством Л. Г. Сандаковой, сотрудники которого активно участвуют, в том числе организаторами наиболее востребованных в Бурятиистартапах и технофестивалях.

М. Б. Жамсаев

На кафедре стали традиционными ежегодные Летние школы для студентов и аспирантов, в которых участвует 20–30 человек, а также научно-исследовательские мероприятия, посвященные Дню философии и др. Прошедшие годы подтвердили, что кафедра философии, состоящая в большинстве своем из женщин, ус-

С. С. Соколова

пешно, осуществляет задачи по дальнейшему развитию философского знания, подготовке квалифицированных философских кадров, вооружению будущих специалистов других отраслей знания современными гуманистическими мировоззренческими ориентациями.

ОБ АВТОРЕ

К 85-летию профессора И. И. Осинского

Профессор кафедры философии, доктор философских наук И. И. Осинский родился 10 августа 1933 г. в с. Болярка Емильчинского района Житомирской области (Украина) в семье крестьян Иосифа Павловича и Елены Андреевны.

После окончания школы и педагогического училища работал воспитателем в детском доме, в 1955 г. был призван на военную службу, которую проходил в Читинской области. В 1957 г. И. И. Осинский стал студентом историко-филологического факультета Бурятского государственного педагогического института им. Д. Банзарова, по окончании которого некоторое время работал директором 47 школы г. Улан-Удэ, заведующим идеологическим отделом Советского райкома КПСС, а в 1964 г. вернулся в alma mater, где его, старшего преподавателя кафедры философии, избрали секретарем парткома ведущего в республике вуза. Затем была аспирантура и блестящая защита кандидатской диссертации «Изменение социально-классовой структуры ранее отсталых народов в процессе перехода к социализму, минуя капитализм (на материалах народов Сибири)» в диссовете МГУ им. М. В. Ломоносова. Это сегодня исследование социальной структуры зачастую становится темой научных изысканий аспирантов, а в то время диссертация И. И. Осинского была поистине но-

ваторской, формирующей теоретико-методологические основы изучения строения социума в отечественном обществознании.

1978 год — год избрания И. И. Осинского на должность заведующего кафедрой философии и научного коммунизма БГПИ, а следующий, 1979 г. — начало 15-летнего периода интенсивной, кропотливой, масштабной работы в должности проректора по научной работе. Значительное количество кандидатов и докторов наук, работающих сегодня в университете, в соседних с Бурятией регионах и далеко за ее пределами — это результат той сложной, но чрезвычайно необходимой работы по подготовке высококвалифицированных научно-педагогических кадров, которая осуществлялась под руководством и при непосредственном участии Ивана Иосифовича.

Изменения, произошедшие в стране в 1990-х гг., послужили дополнительным стимулом для совершенствования талантливого ученого и организатора. В 1990 г. в Москве была защищена докторская диссертация, обобщившая многолетний труд И. И. Осинского по исследованию процесса формирования и развития интеллигенции. В том же году Иван Иосифович стал профессором, а в 1991 г. — председателем первого диссертационного совета по защите кандидатских диссертаций на базе Бурятского пединститута. Он и сегодня, уже в качестве руководителя одной из наиболее известных научных школ в России, вместе со своими учениками продолжает научный поиск в рамках когда-то избранного направления. Не удивительно, что благодаря усилиям И. И. Осинского и его коллег БГУ стал крупным российским центром по исследованию интеллигенции. В 2018 г. проходит уже 12 международная научная конференция («Байкальская встреча»), посвященная проблемам интеллигенции в условиях социокультурной модернизации общества.

Исследования И. И. Осинского и его учеников послужили основой формирования одной из авторитетнейших научных школ, которая в 2003 г. стала победителем всероссийского конкурса ведущих научных школ России и была удостоена государственной финансовой поддержки Президента Российской Федерации.

Под научным руководством И. И. Осинского выполнено и успешно защищено 85 диссертаций, в том числе 15 докторских. И. И. Осинский — автор 624 научных и учебных работ, в том числе 38 индивидуальных и коллективных монографий. Многие из них изданы в центральных издательствах и за рубежом, неизменно вызывают интерес и заслужили высокую оценку специалистов.

И. И. Осинский — автор и исполнитель масштабных научных проектов, активно участвует в работе международных конгрессов, конференций: в Москве, Новосибирске, Екатеринбурге, Уфе, Санкт-Петербурге (Россия), Киеве, Житомире, Харькове (Украина), Минске, Гродно (Белоруссия), Бишкеке (Киргизия), Ташкенте (Узбекистан), Кишиневе (Молдавия), Пекине, Харбине (Китай), Улан-Баторе (Монголия), Мадриде (Испания), Сан-Франциско (США), Торуни, Варшаве, Щецине (Польша), Глазго (Великобритания), Турине (Италия), Дурбане (ЮАР), Афинах (Греция) и др.

И. И. Осинский успешно работает в научных, педагогических и профессиональных обществах и ассоциациях. Он — член проблемного совета РФ «Интеллигенция. Культура. Власть», бессменный главный редактор журнала «Вестник БГУ. Философия», создатель и главный редактор международного журнала «Евразийство и мир», член редакционных советов журнала «Социологические исследования» (издание РАН), всероссийского журнала «Интеллигенция и мир» (рецензируемое издание), зарубежных изданий: «Вестник Житомирского государственного университета», «Diaspora» (Польша), эксперт изданий Всероссийского фонда РФФИ, член редакционно-издательского совета БГУ, научный редактор периодического издания «Поляки в Бурятии» (Польская культурная автономия в Бурятии «Наджея»), заведующий научной лабораторией социальной стратификации при БГУ. Более 10 лет являлся заместителем председателя президиума Бурятской республиканской организации общества «Знание». Многие годы был членом Учебно-методического совета при МГУ им. М. В. Ломоносова, докторских диссертационных советов при Иркутском и Читинском госуниверситетах, председатель докторского диссовета по философии и социологии при БГУ.

У Ивана Иосифовича и Валентины Филипповны двое детей и двое внуков. Сын Павел Иванович — профессор Аппалачского университета (Северная Каролина, США). Дочь Марина Ивановна — профессор кафедры политологии и социологии Бурятского госуниверситета. Внуки Иван и Евгений после успешного получения университетских дипломов штурмуют вершины профессиональной карьеры.

За вклад в развитие науки и подготовку кадров И. И. Осинский удостоен почетных званий: «Заслуженный деятель науки Российской Федерации», «Заслуженный деятель науки Республики Бурятия», «Заслуженный профессор БГУ», «Академик Международной академии наук высшей школы». Избран почетным членом Исследовательского

комитета советников Американского биографического института, награжден дипломом и нагрудным знаком «Почетный доктор Житомирского государственного университета им. И. Франко», Почетным знаком «Отличник народного образования Монголии», является почетным профессором Читинского государственного университета, Восточно-Сибирского института МВД России. Отличник народного просвещения РСФСР.

В 2007 г. по представлению президиума Международной академии наук высшей школы его имя занесено в Российскую энциклопедию «Лучшие люди России».

Награжден орденом Почета, золотым почетным нагрудным знаком Республики Бурятия, почетным знаком г. Улан-Удэ «За заслуги перед городом», имеет медали государственных и общественных организаций, в том числе Золотую медаль Российского общества социологов, почетное звание «Почетный профессор БГУ», юбилейные медали «79 лет победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «90 лет Республике Бурятия».

Имя И. И. Осинского включено в энциклопедию П. В. Алексеева «Философы России XIX–XX столетий: биографии, идеи, труды» (М., 1999, 2002, 2009); библиографический справочник «Социологи России и СНГ XIX–XX вв.» (М., 1999); энциклопедический справочник «История интеллигенции России в биографиях ее исследователей» (Екатеринбург, 2002); юбилейное справочное издание «Ученые Международной академии наук высшей школы» (М., 2003); библиографический справочник «Профессора Читинского государственного технического университета (Чита, 2003); справочное библиографическое издание «Доктора наук и профессора БГПИ-БГУ (1932–2012)» (Улан-Удэ, 2012).

Иван Иосифович — известный в мире специалист в области социальной философии и социологии. Но многие знают его и как летописца Бурятского государственного университета, историка, внесшего значительный вклад в изучение отечественной высшей школы. Здесь мы, преподаватели БГУ, в первую очередь, вспоминаем знаменитую «Alma mater», которая в 2000 г. была признана книгой года Бурятии.

В течение многих лет Иван Иосифович готовил удивительно интересные, содержательные и такие по-настоящему добрые, теплые очерки о многих наших коллегах, внесших лепту в дело становления и развития высшей школы. Теперь у нас и всех тех, кто интересуется историей науки и образования, проблемами развития интеллигенции, появилась замечательная возможность познакомиться с ними благодаря вышедшему в свет изданию…

Знакомство с ним, возможно, даст ответ на давний вопрос: «Кто он, представитель интеллигенции?» Он — труженик, постоянно стремящийся к совершенству в том деле, которое когда-то выбрал. Он — тот, кто имеет мужество сохранять верность и преданность своим идеалам. Он учит, как поступать и жить правильно, но учит собственным примером, каждым днем своей жизни, каждым совершенным поступком и сказанным словом. Он никогда и никого не предает, не осуждает, но всегда готов поддержать и помочь. Он не ждет, когда наступит светлое будущее, и не гадаст, каким оно окажется, он это будущее создает.

Зав. кафедрой философии БГУ
д-р филос. наук, доцент *М. В. Бадмаева*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В завершение этой книги отметим, что ее появление обусловлено ростом интереса к интеллигенции, ее облику, потенциальным возможностям быть духовным лидером народа. Иначе говоря, интерес детерминирован увеличивающейся ролью интеллигенции в жизни общества.

Известно, что люди умственного труда всегда оказывали большое влияние на функционирование социума. Начиная с глубокой древности, мыслители и просто более образованные по тем временам люди объясняли окружающий мир, его происхождение, размышляли о государстве, его законах, о человеке, его месте и роли в обществе, о будущем мир. В последующем, выделившись в особую социальную группу, они заняли в обществе господствующее положение. С превращением людей умственного труда в массовую социальную группу их роль еще больше выросла. Сегодня интеллигенция выступает главным субъектом духовного производства, основной социальной силой, интеллектуально обеспечивающей происходящие в обществе перемены. Ее назначение — своими знаниями, опытом добиваться прогресса в социально-экономическом, политическом и духовном развитии социума.

В советском прошлом интеллигенция рассматривалась как социальная прослойка, находящаяся между классами и обслуживающая их. В 60-е годы в связи с возросшей ее численностью и ролью в обществе она стала определяться как социальный слой. Ныне исследователи трактуют интеллигенцию как социальную группу, что, несомненно, является правомерным, так как по своей численности, положению и роли в обществе она соответствует совокупности признаков, характеризующих социальную группу.

Нами определяется интеллигенция как социальная группа, члены которой функционально заняты сложным умственным трудом и обладают общепризнанным духовно-нравственными качествами. В качестве конституирующих признаков определены функциональная занятость сложным умственным трудом и общепризнанные духовные качества.

Автором подвергнуто критике широко распространенное утверждение об уникальности интеллигенции в России. Это ошибочная точка зрения. Интеллигенция — явление интернациональное. Интеллигенция как отдельная общественная группа, как справедливо пишет П. Н. Милюков, возникла и в других странах, — как только рост культуры или усложнение общественных задач вместе с усовершенствованием государственно-общественного механизма и демократизации управления создавали потребность в специализации и профес-

сиональной группировке интеллигентского труда» (П. Н. Милюков). Ошибочным является и утверждение об авторстве понятия интеллигенции, принадлежащее якобы П. Д. Боборыкину. Это понятие было известно задолго до употребления его П. Д. Боборыкиным.

Ныне российская интеллигенция представляет собой крупную многоотраслевую, социальную группу, оказывающую влияние на все сферы жизни общества. В ее составе функционируют инженерно-техническая, сельскохозяйственная, медицинская, научная, педагогическая, культурно-просветительская, художественная, управленческая, военная и другие группы интеллигенции. Профессиональная структура интеллигенции отражает степень разделения интеллектуального труда, глубину его качественной дифференциации, специфику трудовой деятельности в конкретной сфере. С ростом степени и глубины дифференциации умственной деятельности увеличивается мера воздействия интеллигенции на различные стороны жизнедеятельности социума. В то же время, будучи частью общества, находясь в гуще решаемых социальных проблем, интеллигенция, ее представители оценивают, анализируют, вырабатывают свое отношение к происходящим в обществе процессам. Подобно центральной нервной системе в живом организме, интеллигенция концентрирует в себе социальные функции управления, информации, инновации и генерирования идей, производства культурных ценностей и многое другое.

Основное содержание книги составляют статьи, посвященные характеристике 50 представителей интеллигенции, относящихся к разным периодам, в которых протекала их жизнь и деятельность, начиная с Конфуция (род. в 2551 г. до н. э.) и кончая профессором Э. Д. Дагбаевым (род. в 1961 г.). Почти все они представители гуманитарной интеллигенции (философы, историки, филологи и др.). В их числе основоположники мировых философских, научных учений, направлений — Конфуций, И. Кант, К. Маркс, З. Фрейд и др., выдающийся религиозный деятель римский папа Иоанн Павел II. ¾ состава — доктора наук, профессора. 5 женщин. Из 50 человек 35 нет в живых. Остальные 15 человек — почти все люди пенсионного возраста, из них большинство продолжает трудовую деятельность.

В процессе трудовой деятельности они демонстрировали высокие показатели, трудолюбие, настойчивость. Им присущи завидные личностные, духовно-нравственные качества. Думается, что жизнь и деятельность людей, о которых идет речь в этой книге, может служить ориентиром для нынешних и вступающих в жизнь новых поколений в выборе своей жизненной стратегии.

Научное издание

Иван Иосифович Осинский

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В ЛИЦАХ

Дизайн обложки и обработка фотографий
М. Д. Гармажапова
Компьютерная верстка
Т. А. Олоева

Свидетельство о государственной аккредитации
№ 2670 от 11 августа 2017 г.

Подписано в печать 06.09.18. Формат 70x108 1/16.
Усл. печ. л. 38,5. Уч.-изд. 25,83 л. Тираж 500. Заказ 142.
Цена договорная.

Издательство Бурятского госуниверситета
670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
E-mail: riobsu@gmail.com

Отпечатано в типографии ООО «НоваПринт»
670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 1

500,00

ISBN 978-5-9793-1249-1

9 785979 312491

Улан-Удэ
2018